

Ш. ДЕ-КОСТЭРЪ

ЛЕГЕНДА
ОБЪ УЛЕНСПИ-
ГЕЛЬ И ЛАММЕ
ГООДЗАКЪ

ИЗД. Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ
ПЕТРОГРАДЪ

ШАРЛЬ ДЕ-КОСТЭРЪ

357

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УЛЕНСПИГЕЛЪ
И ЛАММЕ ГООДЗАКЪ

ихъ приключеніяхъ, геройскихъ,
забавныхъ и достославныхъ,
во Фландріи и иныхъ
:::: странахъ ::::

ИЗДАНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложение къ журналу „Нива“ на 1916 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марисъ, Измайл. просп., № 29.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОВЫ *).

Господа художники, государи мои, господа издатели, господиъ поэтъ, я должна сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній касательно вашего перваго изданія. Какъ! Въ этой книжной громадинѣ, въ этомъ слонѣ, коего вы въ количествѣ восемнадцата человѣкъ попытались подвигнуть на путь славы, вы не нашли ни маленькаго-малюсенькаго мѣста для птицы Минервы, мудрой совы, совы благоразумной? Въ Германіи и этой Фландріи, которую вы такъ любите, я путешествую непрестанно на плечѣ Уленспигеля, который такъ прозванъ потому, что имя его обозначаетъ *сова* и *зеркало*, мудрость и комедія, Uyl en Spiegel. Обыватели Дамме, гдѣ онъ, говорятъ, родился, по закону стяженія гласныхъ и по привычкѣ произносить U вмѣсто Uу, произносятъ „Уленспигель“. Это ихъ дѣло.

Вы сочинили другое объясненіе: Ulen вмѣсто Ulieden и Spiegel — ваше зеркало — ваше, господа крестьяне и дворяне, управляемые и управляющіе: зеркало глупостей, нелѣпостей и преступленій цѣлой эпохи. Это было остроумно, но неблагоразумно. Никогда не надо разрывать съ традиціей.

Быть-можетъ, вы нашли странной мысль воплотить мудрость въ образѣ птицы мрачной и забавной — на вашъ взглядъ — неданта въ очкахъ, балаганнаго лицедѣя, любителя потемокъ, беззвучно налетающаго и убивающаго раньше, чѣмъ слухъ уловилъ его появленіе: точно сама смерть. И однако, притворно-простодушные насмѣшники, вы похожи на меня. Нѣтъ ли и среди вашихъ ночей такихъ, когда рѣкой лилась кровь подъ ударами убійства, подкравахагося на войлочныхъ подошвахъ, чтобы не было слышно его приближенія? И ваша Всеобщая ИстORIA не знаетъ ли блѣдныхъ разсвѣтовъ, тусклыми лучомъ озаря-

---

*) Предисловіе это, равно какъ гравюры, было приложено къ части перваго изданія (Lacroix Verboeckhoven et Cie), въ сущности, единственнаго до изданія Lacomblez (1893).

внших мостовыя, заваленныя трунами мужичинъ, женщинъ, дѣтей? Чѣмъ живеть ваша политика съ тѣхъ поръ, какъ вы царите надъ міромъ? Кровопролитіями и избіеніями.

Я, сова, гадкая сова, убиваю для того, чтобы жить, чтобы кормить моихъ птенчиковъ, а не убиваю, чтобы убивать. Если вы попрекаете меня тѣмъ, что мнѣ доводилось сожрать гнѣздышко съ птичками, то не могу ли я попрекнуть васъ избіеніемъ всего, чтó дышитъ на этомъ свѣтѣ? Вы наполнили цѣлыя книги трогательными разсказами о стремительномъ полетѣ птицы, о ея любовной жизни, о ея красотѣ, объ искусствѣ вить гнѣздо, о страхѣ самки за дѣтеныша; а дальше вы пишете, подъ какимъ соусомъ надо подавать птицу и въ какомъ мѣсяцѣ она жаритѣ и вкуситѣ. Я не пишу книгъ, упаси Господи! не то я бы написала, что, когда вы не можете съѣсть птицу, то вы съѣдаете гнѣздо, лишь бы зубы не были безъ дѣла.

Чтó до тебя, неблагоразумный поэтъ, те вѣдь тебѣ выгодило было указать на мое участіе въ твоемъ твореніи, изъ козго, по малой мѣрѣ, двадцать главъ*) принадлежать мнѣ; прочія оставляю въ полную твою собственность. Это еще наименьшее зло — быть неограниченнымъ владыкой всѣхъ глупостей, которыя печатаешь. Громокипящій поэтъ, ты безъ разбора обличаешь тѣхъ, кого зовешь палачами родины, ты приговождаешь Карла V и Филиппа II къ позорному столбу исторіи: ты не то, чтó сова, ты неблагоразумень. Убѣжденъ ты, что въ этомъ мірѣ уже

*) Это утвержденіе точно. Поэтъ позаимствовалъ изъ маленькой фламандской брошюрки изъ коллекціи Ванъ-Памеля подъ заглавіемъ „Het aerdig leven van Thyl Ulen Spiegel“ (Земная жизнь Уленспигеля) главы VII, XIII, XVI, XIX, XXIV, XXXV, XXXIX, XLI, XLIII, XLVII, XLVIII, XLIX, LIII, LV, LVI, LIX, LX первой книги своего произведенія.

Цифры, отмѣченныя курсивомъ, означаютъ, что соответственныя главы можно скорѣе считать созданіями автора, чѣмъ заимствованіемъ. Затѣмъ всѣ главы, кромѣ главъ LXII, LXIII, LXIV, подверглись существенной переработкѣ.

Прочія, начиная съ главы LVII до конца, всецѣло принадлежать г. Ш. де-Костару, равно какъ книги II, III, IV и V — созданія чистаго творчества.

Мы должны однако отмѣтить два исключенія: 1) проповѣдь Корнелиса Адриансена (книга II, глава XI) взята въ отрывкахъ изъ одного сборника 1590 года. Авторъ долженъ былъ соединить въ одно цѣлое разныя выдержки изъ поученій этого яростнаго проповѣдника, чтобы получить возможность, не повторяясь безпрестанно, представить точное изображеніе различныхъ сектъ XVI вѣка, 2) припѣвъ въ цѣсѣтъ гезовъ (книга III, глава V: Slaet op den trommele etc.) заимствованъ изъ одной фламандской пѣсни той эпохи.

Данныя изъ области исторіи, и среди нихъ разсказъ о разгромѣ собора Антверпенской Богоматери (книга II, глава XV) и „Пѣсня о предателяхъ“ (книга V, глава II), основаны въ первичномъ замыслѣ: разгромъ собора Богоматери — на положительномъ утвержденіи высокаго цѣннаго лѣтописца Ванъ-Метерена, а Пѣсня о предателяхъ — на документахъ безупречной подлинности, находящихся въ Государственномъ Архивѣ въ Брюсселѣ.

(Примѣчаніе первыхъ издателей).

пѣтъ Карловъ Пятыхъ и Филипповъ Вторыхъ? А что, если внимательная цензура найдетъ въ чревѣ твоего слона намеки на знаменитыхъ современниковъ, не боишься? Чего ты не даешь мирно спать въ ихъ могиллахъ этому императору и этому королю? Зачѣмъ ты лаешь на такихъ особъ?—Кто ищетъ ударовъ, отъ ударовъ погибнетъ. Есть люди, которые тебя не простятъ ни за что, да и я тебя не прощаю: ты нарушаешь мое благоволенное мѣщанское пиццевареніе.

Что это за упорное противопоставленіе ненавистнаго короля, съ дѣтства жестокаго,—на то вѣдь онъ и человекъ,—и фламандскаго народа, который ты хочешь представить намъ такимъ самоотверженнымъ, жизнерадостнымъ, честнымъ и трудолюбивымъ? Кто сказалъ тебѣ, что этотъ народъ былъ хорошъ, а король плохъ? Я могла бы разумными доводами доказать тебѣ противное. Твои главныя дѣйствующія лица, безъ единаго исключенія, дураки или сумасшедшіе: твой сорванецъ Уленспигель берется за оружіе, чтобы бороться за свободу совѣсти; его отецъ Клаасъ умираетъ на кострѣ, ради утвержденія своихъ религиозныхъ убѣжденій; его мать Сооткинъ терзаетъ себя и умираетъ вълѣдствіе пытки, потому что хотѣла сохранить богатство для своего сына; твой Ламме Гоодзакъ идетъ въ жизни прямымъ путемъ, какъ будто на этомъ свѣтѣ достаточно быть добрымъ и честнымъ... Гдѣ видаво что-нибудь подобное? Я жалѣла бы тебя, если бы ты не былъ смѣшонъ.

Правда, я должна призвать, что рядомъ съ этими нелѣпыми личностями у тебя можно найти нѣсколько фигуръ, которыя мнѣ по душѣ: таковы твои испанскіе солдаты, твои монахи, жгущіе народъ, твой Жиллина, шпионка инквизиціи, твой скаредный рыбакъ, доносчикъ и оборотень, твой важный баринъ, прикидывающійся по ночамъ дьяволомъ, чтобы соблазнить какую-нибудь дуру, и особенно этотъ „умница“ Филиппъ II, который, нуждаясь въ деньгахъ, подстроилъ разгромъ святыхъ иконъ въ церквахъ, чтобы затѣмъ покарать за мятежъ, коего умѣлымъ подстрекателемъ былъ онъ самъ. Это лучшій путь,—когда ты призванъ быть наслѣдникомъ тѣхъ, кого убиваешь.

Но, мнѣ кажется, я говорю попусту. Ты, быть-можетъ, и не знаешь, что такое сова. Сейчасъ объясню тебѣ.

Сова—это тотъ, кто исподтишка брызжетъ клеветой на людей, которые ему въ чсмъ-нибудь неудобны, и, когда ему предлагаютъ принять на себя отвѣтственность за свои слова, благоразумно восклицаетъ: „Я ничего не утверждаю. *Говорить*“. Онъ отлично знаетъ, что эти „говорятъ“ неуловимы.

Сова—это тотъ, кто втирается въ почтенную семью, ведетъ себя, какъ женихъ, бросаетъ тѣнь на дѣвушку, беретъ взаймы, иногда платитъ долгъ и исчезаетъ, когда больше взять нечего.

Сова—политикъ, который, надѣвъ личину свободомыслія, неподкупности, любви къ человѣчеству, въ подходящій моментъ потихоньку возьметъ да придушитъ человека или націю.

Сова—это купецъ, который поддѣлываетъ свои вина и съѣстные припасы, вмѣсто питанія даетъ несвареніе, вмѣсто веселья — ярость.

Сова—это тотъ, кто ловко крадетъ, такъ что его не схватишь за шиворотъ, защищаетъ ложь противъ правды, разоряетъ вдову, грабитъ сироту и торжествуетъ въ сытости, какъ другіе торжествуютъ въ крови.

„Совиха“ или „совица“—какъ хочешь, безъ игры словъ—это женщина, которая торгуетъ своими прелестями, растлѣваетъ лучшія сердца молодыхъ людей, заявляя, что это она ихъ „развиваетъ“, и бросаетъ ихъ безъ гроша въ карманѣ въ грязь, куда втянула ихъ.

Если она печальна иногда, если она вспоминаетъ, что она женщина, что она могла бы быть матерью, я ея не признаю. Если, истомленная этимъ существованіемъ, она бросается въ воду, это сумасшедшая, недостойная жить.

Осмотришься вокругъ, захохотанный поэтъ, и пересчитай, если можешь, совъ міра сего; подумай, разумно ли нападать, какъ ты дѣлаешь, на Силу и Коварство, этихъ царственныхъ совъ. Вернись къ себѣ, произнеси твое *Mea culpa* и вымоли на колѣняхъ прощеніе.

Твое доврчивое неразуміе занимаетъ меня однако; и потому, не взирая на мои извѣстныя привычки, я предупреждаю тебя, что предпочитаю незамедлительно обличить откровенности и дерзновенія твоего слога предъ моими литературными родичами, сильными перьями, клювами и очками. Люди разсудительные и педантичные, они умѣютъ въ самой милой, самой пристойной формѣ, подъ всяческими дымками и прикровенностями разсказывать молодежи любовныя исторіи, родина которыхъ не только Кивера и которыя могутъ въ теченіе одного часа, совершенно незамѣтно „довести до точки“ самую цѣломудренную Агнесу. О, дерзновенный поэтъ, такъ любящій Раблэ и старыхъ мастеровъ, эти люди имѣютъ предъ тобой то преимущество, что, оттачивая французскій языкъ, они въ концѣ концовъ сточатъ его совсѣмъ на-нѣтъ.

Бубулусъ Бубъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Въ городѣ Дамме во Фландріи, въ тѣ майскіе дни, когда распускаются бѣлыя цвѣты боярышника, родился Уленспигель, сынъ Клааса.

Повитуха кума Катлина завернула его въ теплыя пеленки, присмотрѣлась къ его головѣ и показала на прикрытую пленкой макушку.

— Бѣ сорочкѣ—значить, счастливчикъ, — сказала она радостно.

Но вдругъ жалобно застонала и указала маленькое черное пятно на плечѣ ребенка.

— Ахъ!—вздохнула она:—это черная отмѣтина чортова когти.

— Стало-быть,—сказалъ Клаасъ,—господинъ Сатана изволилъ очень рано подняться, если уже удосужился отмѣтить моего сына.

— Онъ еще не ложился,—отвѣтила Катлина:—вѣдь вотъ только пѣтухъ будить куръ.

И, положивъ ребенка въ руки Клааса, она вышла.

Тутъ денница пробилась сквозь ночныя облака, ласточки съ крикомъ зарѣяли надъ лучами, и солнце въ багровомъ отблескѣ показало на востокъ свой ослѣпительный ликъ.

Клаасъ распахнулъ окно и сказалъ Уленспигелю:

— Сынокъ мой, въ сорочкѣ рожденный! Вотъ тамъ царь-солнце встаетъ съ привѣтомъ надъ землей фландрской. Посмотри на него, если можешь; и если когда-нибудь предашь сомнѣніямъ и не будешь знать, что дѣлать, чтобы поступить какъ должно, спроси у него совѣта: въ немъ свѣтъ и тепло; будь сердцемъ чистъ, какъ оно свѣтло, и будь добръ, какъ оно тепло.

— Клаасъ, муженекъ, что ты поучаешь глухого,—сказала Сооткянъ:—пойдемъ, попей, сынокъ.

И мать протянула новорожденному свою грудь.

II.

Пока Уленсигель сосалъ, прильнувъ къ ней, проснулись всѣ птички въ полѣ.

Клаасъ, связывая дрова въ вязанки, смотрѣлъ, какъ жена кормитъ Уленсигеля.

— Жена, — сказалъ онъ, — а достаточный у тебя запасъ этого молочка?

— Ковши полны, — отвѣтила она, — но радость моя не полна.

— Не очень назидательны твои рѣчи объ этомъ возвышенномъ часѣ.

— Я думаю о томъ, что въ той кошолкѣ, видишь, вонъ тамъ на стѣнѣ, ужъ давно не было ни денежки.

Клаасъ взялъ сумку въ руки, но напрасно трясъ онъ ее: не звякнуло въ ней ни грошика. Это смутило его душу. Но онъ все же хотѣлъ подбодрить жену.

— О чемъ твоя тревога? — сказалъ онъ: — развѣ нѣтъ у насъ въ хлѣбномъ ящикѣ лепешки, что вчера принесла Катлина? Да не лежитъ ли тамъ добрый кусъ говядины, который ужъ по малой мѣрѣ на три дня дастъ мальчику добраго молочка? Голодовку, что ли, пророчить этотъ мѣшокъ бобовъ, улегшійся въ углу, а? А этотъ горшокъ съ масломъ — мое навожденіе развѣ? А на полочкахъ яблочки, точно солдатики, рядышкомъ дюжинками разложенныя, привидѣлись мнѣ, что ли? Ну, а тамъ что — не боченокъ ли добрый пивца изъ Брюгге? — славный напитокъ въ его толстомъ брюшкѣ!

— Чтобы окрестить ребенка, — отвѣтила Соотвинъ, — надо имѣть два патара для священника и флоринъ на крестины.

При этихъ словахъ вернулась кума Катлина съ оханкой травы въ рукѣ и сказала:

— Приношу въ сорочкѣ рожденному листокъ дягиля, что хранить человека отъ распутства, листокъ укропа, къ которому не смѣетъ приблизиться сатана...

— А траву, что привлекаетъ флорины, не принесла? — прервалъ ее Клаасъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила она.

— Ну, пойду погляжу, не найду ли ея въ каналѣ.

Онъ взялъ удочки и сѣть и вышелъ увѣренный, что въ это время никого не встрѣтитъ: еще часъ былъ до „oosterzoon“ — такъ во Фландріи называется шесть часовъ утра.

III.

Подойдя къ Брюггскому каналу, недалеко отъ моря, Клаасъ наживилъ удочку, забросилъ ее и закинулъ сѣть. На другой

сторонѣ канала лежалъ на пучкѣ сросшихся ракушекъ хорошо одѣтый мальчикъ и спалъ, какъ убитый.

Шумъ, произведенный Клаасомъ, разбудилъ его, и онъ вскочилъ, испугавшись, что это подошелъ общинный стражникъ, чтобы поднять его съ его ложа и отвести, какъ бродяжку, къ старшинѣ.

Но страхъ его исчезъ, когда онъ узналъ Клааса, который крикнулъ ему:

— Хочешь заработать шесть лярговъ? Гоня рыбу ко мнѣ!

Мальчикъ—съ уже замѣтнымъ брюшкомъ—всталъ и, вооружившись пушистымъ стеблемъ тростника, сталъ гнать рыбу по направленію къ Клаасу.

Покончивъ ловлю, Клаасъ собралъ сѣтку и удочку, перешелъ черезъ плюсъ къ мальчику и спросилъ его:

— Послушай, ты вѣдь зовешься во святомъ крещеніи Ламме, прозванъ Гоодзакъ по случаю твоего благодушія и живешь на Цанлиной улицѣ за соборомъ Богоматери; такъ какъ же это вышло, что такой нарядный мальчикъ спитъ на улицѣ?

— Ахъ, господинъ угольщикъ,—отвѣтилъ мальчикъ:—дома у меня такая сестра,—хоть на годъ моложе меня, но, чуть повздоримъ, колотить меня, а я не смѣю отдать ей спитѣ то, что получилъ самъ: боюсь ее обидѣть, господинъ угольщикъ. Вчера за ужиномъ былъ я очень голоденъ и схватилъ изъ кастрюли пальцами послѣдній кусочекъ варенаго мяса съ бобами. Она захотѣла себѣ взять половину, а тамъ вѣдь и для меня одного было мало. Какъ она увидѣла, что я облизалъ себѣ губы, потому что мнѣ очень понравилась подлива,—точно съ ума сошла, набросилась на меня и такихъ плюхъ надавала, что я еле живой удралъ изъ дому.

Клаасъ спросилъ, что же дѣлали во время этой потасовки отецъ и мать.

— Отецъ похлопалъ меня по одному плечу, мать по другому, и оба говорили: „Дай ей сдачи, трусишка“. Но я не хотѣлъ бить дѣвушку и убѣжалъ.

Вдругъ Ламме поблѣднѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Клаасъ увидѣлъ, что къ нимъ приближается высокая женщина, а съ ней худая дѣвочка съ злобнымъ лицомъ.

— Ай,—занылъ Ламме и ухватился за штаны Клааса:—это моя мать и сестра ищутъ меня. Спасите меня, господинъ угольщикъ!

— погоди,—сказалъ Клаасъ:—получи вотъ свои семь лярговъ за работу и пойдѣмъ безъ страха къ нимъ навстрѣчу.

Увидавъ Ламме, мать и сестра набросились на него съ

побоями: мать — потому что очень беспокоилась о немъ, сестра — потому что ужъ такъ привыкла.

Ламме спрятался за Клааса и кричалъ:

— Я заработалъ семь лиаровъ, я заработалъ семь лиаровъ, не бейте меня!

Но мать уже цѣловала его, а дѣвочка старалась разжать его кулакъ и взять себѣ его деньги. Но Ламме кричалъ: „Это мое, не дамъ“ — и крѣпко сжималъ кулаки.

А Клаасъ за уши отташилъ отъ него дѣвочку и сказалъ:

— Если ты еще хоть разъ подерешься съ братомъ, — онъ вѣдь кротокъ, какъ ягненокъ, — то я тебя посажу въ черную угольную яму. Но тамъ не я тебя буду держать за уши, а придетъ красный чортъ изъ ада и разорветъ своими когтями и зубами, которые у него длинные, точно вилы.

Отъ ужаса дѣвочка не могла поднять глазъ на Клааса ни подойти къ Ламме и спряталась въ юбки къ матери. Но, войдя въ городъ, она повсюду кричала:

— Угольщикъ побилъ меня; у него въ погребѣ чортъ!

Однако съ тѣхъ поръ она ужъ не била Ламме, вмѣсто этого она заставляла его работать за себя. И добродушный простакъ исполнялъ охотно всякую работу.

А Клаасъ занесъ по дорогѣ уловъ въ одну усадьбу, гдѣ у него всегда покупали рыбу. И дома сказалъ женѣ:

— Смотри, что я нашелъ въ брюхѣ четырехъ щукъ, девяти карповъ и въ полной корзинѣ угрей.

При этомъ онъ бросилъ на столъ два флорина и патаръ.

— Почему ты каждый день не ходишь на рыбную ловлю? — спросила Сооткинъ.

— А чтобы самому не попасть въ сѣти къ общиннымъ стражникамъ, — отвѣтилъ Клаасъ.

IV.

Въ Дамме Клаасъ, отецъ Уленспигеля, назывался Коолдвеегер, то-есть угольщикъ. У него были черные волосы и блестящіе глаза; кожа его имѣла цвѣтъ его товара, за исключеніемъ лишь праздничныхъ и воскресныхъ дней, когда въ его домикѣ было въ большомъ ходу мыло. Былъ онъ приземистый, коренастый, сильный и всегда весело улыбался.

Когда день кончался и спускался вечеръ, онъ шелъ въ какой-нибудь трактирчикъ по дорогѣ въ Брюгге, чтобы промывать свою углемъ забитую глотку добрымъ пивкомъ. И всѣ женщины по пути, вышедшія на порогъ, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, встрѣчали его задорнымъ привѣтомъ:

— Добрый вечеръ и свѣтлаго пива, угольщикъ!

— Добрый вечеръ — и бдительною мужа, — отвѣчалъ Клаасъ.

Дѣвушки, возвращаясь съ полей, становились рядомъ поперекъ дороги и требовали выкупа:

— Что дашь за пропускъ: красную ленту, или золотыя серьги, или бархатныя сапожки, или флоринъ въ кошелекъ?

Но Клаасъ обхватывалъ какую-нибудь изъ нихъ руками, цѣловалъ ее въ щеку или шею, смотря по тому, какой кусокъ этого свѣжаго тѣла былъ ближе къ его губамъ, и говорилъ:

— Остальное, красотки, получите отъ своихъ возлюбленныхъ.

И дѣвушки разбѣгались съ хохотомъ.

Дѣти узнавали Клааса по его звонкому голосу и топоту сапогъ. Они бѣжали къ нему навстрѣчу съ криками: — Добрый вечеръ, угольщикъ!

— Благослови васъ Господь, ангелочки, — говорилъ онъ: — только близко не подходите, не то обратитесь въ арановъ.

Однако малыши, народъ отважный, подходили; тогда Клаасъ хваталъ смѣльчака за куртку, проводилъ своей черной рукой по его свѣжей мордочкѣ и такъ отпуская его. Но тотъ только смѣялся, и всѣ кругомъ хохотали.

Сооткинъ, жена Клааса, была хорошая хозяйка, вставала съ солнцемъ и сутилась прилежно, какъ муравей.

Вмѣстѣ съ Клаасомъ она обрабатывала поле, и оба впрягались въ плугъ, точно волю. Плугъ былъ тяжелъ, но еще тяжелѣе была борона, когда приходилось деревянными зубьями разрыхлять твердую землю. Но они работали радостно и пѣли при этомъ какую-нибудь старинную пѣсню.

И какъ ни была тверда земля, какъ ни палило солнце самими жгучими своими лучами, и къ какимъ бы жестокимъ усиліямъ они ни принуждали свое тѣло при бороньбѣ, — когда они останавливались, чтобы передохнуть, и Сооткинъ поднимала свое круглое лицо къ Клаасу и Клаасъ цѣловалъ это зеркало пѣжно-любящей души, — они забывали о своей великой усталости.

V.

Прошлымъ вечеромъ у дверей общиннаго дома выкликали, что государыня, супруга императора Карла V, нынѣ обрѣтается въ добромъ ожиданіи, и что посему надлежитъ возносить молитвы о благополучномъ ея разрѣшеніи отъ бремени.

Вдругъ къ Клаасу, вся дрожа, прибѣжала Катлина.

— Чѣмъ такъ взволновалась, кума? — спросилъ онъ.

— Ахъ! — и она стала урывками говорить: — этой ночью...

Оборотни носили людей, какъ траву... Дѣвухекъ заживо въ землю зарывали... Палачъ плясалъ на трупахъ... Камень потѣлъ кровью девять мѣсяцевъ—этой ночью онъ лопнулъ...

— Милость Господня съ нами! — вздыхала Сооткинъ:— какія черныя предзнаменованія для земли фландрской.

— Что жъ ты это во снѣ видѣла или наяву? — спросилъ Клаасъ.

— Наяву, — отвѣтила Катлина.

И, блѣднѣя, продолжала Катлина, рыдая:

— Два ребенка родились: одинъ въ Испаніи, инфантъ Филиппъ по имени, другой во Фландріи, сынъ Клааса, котораго позже назовутъ Уленспигель. Филиппъ будетъ палачомъ, ибо онъ порожденіе Карла V, палача нашей страны. Уленспигель будетъ великимъ мастеромъ на веселыя шутки и дѣтскія проказы, но онъ будетъ добръ сердцемъ, ибо отецъ его — Клаасъ, добрый работникъ, который честнымъ трудомъ умѣетъ добыть свою конейку. Императоръ Карль и король Филиппъ пройдутъ чрезъ жизнь, битвами, вымогательствами и всякими преступленіями сѣя зло. Клаасъ будетъ безъ усталы работатъ и всю жизнь прожить по праву и закону, надъ своей тяжелой работой не плакатъ будетъ, а смѣяться, и останется примѣромъ честнаго фламандскаго труженника. Уленспигель будетъ вѣчно молодъ, никогда не умретъ и пройдетъ всю землю, нигдѣ не осѣетъ. Онъ будетъ крестьяниномъ, дворяниномъ, живописцемъ, ваятелемъ—всѣмъ вмѣстѣ. И такъ онъ станетъ странствовать по всѣмъ землямъ, восхваляя все правое и прекрасное, издѣваясь, что силъ хватить, надъ глупостью. Клаасъ—твое мужество, благородный народъ Фландріи, Сооткинъ—твоя доблестная мать, Уленспигель—твой духъ; нѣжное, милое созданіе—спутница Уленспигеля, подобно ему бессмертная—твое сердце, а толстоузый простакъ Ламме Гоодзакъ—твое брюхо. Вверху будутъ угнетатели народныя, внизу жертвы; вверху—грабители-шершни, внизу — работающія пчелы; а въ небесахъ будутъ кровью истекать раны Христовы.

И, сказавъ все это, Катлина, добрая колдунья, уснула.

VI.

Понесли крестить Уленспигеля. Вдругъ полилъ проливной дождь, промочившій его основательно. Такъ онъ былъ крещенъ въ первый разъ.

Когда они уже были въ церкви, церковный служка—онъ же schoolmeester, то-есть школьный учитель — предложилъ куму съ кумою и отцу съ матерью стать вокругъ купели.

Въ сводѣ надъ купелью была дыра, въ которой въ это время каменщикъ закрѣплялъ лампадку подъ звѣздой изъ вызолоченнаго дерева. Увидѣвъ сверху крестныхъ, чинно стоящихъ вокругъ прикрытой еще купели, онъ вылилъ на крышку купели кружку воды, которая обрызгала всѣхъ, а больше всѣхъ Уленсигеля. Такъ онъ былъ крещенъ во второй разъ.

Пришелъ священникъ; всѣ стали жаловаться, но онъ приказалъ имъ не мѣшкать и сказалъ, что это случайность. Уленсигель все корчился, потому что былъ мокръ. Священникъ, окрестивъ, далъ ему имя „Тильбертъ“, что значитъ „подвижный“. Такъ онъ былъ крещенъ въ третій разъ.

Выйдя изъ церкви, они пошли по Длинной улицѣ, ведущей къ трактиру „Бутыльныя четки“, гдѣ на каждую кружку приходилось „Вѣрую“. Здѣсь они выпили семнадцать съ лишнимъ пинтъ *dobbel kuut*, то-есть „двойного“. Ибо это общепринятый во Фландрии способъ сушить промокшихъ: зажечь въ брюхѣ пивной костеръ. Такъ Уленсигель былъ крещенъ въ четвертый разъ.

Когда возвращались, покачиваясь, ихъ головы были тяжелѣе ихъ тѣлъ. Такъ добрались они до мостковъ черезъ лужу. Катлина, несшая ребенка, какъ кума, остунилась и упала съ нимъ въ лужу. Такъ онъ былъ крещенъ въ пятый разъ.

Его вытащили и дома обмыли его теплой водой. И это было его шестое крещеніе.

VII.

Въ этотъ день его святѣйшее величество императоръ Карлъ V рѣшилъ устроить празднество, чтобы тѣмъ почтить рожденіе своего сына: онъ рѣшилъ поудить, но не въ каналѣ, какъ Клаасъ, а въ копилкахъ и кошелькахъ своихъ подданныхъ. Ибо тамъ обычно властители выуживаютъ рыбокъ подъ названіемъ „червонцы“, „крейцеры“, „талеры“, и всѣ эти чудесныя рыбы имѣютъ свойство, по желанію рыбака, обращаться въ бархатныя платья, драгоценности, тончайшія вина, изысканныя яства. Ибо самыя рыбныя рѣки—не самыя многоводныя.

Совмѣстно со своими высокими совѣтниками такъ задумалъ императоръ обставить эту рыбную ловлю.

Между девятью и десятью понесутъ къ обряду крещенія его высочество инфанта; обыватели Вальядолиды, чтобы проявить великую свою радость, всю ночь будутъ веселиться, на свой счетъ пировать и праздновать и на „Большой площади“ будутъ швырять деньги бѣднякамъ.

На пяти перекресткахъ пять большихъ фонтановъ будутъ вилоть до зари на счетъ города бить виномъ. На другихъ пяти перекресткахъ на деревянныхъ помостахъ будутъ развѣшены всякія колбасы, телячьи и бараньи, кровяныя и мисныя, сушеная икра, бычьи языки и иная мясная снѣдь— тоже на счетъ города.

Граждане Вальядолиды — тоже на свои деньги—воздвигнутъ по пути шествія триумфальныя арки, на коихъ въ живыхъ эмблемахъ представлены будутъ образы Мира, Довольства, Изобилія, Богатства, каковыми осчастливило ихъ правленіе его величества.

Наконецъ, кромѣ этихъ мирныхъ триумфальныхъ воротъ, должно быть сооружено еще нѣсколько другихъ, на коихъ, также яркими красками, должны быть изображены нѣсколько менѣе снисходительныя атрибуты власти, каковы орлы, львы, копыя, алебарды, дротники съ пламеобразными накопечниками, пушки, аркебузы, бомбарды, широкожерлая мортиры и прочія орудія, наглядно живописующія воинскую мощь его величества.

Для освѣщенія храма всемилостивѣйше разрѣшено Свѣчной гильдіи пожертвовать двадцать съ лишнимъ тысячъ восковыхъ свѣчей, коихъ непотребленные огарки переданы будутъ соборному капитулу.

Прочіе расходы императоръ беретъ на себя, проявляя съ очевидностью желаніе оградить отъ обременительныхъ поборовъ свои народы.

Когда община приготовилась уже исполнить повелѣніе, пришли изъ Рима душу раздирающія вѣсти. Императорскіе военачальники, принцъ Оранскій, герцогъ Алянсонскій и Фрундсбергъ вторглись въ святой городъ, разграбили и разрушили тамъ церкви, часовни и дома, не щадя при этомъ ни священниковъ, ни монаховъ, ни женщинъ и дѣтей. Святой отецъ въ плѣну. Вотъ ужъ недѣля, какъ длится грабежъ, *рейтары* и *ландскнехты* неистовствуютъ надъ Римомъ, объѣдаются и опиваются, шатаются по улицамъ, размахивая оружіемъ, разыскивая кардиналовъ, крича, что они имъ поскоблятъ мечами кожу, чтобы у нихъ прошла охота пробираться въ папы. Другіе, уже исполнившіе эту угрозу, чванятся по городу, надѣвъ на шею четки по двадцать восемь и болѣе бусъ—всѣ громадна, какъ орѣхи, и всѣ въ крови. Нѣкоторыя улицы превратились въ кровавые потоки, съ обѣихъ сторонъ обложенные ограбленными трупами.

Утверждали, что это императоръ, имѣя нужду въ деньгахъ, хотѣлъ поживиться отъ крови духовенства. Принявъ

къ свѣдѣнію договоръ, къ заключенію котораго его военачальники принудили папу, онъ еще потребовалъ, чтобы папа передалъ ему всѣ свои крѣпости и уплатилъ ему четыреста тысячъ дукатовъ, и оставался въ заключеніи, пока эти условія не будутъ выполнены.

Однако печаль его величества была безмѣрна. Императоръ отмѣнилъ всѣ торжества, празднества и увеселенія и повелѣлъ всѣмъ кавалерамъ и дамамъ своего двора одѣться въ трауръ.

И инфантъ былъ крещенъ въ бѣлыхъ пеленахъ — знакъ императорскаго траура.

Придворные кавалеры и дамы истолковали это, какъ злобѣщее предзнаменованіе.

Несмотря на это, ея милость госпожа кормилица представила инфанта придворнымъ кавалерамъ и дамамъ, дабы они, по исконному обычаю, могли принести новорожденному свои пожеланія и подарки.

Госпожа де-ла-Сена повѣсила ему на шею предохраняющій отъ яда черный камень видомъ и величиной съ орѣхъ въ золотой шелухѣ. Госпожа де-Шоффадъ повязала на его животъ шелковинку и повѣсила на ней лѣсной орѣшекъ, что содѣйствуетъ хорошему пищеваренію. Господинъ ванъ-деръ-Стинъ изъ Фландріи преподнесъ ему гентскую колбасу въ пять локтей длины и полъ-локтя толщины и всепреданнѣйше пожелалъ его вмечеству, чтобы одинъ запахъ этой колбасы возбуждалъ въ немъ жажду къ гентскому доброму пиву, ибо—сказалъ онъ—кто любитъ пиво изъ какого-нибудь города, тотъ ужъ не можетъ ненавидѣть тамошнихъ пивоваровъ. Кавалеръ Хаиме-Христофоръ Кастильскій просилъ господина инфанта носить на его прекрасныхъ ножкахъ камешки зеленой яшмы, которые сообщаютъ легкость и быстроту бѣгу. Янъ де-Пале, шутъ, присутствовавшій при этомъ, замѣтилъ однако:

— Сударь! Поднесите ему лучше трубу Іусуса Навина, при звукѣ которой бѣжали бы предъ нимъ всѣ города, чтобы унести куда-нибудь свое добро вмѣстѣ со всѣми жителями. Ибо его милости нѣтъ нужды учиться бѣгать, но другихъ обращать въ бѣгство.

Безутѣшная вдовица Флориса ванъ-Борселе, который былъ губернаторомъ Веере въ Зеландіи, поднесла его королевскому вмечеству камень, который—по ея словамъ—дѣлалъ мужчинъ влюбленными и женщинъ безутѣшными.

Но ребенокъ ревѣлъ, какъ бычокъ.

Въ это время Клаасъ сидѣлъ изъ прутьевъ сыну погре-

мушку съ бубенцами и подбрасываль Уленспигеля на рукѣ, приговаривая въ ладо: „Бомъ-бомъ-дилинь-бомъ! Будь всегда съ бубенцомъ, будь веселымъ молодцомъ. Ибо нищихъ духомъ есть царствіе небесное!“

И Уленспигель смѣялся.

VIII.

Клаасъ поймалъ большую лососку, и въ воскресенье ею пообѣдали онъ, и Сооткинъ, и Катлина, и маленький Уленспигель. Но Катлина ѣла, какъ птичка.

— Кума,—сказалъ ей Клаасъ,—неужто воздухъ Фландріи сталъ такъ густъ, что достаточно вдохнуть его, чтобы насытиться, словно мяса поѣлъ? Хорошо было бы! Дождь явился бы доброй похлебкой, градъ—бобами, а снѣгъ былъ бы небеснымъ жаркимъ, обновляющимъ силы путниковъ.

Катлина кивнула головой, но не сказала ни слова.

— Посмотрите-ка на бѣдную куму, — сказалъ Клаасъ: — чѣмъ это она такъ огорчена?

Но Катлина отвѣчала голосомъ, подобнымъ вздоху:

— Нечистый! Черная ночь пришла. Слышу все ближе, все ближе. Ворономъ каркаетъ. Дрожу вся, молю Дѣву Святую—смилостивься! Все напрасно. Нѣтъ для него ни стѣнъ, ни оградъ, ни дверей, ни оконъ. Пробирается всюду, точно духъ—скрипнуть лѣстница. Вотъ взобрался ко мнѣ на чердакъ, схватилъ руками—твердые, холодные, какъ камень. Лицо ледяное. Цѣлуетъ—мокрый, точно снѣгъ. Рухнулъ домъ—качается, какъ челнокъ въ бурю...

— Каждое утро ходи въ церковь, — сказалъ Клаасъ, — и моли Христа Спасителя объ избавленіи отъ духа преисподней...

— Онъ такой красивый,—сказала она.

IX.

Уленспигель, отнятый отъ груди, росъ, какъ молодой тополекъ.

Клаасъ уже не такъ часто цѣловалъ его, но любилъ его, дѣлая суровое лицо, чтобы не избаловать мальчика.

Когда Уленспигель приходилъ домой и жаловался, что потерялъ въ товарищеской потасовкѣ, Клаасъ колотилъ его за то, что онъ самъ не вдувалъ другихъ, и подъ этимъ руководствомъ Уленспигель сталъ смѣль, какъ львенокъ.

Если отца не было дома и Уленспигель кланчалъ лиаръ у матери на игру, Сооткинъ сердилась и говорила:

— Чтò тамъ за игры? Сидѣлъ бы лучше дома—дровъ бы навязалъ.

Уленспигель, видя, что онъ ничего не получить, подымалъ дикій крикъ, но Сооткинъ шумѣла своими горшками и сковородами, которые мыла въ корытѣ, дѣлая видъ, что она ничего не слышитъ. Уленспигель начиналъ ревѣть, и тогда мать бросала свое притворное жестокосердіе, гладила его по головкѣ и говорила: „Довольно съ тебя денье!“ Но надо имѣть въ виду, что въ денье шесть ларовъ.

Такъ проявляла она чрезмѣрную любовь, и, когда Клаасъ уходилъ куда-нибудь, Уленспигель царилъ въ домѣ.

X.

Однажды утромъ Сооткинъ увидѣла, что Клаасъ шагаетъ по кухнѣ съ понурой головой, точно совершенно погруженный въ какія-то мысли.

— Чѣмъ огорченъ ты, милый? — спросила она: — ты блѣденъ, раздраженъ и разсѣянъ.

Клаасъ отвѣтилъ тихо, тономъ ворчащей собаки

— Опять эти свирѣпыя императорскіе указы. Снова смерть пойдетъ гулять надъ Фландріей. Доносчики получаютъ половину имущества своихъ жертвъ, если все ихъ состояніе не превышаетъ ста червонцевъ.

— Мы-то бѣдны,—замѣтила она.

— Недостаточно бѣдны. Есть мерзавцы, короны и коршуны, живущіе стервятниной, которые и на насъ рады донести, чтобы раздѣлить съ его величествомъ мѣшокъ угольевъ, точно мѣшокъ золота. Много ли было у несчастной Таниенъ, вдовы портного Сейса, умершаго въ Гейстѣ, когда ее живою закопали въ землю? Латинская Библия, три золотыхъ да немножко англійской оловянной утвари, которая прижмалась ей сосѣдкѣ. Иоанну Мартенсъ сожгли, какъ вѣдму, послѣ того, какъ бросили въ воду: она, видишь ли, не тонула — и въ этомъ было все ея преступленіе. У нея было два-три колченогихъ стула и семь золотыхъ въ чулкѣ; доносчикъ захотѣлъ получить половину. О, я могъ бы такъ рассказывать тебѣ до завтра. Но надо убираться, милая: послѣ этихъ указовъ невозможно жить во Фландріи. Скоро каждую ночь будетъ по городу ѣздить колесница смерти, мы услышимъ, какъ стучить, носясь по улицамъ, ея сухой косякъ.

— Не пугай меня, милый мужъ, — отвѣтила Сооткинъ: — императоръ — отецъ Фландріи и Брабанта и, какъ отецъ, полонъ терпѣнія и состраданія, милосердія и снисхожденія.

— Это ему очень невыгодно, — отвѣтилъ Клаасъ, — ибо онъ наследуетъ конфискованное имущество.

Вдругъ затрубила труба, прогремѣли литавры городского

глашатая. Клаасъ и Сооткинъ, поочередно передавая Улепсигеля другъ другу на руки, бросились съ толпой народа.

Передъ городской ратушей они увидѣли верхомъ на коняхъ глашатаевъ, которые трубили въ трубы и били въ барабаны, профоса съ судейскимъ жезломъ и верхомъ на конѣ общинаго прокурора, который обѣими руками держалъ императорскій указъ, готовясь прочесть его толпѣ.

И тутъ услышалъ Клаасъ, что отнынѣ всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности воспрещается печатать, читать, хранить и распространять всѣ писанія, книги и ученія Мартина Лютера, Иоанна Виллефа, Иоанна Гусса, Марсилія Падуанскаго, Эолоамнадія, Ульриха Цвингли, Филиппа Меланхтона, Франциска Ламберта, Иоанна Номерана, Оттона Брунсельзіуса, Иоанна Пупериса, Юстуса Юнаса и Горціана, книги Новаго Заветъа, напечатанныя у Адріана де-Бергеса, Христофа да-Ремонда и Иоанна Целя, поелику таковыя исполнены лютеровою и иныхъ ересей и осуждены и прокляты богословскимъ факультетомъ въ Лувенѣ.

„Равнымъ образомъ воспрещается неподобающе рисовать, или изображать, или заказывать рисунки съ неподобающими изображеніями Господа Бога, Пресвятой Дѣвы Маріи или святыхъ угодниковъ; равно какъ разбивать, разрывать или стирать изображенія или изваянія, служащія къ прославленію, поминанію, чествованію Господа Бога, Пресвятой Дѣвы Маріи или святыхъ угодниковъ, признанныхъ церковью.

„Вообще да не дерзнетъ никто, — продолжалъ указъ, — какого бы онъ ни былъ званія и состоянія, разсуждать или препираться о Священномъ Писаніи, даже о сомнительныхъ реченіяхъ таковаго, развѣ бы онъ былъ извѣстный и признанный богословъ, въ качествѣ каковаго получили утверженіе отъ каковаго-либо знаменитаго университета“.

Среди прочихъ наказаній, установленныхъ его святѣйшимъ величествомъ, опредѣлялось, что оставленные въ подозрѣніи лишаются навсегда права заниматься честнымъ промысломъ. Упорствующіе въ заблужденіи или вновь внавшіе въ него подвергаются сожженію на медленномъ или быстромъ огнѣ на соломенномъ кострѣ или у столба — по усмотрѣнію судьи. Прочіе подвергаются казни мечомъ, если они дворяне или почетные граждане; крестьяне — повѣшенію, женщины — погребенію заживо. Головы казненныхъ, какъ предостерегающій примѣръ, будутъ выставлены на столбѣ. Имущество всѣхъ этихъ казненныхъ преступниковъ переходить въ собственность императора, поскольку оно находится въ областяхъ, доступныхъ конфискаціи.

Его святѣйшее величество предоставляетъ доносчикамъ повинну всего принадлежавшаго осужденнымъ, если все достоиніе послѣднихъ не превышаетъ цѣнностью ста фландрскихъ червонцевъ. Все, доставшееся на долю императора, онъ передаетъ на цѣли благотворенія и благочестія, какъ онъ сдѣлалъ это съ римскими сборами.

И Клаасъ удрученный ушелъ съ площади съ Сооткинъ и Уленспигелемъ.

XI.

Годъ былъ удачный. Клаасъ купилъ за семь флориновъ осла и девять мѣрокъ гороха. Однажды утромъ онъ собрался въ дорогу на своемъ ослѣ. Уленспигель сидѣлъ сзади, держась за отца. Такъ отправились они въ путь, въ гости къ дядѣ Уленспигеля, старшему брату Клааса, Юсту, который жилъ неподалеку отъ Мейбурга въ нѣмецкой землѣ.

Нѣкогда, въ цвѣтѣ лѣтъ, Юстъ былъ добродушенъ и мягкосердъ. Но потомъ, испытавъ много несправедливости, онъ озлобился. Его кровь стала горька отъ желчи; онъ избѣгалъ людей и жилъ въ одиночествѣ.

Онъ любилъ поссорить двухъ такъ называемыхъ вѣрныхъ друзей; и онъ жаловалъ три патара тому изъ двухъ, кому удавалось крѣпче отлупить другого.

Онъ устраивалъ себѣ также такое развлеченіе: собиралъ въ хорошо истопленной комнатѣ кучу самыхъ старыхъ и самыхъ злобныхъ сiletницъ — и угощалъ ихъ печеньями и сладкимъ виномъ.

Тѣмъ, которымъ было больше шестидесяти лѣтъ, онъ давалъ пряхъ шерсть съ тѣмъ только, чтобы онѣ отпускали себѣ ногти подлиннѣе. Приятно было слушать, какъ эти старыя совы изливали ядъ, болтая своими злыми языками, клевета на весь міръ, хихикали и крикали, и плевали, со своими прялками подъ мышкой, дробя своими зубами доброе имя ближняго.

Когда онѣ приходили въ самый азартъ, Юстъ бралъ щетку и бросалъ въ огонь: разъ, два, три — щетина загоралась и отравляла воздухъ невыносимо.

Старухи нападали другъ на друга съ обвиненіями въ этой вони, кричали всѣ разомъ, каждая винила другую, и наконецъ набѣгались другъ другу въ волосы. Но Юстъ еще подбавлялъ щетины въ огонь. Когда отъ этой свалки, воя, дыма, шла ничего уже разобрать было нельзя, онъ призывалъ двухъ своихъ работниковъ, одѣтыхъ, какъ стражники: тѣ набрасывались на старухъ, колотили ихъ, что было силы, и

палками выгоняли ихъ изъ комнаты, точно стадо разъяренныхъ гусей.

И Иось осматривалъ поле битвы, покрытое доскутьями юбокъ, чулокъ, рубахъ и старыми зубами.

И онъ грустно говорилъ себѣ:

„Потерялъ день. Ни одна изъ нихъ не оставила въ дракѣ своего языка“.

ХII.

Подъѣзжая къ Мейбургу, Клаасъ долженъ былъ пересѣчь маленький лѣсокъ. Осель по дорогѣ кормился колючками, Уленспигель ловилъ шапкой бабочекъ, не слѣзая съ своего мѣста, на спинѣ осла. Клаасъ жевалъ ломоть хлѣба, деля надежду оросить его нивомъ въ ближайшей корчмѣ. Вдругъ издали послышался звонъ колокола и шумъ, какъ будто говоръ цѣлой толпы.

— Вѣрно, богомольцы, — сказалъ онъ, — и не въ маломъ количествѣ. Держись, сынокъ, крѣпче, чтобы не свалиться. Посмотримъ. Впередъ, сѣрячокъ, живѣ!

И осель пустился рысью.

Выѣхавъ изъ лѣска, они спустились къ полю, съ запада окаймленному рѣкой. Съ другой стороны оказалась часовня, на крышѣ которой возвышалось изваяніе Божьей Матери, а у ногъ ея двѣ статуэтки, изображавшія быковъ. На ступеняхъ часовни стоялъ отшельникъ, звонившій въ колоколъ, а вокругъ него съ полсотни прислужниковъ — каждый съ зажженной свѣчой въ рукѣ, потомъ музыканты, звонари, барабанички, трубачи, свирѣльщики, волынщики и еще нѣсколько человѣкъ съ жестяными ящиками въ рукахъ, полными обломковъ стараго желѣза; но пока всѣ были неподвижны.

По дорогѣ тѣсными рядами, по семи въ рядъ, подвигалось пять тысячъ или болѣе богомольцевъ, всѣ въ шлемахъ и съ палками въ зеленой корѣ. Иногда со стороны появлялись новые, тоже въ шлемахъ и съ палками; они съ шумомъ присоединялись къ остальнымъ. Такъ проходили они по семь человѣкъ въ рядъ мимо часовни, гдѣ подносили свои палки подъ благословеніе, получали по свѣчѣ и за это уплачивали отшельнику по поль-флорина.

И шествіе ихъ было такъ длинно, что у первыхъ уже давно догорѣли свѣчи, когда у послѣднихъ онѣ едва загорались отъ избытка сала.

Клаасъ, Уленспигель и осель съ изумленіемъ смотрѣли на это пестрое множество толстыхъ, тонкихъ, широкихъ, высокихъ, низкихъ, стройныхъ, важныхъ и вяло тащившихся на

своихъ природныхъ подпоркахъ. И на всѣхъ паломникахъ были шлемы.

Были здѣсь вывезенные изъ Трои и подобныя фригійскимъ шапкамъ; другіе съ красными конскими хвостами; были и съ распростертыми орлиными крыльями. Но мало было похоже на то, что эти толстомордые брюханы собираются летѣть ввысь. Потомъ шли нѣкоторые, украсившіе себя пучками сухой травы, отъ которой, видно, и улитки отвернулись съ презрѣніемъ.

На большинствѣ же были старыя ржавыя шлемы, вѣрно, изъ временъ Гамбривіуса, стараго короля Фландріи и шива, который жилъ за девятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова и вмѣсто шлема носилъ пивную кружку, чтобы не быть вынужденнымъ, за отсутствіемъ сосуда, отказаться отъ выпивки.

Вдругъ загремѣли, завизжали, засвистали, зашипѣли, затрещали, задудѣли, забарабанили, зазвонили колокола, волынки, дудки, литавры, желѣзки.

Богомольцы, видимо, ожидали этого грохота; вдругъ они повернулись, ставъ рядами другъ противъ друга, и жгли другъ другу свѣчами лица. Поднялось чиханье, заговорили палки; они колотили другъ друга ногами, головами, каблукками, чѣмъ попало. Одни, сбросивъ шлемы, кинулись своими головами на своихъ противниковъ, точно бараны. Другіе оказались трусишками: они только выли отъ ударовъ.

Пока они жалостно выли: „Помилуй, Господи“, двѣ дерущіяся кучки молніей набросились на нихъ, смяли, повалили и безжалостно пошли дальше, топчя поверженных на землю.

А отшельникъ смѣялся.

Другія семерки, слетаясь, точно виноградныя гроздья, катились по откосу внизъ въ рѣчку и тамъ продолжали съ остервенѣніемъ драться, не охладивъ своей ярости.

А отшельникъ смѣялся.

Тѣ, что остались наверху, выбивали другъ другу зубы, подставляли синяки подъ глаза, вырывали волосы, въ клочья тербили камзолы и штаны.

И отшельникъ со смѣхомъ взывалъ:

— Валий, ребята, кто крѣпче бьетъ, крѣпче любитъ. Забійки бабамъ сладки. Спаси насъ Матерь Божія Риндбисбельская! Вотъ самцы такъ самцы!

Это, видимо, было очень пріятно богомольцамъ.

Между тѣмъ Клаасъ приблизился къ отшельнику, оставивъ Улеалингела, который хохоталъ и хлопалъ въ ладоши при видѣ драки.

— Отецъ,—спросилъ Клаасъ,—чѣмъ согрѣшили эти бѣдники, что вынуждены такъ жестоко колотить другъ друга?

Но отшельникъ не слушалъ его и кричалъ:

— Бездѣльники! Не падать духомъ! Если устанутъ ваши кулаки, изнемогутъ и ноги! На то ли даны вамъ ноги, чтобы удирать? Кто выбиваетъ огонь изъ камня? Сталь, бьющая по камню! Чтò можете оживить мужскія способности старѣющихъ людей лучше, чѣмъ добрая толика ударовъ, раздаваемыхъ въ мужественномъ гнѣвѣ?

И доблестные богомольцы продолжали обрабатывать другъ друга руками, ногами и головами. Въ этой дикой воющей схваткѣ и самъ стоглазый Аргусъ не разглядѣлъ бы ничего, кромѣ облака пыли да кончика шлема.

Вдругъ отшельникъ зазвонилъ въ колоколъ. Барабанщики, дудочки, свистуны, трубачи, волынщики, дребезжалыщники прекратили свой шумъ. Это былъ знакъ мира.

Богомольцы подбирали своихъ раненыхъ. Тамъ и здѣсь висѣли изъ ртовъ распухшіе отъ гнѣва языки. Но они сами влѣзли обратно въ свое логовище. Труднѣе всего было тѣмъ, кому такъ надвинули шлемы на головы, что они не могли ихъ оттуда вытащить. Они трясли головами, но шлемы спадали не легче, чѣмъ зеленныя сливы съ вѣтви.

Тогда отшельникъ воззвалъ:

— Теперь пропойте Ave и идите къ своимъ женамъ. Черезъ девять мѣсяцевъ въ округѣ будетъ столько поворожденныхъ, сколько было сегодня храбрыхъ бойцовъ.

И отшельникъ затянулъ „Богородицу“, а прочіе подхватили. И колоколъ звонилъ.

Затѣмъ отшельникъ благословилъ ихъ отъ имени Матери Божьей Риндбисбельской и сказалъ:

— Идите съ миромъ.

И они съ крикомъ, гамомъ и пѣніемъ ринулись въ той же сутолокѣ обратно въ Мейбургъ. Старыя и молодыя жены ждали ихъ на порогахъ домовъ, въ которые они ворвались, точно банда наемниковъ въ приступомъ взятый городъ.

Колокола въ Мейбургѣ гремѣли изо всѣхъ силъ, а мальчишки свистѣли, орали и гремѣли въ *rockel-pot*.

Кружки, рюмки, стаканы, бокалы, бутылки звенѣли сладостно, и вино ручьями лилось по глоткамъ.

Пока гремѣлъ этотъ трезвонъ и вѣтеръ несъ эти крики и пѣніе мужчинъ, женщинъ и дѣтей изъ города къ Клаасу, послѣдній, подойдя къ отшельнику, сталъ его разспрашивать, какую божественную милость надѣялись снискать эти люди столь суровымъ искусомъ.

Смѣясь, отвѣтилъ отшельникъ:

— Видишь на крышѣ часовни двѣ фигуры быковъ? Это память о чудѣ св. Мартина, который превратилъ двухъ волковъ въ бугаевъ, заставивъ ихъ бодаться другъ съ другомъ. Затѣмъ онъ въ теченіе часа мазалъ имъ морды сальной свѣчой и теръ древесной корой. Зная объ этомъ чудѣ, я купилъ за хорошія деньги у его святѣйшества патентъ и поселился здѣсь. Съ тѣхъ поръ всѣ мейбургскіе пузаны и старикашки убѣждены, что съ моею помощью настроютъ милостиво къ себѣ небесныя силы, если хорошенько подерутся между собою со свѣчкою въ рукахъ—это память о салѣ—и съ палкой—это эмблема мощи. Женщины посылаютъ сюда своихъ старыхъ мужей, и дѣти, рождаемыя вслѣдствіе этого паломничества, сильны, смѣлы, дики, живы: словомъ, хорошіе солдаты.

Вдругъ отшельникъ взглянулъ на Клааса:

— Узнаешь ты меня?

— Да,—сказалъ тотъ:—ты братъ мой Іостъ.

— Вѣрно,—отвѣтилъ отшельникъ:—но что это за малышъ, который тамъ строитъ мнѣ рожи?

— Это твой племянникъ,—сказалъ Клаасъ.

— А какъ велика, по-твоему, разница между мною и императоромъ Карломъ?

— Очень велика,—отвѣтилъ Клаасъ.

— Нѣтъ, очень невелика,—возразилъ Іостъ:—онъ заставляетъ людей убивать другъ друга, а я ихъ заставляю только драться; и оба мы дѣлаемъ это для нашей пользы и удовольствія.

Затѣмъ онъ повелъ ихъ въ свою хижину, и тамъ они проваляли одинадцать дней безъ перерыва.

XIII.

Разставшись съ братомъ, Клаасъ взобрался опять на осла и посадилъ Уленспигеля сзади. Проѣзжая черезъ Мейбургъ, онъ замѣтилъ, что тамошніе обыватели, стоящіе кучками, при видѣ его приходятъ вдругъ въ ярость, грозятъ кулаками и кричатъ: „Негодий!“. Причиной оказался Уленспигель, который, разстегнувъ штанишки и поднявъ рубашонку, показывалъ имъ нѣкоторую часть своего тѣла.

Замѣтивъ, что угрозы обращены къ его сыну, Клаасъ спросилъ:

— Что такое ты дѣлаешь, что они такъ сердятся на тебя?

— Дорогой батюшка,—отвѣтилъ Уленспигель,—я сижу позади тебя, ни съ кѣмъ не говорю ни слова, а они бранятъ меня негодяемъ.

Тогда Клаасъ пересадилъ его впередъ.

Отсюда Уленспигель показывалъ мейбургцамъ языкъ. Они ругались, потрясали палками, грозили кулаками и чуть не побили Клааса и осла.

Но Клаасъ погналъ осла рысью, и, пока за ними гнались, такъ что духъ захватило, онъ обратился къ сыну:

— Видно, ты родился въ несчастный день. Сидишь передо мной, никого не трогаешь, а они грозятся.

Уленспигель засмѣялся.

Проѣзжая черезъ Льежъ, Клаасъ узналъ, что въ прирѣчной области обыватели страдаютъ отъ голода и подчинены духовному суду. Они возстали, чтобы добиться хлѣба и свѣтскихъ судей. Однихъ повѣсили, другимъ отрубили головы, третьи пошли въ изгнаніе, ибо такъ велика была милость его высокопреосвященства господина де-ла-Марка, мягкосердечнаго архіепископа.

Клаасъ видѣлъ по дорогѣ изгнанниковъ, бѣжавшихъ изъ тихой Льежской стороны, и на деревьяхъ видѣлъ трупы людей, повѣшенныхъ за то, что они голодали. И онъ заплакалъ надъ ними.

XIV.

Пріѣхавъ на своемъ ослѣ домой, Клаасъ привезъ съ собой полный денегъ мѣшокъ, полученный отъ брата Юста вмѣстѣ съ англійской оловянной кружкой. Теперь въ домѣ не прекращались угощенія и пиршества, ибо изо дня въ день здѣсь бѣли мясо и бобы.

Клаасъ часто наполнялъ свою англійскую оловянную кружку добрымъ пивомъ *dobbel-kuyt* и выпивалъ ее до дна.

Уленспигель ѣлъ за тронъ и возился въ мискѣ, точно воробей въ кучѣ зерна.

— Смотри, — говорилъ Клаасъ, — онъ, чего добраго, и солонку съѣстъ.

— Если солонка сдѣлана, какъ наша, изъ хлѣбной корки, — отвѣчалъ Уленспигель, — то ее и надо почаще съѣдать, а то въ ней черви заведутся.

— Отчего ты вытираешь жирные пальцы о свои штаны? — спрашивала мать.

— Чтобы ноги не промокли, — отвѣчалъ Уленспигель.

Въ это время Клаасъ хватилъ здоровый глотокъ пива изъ своей кружки.

— Отчего у тебя такая большая кружка, а у меня такой маленькій стаканчикъ? — спросилъ Уленспигель.

— Оттого, что я твой отецъ и хозяинъ въ домѣ, — отвѣтилъ Клаасъ.

Но Уленспигель не соглашался:

— Ты пьешь уже сорокъ лѣтъ, а я только девять. Твое время пить уже проходитъ, а мое только начинается. Стало-быть, мнѣ полагается кружка, а тебѣ стаканчикъ.

— Сынъ мой, — поучалъ его Клаасъ, — кто хочетъ влить бочку въ бутылъ, тотъ прольетъ свое пиво въ канаву.

— Вотъ и лей твою бутылъ въ мою бочку: я вѣдь больше твоей кружки, — отвѣчалъ Уленспигель.

И Клаасъ, довольный, далъ ему выпить свою кружку. Такъ Уленспигель учился разговаривать ради выпивки.

XV.

Поясъ Сооткинъ показывалъ, что ей предстоитъ вновь стать матерью. Катлина также была беременна, но отъ страха она не смѣла выйти изъ дому.

Пришедшей къ ней Сооткинъ жаловалась она, истомленная и расплывшаяся:

— Чтò дѣлать мнѣ съ этимъ злополучнымъ плодомъ моего чрева? Задушить, что ли? Ахъ, лучше бы мнѣ умереть! А то уличать меня въ томъ, что у меня ребенокъ, и сдѣлають какъ со всякой распутницей: двадцать флориновъ штрафа возьмутъ и высѣкутъ на Рыночной площади.

Сказавъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ въ утѣшеніе, Сооткинъ распростилась съ нею и въ раздумьѣ пошла домой. И однажды она спросила мужа:

— Что, Клаасъ, если у меня вмѣсто одного родятся двойни, ты не побьешь меня?

— Не знаю, — отвѣтилъ Клаасъ.

— А если этотъ второй будетъ не отъ меня, а, какъ у Катлины, отъ неизвѣстнаго, быть-можетъ, отъ дьявола?

— Дьяволы, — отвѣтилъ Клаасъ, — рождаютъ огонь, смерть, угаръ, но не дѣтей. Ребенка Катлины я бы принялъ, какъ своего.

— Неужто принялъ бы?

— Говорю жъ тебѣ, — отвѣтилъ Клаасъ.

Сооткинъ пошла къ Катлинѣ и рассказала ей объ этомъ. Услышавъ это, Катлина была внѣ себя отъ счастья и радостно восклицала:

— Такъ онъ сказалъ? О, добрый человекъ! Его слово — спасеніе моего дитяти! Господь его благословить, и дьяволъ его благословить, если, — продолжала она съ дрожью, — если дьяволъ породилъ тебя, бѣдное дитя, чтò шевелишься въ моемъ чревѣ!

И Сооткинъ и Катлина родили, первал—мальчика, вторая—дѣвочку. Обоихъ понесли крестить, какъ дѣтей Клааса. Сынъ Сооткинъ названъ былъ Гансъ и скоро умеръ. Дочь Катлины получила имя Неле и была здоровенькая.

Изъ четырехъ молочныхъ бутылей пила она напитокъ жизни, изъ грудей Сооткинъ и грудей Катлины. И обѣ женщины тихо спорили, кто дастъ дитяти понить. Но, несмотря на свое желаніе, Катлина вынуждена была засушить свою грудь, чтобы никто не могъ спросить, откуда у нея молоко, если она не была матерью.

Когда маленькую Неле отняли отъ груди, она взяла ее къ себѣ и пустила къ Сооткинъ лишь тогда, когда дочь стала называть ее „мама“.

Сосѣди находили, что Катлина хорошо дѣлаетъ, взявъ къ себѣ на воспитаніе ребенка Клаасовъ: она женщина съ достаткомъ, а Клаасы ведутъ бѣдную, трудовую жизнь.

XVI.

Какъ-то утромъ, сидя дома и скучая, Уленспигельковырялъ отцовскій башмакъ, мастера себѣ изъ него корабликъ. Онъ ужъ воткнулъ въ подошву гротъ-мачту и продырявилъ носокъ, чтобы закрѣпить тамъ бугшпритъ, какъ вдругъ въ двери показалась верхняя часть тѣла всадника и голова лошади.

— Есть здѣсь кто-нибудь?—спросилъ всадникъ.

— Есть, — отвѣчалъ Уленспигель: — полтора человѣка и лошадиная голова.

— Какъ это?—спросилъ тотъ.

— Да вотъ какъ: цѣлый человѣкъ—это я; половина другого человѣка—это ты; и лошадиная голова—твоей кобылы.

— Гдѣ твой отецъ и мать?

— Мой отецъ работаетъ: изъ огня дѣлаетъ полымя, а мать старается принести намъ стыдъ или вредъ.

— Говори яснѣе, — сказалъ проѣзжій.

Уленспигель отвѣтилъ:

— Отецъ на полѣ конаетъ ямы, чтобы охотники, что топчуть нашъ посѣвъ, попали изъ огня да въ полымя. Мать ходитъ и ищетъ, гдѣ бы занять денегъ: если она возвратитъ слишкомъ мало, будетъ намъ стыдно; если отдастъ слишкомъ много, будетъ намъ вредно.

Всадникъ спросилъ его, гдѣ дорога.

— Тамъ, гдѣ шествуютъ гуси, — отвѣтилъ Уленспигель.

Проѣзжій скрылся, но, когда Уленспигель изъ второго башмака Клааса сооружалъ гребную галеру, явился вновь.

— Ты обмануль меня,—сказалъ онъ:—тамъ, куда ты по-
сталъ меня, нѣтъ ничего, кромѣ грязи и навоза, въ которомъ
коношатся гуси.

Уленспигель отвѣтилъ:

— Я и послалъ тебя не туда, гдѣ гуси „коношатся“, а
туда, гдѣ они „шествуютъ“.

— Ну, покажи наконецъ дорогу, которая „шествуетъ“ въ
Гейстъ.

— Во Фландріи шествуютъ люди, а не дороги,—отвѣтилъ
Уленспигель.

XVII.

Какъ-то Сооткинъ говоритъ Клаасу:

— Послушай, мужъ,—сердце мое неспокойно: ужъ три дня
какъ Тили нѣтъ дома. Не знаешь, гдѣ онъ?

— Онъ тамъ, гдѣ мотаются собаки,—печально отвѣтилъ
Клаасъ:—гдѣ-нибудь на большой дорогѣ шляется съ такими
же, какъ онъ, бездѣльниками. Жестоко наказалъ насъ Господь
этимъ сыномъ. Когда онъ родился, я думалъ: онъ будетъ
намъ утѣшеніемъ и поддержкой на старости лѣтъ. Я думалъ,
что сдѣлаю изъ него добраго работника, а судьба дѣлаетъ
изъ него лѣнтяя и проходимца.

— Не будь такъ строгъ,—отвѣтила Сооткинъ:—нашему
сыну едва минуло девять лѣтъ: онъ и шалить, какъ маль-
чикъ. Вѣдь и дерево теряетъ чешуйки прежде, чѣмъ одѣнется
въ зеленый уборъ, который даетъ ему честь и красоту. Знаю,
длинный у него языкъ. Но что же, можетъ быть, если онъ
его употребить не на глупыя шутки, а на честное дѣло, и
это пойдетъ ему на пользу. Онъ любитъ посмѣяться надъ
ближнимъ, но и это потому будетъ не такъ плохо въ кругу
товарищей. Онъ смѣется безъ устали, но лицо, скисшее до
зрѣлости—дурное предзнаменованіе для юности. Много бѣ-
гаетъ,—ну, будетъ расти лучше. Не работаетъ: такъ вѣдь въ
этомъ возрастѣ онъ и не можетъ понять, что трудъ—нашъ
долгъ, а если онъ подчасъ половину недѣли проводить Богъ
знаетъ гдѣ, то вѣдь онъ не знаетъ, какъ огорчается этимъ
насъ; у него вѣдь доброе сердце, и онъ любитъ насъ.

Клаасъ покачалъ головой, но ничего не отвѣтилъ, и Соот-
кинъ тихо плакала, когда онъ уснулъ. Къ утру ей уже ка-
залось, что сынъ ея валяется больной въ какомъ-нибудь зако-
улкѣ. Поэтому она подошла къ двери посмотреть, не вер-
нулся ли онъ. Но ничего не было видно, и она сѣла у окна
и глядѣла на улицу. И часто вздрагивало ей сердце при
звукѣ легкихъ шаговъ какого-либо мальчика. Но онъ про-

бѣгалъ мимо — это былъ не Уленспигель, — и опять плакала бѣдная мать.

А Уленспигель со своими негодными пріятелями былъ на рынкѣ въ Брюгге: тамъ по субботамъ базарный день.

Были здѣсь башмачники и латальщики, въ отдѣльныхъ рядахъ, старьевщики, птицеловы изъ Антверпена съ совами, ловящіе по ночамъ синицъ, торговцы платьемъ, бродяги, подбирающіе собакъ, кошатники съ кошачьими шкурками для перчатокъ, нагрудниковъ и оторочекъ, всякіе покупатели, горожане, горожанки, прислуга, работники, пекари, повара, кухарки, всё вперемежку, продавцы и заборщики съ крикомъ и бранью, одни выхваляя товаръ, другіе хая его.

Въ одномъ углу рынка была разбита на четырехъ шестахъ красивая палатка. У входа ея, подъ парусиннымъ навѣсомъ, стоялъ алоустскій крестьянинъ съ двумя монахами, занятыми сборомъ приношеній, и показывалъ за патаръ кружку благочестивыхъ зѣвакъ осколокъ ключицы св. Маріи Египетской. Надорваннымъ голосомъ прославлялъ онъ добродѣтели святой. И монахи утвердительно кивками подтверждали, что онъ говоритъ правду. Подлѣ него рыжая толстуха, похотливая съ виду, какъ Астарты, дула, что есть силъ, въ гнусную волюнку, а рядомъ съ ней, точно пѣночка, заливалась пѣсней хорошенькая дѣвочка. Но никто не слушалъ ея. Надъ входомъ въ палатку висѣла ушками на двухъ шестахъ бадья съ чудотворной водой изъ Рима. Такъ говорила рыжая толстуха, а монахи кивками подтверждали, что это правда. Уленспигель посмотрѣлъ на бадью и задумался.

Въ одному изъ шестовъ палатки былъ привязанъ оселъ, который, очевидно, привыкъ питаться больше соломой, чѣмъ овсомъ. Свѣсивъ голову, онъ уперся взглядомъ въ землю, очевидно, безъ всякой надежды найти на ней колючку чертополоха.

— Ребята! — сказалъ Уленспигель и показалъ товарищамъ на толстуху, монаховъ и осла: — поютъ хорошо; надо бы, чтобы сѣрякъ потанцовать.

Сказавъ это, онъ побѣжалъ въ сосѣднюю лавчонку, купилъ на шесть ларовъ перца и насыпалъ ослу подъ хвостъ.

Почувявъ жжение, оселъ сталъ осматриваться, откуда идетъ эта необычайная теплота. Рѣшивъ, что его поджариваетъ какой-то дьяволъ, онъ рванулся-было, заревѣлъ, завизжалъ, забрыкался и изо всѣхъ силъ дернулъ недоуздокъ. Шестъ покачнулся, бадья перевернулась, и вся чудотворная вода вылилась на навѣсъ и на тѣхъ, кто былъ подъ нимъ. Свалилась и парусина и мокрымъ покровомъ окутала всѣхъ, кто слу-

шаль исторію св. Маріи Египетской. Уленспигель съ друзьями, столпившись у палатки, слышали несшіеся оттуда вопли и брань. Ибо благочестивыя души, попадавшія тамъ въ кучу, пришли въ дикую ярость, обвиняя другъ друга въ несчастіи, и бѣшено колотили кто въ кого попалъ. Парусина надувалась надъ этой судою. Всякій разъ, какъ на ней обозначалась вынуклая часть чьего-нибудь тѣла, Уленспигель втыкалъ туда булавку. Отвѣтомъ былъ остервенѣлый вой и новая всынка драки.

Уже это было восхитительно, но еще лучше стало, когда осель бросился бѣжать и потащилъ за собою парусину, бадью и шесты, а хозяйинъ палатки, его жена и дочь хватились за свои пожитки. Осель, изнемогши, наконецъ остановился, поднималъ морду кверху и ревѣлъ непрерывно, изрѣдка только глядявася, не гаснетъ ли огонь, жгущій его сзади.

А благочестивые слушатели продолжали свою возню; монахи, не обращая на нихъ вниманія, ползали по землѣ, собирая деньги, упавшія съ тарелокъ, и Уленспигель благоговѣнно помогалъ имъ—не безъ выгоды для себя.

XVIII.

Пока негодный сынъ угольщика возрасталъ такимъ образомъ въ удачныхъ забавахъ, жалкій отпрыскъ царственнаго рода жилъ въ тоскливой угрюмости. Дамы и кавалеры видѣли, какъ тащится по покоемъ и переходамъ замка Вальядолиды его тощее тѣло на неустойчивыхъ ногахъ, едва несшихъ тяжесть его безобразно-большой головы, косматой и бѣлобрысой.

Неизмѣнно выискивалъ онъ темные проходы во дворцѣ и садился въ угольѣ, вытянувъ ноги. Такъ онъ сидѣлъ часами, ожидая, что какой-нибудь слуга по невниманію зацѣпится за его ноги. Слугу сѣкли за это, и принцъ радовался, слыша его крики подъ ударами. Но онъ никогда не смѣялся.

На другой день онъ устраивалъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ такую же ловушку, усѣвшись съ вытянутыми ногами въ другомъ проходѣ. Фрейлины, придворные и пажы, спѣша пробѣгавшіе мимо него, цѣплялись, падали, ушибались. Это было ему приятно, но онъ не смѣялся.

Если кто-нибудь натыкался на него и не падалъ, онъ вскрикивалъ, точно его бьютъ, и ужасъ испуганнаго чело-вѣка веселилъ его. Но онъ никогда не смѣялся.

Его святѣйшему величеству было доложено объ этомъ поведеніи; послѣдовалъ приказъ не обращать на инфанта вниманія. Ибо,—сказалъ императоръ,—если инфантъ не хочетъ,

чтобы ему наступали на ноги, то пусть не вытягивает их тамъ, гдѣ ходятъ люди.

Это не понравилось Филиппу, но онъ не сказалъ ничего, и съ тѣхъ поръ его видѣли лишь изрѣдка, когда онъ въ теплый лѣтній день грѣлъ на солнцѣ свое забнувшее тѣло.

Однажды, возвратившись съ похода и заставъ сына въ обычной тоскѣ, Карлъ обратился къ нему:

— Сынъ мой, какъ мало похожъ ты на меня. Когда я былъ въ твоёмъ возрастѣ, я влѣзалъ на деревья, ловилъ бѣлокъ; я спускался на банатѣ съ отвѣсной скалы, чтобы разорвать орлиныя гнѣзда. Я могъ въ этой игрѣ сложить свои кости, но онѣ стали крѣпче отъ этого. На охотѣ дикіе звѣри убѣгали въ чащу, увидѣвъ меня съ добрымъ мушкетомъ.

— О, у меня болитъ животъ, батюшка!—стонать инфантъ.

— Наксаретское вино—превосходное лѣкарство отъ желудка,—отвѣчала Карлъ.

— Я не люблю вина. У меня голова болитъ, батюшка.

— Сынъ мой, ты долженъ бѣгать, прыгать, лазить, какъ всѣ мальчики въ твоёмъ возрастѣ.

— У меня сводитъ ноги, батюшка.

— Еще бы ихъ не свело,—отвѣчалъ Карлъ:—ихъ сводитъ оттого, что ты ими не пользуешься, точно онѣ деревянные. Я прикажу привязать тебя къ коню.

Инфантъ расплакался.

— О, только не привязывать никуда: у меня болятъ бедра.

— Но у тебя, кажется, нѣтъ ничего, что бы не болѣло.

— Ничего у меня не будетъ болѣть, если меня оставить въ покоѣ.

— Что жъ, ты думаешь промечтать всю свою королевскую жизнь, точно какой-нибудь подымчій?—нетерпѣливо восклицалъ императоръ:—покой, уединеніе и раздумье пристойны тѣмъ, кто только и знаетъ дѣла, что пачкать чернилами пергаментъ. Тебѣ, сыну меча, пристала огненная кровь, глаза рыси, хитрость лисы, мощь Геркулеса.

XIX.

Май и іюнь въ этомъ году были поистинѣ мѣсяцами расцвѣта. Никогда во Фландріи не было видано столь упительнаго цвѣтенія боярышника, никогда не было такого множества розъ, жасмина и жимолости въ садахъ. Когда дулъ вѣтеръ изъ Англии и несъ благоуханіе этой расцвѣтшей страны къ востоку, всѣ, особенно въ Антверпенѣ, поднимали носы и весело замѣчали:

— Чувствуете, какой приятный запах доносится из Фландри?

И трудолюбивыя пчелы собирали медъ въ цвѣтахъ, дѣлали воскъ и клали яички въ ульяхъ, не вмѣщавшихъ уже ихъ роевъ. Какъ разносилась трудовая музыка подъ голубымъ небосклономъ, лучезарно обнимающимъ эту богатую землю!

Дѣлали ульи изъ тростника, соломы, ивовыхъ прутьевъ, изъ травы. Корзинщики, столеры, бочары затупили на этой работѣ свои инструменты. Не хватало корытниковъ. Насчитывали въ рояхъ до тридцати тысячъ пчелъ и двухъ тысячъ семисотъ трутней. Соты были такъ великолѣпны, что каноникъ города Дамме послалъ одиннадцать штукъ императору Карлу въ благодарность за то, что онъ своими повѣйшими указами вернулъ Святой Инквизиціи ея надлежащую силу. Филиппъ съѣлъ соты, но они не пошли ему въ пользу.

Нищія, бродяги, босляки и вся эта орава всевозможныхъ бездѣльниковъ, шатающаяся по большимъ дорогамъ и любой работѣ предпочитающая хоть висѣлицу, почувавъ сладостный запахъ меда, явились за своей долей, волоча съ собой свою лѣнь. И по ночамъ они толпами шатались вокругъ.

Клаасъ тоже надѣлалъ ульевъ, чтобы собрать въ нихъ рой. Нѣкоторые были уже полны, другіе ждали пчелинаго народа. Ночь за ночью сторожилъ Клаасъ свое сладкое добро. Истощившись, онъ поручилъ это дѣло Уленсигелю. Тотъ охотно согласился.

Однажды ночью, почувствовавъ холодъ, онъ забрался въ пустой улей и, съжившись тамъ, смотрѣлъ въ дырочки: ихъ было двѣ.

Онъ уже засыпалъ, какъ вдругъ слышитъ: хворостъ на заборѣ шуршитъ; слышны и голоса двухъ человѣкъ—вѣрно, воры. Онъ посмотрѣлъ въ дырочку и увидѣлъ, что оба въ бородахъ и съ длинными волосами, хотя бороды тогда носили только дворяне.

Переходя отъ улья къ улью, они подошли къ нему, подняли его улей и сказали:

— Возьмемъ этотъ; онъ самый тяжелый.

Потомъ проѣли въ него свои палки и понесли.

Уленсигелю это путешествіе въ ульѣ не доставляло никакого удовольствія. Ночь была ясна, и сперва воры двигались молча. Каждая полсотня шаговъ они останавливались, переводила дыханіе и опять пускались въ путь рысцой. Передній бѣшено ругался сквозь зубы, что ноша слишкомъ тяжела, а задній только жалобно вскликивалъ. Ибо на этомъ свѣтѣ

есть два сорта бездѣльниковъ: однихъ всякая работа приводитъ въ бѣшенство, другіе отъ нея только скулятъ.

Не зная, что предпринять, Уленсигель, высунувъ руки, схватилъ передняго за волосы, задняго за бороду и дралъ ихъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ сердитый не закричалъ слезливому:

— Перестань дергать меня за волосы, а не то я такъ тресну тебя по банкѣ, что она провалится тебѣ въ грудную клетку, и ты будешь смотрѣть сквозь ребра, какъ воры сквозь тюремную рѣшетку.

— Какъ бы я посмѣлъ, дружище, дергать тебя,—отвѣтилъ слезливый:—вѣдь это ты вырвалъ мнѣ бороду.

— Ну, сталъ я ловить вшей въ колтунѣ!

— Ой, не качай такъ улей—силъ моихъ нѣтъ!—взмолился слезливый.

— Сейчасъ помогу тебѣ,—закричалъ сердитый.

И, сбросивъ ремень, онъ поставилъ улей на землю и бросился на своего спутника. Пока они колотили другъ друга, подъ проклятія одного и мольбы другого, Уленсигель вылезъ изъ корзины, потащилъ ее въ лѣсъ, спряталъ такъ, что ее можно было опять найти, и вернулся домой.

Такъ извлекаетъ хитрецъ выгоду изъ чужой распри.

XX.

Уленсигелю было пятнадцать лѣтъ, когда онъ какъ-то въ Дамме разбилъ на четырехъ палкахъ маленькую палатку и, сидя въ ней, выкликалъ, что здѣсь каждый можетъ видѣть въ соломенной рамѣ свой образъ, настоящій и будущій.

Горделиво и напыщенно подходилъ надутый ученый законникъ. Уленсигель высовывалъ свою голову изъ рамы, строилъ обезьянью рожу и говорилъ:

— Старое хайло, не цвѣсти тебѣ, а догнивать. Ну, что, не вылитый я вашъ портретъ, господинъ докторъ?

Приходилъ старикашка съ своей безславной плѣшью и молодой женой: Уленсигель опять прятался и показывалъ въ рамѣ рогульку, на вѣткахъ которой висѣли роговые гребенки, шкатулки, ручки ножей,—и спрашивалъ:

— Изъ чего сдѣланы эти штучки, сударь мой? Изъ рога, который такъ хорошо растетъ въ садахъ старыхъ мужей! Кто смѣетъ сказать, что отъ роконосцевъ нѣтъ никакой пользы государству?

И рядомъ съ роговыми издѣліями показывалось въ рамѣ юное лицо Уленсигеля.

Отъ ярости у старика дѣлался припадокъ кашля, но его

хорошенькая жена успокоивала его своей ручкой и, улыбаясь, разговаривала съ Уленспигелемъ:

— А мой портретъ покажешь?

— Покажу—подойди поближе,—отвѣчалъ Уленспигель.

Только она подошла, онъ притянулъ ее къ себѣ и покрывъ поцѣлуями.

Красотка уходила, давъ ему на прощаніе флоринъ, а то и два.

Жирному, толстогубому монаху, просившему тоже показать ему его изображеніе настоящее и будущее, Уленспигель отвѣчалъ:

— Теперь ты ящикъ ветчины—это твое настоящее, а потомъ станешь пивнымъ погребомъ—это твое будущее, ибо соленое требуетъ вышивки,—не такъ ли, брюхачъ? Дай патаръ—вѣдь я сказала тебѣ правду.

— Сынъ мой,—отвѣчалъ монахъ,—мы не носимъ при себѣ денегъ.

— Деньги васъ посятъ, — возражалъ Уленспигель: — я знаю, у тебя деньги въ подошвахъ сандалій. Дай мнѣ твои сандаліи.

— Сынъ мой, это достояніе обителн. Но такъ и быть, вытану, вотъ тебѣ два патара за твои труды.

И Уленспигель почтительно принялъ деньги.

Такъ показывалъ онъ ихъ изображенія жителямъ Дамме, Брюгге, Бланкенберге и даже Остенде.

И вмѣсто того, чтобы сказать по-фламандски: „Ik ben uien-deen spiegel“, то-есть: „я ваше зеркало“, онъ произносилъ коротко: „Ik ben uien spiegel“, какъ говорятъ въ восточной и западной Фландріи.

Отсюда и произошло его прозвище Уленспигель.

XXI.

Когда онъ подросъ, его лучшимъ удовольствіемъ стало сло- няться по рынкамъ и ярмаркамъ. Увидѣвъ дудочника, скри- пача или вольтничка, онъ непременно старался за патаръ научиться у него его искусству.

Особенно хорошо онъ игралъ на *gommel-pot*—инструментѣ, состоящемъ изъ горшка, свиного пузыря и длинной камы- шинки. Онъ устраивалъ его слѣдующимъ образомъ: обтяги- валъ смоченнымъ пузыремъ горшокъ, потомъ середину пу- зыря привязывалъ къ колѣну камышинки, упиравшейся въ дно горшка, къ краямъ котораго былъ туго-туго привязанъ пузырь такъ, что чуть не лопался.

Къ утру, когда пузырь высыхалъ, онъ при ударѣ гудѣлъ,

какъ бубенъ, а камышинка, если по ней провести пальцами, звучала, какъ лютня. И Уленспигель съ своимъ хрипящимъ горшкомъ, подчасъ ворчавшимъ точно цѣпной песь, съ своимъ громкимъ пѣніемъ ходилъ славить Христа по домамъ, а за нимъ толпа ребятишекъ, носившихъ подъ Крещенье блестящую бумажную звѣзду.

Пріѣзжалъ въ Дамме живописецъ, чтобы изобразить на полотнѣ колѣнопреклоненными почтенныхъ членовъ какой-нибудь гильдіи, Уленспигель пристраивался къ нему растирать краски, потому что хотѣлъ смотрѣть, какъ тотъ работаетъ. Потому онъ и платы бралъ только домотъ хлѣба, три ліара денегъ и кружку пива.

Растирая краски, онъ не отрывалъ глазъ отъ работы мастера. Когда тотъ отлучался, онъ пробовалъ тоже порисовать, но злоупотреблялъ красной краской. Такъ пробовалъ онъ изобразить Клааса и Сооткинъ, Катлину и Неле, а также горшки и кружки. Клаасъ, глядя на его картины, пророчилъ ему, что онъ грудами будетъ загребать флорины, если станетъ изображать надписи на *speer-wagen*: такъ въ Зеландіи и Фландріи называются повозки бродячихъ акробатовъ.

Онъ научился также вырѣзывать вещицы изъ камня и дерева у каменщика, который взялся сдѣлать на хорахъ собора Богоматери для каноника — уже престарѣлаго — такое сидѣніе, чтобы тотъ могъ, когда захочется, сѣсть, но казался бы стоящимъ.

Такимъ образомъ Уленспигель былъ первый, украсившій рѣзбой ручку ножа, какія и теперь въ ходу въ Зеландіи. Онъ придалъ ей форму клѣтки, внутри ея былъ черепъ, а на ней лежала собака. Предметы эти должны были означать: „Клинокъ, вѣрный до смерти“.

Такъ начало сбываться предсказаніе Катлины: Уленспигель былъ живописецъ, ваятель, крестьянинъ и дворянинъ: ибо изъ рода въ родъ Клаасы имѣли гербъ — три серебряныя кружки на „ливномъ“ фонѣ.

Но ни на одномъ ремеслѣ не могъ остановиться Уленспигель, и Клаасъ заявилъ ему, что, если такъ будетъ продолжаться, онъ его вышвырнетъ изъ дому.

XXII.

Возвратившись однажды съ похода, императоръ спросилъ, почему не вышелъ къ нему навстрѣчу сынъ его Филиппъ съ должнымъ привѣтомъ,

Архіепископъ, воспитатель инфанта, отвѣтилъ, что принцъ

не захотѣлъ выйти, но заявилъ, что любить только книги и одиночество.

Императоръ освѣдомился, гдѣ находится инфантъ.

Воспитатель полагалъ, что принца надо искать въ какомъ-нибудь темномъ закоулкѣ; и такъ они и сдѣлали.

Они прошли длинную вереницу комнатъ, пока набрали наконецъ на какой-то чуланъ безъ пола, освѣщаемый только дырой. Здѣсь они увидѣли вбитый въ землю столбъ, на которомъ подвѣшена была маленькая обезьянка, какъ-то присланная изъ Индіи въ подарокъ его высочеству, дабы позабавить его смѣхотворными ужимками звѣрька. Внизу дымились еще тлѣющія дрова, и въ чуланѣ стоялъ запахъ жженого волоса.

Звѣрекъ такъ страдалъ, издыхая, что его маленькое тѣлце ничѣмъ не напоминало иѣкогда живое существо, но скорѣе походило на какой-то искривленный, шишковатый корешокъ. Ротъ, широко открытый, точно въ послѣднемъ крикѣ предсмертной агоніи, былъ покрытъ кровавой иѣной, и крупныя слезы покрывали мордочку.

— Кто сдѣлалъ это?—спросилъ императоръ.

Воспитатель не посмѣлъ отвѣтить, и оба стояли въ молчаніи, мрачномъ и гнѣвномъ.

Вдругъ въ этой тишинѣ изъ темнаго уголка за ними слышался тихій звукъ, точно кашель. Императоръ обернулся и увидѣлъ инфанта. Филиппъ былъ въ темной одеждѣ и со салъ лимонъ.

— Донъ Филиппъ,—сказалъ отецъ,—подойди и поздоровайся со мной.

Инфантъ не шевельнулся и смотрѣлъ на отца трусливыми глазами, въ которыхъ не было любви.

— Ты это свежъ здѣсь звѣрька?

Инфантъ опустилъ голову.

— Если ты былъ достаточно жестокъ, чтобы сдѣлать это, то будь же достаточно смѣлъ, чтобы признаться,—сказалъ императоръ.

Инфантъ не отвѣтилъ ни слова.

Тогда императоръ вырвалъ лимонъ изъ рукъ сына, бросилъ его на землю и сталъ бить его... Архіепископъ удержалъ его величество и шепнулъ ему на ухо:

— Его высочество прославится сожженіемъ еретиковъ.

Императоръ улыбнулся, и они вышли, оставивъ инфанта съ его обезьяной.

Но были другіе—не обезьяны—и однако они тоже нашли смерть на кострѣ.

XXIII.

Пришелъ ноябрь съ его морозами, когда кашляющее чело-
вѣчество улаждается музыкой харканья. Дѣтвора носится
толпами по свекловичнымъ полямъ, грабя, что можно, къ ве-
ликой ярости крестьянъ, которые напрасно гоняются за ними
съ палками и вилами.

Однажды вечеромъ Уленспигель, возвращаясь съ такого
похода, услышалъ гдѣ-то подъ заборомъ жалобное визжаніе.
Онъ наклонился и увидаль лежащую на камняхъ собаку

— О, бѣдняга, что ты тутъ такъ поздно дѣлаешь?

Погладивъ ее рукой, онъ почувствовалъ, что спина ея со-
вершенно мокра, и подумать, что ее, вѣрно, хотѣли утопить.
Онъ взялъ ее на руки, чтобы согрѣть ее. Приди домой, онъ
спросилъ:

— Я принесъ раненаго, что съ нимъ дѣлать?

— Перевязать, — отвѣтилъ Клаасъ.

Уленспигель положилъ собаку на столъ, и тутъ, при свѣтѣ
лампы, онъ, Сооткинъ и Клаасъ увидѣли рыженькаго люксем-
бургскаго шпица и рану на его спинѣ. Сооткинъ промыла
рану, намазала мазью и перевязала тряпочкой. Потомъ Улен-
спигель уложилъ его въ свою постель, хотя мать хотѣла
взять собачку къ себѣ: она знала, что Уленспигель ночью
мечется, какъ чортъ въ освещенной водѣ, и боялась, что онъ
придушитъ собачку.

Но Уленспигель настоялъ на своемъ и такъ усердно уха-
живалъ за песикомъ, что черезъ шесть дней тотъ ужъ бѣ-
галъ съ нахальствомъ настоящаго барбоса.

И school-meester (школьный учитель) назвалъ его Титусъ
Бибулусъ Шнуффіусъ, то-есть Нюхало: Титусъ въ память
извѣстнаго своей добротой римскаго императора, который
тоже подбиралъ бродячихъ собакъ; Бибулусъ, то-есть пш-
ница, потому, что песъ очень любилъ темное пиво; и Ню-
хало потому, что онъ, неустанно что-то вынюхивал, тыкалъ
свой носъ въ каждую крысиную или кротовью нору.

XXIV.

Въ концѣ Соборной улицы по краямъ глубокаго пруда
стояли двѣ вербы, одна противъ другой.

Уленспигель натянулъ между ними канатъ и однажды въ
воскресенье послѣ вечерни плисалъ на немъ, забавляя толпу
зѣвакъ, которая рукоплесканіями и криками выражала ему
свое одобреніе. Потомъ онъ слѣзъ и сталъ обходить толпу

съ тарелкой, которая вскорѣ наполнилась. Онъ высыпалъ всѣ деньги въ передникъ матери, а себѣ взялъ только одиннадцать лѣаровъ.

Въ слѣдующее воскресенье онъ опять собрался плясать на канатѣ, но нашлись пакостники-мальчишки, которые, завидуя его ловкости, подрѣзали канатъ; послѣ нѣсколькихъ прыжковъ канатъ лопнулъ, и Уленспигель свалился въ воду.

Между тѣмъ, какъ онъ подплывалъ къ берегу, мальчишки кричали ему:

— Какъ твое драгоценное здоровье, Уленспигель? Не собрался ли ты учить карповъ въ прудѣ тоже танцевать на канатѣ?

Уленспигель доплылъ до берега, отряхнулся и, такъ какъ недруги шарахнулись въ сторону, испугавшись, что онъ бросится на нихъ, онъ крикнулъ имъ:

— Бояться нечего. Вотъ приходите въ то воскресенье; я покажу новыя штуки на канатѣ, а выручкой подѣлюсь съ вами.

Въ воскресенье эти молодцы ужъ не подрѣзали каната, а, наоборотъ, смотрѣли, чтобы кто другой не повредилъ его, потому что народу собралось множество.

Уленспигель обратился къ нимъ:

— Дайте мнѣ каждый по одному башмаку: онъ у меня,—хотите биться объ закладъ?—будетъ танцевать на канатѣ.

— А о чемъ закладъ?

— Сорокъ кружекъ пива,—отвѣчалъ Уленспигель:—а если я выиграю, вы платите три патара.

— Идетъ,—отвѣтили они. И каждый далъ ему по башмаку. Уленспигель сложилъ ихъ всѣ въ передникъ, влѣзъ на канатъ и, хоть съ трудомъ, плясалъ на немъ съ этой пошей.

Молодежь кричала снизу:

— Ты говорилъ, что башмаки будутъ танцевать, а ты ихъ носишь. Плати-ка проигрышь!

— Да они танцуютъ на мнѣ,—отвѣчалъ Уленспигель,—и не говорилъ, что надѣну ихъ. Чтѣ оставились, точно лягушки? Платите-ка мои три патара.

Они кричали, требуя, чтобы онъ имъ отдалъ ихъ башмаки.

Онъ сталъ бросать одинъ башмакъ за другимъ въ толпу: всѣ бросились разбирать ихъ, произошла свалка, никто не могъ добраться до своего башмака.

Уленспигель слѣзъ съ дерева и облилъ драчуновъ—только не чистой водой...

XXV.

Инфанту было пятнадцать лѣтъ; безцѣльно, какъ всегда слонялся онъ по переходамъ, лѣстницамъ и заламъ замка. Чаще всего его видѣли у дамскихъ покоевъ, гдѣ онъ затѣвалъ ссоры съ пажами. Ибо пажи были всегда тамъ, точно коты на ловлѣ. Нѣкоторые оставались во дворѣ и, поднявъ носы кверху, пѣли пѣсни пѣсан.

Услышавъ пѣніе, инфантъ вдругъ показывался въ окнѣ, и бѣдные пажи пугались, увидѣвъ вмѣсто ласковыхъ глазокъ своихъ милыхъ эту блѣдную образину.

Среди придворныхъ дамъ была одна прелестная фламандка изъ Дудцееле, подлѣ Дамме, пышная, точно зрѣлый плодъ, и восхитительно-красивая: съ зелеными глазами и свѣтлыми золотистыми волосами. Веселая и пламенно-страстная, она ни отъ кого не скрывала своей склонности къ тому счастливцу изъ кавалеровъ, которому предоставила сладостное право наслаждаться ея божественной благосклонностью. Она избрала въ это время одного знатнаго красавца. Ежедневно въ извѣстное время она встрѣчалась съ нимъ, и объ этомъ узналъ Филиппъ.

Поэтому онъ сѣлъ на скамьѣ у окна и ждалъ ее; съ сверкающими глазами и полуоткрытымъ ртомъ, прелестная въ своемъ шуршащемъ золотистомъ парчевомъ платьѣ, она мелькнула мимо него по пути съ купанья. Не подымаясь со скамейки, инфантъ остановилъ ее:

— Сеньора, свободны ли вы на минутку?

Она дрожала отъ непреодолимаго нетерпѣнія, какъ кобылица, задержанная въ своемъ бѣгѣ къ красавцу-жеребцу, ржущему на лугу, но отвѣтила:

— Ваше высочество, здѣсь въ замкѣ всѣ подчиняются вашему желанію.

— Сядьте подлѣ меня,—сказалъ онъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее хитрымъ, острымъ, похотливымъ взглядомъ и продолжалъ:

— Скажите мнѣ „Отче нашъ“ по-фламандски. Я знаю когда-то, но забылъ.

Бѣдняжка читала ему „Отче нашъ“, а онъ просилъ читать какъ можно медленнѣе.

И такъ она прочитала ему молитву десять разъ подъ рядъ, все думая о часѣ иныхъ молитвъ, который казался ей столь близкимъ...

Затѣмъ онъ сталъ осыпать похвалами ея прекрасные волосы, чудный цвѣтъ ея лица, ея ясные глаза; только о ея

полныхъ плечахъ, ея высокой груди и иныхъ ея прелестяхъ онъ не посмѣлъ сказать ничего.

Она ужъ думала, что можетъ идти, и поглядывала во дворъ, гдѣ ждалъ ее кавалеръ, но инфантъ спросилъ ее, знаетъ ли она, въ чемъ достоинство женщины.

И такъ какъ она въ замѣшательствѣ не знала, что отвѣтить, онъ поучительно отвѣтилъ за нее самъ:

— Достоинство женщины — ея чистота, добродѣтель и скромное поведеніе.

И онъ посоветовалъ ей одѣваться пристойно и скрывать свои прелести.

Она выразила согласіе наклоненіемъ головы и отвѣтила, что предъ его гиперборейскимъ высочествомъ ей пріятнѣе было бы закутаться въ десять медвѣжьихъ шкуръ, чѣмъ въ енсейный платокъ.

И, пока онъ, смущенный этимъ отвѣтомъ, стоялъ молча, она весело убѣжала.

Однако пламя юности возгорѣлось и въ груди инфанта, но это былъ не тотъ могучій пылъ, который побуждаетъ сильныя души къ великимъ подвигамъ, и не тотъ мягкій огонекъ, отъ котораго плачутъ души нѣжныя, но тотъ мрачный адскій жаръ, возжечь который дано одному сатанѣ. Этотъ жаръ свѣтился въ его сѣрыхъ глазахъ, словно лунный свѣтъ въ змѣную ночь надъ кладбищемъ. Жестоко жегъ его этотъ жаръ.

Не чувствуя въ себѣ любви ни къ кому на свѣтѣ, несчастный злюка не смѣлъ предложить себя женщинамъ. Онъ уходилъ въ темный, заброшенный уголокъ, въ чуланъ съ выбѣленными известью стѣнами и узкими окнами, гдѣ онъ грызъ обыкновенно свое пирожное и куда во множествѣ слетались мухи на сладкія крошки. Тамъ онъ ласкалъ себя, раздавливая пальцами мухъ о стекло, и убивалъ ихъ сотнями, пока его пальцы такъ начинали дрожать, что онъ ужъ не могъ продолжать этого кроваваго занятія. И мерзкое наслажденіе испытывалъ онъ отъ этой жестокой истомя, ибо сладострастіе и жестокость—двѣ гнусныя сестры. Онъ уходилъ изъ этого уголка еще угрюмѣе, чѣмъ пришелъ, и всякій, какъ могъ, бѣжалъ отъ лица этого принца, изсиня-блѣднаго, точно онъ питался струнъями.

И принцъ страдалъ: ибо злое сердце—это мученіе.

XXVI.

Юная красавица покинула Вальядолиду и отправилась въ свой замокъ Дудцееле во Фландріи.

Проѣзжая въ сопровожденіи своего толстаго управляющаго чрезъ городъ Дамме, она увидѣла юношу лѣтъ пятнадцати, который, сѣдя у стѣны маленькаго домика, игралъ на волынкѣ. Передъ нимъ стоялъ рыжій песъ и жалобно вылъ, такъ какъ, очевидно, не выносилъ этой музыки. Солнце свѣтило ярко, а подлѣ юноши стояла дѣвушка, которая громко хохотала при каждомъ завываніи собаки.

Проѣзжая мимо домика, прекрасная дама со своимъ толстымъ управляющимъ увидѣли, какъ дудить на волынкѣ Уленспигель, хохочетъ Неле и востъ Титусъ Вибудусъ Шнуффюсъ.

— Злой мальчишка,—сказала дама,—зачѣмъ ты доводишь бѣднаго пса до такого воя?

Но Уленспигель, услышавъ это, загудѣлъ еще громче, Вибудусъ завылъ еще жалостивѣе, Неле хохотала еще веселѣе.

Управляющій пришелъ въ бѣшенство и, показывая на Уленспигеля, предложилъ дамѣ:

— А не потерѣбитъ ли мнѣ ножнами моей шпаци эту дрянь: можетъ-быть, онъ прекратитъ тогда свой непристойный визгъ?

Уленспигель взглянулъ на управляющаго, пробормоталъ: — Молчи, толстопузый! — и продолжалъ играть. Управляющій подошелъ къ нему и пригрозилъ кулакомъ. Но Титусъ Вибудусъ бросился на него и схватилъ за ногу. Управляющій упалъ на землю и заоралъ:

— Спасите!

Дама засмѣялась и спросила Уленспигеля:

— Скажи, дудочникъ, не знаешь ли ты, дорога изъ Дамме въ Дудцееле все та же, что и прежде?

Уленспигель утвердительно кивнулъ головой, но продолжалъ играть, не отрывая глазъ отъ дамы.

— Почему ты уставился на меня?—спросила она.

Но онъ, изумленный и восхищенный, только шире раскрылъ свои глаза.

— Не стыдно тебѣ въ твои годы такъ смотрѣть на даму?—спросила она.

Уленспигель слегка покраснѣлъ и, не переставая играть, все смотрѣлъ на нее.

— Я спрашивала тебя, не измѣнилась ли дорога изъ Дамме въ Дудцееле?—повторила она.

— Она потеряла свою зелень съ тѣхъ поръ, какъ вы лишили ее возможности носить васъ на себѣ, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Проводишь меня?—спросила она.

Но Уленспигель, не вставая съ мѣста, не отрывалъ отъ нея взгляда. И она не сердилась: ей нравилось, что онъ такой молодой и, видно, смысленный. А онъ всталъ и направился къ входу.

— Куда же ты?—спросила она.

— Придѣться,—отвѣтилъ онъ.

— Иди,—сказала она.

Она сѣла на скамейку у входа, и управляющій рядомъ съ ней. Она хотѣла поболтать съ Неле, но Неле не отвѣчала ей: Неле ревновала.

Уленспигель вернулся, вымытый, въ плисовой курткѣ. Въ воскресномъ нарядѣ онъ смотрѣлъ очень важно, каналья.

— Ты въ самомъ дѣлѣ пойдешь съ этой красивой дамой?—спросила Неле.

— Я сейчасъ вернусь,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Можеть, лучше я пойду,—предложила Неле.

— Нѣтъ, грязно очень на дорогѣ.

— Почему,—спросила дама гнѣвно и тоже ревниво, — почему ты, дѣвочка, мѣшаешь ему пойти со мной?

Неле ничего не отвѣтила, но крупныя слезы показались въ ея глазахъ, и она сердито и тоскливо посмотрѣла на даму.

Такъ они и отправились вчетверомъ: дама, точно королева, сидѣвшая на своемъ смирномъ бѣломъ конѣ, покрытомъ черной бархатной попоной, управляющій, толстое брюхо котораго вздрагивало при каждомъ шагѣ, Уленспигель, который велъ бѣлаго коня подъ уздцы, и рядомъ съ нимъ Титусъ Бибулусъ съ гордо поднятымъ хвостомъ.

Такъ шествовали они нѣкоторое время. Но Уленспигелю было не по себѣ. Безмолвный, какъ рыба, онъ вдыхалъ нѣжный запахъ бензола, шедшій отъ дамы, и бросалъ украдкой взгляды на сбрую съ металлическимъ уборомъ, на драгоценныя украшенія, но также и на ея нѣжное лицо, открытую грудь, блестящія глаза и волосы, сверкавшіе на солнцѣ, точно золотой чепецъ.

— Почему ты все молчишь, молодой человѣкъ?—спросила она.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Не такъ ужъ ты косноязыченъ, чтобы не выполнить порученіе?

— Смотри какое,—сказалъ онъ.

— Отсюда я поѣду одна, а ты пойдешь обратно, знаешь, въ Коолькерге и тамъ передашь отъ меня одному господину, въ черно-красной одеждѣ, чтобы онъ не ждалъ меня сегодня,

а въ воскресенье въ десять часовъ вечера пришелъ бы ко мнѣ въ замокъ черезъ потайной ходъ.

— Не пойду,—сказала Уленспигель.

— Почему?

— Не пойду,—повторилъ онъ.

— Чего ты взбѣсился, пѣтушокъ?

— Не пойду,—твердилъ Уленспигель.

— А если я заплачу тебѣ флоринъ?

— Нѣтъ.

— Дукать?

— Нѣтъ.

— Червонецъ?

— Нѣтъ,—повторилъ онъ. — Хотя, — прибавилъ онъ, — на такія вещи и смотрю много охотнѣе, чѣмъ на ракушекъ въ кошелькѣ матери.

Дама засмѣялась и вдругъ вскричала:

— Я потеряла мою дорогую и рѣдкостную шелковую сумку, вышитую жемчугомъ! Въ Дамме еще она висѣла у меня на поясѣ.

Уленспигель не шевельнулся, управляющій же всполошился:

— Сударыня, не посылайте этого проходимца, а то вы никогда не увидите своей сумки.

— Кто же пойдетъ за ней?—спросила она.

— Придется мнѣ не пожалѣть моей старости.

И онъ поспѣшилъ обратно.

Полуденная жара была невыносима, и одиночество царило вокругъ. Безмолвно Уленспигель снялъ свою праздничную куртку и разстелилъ ее въ тѣни ивы, чтобы дама могла сѣсть, не боясь сырой травы. И онъ стоялъ подлѣ нея, вздыхая.

Она взглянула на него и почувствовала жажду къ робкому мальчику. Поэтому она спросила его, не усталъ ли онъ стоять на своихъ дѣтскихъ ногахъ. Онъ не сказалъ ни слова, и, когда онъ сталъ падать подлѣ нея, она поддержала его, привлекла его къ своей обнаженной груди, и тамъ онъ остался съ такой радостью, что ей показалось безчеловѣчнымъ приказать ему искать себѣ другую подушку.

Между тѣмъ возвратился управляющій съ извѣстіемъ, что нигдѣ не могъ найти сумки.

— Да вотъ она,—отвѣтила дама:—я нашла ее, сходя съ коня: падаа, она зацѣпилась за стремя. А теперь, — обратилась она къ Уленспигелю, — веди насъ прямо въ Дуддееле и скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ

— Мой патронъ — святой Тильбертъ, и имя его значить: прятый въ погонѣ за прекрасными венцами, Имя отца моего — Клаасъ, а прозвище мое — Уленсигель: ваше зеркало. Если ваша милость взглянетъ въ это зеркало, вы увидите, что во всей Фландріи нѣтъ цвѣтка, равнаго прелестью вашей благоуханной красотѣ.

Дама покраснѣла отъ удовольствія и не разсердилась на Уленсигеля.

А Сооткинъ и Неле проплакали все время его долгаго отсутствія.

XXVII.

Вернувшись изъ Дудсееле, Уленсигель при входѣ въ городъ прежде всего увидѣлъ Неле. Прислонившись къ стѣнѣ, она щипала кисточку чернаго винограда, и ягоды, конечно, освѣжали и услаждали ее, но это удовольствіе не проявлялось ни въ чемъ. Наоборотъ, она была возбуждена и сердито отрывала виноградники одну за другой. Она явно страдала, и на лицѣ ея написана была такая забота и печаль, что Уленсигель, объятый ласковымъ состраданіемъ, приблизился къ ней сзади и нѣжно поцѣловаль ее въ шею.

Но она повернулась, и онъ получилъ въ отвѣтъ яростную оплеуху.

— И все-таки я ничего не понимаю, — сказала Уленсигель.

Она залилась слезами.

— Хочешь изобразить фонтанъ у входа въ деревню, Неле? — сказалъ онъ.

— Убирайся! — вскрикнула она.

— Не могу убраться, пока ты такъ плачешь, дѣвочка!

— Я не дѣвочка и я не плачу.

— О, нѣтъ, ты не плачешь, — это вода льется изъ твоихъ глазъ.

— Уйди отъ меня.

— Не уйду.

И дрожащими ручками она теребила мокрый передникъ, по которому градомъ катились слезы.

— Неле, — спросилъ Уленсигель, — скоро переменна погоды?

И онъ съ нѣжной улыбкой смотрѣлъ на нее.

— Не все ли тебѣ равно?

— Значить, не все равно: въ сухую погоду нѣтъ дождя.

— Убирайся къ баринѣ въ парчѣ, ты ее уже забавлять.

На это онъ зацѣль:

Вотъ плачешь милая моя.

О, какъ страдаю съ нею я!

Какая сладость льется
Когда она смѣется;
А если зарыдаешь,
Жемчужины роняешь.
И все жь, тоскуя иль шутя,
Стаканъ дувенскаго вина
Поставить бы охотно я,
Чтобъ весела была она.
Струя, звеня, польется,
И Неле засмѣется.

— Бродяга,—сказала она,—еще смѣешься надо мной!

— Неле,—отвѣтилъ онъ,—я не бродяга: нашъ почтенный родъ, родъ старинный, имѣетъ въ гербѣ три серебряныхъ кружки на пивномъ фонѣ. Скажи, Неле, неужто такъ заведено во Фландріи, что съешь поцѣлуй, а жнешь оплеухи?

— Я съ тобой не разговариваю.

— Однако открываешь ротъ, чтобъ сказать мнѣ это.

— Я зла, зла, зла на тебя!

Удеснигель толкнулъ ее въ бокъ и сказалъ:

— Цѣлуешь злючку, она дерется; побьешь ее—она сдается.

Ну, сдавайся, дѣвочка—я вѣдь побилъ тебя.

Неле обернулась. Онъ протянулъ руки, она бросилась ему на шею, всхлиывая.

— Ты туда больше не пойдешь, Тиль?

Но онъ не отвѣчалъ, такъ какъ былъ занятъ: онъ сжималъ ея бѣдные дрожащіе пальчики и старался губами осушить горячія слезы, которыя крупными каплями проливного дождя лились изъ глазъ Неле.

XXVIII.

Въ эти дни благородный Гентъ отказался платить дань, наложенную на него его сыномъ, императоромъ Карломъ. Городъ не могъ платить, ибо былъ уже совершенно разоренъ Карломъ. Это было тяжкое преступленіе. Поэтому Карлъ рѣшилъ лично наказать Гентъ.

Ибо сыновній бичъ больше спилъ матери, чѣмъ всякій иной.

Его другъ Францискъ Длинноносый предложилъ ему двинуться черезъ Францію. Карлъ принялъ предложеніе, и его привѣтствовали и окружали царскими почестями вмѣсто того, чтобы запереть его. Неизмѣнно царить между государями согласіе, когда имъ надо поддержать другъ друга противъ иль народовъ,

Карлъ долго оставался въ Валансьенѣ, не показывая своего гнѣва. Городъ Гентъ жилъ беззаботно, въ спокойной

надеждѣ, что императоръ, сынъ его, проститъ своей родинѣ то, что она поступала по праву и по закону.

Карлъ съ четырьмя тысячами всадниковъ явился подъ стѣнами города. Съ нимъ былъ Альба, а также принцъ Оранскій. Простой народъ и ремесленники хотѣли воспротивиться вступленію императора и на вербовали для этой цѣли восемьдесятъ тысячъ горожанъ и крестьянъ. Но зажиточнѣе купцы, называемые *hooghrooters*, воспротивились, испугавшись, что въ случаѣ успѣха престою народѣ получить слишкомъ большое значеніе. А между тѣмъ этимъ способомъ городъ Гентъ могъ искрошить въ мелкіе кусочки своего сына и его четыре тысячи всадниковъ.

Но городъ любилъ его, и даже къ ремесленникамъ вновь вернулись надежды.

Карлъ отвѣчалъ на эту любовь взаимностью: за деньги, которыя онъ получалъ отъ Гента и которыхъ хотѣлъ имѣть еще больше.

Овладевъ городомъ, онъ разставилъ повсюду часовыхъ; дозоры день и ночь обходили Гентъ. Затѣмъ съ большой торжественностью онъ объявилъ свой приговоръ.

Знатнѣйшіе граждане обязаны были съ веревкой на шеѣ явиться передъ его престоломъ и уплатить соответственную пеню. Гентъ былъ обвиненъ въ самыхъ выгодныхъ для обвинения преступленіяхъ: измѣнѣ, непокорности, вѣроломствѣ, возстаніи, мятежѣ, оскорбленіи величества.

Императоръ объявилъ недѣйствительными всѣ права и преимущества, вольности и обычаи, и постановилъ, — какъ если бы онъ былъ Господомъ Богомъ, — что отнынѣ его преемники при вступленіи на престолъ будутъ приносить клятву, что не сдѣлаютъ городу никакихъ уступокъ сверхъ тѣхъ, которыя сдѣланы Карломъ въ *Concessio Carolina*.

Онъ разрушилъ Сенъ-Бавонское аббатство, чтобы воздвигнуть на его мѣстѣ крѣпость, откуда онъ, при желаніи, могъ бы съ удобствомъ пронизать чрево своей матери ядрами.

Какъ почтительный сынъ, торопливо завлаждающій наслѣдствомъ, онъ конфисковалъ всѣ имущества и доходы Гента, дома, оружіе и военные припасы.

Найдя, что оборона города слишкомъ хороша, онъ срылъ всѣ укрѣпленія: Красную Башню, Жабью Дыру, Брампортъ, Стинпортъ, Ваальпортъ, Кетельпортъ, несмотря на украшающіе ихъ фронтоны и фигуры, высѣченные изъ камня.

Когда въ послѣдствіи въ Гентъ попадали иностранцы, они съ удивленіемъ спрашивали другъ друга:

— Что же это за чудеса рассказывали объ этомъ городѣ, такомъ однообразномъ и пустыннымъ?

И граждане гентскіе отвѣчали:

— Императоръ Карль лишилъ городъ его драгоценнаго полса.

И, говоря это, они были исполнены гнѣва и стыда. Изъ развалинъ городскихъ стѣнъ императоръ взялъ камни для постройки своей крѣпости.

Онъ хотѣлъ до тла разорить Гентъ, чтобы трудолюбіе, промышленность и богатство города не стали на дорогѣ его горделивымъ планамъ. Поэтому онъ присудилъ городъ къ уплатѣ не внесенной дани въ четыреста тысячъ червонцевъ и, кромѣ того, къ уплатѣ ста шестидесяти тысячъ дукатовъ, а затѣмъ еще къ ежегодному налогу въ шесть тысячъ. Гентъ далъ ему пѣвогда денегъ взаймы, и онъ долженъ былъ платить городу ежегодно сто пятьдесятъ фунтовъ серебра. Онъ отобралъ свои долговныя обязательства и обогатился посредствомъ этого способа платить свои долги.

Гентъ любилъ его и не разъ поддерживалъ его, но онъ возилъ ему кинжалъ въ грудь и пилъ кровь, ибо мало получилъ молока.

Потомъ „Роландъ“, прекрасный колоколъ, обратилъ на себя его вниманіе; и онъ приказалъ на языкъ его повѣсить того, кто забилъ въ него набать, чтобы призвать городъ къ защитѣ своихъ правъ. Онъ не сжалился надъ Роландомъ, языкомъ своей матери, надъ Роландомъ, взывавшимъ къ Фландріи, надъ Роландомъ, гордымъ колоколомъ, который самъ о себѣ говорилъ:

Als men my slaet, dan is 't brandt,
 Als men my luyt, dan is 't storm in Vlaenderlandt.
 Звонять въ меня—значить, гдѣ-то горитъ,
 Гремѣть въ меня—значить, буря Фландріи грозитъ.

И, найдя, что языкъ его матери говоритъ слишкомъ громко, Карль убралъ его колоколъ. И люди въ округѣ говорили, что Гентъ умеръ потому, что сынъ его желѣзными клещами вырвалъ у него языкъ.

XXIX.

Смѣнялись свѣжіе дни ясной весны, земля дышала любовью. Сооткинъ болтала съ кѣмъ-то, стоя у открытаго окна. Клаасъ мурлыкалъ пѣсенку, а Уленсигель смастерилъ судейскую шапочку и надѣлъ ее на Титуса. Песъ важно подымалъ лапу, точно изрекая приговоръ,—но онъ дѣлалъ это только для того, чтобы избавиться отъ шапочки.

Вдруг Уленспигель захлопнул окно, заметался по комнате, вскакивая на столы и стулья и поднимая руки кверху. Сооткинъ и Клаасъ увидѣли, что онъ прыгаетъ потому, что хочетъ поймать прелестную маленькую птичку, которая, вся дрожа, пищала отъ ужаса и прижалась въ уголокъ на потолокъ.

Только Уленспигель хотѣлъ уже схватить ее, какъ Клаасъ вдругъ сказалъ ему:

— Чего ты мечешься?

— Чтобы поймать ее, — отвѣтилъ Уленспигель, — посадить ее въ клетку, кормить ее зерномъ и слушать, какъ она будетъ пѣть.

Птичка опять вспорхнула съ жалобнымъ пискомъ, проносясь изъ угла въ уголокъ и ударяясь о стекла.

Уленспигель все прыгалъ за нею, но Клаасъ положилъ свою тяжелую руку на его плечо и сказалъ:

— Поймай ее, посади ее въ клетку, чтобы она тебѣ пѣла. А я тоже посажу тебя въ клетку, запертую доброй желѣзной рѣшеткой, и заставлю тебя пѣть. Ты любишь бѣгать — и не сможешь; ты будешь лежать въ тѣни, когда тебѣ будетъ холодно, и на солнцѣ, когда тебѣ станетъ жарко. Какъ-нибудь въ воскресенье мы уйдемъ, забывъ дать тебѣ поѣсть, и вернемся лишь въ четвергъ и, когда мы придемъ домой, мы найдемъ Тили умершимъ отъ голода, холоднымъ и неподвижнымъ.

Сооткинъ заплакала, Уленспигель вскочилъ.

— Что ты дѣлаешь? — спросилъ Клаасъ.

— Отворяю окно для нея, — отвѣтилъ Уленспигель.

И щегленокъ порхнулъ къ окну, издавъ радостный пискъ, поднялся стрѣлою вверхъ, потомъ усѣлся на сосѣднюю яблоню, чистя перышки и поругивая на своемъ птичьемъ языкѣ Уленспигеля.

И Клаасъ сказалъ:

— Сынъ мой, никогда не лишай человѣка или животное свободы, величайшаго блага на землѣ. Дай каждому грѣться на солнцѣ, когда ему холодно, и прохладяться въ тѣни, когда ему жарко. И пусть Господь судить его величество, императора Карла, заковавшего въ цѣпи свободную вѣру во Фландрию и заключившаго въ клетку рабства благородный Гентъ.

XXX.

Филиппъ женился на Маріи Португальской, земли которой присоединилъ къ своимъ испанскимъ владѣніямъ. Отъ нея имѣлъ онъ Дюль-Карлоса, злого безумца. Но онъ не любилъ свою жену!

Королева болѣла послѣ тяжелыхъ родовъ. Она лежала въ постели, окруженная придворными дамами, среди которыхъ была герцогиня Альба.

Филиппъ часто покидалъ ее, чтобы присутствовать при сожженіи еретиковъ. Всѣ дамы и кавалеры его двора слѣдовали его примѣру, — въ томъ числѣ и герцогиня Альба, благородная сидѣлка при королевѣ.

Инквизиція осудила въ это время одного фламандскаго скульптора, католика по вѣрѣ: одинъ монахъ заказалъ ему вырѣзать изъ дерева за условленную плату изваяніе Божьей Матери и хотѣлъ недоплатить ему; тогда художникъ исковеркалъ рѣзцомъ лицо статуи, ибо, — сказалъ онъ, — онъ лучше уничтожить свою работу, чѣмъ согласится на позорную цѣну.

Обвиненный монахомъ въ кощунствѣ, онъ былъ подвергнутъ безчеловѣчной пыткѣ и присужденъ къ сожженію.

Во время пытки ему сожгли подошвы, и по пути отъ тюрьмы къ костру, покрытый „San-benito“, онъ все время кричалъ:

— Отрубите ноги! Отрубите ноги!

И Филиппъ издали съ наслажденіемъ слушалъ эти изступленные крики. Но онъ не смѣялся.

Придворныя дамы королевы Маріи покинули ее, чтобы видѣть казнь, и вмѣстѣ съ ними побѣжала герцогиня Альба, ибо и она хотѣла слышать крики фламандскаго художника и наслаждаться зрѣлищемъ. И королева осталась одна.

Филиппъ и весь его дворъ, его князья и графы, кавалеры и дамы, всѣ смотрѣли, какъ приговали фламандскаго скульптора длинной цѣпью къ столбу, окруженному пучками соломы и связками хвороста, такъ что осужденный могъ держаться подалеже отъ наиболѣе жаркаго пламени и такимъ образомъ жарился на медленномъ огнѣ.

Съ любопытствомъ смотрѣли всѣ, какъ онъ, голый или почти голый, старался вдохнуть въ свою душу силу для борьбы съ огнемъ.

Какъ разъ въ это время королевѣ Маріи очень захотѣлось пить. Половина дыни лежала на блюдѣ. Родильница приводнялась, потащилась съ постели черезъ комнату, взяла дыню и съѣла ее всю безъ остатка.

Отъ этого охлажденія ее начало знобить; покрытая холоднымъ потомъ, она упала и лежала на полу безъ движенія.

— О, — стонала она, — я бы согрѣлась, если бы меня перенесли въ постель.

Тутъ донесся до нея крикъ несчастнаго скульптора:

— Отрубите ноги!

— О,—вздыхала она,—что это тамъ востъ—собака пред-рекаетъ мнѣ смерть?

Въ это мгновеніе скульпторъ видѣлъ вокругъ себя лишь враждебныя испанскія лица. Онъ подумалъ о Фландріи, странѣ мужественной силы, скрестилъ руки, потянулъ цѣпь во всю ея длину, сталъ прямо на горящій связки соломы и хвороста и воскликнулъ:

— Такъ умираютъ фламандцы предъ своими испанскими палачами. Не мнѣ, а имъ рубите ноги, чтобы они не могли больше заниматься убійствами. Да здравствуетъ Фландрія! Фландрія во вѣки вѣковъ!

И дамы рукоплескали ему и просили смилостивиться надъ нимъ, такъ какъ имъ правилась его гордая поза.

И онъ умеръ.

Королева Марія дрожала всѣмъ тѣломъ и рыдала; зубы ея колотились отъ потрясавшаго ее предсмертнаго озноба, и она вытягивала ноги и руки съ криками:

— Положите меня въ постель, согрѣйте меня!

И она умерла.

Такъ, по предсказанію Катлины, доброй колдуньи, съялъ Филиппъ вездѣ кровь, смерть и слезы.

XXXI.

А Уленспигель и Неле вѣжно любили другъ друга.

Пришелъ конецъ апрѣля, всѣ деревья стояли въ цвѣту, всѣ растенія, полныя соковъ, ждали мая, который нисходитъ на землю; многоцвѣтный, какъ павлинь, и благоуханный, какъ букетъ, онъ приближается, и соловьи поютъ, заливаясь въ деревьяхъ.

Часто Уленспигель и Неле гуляли вдвоемъ по безлюднымъ тропамъ. Неле опиралась на него, и руки ихъ были слетены. Уленспигель часто охватывалъ рукой ея станъ,—чтобы поддержать ее,—говорилъ онъ. И она была счастлива, но не говорила ничего.

Вѣтеръ проносилъ по дорогамъ ароматы луговъ. Море шумѣло вдали, словно лѣнясь подъ лучами солнца. Уленспигель былъ гордъ, точно молодой сатаненокъ, Неле наслаждалась своимъ счастьемъ стыдливо, точно маленькая святая въ раю.

Она клала голову на плечо Уленспигеля, онъ бралъ ея руки, цѣловалъ ее на ходу въ лобъ, щеки и въ губы. Но она не говорила ничего.

Такъ проходили часы. Они чувствовали жажду и жаръ, заходили къ крестьянину, пили у него молоко, но это не освѣжало ихъ.

Они присѣли на траву у склопа обрыва.

Неле была блѣдна и задумчива. Уленсигель боязливо смотрѣлъ на нее.

— Ты грустенъ?—спросила она.

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Почему?

— Я не знаю; но эти яблони и вишни въ цвѣту, этотъ мягкій воздухъ, точно пронизанный молніями, эти маргаритки, раскрывающіяся на дугахъ, терновникъ, бѣлѣющій у насъ на заборахъ... Кто скажетъ мнѣ, отчего это я такъ взволнованъ всѣмъ и не то готовъ умереть, не то уснуть? И сердце мое бьется такъ сильно, когда я слышу, какъ проснулись въ вѣтвяхъ птички, когда я вижу, что прилетѣли ласточки. Мнѣ хочется нестись куда-то дальше солнца и мѣсяца. То мнѣ жарко, то холодно. Ахъ, Неле! Я хотѣлъ бы быть не на землѣ, или, нѣтъ, я хотѣлъ бы дать тысячу жизней той, которая меня будетъ любить...

Но Неле ничего не говорила, радостно смѣялась и смотрѣла на Уленсигеля.

XXXII.

Въ день поминанія мертвыхъ Уленсигель вмѣстѣ съ нѣсколькими озорниками вышелъ изъ собора Богоматери; среди нихъ былъ и Ламме Гоодзакъ — точно агненокъ въ стаѣ волковъ.

Ламме щедро угостилъ всѣхъ доброй выпивкой, такъ какъ по праздникамъ и по воскресеньямъ получалъ отъ матери по три патара.

Всей компаніей отправились въ „Красный щитъ“ къ Яну ванъ-Либеке, у котораго они нашли доброе Кортрейкское пиво *dobbele knollaert*.

Выпивка развеселила ихъ; они говорили о церковной службѣ, и Уленсигель заявилъ, что панихиды приносятъ пользу только понамъ.

Но былъ въ ихъ компаніи Иуда, который донесъ на Уленсигеля. Несмотря на слезы Сооткинъ и доводы Клааса, Уленсигель былъ взятъ по обвиненію въ ереси и заключенъ въ тюрьму. Три мѣсяца и три дня сидѣлъ онъ за рѣшеткой, не вида живой души. Тюремщикъ съѣдалъ три четверти положенной заключенному ѣды. Въ это время наводили справки о его доброй и дурной славѣ. Оказалось, что онъ только злой проказникъ, вѣчно насмѣхающійся надъ своими ближними, но никогда не изрекалъ хулы на Господа Бога, Дѣву Марію или святыхъ угодниковъ. Поэтому и приговоръ былъ мягокъ:

ему могли вѣдь наложить на лобъ клеймо раскаленнымъ желѣзомъ или бичевать его до крови.

Принимая во вниманіе его юность, судьи постановили: въ первыхъ, въ одной рубахѣ, съ обнаженной головой и босыми ногами, со свѣчой въ рукѣ, онъ будетъ шествовать вслѣдъ за священниками въ первомъ крестномъ ходѣ, который выйдетъ изъ церкви.

Это было въ день Вознесенья.

Когда крестный ходъ былъ на обратномъ пути, Уленсигель долженъ былъ остановиться въ дверяхъ собора и возгласить:

— Благодарю тебя, Господи Иисусе! Благодарю господъ священнослужителей. Молитвы ихъ сладостны, а то и прохладительны для душъ, страдающихъ въ огнѣ чистилища. Ибо каждое „Ave“ есть ведро воды, изливающееся на ихъ спины, а каждое „Pater“ — цѣлый чанъ!

Народъ слушалъ все это съ благоговѣніемъ, но не безъ усмѣшки.

Въ Духовъ день Уленсигель также долженъ былъ идти за крестнымъ ходомъ, въ рубахѣ, босой, съ обнаженной головой и свѣчой въ рукѣ. На обратномъ пути онъ остановился у церковнаго портала, благоговѣнно держа свѣчу, — при чемъ однако скорчилъ насмѣшливую рожу, — и провозгласилъ громко и отчетливо:

— Если молитвы христіанскія — великое облегченіе для душъ, томящихся въ огнѣ чистилища, то молитвы каноника собора пресв. Богородицы, святаго человѣка, прославленнаго своими добродѣтелями, такъ мощно гасятъ огонь чистилища, что все пламя его мгновенно превращается въ усладу. Но чертямъ, приставленнымъ къ мученію страждущихъ, не достается изъ этой услады ничего.

И народъ слушалъ съ видимымъ благоговѣніемъ. Но про себя онъ смѣялся; а каноникъ улыбался, радуясь за церковь.

Затѣмъ Уленсигель былъ изгнанъ на три года изъ Фландрій, съ тѣмъ, чтобы въ это время онъ совершилъ паломничество въ Римъ и принесъ оттуда прощеніе папы.

За приговоръ этотъ Клаасъ уплатилъ три флорина; да еще на дорогу далъ сыну одинъ флоринъ и паломническую одежду.

Въ часъ разлуки, обнимая Клааса и Ссоткинъ, бѣдную рыдающую мать, Уленсигель былъ очень удрученъ. Они провожали его далеко за городъ вмѣстѣ со многими горожанами и горожанками.

Вернувшись домой, Клаасъ обратился къ женѣ:

— Знаешь, жена, это, по-моему, очень жестоко—такъ сурово наказать за пару глупыхъ словъ такого мальчика.

— Ты плачешь, мужъ,—сказала она:—ты любишь сына больше, чѣмъ выдаешь, ибо рыданіе сильнаго человека подобно плачу льва.

Но онъ не отвѣтилъ ей.

Неле спряталась на чердакѣ, чтобы никто не видѣлъ, что и она плачетъ объ Уленсигель. Издали шла она за Сооткинъ и Клаасомъ и ихъ спутниками. Увидѣвъ, что Уленсигель остался одинъ, она бросилась бѣжать за нимъ, догнала и винулась ему на шею со словами:

— Ты тамъ найдешь столько красивыхъ дамъ...

— Красивыхъ, можетъ-быть,—отвѣчалъ онъ,—но такихъ свѣжихъ, какъ ты, конечно, нѣтъ: тамъ онѣ всѣ поджарены солнцемъ.

Долго шли они вмѣстѣ. Уленсигель былъ погруженъ въ глубокое раздумье и только иногда приговаривалъ:

— Заплатить они мнѣ за свои панихиды!

— Какія панихиды и кто за нихъ заплатитъ? — спросила Неле.

— Всѣ деканы, патеры, понамари, толстые, высокіе и низкіе попы, которые кормятъ насъ надувательствами. Если бы я былъ прилежный труженикъ, они этимъ путешествіемъ лишили бы меня плодовъ трехлѣтней работы. Теперь заплатится бѣдный Клаасъ. Сторицей заплатятъ они мнѣ за эти три года, и за ихъ деньги закажу я по нимъ панихиды.

— Ой, Тиль, будь остороженъ,—предупреждала Неле:—они сожрутъ тебя живьемъ.

— Я несгораемый,—отвѣтилъ Уленсигель.

И они расстались: она—рыдая, онъ—удрученный и сердитый.

XXXIII.

Проходя черезъ Брюгге,—была среда и базарный день,—онъ увидѣлъ на рынкѣ женщину, которую тащили палачъ съ помощниками. Вокругъ нихъ толпилось множество другихъ женщинъ, осыпавшихъ ее грязными ругательствами.

Взглянувъ на ея платье, увѣшанное красными доскутьями, на „камень правосудія“, висѣвшій на ея шеѣ на желѣзныхъ цѣпяхъ, Уленсигель понялъ, что эта женщина виновна въ томъ, что торговала свѣжимъ тѣломъ своихъ невинныхъ дочерей. Въ толпѣ говорили, что ее зовутъ Барбарой, что она замужемъ за Ясономъ Дарю и что должна переходить въ этомъ одѣяніи съ площади на площадь до тѣхъ поръ, пока

не вернется вновь на Рыночную площадь, гдѣ взойдетъ на эшафотъ, уже воздвигнутый для нея. Уленспигель шелъ за ней вмѣстѣ съ ревущей толпой. По возвращеніи на Рыночную площадь, ее привязали къ столбу, и палачъ насыпалъ передъ нею кучку земли съ травой, что должно было обозначать могилу.

Уленспигель узнать теперь, что се уже бичевали въ тюрьмѣ.

Дальше на пути онъ встрѣтилъ Генриха Маршала, ницаго, который былъ уже разъ повѣшенъ въ кастелленствѣ Ипрскомъ, и слѣды веревки были еще видны у него на шеѣ. Онъ рассказывалъ, что отъ смерти онъ былъ спасенъ, уже вися на веревкѣ, просто тѣмъ, что вознесъ моленія къ Гальской Богородицѣ. Когда судьи и должностныя лица удалились, его спасло чудо: веревка, уже не душившая его, разорвалась, и онъ упалъ на землю.

Но вскорѣ затѣмъ Уленспигель узналъ, что этотъ спасенный отъ веревки ницѣи совсѣмъ не Генрихъ и что ему даютъ шататься повсюду и распространять эту ложь лишь потому, что у него есть пергаментъ отъ настоятеля собора Гальскаго. Ибо слѣдствіемъ распространяемаго ницимъ рассказа было то, что люди толпами стекались къ Гальской Богоматери, и особенно много жертвовали тѣ изъ нихъ, которые чуяли близко подлѣ себя висѣлицу. И долго еще Божья Матерь Гальская посила названіе Мадонны висѣльниковъ.

XXXIV.

Вторично предстали въ это время инквизиторы и теологи предъ императоромъ Карломъ и заявили ему слѣдующее: церковь гибнетъ; значеніе ея падаетъ; если онъ одержалъ столько славныхъ побѣдъ, то ими обязанъ онъ молитвамъ католичества, на которомъ покоится его императорское величіе.

Одинъ испанскій архіепископъ потребовалъ, чтобы императоръ отрубилъ шесть тысячъ головъ или сжегъ шесть тысячъ тѣлъ, чтобы искоренить въ Нидерландахъ злую лютерову ересь. Его святѣйшему величеству это показалось еще недостаточнымъ.

И куда ни приходилъ бѣдный Уленспигель, вездѣ, исполненный ужаса, онъ видѣлъ головы, торчащія на шестахъ; дѣвущекъ, бросаемыхъ въ мѣшкахъ въ рѣку; голыхъ мужчинъ, распятыхъ на колесѣ и избиваемыхъ желѣзными палками; женщинъ бросали въ ямы, засыпали ихъ землей, и палачи плясали сверху, растаптывая имъ груди. Но духов-

ники тѣхъ, которые заблаговременно покаались, получали за каждаго раскаявшагося по двѣнадцать су.

Онъ видѣлъ въ Лувенѣ, какъ палачи сожгли сразу тридцать лютеранъ, и костеръ былъ зажженъ посредствомъ пороха. Онъ видѣлъ въ Лимбургѣ, какъ цѣлая семья,—мужчины и женщины, дочери и зятья,—съ пѣніемъ псалмовъ взошла на эшафотъ. Лишь одинъ старикъ изъ всѣхъ нихъ кричалъ, когда пламя охватило его.

И, полный ужаса и боли, брелъ дальше Уленспигель по этой злосчастной землѣ.

XXXV.

Въ поляхъ онъ отряхивался, какъ птица, какъ спущенная съ цѣпи собака, и сердце его вновь становилось крѣпко при видѣ деревьевъ, луговъ и яснаго солнца.

Послѣ трехдневнаго пути пришелъ онъ въ брюссельскую округу, въ богатую деревню Уккле. Проходя мимо забъзгаго двора „Труба“, онъ почувалъ сладостный запахъ жаркого. Къ маленькому нищему, который, поднявъ носъ, наслаждался этимъ благоуханіемъ, обратился онъ съ вопросомъ, въ честь кого воздымается къ небу этотъ праздничный оиміамъ. Тотъ отвѣтилъ, что это братья ордена Благодушнаго Образа собираются здѣсь въ часъ вечерней трапезы, чтобы отпраздновать освобожденіе общины женщинами и дѣвушками въ незапамятные времена.

Издали увидѣвъ Уленспигель шесть, на которомъ виселось чучело поугая, а вокругъ шеста женщинъ, вооруженныхъ луками.

На его вопросъ, съ какихъ это поръ бабы стали стрѣлками, нищій, вновь втянувъ въ себя ароматъ соуса, отвѣтилъ, что въ давнопрошедшія времена эти самыя луки въ рукахъ женщинъ общины Уккле стояли жизни болѣе чѣмъ сотнѣ разбойниковъ.

Уленспигель хотѣлъ знать подробности. Но нищій сказалъ ему, что онъ голоденъ и не отвѣтитъ ему ни слова, пока не получитъ патаръ на пропитаніе и выпивку. Изъ состраданія Уленспигель подалъ ему милостыню.

Получивъ патаръ, нищій юркнулъ въ трактиръ, точно лиса въ курятникъ, и побѣдоносно явился оттуда съ половиной колбасы и ломтемъ хлѣба въ рукахъ.

Вдругъ послышались звуки бубновъ и скрипокъ; толпа женщинъ вышла съ пляской—и среди нихъ одна, пригожая, съ золотой цѣпочкой на шеѣ.

Нищій, блаженно улыбавшійся съ тѣхъ поръ, какъ насы-

тился, объяснил Уленспигелю, что красивая молодая женщина—королева стрельбы изъ лука, что зовутъ ее Мізтье и что она жена господина Ренонкеля, общиннаго старшины. Затѣмъ онъ попросилъ у Уленспигеля шесть діаровъ на выпивку. Получивъ ихъ, поѣвъ и выпивъ, онъ сѣлъ на солнцѣ и ковырялъ пальцами въ зубахъ.

Увидѣвъ Уленспигеля въ паломническомъ одѣяніи, женщины окружили его хороводомъ съ криками:

— Здравствуй, красивый богомолецъ! Откуда ты, молодой богомолецъ?

Уленспигель отвѣтилъ:

— Я иду изъ Фландріи, прекрасной страны, столь богатой милыми дѣвушками.

И онъ съ грустью подумалъ о Неле.

— Въ чемъ твое прегрѣшеніе?—спросили онъ, переставая кружиться вокругъ него.

— Ахъ, прегрѣшеніе мое,—сказалъ онъ,—такъ велико, что я не могу назвать его. Но у меня есть и нѣкоторыя достоинства, которыя не меньше моего прегрѣшенія.

Онъ расхохотался и стали спрашивать, почему это онъ въ самомъ дѣлѣ идетъ съ посохомъ паломника и нищенской сумой.

— Я сказалъ,—отвѣтилъ онъ, немного покрививъ душой,—что панихиды выгодны для священниковъ.

— Они получаютъ чистоганомъ за молитвы, конечно,—говорили женщины,—но молитвы спасаютъ грѣшныя души въ чистилищѣ.

— Я тамъ не былъ,—сказалъ Уленспигель.

— Хочешь закусить съ нами?—спросила самая красивая.

— Конечно, хочу закусить съ вами, и закусить вами, тобою и всѣми остальными по очереди, такъ какъ вы—значное блюдо, повкуснѣй дроздовъ, куронатовъ и стренетовъ.

— Богъ съ тобой: этой дичи цѣны нѣтъ.

— Такой, какъ вы?

— Ну, это какъ для кого; но насъ вѣдь не купишь.

— Значить, даромъ получишь?

— Получишь колотушекъ за нахальство. Хочешь—вымолимъ, какъ скирду хлѣба.

— Ой, не буду.

— Ну, пойдѣмъ ѣсть.

Онъ повелъ его во дворъ трактира, и ему было такъ пріятно видѣть вокругъ себя эти свѣжія лица. Вдругъ съ трубами и дудками, съ бубнами и знаменами торжественно вошла во дворъ процессія братьевъ Благодушнаго Образа

вознося честное и забавное названіе ихъ братства. Они съ недоумѣніемъ смотрѣли на него, но женщины объяснили имъ, что нашли его на улицѣ, и такъ какъ онъ показался имъ тоже достаточно благодушнымъ въ сравненіи съ ихъ мужьями и женихами, то онѣ пригласили его принять участіе въ ихъ торжествѣ.

Эти доводы были приняты мужчинами, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Странствующій богомолецъ, не совершишь ли странствіе черезъ соусы и жаркія?

— Въ сапогахъ-сороходахъ,—отвѣчалъ Уленспигель.

Но по пути въ залъ, гдѣ приготовлено было пиршество, онъ указалъ на дюжину слѣпыхъ, тащившихся по дорогѣ съ просьбами и жалобами на голодъ и жажду.

И Уленспигель сказалъ себѣ, что онъ долженъ сегодня накормить этихъ нищихъ царскимъ ужиномъ за счетъ каноника въ Уккелъ и въ память панихидъ.

— Вотъ девять флориновъ,—сказалъ онъ имъ,—пойдемъ, закусимъ. Чувствуете запахъ жаренаго?

— Увы, за полмили чувствуемъ,—отвѣтили они,—только безъ всякой надежды.

— Ничего, будетъ что поѣсть,—сказалъ онъ,—вотъ девять флориновъ.

Но въ руки онъ имъ ничего не далъ.

— Благослови тебѣ Господь,—отвѣтили они.

И Уленспигель усадилъ ихъ вокругъ маленькаго стола, между тѣмъ какъ за большимъ столомъ разсаживались братья Благодушнаго Образа со своими женами и дочерьми.

Слѣпые, гордые своими девятью флоринами, заказывали хозяину:

— Ты дашь намъ лучшее, что у тебя есть изъ ѣды и питья.

Трактирщикъ слышалъ разговоры о девяти флоринахъ и, убѣжденный, что деньги лежатъ въ ихъ карманахъ, спросилъ, что угодно имъ заказать.

Они заговорили всѣ разомъ:—Дашь гороха съ саломъ; дашь крошенаго мяса—воловьяго, телячьяго, бараньяго, куринаго. Для кого сосиски-то — для собакъ, что ли? — Кто, проходи, чуялъ запахъ колбасъ кровяныхъ, колбасъ бѣлыхъ, и не схватилъ ихъ за шиворотъ? Видалъ я ихъ, видалъ, бѣдняга, не разъ, когда глаза мои свѣтили мнѣ.—А пирожки, поджаристые такіе, въ маслѣ, въ Андерлехтѣ подъ Брюсселемъ ихъ дѣлаютъ—вкуснѣе не бываетъ. Яичницу съ ветчиной мнѣ или ветчину съ яичницей—ну, ужъ обядаенье!—А гдѣ

вы, небесные choesels—такіе гордые мясные великаны среди всякихъ почекъ, пѣтушнихъ гребешковъ, телячьихъ желѣзь, бычьихъ хвостовъ, бараньихъ ножекъ; и приправа, приправа: лучокъ, перчикъ, мускатъ, чабрець—и три кружки бѣлаго вина для соуса.—О, дождусь ли я тебя, божественная свиная колбаса, такая нѣжная, что слова не вымолвишь; когда тебя пожирають! Прямымъ путемъ изъ „Царства объѣдалъ“ приходишь ты, изъ далекой страны блаженныхъ бездѣльниковъ и сластенъ! Гдѣ вы, сухіе листочки минувшей осени? — Миѣ бараньяны съ бобами! — Миѣ свиныхъ ушей! — Миѣ сооруди четки изъ куличковъ... Pater будутъ стрепета, а credo—жирный кашлунъ.

Трактирщикъ не шевельнулся, а затѣмъ сказалъ:

— Вы получите личницу изъ шести десятковъ яицъ; путеводными вѣхами для вашихъ ложекъ будетъ полсотни черныхъ колбасъ, которыя, дымясь, увѣнчаютъ эту гору ѣды. На выпивку будетъ dobbelt-petermann — цѣлая рѣка добраго пива.

У бѣдныхъ слѣпыхъ потекли слюнки изъ рта, и они кричали:

— Давай скорѣй и гору, и вѣхи, и рѣку, давай!

И братья Благодушнаго Образа, уже сидѣвшіе съ Уленспигелемъ за столомъ, говорили между собой, что сегодня для слѣпыхъ — день незримаго пира, и что бѣдные слѣпые потеряютъ поэтому половину удовольствія.

Когда личница, украшенная гирляндами петрушки и укропа, была внесена въ столовую хозяиномъ и четырьмя поварами, слѣпые набросились на нее и стали-было копаться въ сковородѣ, но хозяинъ, хоть и не безъ труда, раздѣлил все и каждому положилъ на тарелку его долю.

Женщины были тронуты, видя, какъ жадно, причмокивая, ѣдятъ бѣдняки: они были страшно голодны и глотали колбасы, точно устриць. Dobbelt-petermann низвергался въ ихъ желудки, точно водопадъ, несущійся съ горной вершины.

Очистивъ свои тарелки, они снова потребовали печеній, дроздовъ и фрикассе. Но трактирщикъ принесъ имъ большой горшокъ, полный бычьихъ, телячьихъ, бараньихъ костей, плававшихъ въ доброй подливѣ.

Когда они, запустивъ руки по локти въ соусъ, стали вытаскивать оттуда только обглоданныя ребра да лопатки, а то и бычьи челюсти, каждый рѣшилъ, что все мясо захватилъ его сосѣдъ, и они бѣшено швыряли костями другъ другу въ лицо.

Нахохотавшись при видѣ этого зрѣлища досыта, братья

Благодушнаго Образа переложили часть своего угощенія въ мѣну слѣпыхъ, и тѣ, запуская руку вълубь, чтобы найти тамъ кость для драки, вдругъ стали вытаскивать то дрозда, то пѣлуха, а то и пару жаворонковъ. А женщины загибали имъ головы назадъ и вливали имъ въ глотки полныя кружки брусельскаго вина. И слѣпые, щупая вокругъ себя руками, чтобы пайти, откуда льется божественная влага, вдругъ хватились за юбки и изо всѣхъ силъ тащили ихъ къ себѣ. Но женщины вырывались и убѣгали.

И такъ хохотали слѣпые, пили и ѣли и пѣли пѣсни. Нѣкоторые, почувявъ женщинъ, бѣгали за ними въ любовномъ азартѣ по столовой, но дѣвушки дразнили ихъ, прятались за своими мужчинами и кричали слѣпымъ: „Поцѣлуй меня!“

Они пытались цѣловать, но вмѣсто женскаго лица натыкались на мужскую бороду, да еще получали при этомъ шлепокъ.

Запѣвали братья Благодушнаго Образа, слѣпые начинали подпѣвать имъ. И веселыя женщины хохотали при видѣ ихъ веселья.

Когда прошли эти сладкіе часы, явился трактирщикъ.

— Ну, поѣли, попили,—сказалъ онъ,—слѣдуетъ съ васъ семь флориновъ.

Каждый влялся, что деньги не у него, и отсылать хозяина къ другому. И изъ этого вновь возникла свалка, въ которой они старались ткнуть другъ въ друга ногами, кулаками, головами, но не попадали и били по воздуху, потому что окружающіе удерживали ихъ. Удары сыпались впустую, только одинъ печально угостилъ оплеухой хозяина. Тотъ разъярился, сталъ ихъ обыскивать, но нашелъ у нихъ у всѣхъ лишь старый парамникъ, семь лиаровъ, три пуговицы отъ штановъ и у каждого—четки.

Онъ хотѣлъ-было запереть ихъ на хлѣбъ и на воду въ свиной хлѣвъ и держать тамъ, пока не получатъ съ нихъ за все.

— Хочешь,—сказалъ Уленспигель,—я поручусь за нихъ.

— Охотно,—отвѣтилъ хозяинъ,—если кто-нибудь поручится за тебя.

Вызвались братья, но Уленспигель отклонилъ это и сказалъ:

— За меня поручится каноникъ, я пойду къ нему.

Отправившись къ мѣстному священнику, онъ рассказалъ ему, что трактирщикъ одержимъ бѣсомъ, говорить только о слѣпыхъ и свиньяхъ: то свиньи съѣли слѣпыхъ, то слѣпые съѣли свиней во всевозможныхъ безбожныхъ видахъ и

блюдахъ. И во время такихъ принадлежностей трактирщикъ разгромилъ все свое заведеніе; тамъ просятъ-де священника прийти и освободить бѣднягу отъ навожденія.

Священникъ обѣцалъ прийти, но сказалъ, что сейчасъ не можетъ: онъ сводитъ счеты по причту и старается при этомъ выгадать что-нибудь для себя.

Видя, что Уленспигель смотритъ на него съ нетерпѣніемъ, каноникъ заявилъ ему, что онъ хотѣлъ бы видѣть жену трактирщика—онъ поговорить съ ней.

— Приходите вдвоемъ,—сказалъ священникъ.

Вернувшись отъ него, Уленспигель сообщилъ трактирщику:

— Я говорилъ съ каноникомъ, онъ готовъ поручиться за чѣпыхъ. Ты присмотри тутъ за ними, а хозяйка пусть пойдеть къ священнику, онъ подтвердитъ то, что я сказалъ.

— Пойди, жена,—сказалъ трактирщикъ.

Хозяйка пошла съ Уленспигелемъ къ священнику, который все еще былъ погруженъ въ расчеты, какъ бы выгадать что-нибудь въ свою пользу. Когда она и Уленспигель приблизились къ нему, онъ нетерпѣливо махнулъ рукой, чтобы они ушли, и только сказалъ:

— Не безпокойся, черезъ два-три дня я помогу твоему кузу.

И, вернувшись въ трактиръ, Уленспигель сказалъ себѣ:

— Ужъ онъ уплатитъ эти семь флориновъ, и это будетъ мой первал панихида.

И онъ удралъ и слѣпые за нимъ.

XXXVI.

Встрѣтивъ на слѣдующій день на большой дорогѣ толпу богомольцевъ, Уленспигель пошелъ съ ними и узналъ, что сегодня богомолье въ Альзенбергъ.

Онъ видѣлъ бѣдныхъ старухъ, шедшихъ босикомъ по дорогѣ задомъ напередъ: онѣ пятились такъ потому, что подридлились за флоринъ искупить грѣхи нѣсколькихъ знатныхъ барынь. На опушкѣ дороги расположились богомольцы, сладко закусывая и попивая пиво подъ звуки дудочекъ, скрипокъ и вольночекъ. Запахъ вкуснаго соуса подымался къ небу, какъ вѣбный еиміамъ.

Но были и другіе богомольцы: грязные, голодные, увѣчные, они тоже шли впередъ спиной, за что получали отъ церкви по шесть су.

Лысый человѣчекъ съ вытаращенными глазами и подергивающимся лицомъ прыгалъ за ними тоже задомъ напередъ, неустанно все время твердя „Отче нашъ“.

Уленспигель хотѣлъ узнать, почему это всё подражаютъ вакамъ, вышетъ на середину и тоже запрыгалъ, какъ они. Дудки, скрипки, волынки, стenanія богомольцевъ и прочая музыка сощю ождали эту пляску.

— Чортова перечница, — сказалъ Уленспигель, — зачѣмъ ты бѣгаешь такимъ способомъ? Чтобъ вѣрнѣе упасть?

Тотъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ твердить „Отче нашъ“.

— Хочешь, можетъ-быть, знать, сколько деревьевъ на дорогѣ? Или ты и листья на нихъ считаешь?

Человѣчекъ, бормотавшій въ это время „Вѣрую“, махнулъ на него рукой, чтобы онъ помолчалъ.

— Или ты, — сказалъ Уленспигель, продолжая прыгать передъ нимъ, — или ты вдругъ сошелъ съ ума, что ты такъ идешь впередъ задомъ? Но кто хочетъ изъ дурака добыть разумный отвѣтъ, тотъ самъ дуракъ. Не такъ ли, шелудивый господинъ?

Тотъ все не отвѣчалъ, а Уленспигель продолжалъ прыгать, такъ стуча при этомъ своими сандаліями, точно дорога была деревянный ящикъ.

— Или вы нѣмы, господинъ почтеннѣйшій?

— Ave Maria, gratia plena et benedictus fructus ventris tui Iesu.

— Оглохли, что ль? Посмотримъ. Говорить, глухіе не слышать ни похвалы ни брани. Ну, посмотримъ, изъ чего твоя барабанная перепонка, изъ кожи или изъ желѣза. Ты, фонарь безъ свѣчи, путникъ безпутный, думаешь, ты похожъ на человѣка? Будетъ это тогда развѣ, когда людей стануть дѣлать изъ старыхъ тряпокъ. Гдѣ это была видана такая желтая образина, такая башка облѣзлая? — развѣ на висѣлицѣ! Висѣлъ ужъ, видно, когда-нибудь?

И Уленспигель плясалъ, а человѣчекъ яростно прыгалъ, все бормоча свои молитвы.

— Можетъ, ты понимаешь только господское нарѣчіе, такъ и поговорю съ тобою просто по-фламандски. Если ты не обжора, то ты пьяница, если не пьяница, то долженъ же ты страдать если не запоромъ, то поносомъ. Если ты не распутникъ, то вѣрно оттого, что нечѣмъ распутничать; если есть гдѣ на свѣтѣ умѣренность, то не въ бочкѣ твоего пуза проживаетъ она. И если на тысячу миллионъ человѣкъ приходится одинъ рогоносецъ, то это долженъ быть ты.

При этихъ словахъ Уленспигель уналъ на свой задъ и вытянулъ ноги въ воздухъ: ибо человѣчекъ вдругъ такъ ударилъ его кулакомъ подъ носъ, что у него въ глазахъ искры

засверкали. Потомъ, не смотря на свое брюхо, онъ бросился на Уленсигеля, колотя его куда попало, и удары сыпались, какъ градъ, на худощавое тѣло Уленсигеля. У него и палка изъ рукъ выпала.

— Пусть это будетъ тебѣ урокомъ не заговаривать на смерть порядочныхъ людей на богомольѣ, — сказала челоуѣчекъ. — Ибо надо тебѣ знать, что я иду въ Альзенбергъ, какъ принято, молить Божью Матерь о томъ, чтобы беременная жена моя выкинула ребенка, зачатого въ моемъ отсутствіи. Чтобы добиться такой милости, надо, начиная съ двадцатаго шага отъ своего дома, идти вплоть до первой ступеньки соборной лѣстницы, пятясь задомъ и не произнося ни слова. А теперь я долженъ все начать сначала.

Уленсигель успѣлъ поднять свою палку и сказалъ:

— Я научу тебя, негодий, какъ пользоваться милостью Богородицы для того, чтобы убивать дѣтей во чревѣ матери.

И онъ такъ отслушилъ злого роконосца, что тотъ полумертвый остался на дорогѣ.

И дальше раздавались стенанія богомольцевъ, звуки скрипокъ, дудокъ и вольнокъ, и, точно чистый еиміамъ, подымался къ небу запахъ жаренаго мяса.

XXXVII.

Клаасъ, Сооткинъ и Неле сядли кружкомъ у очага и разговаривали о странствующемъ богомольцѣ.

— Дѣвочка, — сказала Сооткинъ, — отчего ты не могла силой чаръ своей молодости удержать его навсегда у насъ?

— Увы, — отвѣчала Неле, — не смогла.

— Потому что, — сказалъ Клаасъ, — есть какія-то другія чары, заставляющія его вѣчно носиться съ мѣста на мѣсто, — если только не занята его глотка.

— Злой, противный, — вздохнула Неле.

— Злой — согласна, — сказала Сооткинъ, — но противный — нѣтъ. Можетъ-быть, сынъ мой Уленсигель не какой-нибудь римскій тамъ или греческій красавецъ, но это вѣдь еще не бѣда. Ибо у него — быстрыя фландрскія ноги, острые каріе глаза, какъ у Франка изъ Брюгге, а носъ и ротъ — точно ихъ сдѣлали двѣ лисы, отлично постигшія искусства ваянія и лубавства.

— А кто, — спросилъ Клаасъ, — кто создалъ его праздныя руки и ноги, которыя слишеомъ охочи бѣгать за развлеченіями?

— Ихъ создало его не въ мѣру юное сердце, — отвѣтила Сооткинъ.

XXXVIII.

Катлина простыми травами вылѣчила у Спильмана быка, свинью и трехъ барановъ. Но корову Яна Белоона ей не удалось вылѣчить. Онъ обвинилъ ее въ колдовствѣ. Онъ утверждалъ, что она околдовала корову, потому что она поглаживала ее, когда давала ей снадобье, и разговаривала съ ней, конечно, на бѣсовскомъ нарѣчій. Ибо честный христіанинъ не умѣетъ разговаривать съ тварью безсловесной.

Вышеупомянутый Янъ Белоонъ присовокушилъ, что онъ — сосѣдъ Спильмана, и что у послѣдняго Катлина вылѣчила быка, свинью и барановъ. И убила она его корову по наущенію Спильмана, который позабавовалъ, что его, Белоона, поля воздѣланы лучше и приносятъ больше дохода. По свидѣтельству Питера Мелеместера, человека почтеннаго и извѣстнаго, и вышеупомянутаго Яна Белоона, завѣрившихъ, что Катлина извѣстна въ Дамме, какъ вѣдьма, и, несомнѣнно, убила корову, Катлина была подвергнута задержанію и присуждена къ допросу подъ пыткой, которая должна длиться до тѣхъ поръ, пока она не сознается въ своихъ злодѣяствѣхъ и преступленіяхъ.

Ее допрашивалъ судья, вѣчно раздраженный, такъ какъ цѣлый день пилъ водку. Предъ нимъ была она подвергнута первой пыткѣ и давала показанія.

Палачъ раздѣлъ ее донага, сбрилъ всѣ волосы на ея тѣлѣ и осмотрѣлъ всю, не скрываетъ ли она какого-либо чародѣйства.

Не найдя ничего, онъ привязалъ ее веревками къ скамьѣ. Она говорила:

— Мнѣ стыдно лежать такъ голой предъ мужчинами. Пошли мнѣ смерть, Пресвятая Дѣва!

Палачъ покрылъ мокрымъ полотномъ ея грудь, животъ и ноги и потомъ, поднявъ скамью, сталъ вливать въ нее горячую воду—такъ много, что вся она точно распухла; потомъ онъ опрокинулъ ее со скамьей.

Судья спросилъ, сознается ли она въ преступленіи. Она отвѣтила знакомъ, что нѣтъ. Въ нее влили еще горячей воды, но Катлина извергла все обратно.

Затѣмъ, по указанію лѣкаря, ее развязали. Она не говорила ничего, но была себя по груди, чтобы показать, что горячая вода обожгла ее. Увидѣвъ, что она оправилась отъ первой пытки, судья обратился къ ней:

— Сознайся, что ты вѣдьма и околдовала корову.

— Не могу въ этомъ сознаться,—отвѣчала она:—я люблю

всѣхъ животныхъ, сколько могу моимъ слабымъ сердцемъ, и я скорѣе причинила бы зло себѣ, чѣмъ имъ, ибо вѣдь они беззащитны. Я употребляла для лѣченія подходящія средства.

Но судья сказалъ:

— Ты давала отраву, такъ какъ корова умерла.

— Господинъ судья,—возразила она,—вотъ я предъ вами и вся въ вашей власти, и все же я рѣшаюсь сказать вамъ, что животное такъ же, какъ человѣкъ, можетъ умереть отъ болѣзни, несмотря на помощь хирурговъ и врачей. И я клянусь Господомъ Нашимъ Иисусомъ Христомъ, пострадавшимъ на крестѣ за грѣхи наши, что я не хотѣла сдѣлать коровѣ ничего дурного, но лѣчила ее домашними средствами.

Судья пришелъ въ бѣшенство: — Эта проклятая баба отучится у меня заператься. Приступитъ ко второй попыткѣ!

И онъ вынулъ большой стаканъ водки.

Палачъ посадилъ Катлину на крышку дубоваго гроба, стоявшаго на козлахъ. Крышка сходилась кверху острымъ ребромъ, точно лезвее ножа. Въ печи горѣлъ жаркій огонь, такъ какъ была уже половина ноября.

Катлинѣ, сидѣвшей на остромъ ребрѣ гроба, надѣли на ноги тѣсные сапоги изъ свѣжей кожи, и такъ ее пододвинули къ огню. Когда острее ребра и колышки стали впи-ваться въ ея тѣло, а жаръ нагрѣлъ и стиснулъ кожу сапоговъ, сдавившихъ ей ноги, она закричала:

— Ой, больно, больно! Дайте мнѣ яду!

— Пододвиньте ближе къ огню,—сказалъ судья.

И онъ сталъ допрашивать Катлину:

— Какъ часто садилась ты на помело и летала на шабашъ? Какъ часто гноила хлѣбъ на корню, плоды на деревѣ, дитя во чревѣ матери? Какъ часто дѣлала ты двухъ братьевъ заклятыми врагами, двухъ сестеръ — злобными соперницами?

Катлина хотѣла отвѣтить, но не могла и лишь шевельнула рукой, точно желая сказать: нѣтъ.

На это судья сказалъ:

— Она заговоритъ, когда почувствуетъ, какъ таетъ ея бѣсовскій жиръ. Пододвиньте ее къ огню.

Катлина кричала.

— Попроси сатану, чтобы онъ прохладилъ тебя,—сказалъ судья.

Она сдѣлала движеніе, чтобы сбросить сапоги, дымившіеся отъ раскаленной печи.

— Проси сатану—пусть онъ разуетъ тебя.

Пробило десять часовъ: это было время завтрака злодѣя. Отъ выпить съ палачомъ и съ судебнымъ писаремъ, оставивъ Катлину предъ огнемъ въ застѣнкѣ.

Въ одиннадцать они возвратились и застали Катлину окончившей и неподвижной.

— Кажется, она умерла,—сказалъ писарь.

Судья приказалъ палачу спустить ее съ гроба и снять съ нея сапоги. Но это было невозможно, пришлось разрѣзать сапоги; ноги Катлины были залиты кровью.

Судья думалъ объ обѣдѣ и смотрѣлъ на Катлину, не произнося ни слова. Но затѣмъ она пришла въ себя, упала на полъ, не могла, несмотря на всѣ усилія, подняться и сказала судьѣ:

— Ты хотѣлъ меня взять въ жены; теперь не получишь. Четырежды-три—священное число, тринадцать—суженый.

И, хотя судья хотѣлъ что-то сказать, она продолжала:

— Тихе, тихе; его слухъ тоньше, чѣмъ у архангела, который на небѣ считаетъ бѣшенія сердца праведниковъ. Почему ты пришелъ такъ поздно? Трижды-три — святое число, оно убьетъ всѣхъ, кто вождѣлъ ко мнѣ.

— Она блудодѣйствовала съ дьяволомъ,—сказалъ судья.

— Она сошла съ ума отъ пытки,—отвѣчалъ судебный писарь.

Катлину отвели обратно въ тюрьму. Черезъ три дня собрался судъ старшинъ, и по разсмотрѣнн дѣла Катлина приговорена была къ наказанію огнемъ.

Палачъ съ помощниками отвели ее на площадь въ Дамме, гдѣ уже устроенъ былъ помостъ. Туда возвели ее; тутъ же заняли мѣста профось, глашатай и судья.

Трижды прозвучала труба городского глашатая. Затѣмъ онъ обратился къ народу и провозгласилъ:

— Власти города Дамме скалились надъ осужденной Катлиной и избавили ее отъ наказанія, согласнаго съ самыми строгими предписаніями городскихъ законовъ. Но, чтобы показать, что она все-таки вѣдьма, будутъ сожжены ея волосы; она увлать двадцать червоцевъ штрафа и изгоняется на три года изъ Дамме и его округи, подъ страхомъ отсѣченія руки.

И народъ привѣтствовалъ эту жестокую милость.

Затѣмъ палачъ привязалъ Катлину къ столбу, положилъ пучокъ пакли на ея выбритую голову и зажегъ. Пакля медленно горѣла, а Катлина плакала и кричала.

Потомъ ее посадили на телегу и вывезли за предѣлы общины Дамме. Ибо ноги ея были обожжены.

XXXIX.

Уленсигель дошелъ уже до Герцогенбуша (въ Брабантъ). Отцы города хотѣли его сдѣлать мѣстнымъ шутомъ, но онъ отклонилъ эту честь, „такъ какъ,—сказалъ онъ,—странствующій богомолецъ не можетъ быть шутомъ осѣдлымъ, но только въ корчмахъ и по дорогамъ“.

Въ это время Филиппъ, бывший также королемъ и Англии, прибылъ въ эти мѣста обозрѣть свое будущее наслѣдіе—Фландрію, Брабантъ, Геннегау, Голландію и Зеландію. Ему шель двадцать девятый годъ; въ его сѣроватыхъ глазахъ за тайлись злобная тоска, изступленное притворство и жестокая непреклонность. Холодно было его лицо, вытянута его голова, покрытая безцвѣтными волосами, неуклюже его худое тѣло и его тонкія ноги. Онъ говорилъ медленно и невнятно, точно у него ротъ былъ набить шерстью.

Между турнирами, поединками и празднествами, онъ осматривалъ веселое герцогство Брабантское, богатое графство Фландрское и прочія владѣнія. Повсюду онъ приносилъ присягу соблюдать права и вольности страны. Когда въ Брюсселѣ онъ клялся на Евангелии не нарушать Золотой Буллы Брабанта, его рука такъ сжалась отъ судороги, что онъ долженъ былъ снять ее съ священной книги.

Затѣмъ онъ отправился въ Антверпенъ, гдѣ къ его прибытію было сооружено двадцать три триумфальныхъ арки. Городъ издержалъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ флориновъ на эти арки и на костюмы для тысячи восьмисотъ семидесяти девяти купцовъ, которые были одѣты въ пурпурный бархатъ, а также на богатую одежду для четырехсотъ шестнадцати лакеевъ и блестящее шелковое одѣяніе четырехъ тысячъ одинаково одѣтыхъ гражданъ. Школьники изъ всѣхъ или почти всѣхъ нидерландскихъ городовъ принимали участіе въ торжественныхъ представленіяхъ.

Среди шутовъ и шутихъ здѣсь можно было видѣть „Принца любви“ изъ Турне верхомъ на свинѣ по имени Астарта; „Короля дураковъ“ изъ Лилли, который велъ лошадь за хвостъ, идя вслѣдъ за нею; „Принца развлеченій“ изъ Валансьена, который развлекался тѣмъ, что считалъ вѣтры своего осла; „Аббата наслажденій“ изъ Арраса, который тпнулъ брюссельское вино изъ бутылки, имѣвшей видъ молитвенника: какъ сладостны были ему эти молитвы; „Аббата предусмотрительности“ изъ Ата, одѣтаго лишь въ дырявую простыню и порванные сапоги: за то у него была колбаса, обезпечивавшая его брюхо; затѣмъ—„Главари безшабашныхъ“: моло-

дого парня, который трясся верхомъ на пугливой козѣ среди толпы, подскакивая отъ толчковъ и прыжковъ; „Аббата серебрянаго блюда“ изъ Кенуа, который, сѣдя на своей лошади, все старался уѣсться на блюдѣ и объявлялъ при этомъ, что „нѣтъ такой большой скотины, чтобы она не изжарилась на огнѣ“.

Вся эта компанія забавляла людей всякой невинной безсмыслицей, но король остался мраченъ и тоскливъ.

Въ тотъ же вечеръ маркграфъ антверпенскій, бургомистры, начальство и духовенство собрались на совѣщаніе, дабы выдумать такую игру, которая разсмѣшила бы короля Филиппа.

— Слышали ли вы, — сказалъ маркграфъ, — о Пьеркинѣ Якобсенѣ, шутѣ города Герцогенбуша, который такъ прославился своими штуками?

— Да, — отвѣчали они.

— Пошлемъ за нимъ — пусть покажетъ, что умѣетъ. У нашего шута точно свинцовыя ноги.

— Что жъ, пошлемъ за нимъ, — рѣшили всѣ.

Когда гонецъ антверпенскій прибылъ въ Герцогенбушъ, ему сообщили, что шутъ Пьеркинъ лопнулъ со смѣху, но что у нихъ есть прѣзжій шутъ по имени Уленспигель. Его нашель гонецъ въ одномъ трактирѣ, гдѣ тотъ ѣлъ рагу изъ ракушекъ, украшая выѣденными раковинками грудь сидѣвшей подлѣ дѣвушки.

Уленспигель былъ очень польщенъ тѣмъ, что посланный антверпенской общины явился за нимъ и не только самъ прискакалъ на прекрасномъ амбахтскомъ конѣ, но и другого привезъ съ собой.

Не слѣзая съ коня, гонецъ спросилъ Уленспигеля, можетъ ли онъ выдумать такую штуку, отъ которой засмѣялся бы король Филиппъ.

— У меня ихъ цѣлыя залежи подѣ волосами, — отвѣчалъ Уленспигель.

И они поскакали. Кони летѣли, закусивъ удила и неся на себѣ гонца и Уленспигеля въ Антверпенъ.

Уленспигель явился предъ маркграфомъ, обоими бургомистрами и общинными старѣйшинами.

— Что ты собираешься сдѣлать? — спросилъ маркграфъ.

— Полетѣть вверхъ.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— А знаете, что стоитъ меньше, чѣмъ лопнувшій пузырь?

— Нѣтъ, не знаю, — сказалъ маркграфъ.

— Разоблаченная тайна, — отвѣтилъ Уленспигель.

Праздничные герольды уже красовались на своихъ велико-

дѣнныхъ коняхъ въ красной бархатной упряжи и разѣзжали по всѣмъ большимъ улицамъ, площадямъ и перекресткамъ. Трубя въ трубы и барабаны въ литавры, они объявляли всѣмъ „signorkes“ и „signorkinnes“, что Уленспигель, путь изъ Дамме во Фландрію, будетъ на набережной летать по воздуху, и что при этомъ будетъ присутствовать король Филиппъ со своею высокородной, знатной и достославной свитой.

Передъ помостомъ былъ домъ по итальянскому образцу; вдоль крыши его тянулся жолобъ. На жолобъ вело окошко изъ чердака.

Въ день представленія Уленспигель проѣхалъ на ослѣ по городу; скороходъ бѣжалъ рядомъ съ нимъ. Уленспигель былъ въ красномъ бархатномъ платьѣ, данномъ ему городскимъ управленіемъ. Его головной уборъ составлялъ такой же колпакъ съ двумя ослиными ушами, на кончикахъ которыхъ болтались бубенчики. На шеѣ у него была цѣпь изъ мѣдныхъ монетъ, на которыхъ вычеканенъ былъ гербъ города Антверпена. На рукавахъ его полукафтаны у локтей висѣли бубенчики. Носки его вызолоченныхъ башмаковъ тоже кончались бубенчиками.

Его оселъ былъ въ красной шелковой попонѣ, и на каждомъ бѣдрѣ его осла красовался вышитый золотомъ гербъ города Антверпена.

Слуга одной рукой размахивалъ ослиной головой, а другой—вѣткой, на концѣ которой мотался коровій колокольчикъ.

Уленспигель оставилъ на улицѣ своего слугу и коня и влѣзъ на дождевой жолобъ.

Здѣсь онъ загремѣлъ своими бубенчиками, широко разставилъ руки, какъ будто хочетъ полетѣть, потомъ наклонился къ королю Филиппу и сказалъ:

— Я думалъ, что я единственный дуракъ въ Антверпенѣ, но вижу, что этотъ городъ кишитъ дураками. Если бы вы всѣ сказали мнѣ, что собираетесь летать, я бы вамъ не повѣрилъ. А приходитъ дуракъ, объявляетъ, что полетитъ,—и вы вѣрите. Какимъ же образомъ я могу полетѣть, когда у меня нѣтъ крыльевъ?

Одни смѣялись, другіе бранились, но всѣ говорили:

— Какъ-никакъ, а дуракъ говорить правду.

Но король Филиппъ былъ неподвиженъ, точно каменная статуя короля.

Общинныя власти говорили между собой:

— Поистинѣ не стоило устраивать праздникъ для такой кислой образины.

И они уплатили Уленспигелю три флорина, съ которыми онъ и отправился въ путь, послѣ тщетной попытки оставить у себя свое красное шелковое платье.

— Что такое три флорина въ карманѣ молодого человѣка, какъ не свѣжинка въ пламени, какъ не полная бутылка въ рукахъ пьяницы? Три флорина! Листья падаютъ съ деревьевъ и вновь вырастаютъ, но флорины, выскользнувъ изъ кармана, уже не возвращаются въ него; бабочки улетаютъ вмѣстѣ съ лѣтомъ, и флорины тоже, хотя въ нихъ два эстерлинга и девять асовъ вѣса.

Такъ бормоталъ Уленспигель, внимательно разсматривал свои три флорина.

— Какой гордый здѣсь видъ у императора Карла въ его панцырѣ и шлемѣ, съ мечомъ въ одной рукѣ, а въ другой съ державой, — этимъ изображеніемъ нашей бѣдной земли. Божіей милостью онъ—императоръ римскій, король испанскій и прочая и прочая, и, право, онъ чрезвычайно милостивъ къ нашей землѣ, этотъ закованный въ панцырь императоръ. А на оборотѣ—гербы съ обозначеніемъ всякихъ его достоинствъ графскихъ, княжескихъ и другихъ, и съ прекраснымъ девизомъ: „Da mihi virtutem contra hostes tuos“ — „Дай мнѣ силу противъ твоихъ враговъ“. Поистинѣ онъ былъ достаточно силенъ противъ лютеранъ, у которыхъ конфисковалъ имущество—и получилъ его въ наслѣдство. Ахъ, если бы я былъ императоромъ Карломъ, я бы для всѣхъ людей начекали флориновъ, всѣ были бы богаты и никто бы не работалъ.

Но, сколько ни любовался Уленспигель своими красивыми монетками, всѣ онѣ отправились въ страну звенящихъ бутылокъ и дребезжащихъ бокаловъ...

XI.

Когда Уленспигель въ своемъ красномъ шелковомъ костюмѣ показался на дождевомъ жолобѣ, онъ не видѣлъ Неле, которая, смѣясь, смотрѣла на него изъ толпы. Она жила въ это время въ Боргерхаутѣ, подъ Антверпеномъ, и сказала себѣ: „если какой-то шутъ собирается летать предъ королемъ Финшномъ, то это можетъ быть только Уленспигель“.

Онъ задумчиво шелъ по дорогѣ и не слышалъ послѣднихъ шаговъ за собой, но вдругъ почувствовалъ двѣ руки, легшія на его глаза. Онъ догадался, что это Неле, и спросилъ:

— Это ты?

— Да,—отвѣчала она:—бѣгу за тобой съ тѣхъ поръ, какъ ты вышелъ изъ города. Пойдемъ со мной.

— Гдѣ же Катлина?

— О, ты не знаешь, что ее пытали, выдумали, будто она ведьма, и на три года выгнали изъ Дамме, что ей жгли ноги и паклю на головѣ. Я говорю это тебѣ, чтобы ты не испугался, когда увидишь ее: она сошла съ ума отъ боли. Часто она часами смотритъ на свои ноги и говоритъ: „Гансикъ, мой нѣжный дьяволъ, посмотри, что сдѣлали съ твоей милой. Бѣдныя мои ноги — точно двѣ раны“. Потомъ она зальется слезами и говоритъ: „У другихъ женщинъ есть мужъ или любовникъ, а я живу, какъ вдова“. Тогда я начинаю увѣрять ее, что ея Гансикъ возненавидитъ ее, если она будетъ говорить о немъ съ кѣмъ-нибудь, кромѣ меня. И она слушается меня, какъ дитя малое; только какъ увидитъ она вола или корову, бросается бѣжать отъ нихъ изо всѣхъ силъ: все пытку вспоминаетъ. И тогда не удержитъ ее ничто—ни заборъ, ни рѣчка, ни канава — бѣжить, пока не упадетъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ или у стѣны дома. Тамъ я поднимаю ее и перевязываю ноги, которыя въ крови отъ всего этого. Я думаю, что, когда жгли паклю на ея головѣ, ей и мозги сожгли.

Удрученные мыслями о Катлинѣ, они дошли до дома и увидѣли ее на скамьѣ на солнышкѣ.

— Узнаешь ты меня?—спросилъ Уленспигель.

— Четырежды-три—святое число,—отвѣтила она:—но тринадцать—это чортова дюжина. Кто ты, дитя этой юдоли страданій?

— Я—Уленспигель, сынъ Клааса и Сооткинъ.

Она подняла голову и узнала его; поманивъ его пальцемъ, она наклонилась къ его уху:

— Когда ты увидишь того, чьи пощѣлуи холодны, какъ снѣгъ, скажи ему, Уленспигель, — пусть придетъ ко мнѣ.

Потомъ, показавъ на свою сожженную голову, она сказала:

— Больно мнѣ. Они забрали мой умъ; но, когда онъ вернется, онъ наполнитъ мою голову; она теперь совсѣмъ пустая. Слышишь,—звенить, какъ колоколь, — это моя душа стучитъ въ дверь, рвется наружу, когда горитъ. Если Гансикъ придетъ и не наполнитъ мнѣ голову, я скажу ему—пусть дыру продѣлаетъ ножомъ. Все стучитъ моя душа, хочетъ наружу, и такъ больно, больно! Вѣрно, умру, да. И не сплю больше— все жду его, и пусть онъ наполнитъ мою голову. Да.

И она забылась и застонала.

Мужики, возвращавшіеся съ полей, потому что вечерній колоколь уже звалъ ихъ домой, проходя мимо Катлины, говорили:

— Вонъ дурочка.

И крестились при этомъ.

Неле и Уленспигель плакали. И Уленспигель долженъ былъ идти дальше въ путь.

XLI.

Онъ поступилъ на службу къ одному человѣку по имени Юсть, по прозванью Квабаккеръ (т. е. сердитый булочникъ) — такое у него было злобное лицо. Каждую недѣлю Уленспигель получалъ отъ хозяина три черствыхъ хлѣба, а жилищемъ ему служилъ чердакъ подъ крышей, гдѣ здорово сквозило и дило.

Въ отместку за столь дурное обращеніе Уленспигель устраивалъ ему всякія пакости. Вотъ одна изъ нихъ. Если собираются печь хлѣбъ рано утромъ, то просѣвать муку надо ночью. Однажды въ лунную ночь Уленспигель попросилъ свѣчу, чтобъ было видно, какъ сѣять. Хозяинъ и говоритъ:

— Можешь сѣять на лунномъ свѣту.

Уленспигель исполнилъ приказаніе: сталъ сыпать муку на полъ, освѣщенный луннымъ свѣтомъ.

Утромъ пришелъ хозяинъ посмотреть работу Уленспигеля и видить, что тотъ все еще сѣетъ.

— Чтò такое! — закричалъ онъ. — Или мука ничего не стòитъ, что ты ее на землю сыплешь?

— Я сѣялъ на лунномъ свѣту, какъ вы приказали, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Осель ты навьюченный, гдѣ же твое сито?

— Я думалъ, что у васъ луна — новоизобрѣтенное сито. Но бѣда не велика — я соберу муку.

— Да вѣдь ужъ поздно мѣсить тѣсто.

— Хозяинъ, — сказалъ Уленспигель, — у сосѣда на мельницѣ готовое тѣсто: сбѣгаю и принесу.

— Убирайся на висѣдну, оттуда принесешь что-нибудь!

— Иду, — сказалъ Уленспигель.

Онъ побѣжалъ къ мѣсту казней, нашель тамъ высохшую руку казненного и принесъ ее хозяину со словами:

— Вотъ тебѣ заколдованная рука, она дѣлаетъ невидимкой всякаго, у кого она лежитъ въ карманѣ. Вотъ ты и скроешь свою злость.

— Я пожалуюсь на тебя въ общину, и ты увидишь, что значить нарушать законъ.

Когда оба они стояли передъ бургомистромъ и булочникъ хотѣлъ уже начать перечисленіе многочисленныхъ злодѣяній Уленспигеля, онъ вдругъ увидѣлъ, что тотъ необычайно широко раскрылъ глаза. Онъ пришелъ въ такую ярость, что прервалъ свои показанія крикомъ:

— Чего тебѣ?

— Ты сказалъ мнѣ, что я увижу, какъ тебѣ не слушаться. Вотъ я и хочу увидѣть.

— Вонъ съ моихъ глазъ!—закричалъ булочникъ.

— Если бы я былъ на твоихъ глазахъ, я бы съ нихъ могъ сойти только черезъ твои ноздри.

Увидѣвъ, что тяжущіеся плетутъ какую-то челуху, бургомистръ отказался слушать ихъ дальше.

Вмѣстѣ они вышли на улицу. Булочникъ поднялъ палку, но Уленспигель увернулся и сказалъ:

— Хозяинъ, ты хочешь колотушками сѣять мою муку: оставь себѣ отруби—это твоя злость; я возьму себѣ муку—это мое веселье.

Потомъ онъ повернулся къ нему задомъ и прибавилъ:

— А вотъ тебѣ и печка.

XLII.

Все иди впередъ, Уленспигель охотно укралъ бы дорогу, да булженикъ былъ слишкомъ тяжелъ: не унесешь.

Онъ направился наудачу въ Оуденаарде, гдѣ стоялъ фламандскій гарнизонъ, охранявшій городъ отъ французскихъ отрядовъ, опустошавшихъ страну, какъ саранча.

Начальствовалъ надъ фламандскими кавалеристами капитанъ по имени Корнелинъ, фрисландецъ по рожденію. Они тоже рыскали по окрестностямъ и грабили населеніе, которое, какъ это обычно бываетъ, обдирали съ обѣихъ сторонъ.

Все имъ годилось — куры, цыплята, утки, голуби, телита, свиньи. Однажды, когда они возвращались, нагруженные добычей, капитанъ и его офицеры увидѣли на дорогѣ Уленспигеля, спавшаго подъ деревомъ. Ему снилось жареное мясо.

— Чѣмъ ты промышляешь?—спросилъ капитанъ.

— Умираю съ голода,—отвѣчалъ Уленспигель.

— Но твое занятіе?

— Богомолецъ за свои прегрѣшенія, созерцатель чужой работы, плясунъ по канату, изобразитель милыхъ личинокъ, рѣзчикъ ножовыхъ черенковъ, артистъ на „gommel-pot“ и трубачъ.

Трубачомъ назвалъ себя такъ смѣло Уленспигель потому, что слышалъ, что за смертью послѣдняго стражника мѣсто трубача въ замкѣ Оуденаарде свободно.

— Будешь городскимъ трубачомъ,—сказалъ капитанъ.

Уленспигель отправился съ нимъ и былъ водворенъ на самой высокой башнѣ городскихъ укрѣпленій. Его помѣщеніе продувалось со всѣхъ четырехъ сторонъ; только южный вѣтеръ надувалъ при этомъ лишь одну щеку.

Онъ получилъ приказъ трубить въ трубу, какъ только увидитъ непріятеля. Такъ какъ для этого голова должна быть свободна и глаза открыты, ему давали не слишкомъ много ѣсть и пить.

Капитанъ со своими наемниками сидѣли въ башнѣ и обжирались на счетъ округи. Здѣсь убили и слопали не одного каплуна, единственнымъ преступленіемъ котораго былъ его жиръ. Объ Уленспигелѣ вѣчно забывали, онъ питался пустой похлебкой, и запахъ вкусныхъ яствъ, подымавшійся къ нему въ башню, доставлялъ ему слишкомъ мало удовольствія. Появились французы и захватили много скота. Уленспигель не трубилъ.

Капитанъ поднялся къ нему наверхъ.

— Почему ты не трубилъ?—спросилъ онъ.

— Нечѣмъ было отблагодарить васъ за вашу кормежку,— отвѣчалъ Уленспигель.

На другой день капитанъ и его наемники устроили большое пиршество, но объ Уленспигелѣ опять никто не вспомнилъ. Они были въ самомъ разгарѣ ѣды, когда Уленспигель вдругъ затрубилъ.

Убѣжденные, что идутъ французы, капитанъ съ солдатами бросилъ ѣду и вино, вскочили на коней и помчались за городъ. Но они не нашли тамъ ничего, кромѣ вола, который жевалъ свою жвачку, лежа на солнцѣ, и забрали его.

А Уленспигель въ это время набилъ себѣ брюхо мясомъ и виномъ. Капитанъ по возвращеніи засталъ его у дверей столовой; онъ покачивался на ногахъ и насмѣшливо смотрѣлъ на офицеровъ.

— Это предательство — трубить тревогу, когда нѣтъ никакого врага, и не трубить, когда онъ предъ тобой!—закричала капитанъ.

— Господинъ капитанъ, — отвѣтилъ Уленспигель, — въ башнѣ такъ душно, что вѣтеръ унесъ бы меня, какъ пузырь, если бы я не вытрубилъ изъ себя духъ. А хотите—повѣсьте меня хоть теперь или въ другой разъ, когда вамъ понадобится ослиная шкура для барабана.

Капитанъ вышелъ, не сказавъ ни слова.

Между тѣмъ пришло извѣстіе, что высококомлостивый императоръ Карлъ со своей знатной свитой собирается прибыть въ Оуденаарде. По этому случаю городскія власти снабдили Уленспигеля парой очковъ, дабы онъ издали видѣлъ приближеніе его величества. Условились, что Уленспигель затрубитъ трижды, когда онъ увидитъ, что императоръ направляется въ Луппегемъ, въ четверти мили отъ воротъ Боргноортъ.

Это давало обывателямъ возможность во-время зазвонить въ колокола, зарядить мортиры, разложить мясо на сковороды и откупорить бочки.

Около полудня вѣтеръ задулъ съ Брабанта, небо было ясно. И Уленспигель увидѣлъ по Луннегемской дорогѣ толпу всадниковъ на играющихъ коняхъ; ихъ перья развѣвались по воздуху; нѣкоторые держали знамена. На горделиво поднятой головѣ всадника, ѣхавшаго впереди, была золотистая шляпа съ длинными перьями. Онъ былъ въ коричневомъ бархатѣ съ парчевой оторочкой.

Уленспигель надѣлъ очки и увидѣлъ, что это императоръ Карлъ V, который милостиво разрѣшалъ обывателямъ Оуденаарде попотчевать его отборными винами и изысканнѣйшими яствами.

Всадники медленно подвигались впередъ и выдыхали свѣжій воздухъ, порождающій въ человѣкѣ голодь. Но Уленспигель сказалъ себѣ, что они и такъ жрутъ обильно и не умрутъ, если попостытся одинъ разъ. И онъ спокойно смотрѣлъ на ихъ приближеніе и не трубилъ.

Они гарцовали, смѣясь и болтая, и мысль его величества обращалась къ желудку съ заботой, достаточно ли тамъ осталось мѣста для пиршества въ Оуденаарде. Императоръ былъ удивленъ и недоволенъ, что колокола не возвѣщаютъ его прибытія.

Вдругъ въ городскія ворота ворвался крестьянинъ съ крикомъ, что онъ видѣлъ, какъ къ городу приближается отрядъ французовъ, чтобы пограбить.

Немедленно сторожъ заперъ ворота и послалъ общиннаго службу сказать, чтобы заперли всѣ прочія ворота. Но рейтары кутили, ничего не зная.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ императоръ, тѣмъ больше онъ гнѣвался, что колокола не звонятъ, пушки не стрѣляютъ, аркебузы не салютуютъ. Напрасно напрягалъ онъ слухъ! Онъ не слышалъ ничего, кромѣ получасового боя башенныхъ часовъ. Такъ подъѣхалъ онъ къ воротамъ, нашелъ ихъ запертыми и постучалъ кулакомъ, чтобы ему открыли. Часовой съ крѣпостного вала закричалъ, что если они тамъ не перестанутъ безобразить, то онъ охладитъ ихъ нетерпѣніе картечью.

Разъяренный императоръ закричалъ:

— Слѣпая свинья, ты не узнаешь своего императора?

Часовой отвѣтилъ:

— Мелкія свиньи не самыя цѣнныя. Пока что, извѣстно, что господа французы большіе шутники: всѣ знаютъ, что императоръ Карлъ ведетъ войну въ Италіи, и потому онъ не можетъ стоять у воротъ Оуденаарде.

На это Карль и его свита закричали еще громче:

— Если ты не откроешь, ты будешь изжаренъ на коньѣ, какъ на вертелѣ. А передъ тѣмъ проглотишь свои ключи!

На шумъ прибѣжалъ изъ арсенала старый солдатъ, высу- нулъ носъ изъ-за стѣны и заоралъ:

— Дозорный, ты ошибся! Это нашъ императоръ, я узналъ его, хотя онъ состарѣлся съ тѣхъ поръ, какъ увезъ отсюда Марію ванъ-деръ-Гейнствъ въ замокъ Лалэнъ!

Отъ ужаса привратникъ упалъ на землю замертво. Солдатъ взялъ ключи и побѣжалъ отворять ворота.

Императоръ спросилъ, почему его такъ долго заставили ждать. Выслушавъ объясненіе солдата, его величество приказалъ опить запереть ворота, вызвать солдатъ Корнюина и имъ повелѣлъ открыть шествіе съ трубами и барабанами.

Вскорѣ одинъ за другимъ проснулись и колокола и под- няли трезвонъ.

Такъ его величество съ царственнымъ грохотомъ прибылъ къ ратушѣ. Здѣсь засѣдали бургомистры и старшины; стар- шинна Янъ Гигеларъ выбѣжалъ на шумъ и возвратился въ засѣданіе съ крикомъ:

— Императоръ Карль здѣсь!

Испуганные этой вѣстью бургомистры и старшины поки- нули изъ зала на улицу, чтобы привѣтствовать императора въ полномъ составѣ, и слуги побѣжали по городу, съ прика- зами палить изъ мортиръ, жарить птицу, открывать бочки.

Мужчины, женщины и дѣти бѣгали повсюду, крича:

— Императоръ Карль на Рыночной площади!

Здѣсь собралась огромная толпа.

Пришедшій въ неистовство отъ ярости императоръ спре- сядъ обоихъ бургомистровъ, не достойны ли они висѣльцы за такое невниманіе къ своему повелителю.

Бургомистры отвѣтили, что, конечно, достойны, но башен- ный трубачъ Уленсигель заслужилъ ее еще болѣе; ибо, вслѣдъ за слухомъ о прибытіи его величества, Уленсигеля; снаб- женнаго очками, посадили на башню и настойчиво втолко- вали ему, что онъ долженъ трижды протрубить, какъ только замѣтитъ приближеніе императора. Но онъ этого не исполнялъ.

Императоръ не смягчился и приказалъ привести Улен- снгеля.

— Почему,—спросилъ онъ,—ты, несмотря на очки, не тру- билъ при моемъ приближеніи?

Говоря это, онъ прикрылъ глаза рукой отъ солнца и смот- рѣлъ на Уленсигеля съвѣзь пальцы.

Уленсигель тоже прикрылъ глаза рукою и отвѣтилъ, что

съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ, что его величество смотритъ сквозь пальцы, онъ не хотѣлъ пользоваться очками.

На это императоръ сказалъ, что онъ будетъ повѣшенъ, и городской сторожъ отвѣтилъ, что такъ и слѣдуетъ. Бургомистры такъ были потрясены этимъ приговоромъ, что не сказали ни слова ни за ни противъ.

Явились палачъ и его помощники съ лѣстницей и новой веревкой, взяли Уленспигеля за шиворотъ, и такъ шель онъ мимо сотни рейтаровъ Корньюина, не сопротивляясь и борюча про себя молитвы. А они зло издѣвались надъ нимъ.

Сбѣжавшійся народъ говорилъ:

— Какая жестокость—за такой ничтожный проступокъ осудить на смерть несчастнаго юношу!

Была здѣсь толпа ткачей, они были вооружены и кричали:

— Не позволимъ повѣсить Уленспигеля; это противъ законовъ Оуденаарде.

Такъ дошли до мѣста казни. Уленспигеля взвели на лѣстницу, и палачъ надѣлъ ему петлю на шею. Ткачи столпились у висѣлицы. Верхомъ на конѣ высился профось, опирая о плечо лошади судейскій жезлъ, которымъ онъ долженъ былъ, по приказанію императора, подать знакъ къ исполненію казни.

Народъ кричалъ:

— Милосердіе! Помилуйте Уленспигеля!

Уленспигель, стоя на лѣстницѣ, крикнулъ:

— Помилуйте, ваше величество!

Императоръ поднялъ руку и сказалъ:

— Если этотъ негодяй попроситъ меня о чемъ-нибудь, чего я не могу исполнить, онъ будетъ помилованъ.

— Говори, Уленспигель!—закричалъ народъ.

Женщины плакали и говорили:

— Ничего такого онъ попроситъ не сможетъ, бѣдняга, потому что вѣдь императоръ всемогущъ.

И всѣ кричали:

— Говори, Уленспигель!

— Ваше величество, — сказалъ онъ, — я не прошу ни денегъ, ни помѣстій, ни даже жизни, но прошу объ одной вещи, за которую однако, если я ее назову, обѣщайте не колесовать и не бичевать меня, пока я самъ не отойду къ вѣчному блаженству.

— Обѣщаю,—сказалъ императоръ.

— Прошу ваше величество, прежде чѣмъ я буду повѣшенъ, приблизиться ко мнѣ и поцѣловать въ тѣ уста, которыми я не говорю по-фламандски!

Императоръ и весь народъ расхохотались.

— Этой просьбы я не могу исполнить, и, стало-быть, ты не будешь повѣшенъ, Уленспигель.

Но бургомистра и старшинъ онъ присудилъ въ теченіи шести мѣсяцевъ носить на затылкѣ очки: „Ибо, — сказалъ онъ, — если оуденаардцы не умѣютъ смотрѣть передомъ, то пусть смотрятъ задомъ“.

И по указу императорскому до сихъ поръ эти очки красуются въ гербѣ города.

А Уленспигель потихоньку убрался съ мѣшочкомъ золота, собраннаго для него среди женщинъ.

XLIII.

Въ Льежѣ, на рыбномъ рынкѣ, Уленспигель увидѣлъ толстаго юношу, который въ каждой рукѣ держалъ по корзинѣ; правая была полна всякой птицы, лѣвую онъ наполнялъ форелями, угрями, щуками, камбалами.

Уленспигель узналъ Ламме Гоодзака.

— Чтò ты здѣсь дѣлаешь, Ламме?—спросилъ онъ.

— Ты знаешь, какъ здѣсь, въ миломъ Льежѣ, любятъ насъ, фламандцевъ. Слѣдую за моей любовью. А ты?

— Ищу хозяина, который далъ бы мнѣ хлѣба за службу.

— Сухая ѣда,—отвѣтилъ Ламме:—лучше бы ты опустилъ въ свою глотку ожерелье изъ жаворонковъ съ дроздомъ въ заключеніе.

— Ты богатъ?—спросилъ его Уленспигель.

— Я потерялъ отца, мать и младшую сестру, которая меня била,—отвѣчалъ Ламме:—я ихъ наслѣдникъ и живу съ одноглазой старухой, великимъ профессоромъ кухоннаго искусства.

— Давай, я понесу твою рыбу и птицу.

— Возьми.

И они пошли по рынку.

— Знаешь, почему ты настоящій дуракъ?—вдругъ сказалъ Ламме.

— Почему?

— Носишь рыбу и дичь не въ желудкѣ, а въ рукахъ.

— Это вѣрно, Ламме. Но съ тѣхъ поръ, какъ у меня нѣтъ хлѣба, и дрозды на меня не хотятъ смотрѣть.

— Наѣвшись дроздовъ вволю, Уленспигель, и будешь служить у меня, если моя повариха позволитъ.

По пути имъ встрѣтилась очень хорошенькая и милая дѣвушка въ шелковомъ платьѣ, которая посмотрѣла своими кроткими глазками на Ламме. Онъ указалъ на нее Уленспигелю.

Вслѣдъ за ней шелъ старикъ, ея отецъ, и несъ двѣ корзины, одну съ дачью, другую съ рыбой.

— Вот кого я выбралъ себѣ въ жены,—сказалъ Ламме.

— Да,—отвѣтилъ Уленспигель,—я знаю ее: она фламандка изъ Цоттегема, живетъ въ улицѣ Винавъ д'Иль; сосѣди говорятъ, что мать вмѣсто нея подметаешь улицу передъ домомъ, а отецъ гладить рубашки.

— Она взглянула на меня,—сказалъ Ламме, не обращая вниманія на слова Уленспигеля.

Они подошли къ дому Ламме у Моста-на-Сводахъ и постучали въ дверь. Имъ открыла кривая служанка. Уленспигель увидѣлъ, что она стара, длинна, сухопара и сварлива.

— Ла-Санжинъ,—обратился къ ней Ламме,—возьмешь этого парня въ помощники?

— Возьму на пробу.

— Попробуй; пусть узнаетъ блаженства твоей кухни.

Ла-Санжинъ подала на столъ три черныхъ колбасы, кружку пива, большой ломоть хлѣба.

Пока Уленспигель ѣлъ, Ламме выбралъ и для себя колбасу.

— Знаешь,—сказалъ онъ,—гдѣ живетъ наша душа?

— Нѣтъ, Ламме.

— Въ нашемъ животѣ: это она неустанно опустошаетъ его, чтобы вновь ввести въ наше тѣло жизненную силу. Кто лучший спутникъ нашей жизни? Хорошая ѣда, особенно, если она полита добрымъ маасскимъ виномъ.

— Да,—сказалъ Уленспигель,—колбаса пріятное общество для одинокой души.

— Онъ хочетъ еще,—сказалъ Ламме:—дай ему еще чего-нибудь, Ла-Санжинъ.

Она подала теперь бѣлую колбасу.

Насыщаясь, Ламме впалъ въ задумчивость и сказалъ:

— Когда я умру, мой желудокъ умретъ вмѣстѣ со мной, а тамъ, въ чистилищѣ, придется поститься, и буду я таскать съ собой это пустое, обвислое брюхо.

— Черная вкуснѣе,—замѣтилъ Уленспигель.

— Шесть штукъ съѣлъ, довольно съ тебя,—заявила Ла-Санжинъ.

— Здѣсь, знаешь, тебя будутъ хорошо кормить,—сказалъ Ламме:—ѣсть ты будешь то же, что и я.

— Буду имѣть въ виду,—сказалъ Уленспигель.

Все это привело его въ хорошее настроеніе. Поглоченныя колбасы вдохнули въ него такую бодрость, что онъ въ этотъ день вычистилъ всѣ котлы, сковороды и горшки, и они блестяли у него, какъ солнце.

Жилъ онъ въ этомъ домѣ привольно, часто навѣдывался въ бухню и погребъ, предоставивъ кошкѣмъ чердакъ. Однажды

Ла-Санжинъ, жаря двухъ цыплятъ, приставила его вертѣть вертелъ, пока она сходитъ на рынокъ за приправами.

Когда цыплята изжарились, Уленспигель съѣлъ одного изъ нихъ.

Войдя въ кухню, Ла-Санжинъ закричала:

— Здѣсь были два цыпленка, гдѣ другой?

— Посмотри своимъ другимъ глазомъ,—отвѣтилъ Уленспигель:—увидишь обоихъ.

Въ бѣшенствѣ бросилась она къ Ламме съ жалобой. Тотъ сошелъ въ кухню и обратился къ Уленспигелю:

— Чтò жъ ты издѣваешься надъ моей служанкой? Была вѣдь пара цыплятъ.

— Вѣрно, Ламме. Но, когда я поступилъ къ тебѣ, ты сказала, что я буду ѣсть то же, чтò и ты. Здѣсь была пара цыплятъ—одного съѣлъ я, другого съѣшь ты. Мое удовольствіе уже прошло, твое еще предстоитъ тебѣ. Развѣ тебѣ не лучше, чѣмъ мнѣ?

— Да,—отвѣтилъ Ламме, смѣясь,—дѣлай только все такъ, какъ Ла-Санжинъ прикажетъ; тогда придется тебѣ дѣлать только половину работы.

— Постараюсь,—отвѣтилъ Уленспигель.

И всякій разъ, какъ Ла-Санжинъ что-нибудь ему приказывала, онъ исполнялъ только половину. Посылала она его принести два ведра воды, онъ приносилъ одно. Шелъ онъ въ погребъ взять изъ бочки кружку пива, онъ выливалъ по дорогѣ полъ-кружки въ себя, и такъ далѣе.

Наконецъ это надоѣло Ла-Санжинъ, и она заявила Ламме, что, если этотъ бездѣльникъ останется въ домѣ, она сейчасъ бросаетъ службу.

Ламме спустился къ Уленспигелю.

— Придется тебѣ уйти, сынъ мой, — сказалъ онъ,—хоти ты здѣсь порядочно подкормился. Слышишь, пѣтухъ кричить: два часа дня—значитъ, будетъ дождь. Не хочется мнѣ выгонять тебя изъ дому въ такую погоду, но подумай, сынъ мой,—благодаря своимъ жаркимъ, Ла-Санжинъ—стражъ моего бытія. Я не могу разстаться съ нею, не рискуя жизнью. Ради Создателя, сынъ мой, уходи; возьми эти три флорина и эту связку колбасокъ, чтобы облегчить себѣ трудный путь.

И Уленспигель пошелъ удрученный и съ раскаяніемъ думалъ о Ламме и о его кухнѣ.

XLIV.

Стоялъ ноябрь въ Дамме, какъ и вездѣ, но зима не было: ни снѣга, ни дождя, ни мороза. Ничѣмъ не омраченное

солнце сіяло съ утра до вечера. Дѣти катались въ пыли по улицамъ и переулкамъ. Послѣ ужина лавочники, купцы, золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы и прочіе ремесленники выходили на крылечко и глядѣли на вѣчно-синій небосклонъ, на деревья, еще покрытыя зеленью, на аистовъ на крышахъ и на ласточекъ, все не улетавшихъ. Розы отцвѣли въ третій разъ, и въ четвертый разъ на нихъ появились почки. Ночи были теплы, и соловьи заливались безъ усталы.

Жители Дамме говорили:

— Зима умерла, сождемъ зиму.

И они соорудили громадное чучело съ медвѣжьей мордой, длинной бородой изъ стружекъ и косматой гривой изъ льна, одѣли чучело въ бѣлое платье и торжественно сожгли его.

Клаасъ горевалъ по этому случаю и не радовался ни синему небу, ни ласточкамъ, не собиравшимся улетѣть. Ибо никому въ Дамме не нуженъ былъ уголь—развѣ только для кухни, для которой были у всѣхъ запасы, и никто не покупалъ у Клааса, который истратилъ всѣ свои сбереженія на покупку угля.

Такъ стоялъ онъ у своего порога, и, когда свѣжій вѣтерокъ холодилъ кончикъ его носа, онъ говорилъ:

— Ну, вотъ пришелъ мой заработокъ.

Но свѣжій вѣтерокъ стихалъ, небо оставалось синимъ, листья не хотѣли падать. И Клаасъ не согласился уступить за полдѣны свой уголь скупому Грейпстюверу, старшинѣ рыбаковъ. И вскорѣ въ его домикъ стало не хватать хлѣба.

XLV.

А король Филиппъ не страдалъ отъ голода и поглощалъ печенія подлѣ своей супруги Маріи Уродливой изъ королевскаго дома Тюдоровъ. Онъ не любилъ ея, но надѣялся, оплодотворивъ эту хилую женщину, дать такимъ образомъ англійскому народу государя-испанца.

Но на горе себѣ заключилъ онъ этотъ бракъ, подобный браку булыжника съ горящей головней. Въ одномъ лишь они всегда были согласны: въ истребленіи лютеранъ; они ихъ жгли и топили тысячами.

Когда Филиппъ не былъ въ Лондонѣ или не уходилъ, переодѣтый, изъ дворца, чтобы посѣтить какое-нибудь подозрительное мѣсто, часъ ночного покоя соединилъ супруговъ.

Королева Марія въ ночной рубахѣ изъ фламандскаго полотна съ ирландскими кружевами лежала въ супружеской постели, а Филиппъ, прямой и неподвижный, какъ столбъ, стоялъ подлѣ нея, разсматривая, не видно ли на тѣлѣ жены

знаковъ близкаго материнства; но онъ не могъ найти ничего, приходилъ въ бѣшенство и упорно молчалъ, разсматривая свои ногти.

Бесплодная, похотливая женщина говорила ему страстные слова и, стараясь придать нѣжное выраженіе своимъ глазамъ, просила ими о любви безчувственного Филиппа. Слезы, крики, мольбы—все пускала она въ ходъ, чтобы добиться ласки отъ человѣка, который не любилъ ея.

Напрасно ломала она руки, бросаясь къ его ногамъ, напрасно, чтобы расшевелить его, смѣялась и плакала одновременно, точно безумная. Ни смѣхъ ни слезы не могли смягчить его каменнаго сердца.

Напрасно охватывала она его, точно влюбленная змѣя, своими объятіями, напрасно прижимала къ своей плоской груди узкую клетку, въ которой жила изуродованная душа властелина королевской крови. Онъ былъ недвижимъ, какъ пограничный камень.

И она, это бѣдное, противное созданіе, старалась сдѣлать себя привлекательнѣй. Она называла его всѣми ласковыми именами, которыя даютъ страстные женщины своимъ возлюбленнымъ: Филиппъ разсматривалъ свои ногти.

Иногда онъ говорилъ:

— Чтò жъ, такъ и не будетъ у тебя дѣтей?

Голова Маріи падала на грудь.

— Развѣ я виновата въ своемъ безплодіи? — отвѣчала она:—сжался надо мной. Я живу какъ вдова.

— Отчего у тебя нѣтъ дѣтей?—спрашивалъ Филиппъ.

И королева, точно пораженная на смерть, падала на коверъ. Изъ глазъ ея лились только слезы, но она плакала бы кровью, если бы могла, эта несчастная, сладострастная женщина.

Такъ мстилъ Господь палачамъ за жертвы, которыми они усѣяли Англію.

XLVI.

Въ народѣ шелъ слухъ, что императоръ Карлъ собирается отобрать у монаховъ принадлежавшее имъ право наслѣдованія послѣ тѣхъ, кто умеръ въ монастырѣ, и что папа чрезвычайно недоволенъ этимъ намѣреніемъ.

Уленсигель былъ въ это время въ Маасской сторонѣ, и ему пришло въ голову, какъ это изъ всего императоръ извлекаетъ себѣ выгоду: ибо вѣдь, если нѣтъ другихъ наслѣдниковъ, наслѣдникомъ является онъ. Уленсигель сидѣлъ на берегу, забросивъ свои удочки съ хорошей приманкой, жевалъ

черствую корку черного хлѣба и жалѣлъ, что нѣтъ бургундскаго оросить эту сухую закуску. Но нельзя, чтобы все было по нашимъ желаніямъ! Это онъ зналъ хорошо.

И однако онъ бросалъ кусочки хлѣба въ воду, полагая, что кто не раздѣляетъ своей пищи съ ближнимъ, тотъ вовсе недостоинъ ѣды.

Къ крошкамъ хлѣба подплылъ пескаръ, сперва сталъ ихъ обнюхивать, потомъ коснулся ихъ кончикомъ морды и наконецъ широко раскрылъ свою невинную пасть, точно въ надеждѣ, что хлѣбъ самъ влѣзетъ туда. Но, пока онъ смотрѣлъ вверхъ, вдругъ стрѣлой налетѣла на него коварная щука и разомъ проглотила.

Такъ же поступила она съ карпомъ, который, не думая объ опасности, ловилъ на лету мошекъ. Наѣвшись досыта, щука неподвижно остановилась въ рѣкѣ, не обращая вниманія на рыбу мелкоту, стремглавъ бросавшуюся во все стороны при видѣ щуки. Но ея спокойная важность была нарушена: вдругъ, съ разинутой пастью, бросилась на нее другая щука, голодная и прожорливая. Закипѣлъ яростный бой, страшны были раны съ обѣихъ сторонъ, и вода вокругъ покраснѣла отъ ихъ крови. Поѣвшая щука не могла справиться съ голодной, которая все отскакивала, разбѣгалась и, точно пуля, бросалась на противницу. Та разинула пасть, захватила половину головы врага, хотѣла высвободиться—и не могла: ея зубы были загнуты внутрь. И обѣ безсильно отбивались другъ отъ друга.

Въ своей вознѣ онъ не замѣтили привязаннаго къ шелковой лескѣ крючка, который вѣднился въ плавникъ сытой щуки, захватилъ ее, потянулъ вмѣстѣ съ врагомъ изъ воды и безъ всякаго почтенія выбросилъ на траву.

Потроша обѣихъ, Уленспигель сказалъ:

— Милыя мои щучки, вы въ родѣ какъ императоръ и папа, которые стараются слопать другъ друга, а я—народъ, который среди ихъ свары въ часъ, какой угодно будетъ назначить Господу Богу, поддѣпнѣть обоихъ крючкомъ.

XLVII.

Катлина все еще жила въ Боргергаутѣ и скиталась по окрестностямъ, приговаривая:

— Гансикъ, мужъ мой, они зажгли огонь на моей головѣ; продѣлай дыру, чтобы душа моя могла вырваться наружу. Ахъ, она стучится тамъ, и каждый ударъ точно ножъ острый. И Неле ходила за матерью и, сидя подлѣ нея, думала съ тоской о своемъ другѣ Уленспигелѣ.

А Клаасъ въ Дамме попрежнему собиралъ въ визанки хворость, продавалъ уголь и часто погружался въ глубокую печаль, когда вспоминалъ о томъ, что Уленспигель изгнанъ и долго, долго еще не вернется домой.

Сооткнижь все сидѣла у окна и смотрѣла, не покажется ли ся сынъ.

А онъ, находясь въ это время въ окрестностяхъ Кельна, вдругъ рѣшилъ, что имъ овладѣла склонность къ садоводству.

Онъ поступилъ на службу къ Яну де-Цуурсмолю, который, будучи предводителемъ ландскнехтовъ, только посредствомъ выкупа спасся какъ-то отъ висѣлицы и потому питалъ непобѣдимый ужасъ предъ коноплей, которая на фламандскомъ нарѣчьи называлась тогда kennip.

Однажды Янъ де-Цуурсмоль, указывая Уленспигелю его очередную работу, повелъ его на свое поле, и здѣсь они увидѣли участокъ земли, весь поросшій зеленой коноплей.

Янъ де-Цуурсмоль сказалъ Уленспигелю:

— Всякій разъ, какъ увидишь это мерзостное растеніе, загадь его, ибо оно служить для колесованій и висѣлицъ.

— Загажу непременно,—отвѣчалъ Уленспигель.

Однажды, когда Янъ де-Цуурсмоль сидѣлъ за столомъ съ нѣсколькими собутыльниками, поваръ приказалъ Уленспигелю:

— Сходи-ка въ погребъ и принеси zennip (т.е. горчицы).

Уленспигель, по озорству, якобы спуталъ zennip и kennip, нагадилъ въ погребѣ въ горшокъ съ горчицей и, посмѣиваясь, принесъ къ столу.

— Чего смѣешься? — спросилъ Янъ де Цуурсмоль:—думаешь, наши носы изъ желѣза, что ли? Съѣшь этотъ zennip, коли самъ его приготовилъ.

— Предпочелъ бы жаркое съ корицей,—отвѣтилъ Уленспигель.

Янъ де-Цуурсмоль вскочилъ, чтобы отколотить его.

— Кто-то нагадилъ въ горшокъ съ горчицей! — закричалъ онъ.

— Хозяинъ,—отвѣтилъ Уленспигель,—развѣ вы забыли, какъ я шелъ за вами къ вашему полю, гдѣ растеть zennip. Тамъ, указавъ мнѣ на коноплю, вы сказали: „Вездѣ, гдѣ увидишь это растеніе, загадь его, ибо оно служить для колесованія и висѣлицы“. Я его и загадилъ, хозяинъ, загадилъ и опозорилъ; не бейте же меня за мою покорность.

— Я сказалъ kennip, а не zennip!—закричалъ въ бѣшенствѣ Янъ де-Цуурсмоль.

— Хозяинъ, вы сказали zennip, а не kennip,—возразилъ Уленспигель.

Долго они препирались; Уленспигель говорилъ тихо, Янъ де-Цуурсмоль визжалъ какъ орелъ, путая zennip, kennip, kern, zern, kern, zern, zern, точно мотокъ крученаго шелка.

И собутыльники хохотали, точно черти, пожирающіе колеты изъ доминиканцевъ и почки инквизиторовъ.

Но Уленспигель потерялъ службу у Яна де-Цуурсмоль.

XLVIII.

Неле все тосковала о своей судьбѣ и о своей безумной матери.

Уленспигель служилъ въ [это время у портного, который всегда говорилъ ему:

— Когда дѣлаешь шовъ, шей плотно, чтобъ ничего не было видно.

Уленспигель сѣлъ въ бочку и принялся за шитье.

— Для чего это?—вскричалъ портной.

— Ужъ когда шьешь, сидя въ бочкѣ, навѣрное ничего не будетъ видно.

— Садись-ка за столъ и дѣлай маленькіе стежки, одинъ полдѣ другого—понялъ теперь? И сдѣлаешь изъ этого сукна „волка“.

„Волкомъ“ въ тѣхъ мѣстахъ называется крестьянскій кафтанъ.

Уленспигель взялъ сукно, разрѣзалъ его на куски и сдѣлалъ изъ нихъ фигуру волка.

Увидѣвъ это, портной закричалъ:

— Что ты тутъ, чортъ тебя дери, надѣлалъ?

— Волка сдѣлалъ,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Каналья! Я приказалъ, правда, тебѣ сдѣлать волка, но развѣ ты не знаешь, что волкъ—это крестьянскій кафтанъ?

Спусти нѣкоторое время хозяинъ приказываетъ ему:

— Передъ сномъ подкинешь рукава къ этой курткѣ.

Уленспигель повѣсилъ куртку на стѣну и цѣлую ночь бросалъ въ нихъ рукавами.

На шумъ пришелъ наконецъ портной:

— Негодай, что ты за новыя штуки тутъ вытворяешь?

— Какія же штуки? Подкидываю рукава, какъ вы приказали,—да они все не пристають къ курткѣ.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и потому убирайся сейчасъ изъ дому. Посмотримъ, будетъ ли тебѣ лучше на улицѣ.

XLIX.

Время отъ времени Неле, помѣстивъ Катлину у добрыхъ сосѣдей съ тѣмъ, чтобъ они хорошо за ней смотрѣли, сама

уходила далеко-далеко: до Антверпена. Она бродила по берегамъ Шельды и все искала на баркахъ и по пыльнымъ дорогамъ, не встрѣтитъ ли гдѣ своего милаго друга, Уленспигеля.

А тотъ ужъ былъ въ Гамбургѣ и здѣсь на рынкѣ среди купцовъ увидѣлъ нѣсколькихъ старыхъ евреевъ; они промышляли тѣмъ, что давали деньги въ ростъ и торговали старьемъ.

Уленспигель тоже захотѣлъ заняться торговлей: увидавъ на землѣ куски лошадинаго навоза, собралъ, отнесъ въ свою квартиру — онъ ютился въ городскомъ рву — и высушилъ. Потомъ онъ купилъ шелка, краснаго и зеленаго, пошилъ изъ него мѣшочки, насыпалъ навоза, завязалъ ленточкой — точно они наполнены мускусомъ.

Устроивъ изъ нѣсколькихъ дощечекъ коробку, онъ подвѣсилъ ее веревочками на шею, сложилъ товаръ въ коробокъ и вышелъ на рынокъ продавцомъ душистыхъ подушечекъ. Вечеромъ онъ освѣщаль свой товаръ свѣчкой, прикрепленной посреди доски.

Первому, спросившему, чѣмъ онъ торгуетъ, онъ таинственно отвѣтилъ:

— Скажу вамъ, только потихоньку.

— Ну? — спросилъ покупатель.

— Это волшебные шарики — по нимъ узнаютъ будущее, они доставлены во Фландрію изъ Аравіи, гдѣ ихъ изготовляетъ великій искусникъ Абдуль-Медиль, потомокъ великаго Магомета.

Собрались покупатели и говорили:

— Это турокъ.

— Нѣтъ, это фламандскій богомолецъ, — не слышите развѣ по его произношенію?

Подходили оборванцы къ Уленспигелю и говорили:

— Дай намъ этихъ волшебныхъ шариковъ.

— По флорину штука, — отвѣчалъ Уленспигель.

И бѣднота, грязная и ободранная, разбѣгалась со словами:

— Только богатымъ житье на этомъ свѣтѣ.

Слухъ о волшебныхъ шарикахъ распространился по всему рынку. И обыватели говорили другъ другу:

— Тутъ явился фламандецъ съ волшебными шариками, освященными въ Иерусалимѣ. Но, говорятъ, онъ ихъ не продаетъ.

И люди собирались вокругъ Уленспигеля и просили его продать имъ волшебные шарики.

Но онъ хотѣлъ поднять на нихъ цѣну и отвѣчалъ, что

они не созрѣли, и все посматривалъ на двухъ богатыхъ евреевъ, ходившихъ по рынку.

— Я хотѣлъ бы знать,—спросилъ у него одинъ купецъ,—будетъ ли благополучно плаваніе моего корабля, который теперь въ морѣ?

— Онъ подымется до небесъ, если волны будутъ достаточно высоки,—отвѣчалъ Уленспигель.

Другой, указавъ на свою хорошенькую дочку, которая при этомъ покрылась румянцемъ, спросилъ:

— Она, конечно, найдетъ свое счастье?

— Всякій находитъ свое счастье тамъ, гдѣ прикажетъ его природа,—отвѣтилъ Уленспигель, ибо онъ видѣлъ, что дѣвушка сунула ключъ какому-то молодому человѣку.

Послѣдній, сіяя самодовольствомъ, подошелъ къ Уленспигелю:

— Господинъ купецъ, позвольте и мнѣ одинъ волшебный мѣшочекъ; я хочу узнать, одинъ ли я буду спать эту ночь.

— Сказано есть,—отвѣчалъ Уленспигель:—кто съѣтъ какъ соблазнитель, пожнетъ какъ роконосець.

Молодой человѣкъ вскипѣлъ:

— Откуда ты это знаешь?

— Шарики говорятъ, что ты будешь счастливъ въ бракѣ, и жена не украситъ тебя шлемомъ Вулкана. Знаешь это украшеніе?—И Уленспигель продолжалъ въ тонѣ проповѣдника:—Женщина, раздающая на брачномъ рынкѣ задатокъ, раздаетъ потомъ и товаръ даромъ.

Дѣвушка, желая выказать свою предусмотрительность, спросила:

— И все это видно въ волшебныхъ шарикахъ?

— Тамъ виденъ и ключъ,—отвѣтилъ Уленспигель ей на ухо.

Но молодой человѣкъ уже скрылся съ ключомъ.

Вдругъ Уленспигель увидѣлъ, какъ воринка схватилъ со стойки длинную колбасу и спряталъ ее себѣ подъ плащъ. Колбасникъ не замѣтилъ, и воръ, очень довольный собой, подошелъ къ Уленспигелю съ вопросомъ:

— Чтò ты продаешь тутъ, каркающій пророкъ?

— Мѣшочки, которые скажутъ тебѣ, что тебя повѣсятъ за любовь къ колбасѣ,—отвѣтилъ Уленспигель.

Воръ бросился бѣжать, обокраденный колбасникъ кричалъ: „Ловите вора!“, но было уже поздно.

Все это время богатые евреи слушали разговоры Уленспигеля и наконецъ подошли:

— Чтò ты продаешь, фламандецъ?

— Волшебные мѣшочки.

— А въ чемъ ихъ волшебство?

— Они предсказываютъ будущее, если пососать ихъ.

Евреи пошентались между собой, и старшій сказалъ:

— Ну, такъ посмотримъ въ мѣшочкѣ, когда придетъ нашъ Мессія; это будетъ для насъ большимъ утѣшеніемъ. А что ты хочешь за мѣшочекъ?

— Пятьдесятъ флориновъ,—отвѣчалъ Уленспигель:— если это для васъ дорого, провалнвайте. Кто не купитъ поля, тому и навозъ ни къ чему.

Видя по Уленспигелю, что онъ не уступитъ, они уплатили ему, взяли одинъ мѣшочекъ и побѣжали въ свой кварталъ, гдѣ вокругъ нихъ собралась цѣлая толпа евреевъ; тѣ ужъ услышали, что одинъ изъ стариковъ купилъ мѣшочекъ, предсказывающій день и часъ прихода Мессіи.

Всѣмъ хотѣлось безплатно пососать мѣшочекъ. Но старикъ, по имени Іегу, купившій мѣшочекъ, объявилъ, что самъ хочетъ пососать.

— Дѣти Израиля! — возгласилъ онъ, держа мѣшочекъ въ рукѣ:—христіане издѣваются надъ нами, преслѣдуютъ насъ, обзываютъ позорными кличками. Филистимляне хотятъ пригнуть насъ ниже земли. Они плюютъ намъ въ лицо, ибо Господь ослабилъ тетиву нашихъ луковъ. Долго ли, о, Господь Авраама, Исаака и Іакова, будетъ длиться это испытаніе, ниспосланное намъ вмѣсто блаженства, и скоро ли прольется свѣтъ въ эту тьму? Скоро ли снизойдешь Ты на землю, божественный Мессія? Когда спрячутся христіане въ пещеры и ямы изъ страха предъ Тобой и Твоимъ грознымъ явленіемъ? Когда придешь Ты покарать ихъ?

И еврей кричалъ:

— Приди, Мессія! Соси, Іегу!

Іегу пососалъ, выплюнулъ и жалостно возопилъ:

— Истинно вамъ говорю—это навозъ, а фламандскій богомолецъ—мошенникъ.

Тутъ еврей набросился на мѣшочекъ, разорвали его, увидѣли, что въ немъ лежитъ, и бросились на рынокъ ловить Уленспигеля. Но онъ не ждалъ ихъ.

Л

Одинъ обыватель въ Дамме не могъ уплатить Клаасу за уголь и потому оставилъ ему свои вещи въ залогъ, среди нихъ былъ самострѣлъ съ двѣнадцатью стрѣлами, отлично отдѣланными, чтобы ужъ быть безъ промаха.

Въ часы досуга Клаасъ пострѣливалъ; но одинъ залцъ

былъ имъ загубленъ и обращенъ въ жаркое за то, что очень любилъ капусту.

Клаасъ ѣлъ въ такихъ случаяхъ съ жадностью, но Сооткинъ смотрѣла на безлюдную улицу и говорила:

— Тиль, сынъ мой, вдыхаешь ли и ты запахъ подливки? Навѣрное, голодаешь гдѣ-нибудь. — И, погруженная въ свои мысли, она готова была оставить для него вкусный кусочекъ.

— Если онъ голоденъ,—отвѣчала Клаасъ,—самъ виноватъ; пусть вернется, будетъ ѣсть, какъ мы.

Клаасъ держалъ голубей. Кромѣ того, онъ любилъ щеглятъ, скворцовъ, коноплянокъ и прочихъ пискунцовъ и визгуновъ, ихъ щебетаніе и возню; и онъ охотно стрѣлялъ кобчиковъ и ястребовъ, истребляющихъ эту пѣвчую братію.

Однажды онъ во дворѣ отгѣривалъ уголь, вдругъ прибѣжала Сооткинъ, показывая ему большую птицу, кружащуюся надъ голубятней.

Клаасъ схватилъ самострѣлъ со словами:

— Ну, пусть теперь чертъ спасетъ господина ястреба.

Онъ прицѣлился и слѣдилъ самострѣломъ за движеніями птицы. Спускались сумерки, и Клаасъ могъ различить въ небѣ только темную точку. Наконецъ онъ выстрѣлилъ; во дворѣ упала аистъ.

Это очень смутило Клааса, а Сооткинъ была огорчена и кричала ему:

— Злой человекъ, ты убилъ Божью птицу!

Она подняла аиста, увидѣла, что тотъ только раненъ въ крыло, смазала и перевязала его рану и сказала:

— Другъ аистъ, нехорошо, что ты, нашъ любимецъ, вздумалъ парить въ небѣ, точно ястребъ, нашъ врагъ; такъ не одну стрѣлу выпустить народъ въ ложную цѣль. Болитъ у тебя крылышко, аистъ милый? Какъ терпѣливо ты переносишь мои заботы! Видно, ты знаешь, что наши руки—руки друга?

Оправившись, аистъ получалъ ѣду, какую хотѣлъ; особенно любилъ онъ рыбу, которую Клаасъ ловилъ для него въ каналѣ. И всякій разъ, когда Божья птица видѣла его возвращеніе, она широко разѣвала свой клювъ.

Аистъ бѣгалъ за Клаасомъ, какъ собачонка, но еще больше любилъ оставаться въ кухнѣ, грѣлся у огня и колотилъ Сооткинъ, хлопотающую у печи, по животу, какъ бы спрашивая:—Нѣтъ ли чего для меня?

И было такъ пріятно видѣть, какъ важно рассказываетъ по домику на своихъ длинныхъ ногахъ этотъ посланецъ счастья.

LI.

Но вновь вернулись тяжелые дни; печально и одиноко работала Клаасъ въ полѣ, ибо для двоихъ тамъ не было работы. Сидя дома одна, Сооткинъ плакала и старалась разными способами готовить бобы, которые приходилось ѣсть изо дня въ день. При мужѣ она пѣла и смѣялась, чтобы онъ не замѣтилъ тоскливой жизни, которую она вела, и не страдалъ отъ этого. И аистъ оставался подлѣ нея, стоя на одной ногѣ и уткнувъ голову подъ крыло.

Передъ домомъ остановился всадникъ; онъ былъ въ черной одеждѣ, очень худой, а лицо его чрезвычайно мрачно.

— Есть здѣсь кто-нибудь въ домѣ?—спросилъ онъ.

— Богъ да благословитъ вашу мрачную милость,—отвѣтила Сооткинъ:—что жъ я, призракъ, что ли, что вы, види меня здѣсь, спрашиваете, есть ли кто въ домѣ?

— Гдѣ твой отецъ?—спросилъ всадникъ.

— Если это моего отца зовутъ Клаасомъ, то онъ тамъ, съѣсть хлѣбъ; спустись и найдешь его.

Всадникъ уѣхалъ. И Сооткинъ печально пошла за хлѣбомъ, ибо въ шестой уже разъ брала у булочника въ долгъ. Вернувшись съ пустыми руками, она была изумлена, такъ какъ увидѣла, какъ Клаасъ ѣдетъ съ поля съ побѣдоноснымъ, сияющимъ лицомъ на конѣ чернаго человѣка, а тотъ идетъ съ нимъ рядомъ и ведетъ коня подъ уздцы. Клаасъ гордо прижималъ рукой къ бедру кожаную, видимо, туго набитую сумку.

Онъ сошелъ съ коня, упалъ черному человѣку на шею, похлопывалъ его по плечу, встряхивалъ сумку, восклицая:

— Да здравствуетъ мой братъ Юстъ, добрый отшельникъ! Сохрани его, Господи, въ радости, въ сытости, въ весельѣ и здоровьѣ! Юстъ благословенный, Юстъ щедрый, Юстъ сытно питающій! Аистъ не солгалъ!

И онъ положилъ сумку на столъ.

На это Сооткинъ жалобно сказала:

— Мужъ, у насъ сегодня ѣсть нечего: булочникъ не далъ въ домъ хлѣба.

— Хлѣба?—воскликнулъ Клаасъ, раскрывая сумку, изъ которой хлынуло золото:—хлѣба? Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ масло, мясо, вино, пиво! Вотъ ветчина, мозговые кости, дрозды, каплуны, наштеты изъ цапли, лакомства, какъ у самыхъ важныхъ господъ, вотъ бочки пива, вотъ боченки вина! Гдѣ булочникъ, который намъ откажетъ въ хлѣбѣ!? Болванъ! Вѣдь мы ничего не будемъ покупать у него.

— Но, милый...— сказала Сооткинъ, не зная, что ей думать.

— Ну, слушай и радуйся,— продолжалъ Клаасъ:— Катлина не осталась въ Антверпенѣ ждать, пока кончится срокъ ея изгнанія; Неле перебралась съ ней въ Мейбургъ, весь путь онѣ сдѣлали пѣшкомъ. Здѣсь Неле рассказала моему брату Юсту, что, несмотря на нашу тяжелую работу, мы часто живемъ впроголодь. Какъ мнѣ сообщилъ этотъ почтенный посланецъ, — и Клаасъ указалъ на чернаго всадника, — Юстъ выступилъ изъ святой римской церкви и предался лютеровой ереси.

— Еретики—это тѣ, которые служатъ Великой Блудницѣ, ибо папа римскій—предатель и торгуетъ святыней, — возразилъ человѣкъ въ черномъ.

— Ахъ, господинъ, — воскликнула Сооткинъ, — не говорите такъ громко: по вашей винѣ сожгутъ всѣхъ насъ.

— Итакъ, — продолжалъ Клаасъ, — Юстъ поручилъ этому почтенному посланцу передать намъ, что вступаетъ въ войско Фридриха Саксонскаго, набравъ и вооруживъ для него пятьдесятъ солдатъ. Такъ какъ онъ идетъ на войну, то ему не нужно много денегъ, которыя, въ случаѣ неудачи, попадутъ только въ руки какого-нибудь негоднаго ландскнехта. Поэтому онъ приказалъ: отвези брату моему Клаасу эти семьсотъ червонцевъ вмѣстѣ съ моимъ благословеніемъ; передай ему, пусть живетъ во благѣ и думаетъ о спасеніи души.

— Да, — сказалъ посланный Юста, — для этого настало время, ибо Господь будетъ судить каждого и воздастъ ему по дѣламъ его.

— Конечно, сударь, — сказалъ Клаасъ, — но пока что могу же я порадоваться доброй вѣсти. Прошу васъ побыть у меня; мы торжественно отпразднуемъ эту радость, поглотивъ великолѣпные потроха, вырѣзку, окорока, которые такъ заманчиво и привлекательно, — я, проходи, видѣль, — висѣли у мясника, что у меня буквально бочками потекли слюнки изо рта.

— Увы, безумные, — сказалъ черный человѣкъ: — они предаются наслажденіямъ, между тѣмъ какъ око Господне слѣдитъ за ихъ путями.

— Слушай, посланецъ, — сказалъ Клаасъ, — ты хочешь или не хочешь выпить и закусить съ нами?

Посланецъ отвѣтилъ:

— Когда падетъ Вавилонъ, тогда настанетъ для вѣрныхъ пора предаваться земнымъ радостямъ.

Сооткинъ и Клаасъ при этомъ перекрестились, онъ же повернулся, чтобъ ѣхать. Тогда Клаасъ сказалъ:

— Если ужъ ты непремѣнно хочешь такъ нелюбезно разстаться съ нами, то передай моему брату Юсту дружескій поцѣлуй и охраняй его въ бою.

— Исполню, — отвѣтилъ черный посланецъ.

И онъ уѣхалъ. Сооткинъ же отдалась хлопотамъ, чтобы какъ слѣдуетъ отпраздновать ихъ неожиданное счастье; и антъ получилъ въ этотъ день въ ужину двухъ пестрачей и тресковую голову.

Вскорѣ распространилась по Дамме вѣсть, что бѣдный Клаасъ, благодаря дару своего брата Юста, сдѣлался богатымъ Клаасомъ, и священникъ выразилъ мнѣніе, что это, конечно, Катлина подѣйствовала своимъ волшебствомъ на Юста. Ибо Клаасъ явно получалъ отъ него большую сумму денегъ, а между тѣмъ ничего не пожертвовалъ на одѣяніе Святой Дѣвы.

Клаасъ и Сооткинъ были счастливы; Клаасъ работалъ въ полѣ или продавалъ уголь, а Сооткинъ хлопотала въ домѣ по хозяйству.

Но глаза ея попрежнему неустанно искали на дорогѣ ея сына.

И все наслаждались счастьемъ, дарованнымъ имъ отъ Господа Бога, и ждали, что дадутъ имъ люди.

ЛІІ.

Отъ своего сына изъ Англіи императоръ Карлъ въ этотъ день получилъ письмо, которое гласило:

„Господинъ и отецъ мой!

„Мнѣ непріятно жить въ этой странѣ, гдѣ проклятые еретики кашать, точно блохи, черви и саранча. Меча и пламени недостаточно, чтобы очистить отъ ихъ скверны стволъ мощнаго древа жизни, коимъ есть и пребудетъ наша мать, святая церковь. И словно мало для меня этой печали, — я долженъ еще терпѣть, что меня здѣсь не признаютъ королемъ, но лишь мужемъ ихъ королевы, не пользующимся никакимъ уваженіемъ. Они издѣваются надо мной, сочиняютъ ядовитыя пасквили, составители которыхъ такъ же неуловимы, какъ издатели, рассказываютъ, что папа римскій подкунилъ меня, чтобы я безбожными висѣльцами и кострами довелъ это королевство до смуты и конечной гибели. Хочу я собрать налоги, — ибо часто они злоумышленно оставляютъ меня совсѣмъ безъ денегъ, — они насмѣшливо совѣтуютъ мнѣ въ своихъ ядовитыхъ листовкахъ, что мнѣ стѣдуетъ только обратиться къ сатанѣ, которому я служу. Господа изъ парламента, правда, извиняются и изъ страха, что и я могу укусить, склоняютъ свои спины, но денегъ не даютъ.

„А стѣны лондонскихъ домовъ покрыты позорящими меня пасквилями, гдѣ я изображенъ какъ отцеубійца, готовый покуситься на жизнь вашего величества, чтобы вступить на вашъ престолъ. Но вы сами, государь и отецъ мой, знаете, что, несмотря на законное честолюбіе и гордость, я желаю вашему величеству долгаго и славнаго царствованія.

„Они распространяють по городу очень умѣло вырѣзанную на мѣди гравюру, на которой изображено, какъ я заставляю кошекъ играть на клавесинѣ. Кошки заперты въ ящикъ, ихъ хвосты торчатъ изъ круглыхъ отверстій, гдѣ они закрѣплены желѣзными полосками. Человѣкъ, — это я, — прижигаетъ имъ хвосты раскаленнымъ желѣзомъ, тогда они наступаютъ на клавиши и яростно мяукають. Я нарисованъ здѣсь въ такомъ гнусномъ образѣ, что не въ силахъ смотрѣть на себя. Они изобразили меня смѣющимся. Но вы знаете сами, господинъ мой и отецъ, предавался ли я когда-либо этому низкому удовольствію. Правда, я пытался найти развлеченіе въ томъ, что заставлялъ иногда помяукать кошекъ, но я никогда не смѣюсь. На ихъ бунтовщическомъ языкѣ они называютъ это „новый страшный клавесинъ“ и говорятъ, что это преступленіе; но вѣдь у звѣрей нѣтъ души, и всякій человѣкъ, а тѣмъ болѣе отпрыскъ королевскаго рода, въ правѣ пользоваться ими для своего развлеченія, хотя бы они и дошли отъ этого. Но здѣсь, въ Англіи, они такъ влюблены въ звѣрей, что лучше обходятся съ ними, чѣмъ со своими слугами. Конюшни и псарни здѣсь — настоящіе дворцы, и есть дворiane, которые спятъ на одномъ ложѣ со своей лошадыю.

„Кромѣ того, королева, моя благородная супруга, бесплодна. Съ подлой наглостью утверждаютъ они, что виновата въ этомъ я, а не она, которая кромѣ того всегда была ревнива, вспыльчива и безгранично похотлива. Отецъ и господинъ мой, ежедневно молю я Господа охранить меня; и надѣюсь на другой престолъ, хотя бы въ Турціи, — въ ожиданіи престола, на который призываетъ меня честь быть сыномъ вашего во вѣки вѣковъ преславнаго и побѣдоносно сіяющаго величества“.

Подписано: „Фил.“.

Императоръ отвѣтилъ на это письмо:

„Господинъ и сынъ мой.

„Не спорю, враги ваши многочисленны, но постарайтесь, не раздражаясь чрезмѣрно, вѣсколько продлить ваше ожиданіе болѣе высокой короны. Ибо различнымъ приближеннымъ я возвѣщаль уже не разъ мое намѣреніе стрѣчься отъ престола нидерландскаго и другихъ; ибо я старъ и хворъ и знаю, что не смогу долго противостоятъ Генриху II, королю

французскому. Ибо Фортуна за молодыхъ людей. Поразыслите и о томъ, что вы, будучи повелителемъ Англии, своимъ могуществомъ вредите Франціи, нашему врагу.

„Подъ Мецомъ я потерялъ позорное пораженіе и потерялъ сорокъ тысячъ челоуѣкъ. Отъ саксонцевъ пришлось бѣжать. Если Господь въ Божественномъ Его благопопеченіи не вернетъ мнѣ однимъ разомъ мою былую силу и крѣпость, тогда, сынъ мой, я полагаю, поступлю разумно, отрекшися отъ моего королевскаго сана и передавъ его вамъ.

„Вооружитесь посему терпѣніемъ и до поры до времени исполняйте вашъ долгъ по отношенію къ еретикамъ. Не щадите никого, ни мужичинъ, ни женщинъ, ни дѣвушекъ, ни дѣтей, ибо я не безъ великаго прискорбія увѣрился, что королева, супруга ваша, слишкомъ часто оказывала имъ снисхожденіе.

„Вашъ любящій отецъ“.

Подписано: „Карль“.

ЛІІІ.

Дологъ былъ путь Уленспигели, и кровью начали сочтись его ноги. Къ счастью, въ майнцкомъ епископствѣ онъ попалъ въ повозку съ богомольцами и въ ней доѣхалъ до Рима.

Прибывъ въ городъ и сойдя со своей повозки, онъ увидѣлъ на порогѣ корчмы прехорошенькую бабенку, которая на его взглядъ отвѣтила улыбкой.

Эта привѣтливость показалась ему хорошимъ предзнаменованіемъ, и онъ обратился къ ней:

— Хозяйка, не дашь ли пріютъ богомольцу? Я пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы разрѣшиться отъ бремени моихъ грѣховъ.

— Мы даемъ пріютъ всѣмъ, кто платитъ.

— Сто дукатовъ въ моемъ кошелькѣ, — отвѣтилъ Уленспигель (хотя у него былъ всего одинъ), — и первый изъ нихъ я истрачу съ тобой за бутылкой стараго римскаго вина.

— Вино не дорого въ этой священной странѣ, — отвѣчала она: — войди, напьешься и на одинъ сольдо.

И они пили такъ долго и безъ труда опорожнили столько бутылокъ, что хозяйка вынуждена была поручить своей служанкѣ подавать другимъ гостямъ. Сама она съ Уленспигелемъ удалилась въ сосѣднюю комнатку, облицованную мраморомъ и прохладную, точно зимой.

Склонивъ голову на его плечо, она спрашивала, кто онъ такой.

Уленспигель отвѣтилъ:

— Я маркизь де-Гееландъ, графъ фонъ-Гавергеетень, баронъ де-Тюктендель; на родинѣ моей въ Дамме мнѣ принадлежитъ двадцать пять лунныхъ замковъ.

— Что же это за страна? — спросила хозяйка и выпила изъ бокала Уленспигеля.

— Это страна, гдѣ сѣютъ въ воздухѣ надежды, обѣщанія и фантазіи. Но ты, милая хозяйка съ пахучей кожей и свѣтящимися, точно жемчужины, глазами, ты родилась не на лунѣ, ибо золотой отблескъ этихъ волосъ — это цвѣтъ солнца, и никто, кромѣ Венеры, чуждой ревности, не могъ создать эти полныя плечи, эти пышныя груди, эту круглую шею, эти тонкія руки. Мы ужинаемъ сегодня вмѣстѣ?

— Красивый богомолецъ изъ Фландріи, — скажи, зачѣмъ ты пріѣхалъ въ Римъ?

— Поговорить съ папой, — отвѣчала Уленспигель.

— О! — воскликнула она, сложивъ руки: — говорить съ папой! Я живу здѣсь въ странѣ, и то не могла добиться этой милости.

— А я добьюсь, — отвѣчалъ Уленспигель!

— Но развѣ ты знаешь, гдѣ онъ пребываетъ, какой онъ, какія у него привычки и требованія?

— Мнѣ по дорогѣ рассказывали, что зовутъ его Юлій Ш, что живетъ онъ весело и распутно, что онъ умѣлый и бойкій собесѣдникъ. Мнѣ рассказывали, что онъ имѣетъ необычайную склонность къ мальчугану, который гдѣ-то подошелъ къ нему съ обезьяной и, грязный, обтрепанный, неотесанный, попросилъ милостыни. Взойдя на папскій престолъ, онъ сдѣлалъ его кардиналомъ, завѣдующимъ денежными сборами, и когда одинъ день не видитъ его, то заболѣваетъ.

— Пей и не говори такъ громко!

— Говорятъ еще, что однажды вечеромъ, когда ему не подали холоднаго павлина, котораго онъ приказалъ оставить для себя, онъ бранился, какъ солдатъ: „Al dispetto di Dio, potta di Dio!“ И говорилъ при этомъ: „Я, намѣстникъ Божій, не могу ругаться изъ-за павлина“. Видишь, дитя мое, я знаю папу и знаю, какой онъ.

— Ахъ, только съ другими не говори объ этомъ. Все-таки ты его не увидишь.

— Я буду съ нимъ говорить.

— Сто флориновъ, если добьешься.

— Я уже выигралъ.

На другой день, несмотря на свою усталость, онъ все ходилъ по городу и узналъ, что сегодня папа будетъ слушать обѣдню въ соборѣ св. Іоанна Латеранскаго. Отправи-

вшисъ туда, Уленспигель расположился какъ можно ближе къ папѣ и на виду. Всякій разъ, какъ папа воздымалъ св. чашу или св. дары, Уленспигель поворачивался къ алтарю спиной.

Рядомъ съ папой стоялъ сослужащій кардиналъ, съ смуглымъ, толстымъ и злымъ лицомъ, и давалъ народу причастіе, дѣлая при этомъ непристойныя тѣлодвиженія. Онъ обратилъ вниманіе папы на поведеніе Уленспигеля, и послѣ обѣдни за нимъ были посланы четыре наемника, какими славится эта воинственная страна.

— Какой ты вѣры? — спросилъ его папа.

— Ваше святѣйшество, — отвѣтилъ Уленспигель: — я той самой вѣры, что и моя хозяйка.

Привели хозяйку.

— Какой ты вѣры? — спросилъ ее папа.

— Той самой, что и ваше святѣйшество, — отвѣтила она.

— Я тоже, — сказалъ Уленспигель.

Тогда папа спросилъ его, почему же онъ отворачивался отъ св. даровъ.

— Я считалъ, что недостойно смотрѣть на нихъ.

— Ты богомолецъ?

— Я пришелъ изъ Фландріи вымолить отпущеніе моихъ грѣховъ.

Папа благословилъ его; Уленспигель удалился со своей хозяйкой, и она заплатила ему свой проигрышъ. Съ этимъ пріятнымъ грузомъ онъ покинулъ Римъ, чтобы возвратиться на родину.

Но за пергаментное свидѣтельство объ отпущеніи грѣховъ ему пришлось уплатить семь дукатовъ.

LIV.

Два монаха ордена премонстрантовъ прибыли въ это время въ Дамме продавать индульгенціи. Поверхъ ихъ монашескихъ одѣяній на нихъ были надѣты кружевные рубахи.

Въ хорошую погоду они торговали на паперти, въ дождь— въ сѣняхъ. Здѣсь была прибита ихъ такса. Они продавали отпущеніе грѣховъ за шесть лиаровъ, за патаръ, за полъ-парижскаго ливра, за семь флориновъ, за дукать, на сто, двѣсти, триста, четыреста лѣтъ, а равно, смотря по цѣнѣ, также полное загробное блаженство или половину его и разрѣшеніе самыхъ страшныхъ грѣховъ.

Уплатившимъ сполна покупателямъ они вручали кусочки пергамента, на которыхъ указано было число оплаченныхъ лѣтъ. Подъ числомъ значилось изреченіе:

Не хочешь ты въ чистилищѣ
 Горѣть сто тысячъ лѣтъ,
 Купи грѣховъ прощеніе —
 Вотъ мой тебѣ совѣтъ:
 Купи здѣсь индульгенцію,
 Будь папою процентъ;
 Грошъ, здѣсь ему уплаченный,
 Тамъ Господомъ зачтенъ.

И покупатели стекались за десять миль отовсюду.

Одинъ изъ монаховъ часто читалъ народу проповѣди. У него было цвѣтущее лицо, тройной подбородокъ и порядочное брюшко, нимало не смущавшее его.

— Несчастный!—говорилъ онъ, вперея взоръ въ кого-либо изъ своихъ слушателей:—несчастный! Взгляни—вотъ ты въ адскомъ огнѣ! Жестокое жжетъ тебя пламя. Ты кипишь въ котлѣ кипящаго масла, въ которомъ жарятъ пироги Астарты. Ты—колбаса на сковородѣ Люцифера, ты огузокъ въ кастрюлѣ Гильгирота, великаго дьявола; и на мелкіе кусочки ты изрубленъ для этого. Взгляни на этого великаго грѣшника, не подумавшаго объ отпущеніи грѣховъ, взгляни на эту кастрюлю рубленого мяса; это онъ, это онъ, это его безбожное тѣло, это его проклятое тѣло такъ раздѣлано. А приправа къ нему? Приправа—сѣра, варъ и смола! И всѣ несчастные грѣшники будутъ вѣчно пожираемы такимъ образомъ, чтобы неустанно вновь воскресать къ новымъ мученіямъ. Вотъ гдѣ льются неподдѣльные слезы, вотъ гдѣ подлинно скрежещутъ зубы! Господи помилуй, Господи помилуй! Да, вижу, вижу тебя въ аду, бѣдный грѣшникъ, вижу твои мученія! Одинъ лишь грошъ, уплаченный за тебя, — и ужъ легче твоей правой рукѣ; еще полущика—обѣ твои руки вышли изъ пламени. А остальное тѣло? Флоринъ всего — и низверглось на тебя благостнымъ потокомъ отпущеніе грѣховъ. О, сладостная прохлада! И такъ —десять дней, сто дней, тысяча лѣтъ, смотря по взносу: ты ужъ не рубленое мясо, не жаркое, не пирогъ, кипящій въ маслѣ. И если не для тебя это, грѣшникъ, то развѣ мало въ таинственныхъ глубинахъ этого пламени другихъ страждущихъ душъ: твоихъ родныхъ, твоей любимой жены, какой-нибудь нѣжной красотки, съ которой ты согрѣшилъ?

При этихъ словахъ монахъ толкнулъ въ бокъ своего товарища, стоявшаго подлѣ него съ серебрянымъ блюдомъ. Тотъ опустилъ глаза и благоговѣнно потрясъ блюдомъ, призывая къ пожертвованіямъ.

— И развѣ,—продолжалъ монахъ,—развѣ въ этомъ страшномъ пламени нѣтъ у тебя сына, дочери, любимого ребенка?

Они кричатъ, они плачутъ, они взываютъ къ тебѣ! Неужто ты глухъ къ этимъ жалостнымъ стenanіямъ? Нѣтъ, невозможно! Твое ледяное сердце таетъ,—и это стоитъ тебѣ грошъ. И посмотри же: при звукѣ этого гроша, падающаго на грязную мѣдь (здѣсь монахъ вновь потрясъ своимъ блюдомъ), ты видишь вдругъ просвѣтъ въ пламени: одна бѣдная душа поднялась изъ бездны вулкана къ его кратеру. И вотъ она на свободѣ, она на чистомъ воздухѣ. Гдѣ ея муки? Холодное море предъ нею, она бросилась въ него, она барахтается въ немъ, плаваешь, переворачивается, ныряетъ. Слышишь,—она издаетъ радостные крики; видишь,—она несется вверхъ и внизъ по волнамъ. Ангелы глядятъ на нее и ликуютъ. Они ждуть ее, но она не можетъ оторваться отъ своего наслажденія. Ей хотѣлось бы стать рыбой! Она не знаетъ, что тамъ наверху ее ждуть прохладительные водоемы, полные душистой, сладостной, пѣжкой влаги, въ которой—точно холодными льдины—плаваютъ громады горы изъ бѣлаго леденца. Вотъ подплыла акула, но душа не боится ея; она садится чудовищу на спину, но оно не чувствуетъ этого. Она ныряетъ съ нимъ въ глубь морскую, она привѣтствуетъ морскихъ ангеловъ, которые ѣдятъ waterzoeu въ коралловыхъ чашахъ и устрицъ на перламутровыхъ тарелкахъ. И какъ встрѣчаютъ ее здѣсь, какимъ уходомъ и вниманіемъ она окружена! Ангелы сверху все зовутъ ее въ небеса. И вотъ наконецъ возрожденная, блаженная, она воздымается въ небеса, звеня жаворонкомъ взлетаетъ туда, гдѣ во всемъ великолѣпнн царитъ на тронѣ Господь Богъ. Тамъ находятъ она всѣхъ своихъ земныхъ родныхъ и друзей, кромѣ тѣхъ, которые не купили своевременно индульгенціи, презрѣли отпущеніе грѣховъ, даруемое католической церковью, и жарятся въ нѣдрахъ адовыхъ. И такъ вѣчно, вѣчно, вѣчно, впредь на сотни столѣтій въ огнѣ безсмѣнныхъ страданій. А прощенная душа, та въ чертогахъ Господнихъ наслаждается благоуханной влагой и сладостью леденца.

— Покупайте индульгенціи, братья; есть на всякія цѣны: за крузатъ, за червонецъ, за англійскій соверень. Мельчайшая лента не будетъ отвергнута. Покупайте! Покупайте! Здѣсь священная торговля; здѣсь есть товары для всякаго — для бѣднаго и богатаго! Но въ долгъ, братья, къ великому горю, мы давать не можемъ, ибо покупать прощеніе и не платить за него наличными — преступленіе въ глазахъ Создателя.

Монахъ, собиравшій деньги, молча потрясалъ блюдомъ. Флорины, крузаты, патавы, дукатоны сыпались въ нее градомъ,

Въ виду своего богатства, Клаасъ уплатилъ флоринъ, получивъ за него отпущеніе на десять тысячъ лѣтъ. Въ подтвержденіе монахи выдали ему кусокъ пергамента.

Вскорѣ они увидѣли, что не купившихъ себѣ индульгенціи осталось въ Дамме всего нѣсколько закоренѣлыхъ скупцовъ. Тогда оба перебрались въ Гейстъ.

LV.

Въ хламидѣ богомольца и съ грѣхами отпущенными, покинулъ Уленспигель Римъ. Бодро шель онъ впередъ босикомъ и такъ пришелъ въ Бамбергъ, извѣстный лучшими овощами въ мірѣ.

Въ трактирѣ, куда онъ направился, его встрѣтила привѣтливая хозяйка со словами:

— Молодой мастеръ, хочешь поѣсть за хорошія деньги?

— Конечно,—отвѣтилъ Уленспигель:—а за какія же деньги у васъ ѣдятъ?

— За шесть флориновъ на господскомъ столѣ, за четыре на купеческомъ, за два на общемъ.

— Чѣмъ дороже, тѣмъ лучше для меня,—отвѣчалъ Уленспигель и сѣлъ за господскій столъ.

Наѣвшись досыта и запивъ ѣду рейнскимъ, онъ обратился къ хозяйкѣ:

— Что жъ, кума, я сѣлъ на шесть флориновъ: плати, стало-быть.

— Смѣешься, что ли,—отвѣтила хозяйка:—заплати за обѣдъ.

— Прелестная хозяйка, — возразилъ Уленспигель, — не видно по вашему лицу, чтобъ вы были неисправнымъ должникомъ, нѣтъ, наоборотъ, я вижу, что честность ваша такъ велика, любовь къ ближнему такъ необъятна, что вы готовы заплатить мнѣ восемнадцать флориновъ, не то что шесть, которые должны мнѣ за ѣду. Достаточно взглянуть на эти прекрасные глаза: солнечные лучи стремятся изъ нихъ на меня точно стрѣлы, и подъ ихъ свѣтомъ любовныя шалости возрастаютъ пынѣ, чѣмъ бурьянъ въ пустырѣ.

— Знать не хочу никакихъ твоихъ шалостей и бурьяновъ—плати деньги и уходи.

— Что! Уйти—и тебя не видѣть?! Лучше издохнуть на мѣстѣ! Хозяйка, красотка-хозяйка, я не привыкъ обѣдать за шесть флориновъ, я бѣдный бродяжка, пѣшкомъ принедевшій черезъ горы и доли. Я нажрался досыта, такъ что вотъ-вотъ высуну языкъ наружу, какъ сытый песь; заплатите же мнѣ за тяжкіе труды моихъ челюстей; я заработалъ мои шесть

флориновъ. Позвольте получить—и я такъ нѣжно обниму и поцѣлую васъ, какъ и двадцать семь любовниковъ обнять не смогутъ.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ—все деньги да деньги!

— А ты хочешь, чтобъ я тебя даромъ съѣлъ?

— Нѣтъ,—говорила она, отталкивая его.

— Ахъ,—вздыхнулъ онъ, слѣдуя за нею:—твоя кожа, точно сливки, твои волосы точно золотистый фазанъ на вертелѣ, твои губы точно вишни! Есть ли кто на свѣтѣ вкуснѣй тебя?

— Негоднй,—говорила она, смѣясь:—ты еще денегъ требуешь; скажи спасибо, что поѣлъ даромъ.

— Ахъ,—отвѣтилъ онъ:—если бы ты знала, сколько у меня тамъ еще пустого мѣста.

— Убирайся, пока мужъ не пришелъ!

— Я не буду суровымъ кредиторомъ,—отвѣтилъ Уленспигель:—дай пока хоть одинъ флоринъ залить жажду.

— Возьми, каналья,—отвѣтила она.

— Можно еще прійти?

— Уходи съ Богомъ!

— Съ Богомъ, значить къ тебѣ, голубка, ибо уйти и не видѣть больше тебя—это безбожно. Если бы ты позволила мнѣ остаться, я бы тебѣ каждый день съѣдалъ по малой мѣрѣ на флоринъ.

— Ой, возьму палку!—крикнула она.

— Возьми мою,—отвѣтилъ Уленспигель.

Она захохотала, но ему пришлось уйти.

LVI.

Ламме Гоодзакъ переселился обратно въ Дамме, такъ какъ въ Льежѣ стало неспокойно изъ-за еретиковъ. Его жена была рада этому, потому что льежцы искони извѣстны какъ злые насмѣшники и трунили надъ добродушіемъ ея мужа.

Ламме часто заходилъ къ Клаасу, который, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ богатымъ наслѣдникомъ, охотно проводилъ время въ трактирѣ *Blauwe-Togge*, гдѣ всегда былъ готовый столъ для него и для его собутыльниковъ. За сосѣднимъ столомъ обычно помѣщался Іостъ Грейпетюверъ, скарденный старшина рыбныхъ торговцевъ, скупой и мелочный, выпивалъ не больше полу-пннты, съѣдалъ соленую селедку и думалъ о своихъ грошахъ больше, чѣмъ о спасеніи своей души. А у Клааса въ кошелькѣ лежалъ листочекъ пергамента, на которомъ обозначены были десять тысячъ лѣтъ отпущенія грѣховъ.

Сидѣли они какъ-то въ трактирѣ—Клаасъ, и Ламме, и Янъ ванъ-Роозебеке, и Матейсъ ванъ-Асхе; пришелъ и Юстъ Грейп-стюверъ. По сему случаю Клаасъ опрокинулъ еще кружку, и Янъ Роозебеке замѣтилъ ему:

— Эта кружка ужъ лишняя! Грѣхъ!

— За одну лишнюю кружку,—отвѣтилъ Клаасъ,—полагается горѣть всего полъ-дня, а у меня въ кошелекѣ отпущеніе на десять тысячъ лѣтъ. Кто желаетъ получить изъ нихъ сотню дней: тогда пей безъ счета, пока не лопнешь.

— А почему продаешь?—кричали пріатели.

— За пинту пива,—отвѣтилъ Клаасъ:—а за пинту портера отдамъ полтора!

Одни изъ собутыльниковъ поднесли Клаасу по кружкѣ пива, другіе по ломтику вечнины—и онъ для всѣхъ нихъ отрѣзаль узенькую полоску пергамента. Конечно, Клаасъ не одинъ потребилъ всю эту плату натурой; ему помогаль Ламме Гоодзакъ, который такъ набилъ брюхо, что просто распухъ, а Клаасъ все расхаживаль по трактиру, предлагая всѣмъ свой товаръ.

— И десять дней продашь?—спросилъ рыбникъ, обращая къ нему свое кислое лицо.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Клаасъ:—такую порцію трудно отрѣзать.

Всѣ расхохотались, а рыбнику пришлось проглотить пилюлю.

И Ламме съ Клаасомъ направились домой, но шли они медленно, точно ноги у нихъ были изъ цапли.

LVII.

Къ концу третьяго года своего изгнанія Катлина вернулась въ свой домъ въ Дамме; безъ усталости твердила она: „Горитъ голова, стучитъ душа, пробейте дыру, выпустите душу“. И, увидя стадо коровъ или овецъ, убѣгала стремглавъ. Сидитъ, бывало, на скамеечкѣ передъ домомъ, трясеть головой и смотритъ на проходящихъ, не узнавая ихъ. И жители Дамме говорили:

— Вонъ сидитъ дурочка.

А Уленсигель бродилъ по градамъ и весямъ. Какъ-то на большой дорогѣ видитъ онъ: стоитъ осель въ роскошной упряжи съ мѣднымъ наборомъ; голова вся убрана кисточками и подвѣсками изъ красной шерсти. Вокругъ осла—нѣсколько старыхъ бабъ, всѣ одновременно говорятъ, перебывая другъ друга.

— Не трогайте его, не трогайте, страшно вѣдь, не подходите. Это осель заклятаго колдуна барона де-Рэ; его со-

жгли живьемъ за то, что онъ восемь своихъ дѣтей обрекъ сатанѣ. А осель бѣжалъ такъ быстро, что его нельзя было поймать—самъ дьяволъ его охранялъ. Потому что, видишь ли, кумушка, когда онъ выбился изъ силъ и сталъ на дорогѣ, и стражники подошли къ нему, онъ сталъ биться и выть такъ, что всѣ разбѣжались. И не ослиный это крикъ былъ, а прямо чортовъ вой,—вотъ и оставили его щипать колючки вмѣсто того, чтобы представить на судъ и тоже съечь за колдовство.—Труссы эти мужчины.

Несмотря на эти храбрые разговоры, бабы съ крикомъ разбѣжались, какъ только осель поднималъ кончики ушей или хлопалъ себя хвостомъ по бедрамъ. Потомъ онъ вновь соби- рались и кричали и стрекотали, и при каждомъ движеніи осла повторялась та же сцена.

Уленспигель смотрѣлъ на нихъ нѣкоторое время.

„Что за безконечное любопытство, — размышлялъ онъ:— что за неустанная болтовня брызжетъ изъ бабьяго рта, точно потокъ, особенно у старыхъ; у молодыхъ потокъ все-таки прерывается любовной работой...“

И, взглянувъ на ослика, онъ подумалъ:

„А вѣдь этотъ колдунъ — добрая рабочая скотинка, и рысь у него, вѣрно, не тряска. Смогу разбѣжать на немъ, а то продать“.

Не сказавъ ни слова, онъ отошелъ въ сторону, сорвалъ охапку овса и далъ ослу, потомъ разомъ вскочилъ на него, схватилъ поводъ и поскакалъ, посылая рукой благословія изумленнымъ бабамъ. Тѣ отъ ужаса чуть не попадали въ обморокъ и бухнули на колѣни.

Вечеромъ того же дня за ужиномъ рассказывали другъ другу, какъ спустился съ небесъ ангелъ въ войлочной шляпѣ съ фазаньимъ перомъ, какъ онъ благословилъ всѣхъ и, по особой милости Божьей, унесъ съ собой заклятаго осла.

А Уленспигель ѣхалъ дальше по тучнымъ дугамъ, гдѣ прыгали на свободѣ жеребята, паслись или лѣнливо лежали въ тѣни коровы и телята. И онъ далъ ему имя: Іефъ.

Осель остановился, наслаждаясь чертополохомъ. Иногда только онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и колотилъ по бедрамъ хвостомъ, отгоняя жадныхъ оводовъ, которые, подобно ему, тоже хотѣли пообѣдать,—но его мясомъ.

Желудокъ Уленспигеля вошилъ отъ голода; и онъ скорбно размышлялъ:

„Какъ счастливъ былъ бы ты, сѣрый, если бы никто не мѣшалъ тебѣ наслаждаться колючками и не являлся напо- мнить что ты смертенъ, то-есть рожденъ для всякихъ горе-

стей. И у посетителя священной панской туфли есть свой оводъ — это господинъ Лютеръ. — При этомъ Уленсвигель сдвинулъ осла копытями. — И у его величества, — продолжалъ онъ, — у императора Карла тоже есть оводъ — это благородный Францискъ I, король французскій, съ его очень длиннымъ посомъ и еще болѣе длиннымъ мечомъ. Вотъ и мнѣ, бѣднягѣ, блуждающему, точно вѣчный жидъ, тоже выпалъ на долю мой оводъ. Такъ-то, любезнѣйшій сѣрячокъ! Ахъ, дыравы всѣ мои карманы, и изъ ихъ дырокъ разлетѣлись всѣ мои дукаты, флорины и талеры, точно стая мышей, разбѣжавшаяся предъ кошачьею пастью. Просто не знаю, что деньги имѣютъ противъ меня, который ихъ такъ любитъ. Ужъ что ни говори, Фортуна, навѣрное, не женщина, — а то она любитъ только скупердяевъ, которые все копятъ да копятъ и подъ замѣкъ прячутъ и денежки берегутъ, не позволяя имъ даже кончикъ золотого носика высунуть наружу: вотъ онъ, мой оводъ, который вѣчно и жалитъ, и колетъ, и щекочетъ меня, однако не смѣша нисколько. Да ты не слушаешь, сѣрячокъ: все думаешь, какъ бы еще понастись; ахъ ты, брюханъ толстопузый, твои длинныя уши глухи къ возгласу пустого желудка. Да слушай же, каналья!

И онъ пребедно стегнулъ его вѣткой. Осель заревѣлъ.

— Ну, поѣлъ, теперь въ путь!

Но осель былъ неподвиженъ, какъ пограничный столбъ, и видимо намѣревался съѣсть всѣ придорожныя колючки. А ихъ было не мало.

Увидѣвъ это, Уленсвигель сошелъ съ осла, нарѣзалъ оханку чертополоха, вскопчилъ въ сѣдло и протянулъ колючки впередъ, такъ что осель потянулся за ними. И такъ они ѣхали до земли ландграфа Гессенскаго.

— Ахъ, сѣрый, — сказала Уленсвигель, — вотъ ты бѣжишь за оханкой колючекъ, не получая ихъ, а позади себя оставилъ прекрасную дорогу, обросшую этимъ лакомствомъ. Такъ вѣдь и люди дѣлаютъ. Одни гонятся за лаврами, которые проноситъ судьба мимо ихъ носа, другіе — за цвѣтущими предпріятіями, третьи — за цвѣтами любви. Въ концѣ пути они видятъ, какъ ты, что гнались за пустякомъ и что оставили позади все стоящее: здоровье, трудъ, покой, домашній уютъ.

Такъ болтая со своимъ осломъ, Уленсвигель подъѣхалъ къ замку ландграфа.

На ступеняхъ подъѣзда два стрѣлковыхъ офицера играли въ кости.

Одинъ изъ нихъ, рыжій великанъ, замѣтилъ Уленсвигеля,

который, подъѣхавъ на Іефѣ, почтительно остановился и смотрѣлъ на нихъ.

— Чего тебѣ, голодный святоша?—сказалъ офицеръ.

— А вѣдь правда,—сказалъ Уленспигель:—и голоденъ я и богомольствую не по своей волѣ.

— Ты голоденъ? Такъ накорми свою шею веревкой: вотъ она виситъ на висѣлицѣ, приготовленной для бродягъ.

— Господинъ капитанъ,—отвѣтилъ Уленспигель,—если вы мнѣ дадите золотой шнурокъ съ вашей шляпы, то я, пожалуй, повѣшусь... вдѣпившись зубами въ ветчину, что вотъ тамъ виситъ у колбасника.

— Откуда ты?—спросилъ стрѣловъ.

— Изъ Фландріи.

— Чего тебѣ надо?

— Я хочу представить его высочеству господину ландграфу картину моей работы.

— Если ты живописецъ и изъ Фландріи, то войди, я отведу тебя къ графу.

Представъ предъ ландграфомъ, Уленспигель отвѣсилъ троекратный и даже многократный поклонъ.

— Прошу прощенія у вашего высочества за мою смѣлость,—началъ онъ:—осмѣливаюсь повергнуть къ благороднымъ стопамъ вашимъ написанную для васъ картину. Я имѣлъ честь изобразить на ней Пресвятую Богоматерь во всемъ Ея царственномъ величій. Быть-можетъ, картина эта понравится вашему высочеству, и въ этомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—я не удержусь отъ преувеличеннаго мнѣнія о моемъ искусствѣ и позволю себѣ надѣяться, что когда-либо и я смогу сѣсть въ прекрасное бархатное кресло, въ которомъ нѣкогда сидѣлъ, увы, во вѣки вѣковъ незамѣнимый художникъ нашего великодушія.

Ландграфъ обзрѣлъ картину и, найдя ее прекрасной, произнесъ:

— Ты будешь нашимъ живописцемъ; сядь въ то кресло.

При этомъ онъ весело поцѣловалъ Уленспигеля въ обѣ щеки.

— Ты отощалъ,—сказалъ онъ.

— Да, ваше высочество,—отвѣтилъ Уленспигель:—Іефѣ (это мой осель) пообѣдалъ колючками, а я вотъ ужъ три дня лицедрѣлъ только голодь и питался исключительно дымомъ надежды.

— Сейчасъ получишь болѣе питательную говадину,—отвѣтилъ ландграфъ:—но гдѣ твой осель?

— Я оставилъ его на площади,—отвѣчалъ Уленспигель,—

предъ дворцомъ вашей милости. Какъ счастливъ буду я, когда Іефъ получитъ на ночь приставище, подстилку и кормъ!

И ландграфъ тотчасъ приказалъ одному изъ пажей содержать осла Уленспигеля такъ же, какъ его собственныхъ ословъ.

Подошло время ужина, который былъ роскошенъ, какъ торжественное пиришество. Дымящееся мясо и ароматное вино катилось внизъ по глоткамъ.

Уленспигель и ландграфъ были оба красны, какъ раскаленная жаровня. Уленспигель былъ веселъ, графъ задумчивъ.

— Послушай, любезный художникъ,—вдругъ сказалъ онъ,—мнѣ нуженъ мой портретъ: утѣнительно вѣдь для смертнаго государя оставить потомству воспоминаніе о своемъ образѣ.

— Ваше высочество, ваша воля—законъ, но недостойному рабу вашему представляется, что вашей милости не такъ будетъ приятно быть въ одиночествѣ переданнымъ градуцимъ столѣтіямъ. Вамъ слѣдуетъ красоваться на картинѣ въ сопровожденіи госпожи ландграфини, вашей благородной супруги, съ ея дамами и кавалерами, съ военачальниками и офицерами. И среди всего этого блеска—точно два солнца среди фонарей—ваша милость съ супругой.

— Правильно, господинъ живописецъ,—сказалъ графъ:—а что будетъ стоить эта великая работа?

— Сто флориновъ впередъ или потомъ.

— Возьми впередъ,—отвѣтилъ графъ.

— Милостивый господинъ!—воскликнулъ Уленспигель:—вы наливаете масло въ мою лампу, и она будетъ сіять, прославляя вашу честь.

На другой день онъ просилъ графа представить ему всѣхъ тѣхъ, кто удостоится изображенія на картинѣ.

Первымъ былъ герцогъ люнебургскій, командовавшій графскими наемниками. Это былъ громадный мужчина, съ трудомъ влчившій свое сытое брюхо. Приблизившись къ Уленспигелю, онъ шепнулъ ему на ухо:

— Если ты на твоей картинѣ не снимешь съ меня половину жира, мои ландскнехты повѣсятъ тебя.

Затѣмъ явилась высокая дама, съ горбомъ на спинѣ и грудью плоской, какъ мечъ правосудія.

— Господинъ художникъ,—сказала она,—если ты на картинѣ не уберешь мнѣ выпуклость со спины и не помѣстишь зато пару выпуклостей на груди, ты будешь четвертованъ, какъ отравитель.

Слѣдующей была молоденькая, хорошенькая, свѣженькая, изящная фрейлина, у которой недоставало впереди трехъ верхнихъ зубовъ.

— Господинъ художникъ,—сказала она,—если ты не нарисуешь меня съ улыбкой, открывающей всѣ тридцать два зуба, то вотъ этотъ мой поклонникъ изрубитъ тебя на куски.

И такъ одинъ за другимъ. Наконецъ Уленспигель остался одинъ съ графомъ.

— Если ты вздумаешь,—сказалъ государь,—нарисовать кого-нибудь изъ нихъ не такъ, какъ они есть, а прикажу отрубить тебѣ голову, какъ курицѣ.

„Плаха или колесо, топоръ или по малой мѣрѣ висѣлица,—подумалъ Уленспигель:—лучше просто никого не рисовать. Ну, посмотримъ“.

— Гдѣ залъ, который я долженъ украсить всей этой живописью?—спросилъ онъ графа.

— Пойдемъ,—отвѣтилъ тотъ.

И онъ привелъ его въ огромную комнату съ необъятными голыми стѣнами.

— Было бы удобно,—сказалъ Уленспигель,—чтобы всѣ стѣны были завѣшены большими занавѣсами, дабы предохранить мою работу отъ мухъ и пыли.

Занавѣсы были повѣшены. Уленспигель потребовалъ трехъ помощниковъ,—растирать краски,—сказалъ онъ.

Въ теченіе тридцати дней Уленспигель и его помощники занимались жраньемъ и выпивкой. Самъ ландграфъ заботился о томъ, чтобы имъ доставлялись лучшія яства и вина.

Но на тридцать первый день онъ просунулъ носъ въ дверную щелку: Уленспигель строго запретилъ кому бы то ни было входить въ комнату.

— Ну, Тиль, какъ картина?

— Еще далеко до конца.

— Можно посмотреть?

— Нѣтъ еще.

На тридцать шестой день графъ опять просунулъ носъ въ щелку:

— Ну, Тиль?

— Кончаемъ, господинъ графъ.

На шестидесятый день графъ разсердился и влетѣлъ въ залъ съ крикомъ:

— Покажешь ты мнѣ, наконецъ, картину?

— Сейчасъ, сейчасъ, господинъ грозный государь, благоволейте только разрѣшить не поднимать занавѣсъ, пока не сойдутся всѣ придворныя дамы и кавалеры.

— Хорошо.

И, по приказу государя, все собрались в залу.

Уленспигель стоялъ передъ опущенной завѣсой и говорилъ:

— Благородный господинъ ландграфъ, и вы, госпожа графиня, и вы, благородный герцогъ люнебургскій, и прочіи прекрасныя дамы и достославные кавалеры: я изобразилъ ваши прелестныя или мужественныя лица такъ, какъ только могъ. Каждый изъ васъ легко узнаетъ свое изображеніе. Вамъ хочется скорѣе взглянуть на себя, и это петербургіе вполнѣ понятно. Но благоволите потерпѣть еще немного и выслушайте одно словечко или съ полдюжины таковыхъ. Прекрасныя дамы, доблестные воители, вы все, у кого въ жилахъ течетъ благороднѣйшая дворянская кровь, сможете видѣть мою картину. Но если бы въ вашей средѣ оказался обыватель низкаго происхожденія, онъ не увидитъ ничего, кромѣ голыя стѣны. Извольте смотрѣть.

Уленспигель открылъ завѣсу и продолжалъ:

— Лишь высокорожденные видятъ, лишь благородныя дамы и кавалеры. Теперь легко будетъ различить, кто благородный, кто нѣтъ; не видятъ красокъ, — значить, мужикъ; видятъ — значить, настоящій дворянинъ.

Все смотрѣли въ упоръ, все притворялись, что видятъ, показывали другъ другу портреты, узнавали, обсуждали. На самомъ дѣлѣ они видѣли только голыя стѣны и были очень задѣты этимъ.

Вдругъ шутъ, бывший при этомъ, подпрыгнулъ на три фута вверхъ, загремѣлъ бубенчиками и закричалъ:

— Пусть я буду самый низкій, низость унижающій мужикъ, но я буду кричать и съ трубами и барабанами гласить одно: „Не вижу здѣсь ничего, кромѣ голыхъ, бѣлыхъ, пустыхъ, гладкихъ стѣнъ! Такъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ и все святые!“

— Тамъ, гдѣ вмѣшиваются дураки, умнымъ надо уходить, — сказала Уленспигель.

Онъ ужъ выходилъ изъ замка, когда его удержалъ самъ ландграфъ.

— Дурачокъ, дурачокъ, — сказалъ онъ, — бродишь по свѣту, восхваляешь во всю глотку высокое, издѣваешься надъ глупостью. Предъ такими важными дамами и знатными вельможами ты, по народному обычаю, рѣшился смѣяться надъ дворянскимъ чванствомъ и высококобріемъ: повѣсить тебя когда-нибудь за твой длинный языкъ.

— Если веревка будетъ золотая, — отвѣтилъ Уленспигель, —

то при одномъ моемъ взглядѣ она разсыпется въ куски отъ страха.

— Вотъ тебѣ первый кусокъ,—отвѣтилъ графъ, протягивая ему пятнадцать золотыхъ.

— Благодарю отъ души вашу милость,—сказалъ Уленспигель:—каждый трактиръ по дорогѣ получить по ниточкѣ,— по ниточкѣ чистаго золота, которая сдѣлаетъ всѣхъ этихъ казалий трактирщиковъ Крезами.

И, гордо нахлобучивъ набекрень свою шляпу съ торчащимъ перомъ, онъ весело вскочилъ на своего осла и двинулся въ путь.

LVIII.

Листья желтели на деревьяхъ, и иногда проносился осенній вѣтеръ. Случалось, что часъ-другой Катлина была совсѣмъ въ добромъ разумѣ. И Клаасъ говорилъ тогда, что это духъ Божій, въ благомъ милосердіи, навѣщаетъ ее. Въ такое время она чародѣйствомъ словъ и тѣлодвиженій заставляла Неле видѣть за сотни миль вещи, которыя происходили на площадяхъ, на улицахъ и даже въ домахъ.

И въ этотъ день Катлина была въ ясномъ умѣ и обѣдала съ Клаасомъ и Сооткинъ и Неле.

— Сегодня отрывается отъ престола его величество,—сказалъ Клаасъ.— Неле, милая, не смогла ли бы ты увидѣть, чтò дѣлается теперь въ Брюсселѣ?

— Увижу, если Катлина захочетъ,—отвѣчала Неле.

Катлина приказала ей сѣсть на скамью, и, подъ властью ея словъ и движеній, дѣйствовавшихъ какъ волшебство, Неле тихо погрузилась въ глубокой сонъ.

— Войди — приказала ей Катлина, — въ маленькій домикъ въ паркѣ, гдѣ любимое пребываніе императора Карла V.

— Вотъ я въ маленькомъ зеленомъ залѣ,—говорила Неле тихимъ и какъ бы сдавленнымъ голосомъ:— здѣсь сидитъ человекъ около пятидесяти четырехъ лѣтъ, сѣдой, лысый, съ русой бородой и выдавшимся впередъ подбородкомъ. Его сѣрые глаза полны хитрости, жестокости и притворнаго добродушія. Этотъ человекъ зовется его святѣйшее величество. Онъ простуженъ и кашляетъ. Подлѣ него стоитъ другой, молодой, несуразный, уродливый, какъ обезьяна, голова непомятая, я видѣла его въ Антверпенѣ,—это король Филиппъ. Его величество бранить его, что онъ послѣднюю ночь провелъ внѣ дома. „И все затѣмъ,—говоритъ онъ,—чтобы въ какомъ-нибудь жалкомъ вертепѣ найти потаскуху“. Онъ говоритъ сыну, что отъ волось его несетъ кабакомъ, что его удоволь-

ствія недостойны короля, что къ его услугамъ бархатныя тѣла, нѣжная кожа которыхъ омыта въ благоуханной ваннѣ. А ему по вкусу эта хавронья, которая, вѣрно, и не отмылась отъ объятій пьянаго солдата, только-что покинутыхъ ею. Нѣтъ дѣвушки, нѣтъ мужней жены, нѣтъ вдовы, которая отъказала бы ему: ни одна—даже самая прекрасная изъ тѣхъ, которые освѣщаютъ свои любовныя радости благоуханными свѣтильниками, а не вонючими салными свѣчами.

Король отвѣчаетъ его величеству, что онъ покоренъ ему во всемъ.

Его величество кашляетъ и выпиваетъ нѣсколько глотковъ горячаго вина.

— Теперь, — говоритъ онъ Филиппу, — ты увидишь генеральные штаты, — епископовъ, дворянъ и горожанъ: всегда молчаливаго Вильгельма Оранскаго, тщеславнаго Эгмонта, нелюбимаго Горна, отважнаго Бредероде и всѣхъ кавалеровъ Золотого Руна, во главѣ которыхъ я поставлю тебя. Ты увидишь сотни суетныхъ людей, которые дадутъ себѣ отрѣзать носъ, чтобы получить за него золотую цѣпь на грудь—знакъ высшей знатности.

Потомъ онъ измѣняетъ тонъ и жалобно говоритъ королю Филиппу:

— Ты знаешь, сынъ мой, я отрекаюсь въ твою пользу и дамъ міру потрясающее зрѣлище и буду говорить предъ толпой, хотя я кашляю и икаю — потому что я слишкомъ много ѣлъ всю жизнь, сынъ мой. Желѣзное у тебя сердце должно быть, если ты послѣ моей рѣчи не прольешь нѣсколькихъ слезинокъ.

— Я буду плакать, батюшка, — отвѣчаетъ король Филиппъ.

Потомъ его величество говоритъ своему приближенному, по имени Дюбуа:

— Накавай мнѣ мадеры на кусочекъ сахара: у меня нкота. Хоть бы не напала на меня, когда надо будетъ говорить предъ людьми. Этотъ вчерашній гусь, кажется, просто не хочетъ быть перевареннымъ. Не вынуть ли стаканъ орлеанскаго? Или лучше не надо—оно такое терпкое. Или сардинку съѣсть? Нѣтъ, жирно. Дюбуа, дай бургундскаго.

Дюбуа подаетъ ему вино, потомъ одѣваетъ его въ пурпурный бархатъ, накидываетъ ему на плечи золотую мантию, опоясываетъ мечомъ, протягиваетъ ему скипетръ и державу и надѣваетъ ему на голову корону.

Его величество выходитъ изъ павильона, садится на маленькаго мула, за нимъ идутъ король Филиппъ и нѣсколько придворныхъ. Такъ направляются они къ громадному зданію,

которое называют дворцомъ; въ одной изъ комнатъ здѣсь они встрѣчаютъ высокаго стройнаго человѣка въ богатой одеждѣ и обращаются къ нему, именуя „Оранскій“.

— Какъ ты меня находишь, кузенъ Вильгельмъ?

Но тотъ не отвѣчаетъ.

Не то смѣясь, не то сердито говорить его величество:

— Чтò жъ ты обѣмьля навѣки, кузенъ? Даже тогда, когда надо старымъ мощамъ сказать правду? Царствовать мнѣ или отречься? Скажи, Молчаливый.

— Ваше святѣйшее величество,—говоритъ высокій,—когда приходитъ зима, самый могучій дубъ стряхиваетъ съ себя листья.

Бьетъ три часа.

— Дай, Молчаливый, обопрусь на твое плечо.

И съ нимъ и съ своей свитой его величество вступаетъ въ большой залъ и садится на помостъ подъ сѣнью, и все вокругъ покрыто шелкомъ и пурпурнымъ бархатомъ. Три сидѣнія устроены здѣсь: среднее для его величества; оно убрано роскошнѣе, и надъ нимъ водружена императорская корона. Король Филиппъ сидитъ на другомъ сидѣнн; третье, лѣвое сидѣнне предназначено для женщины, конечно, для королевы. Слева и справа на покрытыхъ коврами скамьяхъ сидятъ господа въ красномъ; у всѣхъ на шеѣ виситъ золотой агнецъ. За ними стоитъ множество господъ, все, видно, князья и высокія особы. Напротивъ у подножья помоста на скамьяхъ, ничѣмъ не покрытыхъ, сидятъ люди въ суконныхъ одеждахъ. Я слышу, они говорятъ, что потому они такъ скромно одѣты, что всѣ расходы падаютъ на ихъ счетъ. Всѣ поднимаются съ мѣстъ при появленіи его величества; но императоръ садится и знакомъ приказываетъ всѣмъ сдѣлать такъ же.

Потомъ долго говоритъ одинъ старикъ; потомъ дама, судя по виду, королева, подаетъ его величеству пергаментный свитокъ, на которомъ написано много чего-то, и императоръ, кашляя, читаетъ это глухимъ, тихимъ голосомъ и потомъ говоритъ о себѣ:

— Много странствовалъ я по Испаніи, по Италіи, по Нидерландамъ и Англии и Африкѣ, и всѣ странствія эти были ко славѣ Господа Бога, ко благу моихъ народовъ, къ мощи нашего оружія.

Потомъ онъ долго говоритъ еще и объявляетъ, что онъ немощенъ и усталъ и вознамѣрился вручить сыну корону Испаніи, равно какъ всѣ герцогства, графства и маркграфства, находящіяся подъ ея державой.

И онъ плачетъ, и всё плачутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Король Филиппъ поднимается съ мѣста, бросается на колѣни и говоритъ:

— Ваше величество, какъ могу я осмѣлиться принять эту корону, когда вы еще въ силахъ носить ее?

Тогда императоръ на ухо повелѣваетъ ему обратиться съ благосклонной рѣчью къ господамъ, сидящимъ на покрытыхъ коврами скамьяхъ.

Филиппъ обращается къ нимъ, не поднимаясь съ сидѣнія, и говоритъ кислымъ тономъ:

— Я знаю французскій языкъ настолько, чтобы понимать его, но не настолько, чтобы говорить на немъ. Поэтому вслушайте, что, вмѣсто меня, скажетъ епископъ Аррасскій, кардиналъ Гранвелла.

— Плохая рѣчь, сынъ мой,—говоритъ его величество.

И въ самомъ дѣлѣ поднимается ропотъ среди собравшихся, видящихъ, какъ надмененъ и высокомеренъ молодой король. Потомъ говоритъ королева, вознося государю хвалу, затѣмъ слово переходитъ къ одному престарѣлому магистру, и, когда онъ кончилъ, его величество мановеніемъ руки благодаритъ его. Послѣ того, какъ покончены всё формальности и разглагольствованія, его величество объявляетъ своихъ подданныхъ свободными отъ присяги ему, подписываетъ утверждающіе это документы, потомъ подымается съ своего трона и уступаетъ сыну свое мѣсто. И всё въ затѣ плачутъ. И императоръ съ приближенными удаляется въ домикъ въ паркѣ.

Здѣсь, оставшись одни, они запираются въ зеленой залѣ, и императоръ, захлебываясь хохотомъ, обращается къ сыну, который не смѣется:

— Видишь ты, какъ мало надо, чтобы растрогать этихъ человѣчковъ? Какой потопъ слезъ! И этотъ толстый Маасъ, который въ заключеніе своей длинной рѣчи ревелъ, какъ теленокъ. Да и ты какъ будто былъ растроганъ, но недостаточно. Вотъ настоящее зрѣлище, какимъ надо потчевать народъ. Сынъ мой, мы тѣмъ больше любимъ нашихъ любовницъ, чѣмъ дороже онѣ намъ стоятъ. Съ народами то же самое. Чѣмъ больше они намъ платятъ, тѣмъ больше насъ любятъ. Въ Германіи я терпѣлъ реформацію, въ Нидерландахъ сурово преслѣдовалъ ее. Если бы нѣмецкіе государи остались католиками, я бы перешелъ въ лютеранство, чтобы конфисковать ихъ владѣнія. Они вѣрятъ въ мою преданность римско-католической вѣрѣ и жалѣютъ, что я покидаю ихъ. Благодаря мнѣ погибло въ Нидерландахъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ,—достойныхъ мужчинъ и прекрасныхъ женщинъ—

все за ересь. Теперь я покидаю престоль, — они хнычут. Не считая конфискацій, я добылъ оттуда больше денегъ, чѣмъ могли бы дать Индія или Перу, — они огорчены, что теряютъ меня. Я нарушилъ кадзанскій мирный договоръ, я разрушилъ Гентъ, я уничтожалъ все, что мнѣ стояло на пути: вольности, права, преимущества — все подчинено власти моихъ чиновниковъ; а эти добрые люди все считаютъ себя свободными потому, что имъ разрѣшено стрѣлять изъ дуковъ и носить въ процессіяхъ ихъ цеховыя знамена. Они чувствуютъ руку властелина: благодушествуютъ въ клѣткѣ, поютъ и оплакиваютъ меня. Сынъ мой, будь съ ними, какъ я: милостивъ на словахъ, суровъ на дѣлѣ. Надо лизать, пока не пришло время укусить. Спокойно клянись блюсти всѣ вольности, права и преимущества. Но, увидѣвъ, что они опасны, растопчи ихъ. Не касайся ихъ слабой рукой: тогда они — желѣзные; но они оказываются изъ стекла, когда ты раздробилъ ихъ тяжелой рукой. Не потому уничтожай еретиковъ, что они отвергли католическую вѣру, но потому, что они могутъ подорвать наше положеніе въ Нидерландахъ. Тѣ, которые нападаютъ на папу съ его тройной короной, легко справится съ государями, которые носятъ лишь одну корону. Сдѣлай, какъ я, изъ свободы совѣсти оскорбленіе величества, влекущее за собой конфискацію имущества, и будь всю жизнь, какъ я, наслѣдникомъ. И когда настанетъ день, ты отречешься или умрешь, они скажутъ: „Ахъ, добрый былъ государь“ — и заплачутъ“.

— Дальше ничего не слышу, — сказала Неле: — ибо его священное величество лежитъ на кровати и спитъ, а король Филиппъ, надменный, горделивый, смотритъ на него безъ любви.

Послѣ этихъ словъ Катлина разбудила ее.

И Клаасъ въ раздумьѣ смотрѣлъ въ огонь, пылавшій въ глубинѣ печи.

LIX.

Покинувъ ландграфа гессенскаго, Уленсигель ѣхалъ черезъ площадь передъ замкомъ; замѣченныя имъ здѣсь сердитыя лица придворныхъ кавалеровъ и дамъ мало тронули его.

Во владѣніяхъ герцога люнебургскаго онъ встрѣтилъ компанію *Smaedelyke broeders*, веселыхъ фламандцевъ изъ Слейса, которые каждую субботу откладывали понемножку денегъ, чтобы разъ въ годъ съѣздить въ Германію.

Съ пѣніемъ совершали они свой путь, сѣдя въ открытой телѣгѣ, которую здоровенный жеребецъ шути тащилъ по проселкамъ и болотамъ люнебургскаго герцогства. Нѣкоторые

изъ нихъ играли на скрипкахъ, дудкахъ, лютняхъ, волынкахъ, производя страшный шумъ. Подлѣ телѣги шелъ толстякъ, игравшій на gommel-pot: видно, въ надеждѣ, что ходьба снять съ него немного жира.

У нихъ ужъ приходилъ къ концу послѣдній флоринъ, когда они увидѣли Уленспигеля съ звонкой монетой въ карманѣ. Затачивъ его въ корчму, они угостили его тамъ, чему Уленспигель не противился. Но когда онъ замѣтилъ, что эти ребята перемигиваются и подсмѣиваются, подливая въ его кружку, онъ догадался, что они замышляютъ что-то противъ него, вышелъ за дверь и сталъ подслушивать, что они тамъ говорить. И вотъ онъ слышитъ:

— Это живописецъ ландграфа — говорилъ толстякъ: — онъ получилъ тамъ тысячу флориновъ. Угостимъ его хорошенько: получимъ вдвойнѣ.

— Аминь, — отвѣтили прочіе.

Уленспигель отвелъ своего осла въ сосѣдній домъ — шаговъ за тысячу — далъ тамъ дѣвушкѣ два патара, чтобъ она за нимъ присмотрѣла, и вернулся въ трактиръ къ своей компаніи. Они все подливали ему и платили за него. Уленспигель позванивалъ графскими золотыми въ своемъ карманѣ и сказала, что только-что продалъ мужику своего осла за семнадцать серебряныхъ талеровъ.

Такъ угощаясь, они двинулись дальше въ путь подъ звукъ дудокъ и волынокъ, забирая по дорогѣ всѣхъ женщинъ, которыя казались имъ подходящими. И дѣти рождались впоследствии тамъ, гдѣ они прошли, и случайная подруга Уленспигеля тоже родила сына, котораго назвала „Эйленспигельчикъ“, что значитъ зеркало и сова, ибо, какъ нѣмка, она не понимала прозвища своего случайнаго сожителя, но хотѣла удержать въ памяти часъ, которому обязанъ жизнью ея мальчикъ. Онъ и есть тотъ Эйленспигель, о которомъ должно утверждать, будто онъ родился въ Книттингенѣ, въ Саксоніи.

Ихъ здоровенный конь мчалъ ихъ телѣгу по дорогѣ, навстрѣчу деревнямъ и трактирамъ. У одного изъ нихъ съ надписью „In den Ketele“ — „Корчма Котель“ — они остановились: очень ужъ былъ соблазнителенъ запахъ жаренаго мяса, несшійся оттуда.

Приблизившись къ хозяину, толстякъ указалъ ему пальцемъ на Уленспигеля и сказалъ:

— Это графскій живописецъ: онъ платитъ за все.

Трактирщикъ посмотрѣлъ на Уленспигеля и былъ удовлетворенъ этимъ осмотромъ. Услышавъ звяканье флориновъ и талеровъ, онъ оставилъ столъ яствами и питіями. Уленспи-

гель ничего не пропустилъ. И все звенѣли въ его карманѣ монетки. Кромѣ того, онъ похлопывалъ себя по шапкѣ, приговаривая, что тамъ хранится самое большое его сокровище. Такъ длилось пиршество два дня, пока наконецъ компанія не обратилась къ Уленспигелю:

— Пора расплатиться и ѣхать дальше.

— Развѣ крыса, сиди въ сыру, думаетъ уйти?

— Нѣтъ.

— А когда человѣкъ отлично ѣсть и пьеть, тянетъ его къ уличной пыли и къ водѣ изъ дужи, полной пьавокъ?

— Нѣтъ.

— Ну, и будемъ здѣсь сидѣть, пока мои флорины и талеры служатъ воронкой, чрезъ которую льется въ наши глотки душу веселящій напитокъ.

И онъ приказалъ трактирщику подать еще вина и колбасы.

— Я плачу, ибо теперь я ландграфъ,—сказалъ Уленспигель за ѣдой:—но когда мои карманы опустѣютъ, что вы будете дѣлать, друзья? Приметесь за мою шапку, въ которой вездѣ, и въ тулѣ и въ поляхъ, зашиты червонцы.

— Дай пощупать,—закричали они. И, захлебываясь отъ удовольствія, они пощупывали пальцами монеты величиной съ червонецъ. Но одинъ щупалъ такъ настойчиво, что Уленспигель отобралъ у него шапку со словами:—Погоди, пламенный доильщикъ, еще не настала пора для доенія.

— Дай мнѣ половину твоей шапки,—попросилъ тотъ.

— Нѣтъ, а то у тебя будетъ дурацкая голова: въ одной половинѣ свѣтъ, въ другой потемки.

И, передавъ трактирщику шапку, онъ сказалъ:

— Побереги ее у себя, пока жарко. Я выйду на воздухъ.

Очувтившись на улицѣ, онъ перебѣжалъ туда, гдѣ былъ осель, вскочилъ на него и доброй рысью помчался въ Эмденъ.

Увидѣвъ, что онъ не возвращается, его собутыльники подняли крикъ:

— Онъ удралъ! Кто будетъ платить?

Трактирщикъ испугался и разрѣзалъ ножомъ оставленную ему шапку. Но между войлокомъ и подкладкой вмѣсто червонцевъ оказались зашитые мѣдяки.

Тогда вся ярость его обратилась на товарищей Уленспигеля, и онъ кричалъ имъ:

— Мѣшеники, проходимцы, скидайте съ себя платье, иначе не выпущу,—все кромѣ рубахъ!

Такъ они и расплатились своей одеждой и ѣхали въ однихъ рубахахъ по горамъ и доламъ: съ конемъ и телѣгой они все-таки не захотѣли разстаться.

— Но, милый...— сказала Сооткинъ, не зная, что ей думать.

— Ну, слушай и радуйся,— продолжалъ Клаасъ:— Катлина не осталась въ Антверпенѣ ждать, пока кончится срокъ ея изгнанія; Неле перебралась съ ней въ Мейбургъ, весь путь онѣ сдѣлали пѣшкомъ. Здѣсь Неле рассказала моему брату Юсту, что, несмотря на нашу тяжелую работу, мы часто живемъ впроголодь. Какъ мнѣ сообщилъ этотъ почтенный посланецъ, — и Клаасъ указалъ на чернаго всадника, — Юстъ выступилъ изъ святой римской церкви и предался лютеровой ереси.

— Еретики—это тѣ, которые служатъ Великой Блудницѣ, ибо папа римскій—предатель и торгуетъ святыней, — возразилъ человѣкъ въ черномъ.

— Ахъ, господинъ, — воскликнула Сооткинъ, — не говорите такъ громко: по вашей винѣ сожгутъ всѣхъ насъ.

— Итакъ, — продолжалъ Клаасъ, — Юстъ поручилъ этому почтенному посланцу передать намъ, что вступаетъ въ войско Фридриха Саксонскаго, набравъ и вооруживъ для него пятьдесятъ солдатъ. Такъ какъ онъ идетъ на войну, то ему не нужно много денегъ, которыя, въ случаѣ неудачи, попадутъ только въ руки какого-нибудь негоднаго ландскнехта. Поэтому онъ приказалъ: отвези брату моему Клаасу эти семьсотъ червонцевъ вмѣстѣ съ моимъ благословеніемъ; передай ему, пусть живетъ во благѣ и думаетъ о спасеніи души.

— Да, — сказалъ посланный Юста, — для этого настало время, ибо Господь будетъ судить каждаго и воздастъ ему по дѣламъ его.

— Конечно, сударь, — сказалъ Клаасъ, — но пока что могу же я порадоваться доброй вѣсти. Прошу васъ побыть у меня; мы торжественно отпразднуемъ эту радость, поглотивъ великолѣпные потроха, вырѣзку, окорока, которые такъ заманчиво и привлекательно, — я, проходя, видѣлъ, — висѣли у мясника, что у меня буквально бочками потекли слюнки изо рта.

— Увы, безумные, — сказалъ черный человѣкъ: — они предаются наслажденіямъ, между тѣмъ какъ око Господне слѣдитъ за ихъ путями.

— Слушай, посланецъ, — сказалъ Клаасъ, — ты хочешь или не хочешь выпить и закусить съ нами?

Посланецъ отвѣтилъ:

— Когда падетъ Вавилонъ, тогда настанетъ для вѣрныхъ пора предаваться земнымъ радостямъ.

Сооткинъ и Клаасъ при этомъ перекрестились, онъ же повернулся, чтобъ ѣхать. Тогда Клаасъ сказалъ:

— Помилуйте, господинъ,—отвѣтилъ Уленспигель:—сжалитесь надо мной!

И, указавъ на осла, онъ сказалъ:

— Вы вѣдь знаете, что, по закону, кто живетъ между четырёхъ столбовъ, тотъ свободенъ.

— Убирайся изъ моихъ владѣній,—отвѣтилъ герцогъ,—не то будешь повѣшенъ.

— О, благородный повелитель, какъ стремительно вылетѣлъ бы я изъ этой земли, если бы былъ окрыленъ двумя золотыми.

— Негодяй,—отвѣтилъ герцогъ:—ты осмѣливаешься не только противиться моему приказу, но еще денегъ просишь.

— Что дѣлать, ваша милость,—не могу отнять, приходится просить.

Герцогъ бросилъ ему флоринъ, и Уленспигель обратился къ ослу:

— Встань, Іефъ и привѣтствуй господина герцога.

Оселъ вскочилъ съ ревомъ, и оба двинулись въ путь.

LXI.

Сооткинъ и Неле сидѣли у окна хижины и смотрѣли на улицу.

— Что, милая,—спросила Сооткинъ,—не идетъ ли мой сынъ Уленспигель?

— Нѣтъ,—отвѣтила Неле:—мы ужъ не увидимъ этого бродягу.

— Не сердись на него, Неле,—сказала Сооткинъ,—а пожалѣй его: онъ вѣдь бродитъ гдѣ-то безъ пріюта, бѣдный мальчикъ.

— Навѣрное пріютился гдѣ-нибудь въ домѣ побогаче родного, у какой-нибудь дамы.

— Я порадовалась бы за него,—сказала Сооткинъ:—можетъ-быть, сидитъ и ѣсть жирныхъ дроздовъ.

— Камнями накормить бы его, обжору, тогда бы вернулся домой!—закричала Неле.

Сооткинъ расхохоталась:

— Откуда такая ярость, дитя мое?

Отозвался изъ угла Клаасъ, въ раздумьѣ связывавшій дровешки:

— Не видишь, что ли, что она по уши влюблена въ него?

— Ахъ, скверная, хитрая дѣвчонка!—закричала Сооткинъ:—ни звукомъ не выдала! Скажи, дѣвчонка, это правда, что онъ тебѣ по душѣ?

— Пустяки,—отвѣтила Неле.

— Хорошаго мужа получишь ты,—замѣтилъ Клаасъ:—съ широкой пастью, пустымъ брюхомъ и длиннымъ языкомъ; мастерь: изъ флорина дѣлаеть гроши, въ жизни не заработалъ копейки честнымъ трудомъ, шатается по улицамъ точно бродяга.

Но Пеле вдругъ раскраснѣлась и сердито возразила:

— А почему вы ничего лучшаго изъ него не дѣлали?

— Видишь, до слезъ доведъ дѣвочку,—сказала Сооткинъ:—молчи ужъ, муженекъ.

LXII.

Добравшись до Нюрнберга, Уленспигель выдалъ себя здѣсь за великаго врача, исцѣлителя всѣхъ немощныхъ, достославнаго очистителя желудка, знаменитаго побѣдителя лихорадки, всѣмъ извѣстнаго освободителя отъ чумы и непобѣдимаго борца съ чесоткой.

Въ больницѣ лежало столько больныхъ, что ужъ не знали, куда ихъ дѣвать. Узнавъ о прибытіи Уленспигеля, къ нему прибѣгали смотритель больницы узнать, вѣрно ли, что онъ излѣчиваетъ всѣ болѣзни.

— Всѣ, кромѣ самой послѣдней,—отвѣтилъ Уленспигель.— Но общайте мнѣ двѣсти флориновъ за излѣченіе всѣхъ прочихъ болѣзней—и я не возьму съ васъ ни гроша, пока всѣ ваши больные не заявятъ, что они совершенно здоровы и уходятъ изъ больницы.

На слѣдующій день съ напыщенно-ученымъ видомъ и увѣреннымъ взглядомъ онъ явился въ больницу. Войдя въ палаты и обходя больныхъ, онъ наклонялся къ каждому и говорилъ ему на ухо:

— Покаянись, что не расскажешь никому, что услышишь отъ меня. Чѣмъ ты боленъ?

Больной отвѣчалъ ему и клялся не выдавать.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—говорилъ Уленспигель:—я долженъ одного изъ васъ сжечь, изъ пепла его сдѣлать чудодѣйственное лѣкарство и дать всѣмъ остальнымъ. Сожженъ будетъ тотъ, кто не сможетъ выйти самъ изъ больницы. Завтра и приду со смотрителемъ, стану на улицѣ предъ больницей и крикну всѣмъ вамъ: „Кто не боленъ, забирай пожитки и выходи на улицу!“

На другое утро Уленспигель такъ и сдѣлалъ.

Всѣ больные—хромые, ревматики, лихорадочные—разомъ ринулись на улицу, даже тѣ, которые ужъ десять лѣтъ не покидали постели.

Смотритель спросилъ ихъ, вѣрно ли, что они здоровы и могутъ бѣгать.

— Да, да!—кричали они, въ увѣренности, что кто-нибудь остался и что его уже сожигаютъ во дворѣ.

— Плати,—сказалъ Уленспигель:—вотъ они все на улицѣ и объявляютъ себя здоровыми.

И, получивъ двѣсти флориновъ, онъ поспѣшилъ убраться.

Но на другой день больные, еще въ худшемъ состояніи, стали возвращаться въ больницу,—кромѣ одного, который отъ частаго воздуха выздоровѣлъ. Этотъ напился и бѣжалъ пьяный по улицамъ съ крикомъ:—Да здравствуетъ великій докторъ Уленспигель!

LXIII.

Къ тому времени, какъ и эти двѣсти флориновъ разбѣжались во все стороны, Уленспигель добрался до Вѣны, гдѣ поступилъ къ каретнику, который очень сурово обращался съ рабочими, такъ какъ они плохо управлялись съ мѣхомъ въ кузницѣ.

— Поспѣвай, поспѣвай!—кричалъ онъ вѣчно:—догоний съ мѣхомъ!

Однажды, когда хозяинъ былъ въ саду, Уленспигель сзялъ одинъ мѣхъ, взвалилъ его на плечи и сталъ носить вслѣдъ за хозяиномъ. Тотъ удивился, увидавъ его съ этой необычайной ношей, но Уленспигель объяснилъ ему:

— Вы же мнѣ приказали, хозяинъ, догонять васъ съ мѣхомъ. Прикажете положить этотъ и пойти за другимъ?

— Нѣтъ, любезный, не такъ я тебѣ сказалъ; пойдн и поставь мѣхъ на мѣсто.

Чтобы отомстить за эту насмѣшку, хозяинъ сталъ подниматься въ полночь и будить подмастерьевъ на работу.

— Чего ты насъ будишь среди ночи, хозяинъ?—спрашивали подмастерья.

— Такая ужъ у меня привычка: первую недѣлю мои рабочіе должны проводить на постели лишь половину ночи.

Уленспигель спалъ на палатахъ. Когда хозяинъ явился будить его, онъ взвалилъ тюфякъ себѣ на плечи и такъ явился въ кузницу.

— Ты съ ума сошелъ!—закричалъ хозяинъ:—зачѣмъ ты тащишь постель съ собой?

— Такая ужъ у меня привычка,—отвѣчалъ Уленспигель:—первую недѣлю я сплю на постели, вторую—подъ постелью.

— Хорошо,—сказалъ хозяинъ:—только у меня есть еще одна привычка: нахальныхъ работниковъ я выбрасываю за дверь.—пусть первую недѣлю спишь на землѣ, вторую—подъ землей.

— Чудесно, хозяинъ,—сказаль Уленспигель:—значить, въ твоёмъ погребѣ, подлѣ пивныхъ бочекъ?

LXIV.

Покинувъ каретника и возвратившись во Фландрію, онъ поступилъ въ ученіе къ сапожнику, который охотнѣе торчалъ на улицѣ, чѣмъ орудовалъ шиломъ въ своей мастерской. Видя, какъ онъ ужъ въ который разъ собирается изъ дому, Уленспигель спросилъ его, какъ нарѣзать башмачные перодин.

— Нарѣзать для большихъ и малыхъ ногъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—чтобы обувь годилась на всякаго, за кѣмъ идетъ крупный и мелкій скотъ.

— Хорошо, хозяинъ,—сказаль Уленспигель.

Когда сапожникъ вышелъ, Уленспигель выкроилъ обувь, пригодную развѣ для кобылъ, ослицъ, телокъ, свиней и овецъ.

Возвратившись въ мастерскую, хозяинъ увидѣлъ кожу, нарѣзанную на мелкіе куски.

— Что ты надѣлалъ, пацкунъ негодный?—закричалъ онъ.

— То, что вы приказали,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Я приказаль тебѣ выкроить башмаки, которые были бы пригодны для всѣхъ, за кѣмъ ходить скотъ — быки, свиньи, бараны, а ты сдѣлалъ обувь по ногамъ скота.

— Хозяинъ,—сказаль Уленспигель,—за кѣмъ же ходить боровъ,—какъ не за свиньей, во время года, когда вся скотина влюблена: осель за ослицей, быкъ за телкой, баранъ за овдой; развѣ не такъ?

И онъ убрался и остался безъ пріюта.

LXV.

Пришелъ апрѣль. Сперва стояла мягкая погода, потомъ ударилъ морозъ. Давно уже кончился третій годъ изгнанія Уленспигеля, и Неле со дня на день ждала своего друга.

— Ахъ,—говорила она,—погубить заморозки и цвѣтущую грушу, и жасминъ, и всѣ бѣдныя растенія, которыя, довѣрившись теплу преждевременной весны, распустили свои цвѣточки. Ужъ падаютъ снѣжинки на дорогу; снѣгомъ засыпано и мое сердце. Гдѣ ясные лучи свѣтлаго солнышка, озарявшіе веселыя лица, дѣлавшіе красныя крыши еще краснѣе, а оконныя стекла еще ослѣпительнѣе? Гдѣ они, согрѣвавшіе небо и землю, птичекъ и жучковъ? Ахъ, знобить меня днемъ и ночью отъ тоски и ожиданія. Гдѣ ты, другъ мой Уленспигель?

LXVI.

А Уленспигель, голодный и холодный, добрался уже до Ренэ во Фландрию: но онъ не скулилъ, а старался разсмѣнить другихъ, чтобы они накормили его. Но это плохо удавалось ему, и люди шли мимо, ничего не подавъ ему.

Холодно было; то снѣгъ, то дождь, то градъ падали на спину путника. Шель онъ по деревнѣ, — слюнки текли у него изо рта, когда онъ видѣлъ гдѣ-нибудь въ углу собаку, грызущую кость. Онъ охотно заработалъ бы флоринъ, но не зналъ, какъ устроить, чтобы флорины дождемъ лились въ его кошелекъ. Голуби, сидя на шестѣ голубятни, роняли внизъ бѣлые кружочки, но это были не флорины. Онъ искалъ вездѣ, но флорины не растутъ на мостовой.

Вдругъ изъ громадной тучи посыпался на спину Уленспигеля градъ, твердый, какъ камень.

— Увы, — сказалъ онъ, — знаю, что камнями швыряютъ только въ бездомныхъ собакъ. — И, бросившись бѣжать, онъ говорилъ съ собой на бѣгу. — Не моя вина, что у меня нѣтъ ни дворца ни даже шалаша, чтобы пріютить мое тощее тѣло. О, злыя градины — снѣ тверды, какъ ядра. Не моя вина, что я влачу по міру мое рубище. Зачѣмъ я не императоръ! Эти градины врываются въ мои уши, точно злыя слова! — И онъ бѣжалъ дальше. — Бѣдный мой носикъ, — приговаривалъ онъ: — вотъ сейчасъ ты будешь какъ рѣшето, и сможешь служить перечницей на пиришествахъ сильныхъ міра сего, гдѣ не бьетъ градъ. — И, потрогавъ свои щеки, онъ говорилъ: — Онѣ пригодились бы въ качествѣ шумовокъ поварамъ, которымъ жарко подлѣ ихъ очаговъ. О, далекія воспоминанія о былыхъ соусахъ! Я голоденъ. Не жалуйся, пустое брюхо; не нойте, тоскующія кишки. Гдѣ ты скрылась, добрая судьба? Поведи меня къ моему пастбищу.

Понемногу во время этихъ разглагольствованій небо прояснилось, солнце засверкало, градъ прекратился, и Уленспигель сказалъ: — Здравствуй, солнце, мой единственный другъ. Пришло меня высушить?

Но холодъ гналъ его, и онъ стремительно бѣжалъ впередъ. Вдругъ онъ увидѣлъ, что по дорогѣ громадными прыжками мчится прямо на него собака; языкъ ея торчалъ изъ пасти, и глаза были выпучены.

„Навѣрное, бѣшеная“, — подумалъ Уленспигель, схватить съ дороги здоровенный камень и полѣзъ на дерево; едва онъ добрался до первой вѣтки, какъ собака была уже внизу. Онъ швырнулъ камень и раскроилъ ей черепъ. Она остановилась,

тоскливо и вяло попыталась прыгнуть на дерево, но це смогла, унала и издохла.

Это не обрадовало Уленспигеля, тѣмъ болѣе, что, спустившись съ дерева, онъ увидѣлъ, что у собаки морда совсѣмъ не сухая, какъ всегда бываетъ у бѣшеныхъ собакъ.

Ея шкурка понравилась ему, и онъ рѣшилъ, что ее можно продать. Ободравъ собаку, онъ вымылъ шкурку, высушилъ, повѣсивъ на верхній конецъ своего посоха, потомъ уложилъ ее въ свой мѣшокъ.

Голодь и жажда все мучили его. Онъ проходилъ мимо крестьянскихъ дворовъ, но боялся предложить тамъ купить шкурку: собака могла вѣдь быть собственностью этого самаго крестьянина. Поэтому онъ просилъ только хлѣба, но безуспѣшно. Настала ночь. Онъ надалъ съ ногъ—и зашелъ въ корчму; старуха-хозяйка сидѣла, поглаживая старую собаку, непрестанно кашлявшую и очень похожую на убитую Уленспигелемъ.

— Откуда идешь, путникъ?—спросила старуха.

— Изъ Рима,—отвѣтилъ Уленспигель:—я вылѣчилъ тамъ папскую собаку отъ простуды, которая ее очень тяготила.

— Ты, значитъ, видѣлъ святого отца?—спросила она и налила ему кружку пива.

— О,—отвѣтилъ Уленспигель, выпивая:—онъ позволилъ мнѣ только приложиться къ его благословенной ногѣ и священной туфлѣ.

Между тѣмъ собака все кашляла, но не харкала.

— Когда это было?—спросила старуха.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ. Меня ждали; я подошелъ къ двери и постучался. „Кто тамъ?“—спросилъ архи-кардиналь, дѣйствительный тайный и таинственный камергеръ его святѣйшаго святѣйшества. „Это я, ваше преосвященство,—отвѣтилъ я:—Я спѣшно прибылъ изъ Фландри, чтобы приложиться къ папской ногѣ и вылѣчить папскую собачку отъ простуды“.—„А, это ты, Уленспигель!“—закричалъ папа изъ-за маленькой боковой двери:—былъ бы очень радъ поглядеть тебя, но никакъ невозможно. Мнѣ, видишь ли, воспрещено декреталями показывать постороннимъ мое лицо, когда по нему ходитъ священная бритва“.—„О, какое несчастье!“—отвѣтилъ я:—я вѣдь прибылъ изъ такой дали, чтобы приложиться къ ногѣ вашего святѣйшества и вылѣчить вашу собачку. Неужто мнѣ такъ и возвращаться, ничего не свершивъ?“—„Нѣтъ“,—отвѣтилъ святой отецъ. И я услышалъ его зовъ: „Эй, камергеръ, придвинь мое кресло и открой внизу дверь“. Дверца распахнулась, и я увидѣлъ

въ отверстіи ногу въ золотой туфлѣ и слышала голосъ, подобный грохоту грома: „Вотъ всемогущая нога царя царей, короли королей, императора императоровъ. Цѣлуй ее, христіанинъ, цѣлуй священную туфлю!“ И я приложился къ священной туфлѣ, и носъ мой былъ пронизанъ благоуханіями, струившимися изъ этой ноги. Затѣмъ дверца захлопнулась, и тотъ же громовой голосъ приказалъ мнѣ ждать. Снова распахнулась дверца, и оттуда выдѣзла, съ позволенія сказать, скотина: паршивый, раздутый, хрипящій, кислоглазый песь; распухшее брюхо позволяло ему тащиться, только широко разставивъ кривыя ноги.

Тогда вновь изволилъ заговорить святой отецъ: „Уленспигель, — сказалъ онъ, — вотъ моя собачка. Она страдаетъ кашлемъ и иными хворостами оттого, что грызла перебитыя кости еретиковъ. Излѣчи ее, сынъ мой: ты не пожалѣешь объ этомъ“.

— Пей же, — прервала его старуха.

— Налей, — отвѣтилъ Уленспигель и продолжалъ рассказъ: — я далъ собакѣ чудодѣйственное слабительное, моего приготовления. Три дня и три ночи ее несло безъ остановки, и она выздоровѣла,

— Иисусъ и Марія! — воскликнула старуха: — дай, я поцѣлую тебя, доблестный богомолецъ, лицедрѣвшій святого отца. И мою собаку ты тоже сможешь вылѣчить?

Но поцѣлуй старухи мало соблазняли Уленспигеля:

— Кто коснулся устами святой туфли, два года не смѣетъ дотрагиваться ими до женщины. Дай мнѣ нѣсколько добрыхъ кусковъ жаренаго мяса, пару колбасъ и пива — и голосъ твоей собаки очистится такъ, что она сможетъ пѣть въ соборномъ хорѣ.

— О, если бы ты сдержалъ обѣщаніе, — ныла старуха, — ты получилъ бы отъ меня флоринъ.

— Конечно, сдержу, — только послѣ ужина.

Она подала все, что онъ потребовалъ. Онъ наѣлся и напился вдосталь, наполнившись при этомъ такой благодарностью, что даже поцѣловалъ бы ее, если бы не навралъ раньше на счетъ запрещенія.

Во время ѣды къ нему подошла старухина собака и положила ему лапы на колѣни, прося косточку. Онъ далъ ей нѣсколько костей и спросилъ хозяйку:

— Если кто у тебя наѣтся и не заплатитъ, что ты съ нимъ сдѣлаешь?

— Отбираю у такого канальи платѣе.

— Хорошо, — отвѣтилъ Уленспигель и, взявъ собаку подѣ

мышку, вышелъ съ пей въ сарай. Здѣсь онъ заперъ ее, далъ ей восточку и, вынувъ изъ своего мѣшка шкурку убитой, вернулся къ старухѣ.

— Значить, кто не заплатитъ, съ того платье долой?— спросилъ онъ.

— Разумѣется.

— Отлично. Твоя собака ѣла у меня и не заплатила. Вотъ я по-твоему и сдѣлалъ — содралъ съ нея ея лучшее платье. И онъ показалъ ей шкурку.

— Ой!—завыла старуха, —какой ты жестокой, господинъ докторъ! Для меня, старой вдовы, это не собачка была, а дитя родное! Зачѣмъ лишилъ ты меня моего единственнаго на свѣтѣ друга! Теперь мнѣ одинъ путь—въ могилу.

— Я воскрешу ее,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Воскресишь? И она будетъ опять ласкаться ко мнѣ, и смотрѣть, и бѣгать, и вертѣться вотъ, какъ вертится теперь ея бѣдный, мертвый хвостикъ? Спасите ее, господинъ докторъ, и, сколько бы вы ни наѣли, все будетъ бесплатно, да еще уплачу вамъ флоринъ.

— Я воскрешу ее. Но мнѣ нужна горячая вода, патока, чтобъ замазать швы, иголки, нитки, и подлива изъ жаркого. И я долженъ остаться одинъ.

Старуха подала все, что онъ потребовалъ. Онъ взялъ шкурку и вышелъ въ сарай.

Здѣсь онъ помазалъ морду запертой собацѣ мясной подливой, что та приняла съ большимъ удовольствіемъ, потомъ провелъ по ея брюху патокой, ланы тоже смазалъ патокой.

Затѣмъ онъ трижды издалъ дикій крикъ и возгласилъ:

— Возстань, возстань, слушай приказъ, живой собакой стань.

Быстро спрятавъ шкурку убитой собаки въ мѣшокъ, онъ ударомъ ноги вышвырнулъ живую изъ сарая прямо въ корчму.

Собака виляла хвостомъ и вертѣлась вокругъ старухи, которая, увидѣвъ ее живой, бросилась—было ее цѣловать, но Уленспигель не позволилъ.

— Не ласкай свою собачку прежде, чѣмъ она слизетъ языкомъ всю патоку, которою обмазана; тогда швы на кожѣ заживутъ, такъ что не будутъ замѣтны. А теперь плати десять флориновъ.

— Рѣчь была съ однимъ,—возразила старуха.

— Флоринъ за операцію и девять за воскрешеніе,—сказалъ Уленспигель.

И, получивъ плату, онъ удалился, бросивъ на прощаніе среди комнаты собачью шкурку, со словами:

— Вотъ тебѣ старая шкурка: сможешь ея заплатать новую, если прорвется.

LXVII.

Въ это воскресенье въ Брюгге былъ крестный ходъ Святой Крови. Клаасъ предложилъ женѣ и Неле пойти посмотреть: можетъ-быть, встрѣтятъ Уленспигеля. Самъ онъ останется стеречь домъ и будетъ ждать, не вернется ли ихъ богомолецъ.

Женщины ушли. Клаасъ, оставшись одинъ въ Дамме, усѣлся на порогѣ. Городокъ точно вымеръ. Не слышно было ничего, кромѣ ясныхъ ударовъ деревенскаго колокола, да изъ Брюгге временами доносились отрывочные звуки то соборнаго перезвона, то громовыхъ залповъ изъ фальконетовъ, то потѣшныхъ огней, устроенныхъ въ честь Св. Крови.

Въ раздумьѣ Клаасъ искалъ глазами сына, но передъ нимъ не было ничего кромѣ синяго небосклона въ его безоблачномъ великолѣпнн, нѣсколькихъ собакъ, лежащихъ съ высунутыми языками на солнцѣ, воробьевъ, съ чириканьемъ купающихся въ пескѣ, кота, подкрадывающагося къ нимъ, и лучей солнца, ласково заглядывающихъ въ окна домовъ и сверкающихъ въ мѣдныхъ кастрюляхъ и оловянныхъ кружкахъ на полкѣ.

Но среди всего этого лигованія Клаасъ оставался печаленъ и все старался въ сизой дымкѣ лугового тумана разглядѣть сына или услышать его голосъ въ веселомъ шелестѣ листьевъ и радостномъ пѣніи птицъ. Вдругъ на дорогѣ изъ Мальдегема выросла высокая фигура человѣка; но это, очевидно, былъ не Уленспигель. Человѣкъ шелъ по опушкѣ поля и, выдергивая клубни моркови, жадно ѣлъ ихъ.

„Здорово проголодался“,—подумалъ Клаасъ.

На мгновеніе онъ потерялъ его изъ виду. Потомъ онъ снова увидѣлъ его на углу Цапфиной улицы—и тогда узналъ того посланца его брата Юста, который привезъ ему семьсотъ червонцевъ. Бросившись къ нему навстрѣчу, онъ встрѣтилъ его словами:

— Добро пожаловать.

— Благословенны пріемлющіе безпріютныхъ путниковъ,— отвѣтилъ тотъ.

Снаружи на дощечкѣ передъ окномъ разсыпаны были крошки хлѣба, которыя Сооткинъ бросала птицамъ. Зимой онѣ прилетали сюда въ поискахъ корма. Человѣкъ подобралъ нѣсколько крошекъ и жадно жевалъ ихъ.

— Ты голоденъ?—сказалъ Клаасъ.

— Недѣлю тому назадъ меня обобрали грабители, — отвѣтилъ тотъ: — съ тѣхъ поръ я питаюсь морковью съ полей да корешками въ лѣсу.

— Самое время, стало-быть, подкрѣниться. Вотъ, — Клаасъ открылъ шкапъ, — вотъ яйца, колбаса, ветчина, миска гороха, гентскія сосиски, холодная рыба. Въ погребѣ внизу спитъ лувенское вино, красное и свѣтлое, — въ родѣ бургундскаго. Нужны только стаканы, чтобы разбудить его. Затѣмъ — полѣно въ печь — слышишь, какъ шинятъ колбасы на сковородкѣ? Это нѣснъ доброй закуски!

Клаасъ хлопоталъ, суетился, приговаривая и спрашивая:

— А сына моего Уленспигеля ты нигдѣ не встрѣчалъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ.

— А что ты знаешь о братѣ моемъ Юстѣ?

И Клаасъ поставилъ на столъ личину съ жирной ветчиной, колбасу, сыръ, рюмки и красное лувенское вино, сверкавшее въ бутылкѣ.

— Твоего брата четвертовали въ Зиппенакенѣ подъ Ахеномъ за то, что онъ, какъ еретикъ, воевалъ съ императоромъ.

Клаасъ почти потерялъ сознание. Дрожа всѣмъ тѣломъ отъ горести и гнѣва, онъ повторялъ только:

— О, проклятые палачи! Ахъ, Юстъ, бѣдный мой братъ!

Но тотъ сурово заявилъ:

— Наши радости и горести не отъ міра сего, — и принялся за ѣду. Затѣмъ онъ продолжалъ: — Я былъ у твоего брата въ темницѣ, куда я пробрался, выдавъ себя за мужика изъ Нисвейлера, его родича. Я пришелъ сюда потому, что онъ повелѣлъ мнѣ: „Если ты не умрешь, подобно мнѣ, за правую вѣру, пойдѣ къ брату моему Клаасу; прикажи ему жить въ мирѣ, отдаться дѣламъ благотворенія и втайнѣ учить сына вѣрѣ Христовой. Деньги, полученные имъ отъ меня, отобраны у бѣднаго, невѣжественнаго народа, пусть употребитъ ихъ на то, чтобы взрастить Тилия въ истинѣ, согласно слову Господню“.

При этихъ словахъ посланецъ облобызалъ Клааса. А Клаасъ все повторялъ:

— Умеръ на колесѣ! Бѣдный мой братъ!

И онъ не могъ прийти въ себя отъ душевной боли. Однако, видя, что гость хочетъ пить, онъ налилъ ему вина. Но самъ онъ ѣлъ и пилъ безъ удовольствія.

Сооткинъ и Неле пробыли въ Брюгге цѣлую недѣлю. Все это время посланный Юста прожилъ у Клааса.

По ночамъ раздавались по всему дому вопли Катлины:

— Огонь, огонь! Пробежите дыру! Душа хочетъ наружу!

И Клаасъ шелъ къ ней, успокаивалъ ее ласковыми словами и возвращался въ свою комнату.

Еъ вечеру седьмого дня гость ушелъ и не хотѣлъ взять отъ Клааса больше двухъ кароловъ на ѣду и пріютъ по дорогѣ.

LXVIII.

Неле и Сооткинъ возвратились изъ Брюгге, и какъ-то утромъ Клаасъ, разсѣвшись въ кухнѣ на полу, точно лорткой, пришивалъ пуговицы къ старымъ штанамъ. Подлѣ него Неле наусѣживала Титуса на анста. Титусъ Бибулусъ Шнуффиусъ бѣшено лаялъ, прыгалъ къ птицѣ и отскакивалъ обратно. Анстъ, стоя на одной ногѣ, сосредоточенно и важно смотрѣлъ на собаку и чистилъ клювомъ перышки. Въ отвѣтъ на это миролюбіе Титусъ Бибулусъ лаялъ еще бѣшенѣе. Но вдругъ эта музыка, какъ видно, надоѣла птицѣ, и она впиалась клювомъ въ спину собаки, которая обратилась съ визгомъ въ бѣгство.

Клаасъ хохоталъ, Неле за нимъ, только Сооткинъ не отрывала глазъ отъ улицы,—не покажется ли гдѣ Уленсингелъ.

Вдругъ она сказала:

— Идетъ профосъ съ четырьмя стражниками. Не къ намъ, конечно... Двое стали у нашего дома.

Клаасъ поднялъ голову.

— А двое обходятъ.

Клаасъ всталъ.

— Кого это они могутъ подстерегать на нашей улицѣ?.. Господи Иисусе! Клаасъ, они идутъ къ намъ!

Клаасъ выскочилъ изъ кухни въ садъ, Неле за нимъ. Онъ успѣлъ шеннуть ей:

— Спрячь червонцы, они за печной вьюшкой.

Неле поняла. Но, увидѣвъ, какъ онъ прыгнулъ черезъ заборъ и какъ стражники схватили его за шиворотъ и какъ онъ отбивался, она закричала:

— Онъ невиненъ, онъ невиненъ! Не бейте отца, не бейте Клааса! Уленсингелъ, гдѣ ты? Ты бы не оставилъ ихъ въ живыхъ!

И она бросилась на одного изъ стражниковъ и вцѣпилась ему ногтями въ лицо. Затѣмъ съ крикомъ: „Они убьютъ его!“—она бросилась на траву и стала кататься по ней, точно безумная.

На шумъ прибѣжала Катлина, точно окаменѣлая посмотрѣла на то, что дѣлалось передъ ней, потомъ опустила голову со слезами:

— Огонь, огонь! Пробейте дыру! Душѣ надо наружу!

Сооткинѣ смотрѣла въ другую сторону и ничего этого не видѣла. Къ двумъ другимъ стражникамъ, вошедшимъ въ домъ, она обратилась со словами:

— Что вы, господа, ищете въ нашемъ бѣдномъ жилищѣ? Моего сына? Онъ далеко! Не угонитесь, ноги у васъ коротки. И она была довольна, что такъ отдѣлала ихъ.

Въ это мгновеніе донесся до нея крикъ Неле. Бросившись въ садъ, Сооткинѣ увидѣла, какъ мужъ ея, схваченный стражниками, отбивался отъ нихъ, дѣбляясь за заборъ.

— Бей ихъ!—врычала она:—бей! Уленспигель, гдѣ ты?

И она рванулась мужу на помощь. Но одинъ изъ стражниковъ, схвативъ ее, держалъ крѣпко, не безъ опасности для себя.

Клаасъ дрался и отбивался такъ успѣшно, что онъ вырвался бы изъ ихъ рукъ, если бы на помощь къ нимъ не прибѣжали тѣ стражники, которые возились съ Сооткинѣ.

Со связанными руками привели они его въ кухню, гдѣ заливались слезами Сооткинѣ и Неле.

— Господинъ профось,—говорила Сооткинѣ,—что же сдѣлалъ мой бѣдный мужъ, что вы его такъ вяжете веревками?

— Онъ еретикъ,—отвѣчалъ одинъ изъ стражниковъ.

— Еретикъ!—вскричала Сооткинѣ:—ты еретикъ? Вреть этотъ дьяволъ!

— Милость Господня да будетъ со мной,—отвѣчалъ Клаасъ.

Они вышли. Неле и Сооткинѣ съ плачемъ шли слѣдомъ, думая, что и ихъ поведутъ къ суду. Собрались сосѣди и друзья. Узнавъ, что Клааса ведутъ связаннымъ потому, что онъ заподозрѣнъ въ ереси, они всѣ страшно перепугались и, разбѣжавшись по домамъ, крѣпко заперли за собой двери. Лишь нѣсколько дѣвочекъ набрались храбрости, чтобы приблизиться къ Клаасу и спросить его:

— Угольщикъ, куда ты идешь связанный?

— Милости Господней предаю себя, дѣти, — отвѣчалъ Клаасъ.

Его отвели въ общинную тюрьму. Сооткинѣ и Неле сѣли на ея порогъ. Но къ вечеру Сооткинѣ просила Неле пойти и посмотреть дома, не вернулся ли Уленспигель.

LXIX.

И скорѣ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ разнеслась вѣсть, что въ Дамме бросили въ тюрьму челоуѣка за ересь, и что слѣдствіе ведетъ инквизиторъ Тительманъ, каноникъ города Рель, прозванный „Неумолимымъ“. Въ это время Уленспи-

гель проживалъ въ Кулькерке у одной пригожей фермерши, вдовы, которая не отказывала ему ни въ чемъ изъ того, что могла назвать своимъ достоинствомъ. Въ ласкѣ, довольствѣ, почетѣ и баловствѣ жилъ онъ такъ, пока гнусный соперникъ, общинный старшина, выслѣдивъ его какъ-то утромъ, когда онъ возвращался изъ трактира, не набросился на него съ дубиной. Чтобы охладить его ярость, Уленспигель бросилъ его въ лужу, откуда старшина выбрался съ большимъ трудомъ, зеленый, какъ жаба, и мокрый, какъ губка.

За этотъ проступокъ Уленспигель долженъ былъ покинуть Кулькерке и изъ страха передъ мстью старшины съ стремительной быстротой бѣжалъ по направленію къ Дамме.

Спускался свѣжий вечеръ. Уленспигель бѣжалъ быстро: ему хотѣлось уже быть дома. Онъ уже представлялъ себѣ, какъ сидитъ и шьетъ Неле, Сооткинъ готовитъ ужинъ, Клаасъ связываетъ дрова, Титусъ грызетъ кость, а ансть бьетъ клювомъ хозяйку по животу, чтобы получить кусочекъ мякина.

— Куда спѣшишь?—спросилъ его встрѣчный развозчикъ.

— Домой въ Дамме.

— Въ Дамме не безопасно,—замѣтилъ пѣшеходъ:—тамъ хватаютъ лютеранъ.

И пошелъ дальше. Дойдя по порогѣ до трактира „Красный Щитъ“, Уленспигель зашелъ выпить кружку пива.

— Ты не сынъ ли Клааса?—спросилъ трактирщикъ.

— Да.

— Такъ спѣши домой: надъ отцомъ бѣда стряслась.

Уленспигель спросилъ-было, въ чемъ дѣло, но трактирщикъ отвѣтилъ, что, когда онъ ни узнаетъ, все будетъ слишкомъ рано.

И Уленспигель побѣжалъ дальше.

Онъ вбѣжалъ въ городъ—и собаки, лежавшія у дверей, бросились на него, лая и хватая его за ноги. Женщины выбѣжали на шумъ и, крича всѣ разомъ, говорили:

— Откуда ты теперь? Что съ отцомъ? Гдѣ твои мать?

Она тоже въ тюрьмѣ? Богъ дастъ, дѣло не дойдетъ до костра.

Уленспигель бѣжалъ еще быстрее.

И онъ увидѣлъ Неле, которая встрѣтила его словами:

— Тиль, не ходи домой. Стража держитъ тамъ охрану отъ имени его величества.

Туть Уленспигель остановился и спросилъ:

— Неле, правда это, что отецъ въ тюрьмѣ?

— Да, правда, и Сооткинъ плачетъ, сиди на ея порогѣ.

Туть переполнилось скорбью сердце блуднаго сына, и онъ сказалъ только:

— Я пойду къ нимъ.

— Нѣтъ, не дѣлай этого: слушайся отца, который сказалъ мнѣ, когда его схватили: „Спаси червонцы, они за печной вьюшкой“. Вотъ ты и спаси ихъ, потому что они—достояніе матери, бѣдной Сооткинъ.

Но Уленспигель не слушался ея и бросился къ тюрьмѣ, на порогъ которой сидѣла Сооткинъ. Съ рыданіями обняла она его, и такъ они плакали вмѣстѣ.

Народъ собрался вокругъ нихъ и стоялъ у тюрьмы. Тогда вышли оттуда стражники и приказали Уленспигелю и Сооткинъ сейчасъ убраться отсюда.

Мать съ сыномъ пошли къ дому Неле, который былъ рядомъ съ ихъ домомъ. Предъ ихъ домомъ былъ поставленъ одинъ изъ ландскнехтовъ, которыхъ вызвали изъ Брюгге, опасаясь безпорядковъ во время суда и расправы, ибо жители Дамме очень любили Клааса.

Ландскнехтъ сидѣлъ на крыльцѣ и тянулъ изъ бутылочки водку. Высосавъ все до дна, онъ пивынулъ фляжку, вытащилъ палашъ и сталъ имъ, развлекаясь, ковырять мостовую.

Сооткинъ, плача, вошла къ Катлинѣ.

И Катлина кивнула головой и сказала:

— Огонь, огонь! Пробейте дыру, душа хочетъ наружу.

LXX.

Колоколь, посящій имя „Градская буря“, звалъ судей въ засѣданіе. Они собрались въ Vierschare, въ четыре часа, подъ сѣнью судебной ливни.

Ввели Клааса, и онъ увидѣлъ передъ собой подъ балдахинномъ коменданта города Дамме, а по бокамъ его и напротивъ бургомистра, старшинъ и судебного писаря.

При звукѣ колокола сбѣгался народъ толпами. Многіе говорили:

— Не для того собрались судьи, чтобы творить правосудіе, но чтобы подслужиться императору.

Писарь объявилъ, что судъ, собравшійся здѣсь, въ предварительномъ засѣданіи постановилъ: въ виду и влѣдствіе донесеній и свидѣтельствъ о Клаасѣ угольщикѣ, родившемся въ Дамме, и мужѣ Сооткинъ, урожденной Юстенсъ, взять его подъ слѣдствіе и подвергнуть его личному задержанію. Теперь,—прибавилъ онъ,—судъ приступаетъ къ выслушанію свидѣтельскихъ показаній.

Первымъ давалъ показанія цырюльникъ Гансъ, сосѣдъ Клааса. Послѣ принесенія присяги, онъ заявилъ:

— Спасеніемъ моею души клянусь и завѣряю, что Клаасъ,

стоящій здѣсь передъ судомъ, извѣстенъ мнѣ около семнадцати лѣтъ, что жилъ онъ, какъ достопочтенный человекъ, по законамъ матери нашей святой католической церкви, что никогда онъ не говорилъ о ней оскорбительно, не давалъ пріюта еретикамъ, не пряталъ у себя лютеровыхъ книгъ и не говорилъ о таковыхъ и не совершалъ ничего, что позволяло бы подозрѣвать, что онъ нарушаетъ законы государства или постановленія властей. Такъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ и всѣ святые.

Затѣмъ предсталъ передъ судомъ Янъ ванъ-Роозебеке, показавшій, что во время отсутствія Сооткинъ, жены Клааса, онъ не разъ слышалъ доносившіяся изъ дома обвиняемаго два мужскихъ голоса, что не разъ послѣ вечерни онъ видѣлъ тамъ въ клѣтушкѣ на чердакѣ при свѣтѣ свѣчи въ бесѣдѣ двухъ человекъ, изъ коихъ одинъ былъ Клаасъ. Былъ ли другой еретикомъ или нѣтъ, онъ не знаетъ, такъ какъ смотрѣлъ на все это издали.—Что касается Клааса,—прибавилъ онъ,—то должно, по совѣсти, завѣрить, что онъ постился, какъ должно, по большимъ праздникамъ причащался Св. Таянъ, а по воскресеньямъ бывалъ у обѣдни, не считалъ праздника Св. Крови и слѣдующихъ недѣль. Больше ничего не имѣю сказать. Такъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ и всѣ святые.

Спрошенный, не присутствовалъ ли онъ въ трактирѣ „Синяя башня“ при томъ, какъ Клаасъ распродалъ тамъ индульгенцію, издѣваясь надъ чистилищемъ, Янъ ванъ-Роозебеке отвѣтилъ, что Клаасъ, дѣйствительно, продавалъ свое отпущеніе грѣховъ, но не выражалъ при этомъ пренебреженія или насмѣшки, и что онъ, Янъ ванъ-Роозебеке, купилъ кусочекъ индульгенціи, хотѣлъ купить также и Юстъ ванъ-Грейпстюверъ, старшина рыбаковъ, вонъ тамъ стоящій въ толпѣ.

Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель суда сообщилъ, что теперь онъ объявитъ тѣ проступки и дѣйствія Клааса, за которые онъ преданъ суду.

— Обвинитель, донесшій все суду,—сказалъ онъ,—остался случайно въ Дамме, такъ какъ не хотѣлъ расточать свои деньги на попойки и безпутства въ Брюгге, что обычно бываетъ во время такихъ церковныхъ торжествъ. Трезвый, онъ сидѣлъ у дверей своего дома и дышалъ свѣжимъ воздухомъ. Вотъ тутъ-то онъ и увидѣлъ человека, который шелъ по направлению къ жилищу Клааса; Клаасъ также замѣтилъ этого человека, пошелъ къ нему навстрѣчу и поздоровался съ нимъ. Человекъ былъ въ черной одеждѣ; онъ вошелъ въ домъ

Клааса, и дверь осталась полуоткрыта. Любопытствуя узнать, что это за человекъ, обвинитель прокрался въ прихожую и подслушалъ тамъ, что Клаасъ говорилъ въ кухнѣ съ пришедьцемъ: они разговаривали о братѣ Клааса, Іостѣ, который былъ захваченъ въ плѣнъ въ протестантскихъ войскахъ и за то былъ четвертованъ въ Ахенѣ. Посѣтитель говорилъ Клаасу, что деньги, полученные имъ, отобраны у бѣднаго невѣжественнаго народа и потому должны пойти на воспитаніе его сына въ лютеранской вѣрѣ. Онъ уговаривалъ Клааса покинуть лоно нашей матери, святой католической церкви, и произносилъ при этомъ другія безбожныя слова, на что Клаасъ отвѣчалъ только: „О, жестокіе палачи! Бѣдный мой братъ!“. Такимъ образомъ обвиняемый носилъ святого отца нашего, папу, и его королевское высочество, называя ихъ жестокосердыми, ибо вѣдь они по праву карали ересь, какъ оскорбленіе божескаго и человѣческаго величества. Когда посѣтитель поѣлъ, обвинитель слышалъ, какъ Клаасъ сказалъ: „Бѣдный Іостъ, успокоенный нынѣ въ лонѣ Господнемъ, какъ жестоко они поступили съ тобой!“. Такимъ образомъ онъ обвинилъ самого Господа Бога въ безбожін, выразивъ, что Господь Богъ приемлетъ въ лоно Свое еретиковъ. И Клаасъ все твердилъ: „Бѣдный мой братъ!“. Тогда посѣтитель пришелъ въ гнѣвъ, возглашалъ и проповѣдывалъ, какъ подлинный ересіархъ: „Рухнетъ великій Вавилонъ, римская блудница, и станетъ обиталищемъ всѣхъ дьяволовъ и пристанищемъ всякой нечисти“. Клаасъ говорилъ: „Жестокіе палачи! Бѣдный мой братъ!“. А посѣтитель продолжалъ: „Ибо ангелъ возьметъ камень величиной съ жерновъ и броситъ его въ море и скажетъ: такъ будетъ низвергнуть Вавилонъ, и сотрутся слѣды его!“— „Ахъ, господинъ, — сказала Клаасъ: — уста ваши исполнены гнѣва; но скажите мнѣ, когда же воцарится такая власть, при которой смогутъ спокойно жить на землѣ мирные люди?“— „Никогда, — отвѣтилъ посѣтитель, — пока длится царствіе антихриста, онъ же папа римскій и врагъ истины“.— „Ахъ, — сказала Клаасъ, — вы говорите неуважительно о нашемъ святомъ отцѣ. Онъ, навѣрное, ничего не знаетъ о безчеловѣчныхъ наказаніяхъ, коимъ подвергаютъ бѣдныхъ лютеранъ“. Посѣтитель отвѣтилъ: „Онъ знаетъ обо всемъ очень хорошо, ибо онъ сотнями изрекаетъ приговоры, императоръ — и теперь король — приказываетъ ихъ исполнить, получая при этомъ выгоду отъ конфискацій, наследуя имущество казненныхъ — и оттого такъ охотно преслѣдуютъ богатыхъ за ересь.“ Клаасъ отвѣтилъ: „Такъ говорятъ во Фландрін, и приходится вѣрить; плоть человѣческая слаба,

даже если это плоть императорская. Ахъ, бѣдный Юстъ!⁴. Такимъ образомъ Клаасъ выразилъ, что его величество преслѣдуетъ еретиковъ изъ гнуснаго сребролюбія. Посѣтитель собирался подкрѣпить его въ этой мысли, но Клаасъ замѣтилъ: „Пожалуйста, господинъ, не держите при мнѣ такихъ рѣчей, ибо, если ихъ кто-либо услышитъ, это навлечетъ на меня бѣду“.

Затѣмъ Клаасъ поднялся и пошелъ въ погребъ, откуда вернулся съ кружкой пива. „Запру дверь“, — сказалъ онъ. И дальше обвинитель ужъ ничего не слышалъ, такъ какъ ему пришлось выскочить изъ дома. Когда спустилась ночь, дверь опять была отперта. Посѣтитель вышелъ, но вскорѣ однако вернулся, постучался и сказалъ: „Клаасъ, мнѣ холодно, я не знаю, гдѣ переночевать, пріюти меня. Никто не видитъ, что я вошелъ къ тебѣ; городъ точно вымеръ“. Клаасъ впустилъ его, зажегъ фонарь, и видно было, какъ онъ ведетъ еретика по лѣстницѣ на чердакъ въ клѣтушку, окно которой выходитъ на поле.

— Кто могъ все это такъ подсмотреть? — воскликнулъ Клаасъ:—это, конечно, ты, негодяй рыбникъ; я видѣлъ, какъ ты въ воскресенье столбомъ стоялъ передъ своимъ домомъ и притворялся, что смотришь на полетъ ласточекъ.

И Клаасъ пальцемъ указалъ на Юста Грейпстювера, старшину рыбниковъ, гнусная рожа котораго высывалась изъ толпы.

Рыбникъ злобно засмѣялся, услышавъ, какъ Клаасъ выдалъ себя, и всѣ люди: мужчины, женщины, дѣвушки, говорили между собой:—Бѣдняга, эти слова будутъ ему стоить жизни.

Но писарь продолжалъ:

— Эту ночь еретики и Клаасъ долго бесѣдовали другъ съ другомъ и также слѣдующія шесть ночей, и видно было во время этихъ бесѣдъ, какъ посѣтитель дѣлаетъ какіе-то жесты, то угрожающіе, то какъ бы благословляющіе. Онъ воздымалъ такъ же руки къ небесамъ, какъ обычно дѣлаютъ еретики, и Клаасъ, очевидно, одобрялъ все это. Въ теченіе этихъ дней, вечеровъ и ночей они, конечно, носили св. мессу, исповѣдь, отпущеніе грѣховъ и его королевское величество...

— Никто этого не слышалъ, — закричалъ Клаасъ:—нельзя меня такъ обвинять безъ доказательствъ!

Писарь отвѣтилъ: — Слышали другое. Когда на седьмой день, уже въ десятомъ часу, когда совсѣмъ стемнѣло, приплецъ покинулъ твой домъ, ты провожалъ его до межи Катлининаго поля; здѣсь онъ спросилъ, — при этомъ судья пере-

крестился, — что сдѣлалъ ты со своими идолами, имѣя въ виду образа Мадонны, св. Николая и св. Мартина. Ты отвѣтилъ, что изрубилъ ихъ и выбросилъ въ колодець. Тамъ они и были найдены, и обломки находятся въ судѣ.

При этихъ словахъ Клаасъ чуть не лишился сознанія. Его спросили, можетъ ли онъ возразить что-нибудь на это, и Клаасъ отрицательно покачалъ головой.

Судья спросилъ его, не отрекается ли онъ отъ преступнаго недомыслия, по коему онъ уничтожилъ священные изображенія, и не откажется ли отъ безбожныхъ заблужденій, по которымъ онъ произносилъ оскорбительныя выраженія противъ его Божественнаго Величества и его королевскаго величества.

Клаасъ отвѣтилъ, что тѣло его во власти его королевскаго величества, но совѣсть служить Христу, завѣту Котораго онъ слѣдуетъ. Судья спросилъ, есть ли это завѣтъ матери нашей, святой римской церкви. Клаасъ отвѣтилъ:

— Это завѣтъ святого Евангелія.

Спрошенный, признаётъ ли онъ папу намѣстникомъ Господа на землѣ, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

Спрошенный, отвергаетъ ли онъ служеніе св. иконамъ, онъ отвѣтилъ утвердительно.

Спрошенный, исповѣдуетъ ли онъ, что въ тайной исповѣди благо и спасеніе, онъ отвѣтилъ:

— Христосъ сказалъ: „исповѣдуйтесь другъ передъ другомъ“.

И, давая свои отвѣты, онъ въ глубинахъ своего сердца былъ потрясенъ и испуганъ.

Когда пробило восемь часовъ и спустился вечеръ, судьи удалились и отложили произнесеніе окончательнаго приговора на завтра.

LXXI

Въ домикѣ Катлины, обезумѣвъ отъ скорби, рыдала Сооткинъ, неустанно твердя только:

— Мой мужъ! Мой бѣдный мужъ!

Уленспигель и Неде обнимали и утѣшали ее съ безконечною нѣжностью. И она прижала ихъ обоихъ къ себѣ и только тихо всхлипывала.

Потомъ она знакомъ приказала имъ оставить ее одну, и Неде сказала Уленспигелю:

— Уйдемъ, если она такъ хочетъ, и спасемъ червонцы.

Они вышли, а Катлина пробралась къ Сооткинъ и повторила:

— Пробейте дыру! Душа рвется наружу.

И Сооткинъ смотрѣла на нее остановившимся взглядомъ, не видя ея.

Дома Клааса и Катлины стояли рядомъ, только домъ Клааса отступалъ немного, и передъ нимъ былъ палисадникъ, а предъ домомъ Катлины засаженный бобами огородъ, окруженный живой изгородью, въ которой Уленспигель, чтобъ ходить къ Неле, и Неле, чтобъ ходить къ Уленспигелю, еще въ дѣтствѣ продѣлали дыру.

Войдя въ огородъ, они увидѣли на крыльцѣ солдата, поставленнаго для охраны. Его голова тряслась и, когда онъ плюнулъ въ воздухъ, плевокъ упалъ на его камзолъ. Передъ нимъ на дорогѣ лежала оплетенная фляжка.

— Неле, — тихонько сказалъ Уленспигель, — этотъ пьяный солдатъ вынесетъ еще глотокъ, а выпьетъ онъ что-нибудь, тогда мы хозяева. Возьмемъ фляжку.

Услышавъ ихъ шопотъ, ландскнехтъ повернулъ къ нимъ свою тяжелую голову, поискалъ свою бутылку и, не найдя ея, продолжалъ плевать, стараясь разглядѣть при лунномъ свѣтѣ свои плевки.

— Налить водкой вилоть до зубовъ, — сказалъ Уленспигель: — слышишь, съ какимъ трудомъ онъ отплевывается?

Наплевавшись вдосталь, солдатъ снова протянулъ руку къ фляжкѣ. Онъ нашелъ ее, приналъ ртомъ къ ея горлышку, откинулъ голову назадъ, перелилъ ея содержимое въ глотку, похлопалъ пальцами по ея донышку, чтобы добыть послѣднія капли, и прильнулъ къ ней, какъ дитя къ материнской груди. Не найдя ничего, онъ примирился съ неизбѣжнымъ, поставилъ бутылку подлѣ себя, громко выругался по-нѣмецки, снова плюнулъ, покачалъ головой и заснулъ, несвязно бормоча „Отче нашъ“.

Уленспигель зналъ, что этотъ сонъ непродолжителенъ, и что надо его углубить. Поэтому онъ пролѣзъ чрезъ дыру въ изгороди, взялъ фляжку и передалъ Неле, которая наполнила ее водкой.

Солдатъ все храпѣлъ. Уленспигель вернулся, поставилъ полную фляжку между его ногъ, опять скользнулъ въ огородъ Катлины и ждалъ, стоя съ Неле у изгороди, что будетъ дальше.

Холодъ вновь наполненной фляжки разбудилъ солдата, и первое движеніе его было нащупать, что это такое холодитъ его ноги сквозь штаны.

По пьяному вдохновенію онъ рѣшилъ, что фляжка полна, и взялся за нее. Уленспигель и Неле видѣли при лунномъ

свѣтъ, какъ онъ встряхиваетъ фляжку, чтобы увѣриться, что въ ней что-то есть, какъ онъ усмѣхался, удивился, сперва попробовалъ чуточку, потомъ хватилъ чудовищный глотокъ, поставилъ фляжку, потомъ опять взялъ и пилъ, и пилъ. Потомъ онъ заплѣлъ пѣсню. Потомъ, попеременно потягивая изъ фляжки и напѣвая, онъ сталъ засыпать. И онъ ужъ не могъ ни слышать, какъ Неле проговорила:— „Они въ горшкѣ за вьюшкой“,—ни видѣть, какъ Уленспигель пробрался черезъ сарай въ кухню, отодвинулъ вьюшку, нашель горшокъ съ червонцами, возвратился въ домъ Катлины и засунулъ здѣсь деньги въ стѣнку колодца, потому что онъ зналъ, что искать ихъ будутъ не во дворѣ, а въ домѣ.

Потомъ они вернулись къ Сооткинъ и застали несчастную женщину въ слезахъ и вздыхающей:

— Мой мужъ, мой бѣдный мужъ!

И они провели подлѣ нея безъ сна всю ночь до утра.

LXXII.

На слѣдующее утро колоколь звонкими ударами созвалъ судей въ засѣданіе суда Vierschare.

Усѣвшись на четырехъ скамьяхъ вокругъ судебной липы, они опять спрашивали Клааса, отрекается ли онъ отъ своихъ заблужденій.

Клаасъ поднялъ руки къ небу и сказалъ:

— Христосъ Господь мой взираетъ на меня съ высоты. Я узрѣлъ свѣтъ Его, когда сынъ мой Уленспигель,—гдѣ онъ теперь, бродяга?—родился на свѣтъ Божій. И ты, Сооткинъ, кроткая подруга моя, найдешь ли ты силу бороться съ горемъ?

И, взглянувъ на липу, подъ сѣнью которой собирался судъ, онъ сказалъ, проклиная ее:

— Солнце жаркое и вѣтеръ могучій! Лучше бы вы засушили всѣ деревья въ землѣ нашихъ отцовъ, чѣмъ смотрѣть, какъ подъ ихъ сѣнью кладутъ на плаху свободу совѣсти. Гдѣ ты, сынъ мой, Уленспигель? Я былъ суровъ съ тобой. Господа судьи, скажитесь судите меня милостиво, какъ судилъ бы Господь Богъ нашъ въ предвѣчной Своей благодати!

И всѣ, слышавшіе это, плакали, кромѣ судей.

Потомъ онъ спросилъ, ждатель ли ему прощенія:

— Всю жизнь я много работалъ и мало зарабатывалъ; я былъ добръ къ бѣднякамъ и ласковъ со всѣми. Я покинулъ римскую церковь, повинувшись благодати Господней, возгласившей ко мнѣ. И объ одной милости молю я: замѣнить сожженіе пожизненнымъ изгнаніемъ изъ Фландріи, ибо и это наказаніе достаточно тяжело для меня.

— Сжальтесь, господа судьи, — кричалъ народъ, — поми-
луйте его!

Только Юстъ Грейпстюверъ среди всѣхъ присутствующихъ
молчалъ.

Судья знакомъ приказалъ всѣмъ умолкнуть и заявилъ, что
указы ясно воспрещаютъ просить о помилованіи еретиковъ;
если же Клаасъ согласенъ отречься отъ своихъ заблужденій,
то сожженіе можетъ ему быть замѣнено повѣшеніемъ.

Народъ однако говорилъ:

— Костеръ или веревка—все равно смерть.

И женщины плакали, а мужчины глухо роптали.

Но Клаасъ сказалъ:

— Я ни отъ чего не буду отречься. Дѣлайте съ моимъ
тѣломъ то, что вамъ подскажетъ ваша милость.

И Тительманъ, каноникъ города Ренз, воскликнулъ:

— Это невыносимо—видѣть, какъ этакое еретическое ни-
чтожество поднимаетъ голову предъ судьями! Сжечь тѣло—
это видъ ничтожное наказаніе: душу надо спасти, а ее только
пыткой можно принудить отречься отъ заблужденій, дабы не
быть свидѣтелемъ опаснаго зрѣлища, какъ умираютъ ере-
тики, не принявшіе окончательнаго раскаянія.

При этихъ словахъ женщины зарыдали еще громче, а
мужчины говорили:

— Онъ видъ во всемъ признался; ему слѣдуетъ наказаніе,
но не пытка!

Судь рѣшилъ, что законы не предусматриваютъ въ этомъ
случаѣ пытки и что нѣтъ основанія подвергать Клааса этому
наказанію. Призванный еще разъ отречься отъ заблужденій,
онъ отвѣтилъ:

— Не могу!

И Клаасъ, на основаніи указовъ, былъ признанъ винов-
нымъ: въ симоніи, такъ какъ онъ продавалъ индульгенцію,
равнымъ образомъ въ ереси и укрывательствѣ еретиковъ; и
въ виду этого присужденъ къ пребыванію на кострѣ до тѣхъ
поръ, пока не послѣдуетъ смерть. Казнь совершена будетъ
предъ дверьми ратуши.

Тѣло его будетъ въ теченіе двухъ дней выставлено у по-
зорнаго столба, служа устрашающимъ примѣромъ, а затѣмъ
будетъ погребено тамъ, гдѣ всегда хоронятъ казненныхъ.

Судь присудилъ доносчику Юсту Грейпстюверу, имя кото-
раго однако не было названо, пятьдесятъ флориновъ на сто
первыхъ флориновъ наслѣдства и по десять флориновъ на
каждую слѣдующую сотню.

Выслушавъ этотъ приговоръ, Клаасъ обратился къ рыбнику:

— Ты умрешь когда-нибудь нехорошей смертью, злодѣй, изъ-за гроша дѣлающій вдову изъ счастливой жены и бѣднаго сироту изъ веселаго сына.

Судьи не мѣшали Клаасу говорить, ибо всѣ они, кромѣ Тительмана, отнеслись съ безмѣрнымъ презрѣніемъ къ доно- сительству рыбака.

Онъ пожелтѣлъ и позеленѣлъ отъ стыда и злобы.

А Клааса отвели обратно въ тюрьму.

LXXIII.

На слѣдующій день, наканунѣ дня казни Клааса, объ этомъ приговорѣ узнали Неле, Уленспигель и Сооткинъ.

Они просили у судей позволенія пройти въ тюрьму, и это было имъ позволено, кромѣ Неле.

Войдя, они увидѣли, что Клаасъ прикованъ длинной цѣпью къ стѣнѣ. Такъ какъ было сыро, то въ печи горѣлъ огонекъ. Ибо законъ фландрскій предписываетъ обращаться хорошо съ присужденными къ смерти, доставляя имъ хлѣбъ, мясо или сыръ и вино. Но жадные тюремщики часто нарушаютъ этотъ законъ, и многіе изъ нихъ нерѣдко сѣдаютъ лучшую долю ѣды, предназначенной для бѣдныхъ узниковъ.

Со стѣнами обнялъ Клаасъ жену и сына, но онъ принудилъ себя,—и глаза его стали сухи, какъ и пристойно было ему, мужу и главѣ семьи.

Сооткинъ рыдала, а Уленспигель вскрикнулъ:

— Разобью эти проклятыя оковы!

И, все плача, Сооткинъ сказала:

— Я пойду къ королю Филиппу, онъ помилуешь тебя.

Но Клаасъ отвѣтилъ:

— Король получаетъ наслѣдство послѣ мучениковъ.—И онъ прибавилъ:—Милая моя жена, дорогой сынъ! Въ мукѣ и тоскѣ я покину этотъ міръ. Не говоря ужъ о томъ, что я боюсь страданій, предстоящихъ моему тѣлу, меня удручаетъ мысль о томъ, что, когда меня не станетъ, вы останетесь нищими, ибо вѣдь король все заберетъ себѣ!

Уленспигель отвѣтилъ шопотомъ:

— Вчера мы съ Неле все спрятали.

— Очень радъ этому,—сказалъ Клаасъ:— доносчикъ не сможетъ издѣваться надъ моимъ прахомъ.

— Чтобъ онъ издохъ,—сказала Сооткинъ, и взглядъ ея сухихъ глазъ былъ исполненъ ненависти.

Но Клаасъ все думалъ о червонцахъ.

— Молодецъ, мой мальчикъ,—сказалъ онъ,—значить, не придется на старости лѣтъ голодать вдовѣ моей Сооткинъ.

И Клаасъ поцѣловалъ ее, крѣпко прижавъ къ груди, и она залилась слезами при мысли, что вскорѣ лишится его любовной поддержки.

Обратившись къ Уленспигелю, сказалъ Клаасъ:

— Сынъ мой, ты много грѣшилъ, шатаясь, подобно сквернымъ мальчишкамъ, по большимъ дорогамъ. Больше не дѣлай этого, мой мальчикъ, не оставляй одну дома эту согбенную вдову. Ты—мужчина и долженъ быть ей опорой и защитой.

— Буду, отецъ,—отвѣчалъ Уленспигель.

— О, бѣдный мой мужъ,—рыдала Сооткинъ на его шею:— чѣмъ мы такъ согрѣшили? Мы жили мирно, скромно, дружно, Ты, Господи, видишь. Мы вставали до разсвѣта, чтобы трудиться, и вечеромъ ѣли хлѣбъ нашъ насущный, вознося Тебѣ благодарность. Я пойду къ королю и разорву его своими ногтями. О, Господи, поистинѣ мы ни въ чемъ не провинились.

Но вошелъ тюремщикъ и приказалъ имъ уходить.

Сооткинъ просила позволенія остаться. Клаасъ чувствовалъ, какъ горитъ ея бѣдное лицо у его лица, онъ чувствовалъ, какъ по его щекамъ катятся градомъ ея слезы, и какъ дрожить и трепещетъ въ его рукахъ ея бѣдное тѣло. И онъ тоже просилъ позволить ей остаться съ нимъ.

Но тюремщикъ вторично приказалъ имъ уйти и вырвалъ Сооткинъ изъ объятий Клааса.

— Береги ее,—сказалъ Клаасъ сыну.

Тотъ обѣщалъ; Сооткинъ съ Уленспигелемъ вышли, и сынъ поддерживалъ мать.

LXXIV.

На слѣдующій день, день казни, пришли сосѣди и, изъ состраданія, заперли Уленспигеля, Сооткинъ и Неле въ домъ Катлины.

Но они не подумали о томъ, что тѣ могутъ издали слышать вопли страдальца и въ окна видѣть отблескъ костра.

Катлина бродила по городу, качала головой и приговаривала:

— Пробейте дыру! Пробейте дыру! Душа рвется наружу!

Въ девять часовъ утра Клаасъ въ рубахѣ, со связанными назади руками, былъ выведенъ изъ тюрьмы. Согласно приговору, костеръ былъ устроенъ въ улицѣ Богоматери, у столба, прямо противъ входа въ ратушу. Палачъ съ помощниками еще не кончили укладывать полѣнья.

Клаасъ, окруженный стражей, ждалъ терпѣливо, пока они

кончатъ свою работу, а профось верхомъ на конѣ и стражники и девять вызванныхъ изъ Брюгге ландскнехтовъ съ трудомъ удерживали волнующуюся толпу.

Всѣ кричали, что безчеловѣчно убивать такъ несправедливо на старости лѣтъ такого кроткаго, добраго, трудолюбиваго и честнаго человѣка.

И вдругъ всѣ упали на колѣни и начали молиться: съ колокольной собора Богоматери раздался первый ударъ погребального звона.

Катлина тоже стояла въ толпѣ, въ первомъ ряду, совершенно обезумѣвшая смотрѣла на Клааса и вскрикивала:

— Огонь, огонь! Пробейте дыру!

Услышавъ колокольный звонъ, Сооткинъ и Неле крестились, но Уленспигель объявилъ, что не станетъ больше поклоняться Господу Богу по образцу этихъ палачей. Онъ метался по дому, пытаясь взломать двери или выскочить изъ окна, но все было накрѣпко заперто.

Вдругъ Сооткинъ вскрикнула и уткнула лицо въ передникъ:

— Дымъ!

И дѣйствительно, несчастные увидѣли большое черное облако дыма, вздымающееся къ небу. Онъ подымался съ костра, на которомъ стоялъ Клаасъ, привязанный къ столбу, и который поджегъ съ трехъ сторонъ палачъ.

Клаасъ посмотрѣлъ вокругъ, и когда онъ не увидѣлъ въ толпѣ ни Уленспигеля ни Сооткинъ, стало легче на душѣ, что они не увидятъ его страданій.

И слышно было только, какъ молится Клаасъ и трещитъ горящее дерево, какъ ронзуютъ мужчины и всхлипываютъ женщины. Катлина вскрикивала:

— Уберите огонь! Пробейте дыру! Душа рвется наружу!

И съ колокольной разносился погребальный перезвонъ.

Вдругъ Сооткинъ стала бѣлѣе снѣга, затряслась всѣмъ тѣломъ и, уже не плача, пальцемъ показала на небо. Длинный, тонкій языкъ пламени вырвался изъ костра, временами поднимаясь надъ крышами низкихъ домовъ. И Клаасъ страдалъ невыносимо, ибо этотъ огненный языкъ, по прихоти вѣтерка, то обвивался вокругъ его ногъ, то лизалъ его дымящуюся бороду, то поджигалъ волосы на головѣ.

Уленспигель охватилъ мать руками, стараясь оторвать ее отъ окна. Они услышали пронзительный крикъ—это кричалъ Клаасъ, тѣло котораго горѣло съ одной только стороны. Потомъ онъ умолкъ, и слезы лились изъ его глазъ и залили всю грудь.

Потомъ Сооткинъ и Уленспигель слышали громкій крикъ толпы. Это граждане, женщины и дѣти кричали:

— Клаасъ присужденъ къ сожженію, но на большомъ огнѣ, а не на медленномъ! Палачъ, раздуѣ костеръ!

Палачъ послушался, но пламя все было жидко.

— Задуши его!—кричали они.

И въ профоса полетѣли камни.

— Огонь, огонь!—вскрикнула Сооткинъ. И дѣйствительно, большое красное пламя поднялось среди дыма къ небу.

— Теперь онъ умираетъ,—говорила вдова:—Господи Боже, пріими эту невинную душу въ милосердіи Твоемъ... Гдѣ король?—я бы ногтями вырвала у него сердце!

Колокола звонили протяжно.

Сооткинъ слышала еще страшный крикъ Клааса, но она не видѣла, какъ отъ муки скорчилось его тѣло, какъ искажилось его лицо, какъ билась во все стороны его голова, ударяясь о столбъ. Все кричало и свистало народъ, женщины и дѣти бросали камни; вдругъ вспыхнулъ разомъ весь костеръ, и все слышали изъ-за дыма и пламени голосъ Клааса:

— Сооткинъ! Тиль!

И голова его тяжело упала на грудь, точно свинцовая.

И жалобный пронзительный крикъ донесся изъ домика Катлины—и все смолкло; только бѣдная сумасшедшая качала головой и приговаривала:

— Душа рвется наружу!

Клаасъ умеръ. Выгорѣвшій костеръ разсыпался, тѣла у подножья столба, на которомъ скорчилось обугленное тѣло, привязанное за шею.

Съ колокольни собора Богоматери неся погребальный звонъ.

LXXV.

Въ домѣ Катлины, выпрямившись, у стѣны, стояла неподвижно Сооткинъ; не говоря ни слова, не плача, она охватила руками Уленспигеля.

И онъ молчалъ. Онъ съ ужасомъ чувствовалъ, какимъ лихорадочнымъ огнемъ горитъ тѣло матери.

Пришли сосѣди съ казни и рассказали, что Клаасъ скончался.

— Онъ отошелъ къ праведникамъ,—сказала Сооткинъ.

— Молись!—сказала Неле Уленспигелю. И она дала ему свои четки, но онъ отвергъ ихъ, потому—сказалъ онъ—что они освящены напой.

Пришла ночь.

— Мать, — сказалъ Уленспигель, — прилягъ въ постель, и буду сидѣть подлѣ тебя.

— Незачѣмъ тебѣ сидѣть. Молодымъ людямъ нуженъ сонъ. Неже постлала обоимъ въ кухнѣ и ушла.

Они остались вдвоемъ; въ печи тлѣли дрова. Сооткинъ легла, Уленспигель тоже, — но онъ слышалъ, какъ она плачетъ подь одѣяломъ.

На дворѣ въ ночномъ молчаніи шумѣли деревья у канала, точно волны морскія, и предвѣстникъ осени, порывистый вѣтеръ, бился въ окна.

Уленспигель почувствовалъ, какъ будто кто-то ходитъ. Онъ слышалъ въ кухнѣ звукъ шаговъ, посмотрѣлъ, но уже никого не было. Онъ прислушался, но слышалъ только, какъ вѣтеръ гудитъ въ трубѣ и Сооткинъ всхлипываетъ подь одѣяломъ.

И снова онъ услышалъ вокругъ себя шаги и у самой головы свой вздохъ. — Кто тамъ? — спросилъ онъ.

Отвѣта не было, но раздалось три удара о столъ. Уленспигель испугался и, дрожа, снова спросилъ: — Кто тамъ? — Опять никто не отвѣтилъ, опять послышались удары по столу. И онъ почувствовалъ, что двѣ руки охватываютъ его, и что чье-то тѣло склоняется надъ нимъ. Его коснулась обожженная кожа, въ груди нагнувшейся фигуры была большая дыра, и отъ нея сильно несло горѣлымъ.

— Отецъ, — сказалъ Уленспигель, — это твое бѣдное тѣло легло на меня?

Отвѣта не было, и хотя тѣнь стояла подлѣ него, онъ услышалъ за окномъ зовъ: — Тиль! Тиль!

Вдругъ Сооткинъ поднялась, подошла къ постели Уленспигеля и спросила: — Ты не слышишь?

— Слышу, — отвѣтилъ онъ: — отецъ зоветъ меня.

— Я чувствовала подлѣ себя холодное тѣло, — сказала Сооткинъ: — простыни двигались, пологъ шевелился, и я слышала голосъ: — „Сооткинъ!“ Но голосъ былъ тихій, точно полетъ комара.

И, обратившись къ духу Клааса, она сказала:

— Мужъ мой! Если на небесахъ, куда вознесся ты теперь въ лоно праведниковъ, тебѣ нужно что-нибудь, скажи намъ, чтобы мы могли исполнить твое желаніе.

Вдругъ порывъ вѣтра распахнулъ дверь и наполнилъ комнату пылью. И Уленспигель и Сооткинъ услышали: вдали каркали вороны.

Они вышли вмѣстѣ и пришли къ костру.

Ночь была темна. Лишь изрѣдка облака, стремительно,

точно олени, гонимыя порывистымъ сѣвернымъ вѣтромъ по небу, вдругъ открывали на мгновение звѣздочку.

У костра ходилъ стражникъ. Уленспигель и Сооткинъ слышали удары его шаговъ по твердой землѣ и крики ворона, который, должно-быть, звалъ другихъ, потому что издали отвѣчало ему карканье.

Когда Уленспигель и Сооткинъ подошли къ костру, воронъ опустился на плечо Клааса; и они слышали, какъ клювъ его копаются въ трунѣ. Тутъ прилетѣло и прочее воронье.

Уленспигель бросился-было на костеръ разогнать воронъ, но стражникъ остановилъ его:

— Эй, колдунъ, ты ищешь руки казненнаго? Но вѣдь руки сожженнаго не дѣлаютъ невидимкой: невидимкой дѣлаютъ только руки повѣшеннаго, какимъ и ты будешь когда-нибудь.

— Господинъ стражникъ, — отвѣтилъ Уленспигель, — я не колдунъ, а осиротѣвшій сынъ того, кто тамъ виситъ на столбѣ, а эта женщина — его вдова. Мы хотимъ приложиться къ его тѣлу и взять на память частицу его праха. Разрѣшите намъ это. Вы вѣдь не чужестранный наемникъ, а сынъ этой страны.

— Будь по-твоему, — отвѣтилъ стражникъ.

Сирота и вдова поднялись по обугленнымъ полѣньямъ къ труну и, рыдая, цѣловали лицо Клааса. И тамъ, гдѣ, на мѣстѣ сердца, пламя выжгло большую дыру, сынъ взялъ немножко пепла. Потомъ, ставъ на колѣни, они молились. Когда блѣдная заря разсвѣта показалась на небѣ, они были еще у костра; но теперь стражникъ прогналъ ихъ, боясь, какъ бы ему не досталось за его снисходительность.

Дома Сооткинъ взяла кусочекъ чернаго и кусочекъ краснаго шелка и сшила мѣшочекъ и всыпала въ него пепель. Къ мѣшочку пришила она двѣ ленточки, чтобы Уленспигель могъ носить его на шеѣ. И, надѣвъ на него, она сказала:

— Пусть этотъ пепель, который былъ сердцемъ моего мужа, въ красномъ, подобномъ его крови, и въ черномъ, подобномъ нашей скорби, будетъ вѣчно на твоей груди, какъ пламя мести его палачамъ.

— Да будетъ такъ, — сказала Уленспигель.

И вдова поцѣловала сироту. И взошло солнце

LXXVI.

На другой день пришли общинные стражники и глашатаи къ дому Клааса, вынести его имущество на улицу и продать съ молотка. Изъ дома Катлины видѣла Сооткинъ, какъ вы-

носятъ изъ дому желѣзную колыбель съ мѣдными украшеніями, которая переходила отъ отца къ сыну въ домъ Клааса, гдѣ родился несчастный мученикъ и потомъ Уленспигель. Затѣмъ они снесли кровать, въ которой она зачала сына и столько сладкихъ ночей провела на плечѣ своего мужа. За кроватью шелъ ящикъ для хлѣба, горшокъ, въ которомъ въ доброе время сохранялось мясо, потомъ сковороды, кастрюли и прочая утварь. Но все это не блестяло, какъ въ счастливыя времена, но, заброшенное, потемнѣло и покрылось пылью. И Сооткинъ вспомнила о семейныхъ пиршествахъ, на запахъ которыхъ сходились сосѣди.

Затѣмъ послѣдовали боченокъ и полубоченокъ „простого“ и „двойного“ и корзинка съ тремя, по малой мѣрѣ, десятками бутылокъ вина. Все это было вытащено на улицу — все до послѣдняго гвоздя, который — и это слышала бѣдная вдова — съ трескомъ вытащили изъ стѣны.

Безъ слезъ и безъ криковъ сидѣла она и въ отчаяніи, молча смотрѣла, какъ уносятъ ея скромное богатство. Глашатай зажегъ свѣчу и сталъ распродавать мебель. Прежде чѣмъ доторѣла свѣча, все задешево купилъ старшина рыбаковъ, чтобы дальше пустить въ продажу. Онъ, видимо, упивался всѣмъ этимъ, точно ласка, высасывающая куриный мозгъ.

— Погоди, не долго ты будешь смѣяться, убійца, — говорить про себя Уленспигель.

Торги однако кончились, и общинные стражники перерыли весь домъ, но червонцевъ не нашли. Рыбникъ кричалъ:

— Вы плохо ищете; я навѣрное знаю, что у Клааса полгода назадъ было ихъ семьсотъ штукъ.

— Не получишь, убійца, — говорилъ про себя Уленспигель.

Вдругъ Сооткинъ обернулась къ нему и сказала:

— Доносчикъ! — и пальцемъ указала на рыбака.

— Знаю.

— Потерпишь ты, чтобы онъ унаслѣдовалъ кровь твоего отца?

— Я готовъ лучше цѣлый день страдать въ застѣнкѣ, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Я тоже. Но не выдай меня изъ состраданія, въ какихъ бы мукахъ ты меня ни видѣлъ.

— Ты женщина! — сказала она.

— Дурачокъ, — отвѣтила она: — я родила тебя и умѣю страдать. Но если я увижу твои муки... — она поблѣднѣла: — я буду молиться Дѣвѣ Маріи, которая видѣла Своего Сына на крестѣ.

Она плакала и ласкала Уленспигеля.

Такъ заключили они союзъ ненависти и силы.

LXXVII.

Рыбнику пришлось уплатить лишь половину, — другая половина была платой за его доносъ, — пока не найдутъ семьсотъ червонцевъ, которые толкнули его на эту подлость.

Сооткинъ проводила ночи въ слезахъ, а днемъ работала по дому. Часто слышала Уленспигель, какъ она разговариваетъ сама съ собой и говоритъ:

— Если деньги достанутся ему, я покончу съ собой.

Такъ какъ онъ и Неле видѣли, что она и сдѣлаетъ такъ, какъ говоритъ, то они всѣми способами старались заставить ее переѣхать въ Вальхеренъ, гдѣ у нея были родственники. Но она отвѣчала, что ей незачѣмъ убѣгать отъ червей, которые скоро будутъ глотать ея вдовьи кости.

Между тѣмъ рыбникъ опять отправился по начальству и сообщилъ тамъ, что покойникъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получилъ семьсотъ червонцевъ, что былъ онъ скупъ, тратилъ мало и потому не могъ издержать столь большую сумму, но гдѣ-либо спряталъ ее.

Судья спросилъ его, что ему сдѣлали Уленспигель и Сооткинъ, что онъ отнял у сына отца, у жены мужа, и теперь такъ упорно преслѣдуетъ ихъ.

Рыбникъ отвѣтилъ, что онъ, какъ почтенный гражданинъ города Дамме, желаетъ заставить уважать законы государства и такимъ образомъ заслужить милость его величества.

При этомъ онъ подалъ письменный доносъ, гдѣ обозначалъ свидѣтелей, которые сообразно истинѣ, хоть и противъ воли, покажутъ, что онъ не лжетъ.

Совѣщаніе старшинъ выслушало эти показанія и признало, что улики, собранныя имъ, въ полной мѣрѣ оправдываютъ примѣненіе пытки. Посему они приказали произвести вторичный обыскъ въ домѣ обвиняемыхъ, а равно заключить послѣднихъ въ городскую тюрьму. Здѣсь мать и сынъ должны были ждать прибытія слѣбно вызваннаго изъ Брюгге палача.

Когда Уленспигель и Сооткинъ шли черезъ городъ со связанными сзади руками, рыбникъ стоялъ на порогѣ и смотрѣлъ на нихъ.

И обыватели Дамме тоже стояли у своихъ дверей. Матиссенъ, ближайшій сосѣдъ рыбника, слышалъ, какъ Уленспигель, проходя, сказалъ доносчику:

— Прокляни тебя Господь, вдовій палачъ!

А Сооткинъ прибавила:

— Ты умрешь нехорошей смертью, грабитель сиротъ!

Увидѣвъ, что вдову и ея сына ведутъ въ тюрьму не не-

вому доносу Грейпстювера, обыватели накинулись на него съ яростными криками и вечером выбили стекла въ его домѣ. А дверь его вымазали навозомъ.

И онъ не смѣлъ выйти изъ дому.

LXXVIII.

Къ десяти часамъ утра Уленспигеля и Сооткинъ привели въ застѣнокъ. Здѣсь были судья, писарь, старшины, палачъ изъ Брюгге съ помощникомъ и лѣкарь.

Судья спросилъ Сооткинъ, не утаила ли она какого-либо имущества, принадлежащаго императору. Она отвѣтила, что у нея нѣтъ ничего и что она ничего не могла утаить.

— А ты?—спросилъ судья Уленспигеля.

— Семь мѣсяцевъ тому назадъ,—отвѣтилъ онъ,—мы получили семьсотъ червонцевъ. Часть мы издержали; гдѣ находятся остальные, я не знаю. Думаю, что прохожій, посѣтившій нашъ домъ на наше несчастіе, унесъ остальные; съ тѣхъ поръ я денегъ не видѣлъ.

Судья спросилъ, настаиваютъ ли они на томъ, что они невинны.

Они отвѣтили, что не прятали никакихъ денегъ, принадлежащихъ императору.

Тогда судья сказалъ печально и настойчиво:

— Улики противъ васъ велики, обвиненіе представляется основательнымъ; если вы не сознаетесь, вамъ придется пережить пытку.

— Не трогайте вдову,—вскричалъ Уленспигель:—рыбникъ купилъ все, что было.

— Дурачокъ,—сказала Сооткинъ,—мужчины не умѣютъ, сносить муки, какъ можетъ снести женщина.

И, увидѣвъ, что Уленспигель, боясь за нее, поблѣднѣлъ, какъ трупъ, она шепнула ему:

— У меня есть сила и ненависть!

— Не трогайте вдову,—сказалъ Уленспигель.

— Возьмите меня вмѣсто него,—крикнула Сооткинъ.

Судья спросилъ палача, принесъ ли онъ всѣ снаряды для изысканія истины.

— Все готово,—отвѣтилъ палачъ.

Судьи совѣтовались и рѣшили, что для раскрытія правды надо начать съ матери.

— Ибо,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—нѣтъ сына столь жестокосердаго, чтобы онъ могъ видѣть страданія своей матери, не сознавшись въ преступленіи ради избавленія ея. То же сдѣлаетъ ради порожденія своего и всякая мать, хотя бы у нея было сердце тигрицы.

— Посади женщину, — приказалъ судья палачу, — и вложи ея руки и ноги въ тиски.

Палачъ повиновался.

— О, не надо, господа судьи, — взмолился Уленспигель: — возьмите меня вмѣсто нея, раздробите мнѣ кости рукъ и ногъ, но отпустите ее.

— Помни о рыбникѣ, — сказала Сооткинъ: — меня не покинули сила и ненависть!

Уленспигель поблѣднѣлъ и смолкъ, дрожа отъ возбужденія.

Тиски состояли изъ маленькихъ деревянныхъ палочекъ, которыя вкладывались между пальцевъ и были такъ соединены хитроумной механикой изъ веревочекъ, что палачъ могъ, по требованію судей, сдавить разомъ всѣ пальцы, сорвать мясо съ косточекъ и раздробить ихъ, или же причинить жертвѣ лишь слабую боль.

Онъ вложилъ руки и ноги Сооткинъ въ тиски.

— Дави! — сказалъ судья.

Онъ сдавилъ очень сильно.

Тогда, обратившись къ Сооткинъ, судья сказалъ:

— Укажи мѣсто, гдѣ спрятаны червонцы.

— Не знаю, — простонала она.

— Сдави сильнѣй, — приказалъ онъ.

Уленспигель дергалъ связанными на спинѣ руками, стараясь разорвать веревку и прійти матери на помощь.

— Не давите, господа судьи, — говорилъ онъ: — это изъжныя и хрупкія косточки женщины. Птица можетъ сломать ихъ своимъ клювомъ. Не давите! Господинъ палачъ, я говорю не съ вами, потому что вы вѣдь обязаны исполнять приказы судей. Но сжаьтесь, не давите!

— Рыбникъ! — сказала Сооткинъ.

И Уленспигель умолкъ.

Но, увидѣвъ, что палачъ все сильнѣе закручиваетъ тиски, онъ не выдержалъ:

— Сжаьтесь, сжаьтесь, господа судьи. Вы раздавите пальцы вдовѣ, которой вѣдь надо работать. Ой, ноги! Вѣдь она и ходить не сможетъ. Помилуйте, господа судьи.

— Ты умрешь нехорошей смертью, рыбникъ! — вскричала Сооткинъ.

И кости ея трещали, и кровь капала изъ ея ногъ на землю.

На все это смотрѣлъ Уленспигель, и, дрожа отъ муки и гнѣва, онъ горорилъ:

— Женскія кости, господа судьи, не сломайте ихъ.

— Рыбникъ! — простонала Сооткинъ.

И голосъ ея былъ тихъ и сдавленъ, точно рѣчь призрака, и Уленспигель дрожалъ и кричалъ:

— Что же это, господа судьи, вѣдь кровь льется изъ ея рукъ и ногъ. Переломали кости вдовѣ!

Лѣкарь дотронулся пальцемъ, и Сооткинъ издала страшный крикъ.

— Признайся за нее, — обратился судья къ Уленспигелю.

Но Сооткинъ смотрѣла на него своими широко раскрытыми, точно у покойника, глазами. И онъ понялъ, что онъ долженъ молчать, и тихо плакалъ.

— Такъ какъ эта женщина одарена твердостью мужчины, — сказалъ судья, — то надо испытать ея упорство пыткой ея сына.

Сооткинъ не слышала, ибо отъ невѣроятной боли потеряла сознание.

Посредствомъ укуса ее привели въ себя. Затѣмъ Уленспигеля раздѣли догола, и такъ онъ стоялъ обнаженный предъ матерью. Палачъ обстригъ ему волосы на головѣ и на тѣлѣ и осмотрѣлъ, не скрыто ли у него гдѣ какое-нибудь чародѣйство. При этомъ онъ замѣтилъ у него на плечѣ черное родимое пятно. Много разъ втыкалъ онъ туда длинную иголку, но, такъ какъ изъ прокола потекла кровь, онъ убѣдился, что пятно не имѣетъ колдовской силы. По приказанію судьи, руки Уленспигеля были привязаны къ веревкамъ, перекинутымъ черезъ блокъ, привѣшенный къ потолку: это приспособленіе позволяло палачу, по указанію судей, вздергивать, встряхивать, подбрасывать вверхъ и внизъ обвиняемаго. Девять разъ предѣлалъ онъ это, между тѣмъ какъ къ обѣимъ ногамъ Уленспигеля было привязано по гирѣ въ двадцать пять фунтовъ каждая.

При девятой встряскѣ лопнула кожа на лодыжкахъ и кистяхъ и берцовыя кости начали выходить изъ суставовъ.

— Сознайся, — сказалъ судья.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Уленспигель.

Сооткинъ смотрѣла на сына, но силъ кричать или говорить у нея не было. Она только вытянула впередъ руки и шевелила окровавленными пальцами, точно желая сказать, что отъ этой пытки ее должны избавить.

Палачъ еще разъ поднялъ и сбросилъ Уленспигеля. И кожа на кистяхъ и лодыжкахъ разорвалась еще сильнѣе, и еще дальше вытянулись ножныя кости изъ суставовъ; но онъ не кричалъ.

Сооткинъ рыдала и потрясала окровавленными руками.

— Укажи, гдѣ спряталъ деньги, — сказалъ судья, — и ты будешь прощень.

— Пусть рыбакъ просить о прощеніи,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Ты смѣешься надъ судьями? — спросилъ одинъ изъ старшинъ.

— До смѣха ли мнѣ, увы! — отвѣтилъ Уленспигель: — это вамъ показалось, честное слово!

Затѣмъ Сооткинъ увидѣла, какъ палачъ сгребъ кучу раскаленного угля, а его помощникъ принесъ двѣ свѣчи.

Она хотѣла подняться на своихъ истерзанныхъ ногахъ, но упала обратно на скамью и только кричала:

— Уберите уголья! Господа судьи, пожалуйте бѣднаго мальчика, уберите уголья!

— Рыбакъ! — крикнулъ Уленспигель, увидѣвъ, что она слабѣетъ.

— Подымите его на локоть отъ пола, — сказалъ судья, — поставьте жаровню ему подъ ноги и держите свѣчи у него подъ мышками.

Палачъ повиновался. И остатки волосъ подъ мышками у Уленспигеля трещали и чадили отъ огня.

Онъ кричалъ, а мать всхлипывала:

— Уберите огонь!

— Укажи, гдѣ деньги, и ты будешь освобожденъ, — сказалъ судья: — мать, сознайся за него!

— А кто ввергнетъ рыбака въ геенну огненную? — сказалъ Уленспигель.

Сооткинъ покачала головой въ знакъ того, что ей сказать нечего. Уленспигель скрежеталъ зубами, и Сооткинъ смотрѣла на него растерянными, заплаканными глазами.

Но, когда палачъ потушилъ свѣчи и подопрнулъ жаровню подъ ноги Уленспигелю, она закричала:

Господа судьи, пожалуйте же его, онъ не знаетъ, что говорить.

Почему же онъ не знаетъ, что говорить? — коварно спросилъ судья.

Не спрашивайте ее дальше, господа судьи, вы же видите, что она обезумѣла отъ боли, — сказалъ Уленспигель: — рыбакъ солгалъ.

— И ты утверждаешь то же самое, женщина? — спросилъ судья.

Сооткинъ сдѣлала головой утвердительный знакъ.

— Сожгите рыбака! — крикнулъ Уленспигель.

Сооткинъ молча подняла къ небу скатый кулакъ, точно проклиная кого-то.

Но въ это время вспыхнули пламенемъ угли на жаровнѣ подъ ногами ея сына, и она закричала:

— Господи Боже, Пресвятая Дѣва на небесахъ, прекрати вѣн мученія! Сжальтесь! Уберите жаровню!

— Рыбникъ!—прохрипѣлъ Уленспигель.

Кровь хлынула у него изо рта и носа; голова его упала, и такъ онъ висѣлъ безъ движенія надъ жаровней.

И Сооткинъ закричала:

— Умеръ! Умеръ мой бѣдный сиротка! Убили его, его тоже! Уберите жаровню, господа судьи! Дайте мнѣ обнять его, дайте умереть вмѣстѣ съ нимъ. Вы же знаете, что я не могу убѣжать на своихъ изуродованныхъ ногахъ.

— Дайте ей ея сына!—сказалъ судья.

И началось совѣщаніе.

Палачъ развязалъ Уленспигеля и, голаго и окровавленнаго, положилъ его на колѣни къ Сооткинъ, а лѣкаръ вправлялъ ему вывороченные суставы.

Мать цѣловала Уленспигеля и приговаривала:

— Бѣдный мой мальчикъ, бѣдный мученикъ! Если бы господа судьи позволили, и бы ужъ тебя вылѣчила, но очнись же, Тиль, сынъ мой. Если вы мнѣ убили его, господа судьи, я пойду къ его величеству, ибо это противозаконно, и вы увидите тогда, что можетъ сдѣлать бѣдная женщина противъ злыхъ людей. Но вы отпустите насъ, господа судьи. Ибо нѣтъ никого и ничего на свѣтѣ у насъ, у бѣдняковъ, на которыхъ такъ тяжело легла десница Господня.

По совѣщаніи судьи провозгласили слѣдующій приговоръ:

„Принимая во вниманіе, что вы, Сооткинъ, вдова Клааса, и вы, Тиль, сынъ Клааса, по прозванью Уленспигель, обвинены были въ утайкѣ имущества, которое — вопреки всѣмъ правамъ собственности и наслѣдованія — принадлежало на основаніи конфискаціи его королевскому величеству, но, несмотря на жестокія пытки и достодолжное испытаніе, не признались ни въ чемъ, —

„Судъ признаетъ улики недостаточными и объявляетъ васъ, женщина, въ виду жалостнаго состоянія вашихъ членовъ, и васъ, мужчина, въ виду тяжкихъ мукъ, претерпѣнныхъ вами, свободными и разрѣшаетъ вамъ селиться здѣсь или тамъ, гдѣ угодно, въ городѣ, у всякаго обывателя, который, невзирая на вашу бѣдность, приметъ васъ къ себѣ на жительство.

„Дано въ Дамме октября двадцать третьяго дни 1558 года отъ Рождества Господа нашего Иисуса Христа“.

— Богъ да вознаградитъ васъ за милость, господа судьи!—сказала Сооткинъ.

— Рыбникъ!—простоналъ Уленспигель.

И мать съ сыномъ отвезли на телѣгѣ въ домъ Катлины.

Въ этомъ же году—пятьдесятъ восьмомъ году столѣтія—какъ-то пришла Катлина къ Соотвнѣ и рассказала слѣдующее:

— Прощедшей ночью, намазавшись волшебной мазью, я полетѣла на колокольню Собора Богоматери; здѣсь увидѣла духовъ, которые несли людскія молитвы ангеламъ, а тѣ переносили ихъ дальше на небеса, къ подножію Престола Господня. И небо было покрыто сверкающими звѣздами. Вдругъ съ одного костра поднялась снизу какъ бы тѣнь черная, взлетѣла и сѣла рядомъ со мной на колокольнѣ. И я увнала—это былъ Клаасъ, такой самый, какой онъ былъ при жизни, въ одеждѣ угольщика. И онъ спрашиваетъ меня:—„Что ты дѣлаешь на колокольнѣ?“—„А ты,—спрашиваю я,—чего ты летаешь, какъ птица, по воздуху? Куда летѣшь?“—„На судъ,—говорить,—развѣ ты не слышала трубы архангела?“ Я стояла подлѣ него и чувствовала, что его тѣло не плотное, какъ у живого человѣка, а воздушное, духовное, такъ что я, приблизившись, вошла въ него, какъ въ теплое облако пара. У ногъ моихъ, разбросанные по всей Фландріи, мигали огоньки, и я сказала себѣ: „Люди, которые такъ рано встаютъ и такъ поздно ложатся, благословенны Господомъ“.

„И всю ночь слышала я трубу архангела. Потомъ явился предо мной другой призракъ, принесшійся изъ Испаніи. Онъ былъ старъ и дряхль, съ выдавшимися, точно туфли, подбородкомъ и обсахаренными губами. На немъ была горностаевая мантия, покрытая пурпурнымъ бархатомъ, на головѣ императорская корона, въ одной рукѣ сардинка, въ другой—стаканъ пива.

„Приблизившись, онъ, видимо усталый, тоже спустился на колокольню. Я опустилась предъ нимъ на колѣни и говорю: „Ваше величество, припадаю къ стопамъ вашимъ, но не знаю, кто вы. Откуда вы и что вы дѣлаете на землѣ?“—„Я изъ монастыря св. Юста въ Эстремадурѣ,—отвѣтилъ онъ,—я былъ императоръ Карль V“.—„Но куда,—спросила я,—куда вы направляетесь въ эту ночь, среди этихъ градовыхъ тучъ?“—„На судъ,—отвѣтилъ онъ,—на судъ“. Только-что императоръ собрался съѣсть свою сардинку и запить пивомъ, какъ раздалась труба архангела, и онъ поднялся, недовольно бурча, что ему помѣшали поужинать, и полетѣлъ. Я воспѣшила слѣдомъ за его величествомъ. Онъ летѣлъ, тяжело вздыхая, икая, иногда даже со рвотой, отъ усталости и одышки: ибо смертный часъ захватилъ его во время разстройства пищеваренія.

Неудержимо неслись мы, точно стрѣлы, выпущенныя изъ лука. Звѣзды мелькали мимо насъ, чертя сверкающія линіи по небу, и мы видѣли, какъ онѣ отрывались отъ него и падали. Труба архангела все гремѣла. Какой потрясающій, всепроникающій громъ! При каждомъ звукѣ, прорѣзавшемъ толщу воздуха, она разрывалась, точно чрезъ нее пронесся ураганъ,—и такъ раскрывался предъ нами нашъ путь. Пролетя тысячи и тысячи миль, мы увидѣли предъ собой Иисуса Христа во всей Его славѣ на звѣздномъ престолѣ. Справа отъ Него былъ ангелъ, заносящій на бронзовую скрижалъ всё дѣла людскія, а слѣва Его Мать, Пресвятая Дѣва, неустанно молящая за грѣшниковъ.

„Клаасъ и императоръ Карлъ бросились на колѣни предъ престоломъ.

„Ангелъ сбросилъ съ его головы корону и сказалъ:

„— Здѣсь одинъ царь—Христосъ!

„Это, видимо, разсердило его святѣйшее величество, но императоръ смиренно отвѣтилъ:

„— Не позволено ли будетъ мнѣ докончить эту сардинку и мое пиво, ибо я проголодался во время долгаго пути.

„— Какъ всю жизнь голодать,—сказалъ ангелъ:—но, все равно, ѣшь и пей.

„Императоръ пожевалъ сардинку и запилъ ее пивомъ.

„Тогда заговорилъ Христосъ и сказалъ:

„— Съ чистымъ ли сердцемъ предстаешь ты предъ судомъ?

„— Надѣюсь, что такъ, Господь мой милостивый, ибо въ свое время исповѣдался.

„— А ты, Клаасъ,—спросилъ Христосъ,—ты не трепещешь, какъ этотъ императоръ?

„— Господь мой и Спаситель,—отвѣтилъ Клаасъ:—нѣтъ души чистой предъ Тобой, и потому нѣтъ во мнѣ страха. Ибо ты—великая Милость и Ты—великое Правосудіе. И все-таки страшно, потому что много за мной грѣховъ.

„— Говоря, падалъ!—сказалъ ангелъ императору.

„— Я, Господи,—отвѣчалъ Карлъ смущеннымъ голосомъ,—перстами Твоихъ священнослужителей помазанъ на царство, ихъ благословеніемъ и молитвами былъ освященъ, какъ король кастильскій и римскій, императоръ германскій. Неустанна была моя забота охранить власть, полученную мной отъ Тебя; и мечомъ и веревкой, огнемъ и могилой каралъ я посягнувшихъ на нее лютеранъ“

„Но ангелъ прервалъ его:

„— Ты хочешь обмануть насъ, катаральный лгунишка. Въ Германіи ты терпѣлъ лютеранъ, потому что боялся ихъ. Въ

Нидерландахъ ты ихъ вѣшалъ, жегъ, живьемъ въ землю зарывалъ, рубилъ имъ головы, потому что здѣсь у тебя была одна забота: собрать побольше съ этихъ трудолюбивыхъ пчель. Сто тысячъ душъ приняли кончину по твоей винѣ, не потому, что ты возлюбилъ Христа, моего Господа, но потому, что ты былъ деспотъ, тиранъ, вымогатель, любилъ лишь одного себя, а затѣмъ—рыбу, мясо, вино и пиво, ибо ты былъ прожорливъ, какъ собака, и жаденъ, какъ губка.

„— Теперь говори ты, Клаасъ,—сказалъ Христосъ.

„Но ангелъ поднялся и сказалъ:

„— Этому не о чемъ говорить. Онъ былъ добръ и трудолюбивъ, какъ бѣдный народъ фландрскій, охотно работалъ и охотно смѣялся, соблюдалъ вѣрность своимъ государямъ, которою былъ имъ обязанъ, и думалъ, что и государи соблюдаютъ вѣрность, которою обязаны ему. Онъ имѣлъ деньги, былъ обвиненъ и, такъ какъ пріютилъ в себя лютеранина, былъ сожженъ на кострѣ.

„— О, бѣдный мученикъ, — сказала Пресвятая Дѣва: — зато теперь ты на небесахъ, гдѣ текутъ свѣжіе ручейки и гдѣ бьютъ фонтаны молокомъ и виномъ; пойдемъ, угольщикъ. Я отведу тебя.

„И вновь зазвучала труба архангела, и я увидѣла, какъ изъ глубины пропасти вынырнулъ человекъ въ желѣзной коронѣ, обнаженный и такой красивый; а на коронѣ было написано: „Въ тоскѣ до Страшнаго Суда“.

„Онъ приблизился къ престолу и сказалъ Иисусу Христу:

„— Я Твой рабъ, пока не стану господиномъ.

„— Сатана,—сказала Пресвятая Дѣва:—придетъ день— а не будетъ ни рабовъ ни господъ, и Христосъ, который есть любовь, и сатана, который есть гордость, будутъ называться: сила и мудрость.

„— Ты добра и прекрасна, женщина,—сказалъ сатана.

„И, обратившись къ Христу, онъ спросилъ, указывая на императора:

„— Что прикажешь сдѣлать съ этимъ?

„Христосъ отвѣтилъ:

„— Ты отведешь этого на царство вѣнчаннаго червя въ комнату, гдѣ соберешь все орудія пытки, бывшія въ употребленіи въ его царствованіе. Всякій разъ, когда несчастный невинный человекъ будетъ подвергнутъ пыткѣ водой, которая вздуваетъ людей, какъ пузырь, или пыткѣ огнемъ, который жжетъ имъ пятки и подъ мышкой, или пыткѣ тисками, раздробляющими пальцы, или казни четвертованіемъ; всякій разъ, когда свободная душа испуститъ на кострѣ послѣднее

дыханіе,—шагъ за шагомъ пусть и онъ пройдетъ чрезъ всё эти мученія, дабы онъ узналъ, сколько страданій можетъ причинять несправедливый человекъ, властвующій надъ миллионами другихъ людей: пусть онъ будетъ гнить въ темницахъ, умирать на плахѣ, чахнуть въ изгнаніи, тоскуя по родиѣ; пусть онъ подвергнется позорящимъ наказаніямъ, безчестію и бичеванію; пусть онъ будетъ богатъ и потомъ ограбленъ казною; пусть станетъ жертвой доносовъ, пусть разорятъ его конфискаціи. Обрати его въ осла, чтобы онъ научился послушно работать, получать побои и питаться отбросами; сдѣлай нищимъ, чтобы онъ просилъ о подаваніи и получалъ въ отвѣтъ ругань; сдѣлай его чернорабочимъ, чтобы онъ много трудился и мало ѣлъ. Когда онъ достаточно страдаетъ душой и тѣломъ въ образѣ человѣческомъ, обрати его въ собаку, которая за свою преданность получаетъ только побои; сдѣлай его индійскимъ рабомъ, чтобы его продали съ торговъ; и когда такимъ образомъ въ теченіе трехсотъ лѣтъ всё муки, всё горести будутъ исчерпаны, сдѣлай его свободнымъ человекомъ, и если тогда онъ будетъ добротой подобенъ Клаасу, то дай его тѣлу клочокъ земли подъ сѣнью прекраснаго дерева, покрытый ковромъ зелени, въ полдень охлажденный тѣнью, утромъ озаренный солнцемъ: клочокъ земли для вѣчнаго успокоенія. И друзья его придутъ на его могилу пролить горькія слезы и посадить ее фіалками, цвѣтами воспоминанія.

„— Смилуйся, Сынъ мой!—воскликнула Пресвятая Дѣва:— онъ не зналъ, что творить, ибо власть порождаетъ жестокосердіе.

„— Здѣсь нѣтъ милости,—отвѣтилъ Христосъ.

„— О,—вскричалъ императоръ:—нельзя ли мнѣ хоть стаканъ андалузскаго вина?

„— Пойдемъ,—сказалъ сатана:—прошло время вина, мяса и фазановъ.

„И онъ потащилъ въ мрачнѣйшія нѣдра преисподней бѣдную душу его величества, еще жевавшую свой кусочекъ сардинки.

„Изъ жалости сатана далъ ему дожевать ѣду. Потомъ я увидѣла, какъ Пресвятая Богородица возноситъ душу Клааса вверхъ къ небесамъ, гдѣ звѣзды пышными гроздыми свѣшиваются съ небосклона. Здѣсь, омытый ангелами, онъ сталъ такой юный и красивый. И они подали ему „rustrap“ и кормили его серебряными ложками. И небеса закрылись“.

— Онъ въ царствіи небесномъ,—сказала вдова.

— Пепель стучитъ въ мое сердце,—сказалъ Уленспигель.

LXXX.

Въ продолженіе слѣдующихъ двадцати трехъ дней Катлина все худѣла, и блѣднѣла, и сохла, точно внутренній огонь сожигалъ ее изнутри еще безжалостнѣе, чѣмъ пламя безумія.

Она уже не вскрикивала: „Огонь! Пробейте дыру, выпустите душу!“—но въ какомъ-то упоеніи, обращаясь къ Неле, говорила:

— У меня мужъ, надо и тебѣ мужа. Гривой волосы. Красивый. Любовь горичал, руки холодныя, когѣни холодныя.

И Сооткинъ печалилась о ней, видя въ этомъ новый оборотъ безумія.

А Катлина продолжала:

— Трижды-три девять—святое число. У кого ночью глаза свѣтятся, какъ у кошки, только тотъ видитъ тайну.

Однажды вечеромъ, слушая разсказни Катлины, Сооткинъ сдѣлала жестъ недоумія, но Катлина бормотала:

— Четыре и три подъ знакомъ Сатурна значать несчастье, подъ знакомъ Венеры—бракъ. Ледяныя руки! Ледяныя когѣни! Сердце огненное!

— Не надо говорить объ этомъ чернокнижѣ,—сказала Сооткинъ.

Услышавъ это, Катлина перекрестилась и отвѣтила:

— Благословенъ сѣрый рыцарь. Вотъ женихъ для Неле; будетъ ей женихъ со шпагой, черный женихъ съ свѣтлымъ лицомъ.

— Да, конечно,—сказалъ Уленспигель:—дѣлое угощеніе изъ жениховъ; а подливу я сдѣлаю своимъ ножомъ.

Увидѣвъ его ревность, Неле бросила на своего друга взглядъ, влажный отъ счастья, и сказала:

— Не нужно мнѣ жениховъ.

Катлина отвѣтила:

— Вотъ придетъ онъ въ сѣрой одеждѣ, всякій разъ въ новыхъ сапожкахъ и новыхъ шпорахъ.

— Молитесь Богу за лишенную разума,—сказала Сооткинъ.

— Уленспигель,—проговорила на это Катлина,—пойди принеси намъ четыре литра „двойного“, а я пока спеку „heete Koeke“. Это такія оладьи.

На вопросъ Сооткинъ, почему это она—точно еврей—празднуетъ субботу, Катлина отвѣтила:

— Потому что тѣсто взопло.

Уленспигель стоялъ, держа въ рукѣ кружку изъ англійскаго олова, какъ разъ подходящую по размѣрамъ.

— Чтò же дѣлать, мать?—спросилъ онъ.

— Иди, — сказала Катлина.

Сооткинъ не хотѣла спорить, такъ какъ не она была хозяйка въ домѣ.

— Иди, сыночекъ, — сказала она.

Уленспигель сбѣгалъ въ трактиръ и принесъ четыре литра пива.

Запахъ оладій наполнилъ всю кухню, и всё почувствовало голодь, даже согбенная горемъ вдова.

Уленспигель ѣлъ за троихъ. Катлина поставила ему большую кружку, заявивъ, что онъ, какъ единственный мужчина въ домѣ и, стало-быть, глава его, долженъ пить больше всѣхъ, а затѣмъ спать.

И, говоря это, она подмигнула насмѣшливо; однако Уленспигель выпилъ, но не пѣлъ. Взглянувъ на блѣдную и удрученную Сооткинъ, Неле прослезилась. Одна Катлина была весела.

Послѣ ужина Сооткинъ съ Уленспигелемъ взобрались наверхъ, гдѣ они спали; Катлина и Неле застелили свои постели въ кухнѣ.

Бѣ двумъ часамъ ночи Уленспигель уже давно спалъ мертвымъ сномъ, такъ какъ голова его стужалась отъ пива. Сооткинъ, какъ и всѣ свои ночи, лежала съ открытыми глазами и молила Пресвятую Дѣву ниспослать ей сонъ, но та не слушала ея.

Вдругъ на улицѣ пронесся орлиный клекотъ, и изъ кухни отвѣтили тѣмъ же крикомъ. Затѣмъ издали, съ поля, донеслись еще крики, и ей все казалось, что изъ кухни отвѣчаютъ тѣмъ же.

Она рѣшила, что это ночныя птицы, и не думала больше объ этомъ. Но тутъ съ улицы послышалось конское ржаніе и топотъ копытъ на мостовой; она высунулась изъ окошка чердака и увидала, что передъ домомъ привязаны двѣ осѣдланныя лошади и, фыркая, щиплютъ траву на опушкѣ. Вдругъ внизу раздался женскій крикъ, мужской голосъ грозно отвѣчалъ, крики смѣшались ударами, потомъ опять крики, дверь громко хлопнула, и торопливые шаги пронеслись вверхъ по лѣстницѣ.

Уленспигель спалъ и не слышалъ ничего. Дверь чердака распахнулась и вбѣжала Неле, почти голая; задыхаясь и рыдая, она стала заваливать захлопнутую дверь всѣмъ, чѣмъ могла: придвинула къ ней столъ, стулья, старую жаровню и все, что было подъ рукой изъ мебели. Уже гасли послѣднія звѣзды и кричали пѣтухи.

Отъ шума, производимаго Неле, Уленспигель схватился,

но перевернулся въ постели на другой бокъ и опять уснулъ. Тутъ Неле бросилась на шею Сооткинъ съ плачемъ:

— Сооткинъ, я боюсь, зажги свѣчу!

Зажгли свѣчу, и при свѣтѣ ея Сооткинъ разглядѣла, что рубаха Неле разорвана на плечѣ, и что добъ, щеки и шея ея покрыты царапинами, точно чьи-то ногти прошли по ней.

— Неле,—спросила Сооткинъ, цѣлуя дѣвушку,—гдѣ это тебя такъ исцарапали?

Дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ и всхлинывала:

— Не отправь насъ на костеръ, Сооткинъ!

Между тѣмъ проснулся Уленспигель и щурилъ глаза отъ свѣта свѣчи.

— Кто это тамъ внизу?—спросила Сооткинъ.

— Молчи,—отвѣтила Неле:—это тотъ, кого она мнѣ прочитъ въ мужья.

Снова донесся снизу крикъ Катлины, и Сооткинъ и Неле задрожали.

— Онъ бьетъ ее, онъ бьетъ ее изъ-за меня!—вскрикнула Неле.

— Кто здѣсь?—заоралъ Уленспигель и вскочилъ съ постели.

Протеревъ глаза, онъ сталъ метаться по комнатѣ, пока не схватилъ стоящую въ углу кочергу.

— Никого нѣтъ, никого,—удерживала его Неле:—не ходи туда, Уленспигель.

Однако онъ, не слушая ея, бросился къ двери, разбросалъ столы, стулья и жаровни, но, несмотря на неистовые крики Катлины, раздававшіеся внизу, Неле и Сооткинъ держали его на порогѣ, одна за плечо, другая за ногу, крича:

— Не ходи туда, Уленспигель, тамъ черти.

— Да, конечно,—отвѣчалъ онъ:—Нелины чортовы женихи: вотъ я ихъ повѣнчаю съ кочергой. Будетъ свадьба желѣза съ мясомъ. Пустите меня!

Но онѣ не отпускали его и оказались сильнѣе, такъ какъ схватились за перила. Онъ все-таки стащилъ ихъ по двумъ-тремъ ступенькамъ; отъ ужаса, охватившаго ихъ при мысли, что черти такъ близко отъ нихъ, онѣ выпустили его, и онъ, точно свѣжная лавина, свергающаяся съ горы, громадными прыжками слетѣлъ съ лѣстницы, вбѣжалъ въ кухню и нашелъ здѣсь одну Катлину. Блѣдная и истомленная, она лежала здѣсь въ сумеркахъ разсвѣта и приговаривала: „Гансикъ, зачѣмъ ты меня покинулъ? Я же не виновата, что Неле такая нехорошая“.

Дальше Уленспигель не сталъ слушать и распахнулъ дверь

чулана. Никого не найдя тамъ, онъ бросился въ огородъ и оттуда на улицу. Онъ увидѣлъ только двухъ коней, мчащихся въ облакъ пыли. Онъ кинулся-было вслѣдъ за ними въ погоню, но они летѣли, какъ полуденный вѣтеръ, мчащій сухіе листья.

Въ бѣшенствѣ и отчаяніи онъ возвратился, скрежеща зубами:

— Ее изнасиловали! Ее изнасиловали! — и съ злобнымъ огнемъ въ глазахъ онъ смотрѣлъ на Неле, которая, содрогаясь, стояла подлѣ Сооткинъ и Катлины и говорила:

— Нѣтъ, Тиль, нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ!

При этихъ словахъ она смотрѣла ему въ глаза такъ грустно и такъ прямо, что Уленспигель почувствовалъ, что она говорить правду, и сталъ спрашивать:

— Что это были за крики? Куда убѣжали эти люди? Отчего твоя рубашка вся разорвана? Почему расцарапаны у тебя лобъ и щеки?

— Слушай, — сказала она: — только не доведи насъ до костра, Уленспигель. Вотъ уже двадцать три дня, какъ у Катлины—спаси ее Господь отъ ада!—завелся дружокъ: чортъ въ черной одеждѣ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами. Лицо его свѣтится бѣлымъ отблескомъ, точь въ точь какъ бываетъ въ жару лѣтомъ надъ волнами морскими.

— Гансикъ, дорогой мой, зачѣмъ ты ушелъ?—вздыхнула Катлина:—Неле нехорошая!

Но Неле рассказывала дальше:

— Онъ подавалъ ей знакъ о своемъ появленіи орлинымъ крикомъ. Каждую субботу онъ приходитъ къ матери въ кухню. Она говоритъ, что поцѣлуи его холодны и тѣло, какъ снѣгъ. Онъ бьетъ, когда она не все дѣлаетъ, какъ онъ хочетъ. Одинъ разъ онъ принесъ ей нѣсколько флориновъ, но всѣ другіе разы бралъ у нея.

Во время этого разсказа Сооткинъ сложила руки и молилась за Катлину. Но та оживленно говорила:

— Не мое теперь мое тѣло, не мой рассудокъ: все его. Гансикъ, радость моя, опять полетимъ на шабангъ? Только Неле не хочетъ. Она злая, Неле.

— На разсвѣтѣ онъ уходилъ,—продолжала дѣвушка,—а на слѣдующій день мать рассказывала всякія невѣроятныя вещи... Да не смотри же на меня такими злыми глазами, Уленспигель! Вчера вечеромъ она сказала мнѣ, что одинъ красивый баринъ въ сѣромъ, по имени Гильбертъ, хочетъ взять меня въ жены и придетъ въ домъ показаться мнѣ. Я отвѣтила, что никакого мужа мнѣ не надо, ни красиваго ни урода. Чу, все-таки мать—принудила она меня не спать и ждать

се, потому что вѣдь, когда дѣло касается ея любовныхъ дѣлъ, она разсудка не теряетъ. Мы ужъ почти раздѣлись и собирались лечь; я дремала, сиди вонъ на томъ стулѣ, и, когда тѣ вошли, я не сразу очулась. Вдругъ чувствую, что кто-то обнимаетъ меня и цѣлуетъ въ шею. При свѣтѣ мѣсяца вижу лицо, свѣтящееся, какъ дѣломъ гребешки на волнахъ передъ грозю, и я услышала тихій шопотъ: „Я—Гильбертъ, твой мужъ, будь моею, я сдѣлаю тебя богатой“. И лицо того, кто говорилъ, пахло какъ будто рыбой. Я оттолкнула его, онъ хотѣлъ взять меня силой, но я стала сильнѣе десятерыхъ такихъ, какъ онъ. Онъ все-таки разорвалъ на мнѣ рубаху, испараналъ мнѣ лицо и все приговаривалъ: „Будь моею, я сдѣлаю тебя богатой“. — „Да,—отвѣтила я,—какъ мою мать, у которой ты отберешь послѣдній грошъ“. Онъ удвоилъ свои усилія, но ничего не могъ со мной сдѣлать. И такъ какъ онъ противный, какъ трунъ, то я такъ выѣпилась ему пальцами въ глаза, что онъ завизжалъ отъ боли; я вырвалась и убѣжала навверхъ къ Сооткинъ.

Катлина все приговаривала:

— Ты негодная, Неле. Зачѣмъ ты умчался, Гансикъ, дорогой мой?

— Негодная мать,—сказала Сооткинъ,—гдѣ ты была, когда чуть не опозорили твою дочь?

— Неле негодная,—отвѣтила Катлина:—я была съ моимъ чернымъ господиномъ, когда этотъ сѣрый дьяволъ приближалъ къ намъ съ кровью на лицѣ и говорить: „Уйдемъ, товарищъ: въ этомъ домѣ неладно. Здѣсь мужчины могутъ убить и у женщинъ ножи на пальцахъ“. Они побѣжали къ своимъ лошадямъ и исчезли въ туманѣ. Неле злая.

LXXXI.

На другой день, за теплымъ молокомъ, Сооткинъ говорилъ Катлинѣ:

— Ты вѣдь видишь, что тоска и такъ скоро согонитъ меня со свѣту, что же ты хочешь еще добить меня своимъ проклятымъ колдовствомъ?

Но Катлина повторила только:

— Неле злая! Гансикъ, дорогой, приходи ко мнѣ!

Въ ночь на слѣдующую среду опять явились оба чорта. Съ субботы Неле спала у вдовы ванъ-денъ-Гауте, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей неудобно оставаться у Катлины, такъ какъ тамъ живетъ Уленсигель, молодой человекъ.

Катлина приняла чернаго барина и его друга въ Keet—

это такая пристройка, гдѣ помѣщается прачечная и большая печь. Здѣсь они пировали за старымъ виномъ и конченымъ изыкомъ, всегда готовыми къ ихъ услугамъ.

— Намъ для одного важнаго дѣла нужны большія деньги, — сказалъ черныи Катлингъ: — дай, что можешь.

Катлина хотѣла дать ему одинъ флоринъ, но онъ пригрозилъ ей смертью, и они отстали отъ нея, лишь когда получили два червонца и семь денегъ.

— Больше не приходите въ субботу, — сказала она имъ: — Уленспигель знаетъ этотъ день, онъ будетъ васъ ждать съ оружіемъ и убьетъ васъ. А за вами умру и я.

— Мы придемъ во вторникъ, — отвѣтили они.

Въ эту ночь Уленспигель и Неле спали, не боясь чертей, такъ какъ рѣшили, что тѣ являються по субботамъ.

Катлина встала и взглянула въ пристройку, не пожаловали ли ея друзья. Она горѣла отъ нетерпѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ она увидѣла своего Гансика, ея помѣнательство значительно ослабѣло. Ибо ея безуміе — такъ говорили — было любовнымъ безуміемъ.

Не дождавшись ихъ, она была очень удручена. Услышавъ со стороны Слейса орлиный клекотъ надъ полемъ, она пошла въ этомъ направленіи и шла по дугу вдоль плотины изъ хвороста, засыпаннаго землей. И вотъ съ другой стороны плотины слышать она разговоръ обоихъ своихъ посѣтителей.

— Мнѣ половина, — сказалъ одинъ.

— Ничего не получишь, — отвѣтилъ другой: — что Катлины, то все мое.

Они страшно есорились и ругались и спорили, кому изъ нихъ достанутся и любовь и деньги и Катлины и Неле. Испуганная Катлина не смѣла шевельнуться и слышала, какъ они подрались, и какъ одинъ сказалъ:

— Холодна сталь.

Потомъ — хрипъ, и тяжелое тѣло упало на землю.

Въ ужасѣ бросилась она домой. Въ два часа ночи она вновь, на этотъ разъ въ саду, услышала орлиный крикъ. Она вышла, открыла и увидѣла своего друга одного.

— А съ другимъ что ты сдѣлалъ? — спросила она.

— Онъ больше не придетъ, — былъ отвѣтъ.

И онъ обнялъ и ласкалъ ее, и тѣло его казалось ей еще холоднѣе, чѣмъ всегда. И умъ ея былъ ясенъ. Уходя, онъ потребовалъ двадцать флориновъ — все, что она имѣла; она дала ему семнадцать.

На другой день она побѣжала къ плотинѣ, но не нашла

тамъ ничего, только на одномъ мѣстѣ, величиной съ мужской гробъ, земля подавалась подъ ногой и была покрыта кровью. Но къ вечеру дождь смылъ слѣды крови.

Въ слѣдующую среду въ ея садикѣ вновь раздался орлиный клекоть.

LXXXII.

Всякій разъ, когда приходилось разсчитываться съ Катлиной за общіе расходы, Уленспигель вынималъ ночью камень, которымъ была закрыта дыра, продѣланная у колодца, и доставалъ оттуда червонецъ.

Однажды вечеромъ всѣ три женщины прями. Уленспигель сидѣлъ съ ними и работалъ надъ ящичкомъ, заказаннымъ ему начальникомъ города. Ножомъ онъ искусно вырѣзалъ здѣсь цѣлую охоту: свору геннегаускихъ собакъ, критскихъ овчарокъ, извѣстныхъ своей свирѣпостью, брабантскихъ гончихъ, бѣгущихъ всегда парами, и всевозможныхъ другихъ псовъ, всякихъ видовъ и породъ, большихъ и малыхъ, медленныхъ и борзыхъ.

Катлина слышала, какъ Неле спросила Сооткинъ, хорошо ли запрятаны деньги. Сооткинъ, чуждая всякаго недовѣрія, отвѣтила: гдѣ же имъ быть лучше, чѣмъ у колодца.

Въ четвергъ послѣ полуночи жалобный вой Бибулуса, скоро однако прекратившійся, разбудилъ Сооткинъ. Она рѣшила, что онъ залаялъ по ошибкѣ, и опять заснула.

Въ пятницу Сооткинъ и Уленспигель поднялись рано утромъ. Но они не нашли въ кухнѣ, какъ всегда, Катлины, огонь не былъ разведенъ, молоко не кипѣло на очагѣ. Удивленные, они выглянули наружу, не въ саду ли она, и увидѣли, что она стоитъ тамъ подъ дождемъ. Рубашка на ней была разорвана, она окоченѣла отъ холода и вся вымокла и не смѣла войти въ домъ.

— Чтѣ ты ищешь, полуголая, подъ дождемъ? — спросилъ, подойдя къ ней, Уленспигель.

— Ахъ, — отвѣтила она, — чудо, великое чудо.

И она указала на окоченѣлый трупъ собачки, кѣмъ-то удушенной.

Тотчасъ Уленспигель подумалъ о деньгахъ; онъ бросился къ колодцу — дыра была пуста, кругомъ разсыпана земля.

Онъ накинулъ на Катлину и, колотя ее, кричалъ:

— Гдѣ червонцы?

— Да, чудо, великое чудо, — твердила она.

Неле бросилась защищать мать, моля

Смилуйся, Уленспигель, сжался!

Онъ остановился. Прибѣжала Сооткинъ, стала распрашивать, что случилось.

Уленспигель показалъ ей задавленную собаку и пустую дыру, гдѣ были деньги. Сооткинъ поблѣдила и сказала:

— Тяжелы Твои удары, Господи! Бѣдныя мои ноги!

Такъ сказала она, напоминая о мукахъ и пыткахъ, которыя она напрасно претерпѣла ради этихъ червонцевъ. Увидѣвъ, какъ спокойно принимаетъ Сооткинъ вѣсть о несчастіи, Неле разрыдалась въ отчаяніи. Катлина же размахивала листомъ пергамента и говорила:

— Да, чудо, великое чудо. Этой ночью пришелъ онъ, ласковый, прелестный. У него не было уже этого блѣдно-свѣтлагося лица, котораго я всегда такъ боялась. Онъ нѣжно-нѣжно говорилъ со мной. Сердце мое растаяло. Говорить: „Теперь я богатъ, скоро принесу тебѣ тысячу флориновъ“. — „Да,—отвѣчаю,—не за себя я буду радоваться, а за тебя, Гансикъ, радость моя“. — „А нѣтъ у тебя въ домѣ еще кого, кто тебѣ милъ и кого ты хотѣла бы сдѣлать богатымъ?“ — „Нѣтъ,—говорю,—здѣсь въ домѣ нѣтъ нуждающихся“. — „О, какая гордая,—говорить,—а развѣ Сооткинъ и Уленспигель такъ богаты?“ — „Живутъ,—отвѣчаю,—и ни въ комъ не нуждаются“. — „Несмотря на конфискацію?“ Я отвѣтила, что вы рѣшили лучше претерпѣть пытку, чѣмъ разстаться со своимъ добромъ. „Я такъ и думалъ“, — говоритъ онъ. И сталъ онъ насмѣхаться надъ судьями, которые не сумѣли добиться отъ васъ признанія. Я смѣялась съ нимъ вмѣстѣ. „Не такъ ужъ они глупы, чтобы здѣсь, въ домѣ, прятать свои деньги?“ Я засмѣялась. — „Или, напримѣръ, въ погребѣ?“ — „Конечно, нѣтъ“. — „Или, скажемъ, въ огородѣ?“ Я ничего не отвѣтила. — „Да,—говорить,—это было бы не очень умно“. — „Конечно,—отвѣчаю,—молчатъ только вода и стѣна“. Онъ все смѣялся.

„Этой ночью онъ ушелъ раньше, чѣмъ всегда, и на прощаніе далъ мнѣ порошка, который, сказалъ онъ, понесетъ меня на самый лучший шабашъ. Я провожала его черезъ садъ въ одной рубахѣ и была такая сонная. Какъ онъ и обѣщаль, я полетѣла на шабашъ, только къ разсвѣту вернулась и очутилась здѣсь. Вижу — собака удушена, дыра пустал. Это тяжкій ударъ для меня: я его такъ крѣпко любила—всю душу отдала. Но все, что есть у меня, будетъ ваше, руки мои и ноги будутъ безъ усталы трудиться, чтобы содержать васъ“.

— Я—какъ зернышко между жерновами,—сказала Сооткинъ:—Господь Богъ и чортовъ воръ раздробили меня однимъ ударомъ.

— Воръ, это неправда,—отвѣтила Катлина:—а чортъ, это вѣрно. Вотъ тебѣ доказательство, пергаментъ, который онъ оставилъ во дворѣ. Читай:

„Не забывай, что ты мнѣ служишь. Пять дней и трижды двѣ недѣли пройдутъ, и ты вдвойнѣ получишь твой кладъ. Не сомнѣвайся въ этомъ, не то умрешь“.

— Онъ сдержитъ слово, увидите.

— Бѣдная дурочка,—сказала Сооткинъ.

Это былъ ея послѣдній упрекъ.

LXXXIII.

Трижды прошли эти двѣ недѣли и пять дней равнымъ образомъ: другъ и чортъ не явился. Но надежда не покидала Катлину.

Сооткинъ ужъ не работала: сгорбившись и кашляя, она сидѣла предъ огнемъ. Неле поила ее цѣлебнѣйшими и благоговѣннѣйшими травами. Но никакое лѣварство не помогало ей. Уленспигель не выходилъ изъ дому: боялся, что мать можетъ умереть въ его отсутствіе.

Понемногу дошло до того, что она ужъ не могла ни ѣсть ни пить: все извергалось рвотой. Пришелъ лѣваръ и пустилъ кровь, но потеря крови такъ ослабила ее, что она ужъ не вставала. Однажды вечеромъ, истерзанная страданіями, она проговорила:

— Клазсъ, мужъ мой! Тиль, сынъ мой! Благодарю Тебя, Господи, что Ты берешь меня къ Себѣ!

Потомъ вздохнула и умерла.

Катлина не посидѣла оставаться подлѣ нея. Уленспигель и Неле оставались всю ночь вдвоемъ у праха усоншей, молись за нее.

Утромъ въ открытое окно влетѣла ласточка.

— Птичка души усоншей,—сказала Неле:—хорошій знакъ. Сооткинъ уже на небесахъ.

Ласточка трижды облетѣла всю комнату и съ крикомъ вылетѣла наружу.

За ней влетѣла другая ласточка, больше и чернѣе, чѣмъ первая. Эта кружилась вокругъ Уленспигеля, и онъ сказалъ:

— Отецъ и мать! Пепель стучитъ въ мое сердце. Я слышу то, чего вы требуете.

И вторая ласточка, точь въ точь какъ первая, улетѣла съ крикомъ. Почти совсѣмъ разсвѣло, и Уленспигель увидѣлъ тысячи ласточекъ, рѣющихся надъ лугами. И солнце взошло надъ землей.

И Сооткинъ похоронили на кладбищѣ для бѣдныхъ.

LXXXIV.

По смерти Сооткинъ Уленспигель впасть въ глубокое раздумье и болѣзненно возбужденныя размышленія, все метался по кухнѣ, не слышалъ, что ему говорятъ, ѣлъ и пилъ, не замѣчая даже, что ему даютъ. И часто онъ вставалъ среди ночи.

Напрасно кроткій голосъ Неле убѣждалъ его не терять бодрости, напрасно увѣрила его Катлина, что ей хорошо извѣстно, что Сооткинъ въ раю. На все отвѣчалъ Уленспигель:

— Пепель стучить.

Онъ точно лишился разума, и Неле проливала слезы, видя его такимъ.

Между тѣмъ рыбникъ оставался въ своемъ домѣ взаперти, одинокій, точно отцеубійца, и лишь по вечерамъ осмѣливался выйти изъ дому; ибо мужчины и женщины осыпали его при встрѣчѣ оскорбленіями и называли его убійцей, а дѣти разбѣгались при видѣ его, потому что старшіе называли его палачомъ. Такъ бродилъ онъ, всеми избѣгаемый, не смѣя войти ни въ одинъ изъ трехъ трактировъ въ Дамме. Ибо на него указывали тамъ пальцами, и, бывало, какъ только онъ усядется, всѣ посѣтителю уходятъ.

Поэтому трактирщики не хотѣли такого гостя и запирали предъ нимъ двери. На почтительные доводы рыбника они отвѣчали, что продавать, это—ихъ право, а не обязанность.

Истомленный этой борьбой, рыбникъ тащился за вечернимъ глоткомъ пива „In't Roode Valek“ — въ трактиръ „Красный Соколы“, жалкую корчму за городомъ, у Слейскаго канала. Здѣсь ему, правда, подавали, что надо, ибо хозяева были бѣдные люди, которые радовались всякому заработку. Но и хозяйинъ „Краснаго Сокола“, такъ же, какъ жена его, не разговаривали съ нимъ. Была тамъ собака и двое дѣтей; если рыбникъ хотѣлъ приласкать дѣтей, они бросались бѣжать отъ него; звалъ онъ собаку, она набрасывалась на него съ лаемъ.

Какъ-то вечеромъ Уленспигель стоялъ у порога. Увидя его въ этой вѣчной задумчивости, Матиссонъ, бочаръ, говорить ему:

— Возьмись за трудъ—ты забудешь этотъ тяжкій ударъ.

— Пепель Клааса стучить въ мое сердце, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Ну, жизнь рыбника хуже твоей, — замѣтилъ Матиссонъ: — никто съ нимъ не разговариваетъ, всѣ бѣгутъ его. Ему

приходиться тащиться къ этимъ голодранцамъ—къ „Красному Соколу“, чтобы хоть тамъ въ одиночествѣ выпить свою кружку пива. Тяжелое наказаніе!

— Пепель стучить въ мое сердце, — повторилъ Уленспигель.

Тѣмъ же вечеромъ, когда на колокольнѣ пробило девять часовъ, Уленспигель направился къ „Красному Соколу“. Увидавъ, что рыбника тамъ нѣтъ, онъ сталъ прохаживаться по берегу канала подъ деревьями. Мѣсяць свѣтилъ ярко. И вотъ онъ увидѣлъ злодѣя.

Онъ видѣлъ его совершенно ясно, когда тотъ проходилъ мимо него, и слышалъ, какъ онъ громко, — какъ дѣлаютъ одиноко живущіе люди, — говорилъ самъ съ собой:

— Куда они запрятали червонцы?

— Туда, гдѣ чертъ ихъ нашель! — крикнулъ въ отвѣтъ Уленспигель и ударилъ его кулакомъ въ лицо.

— Ай! — закричалъ рыбникъ: — я узналъ тебя, ты — сынъ. Пожалѣй меня, я старъ и хилъ. То, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ не по злобѣ, но вѣрой и правдой служа его величеству. Прости, сдѣлай милость. Я верну тебѣ все ваше добро, что я купилъ, и ни гроша съ тебя не потребую. Мало этого развѣ? Я купилъ все за семь флориновъ. Все получишь ты, и еще полфлорина, потому что вѣдь я не богатъ, не вѣрь розказнямъ.

И онъ уже падалъ на колѣни предъ Уленспигелемъ.

Видя его предъ собой такого жалкаго, гнуснаго, трусливаго, Уленспигель схватилъ его и бросилъ въ каналъ.

И пошелъ домой.

LXXXV.

На кострахъ дымился прахъ жертвъ. Уленспигель думалъ о Клаасѣ и Сооткинѣ и плакалъ въ одиночествѣ.

Однажды вечеромъ онъ пришелъ къ Катлинѣ съ просьбой дать ему совѣтъ и помощь въ дѣлѣ его мести.

Она сидѣла за лампой вдвоемъ съ Неле и шила. При шумѣ его шаговъ она медленно подняла голову, точно пробуждаясь отъ сна.

Онъ говорилъ ей:

— Пепель Клааса стучить въ мое сердце. Я хочу спасти землю Фландрскую. Я молю объ этомъ Господа земли и неба, но Онъ не отвѣчаетъ мнѣ.

— Господь Богъ и не станетъ разговаривать съ тобой, — отвѣтила Катлина: — тебѣ слѣдовало обратиться къ духамъ стихійнаго міра; въ двойственности своей природы, небесной

и земной, они принимаютъ моленія бѣдныхъ людей и передаютъ ихъ ангеламъ, а ужъ тѣ несутъ ихъ къ Престолу Всевышняго.

— Помоги мнѣ въ моемъ замыслѣ; кровью моею, если надо, я готовъ заплатить за его исполненіе.

— Я помогу тебѣ,—отвѣтила Катлина,—если дѣвушка, любящая тебя, возьметъ тебя съ собой на шабашъ весеннихъ духовъ, на праздникъ оплодотворенія.

— Я возьму его съ собой,—сказала Неле.

Катлина налила въ хрустальный бокалъ мутно-бѣловатое питье и дала обоемъ выпить. Тѣмъ же снадобьемъ она натерла имъ виски, ноздри, большіе пальцы и суставы, потомъ дала имъ проглотить по щепоткѣ бѣлаго порошка и приказала пристально смотрѣть другъ на друга, чтобы слились воедино ихъ души.

Уленсигель смотрѣлъ на Неле, и кроткіе глаза дѣвушки зажгли въ немъ могучій огонь. И онъ почувствовалъ, что отъ напитка точно тысячи раковъ щиплютъ его тѣло.

Потомъ они раздѣлись—и прекрасны были они, озаренные свѣтомъ лампы: онъ въ своей гордой силѣ, она въ своей нежной прелести. Но они ужъ не видѣли другъ друга—они были точно во снѣ. Затѣмъ Катлина положила голову Неле на плечо Уленсигеля, а его руку на сердце дѣвушки.

И такъ лежали они, обнаженные, рядомъ другъ съ другомъ.

И отъ тѣлъ, касающихся другъ друга, ихъ обвѣяло мягкое тепло, грѣвшее ихъ точно майское солнце.

Они поднялись,—такъ рассказывали они впоследствии,—взнеслись на подокопникъ, бросились оттуда въ пространство и почувствовали, что воздухъ несетъ ихъ, несетъ, какъ вода несетъ корабли.

И перестала для нихъ существовать земля, гдѣ спали бѣдные люди, и небо, облака котораго уже скользили подъ ихъ ногами. И они ступили на Сиріусъ, холодное свѣтило. И отсюда ихъ метнуло на полюсъ.

Здѣсь не безъ содроганія увидѣли они голаго великана—Зиму вселенной: обросшій мохнатою шерстью, онъ сидѣлъ на льдинѣ, прислонившись къ ледянымъ стѣнамъ. Въ полыньяхъ прыгали бѣлые медвѣди и тюлени и съ ревомъ плавали вокругъ него. Хриплымъ голосомъ созывалъ онъ градъ, снѣгъ, метель, свинцовыя тучи, желтые удушливые туманы и вѣтры и ураганы, несущіе бурю. И все это по его приказу свирѣствовало въ этомъ мрачномъ мѣстѣ.

Смѣясь надъ этими ужасами, легъ великанъ на цвѣты, которые увядали подъ его рукой, на листья, разомъ засыха-

више подь его дыханіемъ. Потомъ онъ наклонился и сталъ царапать ногтями землю, грызъ ее зубами и выгрызъ глубокую дыру, чтобы добраться до сердца земли и пожрать его: чтобы тамъ, гдѣ стояли тѣнистые луга, сталъ черный уголь, тамъ, гдѣ хлѣбныя поля, пустая солома, и песокъ тамъ, гдѣ была плодородная земля. Но сердце земли было костромъ пылающимъ, онъ не рѣшился коснуться его и отпрянулъ со страхомъ.

Точно король, царилъ онъ тамъ и пилъ кубками ворвань среди своихъ медвѣдей и тюленей и среди скелетовъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ погубилъ на морѣ, на сушѣ и въ бѣдныхъ хижинахъ. Радостно слушалъ онъ, какъ рычатъ медвѣди и ревутъ тюлени, какъ стучать костяки людскіе и звѣринные подь ногтями коршуновъ и вороновъ, разыскивавшихъ тамъ послѣдніе клочки мяса, радуясь также грохоту льдинъ, стлывавшихся другъ съ другомъ въ черной водѣ.

И голосъ великана былъ подобенъ реву урагана, свисту зимней непогоды, завыванію вѣтра въ трубѣ.

— Миѣ холодно и страшно,—сказалъ Уленспигель.

— Онъ безсиденъ противъ духовъ,—отвѣтила Неле.

Вдругъ тюлени заметались, бросаясь стремглавъ въ воду, медвѣди, перепуганные, прижали уши и жалобно завывали, вороны въ ужасѣ закаркали и исчезли въ тучахъ.

И вотъ Уленспигель и Неле услышали глухіе удары тарана въ ледяную стѣну, служащую опорой великану. И стѣна раскололась и затряслась въ своихъ устояхъ.

Но великанъ-Зима ничего не слышалъ. Онъ радостно ревелъ и завывалъ, наполняя и вышивая свои кубки ворвани, скребясь все глубже къ сердцу земли, чтобы обледянить его, но не смѣлъ его коснуться.

А удары гремѣли все сильнѣе, стѣна раскалывалась на глыбы, и дождь ледяныхъ осколковъ неудержимо низвергался, сверкая вокругъ него.

Неустанно визжали жалобно медвѣди, изъ черныхъ водъ неся тоскливый вой тюленей.

Стѣна рухнула, свѣтлый день засіялъ на небесахъ: и въ высотѣ возникъ человекъ, обнаженный и прекрасный, опираясь одной рукой на золотую сѣкиру. Это былъ Свѣтоносецъ, король весны.

При видѣ его великанъ отбросилъ свой кубокъ ворвани и молилъ только не убивать его.

И предъ благостнымъ дыханіемъ короля весны потерялъ великанъ всю свою силу. И, взявъ алмазные цѣпи, король скрутилъ ими его и приковалъ къ полюсу.

Потомъ онъ остановился и воззвалъ,—но нѣжно и ласково. И съ неба спустилась обнаженная женщина, бѣлокурая и прекрасная. Она приблизилась къ королю и сказала:

— Ты мой повелитель, могучій человекъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Если ты голодна, ѣшь; если жаждешь, пей; если боишься, приходи ко мнѣ: я—твой мужчина!

— Я жажду только тебя.

Снова воззвалъ король, и семь разъ прозвучалъ его громовой зовъ. Загрохоталъ страшный могучій ударъ, и засверкали молніи, и за ними выросъ небесный покровъ изъ солнцъ и звѣздъ. И они возсѣли на престолъ.

И тогда, не мѣняя выраженія своихъ царственныхъ лицъ, не дѣлая ни одного мановенія ни движенія, которое нарушило бы ихъ величавый покой, воззвали король и жена.

И на зовъ ихъ широкимъ движеніемъ всколыхнулась земля, каменная глыба съ ледяными скалами. И Неле съ Уленспигелемъ услышали чудовищный трескъ: точно исполинская птица разбиваетъ ударами своего страшнаго клюва громадные яйца.

И во всеобъемлющемъ круговращеніи земли, вздымавшейся и опускавшейся, точно волны морскія, возникли образы, подобныя яйцамъ.

Вдругъ повсюду, слетая свои сухія вѣтви, выросли дѣса деревьевъ, стволы которыхъ колыхались, точно пьяные люди. Потомъ деревья разступились, и широкія поляны легли между ними. Изъ вздымающейся волнами почвы появились духи земли, изъ глубины лѣсовъ—лѣсные духи, изъ близкаго моря—духи водяные.

Предъ Неле и Уленспигелемъ смѣнялись гномы, хранящіе подземныя сокровища,—маленькіе, горбатые, кривоногіе, мохнатые, грязные, уродливые,—владыки камня, лѣшіе, духи древесные, живущіе подобно деревьямъ и вмѣсто рта и желудка несущіе пучокъ спутанныхъ корней, которыми они высасываютъ свое питаніе изъ нѣдръ земныхъ; за ними шли владыки рудныхъ жилъ, вѣчно безмолвные, лишенные сердца и внутренностей, движущіеся, какъ блестящіе чудища. Здѣсь были карлы изъ мяса и костей, съ змѣиными хвостами, жабыми головами и свѣточемъ на макушкѣ, которые ночью вскакиваютъ на плечи пьянымъ путникамъ и трусоватымъ прохожимъ, заманиваютъ ихъ въ болота и дебри, мигая своимъ огонькомъ, который этому злополучному дурачью представляется свѣтомъ изъ жилья.

Здѣсь были и феи цвѣтовъ—самые лучшіе цвѣты женской

прелести, безъ краски смущенія за свою наготу, гордыя своею красотой, не прикрытыя ничѣмъ, кромѣ богатаго плаща своихъ волосъ.

Глаза ихъ переливались влагой, точно жемчугъ въ водѣ, тѣло ихъ было бѣлоснѣжно, крѣпко и обито золотомъ свѣта; полураскрытыя уста ихъ дышали благоуханіемъ, болѣе пьянящимъ, чѣмъ запахъ жасмина.

Это онѣ по вечерамъ носятъ по садамъ и рощамъ или въ глубинѣ лѣса, разыскивая на тѣнистыхъ дорожкахъ чело-вѣческую душу, чтобы насладиться ея обладаніемъ. Проходить мимо нихъ юноша и молодая дѣвушка—онѣ стараются умертвить дѣвушку. А если имъ не удастся, онѣ внушаютъ еще сопротивляющейся дѣвушкѣ такую страсть, что она тутъ же отдается возлюбленному; ибо тогда половина поцѣлуевъ достается феѣ цвѣтовъ.

Уленспигель и Неле видѣли и духовъ звѣздъ, духовъ холодныхъ и теплыхъ вѣтровъ и духовъ дождя. Одни за другими сходили съ высотъ небесныхъ эти легкокрылые юноши, оплодотворяющіе землю.

За ними появились на небесахъ птички-души, милыя ласточки. И свѣтъ при ихъ появленіи сталъ еще живѣе. И гномы и карлики, феи цвѣтовъ и духи горъ, лѣшіе и водяные, духи огня и земли вскричали разомъ:

— Свѣтъ! Сокъ! Слава веснѣ, слава владыкѣ!

Хотя единоголосный окликъ ихъ былъ много громче рева бушующаго моря, завыванія урагана и свиста разнузданнаго вѣтра, однако онъ звучалъ, какъ величавая музыка, въ ухахъ Неле и Уленспигеля, которые, безмолвные и неподвижные, съежились за корявымъ стволомъ громаднаго дуба.

Но еще много страшнѣе сдѣлалось имъ, когда всѣ духи тысячами стали разсаживаться на исполинскихъ паукахъ, жабахъ съ слоновыми клыками, клубкахъ свившихся змѣй; на крокодилахъ, стоявшихъ прямо, опершись на хвостъ и неся духовъ въ своей разверстой пасти; на змѣяхъ, на подвижныхъ тѣлахъ которыхъ сидѣло верхомъ по тридцати и болѣе карликовъ и карлицъ; на сотняхъ тысячъ насѣкомыхъ, громадныхъ, какъ Голиаѳъ, вооруженныхъ зубчатыми серіями и косами, семизубыми вилами и всяческими смертоубийственными орудіями. Съ дикимъ воемъ и скрежетомъ боролись они другъ съ другомъ, сильнѣйшій пожиралъ слабѣйшаго, жирѣлъ и толстѣлъ тутъ же, показывая, что Смерть исходитъ изъ Жизни и Жизнь изъ Смерти.

И изъ всей этой кишачей, мятущейся, подвижной, волнами ходящей толпы духовъ несся неустанный крикъ, подоб-

ный раскатамъ глухого грома и грохоту сотенъ предилень, слесарень, сукновалень.

Вдругъ появились духи соковъ земныхъ, короткіе, коренастые увальни, бедра которыхъ были толсты, какъ Гейдельбергская бочка, а икры, какъ винные боченки, мышцы которыхъ были такъ надуты силой, какъ будто все ихъ тѣло состояло изъ большихъ и малыхъ яицъ, сросшихся между собой. И вся эта масса мускуловъ была обтянута красноватой жирной кожей, блестящей, какъ ихъ жидкія бородавки и рыжіе волосы. Въ рукахъ ихъ были необъятныхъ размѣровъ чаши съ какой-то странной жидкостью.

При видѣ ихъ въ толпѣ духовъ поднялся радостный трепетъ и стрекотаніе; деревья и прочія растенія качались взадъ и впередъ, земля трескалась, чтобы вобрать въ себя влагу.

И духи соковъ опорожнили свои чаши. И все вокругъ зазеленѣло, распустилось, зацвѣло. Трава на лугахъ переполнилась стрекочущими насѣкомыми, небо усыяли птицы и бабочки. И все дальше лили и лили духи, и всякій, сообразно силамъ, напивался сладостнымъ питьемъ соковъ. Феи цвѣтовъ, раскрывъ ротки, кружились вокругъ своихъ рыженькихъ виночерпцевъ, цѣлуя ихъ, чтобы выпросить побольше питья. Другіе просительно складывали руки. Третьи блаженно подставляли себя струямъ. Но всѣ, въ бѣгѣ или въ полетѣ, въ движеніи и неподвижности, въ голодѣ и жаждѣ, всѣ рвались къ питью и при каждой полученной каплѣ становились все живѣе. Здѣсь ужъ не было старыхъ, но всѣ, прекрасные и уродливые, были равно полны юношеской силы и жизнерадостной молодости.

И они смѣялись, и кричали, и пѣли, гнались другъ за другомъ по вѣтвямъ, какъ бѣлки, каждый самецъ искалъ свою самку и подъ сводомъ небесъ свершалъ священное дѣло природы.

И духи соковъ земныхъ поднесли королю и королевѣ большой кубокъ, полный ихъ напитка. И король и королева вышли и поцѣловались.

Затѣмъ король, держа королеву въ объятіяхъ, вылилъ остатокъ изъ своего кубка на деревья, цвѣты и духовъ и воскликнулъ:

— Слава жизни! Слава чистому воздуху! Слава силѣ!

И всѣ вскричали:

— Слава природѣ! Слава ей силѣ!

И Уленспигель обнялъ Неле, и, пока онъ держалъ ее въ объятіяхъ, началась пляска: пляска, подобная круговороту

листочковъ въ вихрѣ вѣтра, пляска, въ которой все мчится и колыхается: деревья и травинки, жуки и бабочки, земля и небо, король и королева, феи цвѣтовъ, гномы, водяные, лѣшіе, блуждающіе огоньки, косопланые карлики, духи горъ, духи звѣздъ, сотни тысячъ чудовищныхъ насѣкомыхъ, сплетающихъ свои лезвия, свои зазубренныя косы и семизубыя вилы: хороводъ, безумствующій въ пространствахъ, пляска вселенной, въ которой кружатся солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вѣтеръ и облака.

И дубъ, къ которому притудились Уленспигель и Неле, неся въ круговоротѣ, и Уленспигель шепталъ Неле:

— Погибли мы, дорогая!

Одинъ изъ духовъ услышалъ ихъ, увидѣлъ, что это смертные, и съ крикомъ: „Здѣсь люди! Здѣсь люди!“—онъ оторвалъ ихъ отъ дерева и бросилъ въ толпу.

И Неле съ Уленспигелемъ упали мярво на духовъ, и тѣ перебрасывали ихъ одинъ другому, восклицая:

— Здравствуйте, люди! Привѣтъ вамъ, черви земные! Кому нужны мальчикъ и дѣвчонка? Въ гости пришли они къ намъ, немощные!

И Неле съ Уленспигелемъ перелетали изъ рукъ въ руки съ крикомъ:

— Помидуйте!

Но духи не слушали ихъ, и они кувырвались въ воздухѣ вверхъ ногами, внизъ головой, кружились, какъ пушинки въ ураганѣ, а духи покрикивали:

— Молодцы, самецъ и самочка! Пусть попляшутъ съ нами!

Феи цвѣтовъ хотѣли оторвать Неле отъ Уленспигеля, стали бить ее и убили бы, но король мановеніемъ руки вдругъ остановилъ пляску и приказалъ:

— Привести этихъ двухъ блошекъ предъ мои глаза!

И ихъ оторвали другъ отъ друга, и каждая изъ разлучницъ, цвѣточныхъ фей, пыталась разлучить Уленспигеля съ соперницей и шептала ему:

— Тиль, развѣ ты не готовъ умереть ради меня?

— Сейчасъ и умру,—отвѣчалъ Уленспигель.

А древесные карлы, несшіе Неле, говорили:

— Почему ты не духъ, какъ мы—ты бы стала нашей.

— Потерпите,—отвѣчала Неле.

Такъ приблизились они къ престолу и, увидя золотую сѣкуру и желѣзную корону, затрепетали всѣмъ тѣломъ.

И король обратился къ нимъ:

— Зачѣмъ явились вы сюда, ничтожные?

Они не отвѣчали.

— Я знаю тебя, вѣдьмино отродье, — сказалъ король, — и тебя, порожденіе угольщика. Но такъ какъ вы проникли въ эту мастерскую природы съ помощью чародѣйства, то почему заткнуты ваши пасти, точно у обѣвшихся каплуновъ?

Неле задрожала, увидѣвъ страшное видѣніе; но къ Уленспигелю вернулось его мужественное спокойствіе, и онъ отвѣтилъ:

— Пепель Клааса стучитъ въ мое сердце. Владыка! Смерть властвуетъ надъ Фландріей и во имя наны косить сильнѣйшихъ мужчинъ и прекраснѣйшихъ дѣвушекъ. Права Фландріи попораны, ея договоры расторгнуты, голодь грызетъ ее; ея ткачи и суконщики покинули ее и ищутъ свободнаго труда на чужбинѣ. Если ей не придутъ на помощь, она погибнетъ. Ваша милость! Я маленькій бѣднякъ, рожденный на этотъ свѣтъ, какъ всякій другой, жилъ, какъ могъ, темно и нечисто, не зная ни добродѣтели ни истины, недостойный состраданія ни человѣческаго ни божественнаго. Но Сооткинъ, мать моя, умерла отъ горя и пытокъ, Клаасъ, мой отецъ, умеръ страшной смертью на кострѣ; я хотѣлъ отомстить за нихъ и пытался это сдѣлать. Я хотѣлъ также видѣть счастливѣе эту бѣдную землю, усѣянную ихъ костями, и просилъ Господа о гибели ихъ убійцъ, но Онъ не услышалъ меня. Усталый отъ жалобъ, я прибѣгъ къ темнымъ заклятіямъ Катлины, и я и моя спутница лежимъ у подножія Престола и молимъ о спасеніи этой страны.

Король и королева вмѣстѣ отвѣтили:

Въ смерти, въ войнѣ,
Въ мечѣ и въ огнѣ
Найди Семерыхъ.

Въ смерти и гибели,
Въ слезахъ и крови
Найди Семерыхъ.

Злобы и страшны,
Гнусны и грязны
Семь бичей земныхъ.
Сожги Семерыхъ.

Жди, слушай, смотри.
Скажи намъ, несчастный —
Иль ты не радъ?
Найди Семерыхъ.

И всѣ духи подхватили хоромъ:

Въ смерти, въ войнѣ,
Въ мечѣ, въ огнѣ
Найди Семерыхъ.

Жди, слушай, смотри.
Скажи намъ, несчастный —
Иль ты не радъ?
Уленспигель.

— Но, Владыка земли, и вы, господа духи, — сказала Уленспигель, — я вѣдь не понимаю вашего языка. Вы, видно, смѣетесь надо мной.

Но тѣ, не слушая его, отвѣчали:

Когда съверь къ западу
Склонится съ лобзаніемъ,
Наступитъ терзаніямъ
Послѣдній конецъ.
Ищи Семерыхъ,
Найди вѣнецъ...

Такъ пѣли они съ такой могучей, громозвучной, согласной силой, что задрожала земля и сотряслось небо. И птицы свистѣли, совы завывали, воробьи пищали отъ страха, съ клекотомъ метались вокругъ орлы. И звѣри земли, львы, змѣи, медвѣди, олени, лани, волки, собаки и кошки ревѣли, выли, стонали, визжали, ворчали, лаяли, мяукали.

А духи пѣли:

Жди, слушай, смотри,
Возлюби Семерыхъ,
Возлюби вѣнецъ!

Запѣли пѣтухи, и всѣ духи растаяли въ туманѣ, кромѣ злого гнома, владыки подземныхъ рудъ, который схватилъ Неле и Уленспигеля и немилосердно швырнулъ ихъ въ бездну.

И они очнулись, лежа другъ подлѣ друга, точно послѣ сна, и вздрагивали отъ прохладнаго утренняго вѣтерка.

И Уленспигель смотрѣлъ на прелестное тѣло Неле, позлащенное пурпурнымъ отблескомъ восходящаго солнца.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Раннимъ сентябрьскимъ утромъ, захвативъ свою палку, три флорина, полученныхъ на дорогу отъ Катлины, кусокъ свиной печенки и краюху хлѣба, вышелъ въ путь Уленспигель по направленію къ Антверпену искать Семерыхъ. Неле еще спала.

По пути увязалась за нимъ собака, почувшая печенку, и ни за что не хотѣла отстать отъ него. Уленсигель прогонялъ ее, но, вида, что она упорно бѣжитъ за нимъ, онъ обратился къ ней:

— Собачка милая, нехорошо ты это выдумала покинуть свой домъ, гдѣ ждутъ тебя добрыя яства, отличные объѣдки и мозговья косточки, чтобы искать приключеній съ невѣдомымъ странникомъ, у котораго подчасъ и корешковъ не будетъ, чтобы накормить тебя. Послушайся меня, глупая собачка, и вернись къ своему хозяину. Бѣги дождя, снѣга, града, пыльного вѣтра, тумана, гололедицы и прочихъ сомнительныхъ сладостей, выпадающихъ на долю путника. Сиди спокойно у домашнего очага, грѣйся и кувыркайся у веселаго огонька. А я пойду одинъ моимъ путемъ по грязи и пыли, по холоду и жару, сегодня въ пеклѣ, завтра въ морозѣ, въ пятницу сытый, въ воскресенье голодный. Вернись туда, откуда пришла—это будетъ самое разумное съ твоей стороны, о, неопытная собачка!

Но песикъ не слушалъ Уленсигеля. Онъ вертѣлъ хвостомъ, прыгалъ, лаялъ и лаялъ отъ жадности. Уленсигель думалъ, что все это выражаетъ дружбу, но онъ забылъ о печенкѣ, лежавшей въ его мѣшкѣ.

Такъ шли они съ собакой.

Пройдя около мили, вдругъ увидѣли они на дорогѣ бричку; запряженный въ нее осель стоялъ, понутивъ голову. На откосѣ у дороги сидѣлъ между двухъ кустиковъ чертополоха толстякъ, обгладывавшій баранью ногу, которую онъ держалъ въ одной рукѣ; въ другой онъ держалъ бутылку, изъ которой тянулъ что-то; въ промежуткахъ между ѣдой и питьемъ онъ стоналъ или всхлипывалъ.

Уленсигель остановился, собака тоже. Почувявъ запахъ бараньей ноги и печенки, она бросилась вверхъ по откосу, приѣла подлѣ толстяка и теребила его за куртку, требуя своей части угощенія, но тотъ оттолкнулъ ее локтемъ и съ жалобными стенаніями поднялъ вверхъ свою баранину. Изголодавшаяся собака подвывала ему. Осель, запряженный въ бричку и потому напрасно тянувшійся къ колючкамъ, обозлился и заревѣлъ.

— Чего тебѣ, Янъ?—обратился толстякъ къ ослу.

— Ничего,—отвѣтилъ Уленсигель:—онъ просто хотѣлъ бы позавтракать колючками, которыя расцвѣли вокругъ васъ, какъ въ Тессендерлоо, на церковныхъ хорахъ, вокругъ Иисуса Христа. Конечно, собачка была бы не прочь вкусить своей пастью вашей бараньей кости; пока-что покормлю ее свиной печенкой.

Пока собака поглощала печенку, толстякъ погрызъ еще кость, обгрызъ еще разъ съ нея мясо и лишь тогда совершенно обглоданную бросилъ собакѣ.

Тогда толстякъ поднялъ голову къ Уленспигелю, и тотъ узналъ Ламме Гоодзака изъ Дамме.

— Ламме,—сказалъ онъ:—что ты тутъ дѣлаешь въ жратвѣ, питьѣ и стenaniяхъ? Не надралъ ли тебѣ безъ всякаго почтенiя уши какой-нибудь солдатъ?

— О, жена, жена моя!—простоналъ Ламме.

И онъ опять прильнулъ къ бутылкѣ, но Уленспигель опустилъ руку на его шею.

— Не пей,—сказалъ онъ:—торопливое питье только почкамъ полезно. Лучше бы оно пригодилось тому, у кого совсѣмъ бутылки нѣтъ.

— Говоришь хорошо, —сказалъ Ламме:— а вотъ какъ выпьешь?

И онъ протянулъ ему бутылку.

Уленспигель опрокинулъ ее надъ глоткой и, возвращая, сказалъ:

— Зови меня испанцемъ, если тамъ осталось столько, чтобы напоить воробья.

Ламме посмотрѣлъ на бутылку, жалобно вздохнулъ, порылся въ своемъ мѣшкѣ, вытащилъ еще одну бутылку и кусокъ колбасы и, разрѣзавъ ее на ломтики, началъ жевать такъ же мрачно.

— Что жъ ты, все ѣшь безъ остановки?—спросилъ Уленспигель.

— Часто, сынъ мой, —отвѣтилъ Ламме:— но только для того, чтобы разогнать печальныя мысли. Гдѣ ты, жена моя?—простоналъ онъ, вытирая слезы, и нарѣзалъ десять ломтиковъ колбасы.

— Ламме,—сказалъ Уленспигель:—ѣшь не такъ быстро и не будь безжалостенъ къ бѣдному путнику.

Съ плачемъ протянулъ ему Ламме четыре толстыхъ кружочка, и Уленспигель ѣлъ, умиляясь ихъ чудесному вкусу. Но Ламме, не переставая ѣсть, скулилъ, приговаривая:

— Жена моя, хорошая моя жена! Какая она была нѣжная и милая, легкая, какъ бабочка, быстрая, какъ молнiя! Она пѣла, какъ жаворонокъ. Только наряды любила очень. И шло же ей все! Но и цвѣты хороши въ нарядѣ. Если бы ты видѣлъ, сынъ мой, ея маленькiя ручки, созданныя для ласки, ты не позволилъ бы ей коснуться сковороды или горшка. Отъ кухоннаго огня потемнѣла бы ея бѣлоснѣжная кожа. А глаза! При одномъ взглядѣ на нихъ я таилъ отъ умиленiя... Выпей

глочечекъ, я послѣ тебя... Ахъ, лучше бы она умерла! Знаешь, Тиль, у насъ въ домѣ всѣ заботы я взялъ на себя, чтобы она не знала ни малѣйшей работы; я подметалъ комнаты, я стелилъ нашу постель, на которой по вечерамъ она вытягивалась, истомленная благополучіемъ; я мылъ посуду и бѣлье стиралъ, даже самъ гладилъ... Ышь, Тиль, это гентская колбаса... Часто она приходила съ прогулки слишкомъ поздно къ ужину, но я такъ радовался при видѣ ея, что не смѣлъ упрекнуть ее; ибо я былъ счастливъ, когда она ночью не поворачивалась ко мнѣ спиной, надувъ губы. Все, все потерялъ я!.. Пей, это брюссельское на манеръ бургундскаго.

— Почему же она сбѣжала?—спросилъ Уленспигель.

— Развѣ я знаю?—отвѣчалъ Ламме:—гдѣ то время, когда я еще ухакивалъ за ней въ надеждѣ жениться, а она бѣжала меня отъ любви и робости? Ея круглыя бѣлыя руки были обнажены, и, когда она чувствовала, что я смотрю на нихъ, она опускала на нихъ рукава. А иногда я дерзалъ приласкать ее, и я цѣловалъ ея прекрасные глаза, которые она зажимала въ это мгновеніе, и крѣпкій полный затылокъ; она вздрагивала, вскрикивала слегка, отворачивалась и отталкивала меня тумаконъ въ носъ. И она смѣялась, когда я кричалъ ай!—и тоже нѣжно хлопалъ ее. Только и были между насъ игры да смѣшки!.. Тиль, осталось еще вина?

— Да,—отвѣтилъ Уленспигель.

Выпивъ, Ламме продолжалъ:

— А то, когда она была ласковѣ настроена, она обвивала мою шею руками и говорила:—„Красавецъ ты мой!“ и цѣловала, какъ сумасшедшая, сто разъ подъ рядъ, все въ лобъ и щеки и никогда въ губы, и, когда я спрашивалъ ее, почему это она среди такихъ вольностей налагаетъ на себя этотъ запретъ, она бѣжала къ своему ларцу, доставала оттуда куклу, всю въ шелку и бисерѣ, и говорила:—„Не хочу имѣть такого!“. Вѣрно, мать, чтобы оберечь ея добродѣтель, наговорила ей, что дѣти рождаются отъ поцѣлуи въ губы. Ахъ, гдѣ эти радостныя мгновенія! Гдѣ эти сладостныя ласки!.. Взгляни, Тиль, нѣтъ ли тамъ въ сумкѣ ветчины?

— Поль-окорока,—отвѣтилъ Тиль, и Ламме поглотилъ все цѣлкомъ.

При этомъ Уленспигель смотрѣлъ на него и сказалъ:

— Эта ветчина очень полезна для моего желудка.

— И для моего тоже,—отвѣтилъ Ламме, ковыряя пальцами въ зубахъ:—но я не увижу больше моей красавицы, она убѣжала изъ Дамме. Хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ искать ее?

— Ёдемъ.

— А въ бутылкѣ ничего не осталось?

— Ничего,—отвѣтилъ Уленспигель.

Они сѣли въ бричку, и осель съ прощальнымъ жалобнымъ крикомъ потащилъ ихъ впередъ.

А собака, наѣвшись досыта, убѣжала, не сказавъ ни слова.

II.

Бричка тряслась по плотинѣ, отдѣлившей каналъ отъ пруда. Уленспигель задумчиво поглаживала ладанку съ пепломъ Клааса, висѣвшую у него на груди. Онъ спрашивалъ себя, правда или ложь было его видѣніе, издѣвались надъ нимъ духи или въ таинственной формѣ возвѣстили ему, что онъ дѣйствительно долженъ разыскать, чтобы спасти землю своихъ отцовъ.

Тщетно бился онъ и терзался, стараясь разгадать смыслъ велѣнія; никакъ не могъ онъ понять, кто такіе Семеро и о какомъ вѣнцѣ рѣчь.

Онъ перечислялъ: умершій императоръ, живой король, правительница Маргарита, папа римскій, великій инквизиторъ, генералъ іезуитскаго ордена—вотъ шесть страшныхъ палачей его родины, которыхъ онъ сжегъ бы безъ колебанія. Но онъ понималъ, что это не они, ибо слишкомъ ужъ легко ихъ сжечь: значить, надо искать Семерыхъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. И онъ повторялъ про себя:

Когда съверь къ западу
Склонится съ добзаніемъ,
Наступитъ терзаніямъ
Послѣдній конецъ.
Возлюби Семерыхъ,
Возлюби вѣнецъ!

„Ахъ, — говорилъ онъ себѣ: — въ смерти, крови и слезахъ искать Семерыхъ, сжечь Семерыхъ, возлюбить Семерыхъ! Кто они? Мой бѣдный умъ терзается понапрасну: ибо кто же сжигаетъ то, что любить?..“

Повозка оставила за собой ужъ добрую часть пути, какъ впереди послышался скрипъ шаговъ по песку и голосъ, напѣвавшій пѣсню:

Не встрѣчали ль вы его,
Друга сердца моего?
Вѣчно пѣсни распѣваетъ,
Знаетъ Богъ, гдѣ онъ гуляетъ.
Я жъ тоскую здѣсь о немъ,
Смѣломъ, славномъ, молодомъ.
Не встрѣчали вы его,

Друга сердца моего?
Если встрѣтите, скажите,
Что его все ищет Неле.
Гдѣ ты, Тиль мой? Неужели
Намъ не встрѣтиться на свѣтѣ?
Не встрѣчали ль вы его,
Друга сердца моего?

Уленспигель похлопалъ Ламме по животу и приказалъ:

— Не сонй такъ, толстопузый.

— Ахъ, — вздохнулъ Ламме, — это не легко для человѣка моего объема.

Но Уленспигель уже не слушалъ его, но спряталъ голову за завѣсой брички и хрилымъ голосомъ едва очухавшагося нянницы запѣлъ:

Да, мы видѣли его,
Друга сердца твоего.
Ѣдетъ онъ не очень скоро,
Съ нимъ увѣсистый обжора...

— Тиль, — сказалъ Ламме: — сегодня у тебя злой языкъ.

Уленспигель, попрежнему не слушая его, высунулъ голову между занавѣсокъ и сказалъ:

— Неле, узнаешь?

Она вздрогнула отъ неожиданности, разомъ разсмѣялась и расплакалась и сквозь слезы крикнула:

— Вижу тебя, погодный!

— Неле, — сказалъ Уленспигель: — если вамъ угодно меня побить, то у меня есть здѣсь палка, достаточно увѣсистая, чтобы чувствовать ея удары, и суковатая, чтобы память отъ нея оставалась надолго.

— Тиль, — спросила Неле: — ты ушелъ искать Семерыхъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ.

Неле несла туго набитую сумку. Протянувъ ее Уленспигелю, она сказала:

— Тиль, я подумала, что нехорошо человѣку пускаться въ странствіе, не имѣя въ запасѣ жирнаго гуся, окорока, гентскихъ колбасъ. Закуси на память обо мнѣ.

Такъ какъ Уленспигель смотрѣлъ на Неле, не собираясь взять ея сумку, Ламме высунулъ голову съ другой стороны занавѣски и сказалъ:

— Предусмотрительная дѣвица, если онъ не возьметъ, то это только по разбѣйности; давай сюда и окорокъ и гуся, навязки мнѣ и ту колбасу: я ихъ сберегу для него.

— Что это за добродушная рожа? — спросила Неле.

— Это жертва супружеской жизни, — отвѣтили Уленспигель: — истерзанннй страданіями, онъ высохъ бы, какъ яблоко въ печи, если бы не возстановлялъ свои силы непрерывнымъ подвозомъ пищи.

— Воистину такъ, сынъ мой, — вздохнулъ Ламме.

Солнце палило своими пламенными лучами голову Неле. Она накрылась передникомъ. Уленспигелю хотѣлось побыть съ ней вдвоемъ, и онъ указалъ Ламме:

— Смотри, смотри, вонъ женщина на дугу.

— Ну, вижу.

— Не узнаешь, что ли?..

— О, — вздохнулъ Ламме: — развѣ это мой? Она и одѣта не какъ горожанка.

— Ты еще сомнѣваешься, слѣпой крогъ?

— А если это не она? — сказалъ Ламме.

— Тогда тоже ничего не теряешь: тамъ лѣвѣ, къ сѣверу, кабачокъ, гдѣ ты найдешь отличное пиво. Мы тамъ встрѣтимся съ тобой, и захвати съ собой этотъ окорокъ, чтобы подстегнуть естественную жажду.

Ламме выскочилъ изъ брички и размахистыми прыжками побѣжалъ къ женщинѣ, переходившей черезъ лужайку.

— Влѣзай же, — сказала Уленспигель Неле.

Онъ помогъ ей взобраться, усадилъ рядомъ съ собой, снялъ передникъ съ ея головы и накидку съ плечи; потомъ, покрывая поцѣлуями, спросилъ:

— Куда ты шла, голубка?

Она не отвѣчала, но замирала отъ счастья. Уленспигель тоже не помнилъ себя отъ радости.

— Вотъ ты здѣсь! — говорилъ онъ. — Цвѣты шиповника на заборахъ грубѣ твоей свѣжей кожи. Ты не королева, но дай, я возложу на тебя вѣнецъ поцѣлуевъ. Прелестныя руки, какія вы нѣжныя, какія розовыя! Амуръ создалъ васъ для объятій. О, дѣвочка дорогая, мои грубыя мужскія руки не поцарапаютъ эти плечи? Легкій мотылекъ спускается на пурпурную гвоздику, но имѣю ли я, такой чурбанъ, право покоиться на твоей сверкающей бѣлизнѣ, не омрачая ея? Господь на небесахъ, король на тронѣ, солнце тамъ въ побѣдной вышинѣ, — а я, неужто я здѣсь и Господь, и король, и солнце, — вѣдь я подлѣ тебя! О, волоса твои нѣжныѣ шелка. Неле, я бью, я рву, я неистовствую, но не бойся меня, радость моя. Какая ножка! Почему она такъ бѣла? Ее мыли въ молокѣ?

Она хотѣла подняться.

— Чего ты боишься? — говорилъ Уленспигель: — не солнца же,

которое сілетъ надъ нами и покрыло тебя своимъ пурпуромъ! Не опускай глазъ. Смотри въ мои глаза, — какой чудный огонь ты зажигаешь въ нихъ. Слушай, дорогая, слушай, красавица: молчать часъ полудня. Труженикъ дома ѣстъ свою похлебку. Почему же намъ не жить нашей любовью? О, зачѣмъ я не могу тысячи лѣтъ подбирать жемчужины у твоихъ жемчужныхъ колѣнъ?

— Лъстець,—сказала она.

И солнце свѣтило сквозь бѣлую занавѣску повозки, и жаворонокъ пѣлъ, трепеща, надъ полями, и голова Неле лежала на плечѣ Уленспигеля.

III.

Между тѣмъ, запыхавшись, покрытый крупными каплями пота, явился Ламме, фыркая, какъ дельфинъ.

— Ахъ,—говорилъ онъ,—я родился подъ несчастной звѣздой. Бѣжалъ изо всѣхъ силъ, нагналъ наконецъ женщину— и увидалъ, что это не она. По лицу ея видно, что ей добрыхъ сорокъ пять лѣтъ, а по повязкѣ—что она никогда не была замужемъ. Спрашиваетъ меня такъ сердито, чего я тутъ съ моимъ пузомъ ищу въ клеверѣ. „Ищу,—говорю ей вѣжливо,— мою жену, которая меня бросила, а такъ какъ мнѣ показалось, что это она, я и побѣжалъ къ вамъ“. На это пожилая дѣвица отвѣтила мнѣ, чтобы я поскорѣе убирался туда, откуда пришелъ. И что если меня бросила моя жена, то отлично сдѣлала, такъ какъ всѣ мужчины негодяи, проходимцы, распутники, еретики, обманщики и отравители и надувають дѣвушекъ даже зрѣлаго возраста. И что если я немедленно не уберусь, то она натравитъ на меня свою собаку.

„И и послушался, не безъ тренета однако, такъ какъ у ногъ ея лежалъ, ворча, громадный песь. Перебравшись черезъ ея межу, я присѣлъ и для отдыха сталъ закусывать кусочкомъ ветчины. Вдругъ слышу позади шорохъ, обернулся, а тамъ песь старой дѣвы, но тутъ онъ уже не ворчалъ на меня, а вертѣлъ хвостомъ и смотрѣлъ ласково и просительно: захотѣлось ему моей ветчинки. Ну, бросилъ ему кусочекъ— другой, вдругъ бѣжить его хозяйка съ крикомъ: „Куси, куси, сынокъ!“.

„Тутъ я помчался, чтò есть духу, а на штанахъ моихъ повисъ уже песь и вырвалъ изъ нихъ кусокъ съ моимъ мясомъ! Я отъ боли пришелъ въ ярость, обернулся и такъ треснулъ его палкой по переднимъ ногамъ, что, по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ перешибъ пополамъ. Онъ свалился,

закричалъ по-собачьи: „Смилуйся!“ и я помиловалъ его. А хозяйка его тѣмъ временемъ, за отсутствіемъ камней, швырнула въ меня кускомъ земли; я бѣжалъ, что было мочи. Ну, не гадко ли, не позорно ли, что дѣвушка, не найди — по отсутствію достоинствъ — себѣ мужа, вымещаетъ это на невинномъ несчастномъ человѣкѣ, какъ я?

„Вотъ, удрученный, направился я къ трактиру, который ты мнѣ указалъ, и хотѣлъ спросить здѣсь для утѣшенія кружку пива. Но и тутъ разочарованіе: только я переступилъ порогъ, вижу — дерутся мужчина и женщина. Я спрашиваю, не угодно ли имъ будетъ прекратить этотъ бой, чтобы дать мнѣ кружку темнаго пива вмѣстимостью хоть въ одну или шесть пинтъ. Но эта баба — настоящая сушеная треска съ виду — яростно отвѣчаетъ, что если я не уберусь въ мгновеніе ока, то она угоститъ меня тѣмъ самымъ деревяннымъ банмакомъ, которымъ она обрабатываетъ голову своего мужа. И вотъ я вернулся, вспотѣлъ, хоть выжми, а усталъ до смерти. Поѣсть ничего нѣтъ?“

— Найдется, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Наконецъ-то! — вздохнулъ Ламме.

IV.

Такъ въ компаніи продолжали они свой путь. Осель, откинувъ уши назадъ, тащилъ бричку.

— Смотри, Ламме, — сказалъ Уленспигель, — какіе хорошіе попутчики мы четверо: осель, вѣрная тварь Господня, пощипываетъ себѣ колючки; ты, толстячокъ, размыкаешь ту, которая тебя покинула; а эта кроткая дѣвушка съ нѣжнымъ сердцемъ нашла возлюбленнаго, ея недостойнаго, то-есть меня. Что жъ, бодрѣе, дѣти мои! Листья желтѣютъ, и звѣзды ярче сіяютъ на небосклонѣ, скоро уляжется солнышко въ перину осеннихъ тучъ, придетъ зима, образъ смерти, и покроетъ снѣжнымъ надгробіемъ тѣхъ, кто покоится подъ нашими ногами, а я пойду въ путь искать спасенія земли отцовъ. Бѣдные усопшіе, ты, Соотквинъ, умершая отъ горя, и Клаасъ, претерпѣвшій смерть на кострѣ! Дубокъ любви, плющъ нѣжности, я вашъ отпрыскъ, выросшій изъ васъ, тяжело скорблю я и отомщу за тебя, прахъ, стучащій въ мое сердце.

— Не слѣдуетъ оплакивать тѣхъ, кто умеръ за правду, — сказалъ Ламме.

Но Уленспигель не выходилъ изъ раздумья.

— Пришелъ часъ разлуки, — сказалъ онъ, — и надолго, Неле: можетъ-быть, никогда мнѣ не видать больше твоего милаго личика.

Неле взглянула на него своими ясными лучистыми глазами и сказала:

— Брось брочку, пойдемъ со мной въ лѣсъ; тамъ будетъ у насъ хорошая ѣда: я умѣю отыскивать растенія и приманивать птицъ.

— Дѣвочка, — сказала Ламме, — нехорошо, что ты пытаешься удержать Уленспигеля на его пути, когда онъ долженъ отыскивать Семерыхъ и помочь мнѣ найти мою жену.

— Только не сейчасъ! — вскричала Неле и плакала и среди слезъ улыбалась своему другу.

Увидѣвъ это, Уленспигель сказалъ:

— Когда бы ты ни нашелъ свою жену, всегда будетъ слишкомъ рано для новыхъ страданій.

— Что жъ это, Тиль, — сказалъ Ламме: — ты изъ-за этой дѣвушки хочешь оставить меня одного въ моей брочкѣ? Ты не отвѣчаешь и думаешь о лѣсѣ, гдѣ нѣтъ ни Семерыхъ ни моей жены. Лучше будемъ искать ихъ на этой вымощенной дорогѣ, по которой такъ легко катится брочка.

— Ламме, — сказалъ Уленспигель, — у тебя въ брочкѣ полный мѣшокъ ѣды: ты, стало-быть, не умрешь съ голоду, если и безъ меня доѣдешь до Коолькерке, гдѣ и догоню тебя. Въ одиночествѣ ты тамъ лучше развѣдаешь, въ какую сторону направиться на поиски твоей жены. Слушай и замѣчай. Вотъ такъ шагкомъ пройдешь три мили до Коолькерке — „холодной церкви“, — которая такъ называется потому, что она — какъ и многія другія, впрочемъ — обвѣвается вѣтрами со всѣхъ четырехъ сторонъ. На колокольнѣ ея есть флюгеръ, въ видѣ пѣтуха, который вертится на ржавыхъ петляхъ во всѣ стороны. Его скрипъ возвѣщаетъ бѣднымъ мужчинамъ, потерявшимъ своихъ возлюбленныхъ, на какомъ пути ихъ разыскивать. Только надо раньше ударить оруховымъ прутнеомъ семь разъ по каждой стѣнѣ. Скрипятъ петли подъ сѣвернымъ вѣтромъ — иди на сѣверъ, но осторожно, ибо сѣверный вѣтеръ — вѣтеръ войны. Дуетъ съ юга — впередъ на крыльяхъ, ибо это вѣтеръ любви. Вѣетъ восточный — спиши рысью: тамъ свѣтъ и радость. Подулъ западный — вѣрь и отправляйся: это вѣтеръ дождя и слезъ. Поѣзжай, Ламме, въ Коолькерке и жди меня тамъ.

— Ёду, — отвѣтилъ Ламме и двинулся въ путь.

Пока онъ приближался къ Коолькерке, мягкій, но сильный вѣтеръ нагналъ сѣрыя тучи, которые неслись толпами по небу, точно стадо овецъ; и деревья сердито шумѣли, какъ волны бушующаго моря. Уленспигель и Неле долго сидѣли въ лѣсу. Уленспигель проголодался, и Неле разыскивала слад-

кіе коренья, но нашла только поцѣлуй, полученные отъ младаго, да желуды.

Уленспигель поставилъ силки и насвистывалъ, чтобы заманить птицу; онъ рассчитывалъ на жаркое. Соловей сѣлъ на листву подлѣ Неле; но она не схватила его, такъ какъ хотѣла послушать его пѣніе. Прилетѣла коноплянка, но Неле пожалѣла веселую и гордую птичку; потомъ слетѣлъ жаворонокъ, но Неле посоветовала ему, чѣмъ вертѣться на смертоубійственномъ остреѣ вертела, лучше подняться къ высотамъ небеснымъ и оттуда воспѣть хвалебную пѣснь природѣ.

И она говорила правду, такъ какъ Уленспигель вырѣзалъ острый прутыкъ, развелъ яркій костеръ и ждалъ своихъ жертвъ.

Но больше птички не слетали, только нѣсколько злобныхъ вороновъ каркало надъ ихъ головами.

И Уленспигель остался голоденъ.

Между тѣмъ пришло время Неле вернуться къ Катлинѣ. Рыдай, пошла она впередъ, и Уленспигель смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Но она вернулась и кинулась ему на шею, причитая.

— Ухожу!

Сдѣлала нѣсколько шаговъ, вернулась и снова сказала:

— Ухожу!

И такъ подъ-рядъ разъ двадцать и болѣе.

Наконецъ она въ самомъ дѣлѣ ушла, и Уленспигель остался одинъ и двинулся въ путь за Ламме.

Онъ нашелъ друга у подножья колокольни. Ламме сидѣлъ, разставивъ ноги, между которыми стояла большая кружка пива, и мрачно грызъ орѣховый прутыкъ.

— Тиль,—сказалъ онъ,—ты, кажется, послалъ меня сюда лишь затѣмъ, чтобы остаться вдвоемъ съ дѣвочкой. Какъ ты сказалъ мнѣ, я семь разъ стучалъ прутыкомъ по каждой стѣнѣ, но, хотя вѣтеръ дуетъ, какъ дьяволъ, петли не скрипѣли.

— Вѣрно, ихъ масломъ смазали,—отвѣтилъ Уленспигель.

И они направились въ герцогство Брабантское.

V.

Мрачно и неустанно днемъ, а то и ночью строчилъ король Филиппъ бумаги и исписывалъ пергаменты. Имъ ввѣрялъ онъ думы своего жестокаго сердца. Такъ какъ онъ никогда не любилъ въ этой жизни и зналъ, что и его никто не любить, онъ хотѣлъ самъ нести бремя своей необъятной власти. Но это былъ прежалостный Атласъ, приплюснутый тя-

желымъ бременемъ. Виль и раздражителенъ былъ онъ, и непосильная работа истощала его тѣло. Невыносимо было для него всякое радостное лицо, и болѣе всего за ея веселье ненавидѣлъ онъ Фландрію; ненавидѣлъ нашихъ купцовъ за ихъ богатство и роскошь; ненавидѣлъ наше дворянство за его свободный духъ, за его независимость, за огонь его мужественной жизненности. Онъ зналъ,—ибо ему сказали объ этомъ,—что задолго до того, какъ кардиналъ де-Куза около 1880 года, указавъ на пороки церкви, проповѣдывалъ необходимость преобразования, негодование противъ папы и римской церкви проявилось въ нашей странѣ въ образѣ различныхъ сектъ и кишѣло во всѣхъ головахъ, какъ вода въ закрытомъ котлѣ.

Упрямый, какъ мулъ, онъ былъ убѣжденъ, что воля его должна тяготѣть надъ всѣмъ міромъ подобно волѣ Божьей. Онъ хотѣлъ, чтобы наша страна, отвыкшая отъ подчиненія, склонилась подъ старымъ ярмомъ, не добившись никакихъ перемѣнъ. Онъ хотѣлъ видѣть свою святѣйшую мать, римско-католическую апостолическую церковь, единой, нераздѣльной и всемогущей, безъ ограниченій и преобразованій, хотѣлъ, не имѣя къ тому никакого разумнаго основанія, кромѣ того, что такъ онъ хотѣлъ. И онъ упорствовалъ въ этомъ, какъ глухая баба, и подъ гнетомъ своихъ нелѣпныхъ мыслей метался ночью на постели, точно на терновомъ ложѣ.

— Да, святой Филиппъ, да, Господи Боже! Хоть бы мнѣ пришлось обратить всѣ Нидерланды въ одну большую могилу и бросить въ нее всѣхъ жителей страны, они возвратятся къ тебѣ, святой покровитель, къ Тебѣ, Пресвятая Дѣва, къ вамъ, святители небесные.

И онъ старался поступать по слову своему и сталъ болѣе римскимъ, чѣмъ папа, болѣе католическимъ, чѣмъ вселенскіе соборы.

И Уленспигель, и Ламме, и весь народъ фландрскій съ ужасомъ представляли себѣ, какъ тамъ, въ мрачной твердынѣ Эскуріала сидитъ этотъ коронованный паукъ съ длинными ногами и разверстой пастью и плететъ паутину, чтобы запутать ихъ и высосать кровь ихъ сердца.

Несмотря на то, что папская инквизиція за время правленія Карла загубила сотни тысячъ христіанъ на кострѣ, на плахѣ и на висѣлицѣ, что достойное казненныхъ мучениковъ передилось въ казну императора и короля, точно дождь въ сточную канаву,—всего этого казалось мало королю Филиппу. Онъ навязалъ странѣ новыхъ епископовъ и позволилъ себѣ ввести здѣсь испанскую инквизицію.

И городскіе глашатаи при звукѣ трубъ и литавръ читали указы, грозившіе смертью на кострѣ всѣмъ еретикамъ, мужчинамъ, женщинамъ и дѣвушкамъ, если они не отрекутся отъ своихъ заблужденій, и только висѣлицей въ томъ случаѣ, если они отрекутся. Женщинамъ и дѣвушкамъ грозило погребеніе заживо, причемъ палачъ будетъ плясать по ихъ тѣлу.

И пламя мятежа занялось во всей странѣ.

VI.

Пятаго апрѣля, передъ Пасхой, явились дворяне, графъ Людвигъ Нассаускій, Кюленбургъ и Бредероде, этотъ Геркулесъ въ выпивкѣ, и съ ними триста прочихъ дворянъ, ко дворцу правительницы герцогини Пармской въ Брюсселѣ. По четыре въ рядъ шествовали они и поднимались по дворцовой лѣстницѣ.

Войдя въ залу, они вручили правительницѣ прошеніе, гдѣ была изложена ихъ просьба побудить короля Филиппа отменить указы, поскольку послѣдніе касаются вопросовъ вѣры и испанской инквизиціи, ибо иначе—заявляли они—отъ всего этого въ нашей странѣ подъ вліяніемъ недовольства возникнутъ волненія, беспорядки и всеобщее неблагополучіе.

И прошеніе это получило названіе: „Компромиссъ“.

Берлемонъ, внослѣдствіи такъ предательски и такъ безчеловѣчно дѣйствовавшій въ странѣ своихъ отцовъ, стоялъ подлѣ ея высочества; издѣваясь надъ бѣдностью нѣкоторыхъ изъ дворянъ, явившихся съ прошеніемъ, онъ шепнулъ герцогинѣ:

— Ваше высочество, не бойтесь этихъ нищихъ (gueux).

Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что дворяне разорились на королевской службѣ или болѣе всего потому, что они пытались соперничать съ пышностью испанскихъ придворныхъ.

Чтобы выразить свое презрѣніе къ словамъ господина де-Берлемона, дворяне заявили, что ставятъ себя въ честь, что за службу королю и благу страны ихъ считаютъ и называютъ нищими (гѣзами).

Они повѣсили себя на шею золотыя медали, на одной сторонѣ которыхъ было вычеканено изображеніе короля, а съ другой стороны двѣ руки, сплетенныя надъ нищенской сумой, а вокругъ надпись: „Вѣрны королю вплоть до нищенской сумы“. И на шлемахъ и шапкахъ они носили золотыя изображенія нищенскихъ кружекъ и шляпъ.

А Ламме тѣмъ временемъ, влача свое пузо, разыскивалъ по всему городу свою жену и не находилъ ея.

VII.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ ему однажды утромъ Уленспигель:—мы сдѣлаемъ визитъ одной высокопоставленной и высокородной, могущественной грозной особѣ.

— Она скажетъ мнѣ, гдѣ моя жена?

— Если знаетъ, то скажетъ.

И они отправились къ Бредероде, „Геркулесу въ выпивкѣ“. Онъ былъ во дворѣ своего замка.

— Чего тебѣ?—спросилъ онъ Уленспигеля.

— Поговорить съ вами, ваша милость.

— Говори.

— Вы сильный, прекрасный, храбрый рыцарь, — началъ Уленспигель:—однажды вы раздавили француза въ панцырѣ, какъ слизняка въ ракушкѣ. Но къ храбрости вашей и силѣ присоединился высокій разумъ. Почему, скажите, носите вы эту медаль съ надписью: „Вѣрны королю вплоть до нищенской сумы“?

— Да, почему, ваша милость?—спросилъ также Ламме.

Но Бредероде не отвѣчалъ и смотрѣлъ на Уленспигеля. А тотъ продолжалъ:

— Почему вы, высокіе господа, хотите оставаться вѣрными королю вплоть до нищенской сумы? Потому ли, что онъ къ вамъ особенно милостивъ, потому, что полонъ къ вамъ любви? Почему, вмѣсто того, чтобы хранить вѣрность этому палачу, вы не стараетесь отобрать у него его владѣнія, чтобы онъ самъ былъ вѣренъ нищенской сумѣ?

И Ламме кивалъ головой въ знакъ согласія.

Бредероде посмотрѣлъ на Уленспигеля своими живыми глазами и улыбнулся, увидѣвъ его добродушное лицо.

— Если ты не шпионъ короля Филиппа,—сказалъ онъ,—то ты добрый фламандецъ, и я тебя награжу на всякій случай за то и за другое.

Онъ повелъ его въ буфетную, и Ламме слѣдовалъ за нимъ.

Здѣсь онъ дернулъ его за ухо такъ, что кровь пошла, и сказалъ:

— Это шпиону.

Уленспигель не крикнулъ.

— Подай ему чашу съ глинтвейномъ,—сказалъ Бредероде служителю.

Тотъ принесъ и налилъ въ бокаль теплаго вина, ароматомъ котораго наполнился воздухъ.

— Пей,—сказалъ Бредероде Уленспигелю:—это для добраго фламандца.

— Ахъ, фламандецъ, — вскричалъ Уленспигель, — какимъ прекраснымъ, ароматнымъ языкомъ говоришь ты; языкъ, которымъ говорятъ святые, много хуже твоего.

Онъ выпилъ кубокъ до половины и передалъ его Ламме.

— А это что за кузанъ, который получаетъ награду, ничего не свершивъ? — спросилъ Бредероде.

— Это мой другъ Ламме, который всякій разъ, какъ пьетъ теплое вино, радуется, что найдетъ опять свою жену.

— Да, — сказалъ Ламме, съ увлеченіемъ прижавъ къ вину.

— Куда вы теперь держите путь? — спросилъ Бредероде.

— Идемъ искать Семерыхъ, которые спасутъ честь Фландрии, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Какихъ Семерыхъ?

— Когда я найду ихъ, тогда скажу вамъ, какихъ.

А Ламме, пришедшій въ возбужденіе отъ вина, задалъ Уленспигелю вопросъ:

— А что, Тиль, не поискать ли намъ мою жену на дунѣ?

— Прикажи поставить лѣстницу, — отвѣтилъ Уленспигель.

Это было въ маѣ, въ зеленомъ мѣсяцѣ маѣ.

— Вотъ и май на дворѣ, — сказалъ Уленспигель Ламме. — Ахъ, сияютъ небеса, носятся веселыя ласточки. Смотри, какъ краснѣютъ отъ сока вѣтви деревъ. Земля полна любви. Самое настоящее время вѣшать и сжигать людей за ихъ вѣру. Здѣсь они, мои миленькіе инквизиторчики. Какія благородныя лица! Имъ дана вся власть исправлять, наказывать, унижать, предавать суду, — ахъ, какой чудный май! — бросать въ темницы, вести процессы, не соблюдая законовъ, сжигать, вѣшать, рубить головы, закапывать живьемъ женщинъ и дѣвушекъ въ безвременной могилѣ. Щеглята поютъ на деревьяхъ! Все вниманіе сосредоточили добрые инквизиторы на людяхъ богатыхъ: король — наслѣдникъ ихъ достоинства. Бѣгите въ луга, дѣвушки, пляшите тамъ подъ музыку волынки и свирѣли. О, чудный мѣсяцъ май!

И пепель Клааса стучалъ въ сердце Уленспигели.

— Ну, пора въ путь, — сказалъ онъ Ламме: — счастливъ, кто въ предстоящіе черные дни будетъ держать высоко свою бодрость и свой мечъ.

VIII.

Какъ-то въ августѣ шелъ Уленспигель по Фландрской улицѣ въ Брюсселѣ мимо дома Яна Сапермилльмента, который носилъ это имя по той причинѣ, что его дѣдъ съ отцовской стороны въ приступѣ гнѣва бранился словомъ

Sapermille, чтобы не оскорблять проклятіемъ священное имя Господне. Былъ этотъ вышереченный Сапермилльментъ по ремеслу вышивальщикъ. Такъ какъ онъ оглохъ и ослѣпъ отъ пьянства, то его жена, старая баба съ злобной рожей, вышивала вмѣсто него, украшая своей работой барское платье, плащи, башмаки и камзолы.

И ея хорошенькая дочка помогала ей въ этой прибыльной работѣ.

Проходя мимо ихъ дома передъ вечеромъ, Уленспигель увидѣлъ у окна дѣвушку и услышалъ, какъ она зоветъ:

Августъ, августъ, милый мѣсяцъ,

Кто, скажи мнѣ, мой женихъ?

— Вотъ онъ я, если угодно,—сказалъ Уленспигель.

— Ты?—отвѣтила она:—подойди-ка поближе, посмотрю.

— Но какъ это,—спросилъ онъ,—ты въ августѣ задаешь вопросы о томъ, о чемъ брабантскія дѣвушки спрашиваютъ наканунѣ марта?

— У нихъ тамъ только одинъ мѣсяцъ покровитель браковъ, а у меня—всѣ двѣнадцать. И вотъ наканунѣ каждаго, только не въ полночь, а за шесть часовъ до полуночи я вскакиваю съ постели, дѣлаю, пятакъ назадъ, три шага къ окошку и говорю то, что ты слышала. Потомъ я поворачиваюсь, дѣлаю, опять пятакъ назадъ, три шага къ постели, а въ полночь ложусь, засыпаю, и мнѣ долженъ присниться мой женихъ. Но мѣсяцы, добрые мѣсяцы, они злые насмѣшники, и вотъ мнѣ снятся не одинъ, а двѣнадцать жениховъ. Если хочешь, будь тринадцатымъ.

— Прочіе приревнуютъ. Значитъ, и твой кличъ „свобода“?

— И мой кличъ „свобода“,—отвѣтила дѣвушка, краснѣя:—и я знаю, о чемъ прошу.

— Я тоже знаю—и твою просьбу исполняю.

— Не такъ скоро—надо подождать,—отвѣтила она, показывая бѣлые зубки.

— Ждать—ни за что! Чего добраго, домъ свалится мнѣ на голову, или ураганъ сброситъ меня въ ровъ, или злобный пещъ укуситъ за ногу,—я не стану ждать!

— Я вѣдь еще молода и спрашиваю только потому, что такой обычай.

Что-то заподозрѣлъ Уленспигель, и онъ опять подумалъ о томъ, что брабантскія дѣвушки только наканунѣ марта зываютъ о мужѣ, а не въ дни жатвы.

— Я молода и спрашиваю только потому, что такой обычай,—повторила она, улыбаясь.

— Что жь, ты будешь ждать, пока состаришься? Это плохая арифметика. Я въ жизни не видалъ такой круглой шеи, такихъ бѣлыхъ фламандскихъ грудей, полныхъ того добраго молока, которымъ вскармливаютъ доблестныхъ мужей.

— Полныхъ?.. Пока еще нѣтъ, послѣдний путникъ!

— Ждать!—повторилъ Уленспигель: — можетъ-быть, потеряешь раньше зубы, вмѣсто того, чтобы сожрать тебя живьемъ, красотка? Ты не отвѣчаешь? Твои ясные каріе глазки смѣются, твои вишневыя уста улыбаются?

Дѣвушка бросила на него лукавый взглядъ.

— Что это ты такъ скоро влюбился въ меня? — сказала она.—Кто ты? Чѣмъ занимаешься? Богатый или нищій?

— Я нищъ и богатъ, если дашь мнѣ свою любовь.

— Убирайся со своей любовью. Къ мессъ ходишь? Ты добрый католикъ? Или ты особенный нищій—„гѣзь“, который противъ королевскихъ указовъ и инквизицій?

Пепель Клааса застучалъ въ сердцѣ Уленспигеля.

— Да, я гѣзь, — сказалъ онъ:—червь и смерти хочу я предать угнетателей нидерландскихъ. Ты съ ужасомъ смотришь на меня. Огонь любви, къ тебѣ, красотка, вспыхнувшій во мнѣ,—это вѣдь огонь юности. Господь Богъ возжегъ его; онъ пылаетъ, какъ солнце, пока не погаснетъ. Но пламя мести тлѣетъ еще въ моемъ сердцѣ. Его тоже возжегъ Господь. Оно станетъ мечомъ и пожаромъ, веревкой, опустошеніемъ, войной и гибелью палачей.

— Ты красивый,—печально сказала она и поцѣловала его въ обѣ щеки:—но молчи, молчи.

— Почему ты плачешь?

— Здѣсь и вездѣ, гдѣ бы ты ни былъ, будь остороженъ.

— Есть уши у этихъ стѣнъ?

— Никакихъ, кромѣ моихъ.

— Ихъ создалъ богъ любви, я закрою ихъ поцѣлуями.

— Дурачокъ, слушай, если я говорю.

— Въ чемъ же дѣло? Что ты скажешь мнѣ?

— Слушай,—прервала она его нетерпѣливо: — идетъ моя мать. Молчи, особенно при ней...

Вошла старуха Санермилментиха.

При одномъ взглядѣ на нее Уленспигель подумалъ:

„У, продувная рожа, продырявлена, точно шумовка, глаза живые, ротъ смѣется и гримасничаетъ... Любопытно все это“.

— Господь да хранить васъ, господинъ, во вѣки вѣковъ,—сказала старуха: — ну, дочка, хорошо заплатилъ господинъ графъ Эгмонтъ, которому я отнесла его плащъ, тотъ, знаешь,

на которомъ я вышла по его заказу дурацкїй колпакъ... да, сударь мой, дурацкїй колпакъ на зло „Красной собакѣ“.

— Кардиналу Гранвеллѣ?—спросилъ Уленспигель.

— Да,—отвѣтила старуха,—„Красной собакѣ“. Говорять, онъ доносить королю объ ихъ замыслахъ. Они и хотятъ его скинуть со свѣту. И правильно, а?

Уленспигель не отвѣтилъ ни слова.

— Вы, вѣрно, видѣли: они ходять теперь по улицамъ въ простонародныхъ камзолахъ и плащахъ съ длинными рукавами, монашескими капюшонами; и на этихъ opperst-kleed и на камзолахъ ихъ вышиты дурацкіе колпаки. Я ужъ вышла по малой мѣрѣ двадцать семь такихъ дурацкихъ колпаковъ, а дочь моя штукъ пятнадцать. Красная собака приходитъ въ бѣшенство при видѣ этихъ колпаковъ.

И она стала шептать Уленспигелю на ухо:

— Я знаю, они рѣшили замѣнить дурацкїй колпакъ снопомъ колосевъ—знакомъ единенія. Да, да, они задумали бороться противъ короля и инквизиціи. Доброе дѣло, не такъ ли, господинъ?

Уленспигель не отвѣтилъ ни слова.

— Господинъ, видно, огорченъ,—сказала старуха:—точно воды вдругъ въ ротъ набралъ.

Уленспигель, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ дому.

По дорогѣ былъ трактиръ съ музыкой; онъ зашелъ туда, чтобы не разучиться пить. Трактиръ былъ полонъ поѣстителей, которые безъ всякихъ предосторожностей громко разговаривали о королѣ, о ненавистныхъ указахъ, объ инквизиціи и Красной собакѣ, которую надо же выкинуть изъ страны. И здѣсь Уленспигель опять увидѣлъ старуху: она въ лохмотьяхъ сидѣла за стаканомъ водки, притворяясь спящей. Такъ она сидѣла долго, потомъ вынула изъ кармана тарелку и стала обходить гостей, прося милостыни, особенно у тѣхъ, которые были наиболѣе несдержанны въ разговорѣ.

И добрые люди, не скупясь, бросали ей флорины, дене и патары.

Уленспигель, въ надеждѣ выпытать отъ дѣвушки то, чего ему не сказала старая Сапермилъментиха, отправился опять къ ея дому. Дѣвушка уже не взывала о женихахъ, но, улыбаясь, подмигнула ему, точно обѣщая сладостную награду.

Вдругъ за нимъ оказалась и старуха.

При видѣ ея Уленспигель пришелъ въ ярость и бросился бѣжать, точно олень, по переулку съ крикомъ: „T brandt! T brandt!—Пожаръ, пожаръ!“ Такъ онъ добѣжалъ до дома булочника Якоба Питерсена. Въ домѣ этомъ были окна за-

стекленныя по нѣмецкому образцу, и отраженіе заходящаго солнца горѣло въ нихъ, а изъ печи валилъ густой дымъ отъ пылающаго хвороста. Уленспигель бѣжалъ мимо дома Якоба Питерсена, крича: „'T brandt, 't brandt!“. Сбѣжалась толпа и, видя багровый отблескъ въ стеклахъ и густой дымъ, тоже закричала: „'T brandt, 't brandt!“. Сторожъ на соборной колокольнѣ затрубилъ въ рогъ, а звонарь изо всѣхъ силъ билъ набатъ въ колокола. Дѣтвора, мальчики и дѣвочки, сбѣгались толпами со свистомъ и пѣніемъ.

Гудѣли колокола, гремѣла труба. Старая Сапермильментиха собрала свою работу и выбѣжала изъ дому. Уленспигель слѣдилъ за ней. Когда она отошла далеко, онъ вошелъ въ ея домъ.

— Ты здѣсь? — удивилась дѣвушка: — вѣдь тамъ внизу пожаръ?

— Внизу? Никакого пожара.

— Чего же звонить колоколь такъ жалобно?

— Самъ не знаетъ, что дѣлается.

— А вой трубы, толпа народа?

— Дуракамъ нѣтъ числа.

— Что же горитъ?

— Горятъ твои глазки и мое сердце.

И Уленспигель влился въ ея губы.

— Ты съѣшь меня!

— Я люблю вишни!

Она бросила на него лукавый и грустный взглядъ. Вдругъ она заплакала и сказала:

— Не возвращайся сюда. Ты гѣзь, врагъ паны, не возвращайся сюда...

— Твоя мать...

— Да,—отвѣтила она, покраснѣвъ: — знаешь, гдѣ она теперь? Подслушиваетъ на пожарницѣ. Знаешь, куда она пойдетъ потомъ? Къ Красной собацѣ. Расскажетъ все, что узнала, подготавливая путь герцогу, который ѣдетъ сюда. Бѣги, Уленспигель, бѣги, я спасу тебя, бѣги! Еще поцѣлуй—и не возвращайся! Еще одинъ, красавчикъ ты мой, я плачу, видишь, во уходи!

— Честная дѣвушка,—сказала Уленспигель, сжимая ее въ объятіяхъ.

— Не всегда была... Я тоже, какъ она...

— Это пѣніе, этотъ призывъ къ жениху?

— Да! Такъ требовала мать. Тебя, тебя я спасу, дорогой. И другихъ буду спасать на память о тебѣ. А когда ты будешь далеко, вспомнить твое сердце о раскаявшейся дѣвушкѣ?

Поцѣлуй меня, миленькій. Она ужъ не будетъ поставлять за деньги жертвы костру. Уходи! Нѣтъ, останься! Какая нѣжная у тебя рука. Смотри, я цѣлую твою руку, это знакъ рабства; ты мой господинъ. Слушай, ближе, ближе; молчи, слушай. Сегодня ночью въ этомъ домѣ сошлись какіе-то воры и бродяги, среди нихъ одинъ итальянецъ; прокрадывались одинъ за другимъ. Мать собрала ихъ въ этой комнатѣ, меня прогнала и заперла двери. Я слышала только: „Каменное распятіе... Боргераутскія ворота... Крестный ходъ... Антверпенъ... Соборъ Богоматери...“—заглушенный смѣхъ, звяканіе флориновъ, которые считали на столѣ... Бѣги, идутъ. Бѣги, дорогой. Думай обо мнѣ хорошо. Бѣги...

Уленспигель бѣжалъ, какъ она приказала, изо всѣхъ силъ вплоть до трактира „Старый Пѣтухъ“—„In den ouden Naen“; здѣсь онъ нашелъ Ламме, печально жующего колбасу и кончающего седьмую пинту лувенскаго „Петермана“.

И, несмотря на его брюхо, Уленспигель заставилъ его бѣжать за собой.

IX.

Мчась во весь опоръ, добѣжали они съ Ламме до улицы Эйкенстраатъ; здѣсь Уленспигель нашелъ злобный подметный листокъ противъ Бредероде. Прямо къ нему онъ съ листкомъ и направился.

— Я, господинъ графъ, тотъ добрый фламандецъ и королевскій соглядатай, которому вы такъ хорошо надрали уши и поднесли вина. Вотъ вамъ славенькій пасквилекъ, гдѣ васъ, между прочимъ, обвиняютъ въ томъ, что вы именуете себя, какъ король, графомъ Голландскимъ. Листокъ свѣженькій, только-что сработанъ въ печатнѣ Ивана Наврала, проживающаго подлѣ Воровской набережной, въ Негодьяйскомъ тупикѣ.

Смѣясь, отвѣтилъ Бредероде:

— Два часа подъ-рядъ будутъ тебя съць, если ты не скажешь настоящее имя сочинителя.

— Господинъ графъ,—отвѣтилъ Уленспигель:—сѣките меня хоть два года подъ-рядъ, но вы тѣмъ не заставите мою спину сказать то, чего не знаетъ мой ротъ.

И съ тѣмъ онъ удалился, не безъ флорина въ карманѣ, полученнаго за труды.

X.

Съ іюня, мѣсяца розъ, начались въ землѣ Фландрской проповѣди.

И апостолы возстановленія первоначальной христіанской церкви произносили свои проповѣди повсюду, въ поляхъ и садахъ, на холмахъ, служащихъ животнымъ убѣжищемъ во время наводненія, по рѣкамъ на судахъ.

Они окапывались на сушѣ, точно на полѣ битвы, и останавливались укрѣпленнымъ лагеремъ, окружая его обозомъ. На рѣкахъ и въ портахъ ихъ охраняла цѣпь лодокъ съ вооруженными людьми.

И въ лагеряхъ мушкетеры и аркебузьеры стояли на дозорѣ, ожидая врага.

Вотъ такъ раздавалось слово свободы повсюду въ землѣ нашихъ отцовъ.

XI.

Прибывъ въ Брюгге, Уленспигель и Ламме оставили повозку въ одномъ пригородномъ дворѣ, а сами отправились не въ трактиръ, ибо въ ихъ кошелекѣ не слышно было радостнаго звяканія монетъ, а въ храмъ Спасителя.

Патеръ Корнелисъ Адриансенъ, монахъ изъ ордена миноритовъ, грязный, непристойный, визгливый проповѣдникъ, яростно бранясь, возвѣщаль въ этотъ день истину.

Фанатично вѣрующія женщины, молодья и красивья, толпились вокругъ кафедры.

Патеръ Корнелисъ говорилъ о страстяхъ Христовыхъ. Дойдя до того мѣста Евангелія, гдѣ рассказываетя, какъ толпа кричала Понтію Пилату: „Распни, распни Его! Ибо у насъ есть законъ, и по закону этому Онъ долженъ умереть!“—патеръ Корнелисъ здѣсь возгласилъ:

— Вы слышали, люди добрые: если Господь нашъ Христосъ претерпѣлъ смерть лютую и позорную, то это потому, что всегда и вездѣ на свѣтѣ были законы о наказаніи еретиковъ. Онъ, стало-быть, правильно былъ осужденъ, ибо Онъ преступилъ законъ. А они не хотятъ подчиняться указамъ, рескриптамъ и эдиктамъ. Ахъ, Иисусъ, — какія проклятія испосылаешь Ты на эту землю! Благословенная Дѣва Маріа! О, если бы живъ былъ почившій императоръ Карлъ и видѣлъ гнусное дѣланіе этихъ дворянъ, осмѣлившихся подать правительницѣ прошеніе противъ инквизиціи и указовъ, благомысленно составленныхъ и изданныхъ для дѣла благого послѣ размышленій разумныхъ, зрѣлыхъ и долгихъ, дабы уничтожить всякія секты и ереси! Что хотятъ уничтожить эти господа? То, что нужнѣе людямъ хлѣба и сыра! Въ какую зловонную, гнусную, гнойную бездну хотятъ насъ ввергнуть? Лютеръ, этотъ поганый Лютеръ, этотъ бѣшеный быкъ, тор-

жествуетъ въ Саксоніи, въ Брауншвейгѣ, въ Люнебургѣ, въ Мекленбургѣ; Бренціусъ, этотъ грязный Бренціусъ, жившій въ Германіи желудями, отъ которыхъ отказывались свиньи, торжествуетъ въ Вюртембергѣ; сумасшедшій Серветъ, Серветъ тринитарій съ четвертью дуны въ головѣ, царитъ въ Помераніи, Даніи и Швеціи, изрыгая худу на Св. Троицу, преславную и всемогущую. Да! Но мнѣ рассказывали, что его живьемъ сжегъ Кальвинъ, который только на это и пригодился, зловонный Кальвинъ, отъ котораго несетъ кислотой; да, его рожа вытянулась впередъ кишкой, изъ его пасти торчатъ зубы, точно лопаты. Да, волки жрутъ другъ друга; да, быкъ Лютеръ, этотъ бѣшеный бугай, вооружилъ нѣмецкихъ государей противъ анабаптиста Мюнцера, который, говорятъ, былъ честный человекъ и жилъ по Писанію. И по всей Германіи разносится ревъ этого бугая, да!

„А что видимъ мы во Фландріи, въ Гельдернѣ, Фрисландіи, Голландіи, Зеландіи? Адамиты бѣгаютъ голышомъ по улицамъ, да, да, добрые люди, голые, какъ мать родила, безстыдно выставя прохожимъ свое тощее тѣло. Вы скажете, чего добраго,—это только одинъ; да, можетъ-быть, одинъ, но одинъ стѣитъ сотни, а сотни стѣитъ одного. И онъ—говорите вы—былъ сожженъ живьемъ, сожженъ по просьбѣ лютеранъ и кальвинистовъ? Я же говорю вамъ: волки пожираютъ другъ друга.

„Да, что видимъ мы, стало-быть, во Фландріи, Гельдернѣ, Фрисландіи, Голландіи, Зеландіи? Сплошь разнузданную чернь, которая утверждаетъ, что всякое рабство противорѣчитъ слову Божьему. Лгутъ они, вонючіе еретики: нашъ законъ—покорность святѣйшей матери нашей, римской церкви. И тамъ, въ Господомъ проклятомъ Антверпенѣ, этомъ средоточіи всей еретической своры, они нагло хулятъ изготовленіе Св. Даровъ. Одинъ—вотъ бродяга, что на углу этой улицы сидитъ на ночномъ горшкѣ,—онъ увѣряетъ, что нѣтъ ни Господа Бога, ни жизни вѣчной, ни воскресенія плоти, ни вѣчныхъ мукъ. „Можно,—говоритъ другой лицомѣрнымъ голоскомъ,—крестить людей безъ соли, безъ жира, безъ плевковъ, безъ заклинаній, безъ свѣчей“.—„Нѣтъ чистилища“, заявляетъ третій: нѣтъ чистилища а?—что вы скажете на это, добрые люди? О, лучше бы вы грѣхопали съ вашими матерями, сестрами, дочерьми, чѣмъ сомнѣваться въ чистилищѣ!

„Да, они еще задираютъ носы предъ инквизиторомъ, предъ этимъ святымъ человекомъ. Ну вотъ! Въ Белемъ—тутъ неподалеку—явилось ихъ четыре тысячи, кальвинистовъ, съ оружіемъ, со знаменами, съ барабанами! Ну вотъ! Слышите чадъ

отъ ихъ страши? Они овладѣли церковью св. Католины, чтобы опозорить ее, обезчестить своими паршивыми проповѣдями, грязью опоганить.

„Что за безбожная, постыдная терпимость! Тысяча чертей, о, безсильные католики, почему вы не хватаетесь за оружіе? Есть же вѣдь и у васъ въ городѣ, какъ у этихъ проклятыхъ кальвинистовъ, и коныя и мечи, алебарды, шпаги, самострѣлы, ножи, дубины, пики, фальконеты и кулеврины!

„— Они не нарушаютъ мира, — говорите вы: — они хотятъ только чинно и свободно слушать слово Божіе? Миѣ все равно: вонъ изъ Брюгге! Смерть всѣмъ этимъ кальвинистамъ! Вонъ изъ церкви! Что? Вы еще здѣсь? Позоръ: вы, точно куры, трепещете отъ страха на своей навозной кучѣ. Вижу, вижу, какъ проклятые кальвинисты будутъ бить въ бубенъ на животахъ вашихъ женъ и дочерей, а вы это претерпите, поджавши хвосты, трусишки жидконогіе. Нѣтъ, стойте, не ходите; поберегите штаны! Позоръ вамъ, католики! Позоръ вамъ, обыватели Брюгге! Бабы малодушныя, вы не достойны имени католика. Стыдно! Утки вы и селезни, гуси и индюшки, вотъ кто вы!

„Что жъ, нѣтъ у васъ здѣсь прекрасныхъ проповѣдниковъ, что вы таскаетесь толпами туда слушать ихъ враки и сказки? Да! Дѣвчонки по ночамъ бѣгаютъ туда за проповѣдями, а черезъ девять мѣсяцевъ все полнымъ-полно маленькихъ паршивцевъ и паршивокъ. Четверо было ихъ, — четыре негодяя произносили тамъ проповѣди въ церковномъ дворѣ. Одинъ изъ этихъ прохвостовъ, тощій, дохлый, холерная, испитая рожа, былъ въ гнусной шляпенкѣ, прикрывая ею свои уши. Скажите, видѣли вы когда-нибудь уши у ихъ проповѣдника? Рубашки на немъ не было, голыя руки торчали изъ камзола — и ни слѣда бѣлья!

„Я видѣлъ это, хоть онъ и старался запахнутьея своимъ смердящимъ малахаемъ, и видѣлъ сквозь его сквозные, точно антверпенская колокольня, черные штаны, какъ болтались тамъ его природныя подвѣски, точно колокола. Другой каналъ проповѣдывалъ въ курткѣ, босикомъ; и у него ушей не было видно. Среди проповѣди онъ вдругъ замолчалъ, и ребятишки тюкали и кричали: „Эй, тю-тю, ты урока не выучилъ!“ Третій изъ этихъ позорныхъ бродягъ былъ въ скверной нищенской шляпѣ, въ которой торчало маленькое перо; его ушей тоже никто не видѣлъ. Четвертый висѣльщикъ, Германусъ, одѣтъ, правда, лучше, чѣмъ прочіе, но палачъ дважды наложилъ клеймо на его плечо. Такъ-то.

„У всѣхъ подъ шляпами поганья шелковыя ермолки, за-

крывающія ихъ уши. Видѣли вы когда-нибудь уши лютеранскаго проповѣдника? Кто изъ этихъ бродягъ показываетъ свои уши? Не смѣютъ! Ихъ уши, о—показать уши!—какъ бы не такъ: ихъ давно отрѣзали палачъ, да-съ!

„И все-таки народъ суетится вокругъ этихъ воровъ, этихъ карманщиковъ, этихъ бездѣльниковъ, бросившихъ свои мастерскія, этихъ бродячихъ болтуновъ, за ними бѣгаютъ и кричатъ: „Да здравствуютъ гѣзы!“—точно всѣ съ ума посходили или перепились.

„Ахъ, намъ, бѣднымъ католикамъ, ничего не остается, какъ покинуть Нидерланды, гдѣ можно безнаказанно орать: „Да здравствуютъ гѣзы! Да здравствуютъ гѣзы!“ Чтò за проклятый жерновъ свалился на голову этого околдованнаго и одураченнаго народа? Христось Спаситель! Всѣ кругомъ—богатые и бѣдные, дворяне и простолюдины, молодые и старые, мужчины и женщины—всѣ орутъ: „Да здравствуютъ гѣзы!“.

„И кто же эти важные господа, эти дубленные кожаные штаны, явившіеся къ намъ изъ Германіи? Все ихъ добро ушло на дѣвокъ, на вертены, на развратъ, на кутежи, на пьянство, на чревоугодіе, на свинство, на игру въ кости, на расточительную пышность. У нихъ не осталось и ржаваго гвоздя, чтобы почесаться тамъ, гдѣ свербить. Теперь имъ понадобились церковныя и монастырскія имущества.

„И тамъ, на пиршествѣ у этого мерзавца Кюйлембурга, гдѣ былъ и другой мерзавецъ, Бредероде, они пили изъ деревянныхъ корытъ, чтобы выразить свое пренебреженіе къ благородному господину Берлемону и герцогинѣ-правительницѣ. Хорошо? И кричали при этомъ: „Да здравствуютъ гѣзы!“ О, если бы я, съ позволенія сказать, былъ Господомъ Богомъ, я бы позаботился о томъ, чтобы ихъ напитокъ, пиво или вино, обратился въ вонючіе помои, да, въ грязныя, зловонныя, тошнотворныя помои, въ которыхъ мыли ихъ гнилыя рубахи и простыни.

„Да, войте, ослы вы, войте: „Да здравствуютъ гѣзы!“ Я буду вашимъ пророкомъ: всѣ проклятія, всѣ кары небесныя, всѣ несчастія, чума, лихорадка, разореніе, пожары, отчаяніе, ракъ, черная оспа и гнилая горячка, все падеть на Нидерланды. Да! Такъ отомститъ Господь Богъ за вашъ подлый вой: „Да здравствуютъ гѣзы!“ Ни одинъ камень вашихъ домовъ не останется цѣль, ни одна кость вашихъ проклятыхъ погъ, бѣжавшихъ за этой поганой кальвинской болтовней! Такъ оно да будетъ, да будетъ, да будетъ, да будетъ во вѣки вѣковъ. Аминь!“.

— Пойдемъ, сынъ мой,—сказала Уленспигель.

— Сейчас, — отвѣтил Ламме.

И онъ поискалъ среди молодыхъ красивыхъ прихожановъ, съ благоговѣніемъ слушавшихъ проповѣдь, но не нашелъ своей жены.

XII.

Уленспигель и Ламме пришли къ мѣсту, которое носитъ названіе Minne-water, любовная вода; но великіе ученые и всякіе многознайки утверждаютъ, что это Minne-water, миноритская вода. Усѣвшись на берегу, Уленспигель и Ламме смотрѣли на зелень, осѣнявшую ихъ, точно низкій сводъ, на толпу, проходившую мимо нихъ; мужчины и женщины, парни и дѣвушки, украшенные цвѣтами, гуляли рука объ руку, бедро къ бедру, глядя другъ другу въ глаза съ такой нѣжностью, точно ничего, кромѣ нихъ, нѣтъ на этомъ бѣломъ свѣтѣ.

Вспомнилъ о Неле, глядя на нихъ, Уленспигель, и въ грустномъ воспоминаніи онъ сказалъ:

— Пойдемъ, выпьемъ!

Но Ламме не слушалъ Уленспигеля, смотрѣлъ тоже на влюбленные парочки и сказалъ:

— Такъ когда-то гуляли и мы, и я и жена моя, упоенные любовью, передъ носомъ тѣхъ, кто, подобно намъ съ тобой, сидитъ одиноко безъ жены на берегу.

— Пойдемъ, выпьемъ, — сказалъ Уленспигель: — мы найдемъ Семерыхъ на днѣ кружки.

— Чтò за мысль пьяницы? — отвѣтил Ламме: — ты вѣдь знаешь, что Семеро — это великаны, которые не помѣстились бы и подъ высокимъ сводомъ собора Христа-Спасителя.

Уленспигель съ тоской подумалъ о Неле, однако и о томъ, что гдѣ-нибудь въ трактирѣ нашла бы, вѣрно, и добрая постель, и ѣда, и привѣтливая хозяйка, и сказалъ:

— Пойдемъ, выпьемъ.

Но Ламме не слушалъ, устремивъ свой взглядъ на колокольню, и сказалъ:

— Святая Дѣва Марія, покровительница любви освященной, дай мнѣ увидѣть еще разъ ея бѣлую грудь и сладкое изголовье!

— Пойдемъ, выпьемъ! Ты найдешь ее въ трактирѣ, гдѣ она показываетъ пьяницамъ эти прелести.

— Какъ ты смѣешь дурно думать о ней!

— Пойдемъ, выпьемъ, — вѣрно, она держитъ гдѣ-нибудь трактиръ.

— Это ты раздраженъ отъ жажды, — сказалъ Ламме.

— Можетъ-быть, — продолжалъ Уленспигель: — у нея ужъ

готово для бѣдныхъ путниковъ блюдо чудеснаго тушеннаго мяса, запахомъ котораго пропитанъ воздухъ, не жирнаго, сочнаго, вѣжнаго, точно розовые лепестки; какъ рыба въ среду средопостную, плаваетъ она среди гвоздичекъ, муската, пѣтушьихъ гребешочковъ, печеночекъ и прочихъ небесныхъ лакомствъ.

— Злюка, ты въ могилу хочешь меня свести. Забылъ ты, что ли, что мы ужъ два дня живемъ черствымъ хлѣбомъ да жидкимъ пивомъ.

— Это ты раздраженъ отъ голода. Ты реवेशь отъ голода: стало-быть, пойдемъ, закусимъ и выпьемъ. Вотъ полфлорина, есть на что покутить.

Ламме смѣлся. Быстро отыскали они свою бричку и проѣхали черезъ весь городъ, отыскивая лучший трактиръ. Но, видя лица недружелюбныхъ трактирщиковъ и безжалостныхъ трактирщицъ, они колесили дальше, говоря себѣ, что кислая физиономія—плохая вывѣска для хорошей кухни.

Такъ доѣхали они до Субботняго рынка и здѣсь вошли въ гостиницу подъ названіемъ de Blauwe-Lanteern — „Синій Фонарь“: у хозяина ея было болѣе привѣтливое лицо.

Поставивъ бричку подъ навѣсъ, а осла въ конюшню и давъ ему въ товарищи добрую торбу овса, они заказали себѣ ужинъ, наѣлись досыта, выпались и встали, чтобы опять ѣсть. Ламме просто лопался отъ удовольствія и приговаривалъ:

— Я слышу въ моемъ желудкѣ божественную музыку.

Когда пришло время платить, хозяинъ подошелъ къ Ламме.

— Съ васъ десять патаровъ.

— Получите,—отвѣтилъ Ламме и указалъ на Уленспигеля.

— У меня нѣтъ,—сказалъ тотъ.

— А твой полфлорина?—спросилъ Ламме.

— Нѣту,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Хорошо,—сказалъ хозяинъ. — тогда я сниму съ васъ обоихъ рубахи и куртки.

Вдругъ Ламме, набравшись пьяной отваги, заоралъ:

— А если мнѣ захотѣлось поѣсть-попить, да, ѣсть-пить захотѣлось, хоть на двадцать семь флориновъ,—взялъ и поѣлъ, да! Ты взгляни на это брюхо—это поважнѣе флориновъ! Благодареніе Создателю! До сихъ поръ оно только кашлунами питалось. Никогда ты такого не будешь носить подъ твоимъ кожанымъ поясомъ. Ибо ты носишь твой жиръ на воротникѣ и никогда не будешь носить его сладостное бремя слоємъ въ три пальца толщины на животѣ.

Трактирщикъ неистовствовалъ отъ ярости. Онъ и такъ былъ отъ природы заика, а тутъ онъ хотѣлъ говорить быстро, и

чѣмъ онѣ больше спѣшили, тѣмъ сильнѣе фыркать, точно собака, вылезшая изъ воды. Уленспигель бросалъ ему въ носъ хлѣбные шарики, а Ламме, приходя въ азартъ, уже кричалъ:

— Да, у меня есть чѣмъ заплатитъ и за твоихъ трехъ дохлыхъ куръ, и за твоихъ четырехъ напившихъ цыплятъ, и за болванскаго павлина, что тащить свой вонючій хвостъ по навозу птичьяго двора. Если бы твоя кожа не была болѣе суха, чѣмъ престарѣлый пѣтухъ, если бы ребра твои уже не рассыпались пескомъ въ твоей груди, у меня было бы достаточно денегъ, чтобы слопать и тебя, и твоего сопливаго слугу, и одноглазую служанку, и короткорукаго повара, который не можетъ почесаться, когда у него свербитъ его чесотка. Смотри-ка на эту птицу: изъ-за полуфлорина вздумалъ отбирать у насъ одежду! Скажи, что стѣитъ все твое платье, нахаль ободранный, — и дамъ тебѣ три гроша за него!

Хозяинъ былъ вѣ себя отъ ярости и пыхтѣлъ все неистовѣе.

А Уленспигель стрѣлялъ въ него хлѣбными шариками.

Ламме ревѣлъ, какъ левъ:

— Скажи, дохлая рожа, сколько, по-твоему, стѣитъ великолѣпный оселъ съ красивой головой, длинными ушами, широкой грудью и стальными поджилками? Восемнадцать флориновъ по малой мѣрѣ, не такъ ли, кабатчикъ несчастный? А сколько старыхъ гвоздей накопилъ ты въ своей мошнѣ, чтобы заплатитъ за такую превосходную скотину?

Трактирщикъ пыхтѣлъ все сильнѣе, но не смѣлъ пикнуть.

— А отличная ясеневая бричка, выкрашенная въ красный цвѣтъ, съ завѣсой изъ кортрейкскаго полотна, защитой отъ вѣтра и солнца, — сколько, по-твоему, стѣитъ, а? Двадцать четыре флорина, не меньше, не такъ ли? Ну-съ, сколько флориновъ это будетъ, восемнадцать да двадцать четыре? Да отвѣчай, ты, безграмотный балбесъ! И такъ какъ сегодня базарный день и въ твоей тусклой корчмѣ остановились мужики, то вотъ сейчасъ и сбуду имъ все!

Такъ онъ и сдѣлалъ, ибо всѣ знали Ламме. Онъ въ самомъ дѣлѣ получилъ за своего осла и бричку сорокъ четыре флорина и десять патаровъ. И онъ позванивалъ подъ носомъ хозяина деньгами и говорилъ:

— Чувствуешь запахъ будущихъ поносокъ?

— Да, — отвѣчала трактирщикъ. И тихо прибавилъ: — Если ты продаешь свою кожу, то дамъ тебѣ грошъ за нее — сдѣлаю изъ нея ладанку противъ расточительности.

А въ глубинѣ двора красивая молодая женщина смотрѣла въ окно на Ламме и пряталась всякій разъ, когда онъ поворачивался и могъ видѣть ея милое личико.

И вечером, когда онъ поднимался въ темнотѣ по лѣстницѣ, покачиваясь по случаю излишне выпитаго вина, онъ вдругъ почувствовалъ, что его обхватываютъ женскія объятія, что его щеки, губы и даже носъ осыпаютъ поцѣлуйми, а на лицо падаютъ слезы любви. Потомъ женщина скрылась.

Подвыпившій Ламме очень хотѣлъ спать, поскорѣе улегся, уснулъ и на слѣдующее утро отправился съ Тилемъ въ Гентъ.

XIII.

Здѣсь онъ искалъ свою жену по всеѣмъ *kaberdosjen, musicos, tafelhoogen*, тавернамъ, гостиницамъ, трактирамъ, корчмамъ, заѣзжимъ дворамъ. Вечеромъ онъ встрѣтился съ Уленспигелемъ въ трактирѣ *In den zingende Zwaan*—„Повушій Лебедь“. Уленспигель обходилъ городъ, призывая народъ къ борьбѣ и возбуждая людей противъ палачей отечества.

На Пятничномъ рынкѣ подлѣ *Dulle griet*—„Большой пушки“ Уленспигель вдругъ распластался животомъ по землѣ.

— Чтò ты дѣлаешь?—спросилъ проходившій мимо угольщикъ.

— Мочу носъ, чтобы узнать, откуда вѣтеръ вѣетъ.

Проходилъ столяръ.

— Чтò ты изъ мостовой перину сдѣлалъ?

— Скоро она станетъ для многихъ покрываломъ.

Монахъ, проходя, остановился:

— Чтò этотъ балбесъ тутъ дѣлаетъ?

— Молить, лежа на брюхѣ, о вашемъ благословеніи, отче!

Монахъ благословилъ его и пошелъ дальше.

Затѣмъ Уленспигель приложилъ ухо къ землѣ.

— Чтò ты тамъ слышишь?—спросилъ проходившій крестьянинъ.

— Слышу, какъ растутъ деревья, которыя порубить на костры для еретиковъ.

— А больше ничего не слышишь?—спросилъ общинный стражникъ.

— Слышу, какъ идутъ испанскіе жандармы. Если у тебя есть чтò спрятать, зарой въ землю; скоро козьями въ городахъ будутъ воры и разбойники.

— Онъ съ ума сошелъ,—сказалъ стражникъ.

— Онъ съ ума сошелъ,—повторяли горожане.

XIV.

Между тѣмъ Ламме ничего не ѣлъ и все думалъ о сладостномъ свидѣніи на лѣстницѣ „Синяго Фонаря“. Сердце его влекло къ Брюгге, и Уленспигель долженъ былъ сълкомъ

тащить его въ Антверпенъ, гдѣ онъ продолжать свои безуспѣшные поиски.

Сидя въ трактирахъ среди принявшихъ реформацію фламандцевъ и ипцищихъ свободы католиковъ, Уленспигель такъ объяснилъ смыслъ указовъ:

— Прописали намъ инквизицію, видно, какъ слабительное отъ ереси, но на самомъ дѣлѣ этотъ ремень не столько противъ нашей вѣры, сколько противъ нашихъ кошельковъ. А мы принимаемъ только намъ необходимыя снадобья; ежели лѣкарство вредное, то мы можемъ и разсердиться и за мечи взяться. И король это зналъ. Когда онъ увидитъ, что мы ременя не хотимъ, онъ придетъ съ клистирными трубками, т.-е., понимаете, съ пушками, мортирами широкомордыми, съ фальконетами и кулевринами. О, отъ этого королевскаго промыванія во всей Фландріи не останется ни единого богатаго фламандца! Счастлива страна, имѣющая столь царственнаго лѣкаря!

Но граждане смѣялись.

А Уленспигель говорилъ:

— Сегодня смѣйтесь, пожалуй, но бѣгите или вооружайтесь въ тотъ день, когда разобьютъ что-нибудь въ соборѣ Богоматери.

XV.

15-го августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы и освященія плодовъ и овощей, когда пресыщенные кормомъ куры глухи къ любовнымъ моленіямъ обуреваемыхъ похотью пѣтуховъ, у воротъ антверпенскихъ было разбито большое каменное распятіе итальянцемъ, состоявшемъ на службѣ у кардинала Гранвеллы, и крестный ходъ въ честь Пресвятой Дѣвы вышелъ изъ собора Богородицы, предшествуемый юрдивыми, зелеными, красными и желтыми.

Но статуя Богоматери подверглась по дорогѣ поруганію со стороны неизвѣстныхъ злоумышленниковъ и была быстро внесена на хоры, рѣшетка которыхъ была занерта.

Уленспигель и Ламме вошли въ соборъ. Нѣсколько оборванцевъ, мальчишекъ и неизвѣстныхъ личностей, стояли подъ хорами, перемигиваясь и кривляясь, стуча ногами и щелкая языками. Никто не видалъ ихъ въ Антверпенѣ ни раньше ни позже. Одинъ изъ нихъ, краснорожій, точно поджаренная луковица, спрашивалъ, не испугалась ли мамаша, — такъ называлъ негодій Мадонну, — что ее такъ поспѣшно вернули въ соборъ.

— Не тебя Она испугалась, конечно, арапская харя, — сказала Уленспигель.

Тотъ двинулся-было на него, чтобы затѣять драку, но Уленспигель схватилъ его за шиворотъ со словами:

— Если ты дотронешься до меня, я выдавлю тебѣ языкъ изъ глотки.

Затѣмъ онъ обратился къ стоявшимъ вокругъ аятверпенцамъ и сказалъ:

— Господа горожане, остерегайтесь этихъ молодцовъ,—это не фламандцы, это предатели, нанятые для того, чтобы влечь насъ въ горе и невзгоды.

Затѣмъ онъ заговорилъ съ подозрительными незнакомцами.

— Слушайте вы, ослиныя уши: обычно выдохнете съ голоду, а сегодня въ вашихъ карманахъ звенятъ деньги. Откуда? Продали вы свою шкуру на барабаны, что ли?

— Вотъ проповѣдникъ нашедся!—кричали незнакомцы.

Они вышли-было, но тутъ одинъ изъ нихъ взобрался на каеэдру и оттуда несъ всякую чепуху, тогда они вернулись съ крикомъ: „Бездѣльница!“

Напрасно кричалъ Уленспигель: „Перестаньте орать, громилы, не затѣвайте злого“, но они не слушали, нѣкоторые кричали, что надо сломать хоры.

Услышавъ эти богохульные рѣчи, старуха, продававшая въ церкви свѣчи, швырнула имъ въ глаза золой изъ своей жаровни. Но ее поколотили, опрокинули на полъ, и тутъ-то началась настоящая возня.

Въ соборъ явился маркграфъ со своими солдатами. Увидѣвъ здѣсь сборище, онъ приказалъ всѣмъ очистить церковь, но такъ нерѣшительно, что изъ храма вышли лишь немногіе. Прочіе орали:

— Сперва послушаемъ, какъ монахи споютъ вечерню.

Маркграфъ отвѣтилъ:

— Службы не будетъ.

— Сами споемъ,—отвѣчали подозрительные бродяги и затянули пѣсню среди храма.

И, понося изваяніе, они кощунствовали, орали, свистали.

Маркграфъ сдѣлалъ видъ, что самъ испугался, и удалился. По его приказанію, всѣ двери, кромѣ одной, были заперты.

Горожане во всемъ этомъ не принимали никакого участія, а наибзкая чернь становилась все наглѣе и орала все громче. И подъ сводомъ церковнымъ отдавался точно грохотъ сотни пушекъ.

Потомъ одинъ изъ проходимцевъ, краснорожій, точно жже-ная луковица, какъ будто предводитель всей банды, влѣзъ на каеэдру, подаль знакъ рукой и произнесъ проповѣдь.

И вся подлая банда завывала, орала, ревяла:

— Впередъ, брабантцы! Ломай идоловъ, стаскивай внизъ! Выкупаемъ ихъ въ Шельдѣ!

Народъ молча слушалъ все это.

Но Уленсpiegel вскочилъ на кафедру, столкнулъ оттуда того, кто говорилъ съ нея, и закричалъ народу:

— Дураки вы, дураки сумасшедшіе, которыхъ впору святить! Иль вы не видите дальше своего сопливаго носа? Не понимаете, что ли, что тутъ предатели орудуютъ? Вѣдь все это кощунство и святотатство взвалить на васъ, чтобы васъ ограбить, васъ на плаху послать, васъ на костръ жечь! А наслѣдство получить король! Господа горожане, не вѣрьте этимъ злоумышленникамъ. Оставьте Пресвятую Дѣву въ Ея нишѣ, живите весело, трудитесь радостно и пріятно проживайте свои прибыли и доходы. Черный духъ погибели направилъ на васъ свое око; погромомъ и грабежомъ онъ хочетъ призвать на васъ вражескую силу; вы будете объявлены зачинщиками, а Альба станетъ диктаторомъ, властвуя при помощи инквизиціи, конфискацій и штрафовъ.

— Не надо громить, господа горожане!—подвѣлъ голосъ Ламме:—король и такъ ужъ сердится. Дочь вышивальщицы рассказала объ этомъ моему другу Уленсpiegelю. Не надо громить, господа!

Но народъ не слушалъ ихъ.

— Все громи, все ломай! — кричали подстрекатели:—все тщи! Дѣйствуй, брабантцы! Въ воду деревянныхъ идоловъ!

Тщетно кричалъ Уленсpiegel съ кафедры:

— Не давайте громить! Не навлекайте на нашъ городъ гибели!

Его стащили внизъ и, хотя онъ отбивался руками и ногами, исцарапали лицо и изорвали на немъ куртку и штаны. Окровавленный, онъ все-таки кричалъ:

— Не позволяйте громить!

Но все было тщетно.

Подстрекатели вмѣстѣ съ городской чернью бросились на рѣшетку хоръ, взломали ее и кричали при этомъ:

— Да здравствуютъ гѣзы!

Начался общій разгромъ, грабежъ и разрушеніе. Къ полуночи этотъ громадный храмъ съ семьюдесятью алтарями, великолѣпными картинами, рѣдкими драгоценностями былъ опустошенъ до тла. Алтари были разбиты, статуи сброшены, замки взломаны.

Затѣмъ толпа бросилась на улицу, чтобы совершить, какъ было предѣлано въ соборѣ Богоматери, то же самое въ церквяхъ миноритовъ, францисканцевъ, Бѣлыхъ сестеръ, Сѣрыхъ

состеръ, св. Петра, св. Андрея, св. Михаила и во всѣхъ храмахъ и часовняхъ, какіе естъ въ городѣ. Забравъ свѣчи и факелы, они побѣжали съ ними по улицамъ.

И они не спорили между собой и не ссорились. При всемъ этомъ разгромѣ летѣли доски, камни и такъ далѣе, но ни одинъ изъ грабителей не былъ раненъ.

Перебравшись въ Гаагу, они здѣсь тоже очищали церкви отъ статуй и алтарей, но ни здѣсь ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ ни одинъ изъ реформатовъ не помогаль имъ.

Въ Гаагѣ магистратъ спросилъ ихъ, отъ чьего имени они дѣйствуютъ.

— Вотъ отъ чьего, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, ударяя себя по сердцу.

— Отъ чьего имени, слышите? — кричалъ Уленспигель, узнавъ объ этой исторіи: — значить, отъ чьего-то имени, по мнѣнію магистрата, можно совершать всѣ эти святотатства! Пусть бы ко мнѣ въ домъ забрался этакій грабитель, чтобы громить его, я бы, конечно, поступилъ по прекрасному примѣру гаагскаго магистрата: снялъ вѣжливенько шляпу и почтительно спросилъ: „Любезнѣйшій воръ, достопочтеннѣйшій погромщикъ, милѣйшій грабитель, по чьему полномочію ты дѣйствуешь?“ Онъ отвѣтитъ мнѣ, что полномочіе покоится въ его сердцѣ, страстно желающемъ получить мое добро, а я за то вручу ему всѣ мои ключи. Подумайте, поищите, кому на руку эти погромы? Не вѣрьте Красной собакѣ! Преступленіе совершено и будетъ отмщено. Каменное распятіе низвергнуто! Не вѣрьте Красной собакѣ!

Государственный совѣтъ въ Мехельнѣ черезъ посредство своего предѣдателя Вигліуса заявилъ, что препятствовать иконоборцамъ воспрещается.

— Увы, — сказалъ Уленспигель: — жатва созрѣла для испанскихъ жнецовъ. Герцогъ Альба надвигается на насъ. Фламандцы, море вздымается, море мести! Бѣдныя женщины и дѣвушки, бѣгите, васъ зарюютъ живьемъ. Бѣдные мужчины, бѣгите висѣлицы, юстра и меча. Филиппъ собирается закончить кровавое дѣло Карла. Отецъ сѣялъ смерть и изгнаніе, а сынъ поклялся, что лучше будетъ королемъ на кладбищѣ, чѣмъ надъ еретиками. Бѣгите, близокъ палачъ и могильщикъ!

Народъ слушалъ, и тысячи семействъ покидали города, и проѣзжія дороги были запружены телѣгами съ имуществомъ изгнанниковъ.

И Уленспигель ходилъ повсюду съ печальнымъ Ламме, разыскивающимъ свою милую.

А въ Дамме лила слезы Неле подлѣ безумной Катлины.

XVI.

Въ мѣсяцъ ячменя—т.е. въ октябрѣ—будучи въ Гентѣ, Уленспигель встрѣтилъ Эгмонта, возвращавшагося съ аббатомъ Сепъ-Бавонскимъ съ торжественнаго пиршества. Въ радужномъ настроеніи графъ задумчиво опустилъ поводья, и лошадь шла шагомъ. Вдругъ онъ замѣтилъ человѣка съ зажженнымъ фонаремъ, идущаго съ нимъ рядомъ.

— Чего тебѣ?—спросилъ Эгмонтъ.

— Ничего, хочу только освѣтить вамъ путь!

— Пошелъ прочь.

— Не уйду.

— Хлыста захотѣлъ?

— Хоть десять хлыстовъ, лишь бы зажечь въ вашей головѣ такой фонарь, чтобы вы видѣли ясно все вплоть до Эскуриала.

— Убирайся со своимъ фонаремъ и съ Эскуриаломъ.

— Нѣтъ, не уйду, я долженъ сказать вамъ, что я думаю.

Онъ взялъ лошадь графа подъ уздцы, та стала-было на дыбы, но онъ продолжалъ:

— Графъ, подумайте о томъ, что вы гарцуете на конѣ, а голова ваша гарцуетъ на вашихъ плечахъ. Но, говорятъ, король собирается положить конецъ этимъ пляскамъ, оставить вамъ тѣло и, снявъ съ вашихъ плечъ голову, пошлетъ ее плясать въ далекія страны, откуда вы ее не получите. Дайте флоринъ, я его заслужилъ.

— Хлыста я тебѣ дамъ, если не уберешься, дрянной вѣстникъ.

— Графъ, я Уленспигель, сынъ Клааса, сожженнаго за вѣру, и сынъ Сооткинъ, умершей отъ горя. Ихъ пепелъ стучитъ въ мою грудь и говоритъ мнѣ, что Эгмонтъ, доблестный вождь, можетъ со своими солдатами противопоставить Альбѣ войско втрое болѣе сильное.

— Поди прочь, я не предатель!

— Спаси родину, никто, кромѣ тебя, не спасетъ ее,— вскричалъ Уленспигель.

Графъ хотѣлъ ударить хлыстомъ, но Уленспигель не дождался этого, отскочилъ въ сторону и крикнулъ:

— Смотрите яснѣе, графъ! Спасите родину.

Въ другой разъ графъ Эгмонтъ остановился напиться у корчмы *In't bondt verken*,—„Пестрый поросенокъ“,—гдѣ хозяйкой была одна смазливая бабенка изъ Кортрейка, по прозвищу Мусекинъ, что по-фламандски значить мышка.

Привставъ на стременахъ, графъ крикнулъ:

— Пить!

Уленспигель, прислуживавшій у „Мышки“, вышелъ съ оловяннымъ бокаломъ въ одной рукѣ и бутылкой краснаго вина въ другой.

Увидѣвъ его, графъ сказалъ:

— А, это ты со своими черными пророчествами?

— Господинъ графъ, — отвѣтилъ Уленспигель:—если мои пророчества черны, то это потому, что не вымыты. А вы скажите мнѣ, что краснѣе: вино ли, льющееся внизъ по вашей глоткѣ, или кровь, хлещущая вверхъ изъ шеи? Вотъ о чемъ спрашивалъ мой фонарь.

Графъ ничего не отвѣтилъ, выпилъ, расплатился и ушелъ.

XVII.

Теперь Уленспигель и Ламме разѣзжали верхомъ на ослахъ, полученныхъ отъ Симона Симонсена, одного изъ приближенныхъ принца Оранскаго. Такъ ѣздили они повсюду, предупреждая гражданъ о мрачныхъ замыслахъ кроваваго короля и развѣдывая, что слышно изъ Испаніи.

Переодѣтые крестьянами, они продавали овощи, разѣзжая по рынкамъ.

Возвращаясь какъ-то изъ Брюсселя, они замѣтили въ окнѣ одного каменнаго дома красивую даму въ атласномъ платьѣ, съ высокой грудью и живыми глазами.

— Вычисти мнѣ эту сковородку, — говорила она молодой, смазливой кухаркѣ:—не люблю, когда соусъ перецрѣтъ.

Уленспигель прижалъ носъ къ окну и говоритъ:

— А я люблю всякое—голодный желудокъ не разборчивъ.

Дама обернулась и спрашиваетъ:

— Кто это здѣсь суетъ носъ въ чужіе горшки?

— О, прекрасная дама, — отвѣтилъ Уленспигель:—если бы вы захотѣли сварить что-нибудь вмѣстѣ со мной, я бы показалъ вамъ, какія мимолетныя сладости готовить случайный провзкій вмѣстѣ съ пригожими осѣдлыми страпухами.—И, щелкнувъ языкомъ, онъ прибавилъ:—Хорошо бы закусить!

— Чѣмъ? — спросила она.

— Тобой, — отвѣтилъ онъ.

— Пригожій парень, — сказала кухарка барынь:—хорошо позвать его, пусть расскажетъ, что видѣлъ.

— Да ихъ двое.

— Другого беру на себя, — отвѣтила кухарка.

— Да, насъ двое, сударыня, — заявилъ Уленспигель:—совершенно вѣрно—я и мой бѣдный Ламме, который не въ си-

лахъ снести на плечахъ сто фунтовъ, но охотно носить на животѣ пятьсотъ фунтовъ мяса и рыбы.

— Сынъ мой,—замѣтилъ Ламме:—не смѣйся надо мной, бѣднякомъ, истратившимъ столько денегъ, чтобы упитать это брюхо.

— Сегодня это тебѣ ничего не будетъ стоить,—сказала дама:—войдите оба.

— А оба наши осла?—сказалъ Ламме.

— Въ торбахъ съ овсомъ нѣтъ недостатка въ конюшняхъ господина графа Мегема.

Оставивъ свою сковородку, кухарка ввела во дворъ ословъ, которые немедленно заревѣли.

— Трубить къ обѣду,—объяснилъ Уленспигель:—отъ радости трубить бѣдные ослики.

Сойдя съ осла, Уленспигель прежде всего обратился къ кухаркѣ:

— Если бы ты была ослица, былъ бы тебѣ по душѣ такой осель, какъ я?

— Если бы я была женщина, мнѣ былъ бы по душѣ пригожій и веселый парень.

— Если ты не женщина и не ослица, то что же ты такое?—спросилъ Ламме.

— Дѣвушка,—отвѣчала кухарка:—дѣвушка не женщина и, конечно, не ослица; понялъ, толстопузый?

— Не вѣрь ей,—сказалъ Уленспигель Ламме:—она только наполовину дѣвушка, да и то гулящая, а еще двѣ четвертушки въ ней—чертовочки. За злодѣйство плотское ей ужъ отведено мѣстечко въ аду: будетъ тамъ ласкать на тюфячѣхъ Вельзевула.

— Насмѣшникъ,—отвѣчала кухарка:—на конскомъ волосѣ я лежать не стану, хоть имъ покрыто твое тѣло.

— А я бѣ съѣлъ тѣ волоски, которыми покрыто твое.

— Подлипала!—крикнула дама:—неужели всѣ женщины тебѣ нужны?

— Нѣтъ, тысячи довольно, если бы онѣ слились въ такой, какъ вы,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Ну,—сказала дама,—выпей кружку пива, съѣшь кусокъ ветчины, отрѣжь ломтикъ бараньей ноги, прикончи этотъ пирогъ и проглоти этотъ салатъ.

Уленспигель молитвенно сложилъ руки:

— Ветчина—добрая ѣда. Пиво—небесный напитокъ; баранья нога—божественное угощеніе; отъ пирожка трепещетъ въ упоеніи языкъ во рту; салатъ—царская приправа. Но блаженъ лишь тотъ, кто получить на закуску вашу красоту,

— Придержи языкъ,—сказала она:—сперва поѣшь, бездѣльникъ.

— Не хотите передъ „Gratias“ прочитать „Benedicite“?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.

— Голодень я,—простоналъ и Ламме.

— И поѣшь,—отвѣчала дама:—у тебя вѣдь на умѣ только жареное мясо.

— И сырье,—то, что я получалъ отъ моей жены,—отвѣтилъ Ламме.

Это привело кухарку въ дурное расположеніе духа. Такъ или иначе, они поѣли и попили вдосталь, затѣмъ Уленспигель этой же ночью получилъ отъ дамы и ужинъ. И такъ на другой день и дальше.

Ослы получали двойную порцію овса, и Ламме обѣдалъ по два раза въ день. Цѣлую недѣлю онъ не выходилъ изъ кухни, но наслаждался только жаркимъ, а не кухаркой, такъ какъ онъ все думалъ о своей женѣ.

Это приводило въ бѣшенство дѣвушку, которая твердила, что нельзя загромождать своей особой свѣтъ, когда подумаешь только о своемъ брюхѣ.

А Уленспигель и дама жили въ полномъ согласіи. Какъ-то она говоритъ ему:

— Тиль, ты совсѣмъ не знаешь приличій. Кто ты такой?

— Я сынъ Счастливаго Случая, рожденный имъ отъ Пріятной Встрѣчи.

— Нельзя однако сказать, что ты о себѣ дурного мнѣнія.

— Это изъ боязни, что меня стануть хвалить.

— Хочешь стать на защиту твоихъ несчастныхъ братьевъ?

— Пепель Клааса стучитъ въ мое сердце.

— Какой ты молодецъ! Кто этотъ Клаасъ?

— Это мой отецъ, сожженный на кострѣ за вѣру!

— Графъ Мегемъ не похожъ на тебя. Онъ готовъ залить кровью родину, которую я люблю. Я вѣдь родилась въ Антверпенѣ, славномъ городѣ. Знай же, что онъ сговорился съ брабантскимъ совѣтникомъ Схейфомъ впустить въ Антверпенъ десять батальоновъ пѣхоты.

— Я сообщу объ этомъ гражданамъ; лечу сейчасъ же, быстро, какъ призракъ.

Онъ бросился въ Антверпенъ, и на другой день горожане были готовы.

Однако Уленспигель и Ламме, поставившіе своихъ ослей у одного изъ фермеровъ Симона Симонсена, вынуждены были скрываться отъ графа Мегема, который искалъ ихъ повсюду,

чтобы повѣсить. Ибо ему донесли, что два еретика пили его вино и ѣли его мясо.

Онъ ревновалъ и сказалъ объ этомъ своей дамѣ, которая отъ ярости скрежетала зубами, плакала и семнадцать разъ падала въ обморокъ. Кухарка совершала то же самое, только не столь многократно, и клялась спасеніемъ своей души и своимъ мѣстомъ въ раю, что ни она ни ея барыня не провинились ни въ чемъ. Лишь два странствующихъ богомольца, остановившись однажды подъ кухоннымъ окномъ на своихъ тощихъ ослахъ, получили немножко объѣдковъ — вотъ и все.

Обѣ пролили такое количество слезъ, что полъ промокъ насквозь. Видя это, графъ Мегемъ въ концѣ концовъ увѣрился, что онѣ дѣйствительно не лгутъ.

Ламме не осмѣливался уже показаться въ домъ графа Мегема, ибо кухарка неизмѣнно называла его „мой супруга“.

Грустенъ онъ былъ и вѣчно озабоченъ вопросомъ о бѣдѣ. Но Уленспигель таскалъ ему добрые куски, ибо онъ пробирался съ улицы св. Катерины въ домъ Мегема, гдѣ скрывался на чердакѣ.

Какъ-то послѣ вечерни графъ Мегемъ сообщилъ своей прекрасной подругѣ, что онъ на разсвѣтѣ выступаетъ со своимъ отрядомъ въ Герцогенбушъ. Затѣмъ онъ уснулъ, а прекрасная подруга бросилась на чердакъ и рассказала Уленспигелю объ этомъ замыслѣ.

XVIII.

Переодѣтый богомольцемъ, безъ денегъ и безъ провизіи, лишь бы скорѣе предупредить гражданъ Герцогенбуна, Уленспигель поспѣшилъ въ путь. Онъ рассчитывалъ по дорогѣ получить лошадь у Иеронима Прата, брата Симона, къ которому онъ имѣлъ письмо отъ принца, и оттуда во весь опоръ кратчайшимъ путемъ домчатся до Герцогенбуша.

Пересѣкая большую дорогу, онъ наткнулся на отрядъ солдатъ. Онъ очень испугался — изъ-за писемъ.

Однако, рѣшивъ вести свою игру, онъ, стоя, подождалъ войско и, бормоча „Отче нашъ“, пропустилъ его мимо себя. Когда оно прошло, онъ присоединился къ нему и узналъ, что отрядъ направляется въ Герцогенбушъ.

Движеніе открывалъ батальонъ валлоновъ во главѣ съ капитаномъ Ламоттомъ и шестью алебардчиками его охраны; затѣмъ — сообразно чину — шель лейтенантъ съ меньшей свитой, далѣе профосъ, его стражники и два сыщика, начальникъ караула, начальникъ обоза, палачъ съ помощникомъ

и наконецъ свирѣльщики съ барабанщиками, производившіе большой шумъ.

Затѣмъ шелъ батальонъ фламандцевъ—двѣсти человекъ со своимъ капитаномъ и лейтенантомъ. Они были раздѣлены на двѣ сотни подъ командой фельдфебелей, испытанныхъ рубакъ, а сотни дѣлились на взводы, которыми командовали *rot-meesters*. Профосъ и его *stocks-knechten* — „палочные прислужники“—шли также въ сопровожденіи свистѣвшихъ и барабанившихъ свирѣльщиковъ и литавриковъ.

За солдатами, громко смѣясь, треща, какъ синички, заливаясь соловьями, забавляясь ѣдой и питьемъ, лежа, стоя или приплясывая въ двухъ большихъ, открытыхъ повозкахъ, ѣхали ихъ спутницы, гуляющія дѣвицы.

Нѣкоторыя были одѣты ландскнехтами, но ихъ одежда была изъ тонкаго бѣлаго полотна, съ глубокимъ вырѣзомъ на груди, съ прорѣзами вдоль рукъ и бедеръ, позволявшими видѣть нѣжное тѣло; на головѣ у нихъ были шапочки изъ золотомъ затканнаго полотна, надъ которыми колыхались въ воздухѣ пушистыя страусовыя перья; на парчевыхъ съ краснымъ шелкомъ поясахъ висѣли золотыя матерчатыя ножны ихъ кинжаловъ; и ихъ башмаки, чулки, шаровары, камзолы, перевязи, пряжки—все было изъ золота и бѣлаго шелка.

Другія были также въ солдатскихъ одеждахъ, но въ синихъ, зеленыхъ, красныхъ, голубыхъ, пурпурныхъ, съ вышивками, вышивками, гербами—какъ кому нравилось. И у всѣхъ на рукавѣ видѣлся пестрый кружокъ—знакъ ихъ промысла.

„*Noeg-Wyfel*“—„бабій староста“—старался утихомирить ихъ, но бойкими словами и ухватками онѣ только смѣшили его и не слушались.

Въ своемъ хитонѣ богомольца Уленспигель шелъ рядомъ съ войскомъ, точно шляпка рядомъ съ кораблемъ, бормоча свои молитвы.

Вдругъ Ламотъ спросилъ его:

— Ты куда идешь, богомолецъ?

— Ахъ, господинъ капитанъ,—отвѣтилъ Уленспигель, порядкомъ проголодавшійся:—нѣкогда совершилъ я великій грѣхъ и былъ присужденъ капитуломъ собора Богоматери пѣшкомъ отправиться въ Римъ и тамъ получить отъ святаго отца отпущеніе. Прощенный и просвѣтленный, нынѣ я возвращаюсь въ родную землю подъ условіемъ вездѣ, гдѣ я встрѣчу по пути солдатъ, проповѣдывать имъ слово Божіе. А за проповѣди мои я буду получать отъ нихъ хлѣбъ и мясо. Разрѣшите мнѣ на ближайшемъ привалѣ исполнить мой обѣтъ?

— Можешь, — отвѣтить де-Ламотъ.

И Уленспигель вмѣшался въ рады фламандцевъ и валлоновъ, все нащупывая, лежатъ ли письма въ сохранности подъ его курткой.

Дѣвушки кричали ему:

— Пилигримъ, хорошенькій богомолецъ, пойдѣ къ намъ покажи намъ свои добродѣтели.

— Сестры мои во Христѣ, — проникновенно сказала Уленспигель, подойдя къ нимъ: — не смѣйтесь надъ бѣднымъ богомольцемъ, странствующимъ чрезъ горы и доли, чтобы возвѣщать воинамъ слово Божіе.

И онъ пожиралъ глазами ихъ прелести.

Но гуляющія дѣвицы высовывали свои веселыя лица изъ-за занавѣсокъ повозки и кричали:

— Ты слишкомъ молодъ, чтобы держать къ солдатамъ добродѣтельныя рѣчи! Полѣзай къ намъ въ повозку, мы научимъ тебя болѣе вкуснымъ разговорамъ.

Уленспигель охотно принялъ бы предложеніе, но не могъ изъ-за писемъ; уже двѣ-три изъ нихъ пытались, протянувъ свои бѣлыя, полныя руки, подтащить его ближе, но „бабій староста“ ревниво крикнулъ Уленспигелю:

— Убирайся, не то разрублю на куски!

И Уленспигель отошелъ подальше и плутовато поглядывалъ издали на дѣвичьи лица, ярко озаренныя солнечными лучами.

Такъ дошли до Берхема. Начальникъ фламандцевъ Филиппъ де-Ланнуа, владѣтель Бовуара, приказалъ сдѣлать привалъ.

Здѣсь стоялъ невысокій дубъ, вѣтви котораго были срублены, кромѣ самой большой, обломанной до половины: на ней въ прошломъ мѣсяцѣ былъ повѣшенъ одинъ анабаптистъ.

Солдаты стали лагеремъ; явились маркитанты, предлагая хлѣбъ, вино, пиво и всякое мясо. Гуляющія дѣвицы покупали у нихъ леденцы, миндаля, пирожки и всякія сладости. При видѣ всего этого голодъ Уленспигеля сталъ невыносимъ.

Вдругъ съ ловкостью обезьяны онъ взобрался на дерево, сѣлъ верхомъ на сукъ на высотѣ семи футовъ отъ земли и началъ бичевать себя веревкой; солдаты и дѣвушки собрались вокругъ него. И онъ говорилъ:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь! Сказано есть: кто подаетъ неимущему, тотъ подаетъ Господу Богу. Воины и прекрасныя дѣвушки, милыя возлюбленные храбрыхъ солдатъ, подайте Господу Богу, то-есть, значить, подайте мнѣ. Подайте хлѣба, мяса, вина, пива, всего, что

угодно, хоть и пирожковъ, и Господь Богъ, Онъ же богатъ и щедръ, оплатитъ вамъ за это кучами жареныхъ жаворонковъ, ручьями мускатнаго вина, горами леденца и „Rystrap“, которую вы будете ѣсть въ раю серебряными ложками.

И жалобно продолжалъ онъ:

— Развѣ вы не видите, какимъ тяжелымъ путемъ послушанія долженъ я искупать мои грѣхи? Неужто мои страданія отъ бичеванія, изранившаго мою спину и окровавившаго плечи, не размягчили васъ?

— Что это за юродивый?—спрашивали солдаты.

— Друзья мои,—говорилъ Уленспигель:—я не юродствую, я голоденъ и каюсь. Ибо, пока духъ мой оплакиваетъ мои грѣхи, тѣло мое плачетъ отъ голода. Благословенные войны и прекрасныя дѣвушки, я вижу у васъ тамъ жирную ветчину, гусятину, колбасы, вино, пиво, пирожки; неужто не подѣлитесь съ бѣднымъ богомольцемъ?

— Да бери!—кричали фламандскіе солдаты.—У него рожа добродушная, у проповѣдника.

И всѣ бросали ему куски ѣды, точно мячики. И онъ ѣлъ, сидя верхомъ на своей вѣткѣ и приговаривая:

— Жестоковыйнымъ дѣлаетъ человѣка голодъ и неспособнымъ къ молитвѣ, но кусокъ ветчины мягомъ мѣняетъ настроеніе.

— Берегись, голову снесу!—крикнулъ одинъ фельдфебель, бросая ему недонитую бутылку.

Уленспигель поймалъ ее на лету и, выпивая понемногу, продолжалъ:

— Если острый неистовый голодъ пагуба для бѣднаго тѣла человѣческаго, то есть другія вещи, болѣе страшныя: это, на примѣръ, страхъ бѣднаго богомольца, которому щедрые господа солдаты бросаютъ то кусочекъ ветчины, то бутылку пива—страхъ напиться; ибо вѣдь богомольецъ всегда трезвъ, и если онъ будетъ пить, а пици въ его животѣ будетъ немного, то вѣдь этакъ онъ можетъ напиться допьяна...

И, поймавъ при этихъ словахъ на лету гусиную ногу, онъ продолжалъ:

— Что за чудесное дѣло ловить этакъ въ воздухѣ полевыхъ рыбъ! Но эта вотъ уже исчезла съ кожей и костями! Что жаднѣе сухого песка? Бесплодная женщина и голодное брюхо.

Вдругъ онъ почувствовалъ въ задѣ уколъ алебарды и услышалъ:

— Съ какихъ поръ богомольцы отвергаютъ баранью ногу?

И онъ увидѣлъ на кончикѣ алебарды баранью ногу. Схвативъ ее, онъ продолжалъ:

— Ляжка за ляжку. Лучше мои зубы въ этой ляжкѣ, чѣмъ чужіе зубы въ моей. Я сдѣлаю флейту изъ этой кости и на ней воспую тебѣ славу, милосердный алебарщикъ. Но что за обѣдъ безъ закуски? — продолжалъ онъ: — что такое сочнѣйшая баранья лопатка въ мірѣ, если за ней бѣдный пилигримъ не узритъ благословеннаго образа сладенькаго пирожка?

При этихъ словахъ онъ схватился за лицо, ибо изъ толпы гулящихъ дѣвушекъ полетѣло разомъ два пирожка, и одинъ шлепнулся въ его глазъ, другой въ щеку. И дѣвушки хохотали, а Уленспигель кричалъ имъ:

— Спасибо, спасибо, милыя дѣвушки, сладостями поцѣлованшія меня.

Но пирожки все-таки упали на землю.

Вдругъ загремѣли барабаны, свирѣли засвистали, и солдаты снова собрались въ путь.

Господинъ де-Бовуаръ приказалъ Уленспигелю сойти съ дерева и идти съ отрядомъ. Онъ же предпочелъ бы быть за сто миль отсюда, ибо онъ по словамъ нѣкоторыхъ не особенно доброжелательныхъ къ нему солдатъ замѣтилъ, что его считаютъ подозрительнымъ и вотъ-вотъ схватятъ, какъ шпиона, обыщутъ и, найдя письма, повѣсятъ.

И онъ свалился съ дороги въ канаву и поднялъ оттуда крикъ:

— Сжальтесь, господа солдаты, я сломалъ ногу, не могу идти дальше. Позвольте сѣсть въ повозку къ дѣвушкамъ.

Но онъ зналъ, что ревнивый „бабій староста“ ни за что ему этого не позволитъ.

Дѣвушки кричали:

— Иди къ намъ, хорошій, иди, богомолецъ. Мы тебя будемъ любить, ласкать, угощать и въ одинъ день вылѣчимъ.

— Знаю, — отвѣтилъ онъ: — женская рука — небесный бальзамъ для всѣхъ ранъ.

Но ревнивый „бабій староста“ обратился къ господину де-Ламотту:

— Я думаю, господинъ, этотъ богомолецъ морочить насъ своей сломанной ногой, чтобы влѣзть въ повозку къ дѣвушкамъ. Прикажите, пожалуйста, оставить его тамъ, гдѣ онъ лежитъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Ламоттъ.

И Уленспигель остался въ канавѣ.

Нѣкоторые солдаты повѣрили, что онъ въ самомъ дѣлѣ сломалъ ногу, и, такъ какъ онъ былъ веселый парень, пожалѣли его и оставили ему вина и мяса дня на два. Дѣвушки охотно поухаживали бы за нимъ, но, такъ какъ это оказалось невоз-

можнымъ, онѣ побросали ему все, что осталось у нихъ изъ лакомствъ.

Когда войско скрылось изъ виду, Уленспигель вскочилъ и побѣжалъ.

На дальнѣйшемъ пути онъ добылъ лошадь и помчался по другимъ дорогамъ въ Герцогенбушъ. По его сообщенію, что Бовуаръ и Ламоттъ идутъ на городъ, восемьсотъ гражданъ вооружились, выбрали предводителей и отправили Уленспигеля, переодѣтаго угольщикомъ, въ Антверпенъ къ Вредероде просить о помощи.

И войско Ламотта и Бовуара не вошло въ Герцогенбушъ, ибо городъ былъ насторожѣнъ и приготовился къ стойкой защитѣ.

XIX.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ нѣкій докторъ Агилеусъ далъ Уленспигелю два флорина и письмо, съ которымъ онъ долженъ былъ отправиться къ Симону Праату; а тотъ ужъ ему скажетъ, что ему дѣлать дальше.

У Праата его накормили и уложили спать. Сонъ его былъ ясенъ, какъ ясно было его юношеское лицо. Наоборотъ, Праатъ былъ хилъ и немощенъ съ виду и, казалось, вѣчно погруженъ въ мрачныя мысли. Уленспигеля удивляло, что иногда ночью, случайно проснувшись, онъ слышитъ какъ будто удары молота.

И, какъ бы рано онъ ни всталъ, Симонъ Праатъ былъ всегда уже на ногахъ, и еще изможденнѣе было его лицо и еще печальнѣе его глаза, горѣвшіе, какъ глаза человѣка, готовящагося къ смерти или къ бою.

Часто Праатъ вздыхалъ, молитвенно складывалъ руки и всегда былъ какъ бы переполненъ ненавистью. Пальцы его были черны и жирны, равно какъ и руки и рубашка.

Уленспигель рѣшилъ развѣдать, откуда происходятъ удары молотка, грязь на рукахъ Праата и тоска въ его лицѣ. Однажды вечеромъ онъ заставилъ Праата пойти съ нимъ въ трактиръ „Синій Гусь“ и, выпивъ здѣсь, притворился, что мертвецки пьянъ, такъ что его надо поскорѣе оттащить домой выпасться.

Праатъ мрачно отвелъ его въ свой домъ.

Уленспигель спалъ на чердакѣ съ кошками, Симонъ внизу подлѣ погреба.

Продолжая притворяться пьянымъ, Уленспигель, спотыкаясь, взобрался на свою лѣстницу, чуть не падая внизъ съ каждой ступеньки и держась за веревку, замѣняющую перила. Симонъ

поддерживалъ его съ нѣжной заботливостью, словно брата. Уложивъ Уленспигеля, онъ выразилъ сожалѣніе, что тотъ напился, помолился Господу Богу о прощеніи молодого чело-вѣка, затѣмъ сошелъ внизъ, и Уленспигель услышалъ вскорѣ тотъ самый стукъ молотка, который будилъ его уже не разъ.

Безшумно поднялся онъ и сталъ спускаться босикомъ по узкой лѣстницѣ. Пройди такимъ образомъ семьдесятъ двѣ ступеньки, онъ наткнулся на маленькую дверцу, лишь при-крытую, такъ что изъ щели ея видѣлся свѣтъ.

Симонъ печаталъ листки старымъ шрифтомъ временъ Ло-ренца Костера, великаго провозвѣстника благороднаго печат-наго искусства.

— Что ты такое дѣлаешь?—спросилъ Уленспигель.

— Если ты,—отвѣтилъ въ страхѣ Симонъ,—пришелъ отъ дьявола, донеси на меня и приведи меня на плаху; но если ты отъ Господа Бога, то да будутъ уста твои узилицемъ твоего языка.

— Я отъ Господа Бога,—успокоилъ его Уленспигель,—и ничего дурного тебѣ не сдѣлаю. Что такое ты дѣлаешь?

— Печатаю библію,—отвѣтилъ Симонъ.—Ибо днемъ, чтобы кормить жену и дѣтей, я печатаю жестокіе и суровые указы его величества, зато ночью сѣю слово истины Господней и стараюсь исправить зло, содѣянное мною днемъ.

— Ты крѣпокъ духомъ,—сказалъ Уленспигель.

— Я твердъ въ вѣрѣ,—отвѣтилъ Симонъ.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ этой свещенной печатни шли фла-мандскія библіи, расходясь по Брабанту, Фландріи, Голландіи, Зеландіи, Утрехту, Оверисселю и Гельдерну вплоть до того дня, когда былъ осужденъ и обезглавленъ Симонъ Праатъ, такъ отдавшій жизнь за Христа и правду.

XX.

Однажды Симонъ обратился къ Уленспигелю:

— Послушай, братъ мой, достаточно ли у тебя мужества?

— Достаточно для того, чтобы колотить испанца, пока онъ не издохнетъ, чтобы убить убійцу, чтобы расправиться съ злодѣемъ.

— Сумѣлъ бы ты забраться въ трубу камина и тамъ си-дѣть тихо, чтобы подслушать, что будутъ говорить въ ком-натѣ?

— Такъ какъ, благодареніе Господу, у меня здоровый хре-бетъ и гибкія икры, то я могу держаться въ трубѣ, какъ кошка, сколько угодно.

— А довольно у тебя терпѣнія и памяти?

— Пенель Клааса стучитъ въ мое сердце.

— Такъ слушай,—сказалъ печатникъ.—Возьми эту сложенную игральную карту, отправляйся въ Дендермонде и постучи два раза громко и одинъ разъ тихо въ двери дома, который вотъ здѣсь нарисованъ. Тебѣ откроютъ и спросятъ тебя, не трубочистъ ли ты; ты отвѣтишь, что ты худъ и карты не потерялъ. И покажешь ее. А потомъ, Тиль, исполни свой долгъ. Великое несчастье нависло надъ землей Фландрской. Тебѣ укажутъ каминъ, который уже напередъ будетъ приготовленъ и вычищенъ. Въ трубѣ его ты найдешь опоры для ногъ и маленькое сидѣніе. Если тотъ, кто тебѣ откроетъ, скажетъ, что ты долженъ влѣзть туда, повинуйся и седи, не шелохнувшись. Важные господа соберутся въ комнату у каминна, въ которомъ ты спрячешься: Вильгельмъ Молчаливый, принцъ Оранскій, графы Эгмонтъ, Горнъ, Гоогстратенъ и Людвигъ Нассаускій, доблестный братъ Вильгельма. Мы, реформаты, хотимъ знать, что замышляютъ и предпринимаютъ эти господа для того, чтобы спасти родину.

И вотъ, перваго апрѣля, исполнивъ все, что ему было приказано, Уленсигель сидѣлъ въ каминѣ. Приятно было, что огонь не былъ разведенъ, и Уленсигель говорилъ себѣ, что не прокопченный онъ будетъ лучше слышать.

Вскорѣ дверь залы распахнулась, и порывъ вѣтра пронизалъ его. Но и это принялъ онъ терпѣливо, сказавъ себѣ, что вѣтеръ освѣжитъ его вниманіе...

Затѣмъ онъ слышалъ, какъ въ залу вошли Оранскій, Эгмонтъ и прочіе. Они начали говорить о своихъ опасеніяхъ, о гнѣвѣ короля и о дурномъ управленіи финансами и налогами. Одинъ изъ нихъ говорилъ рѣзко, высококомфрно и отчетливо—это былъ Эгмонтъ. Поэтому Уленсигель и узналъ его, равно какъ Гоогстратена—по хриплому голосу, Горна—по громкой рѣчи, Людвигъ Нассаускаго—по его крѣпкому солдатскому языку и Молчаливаго—по тому, что онъ каждое свое слово произносилъ такъ медленно, точно раньше взвѣшиваетъ его на вѣсахъ.

Графъ Эгмонтъ спросилъ, для чего они собираются вторично: вѣдь у нихъ въ Хеллегатѣ будетъ время рѣшить, что дѣлать.

Горнъ отвѣтилъ:

— Часы летятъ, король разгнѣванъ, не надо терять времени.

Тогда сказалъ и Оранскій:

— Страна въ опасности, надо защищаться отъ вражескаго нашествія.

Эгмонтъ возбужденно отвѣтилъ, что ему кажется страннымъ, зачѣмъ это король, ихъ повелитель, считаетъ нужнымъ посылать войско, когда въ странѣ, благодаря дворянамъ и особенно благодаря его благопопеченію, царить вождельное спокойствіе.

На это отвѣтилъ Молчаливый:

— Филиппъ знаетъ, что у него въ Нидерландахъ четырнадцать корпусовъ, солдаты которыхъ всѣ до одного преданы тому, кто командовалъ ими при Гравелинѣ и Сентъ-Кентенѣ.

— Не понимаю,—сказалъ Эгмонтъ.

— Больше я ничего не скажу,—отвѣтилъ принцъ,—но прежде всего вамъ, господа, прочтуть письма, написанныя несчастнымъ схваченнымъ Монтиньи.

Въ этихъ письмахъ Монтиньи писалъ: „Король разъяренъ тѣмъ, что произошло въ Нидерландахъ, и, когда придетъ часъ, накажетъ попустителей“.

Тутъ графъ Эгмонтъ замѣтилъ, что ему холодно и что слѣдовало бы развести въ каминѣ огонь. Такъ и сдѣлали, пока двое господъ разговаривали о письмахъ.

Такъ какъ труба была заткнута, огонь не разгорался какъ слѣдуетъ, и комната наполнилась дымомъ.

Затѣмъ Гоогстратенъ, кашляя, прочиталъ перехваченныя письма испанскаго посланника Алавы къ правительницѣ.

— Посоль сообщаетъ, что виной всѣхъ беспорядковъ въ Нидерландахъ—три человека: Оранскій, Эгмонтъ и Горпъ. Необходимо,—пишетъ онъ далѣе,—выказывать имъ благоклонность и выражать увѣренность, что только благодаря ихъ услугамъ страна сохраняетъ покорность. Что касается двухъ остальныхъ, то-есть Монтиньи и Бергеса, то они тамъ, гдѣ имъ быть надлежитъ.

— Ахъ,—сказалъ Уленспигель:—я предпочитаю дымный каминъ во Фландріи свѣжей тюрьмѣ въ Испаніи. Ибо тамъ на сырыхъ стѣнахъ растутъ петли.

— Посланникъ пишетъ далѣе, что король, будучи въ Мадридѣ, сказалъ: „Все происходящее въ Нидерландахъ подрываетъ нашу королевскую власть и оскорбляетъ святую богослуженія, и мы лучше подвергнемъ опасности прочія наши земли, чѣмъ оставимъ безнаказаннымъ мятежъ. Мы рѣшили лично прибыть въ Нидерланды и призвать къ содѣйствію папу и императора. Подъ нынѣшнимъ зломъ скрыто грядущее благо. Мы принудимъ Нидерланды къ безусловному повиновенію и, сообразно нашей волѣ, установимъ тамъ власть, вѣру и управленіе“.

— Ахъ, король Филиппъ, — сказалъ Уленспигель про

себя,—если бы я могъ сообразно моей волѣ рѣшать твою участь, подь моей фламандской дубиной претерпѣли бы значительный ущербъ твои руки и ноги. Двумя гвоздями я прикрѣпилъ бы твое лицо къ спицѣ и посмотрѣлъ бы, можешь ли ты въ этомъ положеніи, бросая взглядъ на кладбище, оставленное тобой позади, еще пѣть пѣсню о твоихъ тираниствахъ и преобразованіяхъ.

Подали вино. Гоогстратенъ всталъ и провозгласилъ:

— Пью за наши страны!

Все присоединились къ нему; онъ выпилъ свой кубокъ, поставилъ его на столъ и сказалъ:

— Насталъ роковой часъ для бельгійскаго дворянства. Надо думать о путяхъ и способахъ обороны.

И, въ ожиданіи отвѣта, онъ устремилъ взглядъ на Эгмонта, который отвѣтилъ молчаніемъ.

Но Молчаливый сказалъ:

— Мы отстоимъ себя, если Эгмонтъ, предъ которымъ дважды, при Сень-Кентенѣ и Гравелинѣ, содрогнулась Франція и вліяніе котораго на фламандскихъ солдатъ безгранично, придетъ къ намъ на помощь и не допуститъ испанскаго вторженія.

На это Эгмонтъ отвѣтилъ:

— Я слишкомъ преданъ королю, чтобы думать, что мы должны стать мятежниками. Пусть удалится тѣ, кто боится его гнѣва. Я останусь, ибо я не имѣю возможности жить безъ его помощи.

— Филиппъ можетъ безчеловѣчно отомстить, — сказалъ Оранскій.

— Я довѣряю ему во всемъ.

— Вилоть до головы?—спросилъ Людвигъ Нассаускій.

— Вилоть до головы, тѣла и вѣрности: все это принадлежитъ ему.

— Я съ тобой, другъ и союзникъ,—сказалъ Горнъ.

— Надо предвидѣть, а не выжидать,—повторилъ Оранскій.

— Я повѣсилъ въ Граммонѣ двадцать двухъ реформатовъ!—возбужденно воскликнулъ Эгмонтъ:—если прекратятся ихъ проповѣди и будутъ наказаны иконоборцы, гнѣвъ короля смягчится.

— Сомнительныя надежды,—отвѣтилъ Оранскій.

— Вооружимся довѣріемъ,—сказалъ Эгмонтъ.

— Вооружимся довѣріемъ,—сказалъ Горнъ.

— Мечами надо вооружиться, а не довѣріемъ,—возразилъ Гоогстратенъ.

При этомъ Оранскій сдѣлалъ знакъ, что уходитъ.

— Прощайте, принцъ безземельный,—сказалъ Эгмонтъ.

— Прощайте, графъ безголовый,—отвѣтилъ Оранскій.

— Для барана—мясникъ, для воина, спасающаго родину—слава,—сказалъ Людвигъ Нассаускій.

— Не могу и не хочу,—сказалъ Эгмонтъ.

— Кровь жертвъ пусть падеть на голову придворнаго подхалима,—сказалъ Уленспигель.

Собравшіеся разошлись.

Тогда Уленспигель выльзъ изъ камина и бросился со своими извѣстіями къ Симону Праату.

— Эгмонтъ измѣнникъ,—сказалъ тотъ:—Господь солутникъ принца.

А герцогъ Альба? Альба уже въ Брюссель! Гдѣ крылатая касса?

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Онъ уходитъ, Молчаливый; Господь—его руководитель.

Уже схвачены оба графа. Альба общалъ Молчаливому милость и прощеніе, если онъ явится.

При этомъ извѣстїи Уленспигель обращается къ Ламме.

— Чортъ побери!—восклицаетъ онъ:—по настоянїю генераль-прокурора Дюбуа, герцогъ приглашаетъ принца Оранскаго, его брата Людвига, Гоогстратена, ванъ-денъ-Берга, Кюйлембурга, Бредероде и прочихъ друзей принца въ теченіе шести недѣль явиться къ суду и общаетъ имъ правосудіе и милосердіе. Слушай, Ламме: какъ-то одинъ амстердамскій еврей, увидѣвъ съ улицы въ окнѣ верхняго этажа какого-то своего врага, сталъ звать его сойти на улицу: „Сойди внизъ,—кричалъ онъ:—я тресну тебя по банкѣ такъ, что она влѣзетъ тебѣ въ грудную кѣтку и будетъ смотрѣть на Божій свѣтъ сквозь ребра, какъ воръ сквозь тюремную рѣшетку.“—„Ну,—отвѣтилъ тотъ,—общай мнѣ хоть въ сто разъ больше колотушекъ, и то я не сойду!“ Такъ могутъ отвѣтить принцъ Оранскій и его друзья. Да такъ они и сдѣлали: вѣдь они отказались явиться. Эгмонтъ и Горнъ поступили иначе. И судъ Божій покараетъ эту слабость въ исполненїи долга.

II.

Господа д'Андло, дѣти Баттенбурга и иные славные и знатные дворяне были въ это время казнены на Конскомъ

рынкѣ въ Брюсселѣ за попытку внезапнымъ нападеніемъ овладѣть Амстердамомъ.

Когда всѣ они, числомъ восемнадцать, съ пѣніемъ гимновъ шествовали къ мѣсту казни, всю дорогу позади нихъ и передъ ними шли барабанщики и громко били въ свои барабаны.

И испанскіе солдаты, окружавшіе ихъ, обжигали ихъ факелами то съ той, то съ другой стороны. И, когда они корчились отъ боли, солдаты издѣвались надъ ними:

— Чтò, господа лютеране, больно, что васъ жгутъ до времени?

Того, кто предалъ ихъ, звали Дирикъ Слоссе. Онъ заманилъ ихъ въ Эйкгейзентъ, бывший еще католическимъ, и здѣсь выдалъ сыщикамъ Альбы.

И они умерли мужественно.

И наслѣдство послѣ нихъ получилъ король.

III.

— Вотъ онъ прошелъ—видѣлъ? — спросилъ переодѣтый дровосѣкомъ Уленспигель, обращаясь къ Ламме, который былъ въ такомъ же нарядѣ:—видѣлъ ты грязную образину этого герцога съ его плоскимъ лбомъ, низкимъ, какъ у орла, съ его бородой, напоминающей веревку на висѣлицѣ? Удуши его Господь! Видѣлъ ты паука съ длинными мохнатыми ногами, извергнутаго сатаной въ блевотинѣ, когда его рвало на нашу землю? Пойдемъ, Ламме, пойдемъ набрасаемъ камней въ его паутину...

— Ахъ,—вздыхнулъ Ламме,—насъ сожгутъ живьемъ!

— Идемъ въ Гронендаль, другъ мой, идемъ въ Гронендаль; тамъ—прекрасный монастырь, гдѣ его паучье высочество господинъ герцогъ молитъ Господа Бога помочь ему завершить его дѣло—а именно, чтобы его черные приспѣшники могли покопаться въ мертвечинѣ. Теперь у насъ постъ. И герцогъ постится—только отъ крови никакъ не можетъ отказаться его высочество. Пойдемъ, Ламме; домъ въ Оэнѣ окруженъ тамъ пѣтьюстами вооруженныхъ всадниковъ; триста пѣхотинцевъ маленькими отрядами выступили въ походъ и вошли въ Суанскій лѣсъ. Альба тамъ молится; бросимся на него, схватимъ, посадимъ въ хорошую желѣзную клетку и пошлемъ герцогу.

Но Ламме дрожалъ отъ страха.

— Опасно это, сынъ мой, очень опасно,—говорилъ онъ:—я бы не отказался содѣйствовать тебѣ въ этомъ замыслѣ, будь ноги мои не такъ слабы, а брюхо не такъ раздуто кислымъ пивомъ, которымъ приходится пробавляться въ этомъ Брюсселѣ.

Этотъ разговоръ происходилъ въ ямѣ, вырытой среди чащи; выглянувъ сквозь листву, точно изъ барсучьей норы, друзья увидѣли красные и желтые мундиры шедшихъ въ лѣсу герцогскихъ солдатъ, оружіе которыхъ сверкало на солнцѣ.

— Насъ предали, — сказалъ Уленспигель.

Когда солдаты прошли, онъ спѣшно бросился въ Оэнтъ; они пропустили его, не обращая на него вниманія, такъ какъ онъ былъ въ одеждѣ дровосѣка и на спинѣ несъ вязанку дровъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ кавалерію; узнавъ отъ него, что въ лѣсу войско герцога, они разсѣялись въ разные стороны и ускользнули, и лишь господинъ де-Бозаръ-д'Армантьеръ былъ захваченъ. Изъ пѣхоты, пришедшей изъ Брюсселя, не удалось поймать ни одного человѣка.

Все выдалъ одинъ трусливый предатель изъ полка господина де-Ликса.

Господинъ де-Бозаръ жестоко поплатился за всѣхъ остальныхъ.

Съ сердцемъ, полнымъ ужаса, пошелъ Уленспигель въ Брюссель, на Скотный рынокъ, чтобы здѣсь присутствовать при его безчеловѣчной казни. Несчастный д'Армантьеръ былъ привязанъ къ колесу и получилъ тридцать семь ударовъ желѣзной полосой по ногамъ и рукамъ, которые раздробили одну за другой, ибо палачи хотѣли причинить ему неизмѣримыя страданія.

Тридцать седьмой ударъ онъ получилъ прямо въ грудь и отъ него умеръ.

IV.

Въ теплый, свѣтлый юньскій день на площади передъ ратушей воздвигли въ Брюсселѣ эшафотъ, обитый чернымъ сукномъ; по бокамъ высились два столба съ желѣзными остреями. На эшафотѣ были двѣ черныя подушки и столикъ, на которомъ стояло серебряное распятіе.

На этомъ эшафотѣ были обезглавлены мечомъ благородные графы Эгмонтъ и Горнъ. И наслѣдство получилъ король.

И посланникъ Франциска Перваго сказалъ объ Эгмонтѣ:

— Я видѣлъ, какъ отрубили голову тому, предъ кѣмъ дважды трепетала Франція.

И головы графовъ были воткнуты на желѣзные острия.

И Уленспигель сказалъ Ламме:

— Тѣла и кровь покрыты чернымъ сукномъ. Благословенны тѣ, кто съ мужественнымъ сердцемъ и обнаженнымъ мечомъ ждуть черныхъ дней, которые неминуемы.

V.

Молчаливый набралъ войско и съ трехъ сторонъ вторгся въ Нидерланды.

Въ собраніи „дикихъ гёзовъ“ въ Маренгаутѣ такъ говоритъ Уденспигель:

— По совѣту господъ инвизиторовъ король Филиппъ объявилъ, что всякій и каждый обыватель нидерландскій, причастный оскорбленію величества или ереси, или въ томъ, что не оказалъ ей должнаго противодѣйствія, считается отнынѣ виновнымъ, и въ виду сего гнуснаго преступленія, безъ различія пола и возраста, за исключеніемъ лишь особо поименованныхъ лицъ, присуждается къ наказаніямъ, соотвѣтствующимъ симъ чудовищнымъ преступленіямъ. Наслѣдство получаетъ король. Смерть косить въ этой странѣ, что, богатая и обширная, лежитъ между Сѣвернымъ моремъ, графствомъ Энденъ, Вестфаліей, Юлихъ-Клеве и Льежемъ, епископствами Бельнскимъ и Трирскимъ, Лотарингіей и Франціей; смерть косить на полѣ протяженіемъ въ триста сорокъ миль, въ двухстахъ укрѣпленныхъ городахъ и множествѣ мѣстечекъ, фермъ, хуторовъ. А наслѣдникъ—король.

„Едва хватаетъ для этого дѣла одиннадцати тысячъ палачей, которыхъ Альба называетъ солдатами. А родина стала кладбищемъ, покинута промышленниками, ремесленниками, художниками, купцами, чтобы обогащать чужбину, которая даетъ имъ возможность молиться Богу ихъ свободной совѣсти. Смерть и разгромъ косятъ свою жатву. А наслѣдникъ—король.“

„Страна имѣла права, купленные за большія деньги у обѣднѣвшихъ государей; эти права отняты. Она надѣялась, что договоры съ государями дадутъ ей возможность мирно радоваться богатымъ плодамъ своей работы. Не тутъ-то было: каменникъ строитъ жертву пожара, ремесленникъ работаетъ для вора. Наслѣдникъ—король.“

„Кровь и слезы! Смерть косить повсюду—на кострахъ, на деревьяхъ, ставшихъ висѣлицами вдоль большой дороги, въ могилахъ, куда бросаютъ живыми бѣдныхъ дѣвушекъ, въ темничныхъ колодцахъ, гдѣ топятъ толпами заключенныхъ, на грудахъ горящихъ дровъ, гдѣ на медленномъ огнѣ тлѣютъ жертвы, въ пылающихъ соломенныхъ хижинахъ, въ дыму и пламени которыхъ гибнутъ несчастные. Ихъ наслѣдникъ—король.“

„Такъ хотѣлъ папа въ Римѣ.“

„Города переполнены сыщиками, ждущими своей доли въ

муществѣй жертвѣ. Чѣмъ кто богаче, тѣмъ виновнѣе. Настѣдникъ—король.

„Но есть въ странѣ мужественные люди, которые не дадутъ перебить себя, какъ барановъ. Среди бѣжавшихъ есть вооруженные, пока скрывающіеся въ лѣсахъ. Монахи выдаютъ ихъ, чтобы ихъ перебили и ограбили. И они по ночамъ или днемъ, точно дикіе звѣри, нападаютъ на монастыри и отбираютъ тамъ назадъ украденныя у бѣдноты деньги въ видѣ подсвѣчниковъ, золотыхъ и серебряныхъ ларцовъ для мощей, дарохранительницъ, дискововъ и драгоценныхъ сосудовъ. Не такъ ли, добрые люди? Тамъ пьютъ они старое вино, выдержанное монахами для себя. И сосуды, переплавленные или заложенные, идутъ на дѣло священной войны. Да здравствуетъ гѣзъ!

„Они выслѣживаютъ королевскихъ солдатъ, убиваютъ ихъ, грабятъ и опять скрываются въ своихъ логовищахъ. Днемъ и ночью въ перелѣсахъ вспыхиваетъ то тамъ, то сямъ огонекъ, гаснетъ и вновь вспыхиваетъ въ другомъ мѣстѣ. Это огоньки нашихъ пиршествъ. Наша добыча — всякая дичь, пернатая и косматая. Мы—господа. Крестьяне, когда надо, снабжаютъ насъ хлѣбомъ и саломъ. Присмотрись-ка, Ламме; въ отреньяхъ, одичалые, рѣшительные, съ отвагой во взорѣ, со своими топорами, сѣкирами, мечами, шпагами, пиками, копьями, луками, колотушками, бродятъ они по лѣсамъ, ибо всякое оружіе имъ годно, и они не хотятъ ходить равными рядами, точно солдаты. Да здравствуетъ гѣзъ!“

И Уленспигель загѣлъ:

Slaet op den trommele van dirre dom deyne,
Slaet op den trommele van dirre dum dum.
Бей въ барабаны, van dirre dom deyne,
Собирайся, народъ, на войну!

Альба палачъ. Смѣло бей его въ рожу!
Повѣсь за языкъ! Сдери съ него кожу!
Слово его—смерть и обманъ!
Да здравствуетъ гѣзъ! Бей въ барабаны!

Псамъ его кишки! На плаху собаку!
Самъ съ нами затѣлять кровавую драку!
Наука ему, чтобы къ намъ онъ не лѣзъ!
Бей въ барабаны! Да здравствуетъ гѣзъ!

Спаситель, взгляни: вотъ войско Христово—
За правду, за родину, за Божье слово
На плаху, на пытки готово оно!
Сожгутъ, повѣсятъ: намъ все равно.

Slaet op den trommele van dirre dom deyne.
Бей въ барабаны! Да здравствуетъ гѣзъ!

И всѣ чокались, восклицая:

— Да здравствуетъ гѣзь!

И Уленспигель пилъ изъ вызолоченнаго монашескаго кубка и гордо смотрѣлъ на мужественныя лица дикихъ гѣзовъ.

— Дикіе!—говорилъ онъ:—вы волки, тигры, львы. Пожрите же собакъ кроваваго короля!

— Да здравствуетъ гѣзь!—воскликали они и повторяли его приѣвъ:

Slaet op den trommele van dirre dom deyne;

Slaet op den trommele van dirre dum dum;

Бей въ барабаны! Да здравствуетъ гѣзь!

VI.

Уленспигель вербовалъ въ Ипрѣ солдатъ для принца; скрываясь отъ преслѣдованій герцогскихъ сыщиковъ, онъ поступилъ на службу причетникомъ къ пріору аббатства св. Мартина. Товарищемъ его по службѣ былъ звонарь, по имени Помпилюсъ Ньюманъ, здоровенный паренъ, но трусишка, ночью принимавшій свою тѣнь за чорта, а рубашку за привидѣніе.

Пріоръ былъ толстъ и упитанъ, какъ пулярдка, выкормленная для вертела. Уленспигель скоро замѣтилъ, на какихъ лугахъ пасся пріоръ, копя свой жирокъ. Какъ онъ узналъ отъ звонаря и какъ самъ видѣлъ своими глазами, пріоръ обѣдалъ въ девять часовъ утра, ужиналъ въ четыре. До половины девятаго онъ спалъ, потомъ передъ ѣдой отправлялся въ церковь посмотрѣть, каковъ былъ кружечный сборъ. Половину сбора онъ пересыпалъ въ свой кошелекъ. Въ девять часовъ онъ обѣдалъ: съѣдалъ тарелку молочнаго супа, полъ бараньей ноги, пирогъ изъ цапли и выпивалъ пять рюмокъ брюссельскаго вина. Въ десять часовъ онъ высасывалъ нѣсколько сливъ, орошая ихъ орлеанскимъ виномъ, моли при этомъ Господа Бога не дать ему впасть въ чревоугодіе. Въ полдень для препровожденія времени онъ обгрызалъ какую-нибудь птичью гузку, присоединя къ ней и крылышко. Въ часъ онъ начиналъ думать о своемъ ужинѣ и сообразно съ этимъ выливалъ въ себя добрый стаканъ испанскаго вина. Затѣмъ онъ ложился въ постель и дремалъ минутку для отдохновенія.

Проснувшись, онъ начиналъ, для возбужденія аппетита, съ соленой дососины, къ которой присоединялась кружка антверпенскаго *dobbel-knoel*. Затѣмъ онъ переходилъ въ кухню и располагался здѣсь передъ очагомъ, гдѣ весело трещали дрова. Внимательно слѣдилъ онъ за тѣмъ, какъ здѣсь жарили для монаховъ аббатства или подруминивали на вертелѣ те-

лячью вырѣску или ошпареннаго поросенка, который казался ему много предпочтительнѣе ломтя сухого хлѣба. Но настоящій голодь еще не назрѣвалъ вполне, и пріоръ разсматривалъ хитрую механику вертела, который какъ бы чудомъ вращался самъ собой. Это было созданіе Питера ванъ-Стеенкнесте, кузнеца, жившаго въ кортрейскомъ кастильнствѣ. Пріоръ заплатилъ ему за этотъ вертелъ пятнадцать парижскихъ ливровъ.

Затѣмъ онъ опять ложился въ постель, устало вытягивался тамъ, въ два пробуждался, проглатывалъ немножко свиного студня, запивая его бургундскимъ, которое онъ покупалъ по двѣсти сорокъ флориновъ за бочку. Въ три часа онъ съѣдалъ цыпленка въ мадерѣ, котораго запивалъ двумя стаканами мальвазіи по семнадцати флориновъ боченокъ. Въ половинѣ четвертаго онъ закусывалъ полу-банкой варенья, запивая его медомъ. Отъ этого всего онъ становился бодръ духомъ, бралъ одну изъ своихъ ногъ въ руки и покоился сосредоточенно до четырехъ часовъ.

Въ четыре наступало время ужина—и въ этотъ сладостный часъ часто навѣщала его аббатъ церкви св. Іоанна. Не разъ бились они при этомъ объ закладъ, кто изъ нихъ обоихъ съѣстъ больше рыбы, дичи, птицы, мяса. Кто первый отставалъ, долженъ былъ угостить другого блюдомъ рубленнаго мяса съ тремя сортами грѣтаго вина, четырьмя приправами и семью гарнирами изъ зелени.

Такъ пили они и ѣли, веди совмѣстную бесѣду о еретикахъ, причежь были въ полномъ согласіи, что, сколько ихъ ни перебить, все будетъ мало. И никогда не возникало между ними ни малѣйшаго спора, кромѣ того случая, когда имъ приходилось препираться о тридцати девяти способахъ, коими изготовляется добрый пивной супъ.

Затѣмъ они склоняли свои достопочтенныя головы на неподобныя пуза и храпѣли. Случалось, кто-нибудь изъ нихъ открывалъ на мгновеніе глаза и бормоталъ при этомъ, что жизнь на этомъ свѣтѣ—сладостная штука, и что люди немущіе напрасно жалуются на нее.

При этомъ святомъ мужѣ состоялъ причетникомъ Уленспигель. Онъ отлично прислуживалъ ему при мессѣ, только чашу всегда наполнялъ трижды: два раза для себя и разъ для пріора. И звонарь Помпилюсъ Ньюманъ помогать ему при этомъ.

Види его цвѣтущее здоровье, красныя щеки и толстое брюшко, Уленспигель задалъ ему вопросъ, здѣсь ли, на службѣ у пріора, онъ накопилъ столь завидныя достоинства.

— Конечно, сынъ мой, — отвѣтилъ Помпилюсъ: — закрой только дверь, чтобы насъ никто не слышалъ.

И онъ шопотомъ разсказалъ ему:

— Ты вѣдь знаешь, какъ нѣжно нашъ господинъ пріоръ любить всякія вина и пиво, всякое мясо и птицу. Онъ запираетъ мясо въ кладовкѣ, вино въ погребѣ и всегда носитъ ключи въ карманѣ. И когда спитъ, не отнимаетъ рукъ отъ нихъ. Ночью, когда онъ уснетъ, я пробираюсь къ нему, не безъ опаски, снимаю ключи съ его брюшка, потомъ кладу назадъ. Не безъ опаски: ибо, сынъ мой, если онъ узнаетъ о моемъ преступленіи, онъ меня сваритъ живьемъ.

— Не зачѣмъ такъ затрудняться, Помпилюсъ, — сказалъ Уленспигель: — достаточно стащить ключи одинъ разъ и сдѣлать по нихъ образцу новые; а старые пусть себѣ лежатъ на пузѣ отца пріора.

— Сдѣлай, сынъ мой, — сказалъ Помпилюсъ.

И Уленспигель сдѣлалъ ключи; часамъ къ восьми вечера, когда онъ и Помпилюсъ рѣшали, что благодушный пріоръ уснулъ, они спускались внизъ и добывали себѣ мяса и вина сколько было душѣ угодно. Уленспигель несъ бутылки, Помпилюсъ ѣду, ибо онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ, а окорока и бараньи лопатки не разбиваются, когда падаютъ на полъ. Не разъ забирали они также птицу, прежде чѣмъ ее зажарили, въ чемъ обвинены были многія кошки по соседству и претерпѣли казнь за свое преступленіе.

Затѣмъ они отправлялись въ Ketel-Straat, улицу гулящихъ дѣвушекъ. Здѣсь они были щедры, кормили своихъ любушекъ соловиной и ветчиной, вареной колбасой и птицей, поили ихъ орлеанскими и бургундскими винами и англійскимъ пивомъ, которое за моремъ называется *эль*, ручьями вливая все это въ свѣжія плотки своихъ красотокъ. И платили имъ за это ласками.

Но однажды утромъ послѣ ѣды пріоръ позвалъ ихъ обонхъ. Съ грознымъ лицомъ сосалъ онъ мозговую кость изъ супа.

Помпилюсъ дрожалъ въ своихъ штанахъ, и брюхо его содрогалось отъ страха. Уленспигель былъ совершенно спокоенъ и лишь весело ошущивалъ ключи отъ погреба въ своихъ карманахъ.

— Кто-то пьетъ мое вино и ѣстъ мою птицу, — сказалъ ему пріоръ: — не ты ли это, сынъ мой?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Уленспигель.

— А этотъ звонарь, — и онъ указалъ при этомъ на Помпилюса, — не приложилъ ли и онъ руку къ этому дѣлу? Онъ блѣденъ, какъ покойникъ. Видно, украденное вино дѣйствуетъ на него, какъ ядъ.

— Ахъ, ваше преподобіе, — отвѣтилъ Уленспигель, — вы несправедливы, обвиняя звонаря. Ибо если онъ блѣденъ, то не оттого, что пилъ ваше вино, но оттого, что мало пилъ его; онъ чахнетъ со дня на день, и, если ничего противъ этого не предпринять, его душа ручьемъ ускользнетъ сквозь его штаны.

— Есть бѣдные люди на землѣ! — вздохнулъ пріоръ и хватилъ здоровенный глотокъ вина изъ стоявшаго предъ нимъ стакана. — Но скажи, сынъ мой, — у тебя вѣдь рысьи глаза, — ты никакого вора не замѣтилъ?

— Я буду слѣдить, ваше преподобіе, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Господь да утѣшитъ васъ Своей милостью, дѣти мои, — сказала пріоръ: — живите въ трезвости, ибо изъ невоздержности проистекають всѣ бѣдствія сей юдоли слезъ. Идите съ миромъ.

И, благословивъ ихъ, онъ высосалъ еще одну суповую кость и выпилъ еще большой стаканъ вина.

Уленспигель и Помпилиусъ вышли.

— Этотъ гнусный скаредъ не далъ тебѣ ни капли своего вина, — сказалъ Уленспигель: — поистинѣ благословенъ хлѣбъ, который крадутъ у него. Но что съ тобой, почему ты такъ дрожишь?

— Мои штаны мокры насквозь.

— Вода сохнетъ быстро, сынъ мой. Но будь веселѣй. Сегодня сыграемъ плясовую на бутылкахъ на Ketel-Straat. И напоимъ допьяна всѣхъ трехъ ночныхъ сторожей. Пусть храпа стерегутъ городъ.

Такъ и сбѣлали.

Между тѣмъ подходилъ день св. Мартина; церковь была украшена для праздника. Ночью Уленспигель и Помпилиусъ вошли въ нее, заперли за собой двери, зажгли всѣ свѣчи, взяли лютю и волюнку и играли съ увлеченіемъ. И свѣчи сіяли, какъ солнце. Но это было далеко не все. Устроивъ все какъ должно, они отправились къ пріору, котораго, несмотря на поздній часъ, застали еще на ногахъ. Онъ жевалъ жаренаго дрозда, запивая его рейнскимъ, и широко раскрылъ глаза, когда увидѣлъ освѣщеніе въ окнахъ церкви.

— Ваше преподобіе, — сказалъ Уленспигель: — хотите знать, кто ѣстъ ваше мясо и пьетъ ваше вино?

— Что за освѣщеніе! — воскликнулъ пріоръ, указывая на окна церкви: — Господи Боже, неужто это съ Твоего соизволенія святой Мартинъ жжетъ по ночамъ свѣчи бѣдныхъ монаховъ, ничего не платя за нихъ?

— Онъ и не то еще дѣластъ, — сказалъ Уленспигель: — пожалуйте съ нами, отецъ пріоръ.

Тотъ взялъ свой посохъ, и они вошли въ церковь.

Здѣсь посреди храма онъ увидѣлъ всѣхъ святыхъ; выйдя изъ своихъ нишъ, изваянія собрались въ кружокъ. И св. Мартинъ являлся какъ бы начальникомъ ихъ, ибо онъ головой былъ выше всѣхъ; въ рукѣ, протянутой для благословенія, онъ держалъ жареную индѣйку. У другихъ были во рту или въ рукахъ куски гусятины или курятины, колбасы, ветчина, рыба сырая и вареная, между прочимъ, щука въ добрыхъ четырнадцать фунтовъ вѣса. И въ ногахъ у каждаго стояло по бутылкѣ вина.

При видѣ всего этого пріоръ не зналъ, что съ собой дѣлать отъ ярости; онъ такъ покраснѣлъ и лицо его такъ вздулось, что Помпилусъ и Уленспигель испугались, какъ бы онъ тутъ же не лопнулъ. Но пріоръ, не обращая на нихъ вниманія, грозно подошелъ къ св. Мартину, котораго онъ, очевидно, считалъ ответственнымъ за злоумышленія всѣхъ прочихъ, вырвалъ у него изъ рукъ индѣйку и ударилъ его такъ неистово, что разбилъ ему руку, носъ, посохъ и митру.

Не помиловалъ онъ и другихъ, и не одинъ изъ святителей потерялъ подъ его ударами руки, ноги, митру, посохъ, косу, сѣкиру, рѣшетку и иные знаки своего достоинства и своей мученической кончины. Затѣмъ пріоръ съ бѣшеной быстротой сталъ съ трясущимся брюхомъ задувать всѣ свѣчи.

Всѣ окорока, птицу и колбасу, сколько могъ собрать, онъ взялъ съ собой и, согбенный подъ этой ношей, онъ возвратился въ свою келью. Но онъ былъ такъ разъяренъ и удрученъ, что вынужденъ былъ выпить одну за другой три бутылки вина.

Уленспигель подождалъ, пока онъ уснулъ, и тогда унесъ въ Ketel-Straat все, что пріоръ отобралъ у святыхъ, а также то, что осталось въ церкви, полакомившись предварительно лучшими кусочками. Обѣдки оставили они съ Помпилусомъ у ногъ святыхъ.

На другой день, пока Помпилусъ звонилъ къ заутренѣ, Уленспигель вошелъ къ пріору въ опочивальню и опять пригласилъ его пойти въ церковь.

Здѣсь, указавъ на обѣдки и на святыхъ, онъ сказалъ:

— Что жъ, отецъ пріоръ, ничто не помогло: они все-таки все съѣли.

— Да, — отвѣтилъ пріоръ: — даже въ мою опочивальню пробрались и утащили все, что я спасъ. Такъ, господа святые? — вотъ я пожалуюсь на васъ его святѣйшеству.

— Такъ-то такъ, — сказалъ Уленспигель: — только вотъ послѣзавтра крестный ходъ, скоро въ церковь придутъ ра-

бочіе. Увидятъ они эти разбитыя статуи, — какъ бы васъ, отецъ пріоръ, не обвинили въ кощунствѣ?

— О, святой Мартинъ, — простоналъ пріоръ: — спаси меня отъ костра! Я не помнилъ, что дѣлаю.

Затѣмъ, обратившись къ Уленспигелю, — между тѣмъ, какъ трусливый Помпилюсъ звонилъ въ колокола, — пріоръ сказалъ:

— Къ воскресенью никакъ не успѣютъ починить святого Мартина. Что дѣлать? Что скажетъ народъ?

— Ваше преподобіе, — сказалъ Уленспигель, — надо употребить маленькую хитрость. Мы приклеимъ Помпилюсу бороду, — видъ у него всегда мрачный и потому очень почтенный, — надѣнемъ на него митру, хитонъ, мантию и весь уборъ святителя. Онъ будетъ спокойно стоять на своемъ пьедесталѣ, и народъ приметъ его за деревяннаго святого Мартина.

Пріоръ поднялся къ Помпилюсу, который все еще звонилъ въ колокола, и обратился къ нему:

— Перестань звонить и слушай: хочешь заработать пятнадцать дукатовъ? Въ воскресенье во время крестнаго хода ты будешь изображать святого Мартина. Уленспигель тебя одѣнетъ какъ надо; но если ты въ то время, какъ тебя будутъ нести твои четыре носильщика, сдѣлаешь движеніе, я прикажу сварить тебя въ кипящемъ маслѣ въ котлѣ, который, по заказу палача, только-что обмуровали на Рыночной площади.

— Ваше преподобіе, — отвѣтилъ Помпилюсъ, — я предаю вамъ безконечно, но вы вѣдь знаете, что я страдаю недержаніемъ...

— Повинуйся! — сказалъ пріоръ.

— Повинуюсь ваше преподобіе, — жалобно отвѣтилъ Помпилюсъ.

VII.

На слѣдующій день при яркомъ солнечномъ сіяніи крестный ходъ вышелъ изъ церкви. Уленспигель по возможности починилъ двѣнадцать святыхъ, которые колыхались теперь на своихъ носилкахъ среди цеховыхъ знаменъ. За ними двигалась статуя Пресвятой Дѣвы, затѣмъ шла съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ ея почетная свита изъ дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ; за ними двигались стрѣлки изъ лука и наконецъ, подлѣ балдахина, Помпилюсъ, качавшійся на носилкахъ еще болѣе, чѣмъ другіе, и еле державшійся подъ бременемъ пышнаго убранства св. Мартина.

Уленспигель раздобылъ порошокъ, причиняющій зудъ. Онъ самъ одѣлъ Помпилюса въ епископское облаченіе, далъ ему перчатки и посохъ и показалъ, какъ благословлять народъ

по латинскому обряду. Онъ помогаль одѣваться и священникамъ; на одного накинულъ орарь, другому подаль расу, дьяконамъ надѣль стихари. Онъ метался по церкви, здѣсь разглаживай складки камзола, тамъ штаны. Онъ расхваливалъ начищенные самострѣлы и страшные луки братства стрѣлковъ. И каждому онъ насыпаль за воротникъ, на спину или въ рукавъ своего пороника. Больше всѣхъ получилъ каноникъ и четыре носильщика св. Мартина. Только дѣвушекъ изъ свиты Пресвятой Дѣвы онъ не тронулъ — ради ихъ нѣжной красоты.

Съ развѣвающимися флагами и распростертыми знаменами въ чинномъ порядкѣ вышла торжественная процессія изъ храма. Толпа крестилась при встрѣчѣ. Солнце палило.

Каноникъ прежде всѣхъ почувствовалъ дѣйствіе порошка и почесалъ за ухомъ. За нимъ стали чесаться всѣ, духовенство и стрѣлки; они чесали себѣ шею, ноги, руки, стараясь однако не показать этого. Почесывалась и четверка, несшая св. Мартина, но звонарь, страдавшій больше всѣхъ, такъ какъ лучи солнца припекали его болѣе другихъ, не смѣлъ шевельнуться изъ страха, что его сваритъ живьемъ. Онъ дергалъ носомъ, корчилъ чудовищныя рожи и трясся на своихъ дрожащихъ ногахъ, такъ какъ каждый разъ, когда какой-либо изъ его носильщиковъ чесался, онъ чуть не падалъ со своей высоты.

Но онъ не смѣлъ двинуться, и отъ страха изъ него лило, и носильщики переговаривались:

— Святой Мартинъ, неужто будетъ дождь?

Духовенство величало Пресвятую Дѣву:

Si de coe...coe...lo descenderes.

O zauc...ta...ta...ta... Ma...ma...ria...

ибо отъ зуда, ставшаго невыносимымъ, дрожали ихъ голоса; однако они старались чесаться незамѣтно. Каноникъ же и четверка носильщиковъ только-что не разорвали себѣ шею и суставовъ. Помпилюсъ стоялъ прямо, дрожа на своихъ ногахъ, страдавшихъ больше всего.

Но вдругъ стрѣлки, дьяконы, священники, каноникъ и несшіе св. Мартина—всѣ остановились и начали чесаться. Отъ пороника у Помпилюса свербѣли пятки невыносимо, но онъ не шевелился, боясь упасть.

И въ толпѣ говорили, что св. Мартинъ дико вращаетъ глазами и показываетъ народу очень сердитое лицо.

Затѣмъ по знаку каноника крестный ходъ опять двинулся въ путь.

Но вскорѣ палишіе лучи солнца, падающіе на спины и животы участниковъ процессіи, сдѣлали дѣйствіе перонка нестерпимымъ. И тутъ духовенство, стрѣлки, дьяконы, каноникъ остановились, точно стадо обезьянъ, и начали ужъ безъ всякаго стыда чесаться вездѣ, гдѣ зудило.

Дѣвушки пѣли гимны, и свѣжіе голоса, звонко возносясь въ небо, звучали, какъ ангельскіе хоры.

И всѣ разбѣжались, кто куда могъ. Каноникъ, все почесываясь, спасъ св. Дары; благоговѣйный народъ унесъ св. мощи обратно въ церковь; четверка, несшая св. Мартина, попросту бросила Помпилюса на землю. Здѣсь злопудичный звонарь лежалъ, не смѣя ни почесаться, ни шевельнуться, ни промолвить слово и лишь молитвенно закрывъ глаза.

Два мальчика рѣшили-было повести его, но онъ показался имъ слишкомъ тяжелымъ, и они поставили его, прислонивъ къ стѣнѣ. И слезы градомъ лились изъ его глазъ.

Народъ собрался вокругъ него. Своими бѣлыми полотняными носовыми платками женщины отирали его лицо, чтобы собрать его слезы, какъ священную реликвию, и говорили при этомъ:

— Какъ вамъ жарко, ваша святость!

Звонарь жалостно смотрѣлъ на нихъ и противъ воли корчилъ рожу.

Слезы вновь хлынули ручьями изъ его глазъ, и женщины говорили:

— О, святой Мартинъ, вы плачете о прегрѣшеніяхъ города Ипра? Отчего такъ подергивается нашъ благородный носъ? А мы слушались поученій Людовика Вивеса, и бѣдняки города Ипра обезпечены работой и ѣдой. Ахъ, какія крупныя слезы — настоящія жемчужины! Вотъ гдѣ наше спасеніе!

И мужчины говорили:

— Не прикажешь ли, святой Мартинъ, разрушить всѣ веселые дома въ городѣ? Но тогда скажи намъ, какъ помѣщать бѣднымъ дѣвушкамъ бѣгать по ночамъ на поиски всякихъ приключеній?

И вдругъ поднялся крикъ:

— Вотъ идетъ причетникъ!

Уленсигель подошелъ, взялъ Помпилюса въ охапку, взвалилъ его себѣ на плечи и понесъ. И вѣрующая толпа благоговѣйно слѣдовала за нимъ.

— Охъ, — сказалъ ему на ухо несчастный звонарь: — я издыхаю отъ зуда, сынъ мой.

— Держись прямо, — отвѣтилъ Уленсигель: — забудь ты, что ли, что ты — деревянная статуя?

Онъ быстро шагаль и принесъ звонаря къ пріору. Тотъ уже исцарапаль себя ногтями до крови.

— Звонарь,—сказаль пріоръ,—чесался ты такъ, какъ я?

— Нѣтъ, ваше преподобіе.

— Говориль ты или шевелился?

— Нѣтъ, ваше преподобіе.

— Ну, получишь свои пятнадцать дукатовъ. Иди и чешись сколько угодно.

VIII.

На другой день народъ узналь отъ Уленспигеля, что собственно произошло, и нашель, что надъ нимъ зло подшутили, заставивъ всѣхъ поклоняться, вмѣсто святого, плакѣ, дѣлающему подъ себя.

И многіе стали еретиками, покинули городъ со всѣмъ своимъ достояніемъ и перешли въ войско принца.

Уленспигель возвратился въ Льежъ.

Задумчиво сидѣль онъ здѣсь какъ-то въ лѣсу, размышляя. Онъ смотрѣль на ясное небо и говорилъ себѣ:

— Все война да война: испанцы избиваютъ народъ, грабятъ, насилуютъ женщинъ и дѣвушекъ. Расхищается наше добро, ручьями течетъ наша кровь, не принося пользы никому, кромѣ развѣ царственного балбеса, которому хочется украсить свою корону новымъ узоромъ власти. Онъ считаетъ славнымъ отличіемъ этотъ узоръ крови, узоръ пожаровъ. Ахъ, если бы я могъ тебя украсить по моему вкусу, мухи были бы твоимъ единственнымъ обществомъ.

Во время этихъ размышленій вдругъ онъ увидѣль, какъ мимо него проносится стадо оленей. Здѣсь были большіе старые самцы, гордо несшіе свои девятиконечные рога; рядомъ съ ними, точно тѣлохранители, бѣжали стройные двухлѣтки, какъ бы готовые поддержать ихъ своими острыми рожками. Уленспигель не зналь, куда они бѣгутъ, но подумаль, что они возвращаются въ свое логовище.

— Ахъ,—сказаль онъ,—старые самцы и молодые олени, вы гордо и весело несетесь въ глубинѣ лѣса къ своему пристанищу, объѣдаете молодые побѣги, вдыхаете сладостныя благоуханія и наслаждаетесь бытіемъ, пока не придетъ вашъ палачъ, охотникъ. Такъ и мы живемъ, благородные олени!

И пепель Клааса стучаль въ сердце Уленспигеля.

IX.

Въ сентябрѣ, въ дни, когда перестаютъ кусать комары, Оранскій съ шестью полевыми пушками и четырьмя таже-

лыми орудіями, говорившими отъ его имени, а также съ четырнадцатью тысячами фламандцевъ, валлоновъ и нѣмцевъ, переправился черезъ Рейнъ у Санктъ-Фейта.

Подъ желтыми и красными знаменами, знаменитой суковатой бургундской палки, такъ долго терзавшей нашу страну и обозначившей начало нашего рабства подъ рукой Альбы, кроваваго герцога, шли двадцать семь тысячъ человекъ, кагидились семнадцать полевыхъ пушекъ и девять тяжелыхъ орудій.

Но этотъ походъ не принесъ большихъ успѣховъ Молчаливому, такъ какъ Альба упорно уклонялся отъ сраженія.

И братъ Оранскаго, Людвигъ, Баярдъ Фландріи, взявъ нѣсколько городовъ и взявъ выкупъ со многихъ судовъ на Рейнѣ, столкнувшись въ сраженіи при Эммингенѣ въ Фрисландіи съ сыномъ герцога, потерялъ шестнадцать пушекъ, полторы тысячи лошадей и двадцать знаменъ, по винѣ корыстныхъ наемниковъ, потребовавшихъ платы передъ самымъ боемъ.

И въ этомъ разгромѣ, этой крови и этихъ слезахъ тѣтено искалъ Уленспигель спасенія родины.

И палачи во всей странѣ вѣшали, рубили головы, сжигали невинныя жертвы.

И наследство получалъ король.

X.

Странствуя по странѣ валлонской, Уленспигель убѣдился, что принцу нечего здѣсь разсчитывать на какую-либо помощь. Такъ онъ добрался до окрестностей города Вульона.

Здѣсь по пути стали ему попадаться все горбатые, всякаго возраста, пола и состоянія. Всѣ были съ большими четками, которыя перебирали съ благоговѣніемъ.

И молитвословія ихъ звучали, какъ кваканье лягушекъ въ пруду въ теплый вечеръ.

Были здѣсь горбатыя матери съ уродливыми ребятишками на рукахъ, между тѣмъ какъ прочее отродье того же вида цѣплялось за ихъ юбки. Горбатые были на холмахъ и горбатые на поляхъ. И повсюду видѣлъ Уленспигель ихъ острые очертанія, вырѣзающіяся на ясномъ небосклонѣ.

Подойдя къ одному изъ нихъ, онъ спросилъ:

— Куда направляются всѣ эти несчастные люди, мужчины, женщины и дѣти?

Тотъ отвѣтилъ:

— Мы идемъ къ могилѣ святого Ремакля, чтобы вымолить у него то, о чемъ мечтаетъ наше сердце, а именно, чтобы онъ убралъ съ нашихъ спинокъ этотъ унизительный грузъ.

— А не могъ бы святой Ремакль,—спросилъ Уленспигель,— милостиво даровать и мнѣ то, чего жаждетъ мое сердце, а именно убрать со спины бѣдныхъ общинъ кроваваго герцога, тяготящаго на нихъ, точно свинцовый горбъ?

— Святому Ремаклю не дано снимать горбы, непослапные въ наказаніе,— былъ отвѣтъ богомольца.

— А другіе онъ снималъ?—спросилъ Уленспигель.

— Да, если они не застарѣлые. Тогда свершается чудо исцѣленія, и мы справляемъ веселыя празднества во всемъ городѣ. И каждый богомалецъ жертвуетъ серебряную монету— иногда цѣлый золотой флоринъ—во имя исцѣленнаго, который освященъ этимъ чудеснымъ исцѣленіемъ и молитва котораго за другихъ поэтому очень дѣйствительна.

— Почему же,—спросилъ Уленспигель,—богатый господинъ Ремакль вимааетъ плату за свои лѣкарства, точно какой-нибудь нищій аптекарь?

— Безбожный путникъ, онъ покараетъ тебя за такое издѣвательство!—отвѣтилъ богомалецъ, яростно потрясая своимъ горбомъ.

— Ой,—застоналъ Уленспигель и, скорчившись въ три погибели, упалъ подъ деревомъ.

— Святой Ремакль караетъ жестоко, когда караетъ,—сказалъ богомалецъ, глядя на него.

Уленспигель извивался, скребъ свою спину и стоналъ:

— О достославный святитель, скажись надо мной. Это наказаніе! Я чувствую адскую боль между лопатками. Ой, ой, прости, святой Ремакль! Уйди, богомалецъ, уйди! Дай мнѣ здѣсь въ одиночествѣ выплакать мою вину и покаяться, какъ отцеубійцѣ!

И богомалецъ бѣжалъ оттуда вплоть до Большой площади города Бульона, гдѣ было сборище всѣхъ горбатыхъ.

Здѣсь, дрожа отъ ужаса, онъ прерывающимся голосомъ рассказывалъ:

— Встрѣтилъ богомольца... стройный былъ, какъ тополь... хулилъ святого... сразу опухоль на спинѣ... горбъ съ воспаленіемъ!..

При этомъ извѣстін богомольцы подняли восторженные крики:

— Святой Ремакль, если вы можете давать горбы, то можете, значить, и снимать ихъ. Снимите же наши горбы, святитель Ремакль!

Между тѣмъ Уленспигель убрался изъ-подъ своего дерева. Проходя по опустѣвшему предмѣстью, онъ увидѣлъ, что у входа одного кабака мотаются на палькѣ два свинныхъ пу-

зыря, повѣшенные здѣсь въ знакъ „ranch-kermis“ — „колбаснаго праздника“, — какъ это называется въ Брабантѣ.

Взявъ одинъ изъ этихъ пузырей, онъ подобралъ лежащій на землѣ позвоночный столбъ камбалы, надрѣзалъ себѣ кожу и напустилъ крови въ пузырь, надулъ его, завязалъ, привязалъ его себѣ на спину, а къ нему прикрѣпилъ кости камбалы. Съ этимъ украшеніемъ, съ сторбленной спиной, трясущейся головой и дрожащими ногами, точь въ точь старый горбунъ, явился онъ на площадь.

Богомолецъ, бывший свидѣтелемъ его паденія, увидѣвъ его, закричалъ:

— Вотъ онъ, богохульникъ! — и указалъ на него пальцемъ. И всѣ сбѣжались посмотреть на несчастнаго.

Уленспигель жалостно трясъ головой и говорилъ: — Ахъ, я недостойнъ ни милости ни состраданія; убейте меня, какъ бѣшеную собаку.

И горбатые радостно потирали руки, говоря:

— Нашего полку прибыло!

— Отплачу я вамъ за это, злопыхатели, — бормоталъ сквозь зубы Уленспигель, но съ виду терпѣлъ все покорно и говорилъ: — Не буду ни ѣсть ни пить, — хотя бы отъ этого мой горбъ еще твердѣлъ, — пока святитель Ремаэль не исцѣлитъ меня такъ же, какъ покаралъ.

И слухъ о чудѣ дошелъ до каноника. Это былъ человекъ большой, плотный, величавый. Съ высоко поднятымъ носомъ онъ, точно корабль, прорѣзалъ толпу горбатыхъ.

Ему указали Уленспигеля, и онъ обратился къ нему:

— Итакъ, это тебя, любезный, поразили бичъ святого Ремакля?

— Такъ точно, ваше преподобіе, — отвѣтилъ Уленспигель, — именно меня, и я хочу, какъ смиреннѣйшій богомолецъ, вымолить у него, чтобы онъ избавилъ меня, если ему угодно, отъ этого свѣжаго горба.

Почувявъ въ этихъ словахъ какую-то хитрость, каноникъ сказалъ:

— Дай оцупать твой горбъ.

— Оцупайте, ваше преподобіе, — отвѣтилъ Уленспигель.

Сдѣлавъ это, каноникъ сказалъ:

— Онъ совершенно свѣжъ и еще влаженъ. Надѣюсь однако, что святой Ремаэль будетъ милостивъ къ тебѣ. Слѣдуй за мной.

Уленспигель пошелъ за каноникомъ и вошелъ съ нимъ въ церковь. Слѣдомъ за ними бѣжали горбатые, крича:

— Вотъ онъ, проклятый! Вотъ богохульникъ! Сколько вѣситъ твой свѣжій горбъ? Сдѣлаешь изъ него ранецъ, соби-

ратъ въ немъ гроши? Всю жизнь ты издѣвался надъ нами, потому что былъ прямой! Теперь наша очередь! Слава святому Ремаклю!

Уленспигель, не произнося ни слова, шелъ, склонивъ голову, за каноникомъ. Они вошли въ маленькую часовню, въ которой стояла мраморная гробница, покрытая большой мраморной плитой. Разстояніе между гробницей и стѣной часовни было не болѣе двухъ ладоней. Толпа горбатыхъ богомольцевъ проходила веревницей между надгробіемъ и стѣной, притискивая горбы къ мраморной плитѣ. Они вѣрили, что этимъ способомъ избавятся отъ горбовъ, и тѣ, которымъ удалось потерять свой горбъ о мраморъ, не пускали слѣдующихъ. И они дрались, но безшумно, ибо, по святости мѣста, они рѣшались обмѣниваться лишь толчками исподтипка.

Каноникъ приказалъ Уленспигелю влѣзть и стать на мраморное надгробье, чтобы его видѣли всѣ богомольцы. Уленспигель отвѣтилъ:

— Я одинъ не сумѣю.

Каноникъ подсадилъ его, сталъ рядомъ съ нимъ и приказалъ ему опуститься на колѣни. Такъ и сдѣлалъ Уленспигель и оставался такъ, склонивъ голову.

Каноникъ же вдохновился и звучнымъ голосомъ началъ проповѣдь:

— Дѣти и братья во Христѣ! У ногъ моихъ вы видите безбожнѣйшаго, гнуснѣйшаго богохульника, котораго покаралъ святитель Ремакль своимъ гнѣвомъ.

И Уленспигель, ударивъ себя по груди, сказалъ:

— Confiteor! (Каюсь).

— Нѣкогда, — продолжалъ каноникъ, — онъ былъ прямъ, какъ древко алебарды, и хвасталъ этимъ. Вотъ онъ теперь сторбенъ и согбенъ подъ ударомъ небснаго проклятiя.

— Confiteor, — сказалъ Уленспигель: — спаси меня отъ горба!

— Да, — продолжалъ каноникъ, — да, великій чудотворецъ святой Ремакль, ты, сотворившій съ твоей преславной кончины тридцать девять чудесъ, сними съ этихъ плечъ бремя, тяготящее надъ ними. О, если бы за такое исцѣленіе могли мы возглашать тебѣ хвалу во вѣки вѣковъ, in saecula saeculorum! И миръ на землѣ тѣмъ горбатымъ, которые покорны!

И хоромъ возгласили горбуны:

— Да, миръ на землѣ тѣмъ горбатымъ, которые покорны! Миръ горбатымъ, перемиріе, передышка въ войнѣ, свобода отъ оскорбленій! Сними съ насъ горбы, святитель Ремакль!

Каноникъ приказалъ Уленспигелю спуститься съ гробницы и потерять горбъ о край надгробья.

И Уленспигель исполниль это, неустанно повторяя:

— Mea culpa! Confiteor! Избавь меня отъ горба! — И у всѣхъ на глазахъ онъ терся горбомъ.

Окружавшая его толпа кричала:

— Смотрите на горбъ, онъ треснулъ. Смотрите, подается! Справа онъ таетъ!.. Нѣтъ, онъ влѣзетъ обратно въ грудь. Горбы не таютъ, они входятъ обратно во внутренности, изъ которыхъ вылѣзли!.. Нѣтъ, они втягиваются въ желудокъ и въ теченіе восьмидесяти дней служатъ тамъ пищей... Это подарокъ, который святитель жалуетъ исцѣленнымъ... А куда дѣваются старые горбы?

Вдругъ всѣ горбатые издали разомъ страшный крикъ. Ибо Уленспигель изо всѣхъ силъ уперся въ край надгробья, и пузырь его лопнулъ. Кровь, бывшая въ немъ, текла большими каплями сквозъ рубашку на полъ. И, выпрямившись и вытянувъ руки, онъ кричалъ:

— Исцѣленъ!

И всѣ горбатые кричали разомъ: — Святой Ремакль благословилъ его, къ нему онъ милостивъ, къ намъ суровъ... О, святитель, избавь насъ отъ горбовъ!.. Жертвую тебѣ теленка!.. А я семь барановъ!.. А я охотничью добычу за цѣлый годъ!.. Я шесть окороковъ... Я отдаю мой домикъ церкви... Избавь насъ отъ горбовъ, святитель Ремакль!

И они смотрѣли на Уленспигеля съ завистью и почитеніемъ.

Одинъ изъ нихъ хотѣлъ пощупать, что у него тамъ подъ курткой, но каноникъ сказалъ:

— Тамъ рана, которую нельзя выставлять на свѣтъ.

— Я буду молиться за васъ, — сказалъ Уленспигель.

— Да, богомолецъ, — заговорили всѣ горбатые разомъ: — да, вновь выпрямленный Господомъ, мы насмѣхались надъ тобой: прости насъ, мы не вѣдали, что творимъ. Прости насъ!

— Прощаю, — милостиво сказалъ Уленспигель.

— Ну, возьми, вотъ патаръ, вотъ флоринъ... Примите, ваша прямая милость, вотъ реалъ, вотъ дукатъ, ваша стройность, не откажитесь принять, дотроньтесь рукой...

— Уберите ваши дукаты, — потихоньку сказалъ имъ Уленспигель, — дабы дѣвая рука не знала, что творить правая.

Онъ говорилъ такъ изъ-за каноника, который жадными глазами смотрѣлъ на деньги горбатыхъ, не разбирая, что тамъ, золото или серебро.

— Благодать надъ тобой, о, благословенный, — говорили горбатые Уленспигелю.

И онъ принималъ отъ нихъ подарки, точно чудотворецъ. А скупые все терли свои горбы о гробницу, не говоря ни слова.

Вечеромъ Уленспигель отправился въ трактиръ и устроилъ тамъ хорошую попойку.

Однако прежде, чѣмъ лечь спать, онъ вспомнилъ, что навѣрное каноникъ явится забрать свою часть добычи, если не всю ее.

Онъ пересчиталъ полученное и нашелъ здѣсь больше золота, чѣмъ серебра, ибо здѣсь было не меньше трехсотъ дукатовъ. Замѣтивъ въ цвѣточномъ горшкѣ засохшій лавровый кустъ, онъ вытащилъ растение съ корнями и землей и положилъ на дно все свое золото. Полуфлорины же, патары и гроши онъ рассыпалъ предъ собой по столу.

Каноникъ явился въ корчму и поднялся наверхъ къ Уленспигелю. При видѣ священника, тотъ вскричалъ:

— Господинъ каноникъ чего ради вы явились къ моей недостойной особѣ?

— Единственно ради твоего добра, сынъ мой. — отвѣтилъ каноникъ.

— Охъ, — вздохнулъ Уленспигель: — вы о томъ добрѣ, что лежитъ на столѣ?

— Именно, — отвѣтилъ каноникъ.

И, протянувъ руку, онъ сгребъ всѣ деньги со стола въ мѣшокъ, который принесъ для этой цѣли.

Одинъ флоринъ однако онъ далъ Уленспигелю, который, для видимости, жалостно стоналъ.

И каноникъ спросилъ его, какимъ способомъ онъ устроилъ чудо.

Уленспигель показалъ ему свиной пузырь и кости камбалы. Все это забралъ каноникъ подъ крики и стоны Уленспигеля, молившаго его дать ему еще сколько-нибудь, такъ какъ путь отъ Бульона до Дамме очень далекъ для него, несчастнаго пѣшехода, и онъ, навѣрное, умретъ по дорогѣ съ голода.

Каноникъ ушелъ, не сказавъ ни слова.

Оставшись одинъ, Уленспигель поставилъ лавровый кустъ поблизости и уснулъ.

На разсвѣтѣ онъ забралъ свою добычу и вышелъ изъ Бульона, поспѣшивъ въ лагерь Оранскаго. Здѣсь онъ передалъ принцу всѣ деньги и рассказалъ ему свою исторію, пояснивъ, что это настоящій способъ налагать на врага контрибуцію.

Принцъ далъ ему десять флориновъ.

Что касается позвоночного столба камбалы, то онъ былъ заключенъ въ хрустальный ларецъ и прикрученъ въ серединѣ распятія въ алтарь Бульонскаго собора.

И всякій въ городѣ знаетъ, что въ распятіи этомъ заключенъ горбъ одного выпрямленнаго богохульника.

XI.

Молчаливый, готовясь къ переходу черезъ Маастъ, передвигалъ свои отряды въ окрестностяхъ Льежа, стараясь запутанными переходами обмануть бдительность Альбы.

Уленспигель исполнялъ свои воинскія обязанности, умѣло орудовалъ своимъ аркебузомъ и внимательно слѣдилъ за оружающимъ.

Въ лагерь прибыли фламандскіе и брабантскіе дворяне, жившіе согласно съ офицерами и важными господами изъ свиты Молчаливаго.

Вскорѣ однако въ лагерь образовались двѣ партіи, неустанно враждовавшія другъ съ другомъ, ибо одни говорили: „Принцъ — предатель“, другіе же отвѣчали, что кто говоритъ это, тотъ клеветникъ, и что они ужъ заткнуть имъ ихъ живую глотку. Недовѣріе росло, какъ жирное пятно. Доходило до рукопашной въ кучкахъ изъ семи, восьми, двѣнадцати человекъ, а то бились и настоящимъ оружіемъ вплоть до аркебузовъ.

Однажды на шумъ явился самъ принцъ и прошелъ между враждующими сторонами. Пуля сорвала у него шлягу. Онъ приказалъ прекратить бой и обошелъ весь лагерь, чтобы никто не могъ сказать: „Убить Молчаливый, убита война!“.

На другой день около полуночи, въ туманѣ, только-что Уленспигель собрался выйти изъ дому, гдѣ онъ напѣвалъ фламандскія любезности одной валлонской дѣвицѣ, онъ вдругъ у двери сосѣдняго домика услышалъ повторявшееся три раза подъ-рядъ карканье ворона. И такимъ же тройнымъ карканьемъ отвѣтилъ кто-то снаружи. На порогъ домика вышелъ крестьянинъ. Уленспигель услышалъ шаги на дорогѣ.

Два человека, разговаривавшіе по-испански, подошли къ крестьянину, который обратился къ нимъ на томъ же языкѣ:

— Ну, что вы сдѣлали?

— Добрую работу сдѣлали, — отвѣтили они: — врань во имя короля. Благодаря нашей работѣ, теперь офицеры и солдаты въ лагерь толкуютъ недовѣрчиво: — „Принцъ только изъ свернаго честолюбія сопротивляется королю; онъ добивается того, чтобы его боялись, и тогда въ качествѣ залога онъ удержать въ своихъ рукахъ города и области; за пятьсотъ

тысячъ флориновъ онъ готовъ покинуть доблестное дворянство, бьющееся за родину. Герцогъ предложилъ ему полную амнистию и торжественно поклялся и обѣщаль ему, что вернетъ ему и всѣмъ высшимъ военачальникамъ ихъ владѣнія, если они вновь покорятся королю. Оранскій единолично заключить съ нимъ соглашеніе“. А приверженцы Молчаливаго возражали намъ: „Предложенія герцога — предательская западня, въ которую не дастъ себя заманить Оранскій, памятуя объ Эгмонтѣ и Горнѣ. Имъ хорошо извѣстно, что кардиналъ Гранвелла, когда схватили графовъ, сказалъ въ Римѣ: „Пескарей ловить, а шуку упускають. Пока Оранскій на свободѣ, еще ничего не сдѣлано“.

— А великъ расколъ въ лагерѣ? — спросилъ крестьянинъ.

— Великъ и съ каждымъ днемъ сильнѣе. Гдѣ письма?

Они вошли въ домикъ, гдѣ засвѣтился фонарь. Въ щелку Уленспигель увидѣлъ, какъ они распечатали два письма, радостно читали ихъ, пили медъ и поспѣшно удалились, сказавъ на прощанье крестьянину по-испански:

— Если лагерь распадется, Оранскій въ нашихъ рукахъ. Штука будетъ важная.

— Ну, съ этими надо покончить, — сказали себѣ Уленспигель.

Они вышли въ густомъ туманѣ, и Уленспигель видѣлъ, какъ крестьянинъ вынесъ имъ фонарь, который они взяли съ собой.

Свѣтъ мелькалъ, часто скрываемый черной фигурой, и Уленспигель заключилъ изъ этого, что они идутъ гуськомъ.

Онъ зарядилъ свой аркебузъ и выстрѣлилъ въ черную фигуру. Фонарь сталъ подыматься и опускаться, и изъ этого онъ заключилъ, что одинъ упалъ, а другой старается разсмотрѣть его рану. Онъ снова зарядилъ аркебузъ. Но фонарь, колеблясь, сталъ быстро удаляться по направленію къ лагерю. Уленспигель выстрѣлилъ еще разъ. Фонарь покачнулся, упалъ и погасъ. Стало темно.

Бросившись къ лагерю, Уленспигель встрѣтилъ профоса и толпу солдатъ, разбуженныхъ звукомъ выстрѣла. Уленспигель обратился съ нимъ:

— Я охотникъ, пойдите принесите дичь.

— Веселый фламандецъ, — сказалъ ему профосъ, — ты разговариваешь не только языкомъ.

— Слова языка — вѣтеръ. Слова свинцовыя остаются въ тѣлѣ предателей. Пойдемте.

И при свѣтѣ фонаря онъ привелъ ихъ къ мѣсту, гдѣ лежали оба — одинъ уже мертвый, другой хрипя въ агоніи;

руба его была прижата къ груди, и здѣсь они нашли письмо, которое онъ скомкалъ послѣднимъ усиленіемъ воли.

Они понесли трупы, по одеждамъ которыхъ было ясно, что это дворяне, и направились при свѣтѣ фонаря прямо къ принцу, прервавъ его сообщаніе съ Фридрихомъ Голленгаузенномъ, маркграфомъ гессенскимъ и другими господами.

Въ сопровожденіи ландскнехтовъ и рейтаровъ въ зеленыхъ и желтыхъ казакинахъ, они толпой подошли къ палаткѣ Оранскаго и съ крикомъ требовали, чтобы ихъ выслушали.

Онъ вышелъ. Профосъ откашлялся, чтобы начать обвинительную рѣчь противъ Уленспигеля, но тотъ перебилъ его:

— Ваша милость, вмѣсто воронъ и убилъ двухъ предателей - дворянъ изъ вашей свиты.

И онъ рассказали, что онъ видѣлъ, слышалъ и сдѣлалъ.

Оранскій не произнесъ ни слова. Предъ нимъ, принцемъ Оранскимъ, Вильгельмомъ Молчаливымъ, предъ Фридрихомъ Голленгаузенномъ, маркграфомъ гессенскимъ, Дитрихомъ Схоненбергомъ, графомъ Альбертомъ Нассаускимъ, Гоогстратеномъ, Антуаномъ де-Лаленомъ, губернаторомъ мехельнскимъ, предъ солдатами и Ламме Гоодзакомъ, который дрожать всѣмъ тѣломъ отъ испуга, были обысканы оба трупа. При убитыхъ нашли письма Гранвеллы и Нуаркарма, которые повелѣвали имъ сѣять раздоры среди приближенныхъ принца, чтобы такимъ образомъ ослабить его силы, принудить его къ уступкамъ и выдать его герцогу, который, сообразно его заслугамъ, отрубить ему голову. „Слѣдуетъ, — говорилось въ письмѣ, — дѣйствовать осторожно, посредствомъ смутныхъ намековъ, чтобы въ войскѣ укоренилось впечатлѣніе, что Оранскій ради личной выгоды заключилъ съ герцогомъ особое соглашеніе. Тогда его приближенные и солдаты, въ негодованіи, сами схватятъ его. Въ уплату имъ переведено черезъ Фуггера въ Антверпенъ по пятьсотъ дукатовъ на каждаго. Они получатъ безъ замедленія слѣдующую тысячу, какъ только ожидаемыя изъ Испаніи четыреста тысячъ придутъ въ Зеландію“.

Когда предательство такимъ образомъ стало очевидно, принцъ молча обернулся къ своимъ приближеннымъ, офицерамъ и солдатамъ, среди которыхъ было много не довѣрившихъ ему. Молча указавъ онъ на трупы, упрекая этимъ жестомъ окружающихъ въ недовѣріи. Въ отвѣтъ раздался всеобщій громовой возгласъ:

— Да здравствуетъ Оранскій! Оранскій вѣренъ родицѣ!

Исполненные презрѣніи, они хотѣли бросить трупы собакамъ, но принцъ сказалъ:

— Не тѣла надо выбросить собакамъ, а духъ слабости, рождающій недовѣріе къ чистымъ помысламъ.

И солдаты и офицеры кричали:

— Да здравствуетъ принцъ! Да здравствуетъ Оранскій, другъ нашей родины!

И голоса ихъ звучали, какъ громъ, грозящій несправедливости.

Указывая на трупы, принцъ сказалъ:

— Похороните ихъ по-христіански.

— А я? — сказалъ Уленспигель: — что сдѣлаю съ моимъ вѣрнымъ скелетомъ? Если я поступилъ неправильно, пусть меня высѣкутъ; если я сдѣлалъ, что надо, пусть меня награждать.

На это Молчаливый сказалъ ему:

— Этотъ аркебузиръ получить пятьдесятъ ударовъ зелеными палками въ моемъ присутствіи за то, что съ тяжкимъ нарушеніемъ дисциплины убилъ двухъ офицеровъ. Затѣмъ онъ получить тридцать флориновъ за то, что хорошо видѣлъ и слышалъ.

— Ваше высочество, — отвѣтилъ Уленспигель: — если бы мнѣ раньше дали тридцать флориновъ, я бы терпѣливѣе выдержалъ палки.

— Да, да, — вздохнулъ Ламме Гоодзакъ, — дайте ему сперва тридцать флориновъ, онъ покорно вынесетъ остальное.

— И затѣмъ, — продолжалъ Уленспигель: — такъ какъ душа моя чиста, то нѣтъ нужды ни мыть ее дубиной ни полоскать осиною.

— Да, — вздыхалъ Ламме Гоодзакъ, — не надо мыть Уленспигеля дубиной или полоскать осиною. У него душа чистая. Не мойте его, господа офицеры, не мойте его.

Когда Уленспигель получилъ свои тридцать флориновъ, профось приказалъ „штокъ-местеру“ взяться за него.

— Взгляните, господа, какой у него жалостный видъ, — кричалъ Ламме: — никакого дерева не любите мой другъ Уленспигель.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Уленспигель: — я люблю раскидистый ясенъ, который простираетъ свою сочную зелень навстрѣчу солнцу, но я терпѣть не могу эти палки, которыя еще влажны кровью своего сока, которыя, безъ листьевъ и вѣтвей, имѣютъ такой дикій видъ и производятъ столь жестокое впечатлѣніе.

— Ты готовъ? — спросилъ профось.

— Готовъ? — повторилъ Уленспигель: — къ чему готовъ? Къ палкамъ? Нѣтъ, не готовъ и не собираюсь быть готовымъ, господинъ штокъ-местеръ. У васъ рыжая борода и

грозное лицо, но я убѣждаю, что у васъ мягкое сердце, и что вы совсѣмъ не любите увѣчить такихъ бѣднѣй, какъ я. О себѣ скажу, что я этого не люблю ни дѣлать ни видѣть. Ибо спина христіанина — священный храмъ, подобно груди, объемяющей легкія, коими мы вдыхаемъ воздухъ Божій. Какія муки душевныя будутъ терзать васъ, если вамъ случится тяжелымъ ударомъ раздробить меня на куски!

— Живѣй, живѣй, — сказалъ штокъ-местеръ.

— Ахъ, къ чему такая спѣшка, ваше высочество, — говорить Уленспигель принцу: — право, не къ чему спѣшить; сперва надо высушить палку, а то, говорить, сырое дерево, проникая въ живое мясо, заражаетъ его смертельнымъ ядомъ. Неужто ваше высочество хотите, чтобъ я погибъ такой гадкой смертью? Вѣрной службой служить вамъ и такъ моя спина, ваше высочество. Пусть сбьетъ меня розгами, пусть бичуетъ ремнемъ, только этими зелеными палками не надо, прошу васъ.

— Помилуйте его, принцъ, — сказали одновременно Гоогстратень и Дидрихъ фонъ-Схоненбергъ. И другіе сострадательно улыбались.

И Ламме приговаривалъ:

— Ваше высочество, ваше высочество, помилуйте его; зеленое дерево — чистый ядъ.

— Прощаю, — сказалъ принцъ.

И Уленспигель многократно прыгалъ, колотилъ Ламме по животу, тащилъ его плясать и говорилъ:

— Восхваляй вмѣстѣ со мной благороднаго принца, который спасъ меня отъ зеленыхъ палокъ.

Ламме попытался плясать, но изъ-за брюха не могъ.

И Уленспигель угостилъ его ѣдой и вышивкой.

XII.

Уклоняясь отъ сраженія, герцогъ непрестанно старался истощить Оранскаго при его движеніяхъ между Юлихомъ и Маасомъ. Повсюду, у Гондта, Мехельна, Эльсена и Меерсена, обслѣдовали, по указанію принца, рѣку, но вездѣ дно ея было усыяно колышками, которые при переправѣ причиняли раны людямъ и животнымъ.

У Стокема бродъ оказался свободнымъ. Принцъ приказалъ перейти рѣку. Кавалерія, переѣхавъ черезъ Маасъ, сосредоточилась по ту сторону въ боевомъ порядкѣ, чтобы прикрыть переправу со стороны епископства Льежскаго. Затѣмъ отъ берега до берега поперекъ рѣки выстроились въ десять рядовъ стрѣлки и аркебузиры, задерживая такимъ образомъ те-

ченіе. Среди нихъ былъ Уленспигель. Вода доходила ему до бедеръ, и не разъ предательская волна поднимала его вверхъ вмѣстѣ съ лошадейю.

Мимо него двигалась пѣхота, привязавъ пороховицы къ шляпамъ и держа мушкеты высоко въ воздухѣ. За ними двигался обозъ, охранные отряды, санеры, фейерверкеры, двойныя бомбарды, фальконеты, большіе и малые, кулеврины, кулеврины - батарды, двойныя кулеврины, мортиры, пушки, простые и двойныя, легкіи пушки для авангарда, которыя, запряженныя парой лошадей, могли галопомъ примчаться куда угодно и такимъ образомъ были подобны такъ называемымъ „императорскимъ пистолетамъ“. За артиллеріей шель арьергардъ, ландскнехты и фламандская конница.

Уленспигель искалъ, гдѣ бы хватить глотокъ согрѣвающейа напитка. Стрѣлокъ Ризенкрафтъ, нѣмецъ изъ южной Германіи, тощій, жестокой и громадный парень, храпѣлъ подлѣ него на конѣ; отъ него разило водкой, и Уленспигель поискалъ, гдѣ его фляжка, нашель ее, разрѣзалъ бечевочку, на которой она висѣла на перевязи, и весело приложился къ ней. Сосѣди кричали:

— Дай и намъ!

Такъ онъ и сдѣлалъ. Когда фляжка была пуста, онъ связалъ бечевку и хотѣлъ повѣсить фляжку на грудь солдату. Однако онъ задѣлъ при этомъ Ризенкрафта, тотъ проснулся и прежде всего потянулся къ своей фляжкѣ, чтобы, какъ всегда, подоить свою коровушку. Но, не найдя молока, онъ пришелъ въ ярость и закричалъ:

— Мерзавецъ, куда ты дѣлъ мою водку?

— Выпилъ, — отвѣчалъ Уленспигель: — у промокшихъ солдатъ водка — общее добро, а скаредъ — дурной товарищъ.

— Завтра въ поединкѣ изрублю тебя на куски, — сказала Ризенкрафтъ.

— Валай. Станемъ рубить другъ другу головы, руки, ноги и все прочее. Да не запорь ли у тебя, что у тебя рожа такая кислая?

— Да, запорь.

— Такъ, чѣмъ драться, лучше бы ты слабительное привялъ.

Они уговорились встрѣтиться на другой день на коняхъ при любомъ снаряженіи, чтобы обрубить другъ другу короткими шпагами лишнее сало.

Уленспигель просилъ разрѣшенія замѣнить шпагу палкой и получилъ согласіе.

Между тѣмъ войско перешло рѣку, и, по приказанію офицеровъ, десять шеренгъ стрѣлковъ также двинулись къ другому берегу.

И принцъ сказалъ:

— Теперь на Льежъ.

Объятый радостью, Уленспигель закричалъ вмѣстѣ съ фламандцами:

— Да здравствуетъ Оранскій, впередъ на Льежъ!

Но наемники, особенно нѣмцы, нашли, что они слишкомъ мокры снаружи и сухи внутри, чтобы идти походнымъ маршемъ. Напрасно увѣрялъ ихъ принцъ, что они идутъ навстрѣчу вѣрной побѣдѣ, что городъ на ихъ сторонѣ. Они знать ничего не хотѣли, разложили большіе костры и грѣлись подлѣ нихъ со своими разсѣданными лошадьми.

Нападеніе на городъ было отложено на другой день. Альба былъ потрясенъ и перепуганъ отважной переправой; тутъ его шпіоны донесли ему, что наемники Молчаливаго не готовы къ нападенію.

Поэтому онъ пригрозилъ Льежу и его округѣ, что онъ уничтожить все огнемъ, если тамошніе сторонники принца шелохнутся. Герардъ ванъ-Гроосбеке, клевретъ епископа, вооружилъ своихъ наемниковъ противъ принца, и послѣдній, изъ-за нѣмцевъ, испугавшихся сырости въ штанахъ, пришелъ слишкомъ поздно.

XIII.

Уленспигель и Ризенкрафтъ взяли себѣ секундантовъ, которые рѣшили, что противники будутъ драться нѣшими и, по требованію побѣдителя, вплоть до смертельнаго исхода: такъ потребовалъ Ризенкрафтъ.

Мѣстомъ боя была выбрана маленькая поляна.

Съ утра Ризенкрафтъ надѣлъ свое стрѣлковое снаряженіе. На немъ былъ шлемъ съ ошейникомъ безъ забрала и панцырь безъ рукавовъ. Рубаху, разорванную въ клочья, онъ записалъ въ шлемъ, чтобы употребить, въ случаѣ нужды, доскутъя для перевязки. Онъ взялъ свой самострѣлъ изъ добраго арденнскаго дерева, колчанъ съ тридцатью стрѣлами и длинный кинжалъ, но не взялъ своего меча. Онъ прибылъ на мѣсто поединка на своей кобылѣ и сидѣлъ на боевомъ сѣдлѣ, прикрытомъ броней, такъ же, какъ лобъ лошади, украшенный перьями.

Вооруженіе у Уленспигеля было барское. Онъ возсѣдалъ на ослѣ; сѣдломъ ему служила юбка гулящей дѣвицы; на морду осла была надѣта ивовая плетенка, надъ которой развѣвались стружки. Грудь осла, вмѣсто панцыря, покрывалъ кусокъ сала, такъ какъ, объяснилъ Уленспигель, желѣзо дорого, къ стали не приступить, а мѣдъ въ послѣднее время

въ такомъ количествѣ уходить на пушки, что и для кролика не изъ чего выковать оружіе. Какъ шлемомъ, прикрылся онъ салатнымъ листомъ, еще не обвѣденнымъ улитками. Въ середину онъ воткнулъ лебединое перо—для послѣдней пѣсни, если плохо придется.

Легкой, тонкой шпагой служила ему длинная, толстая со-сновая жердь, къ концу которой была привязана метелочка изъ еловыхъ вѣточекъ. Слева у него висѣлъ ножъ, тоже дере-вянный, справа палица: стебель бузины съ воткнутой на него большой брюквой. Панцыремъ его были лохмотья.

Когда онъ въ этомъ нарядѣ появился на мѣстѣ боя, секун-данты Ризенкрафта разразились хохотомъ. Самъ онъ хра-нилъ свое кислое выраженіе.

Свидѣтели Уленспигеля потребовали, чтобы Ризенкрафтъ снялъ панцырь, такъ какъ на Уленспигелѣ нѣтъ ничего, кромѣ тряпокъ. Ризенкрафтъ согласился. Тогда его свидѣ-тели спросили, почему Уленспигель вооруженъ метлой.

— Палку вы мнѣ сами развѣшили; можно же ее украсить зеленью.

— Дѣлай, какъ знаешь,—сказали четыре свидѣтели.

Ризенкрафтъ не произнесъ ни слова и лишь сбивалъ ко-роткими ударами меча тонкіе стебельки вереска.

Свидѣтели потребовали, чтобы онъ замѣнилъ свой мечъ метлой, какъ у Уленспигеля.

Онъ отвѣтилъ:

— Если этотъ голодранецъ по своей волѣ выбралъ столь необычайное оружіе, то онъ, очевидно, надѣется имъ защи-тить свою жизнь.

Уленспигель съ своей стороны повторилъ, что ему довольно его метлы, и свидѣтели объявили, что все въ порядкѣ.

Противники стали другъ противъ друга, Ризенкрафтъ, за-кованный въ сталь, на своемъ конѣ, Уленспигель на ослѣ, прикрытый кускомъ сала.

Выѣхавъ на середину поляны, Уленспигель взялъ метлу на перевѣсъ, какъ конь, и сказалъ:

— Гнуснѣ чумы, проказы и смерти, по мнѣ, эта смердящая погань, которая въ лагерѣ храбрыхъ воиновъ и добрыхъ то-варищей не знаетъ иной заботы, какъ возить повсюду свою кислую рожу и злопыхательную морду. Гдѣ появится такой поганецъ, нѣмѣетъ смѣхъ и смолкаетъ пѣсня. Всегда такой гнуснецъ съ кѣмъ-нибудь дерется или ругается и такимъ образомъ рядомъ съ честнымъ боемъ за родину плодитъ поединки, отъ которыхъ, на радость врагу, гибнутъ свои. Въ разное время Ризенкрафтъ, здѣсь стоящій передо мной, убилъ

двадцать одного человѣка за пустичныя слова, никогда, ни въ одномъ сраженіи или стычкѣ не давъ доказательства своей храбрости, не получивъ ни единой награды. Поэтому мнѣ очень пріятно почесать сегодня эту паршивую собаку противъ ея ошпаренной шерсти.

Ризенкрафтъ отвѣтилъ:

— Этотъ пьяница вообразилъ, что поединокъ—это забава; съ радостью расколю ему за это черепъ, чтобы всякій видѣлъ, что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ соломы.

По приказанію свидѣтелей, оба спѣшились, причемъ съ головы Уленспигеля упалъ салатный листъ, немедленно пожранный его осломъ. Только одинъ свидѣтель помѣшалъ ему, давъ ему пинка ногой и согнавъ съ огороженной поляны. Такимъ же образомъ отвели коня, и оба попелись вдвоемъ, пощипывая траву.

Затѣмъ свидѣтели съ метлой—это были свидѣтели Уленспигеля—и свидѣтели съ мечомъ—свидѣтели Ризенкрафта—подали свистомъ знакъ къ бою.

И Ризенкрафтъ и Уленспигель яростно бросились другъ на друга. Ризенкрафтъ рубилъ мечомъ, Уленспигель отбивалъ метлой. Ризенкрафтъ клялся всѣми дьяволами, Уленспигель уворачивался, бѣгалъ по полянѣ вдоль и поперекъ, туда и сюда, показывалъ Ризенкрафту языкъ, корчилъ ему рожи, и тотъ задыхался и, какъ сумасшедшій, махалъ по воздуху своимъ мечомъ. Вдругъ, когда онъ подбѣжалъ совсѣмъ близко къ Уленспигелю, тотъ мигомъ обернулся и треснулъ его своей метлой изо всѣхъ силъ по носу. Ризенкрафтъ упалъ на землю, растопыривъ руки и ноги, точно издыхающая лягушка.

Уленспигель бросился къ нему и возилъ безъ всякаго милосердія метлой по его лицу взадъ и впередъ, повторяя:

— Проси пощады, не то всю метлу слопаешь.

И онъ теръ и теръ его безъ усталы, къ великому смѣху присутствующихъ, и твердилъ:

— Кайся, не то слопаешь всю метлу!

Но Ризенкрафтъ не могъ ничего отвѣтить, такъ какъ отъ черной ярости умеръ.

— Господь да упокоитъ твою душу, бѣдный злока!—сказалъ Уленспигель.

И ушелъ, огорченный.

XIV.

Октябрь шелъ къ концу. У принца кончились деньги, и войско его страдало отъ голода. Солдаты ронтали, онъ по-

двигался по направленію къ Франціи и старался вступить въ бой съ герцогомъ, но тотъ уклонился.

Выступивъ изъ Кеуа-ле-Контъ по пути въ Камбрази, онъ встрѣтилъ здѣсь отрядъ изъ десяти нѣмецкихъ батальоновъ, восьми испанскихъ и трехъ эскадроновъ легкой конницы подъ командой дона Руфеле Генрицисъ, сына герцога Альбы. Завязался бой, и донъ Руфеле среди схватки восклицалъ по-испански:

— Бей, бей! Безъ пощады! Да здравствуетъ папа!

Оказавшись въ это мгновеніе противъ отряда стрѣлковъ, гдѣ Уленспигель былъ взводнымъ, онъ бросился со своими людьми на нихъ. Тогда Уленспигель сказалъ своему начальнику:

— Отсѣку этому палачу языкъ!

— Отсѣки,—отвѣтилъ тотъ.

И Уленспигель мѣткой пулей раздробилъ челюсть и разорвалъ языкъ у дона Руфеле, сына герцога.

Затѣмъ онъ выбилъ изъ сѣдла сына маркиза Дельмаре.

Батальоны и эскадроны потерпѣли поражение.

Послѣ этой побѣды Уленспигель искалъ въ лагерѣ своего друга Ламме, но не нашелъ его.

— Ахъ!—говорилъ онъ,—скрылся другъ мой Ламме. Видно, полный воинской отваги, онъ забылъ о тяжести своего брюха и ушелъ преслѣдовать бѣгущихъ испанцевъ. И, конечно, захавшись, онъ упалъ, какъ мѣшокъ, на дорогѣ; они его захватили и увели съ собой въ надеждѣ на выкупъ,—выкупъ христіанскаго сала. Милый другъ мой Ламме, гдѣ ты застрялъ? гдѣ ты, милый толстячокъ?

И Уленспигель искалъ его повсюду, но нигдѣ не могъ найти и былъ огорченъ этимъ.

XV.

Въ ноябрѣ, мѣсяцѣ снѣжныхъ митедей, принцъ призвалъ къ себѣ Уленспигеля. Онъ сидѣлъ, грызя шнурокъ своего панциря.

— Слушай и запомни,—сказалъ онъ.

— Мои уши, какъ двери темницы,—отвѣтилъ Уленспигель:—легко войти, но выйти—дѣло трудное.

Молчаливый сказалъ:

— Обойди Фландрію, Геннегау, Брабантъ, Антверпенъ, Намюръ, Гельдернъ, Овериссель и Сѣверную Голландію и повсюду говори слѣдующее: если судьба измѣнитъ нашему святому христіанскому дѣлу на сушѣ, то борьба съ подлымъ насиліемъ будетъ продолжаться на морѣ. Въ удачѣ и въ неудачѣ милость Господня правитъ нашимъ дѣломъ. Прибывъ

въ Амстердамъ, отдай отчетъ во всѣхъ твоихъ шагахъ и дѣйствіяхъ моему близкому другу Полю Бейсу. Вотъ три паспорта, подписанные Альбой и найденные на трупахъ убитыхъ при Кенуа-ле-Контъ. Мой секретарь вписалъ въ нихъ имена. Быть-можетъ, ты найдешь по дорогѣ подходящаго спутника, которому ты сможешь довѣриться. Кто на пѣніе жаворонка отвѣтитъ боевымъ крикомъ пѣтуха, тотъ вѣрный человекъ. Вотъ тебѣ пятьдесятъ флориновъ. Будь мужественъ и твердъ.

— Пенель стучитъ въ мое сердце,—отвѣтилъ Уленспигель. И онъ отправился въ путь.

XVI.

Подорожная отъ имени короли и герцога давала ему право носить при себѣ какое угодно оружіе. Онъ взялъ свой добрый мушкетъ, сухого пороха и пуль. Затѣмъ онъ надѣлъ изодранный плащъ, истасканный камзолъ и дырявые штаны испанскаго покроя, нахлобучилъ шляпенку съ торчащимъ перомъ, опоясался саблей, покинулъ войско у французской границы и направился въ Маастрихту.

Крапивники, вѣстники мороза, порхали вокругъ жилья и просили пріюта. Уже три дня шель снѣгъ.

Часто по дорогѣ приходилось Уленспигелю предъявлять свой паспортъ. Его пропускали. Такъ шель онъ къ Льежу.

Вскорѣ онъ дошелъ до большой равнины; вѣтеръ хлесталъ хлопьями снѣга его лицо. Въ ослѣпительной бѣлизнѣ разстлалась предъ нимъ равнина, и снѣжная мятель, гонимая вѣтромъ, неслась надъ нею. Три волка слѣдовали за нимъ, но, когда онъ свалилъ одного изъ нихъ выстрѣломъ, прочіе бросились на раненаго и убѣжали, каждый съ кускомъ трупа, въ лѣсъ.

Избавившись отъ волковъ и осматриваясь, не бѣгаетъ ли по полю еще стая, онъ увидѣлъ позади, далеко на равнинѣ, какъ будто сѣрыя изваянія, которыя двигались какъ пятна въ снѣжной мятели; за ними видны были черныя очертанія всадниковъ. Онъ влѣзъ на дерево. Вѣтеръ донесъ до него издали жалобные звуки.

„Быть-можетъ, это богомольцы въ бѣлыхъ плащахъ,—подумалъ онъ,—ибо лишь съ трудомъ я отличаю ихъ фигуры отъ снѣга“.

Но тутъ онъ увидѣлъ, что это бѣгутъ голые люди, а за ними два всадника на высокихъ коняхъ въ черномъ вооруженіи гонять эту жалкую толпу неистовыми ударами бича. Онъ зарядилъ мушкетъ. Среди этихъ несчастныхъ онъ видѣлъ молодыхъ людей и голыхъ стариковъ, которые, иззяб-

шіе, окоченныя и въ то же время съжившіеся подъ бичами солдатъ, бѣжали впередъ, чтобы увернуться отъ ихъ ударовъ. А рейтары, тепло одѣтые, красные отъ водки, сытые, забавлялись тѣмъ, что хлестали голыхъ людей, подгоняя ихъ бѣжать быстрѣе.

„Я отомщу за тебя, пепель Клааса“,—сказалъ Уленспигель и убилъ одного всадника, который упалъ, пораженный пулей въ лицо. Другой, не понимая, откуда принеслась эта неожиданная пуля, перепугался и рѣшилъ, что въ лѣсу засѣлъ въ засадѣ непріятель. Онъ вздумалъ спастись бѣгствомъ вмѣстѣ съ лошадыю своего спутника и схватилъ ее за узду, но, сойдя съ коня, чтобы ободрать убитаго, онъ былъ пораженъ второй пулей въ затылокъ и упалъ замертво.

Голые люди, рѣшивъ, что это ангелъ, въ образѣ стрѣлка безъ промаха, явился съ небесъ къ нимъ на помощь, упали на колѣни. Уленспигель слѣзъ съ дерева, и его узнали нѣкоторые изъ несчастныхъ, служившіе съ нимъ вмѣстѣ въ войскѣ. И они объяснили ему:

— Видишь, Уленспигель, за то, что мы не могли заплатить выкупа, насъ въ этомъ ужасномъ видѣ отправили изъ французскихъ областей въ Маастрихтъ, гдѣ имѣетъ пребываніе герцогъ. И мы такимъ образомъ были уже напередъ присуждены къ пыткѣ, къ казни, къ ссылкѣ на королевскія галеры, подобно ворами и преступникамъ.

Уленспигель отдалъ старшему изъ толпы свой плащъ и сказалъ:

— Пойдемте, я отведу васъ въ Мезьеръ, но раньше надо забрать все, что есть у этихъ солдатъ, и поймать ихъ лошадей.

Камзолы, штаны, сапоги, шапки и панцири рейтаровъ были распределены между самыми слабыми и больными, и Уленспигель сказалъ:

— Перейдемъ въ лѣсокъ, тамъ воздухъ тише и теплѣе. Бѣгомъ, братья.

Вдругъ одинъ изъ толпы упалъ съ крикомъ:

— Холодно! Голодно! Иду къ Господу сказать, что папа римскій—антихристъ на землѣ.

И онъ умеръ. И прочіе рѣшили нести его съ собой, дабы предать его землѣ по-христіански.

Подвигаясь впередъ по большой дорогѣ, они встрѣтили крестьянина, ѣхавшаго въ крытой повозкѣ. Онъ сжалился надъ голыми людьми и усадилъ ихъ въ своей повозкѣ. Здѣсь было мѣсто, въ которое они зарылись, и пустые мѣшки, которыми они могли прикрыться. Согревшись, они вознесли

благодарность Господу. Уленсигель ѣхалъ рядомъ на добытомъ конѣ и велъ другого въ поводу.

Въ Мезьерѣ они остановились; здѣсь имъ принесли теплый супъ, пиво, хлѣбъ, сыръ, а старикамъ и женщинамъ—мясо. Ихъ пріютили и дали имъ одежду и новое оружіе на счетъ общины, и всѣ благословили Уленсигеля и обнимали его, и онъ радовался этой ласкѣ.

Онъ продалъ рейтарскихъ лошадей за сорокъ восемь флоринтовъ, пзъ коихъ тридцать отдалъ французамъ.

Странствуя далѣе въ одиночествѣ, онъ говорилъ себѣ: — „Вотъ я иду черезъ кровь и слезы и бѣдствія, но не нахожу ничего. Видно, обманули меня дьяволы. Гдѣ Ламме? Гдѣ Неле? Гдѣ Семеро?“

И онъ услышалъ голосъ, подобный дуновенію:

— Въ слезахъ, въ войнѣ, въ крови, въ огнѣ ищи...

И онъ пошелъ далѣе.

XVII.

Въ мартѣ Уленсигель пришелъ въ Намюръ. Здѣсь онъ увидѣлъ Ламме, который, ставъ большимъ любителемъ маасской рыбы, особенно форели, нанялъ себѣ лодку и, съ разрѣшенія общины, занялся рыбной ловлей. Но гильдія рыбаковъ онъ уплатилъ за это пятьдесятъ флоринтовъ.

Онъ продавалъ и ѣлъ самъ свою рыбу и этимъ промысломъ прикопилъ себѣ еще болѣе увѣсистое брюхо и мѣшочекъ дукатовъ.

Увидѣвъ, какъ его другъ и спутникъ бродитъ по берегу Мааса, ища способа перебраться на ту сторону въ городъ, обрадованный Ламме причалилъ къ берегу, не безъ великаго усилія взобрадеа по откосу и бросился къ Уленсигелю. Едва владѣя отъ счастья языкомъ, онъ восклицалъ:

— Вотъ наконецъ опять ты со мной, сынъ мой, сынъ во Господѣ, ибо ковчегъ моего чрева можетъ вмѣстить двоихъ такихъ, какъ ты. Куда ты теперь? Что тебѣ нужно? Ты, значить, живъ? Не видѣлъ ты моей жены? Будешь кушать маасскую рыбу—это лучшее, что есть на этой дрянной землѣ; здѣсь, братъ, готовятъ такіе соусы, что оближешь пальчики до плечъ. Какой у тебя гордый и славный видъ съ тѣхъ поръ, какъ позолотило тебя пламя сраженій. Вотъ ты здѣсь теперь, сынъ мой, другъ мой, дорогой Уленсигель, бродяга ты разудалый!—И онъ заговорилъ тише:—А сколько испанцевъ ты положилъ? Не встрѣчалъ ты моей жены въ одной изъ повозокъ съ ихъ красотками? И маасскаго вина выпьешь—оно великолѣпно дѣйствуетъ на людей съ запоромъ. Ты раненъ,

сынъ мой? Останешься, стало-быть, здѣсь и скоро будешь чувствовать себя свѣжимъ, бодрымъ и здоровымъ, какъ молодой орелъ. И угрей набьешься тоже—и какихъ, безъ всякаго запаха тины! Поцѣлуй меня, толстячокъ! Слава Богу, слава Богу! Ухъ, какъ я радъ!

И Ламме прыгаль, плясаль, пыхтѣль, фыркаль и вертѣль вокругъ себя Уленспигеля.

Затѣмъ они отправились въ городъ. У воротъ Намюра Уленспигель предъявилъ свой паспортъ, подписанный герцогомъ, и Ламме повелъ его къ себѣ.

Готовя обѣдъ, онъ слушалъ рассказъ о его приключеніяхъ и рассказалъ о своихъ. Онъ покинулъ войско, послѣдовавъ за дѣвушкой, которую принялъ за свою жену. Такъ онъ и ѣхалъ за ней, пока не добрался до Намюра. И непрестанно онъ спрашивалъ:

— Ты ея не видалъ?

— Видалъ другихъ, и очень смазливыхъ,—отвѣчалъ Уленспигель,—особенно въ этомъ городѣ, гдѣ всѣ онѣ заняты любовью.

— Правда,—сказалъ Ламме:—меня ужъ тутъ завлекали сотни разъ, но я остался вѣренъ, ибо мое тоскливое сердце все переполнено единственнымъ воспоминаніемъ.

— Такъ же, какъ твое брюхо всякой ѣдой.

— Когда я тоскую, я долженъ ѣсть.

— И твое горе не знаетъ, стало-быть, перемирія?

— Увы,—отвѣтилъ Ламме. И, вытащивъ изъ горника форежь, онъ продолжалъ:—Смотри, какая красивая, какая полная. Мясо розовое, какъ тѣло моей жены. Завтра утромъ уйдемъ изъ Намюра; у меня большой мѣшокъ флориновъ—купимъ себѣ по ослу и такъ поѣдемъ верхомъ во Фландрію.

— Много денегъ будетъ стоять,—сказалъ Уленспигель.

— Ничего, тянетъ мое сердце въ Дамме; тамъ любила она меня такъ сладко: можетъ-быть, она туда вернулась.

— Чтѣ жъ, если хочешь, выйдемъ завтра утромъ.

На слѣдующій день они, действительно, выѣхали; каждый сидѣлъ верхомъ на своемъ ослѣ.

XVIII.

Дуль рѣзкій вѣтеръ. Солнце, ясное съ утра, какъ милая юность, стало мрачно, какъ старикъ. И хлесталъ дождь съ градомъ.

Когда дождь стихъ, Уленспигель отряхнулся и сказалъ:

— Небо впитываетъ такъ много тумановъ, что должно же и оно иногда облегчиться.

Новые потоки дождя съ болѣе крупнымъ градомъ, чѣмъ раньше, хлынули на спутниковъ. Ламме нылъ:

— Насъ хорошо обмыло, — чего теперь полоскаты!

Солнце показалось снова, и они весело потрусили впередъ.

Третій потокъ проливного дождя и града былъ такъ убійствененъ, что онъ, точно ураганъ острыхъ ножей, срѣзаль сухія вѣтви деревъ.

Ламме стоналъ:

— О, подъ крышу бы! Бѣдная жена мой! Гдѣ вы, жаркій камелекъ, сладкіе поцѣлуи, жирные супы?

И онъ плакалъ, бѣдный толстякъ.

Но Уленспигель отвѣтилъ:

— Нечего жаловаться. Виною всѣхъ напастей всегда мы сами. Дождь льетъ на наши плечи, но этотъ декабрьскій дождь дастъ въ маѣ добрую траву. И коровы замычатъ отъ радости. Мы безпріютны, — а почему мы не женимся? То-есть я говорю о себѣ и о маленькой Неле, которая теперь сварила бы отличную бобовую похлебку съ мясомъ, такую вкусную, такую пахучую. Мы страдаемъ отъ жажды, несмотря на воду, льющуюся на насъ, но почему мы не остались при одномъ ремеслѣ? Тѣ, которые были терпѣливы, стали мастерами, и у нихъ теперь погреба съ живыми бочками.

И пепель Клааса забилъ въ его сердце, небо прояснилось, солнце засіяло, и Уленспигель сказалъ:

— Солнышко свѣтлое, спасибо тебѣ, что ты обогрѣло насъ, и тебѣ, пепель Клааса, за то, что ты согрѣлъ мое сердце и говоришь мнѣ, что благословенны скитающіеся ради освобожденія родины.

— Хочу кушать, — сказалъ Ламме.

XIX.

Они заѣхали въ корчму, гдѣ въ высокой столовой имъ дали пообѣдать. Уленспигель распахнулъ окно и взглянулъ въ садъ. Здѣсь гуляла дѣвушка, полденькая, съ пышной грудью и золотистыми волосами. Она была въ свѣтлой юбкѣ, бѣлой шерстяной рубашкѣ, вышитомъ черномъ передникѣ съ прошивами.

Рубахи и прочее женское бѣлье сушились на протянутыхъ веревкахъ. Дѣвушка снимала рубахи, вѣшала ихъ снова, вертѣлась туда и сюда, улыбалась Уленспигелю, поглядывала на него и наконецъ, сѣвъ на одну изъ привязанныхъ веревокъ, начала на ней качаться, какъ на качеляхъ.

По сосѣдству кричалъ пѣтухъ, и кормилица играла съ ребенкомъ, поворачивая его лицо къ стоящему передъ ней мужчинѣ.

— Боолкинъ, засмѣйся папангѣ.

Ребенокъ заревѣлъ.

Хорошенькая дѣвушка все ходила по саду, снимая и вѣшая бѣлье.

— Это шпионка, — сказалъ Ламме.

Дѣвушка закрыла глаза руками и, смѣясь, смотрѣла сквозь пальцы на Уленспигеля.

Потомъ она обѣими руками приподняла свои груди и дала имъ скользнуть внизъ, и снова стала качаться, не дотрагиваясь ногами до земли. Она вертѣлась на веревкахъ, точно волчокъ, и Уленспигель смотрѣлъ, какъ сверкаетъ на солнцѣ бѣлизна ея полныхъ рукъ, обнаженныхъ до плечъ.

Такъ вертѣлась она и смѣялась, и поглядывала на него, и онъ вышелъ, чтобы встрѣтиться съ нею.

Ламме шелъ за нимъ слѣдомъ. Онъ искалъ дыры въ садовомъ плетнѣ, чтобы пробраться внутрь, но не нашелъ.

Увидѣвъ, что они ищутъ ее, дѣвушка снова, смѣясь, посмотрѣла на нихъ сквозь пальцы.

Уленспигель пытался пролѣзть сквозь плетень, но Ламме удерживалъ его, говоря:

— Не ходи, это шпионка, быть намъ на кострѣ.

Дѣвушка все разгуливала по саду, прикрывала личико передникомъ и смотрѣла сквозь его прошвы, выглядывая, не идетъ ли къ ней ея случайный пріятель.

Уленспигель совсѣмъ ужъ собрался перескочить черезъ плетень, но Ламме не пускалъ, схватилъ его за ногу и стащилъ, говоря:

— Плаха и висѣлица! Это шпионка, не ходи туда.

Уленспигель сидѣлъ на землѣ, возясь съ Ламме, а дѣвушка высунула голову изъ-за плетня и крикнула:

— Прощайте, сударь! Пусть Амуръ побережетъ ваши любовныя колебанія до другого случая!

И изъ-за плетня доносился ея насмѣшливый хохотъ.

— Ахъ, — сказалъ онъ: — точно пучокъ иголокъ впился въ ухо!

Дверь шумно захлопнулась.

Уленспигель былъ мраченъ, а Ламме все удерживалъ его и говорилъ:

— Ты перебираешь нѣжные соблазны ея прелести, которые ты, къ стыду своему, потерялъ. А она шпионка. И что ни дѣлается, для тебя всегда къ лучшему. Право, лопну отъ смѣха!

Уленспигель не отвѣтилъ ни слова, и оба вновь сѣли на своихъ ословъ и поѣхали.

XX.

Нога справа, нога слѣва—такъ подвигались они впередъ на ослахъ.

Ламме переваривалъ свой обѣдъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ. Вдругъ, размахнувшись хлыстомъ, Уленспигель изо всѣхъ силъ ударилъ его по заду, который валомъ вздулся надъ сѣдломъ.

— Что ты дѣлаешь?—жалобно закричалъ Ламме.

— Въ чемъ дѣло?

— Хлыстомъ ударилъ!

— Кто ударилъ?

— Да ты ударилъ!

— Слѣва?

— Ну да, слѣва, по моему заду. Почему ты дерешься, бродяга несчастный?

— По невѣдѣнію. Я знаю очень хорошо, что такое хлысть, и такъ же хорошо знаю, что такое стройный задъ на сѣдлѣ. Но вотъ посмотрѣлъ я, какъ выпячивается надъ сѣдломъ эта толстая, широкая туша, и сказалъ себѣ: „ущипнуть ее пальцами невозможно,—вѣрно, и хлысть ее не проберетъ, если шлепнуть“. Значить, я ошибся.

Ламме разсмѣшили эти размышленія.

— Но я не единственный человѣкъ на этомъ свѣтѣ, согрѣшившій по невѣдѣнію,—продолжалъ Уленспигель:—примѣромъ тому могъ бы послужить не одинъ балбесъ, выпятившій свое сало надъ сѣдломъ. Если мой хлысть согрѣшилъ предъ твоимъ задомъ, то ты согрѣшилъ предъ моими ногами, когда помѣшалъ мнѣ подѣзть къ дѣвушкѣ, которая изъ своего садика зазывала меня.

— Мерзавецъ, — воскликнулъ Ламме: — такъ это была мѣсть?

— Невинная,—отвѣтилъ Уленспигель.

XXI.

Одиноко и тоскливо жила Неле при Катлийѣ, которая все взывала о своей любви къ холодному дьяволу. Но тотъ не являлся.

— Ахъ,—вздыхала она:—ты богатъ, Гансикъ, любимый мой; ты могъ бы вернуть мнѣ семьсотъ червонцевъ. Тогда Сооткинъ вернудась бы живая изъ чистилища и Клаасъ обрадовался бы въ небесахъ. Ты можешь! Уберите огонь, душа рвется наружу; пробейте дыру, душа рвется наружу.

И она показывала на то мѣсто на головѣ, гдѣ горѣла пакля.

Катлина была очень бѣдна, но сосѣди помогали ей бобами, хлѣбомъ, мясомъ, кто чѣмъ могъ. Община помогала небольшими деньгами. Неле шла на богатыхъ горожанокъ и ходила гладить, и зарабатывала такимъ образомъ флоринъ въ недѣлю.

И все твердила Катлина:

— Пробейте дыру, выпустите душу! Она стучится, чтобъ ей открыли! Онъ принесетъ семьсотъ червоцевъ.

Неле плакала, слушая ее.

XXII.

Уленспигель и Ламме заѣхали со своими подорожными въ одну корчму, прислонившуюся къ прибрежнымъ скаламъ Самбры, кой-гдѣ поросшимъ деревьями. Вывѣска гласила: „Трактиръ Марлэра“.

Выпивъ нѣсколько бутылокъ маасскаго вина, выдержаннаго на манеръ бургундскаго, и наѣвшись рыбы, они разговаривали съ хозяиномъ, который былъ закоренѣлый папистъ, но болтливъ, какъ сорока, такъ какъ хватилъ лишняго, и все ядовито подмигивалъ. Уленспигель, заподозрѣвъ, что за этимъ подмигиваніемъ что-то кроется, все подмигивалъ его, такъ что хозяинъ вскорѣ началъ приплясывать и заливаться смѣхомъ. Потомъ онъ опять сѣлъ къ столу и провозгласилъ:

— Добрые католики, за ваше здоровье!

— За твое!—отвѣтили Уленспигель и Ламме.

— За искорененіе всякой еретической и бунтовщической чумы!

— Пьемъ за это!—отвѣтили Уленспигель и Ламме и все подливали въ рюмку хозяина, который не могъ видѣть ее полной.

— Вы добрые ребята,—сказалъ онъ:—нью за вашу щедрость, ибо вѣдь я зарабатываю на винѣ, которое мы пьемъ. Гдѣ ваши паспорта?

— Вотъ,—сказалъ Уленспигель.

— Подписано герцогомъ. За здоровье герцога!

— За здоровье герцога!—отвѣтили Ламме и Уленспигель.

Хозяинъ продолжалъ:

— Чѣмъ ловятъ крысъ, мышей и кротовъ? Мышеловками, крысоловками, кашканами! Кто этотъ кротъ, все подрывающій? Это еретикъ великій, это Оравскій—оранжевый, какъ огонь въ аду. Съ нами Богъ! Они придутъ? Ха-ха! Пить! Налей! Я горю, я сгорѣлъ! Пить! Маленькіе, славенькіе, миленькіе реформатскіе проповѣднички!.. Маленькіе... славенькіе, храбренькіе солдатики, крѣпкіе, что двой дубокъ... Пить! Хотите

съ ними пробраться въ лагерь главнаго еретика? У меня есть паспорта, имъ самимъ подписанные... Тамъ можно видѣть...

— Хорошо, пойдѣмъ и мы съ ними въ лагерь,—сказаль Уленспигель.

— Они тамъ управятся какъ слѣдуетъ. Ночью при случаѣ,—и хозяинъ, свисти, показаль, какъ одинъ убиваетъ другого,—стальной вѣтеръ помѣшаетъ нассаускому дрозду распѣвать свои пѣсни. А теперь выпьемъ? Такъ?

— Веселый ты человекъ, хотя и женатъ,—сказаль Уленспигель.

— Не женатъ и не буду женатъ,—возразиль хозяинъ:—я вѣдь храню государственныя тайны—выпьемъ!—вѣдь жена ихъ у меня въ постели вывѣдаетъ, чтобы отпратить меня на висѣлицу и стать вдовой раньше, чѣмъ угодно природѣ. Господи благослови! Они придутъ... Гдѣ мои новые паспорта? На моемъ христіанскомъ сердцѣ! Выпьемъ! Вонъ они, вонъ, триста шаговъ отсюда, по дорогѣ, у Маршъ-ле-Дамъ. Видите ихъ? Выпьемъ!

— Пей!—говориль Уленспигель:—пей! Я пью за короля, за герцога, за проповѣдниковъ, за „стальной вѣтеръ“. Пью за мое здоровье, за твое здоровье, за вино, за бутылку! Да ты не пьешь совсѣмъ!

И при каждой здравицѣ Уленспигель наполняль бокаль хозяина, и тотъ выпиваль залпомъ.

Нѣкоторое время Уленспигель пристально смотрѣль на него, потомъ всталъ и сказалъ:

— Онъ спить! Пойдемъ, Ламме.

Выйди на дорогу, онъ сказалъ:

— У него нѣтъ жены, которая можетъ выдать насъ... Скоро ночь... Ты слышалъ, что говорилъ этотъ негодяй, и знаешь, что это за три проповѣдника?

— Да,—отвѣтилъ Ламме.

— Ты знаешь, что они идутъ отъ Маршъ-ле-Дамъ по берегу Мааса, и что слѣдуетъ перехватить ихъ по пути, прежде чѣмъ подуетъ „стальной вѣтеръ“?

— Да.

— Надо сласти принца!

— Да.

— Возьми мой мушкетъ и засидь тамъ, въ кустахъ между скаль. Заряди двумя пулями и, когда я каркну ворономъ, стрѣлай.

— Хорошо,—сказаль Ламме.

И онъ исчезъ въ кустахъ, и Уленспигель услышалъ, какъ щелкнуль курокъ.

— Идутъ, видишь?—спросилъ онъ.

— Да, вижу. Ихъ трое, въ ногу идутъ, какъ солдаты, одинъ выше другихъ на голову.

Уленспигель, вытянувъ ноги, сѣлъ у дороги и бормоталъ молитвы, перебирая четки, какъ дѣлають нищіе. Его шляпа лежала у него на колѣняхъ.

Когда три проповѣдника проходили мимо, онъ проткнулъ имъ шляпу, но они не подали ему ничего.

Тогда онъ привсталъ и жалобно сказалъ:

— Благодѣтели, подайте грошикъ каменолому, который недавно сломалъ себѣ ноги, упавъ въ яму. Здѣсь народъ такой жестокосердый, никто не хочетъ подать милостыню, чтобы смягчить мои страданія. Ахъ, подайте грошикъ, буду за васъ Бога молить. Господь даруетъ вамъ долгую и радостную жизнь, благодѣтели!

— Сынъ мой,—сказалъ одинъ изъ проповѣдниковъ, высокій, широкоплечій человекъ:—не будетъ намъ на этой землѣ радости, пока властвуютъ на ней пана и инквизиція.

Уленспигель вздохнулъ опять и сказалъ:

— О, что вы говорите, благодѣтели? Молю васъ, говорите по тише! Пожалуйте грошикъ бѣдняку!

— Сынъ мой,—сказалъ низенькій проповѣдникъ съ воинственнымъ лицомъ:—мы—бѣдные подвижники, и денегъ у насъ ровно столько, сколько необходимо на дорогу.

Уленспигель опустилсѣ на колѣни.

— Такъ благословите меня,—сказалъ онъ.

Три проповѣдника простерли руки надъ головой Уленспигеля, безъ всякаго однако благоговѣнія.

Тутъ онъ замѣтилъ, что, несмотря на ихъ худобу, у нихъ обширные животы, и, вставая, онъ какъ бы остунилсѣ, ткнулся головой въ животъ высокаго проповѣдника и услышалъ тамъ веселый звонъ денегъ.

Тутъ онъ выпрямилсѣ, вытащилъ свою шпагу и сказалъ:

— Разлюбезные отцы, холодно на дворѣ; вы одѣты хорошо, а я плохо. Пожалуйте-ка мнѣ вашу шерсть, я сдѣлаю себѣ плащъ. Я вѣдь нищій, то-есть гѣзь. Да здравствуютъ гѣзы!

— Ты, хоть и гѣзь, а задираешь свой носъ слишкомъ высоко; придется намъ отрубить его тебѣ.

— Отрубить!—крикнулъ Уленспигель и сдѣлалъ шагъ назадъ:—смотрите, „стальной вѣтеръ“ раньше подуетъ на васъ, чѣмъ на принца. Я гѣзь, и да здравствуютъ гѣзы!

Испуганные проповѣдники заговорили между собой:

— Откуда онъ знаетъ? Насъ выдали? Бей его! Да здравствуетъ пана!

И они вытащили из-под платья блестящие, острые клинки.

Но Уленспигель не ждал их и отбѣжалъ къ кустамъ, гдѣ скрывался Ламме, и, когда проповѣдники приблизились къ нимъ какъ разъ на выстрѣль, онъ крикнулъ:

— Воронье, черное воронье, вотъ подуесть свинцовый вѣтеръ, а не стальной. Пою вамъ зауспокойную!

И онъ каркнулъ ворономъ.

Изъ кустовъ раздаеся выстрѣль: высокій упалъ на землю. Второй выстрѣль положилъ другого.

Уленспигель увидѣлъ въ кустахъ добродушное лицо Ламме и его руку, подыавшуюся при свѣшномъ заряденіи.

Синеватый дымокъ виселъ надъ черными кустами.

Третій проповѣдникъ съ мужественной иростью бросился на него, но Уленспигель сказалъ:

— Стальной вѣтеръ или свинцовый—какой-нибудь ужъ перенесетъ тебя на тотъ свѣтъ, подлый наемный убійца!

И онъ бросился на противника и стойко защищался.

Стои другъ противъ друга поперекъ дороги, не отрывал другъ отъ друга глазъ, они наносили и отражали удары. Уленспигель былъ уже покрытъ кровью, такъ какъ противникъ его былъ умѣлый боецъ и ранилъ его въ ноги и голову. Но онъ бился, какъ левъ. Кровь съ головы заливала ему глаза и мѣшала видѣть. Большимъ прыжкомъ онъ отскочилъ въ сторону, чтобы имѣть маленькую передышку, отеръ лѣвой рукой кровь и побѣжалъ. Но онъ чувствовалъ, что слабѣетъ. И онъ былъ бы убитъ, если бы Ламме новымъ выстрѣломъ не уложилъ противника.

И Уленспигель видѣлъ и слышалъ, какъ тотъ изрыгаетъ кровь, проклятія и предсмертную нѣну.

И синеватый дымокъ вновь поднялся надъ темнымъ лѣсомъ, и вновь показалось добродушное лицо Ламме.

— Дѣло сдѣлано?—спросилъ онъ.

— Да, сынъ мой,—отвѣтилъ Уленспигель:—но подожди-ка...

Выйдя изъ засады, Ламме увидѣлъ, что Уленспигель покрытъ кровью. Съ быстротой оленя бросился онъ, несмотря на свое брюхо, къ Уленспигелю, сидѣвшему среди труповъ.

— Милый другъ мой раненъ, раненъ этимъ негодиемъ,—приговаривалъ Ламме. Ударомъ ноги онъ вышибъ зубы одному изъ убитыхъ и продолжалъ:—Ты молчишь, Уленспигель! Умираешь ты, сынъ мой? Гдѣ бальзамъ? Ага, въ мѣшкѣ, подъ колбасами. Уленспигель, ты не слышишь меня? Ахъ, нѣтъ теплой воды обмыть твои раны и нѣтъ возможности добыть ее. Но пригодится и вода изъ Самбры. Говори, милый другъ! Не

такъ же ты тяжело раненъ? Водички, такъ,—холодна, не правда ли? О, приходитъ въ себя. Это я, сынъ мой. Твой другъ. Всѣ убиты, всѣ. Полотна бы, полотна перевязать твои раны. Нѣту. Ну, мою рубашку,—и онъ раздѣлся и потомъ продолжалъ:—На куски рубашку. Кровь остановилась. Не умереть мой другъ.

— Ой, какъ мерзнетъ спина на свѣжемъ воздухѣ! Скорѣе одѣться. Не умереть онъ, нѣтъ. Это я, Уленспигель, твой другъ Ламме. Смѣется. Оберу убійцъ. У нихъ животы полны золота. Золотыя книжки—дукаты, флорины, талеры—и письма. О, теперь мы богаты. Больше трехсотъ дукатовъ. И деньги заберемъ и оружiе. „Стальной вѣтеръ“ не коснется принца.

Уленспигель всталъ, дрожа отъ холода.

— Вотъ ты на ногахъ,—сказалъ Ламме.

— Бальзамъ дѣйствуетъ.

— Бальзамъ мужества.

И, взявъ трупы проповѣдниковъ, онъ бросилъ ихъ одинъ за другимъ въ расщелину скалы вмѣстѣ съ ихъ оружiемъ и одеждой, кромѣ плащей.

Вокругъ нихъ, чуя добычу, каркали въ небѣ вороны.

И Самбра, какъ рѣка стали, текла вдаль подъ сѣрымъ небомъ. Пошелъ снѣгъ и смылъ кровь.

И все же они оба были удручены.

— Миѣ легче убить курицу, чѣмъ человѣка,—сказалъ Ламме.

И они сѣли на ословъ.

Еще у воротъ Гюи текла кровь у Уленспигеля. Поэтому они разыграли ссору, соскочили съ ословъ и, съ искусственной яростью, дрались мечами.

Потомъ, покончивъ бѣй, они опять сѣли на ословъ, предъявили у воротъ паспорта и вѣхали въ городъ.

И женщины, видя кровавыя раны Уленспигеля и побѣдоносную осанку Ламме, переполнились состраданiемъ къ побѣжденному, показывали Ламме кулаки и говорили:

— Этотъ злодѣй изранилъ своего прiятеля.

Ламме безпокойно искалъ, нѣтъ ли среди нихъ его жены. Но все было напрасно, и онъ тосковалъ.

XXIII.

— Теперь куда?—спросилъ Ламме.

— Въ Маастрихтъ,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Но тамъ войско Альбы, и самъ онъ, говорятъ, въ городѣ. Нашихъ паспортовъ будетъ недостаточно. Если испанскiе солдаты даже впустятъ насъ, то насъ все-таки задержать въ го-

родѣ и будутъ допрашивать. Тутъ дойдетъ вѣсть о гибели проповѣдниковъ, и тогда мы пропали.

— Вороны, сычи и коршуны скоро расклюютъ ихъ трупы. Лица ихъ, вѣрно, уже неузнаваемы. Паспорта наши хоть и не плохи, но ты, пожалуй, правъ: когда узнаютъ объ убійствѣ, возмутся за насъ. И все-таки намъ надо пробраться черезъ Ланденъ въ Маастрихтъ.

— Насъ повѣсятъ.

— Прoberемъ, — отвѣтилъ Уленспигель.

Такъ разсуждая, они добрались до корчмы „Сорока“, гдѣ нашли добрую ѣду, пріютъ и кормъ для ословъ.

Наутро они выѣхали въ Ланденъ.

Когда они приблизились къ большой усадьбѣ, Уленспигель засвисталъ жаворонкомъ, и тотчасъ оттуда отвѣтили пѣтушинымъ крикомъ. Фермеръ съ добродушнымъ лицомъ показался у воротъ и сказалъ:

— Такъ какъ вы вольные друзья, то: да здравствуетъ гѣзъ! Заходите.

— Кто это? — спросилъ Ламме.

— Томасъ Утенгове, мужественный реформатъ, — отвѣтилъ Уленспигель: — его работники, какъ и онъ, борются за свободу совѣсти.

— Вы отъ принца, — сказала Утенгове: — поѣшьте, выпейте.

И ветчина зашипѣла на сковородкѣ и колбаса вмѣстѣ съ нею; явилось вино и наполнило стаканы. И Ламме пилъ, какъ сухой песокъ, и ѣлъ соответственно.

Батраки и служанки усадьбы поочередно совали носъ въ дверную щелку и смотрѣли на трудящихся челюсти. И работники говорили съ завистью, что этакъ и они не прочь потрудиться.

Покончивъ ѣду, Томасъ Утенгове сказалъ:

— Сто крестьянъ на этой недѣлѣ отправятся отсюда якобы починять плотины въ Брюгге и окрестностяхъ. Они раздѣлятся на партіи по пять-шесть человекъ и пойдутъ разными дорогами. Въ Брюгге будутъ ихъ ждать суда, которыя перевезутъ ихъ моремъ въ Эмденъ.

— Будутъ у нихъ деньги и оружіе? — спросилъ Уленспигель.

— По десять флориновъ и большому ножу у каждаго.

— Господь и принцъ вознаградятъ тебя, — сказалъ Уленспигель.

— Я о наградѣ не думаю, — отвѣтилъ Томасъ Утенгове.

— Какъ это вы дѣлаете, — спросилъ Ламме, дожевывая толстую кровяную колбасу: — какъ это вы дѣлаете, любезный хо-

заянть, что у васъ это блюдо получается такое сочное, душистое и пѣжное?

— Это оттого, — отвѣтилъ хозяинъ, — что мы его заправляемъ майораномъ и корицей.

И обратился къ Уленспигелю съ вопросомъ:

— А что, Эдзаръ графъ Фрисландскій все еще другъ принцу?

— Онъ не выказываетъ этого, но укрываетъ въ Эмденѣ корабли принца, — отвѣтилъ Уленспигель и прибавилъ: — Намъ надо въ Маастрихтъ.

— Это невозможно, — сказала хозяйнѣ: — войско герцога стоитъ вокругъ города и въ окрестностяхъ.

Онъ повелъ ихъ на чердакъ и оттуда показалъ вдали знамена и значки пѣхоты и конницы, передвигающихся въ полѣ.

— Я проберусь, — отвѣтилъ Уленспигель, — если вы, благодаря вашему вліянію, добудете мнѣ разрѣшеніе жениться. Невѣста должна быть хороша собой, мила и добра, и должна выразить желаніе выйти за меня, хотя бы всего на недѣлю.

— Не дѣлай этого, сынъ мой, — сказала, вздохнувъ, Ламме: — она покинетъ тебя, и пламя любовное изсушитъ тебя. Постель, на которой ты спишь такъ сладко, станетъ колючимъ ложемъ, отнявъ у тебя твой тихій сонъ.

— Нѣтъ, надо, — сказала Уленспигель.

И Ламме, не найдя больше ничего на столѣ, погрузился въ глубокую тоску. Однако вскорѣ онъ нашелъ на блюдѣ какія-то лакомства и мрачно жевалъ ихъ.

— Итакъ, выпьемъ, — сказала Уленспигель Томасу Утенгове: — вы, стало-быть, добудете мнѣ жену, богатую или бѣдную. Съ нею я пойду къ попу въ церковь, чтобы онъ обвинялъ насъ. Онъ выдастъ намъ брачное свидѣтельство, которое не имѣетъ значенія, такъ какъ онъ папскій инквизиторъ. Тамъ будетъ сказано, что мы оба добрые христіане, что мы исповѣдывались и причащались по законамъ святой матери нашей, римской церкви, сжигающей своихъ дѣтей живьемъ, согласно правиламъ апостольскимъ, и такимъ образомъ достойны благословенія святого отца нашего, папы римскаго, воинства земного и небеснаго, канониковъ, поповъ, монаховъ, наемниковъ, шпіоновъ и прочей мрази. Съ этимъ свидѣтельствомъ въ рукахъ мы станемъ устраивать наше свадебное путешествіе.

— А невѣста? — спросилъ Томасъ Утенгове.

— Невѣсту ты мнѣ раздобудешь. Итакъ, я беру двѣ повозки, увитыя ельникомъ, остролистникомъ, бумажными цвѣтами, и сажаю туда нѣсколько человѣкъ, которыхъ ты хотѣлъ бы отправить къ принцу.

— Но невѣста?

— Она здѣсь, вѣроятно. Итакъ, въ одну повозку я впрягу пару твоихъ лошадей, въ другую—пару нашихъ ословъ. Въ первой усадемся я, моя жена, мой другъ Ламме и свидѣтели; въ другой—дудочки, свирѣльщики и барабанщики. Затѣмъ подъ звуки пѣнія и барабановъ, среди весело развѣвающихся свадебныхъ флаговъ, съ выпивкой помчимся мы по большой дорогѣ, которая ведетъ или на Galgen-Velth, поле висѣлицъ, или къ свободѣ.

— Постараюсь помочь тебѣ,—сказалъ Томасъ Утенгове:—но жены и дочери захотятъ ѣхать съ мужчинами?

— Господь охранить насъ,—вмѣшалась хорошенькая дѣвушка, просунувшая голову въ дверь.

— Если надо, можно и четыре повозки собрать,—сказалъ Томасъ Утенгове:—тогда мы отправимъ болѣе двадцати пяти человѣкъ.

— Альба останется въ дуракахъ,—воскликнулъ Уленспигель.

— А флотъ принца получить нѣсколькими добрыми войсками больше,—отвѣтилъ Томасъ Утенгове.

И, созвавъ колоколомъ своихъ батраковъ и дѣвушекъ, онъ обратился къ нимъ:

— Послушайте, люди зеландскіе, мужчины и женщины, вы видите предъ собой Уленспигеля, который собирается проѣхать вмѣстѣ съ вами въ свадебномъ поѣздѣ чрезъ войско герцога.

И люди зеландскіе, мужчины и женщины, въ одинъ голосъ вскричали:

— Безъ страха за жизнь! Мы готовы.

И мужчины переговаривались между собой:

— Вотъ радость: мы смѣнимъ землю рабства на море свободы. Если Богъ за насъ, то кто противъ насъ?

И женщины и дѣвушки говорили:

— Пойдемъ за нашими мужьями и мильми. Зеландія—наша родина—дастъ намъ пріютъ.

Уленспигель замѣтилъ одну молоденькую, славенькую дѣвушку и, какъ бы шутя, обратился къ ней:

— Пойдешь за меня?

Но она отвѣтила, краснѣя:

— Пойду, только повѣнчаемся въ церкви.

Женщины говорили, смѣясь:

— Сердце влечетъ ее къ Гансу Утенгове, сыну хозяина. Вѣрно, и онъ ѣдетъ.

— Ъду,—сказалъ Гансъ.

— Поѣзжай,—сказалъ отецъ.

И мужчины надѣли праздничную одежду, бархатныя куртки

и штаны, а поверхъ всего длинныя плащи и широкополыя шляпы, защищающія отъ солнца и дождя. Женщины надѣли черныя чулки и вырѣзные башмаки; на лбу у нихъ были большія узорныя золотыя бляхи, которыя дѣвушки носятъ слѣва, замужнія женщины—справа; затѣмъ на нихъ были бѣлыя брыжки, пурпурныя и голубыя нагрудники, вышитыя золотомъ, черныя суконныя юбки съ широкими бархатными нашивками того же цвѣта. Башмаки были бархатныя съ серебряными пряжками.

Затѣмъ Томасъ Утенгове отправился въ церковь къ патеру и просилъ его за два „риксдалера“, тутъ же врученныя ему, незамедлительно обвинять Тильберта, сына Клааса,—т. е. Уленспигеля,—и Таннекинъ Питерсъ, на что патерь выразилъ согласіе.

И такъ Уленспигель во главѣ всего свадебнаго шествія направился въ церковь и обвинчался съ Таннекинъ, изящной, милой, хорошенькой и полденькой Таннекинъ, въ щеки которой онъ готовъ былъ впиться зубами, какъ въ помидоръ. И онъ нашептывалъ ей, что изъ преклоненія предъ ея нѣжной красотой не рѣшается сдѣлать это. А она шути отвѣчала:

— Оставьте меня, Гансъ смотритъ такъ, какъ будто готовъ убить васъ.

И одна завистливая дѣвушка шепнула:

— Ищи подальше; не видишь развѣ, что она боится своего милаго?

Ламме потиралъ руки и покрикивалъ:

— Не всѣ же онъ достанутся тебѣ, капалья!

И былъ въ восторгѣ.

Уленспигель покорно снесъ свою неудачу и возвратился съ свадебнымъ шествіемъ въ усадьбу. Здѣсь онъ пѣлъ, бражничалъ, веселился, пилъ за здоровье завистливой дѣвушки. Это было очень пріятно Гансу, но не Таннекинъ и не жениху завистливой дѣвушки.

Около полудня, при свѣтломъ сіяніи солнца и свѣжемъ вѣтеркѣ, съ развѣвающимися флагами, веселой музыкой свирѣлей, волюнокъ и дудокъ, двинулись въ путь въ повозкахъ, увитыхъ ельникомъ и цвѣтами.

Въ лагерѣ Альбы былъ другой праздникъ: развѣдчики и дозорныя трубили тревогу, прибѣгали одинъ за другимъ, доносили:

— Непріятель близокъ. Мы слышали бой барабановъ и свистъ свирѣли и видѣли знамена. Сильный отрядъ конницы приближается, чтобы заманить насъ въ ловушку. Главныя силы расположены, вѣроятно, подальше.

Немедленно герцогъ разослалъ извѣстіе командирамъ всѣхъ

частей, приказавъ выстроить войско въ боевой порядокъ и разослать развѣдочные отряды.

И вдругъ прямо на линію стрѣлковъ вынеслись четыре повозки. Онѣ были полны мужчинъ и женщинъ, которые плясали, размахивали бутылками, дули въ дудки, били въ бубны, свистѣли въ свирѣли, гудѣли въ гудки.

Свадебный поѣздъ остановился, самъ Альба вышелъ на шумъ и на одной изъ четырехъ повозокъ увидѣлъ новобрачную. Рядомъ съ ней была Уленспигель, ея супругъ, украшенный цвѣтами, крестьяне и крестьянки сошли на землю и угощали солдатъ виномъ.

Альба и его свита были изумлены глупостью этого мужицка, которое могло плясать и веселиться, когда все вокругъ нихъ ждало боя.

Участники свадебнаго кутежа роздали солдатамъ все свое вино, и тѣ благодарили и восхваляли ихъ.

Когда выпивка кончилась, крестьяне и крестьянки опять усѣлись въ повозки и, безъ малѣйшей задержки, унеслись при звукѣ бубновъ, дудокъ и волюнокъ.

И солдаты весело провожали ихъ, чувствуя новобрачныхъ залпами изъ аркебузовъ.

Такъ прибыли они въ Маастрихтъ, гдѣ Уленспигель снесся съ довѣренными реформатовъ о доставкѣ оружія и пушекъ кораблямъ Оранскаго.

То же сдѣлали они въ Ланденѣ.

И такъ разъѣзжали они повсюду въ крестьянскихъ одеждахъ.

Герцогъ узналъ объ ихъ продѣлкѣ, и обо всемъ этомъ сложили и переслали ему пѣсенку, съ такимъ припѣвомъ:

Герцогъ Альба, кровавый болванъ,
Видѣлъ ты невѣсту, злой истуканъ?

И всякій разъ, какъ онъ дѣлалъ какую-нибудь ошибку, солдаты пѣли:

Какъ невѣсту увидаль,
Герцогъ разумъ потерялъ!

XXIV.

А король Филиппъ пребывалъ въ неизмѣнной злобной тоскѣ.

Въ безсильномъ честолюбіи молилъ онъ Господа какъ-нибудь даровать ему мощь побѣдить Англію, покорить Францію, завоевать Миланъ, Геную и Венецію, стать владыкой морей и царить надъ всей Европой.

Но и въ мысляхъ объ этомъ торжествѣ онъ не улыбался.

И вѣчно знобило его; не согрѣвало его ни вино, ни пламя

душистаго дерева, вѣчно горѣвшее въ залѣ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Здѣсь сидѣлъ онъ среди такого множества писемъ, что цѣлыя бочки можно было бы ими наполнить, и писалъ неустанно, все думая о владычествѣ надъ міромъ, какое принадлежало римскимъ императорамъ; думалъ онъ и о своей ревливой ненависти къ сыну своему донъ-Карлосу, который все хотѣлъ отправиться на смѣну герцогу Альбѣ въ Нидерланды, конечно, затѣмъ—такъ думалъ король—чтобы сдѣлать попытку овладѣть тамъ властью. И онъ видѣлъ предъ собой сына, уродливаго, отвратительнаго, въ безуміи бѣснующагося, злобнаго—и ненависть его возрастала. Но онъ никому не говорилъ объ этомъ.

Приближенные, служившіе королю Филиппу и сыну его донъ-Карлосу, не знали, кого изъ нихъ бояться больше, сына ли, юркаго насильника, который самъ набрасывался на своихъ слугъ, чтобы искровинить имъ лицо ногтями, или трусливаго, коварнаго отца, который билъ только чужими руками и, точно гіена, жилъ трунами.

Слуги вздрагивали, когда видѣли, какъ они вьются одинъ вокругъ другого. И они говорили, что скоро въ Эскуриалѣ будетъ покойникъ.

И вскорѣ они узнали, что донъ-Карлосъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, брошенъ въ темницу.

Узнали они также, что мрачная тоска съѣдаетъ его душу, что онъ исковеркалъ себѣ лицо, когда протискивался сквозь прутья тюремной рѣшетки, пытался убѣжать изъ темницы, и что мать его Изабелла Французская исходитъ слезами.

Но король Филиппъ не плакалъ.

Возникъ слухъ, что донъ-Карлосу подали незрѣлыхъ фигъ, и что на слѣдующій день онъ скончался, точно уснулъ. Врачи опредѣлили, что послѣ того, какъ онъ поѣлъ фигъ, сердце его перестало биться, а равно прекратились и инныя жизненныя отправления, требуемыя природою; онъ не могъ больше ни плевать, ни извергать что-либо изъ тѣла рвотой или инымъ путемъ; и животъ его вздулся, и онъ умеръ.

Король Филиппъ прослушать мессу за упокой души донъ-Карлоса, повелѣлъ похоронить его въ часовнѣ королевскаго замка и прикрыть плитой его могилу,—но не плакалъ.

И слуги, насмѣшливо извративъ надгробную надпись на могилѣ принца, говорили:

Здѣсь покоится тотъ, кто фигъ незрѣлыхъ поѣлъ
И умеръ, хотя не болѣлъ.
A qui jaze qui en para desit verdad,
Morio s'in infirmitad.

И король Филиппъ бросалъ похотливые взоры на принцессу Эболи; онъ просилъ у нея любви, и она отдалась ему.

Королева Изабелла, которая, по слухамъ, благопріятствовала замысламъ донъ-Карлоса насчетъ Нидерландовъ, высохла и одрахлабля. Волосы цѣлыми прядями стали разомъ выпадать у нея съ головы. Ее часто рвало, и на рукахъ и ногахъ у нея выпали ногти. И она умерла.

Филиппъ не плакалъ.

И у принца Эболи тоже выпали волосы. Онъ сталъ мраченъ и слезливъ. Потомъ у него выпали и ногти на рукахъ и на ногахъ.

И король Филиппъ повелѣлъ похоронить его.

И онъ утѣшилъ вдову въ ея печали и не плакалъ.

XXV.

Женщины и дѣвушки Дамме пришли къ Неле, спрашивая ее, не хочетъ ли она стать „майской невѣстой“, т. е. спрятаться въ кустахъ съ женихомъ, котораго найдутъ для нея; ибо, — говорили онѣ не безъ зависти, — во всемъ Дамме и округѣ нѣтъ молодого человѣка, который не радъ былъ бы на ней жениться, такъ она мила, свѣжа и умна. Все это, конечно, даръ колдуньи.

— Кумушки, — отвѣтила Неле, — скажите молодымъ людямъ, которые готовы посвататься ко мнѣ, что сердце Неле не здѣсь, а съ тѣмъ, кто скитается вдали ради освобожденія родины. А если я, какъ вы говорите, свѣжа и молода, то этимъ я обязана не волшебству, а моему здоровью.

— Все же Катлина на подозрѣніи, — отвѣтили кумушки.

— Не вѣрьте злымъ наговорамъ, — возразила Неле: — Катлина не колдунья. Господа судейскіе жгли паклю на ея головѣ, а Господь Богъ поразилъ ее безуміемъ.

И Катлина кивала головой изъ угла, гдѣ она сидѣла съжившись, и говорила:

— Уберите огонь; вотъ онъ скоро вернется, Гансикъ милый мой.

На вопросъ женщинъ, кто это Гансикъ, Неле отвѣтила:

— Это сынъ Клааса, мой молочный братъ; она вообразила, что потеряла его съ тѣхъ поръ, какъ Господь поразилъ ее.

И женщины въ добротѣ душевной подали Катлинѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Она же показывала кому-то, кого никто не видѣлъ, новыя монетки и приговаривала:

— Я богата, блеститъ у меня мое серебро. Приди, Гансикъ, милый мой, и заплачу тебѣ за твою любовь.

И Неле плакала въ одинокомъ домикѣ, когда ушли жен-

шины. Она думала объ Уленспигель, который скитается гдѣ-то вдали, а она не можетъ быть при немъ, и о Катлинѣ, которая все вздыхаетъ и стонетъ: „Уберите огонь!“, и часто прижметъ такъ обѣ руки къ груди, показывая, какъ бушуетъ въ ея головѣ и всею тѣлою пламя безумія.

Между тѣмъ „майская невѣста“ и ея женихъ спрятались въ кустахъ, и та или тотъ, которые находили кого-нибудь изъ нихъ, становились, смотря по ихъ полу и полу найденнаго, кородемъ или королевой праздника.

Неле слышала радостные возгласы парней и дѣвушекъ, когда „майская невѣста“ была найдена въ оврагѣ, скрытая зарослями.

И она плакала, вспоминая о той сладостной порѣ, когда невѣсту искали она и Уленспигель, ея милый.

XXVI.

Въ это время опъ и Ламме — нога слѣва, нога справа — ѣхали верхомъ на своихъ ослахъ.

— Слушай, Ламме,—сказалъ Уленспигель:—нидерландское дворянство изъ зависти къ Молчаливому измѣнило дѣлу союзниковъ, предало священный союзъ, достославное соглашеніе, заключенное ради спасенія отечества. Эгмонтъ и Горитъ стали также предателями, но это не много принесло имъ пользы; Бредероде умеръ, и продолжать эту войну некому, кромѣ бѣднаго народа Фландріи и Брабанта, ожидающаго честныхъ вождей, чтобы двинуться впередъ, да еще острововъ, да, сынъ мой, острововъ Зеландіи, да еще Сѣверной Голландіи, губернаторомъ которой состоитъ принцъ, а дальше на морѣ — Эдзарда, графа Эмдена и восточной Фрисландіи.

— Ахъ,—сказалъ Ламме:—я вижу совершенно ясно, что мы вертимся между костромъ, веревкой и плахой, умираемъ съ голоду, изнываемъ отъ жажды и не имѣемъ никакой надежды на миръ и спокойствіе.

— Это еще только начало,—отвѣтилъ Уленспигель:—прими благосклонно въ соображеніе, что все это вѣдь пустяки для насъ: не мы ли избываемъ нашихъ враговъ, не мы ли издѣваемся надъ ними; не наши ли кошельки полны нынѣ золота; не пресыщены ли мы мясомъ, пивомъ, виномъ и водкой? Чего тебѣ еще, перина ты ненасытная? Не продать ли нашихъ ословъ и купить лошадей?

— Сынъ мой,—отвѣтилъ Ламме:—лошадиная рысь въскольکو жестка для человѣка моего объема.

— Ну, и сиди на своемъ ослѣ, какъ это дѣлаютъ мужики, и смѣяться надъ тобой никто не будетъ, пока ты одѣтъ му-

жникомъ и вооруженъ не мечомъ, какъ я, а палкой съ наконецникомъ.

— Сынъ мой,—сказалъ Ламме,—увѣренъ ли ты, что наши паспорта будутъ достаточны въ маленькихъ мѣстечкахъ?

— У меня вѣдь въ запасѣ еще брачное свидѣтельство съ его большой печатью краснаго сургуча, висящей на двухъ пергаментныхъ хвостикахъ, да еще свидѣтельство объ исповѣди. Съ двумя мужами, столь превосходно вооруженными, не сладить солдатамъ и шпионамъ герцога. А черныя четки, которыми мы торгуемъ? Оба мы,—ты фламандецъ, я нѣмецъ,—по особому приказу герцога развѣзжаемъ по странѣ, распространеніемъ священныхъ предметовъ привлекала еретиковъ къ святой католической вѣрѣ. Такимъ образомъ мы проникнемъ повсюду, и къ знатнымъ господамъ и къ жирнымъ аббатамъ, и вездѣ встрѣтитъ насъ благоговѣйное гостепріимство. И мы пронохаемъ ихъ тайны. Оближи свои губки, мой нѣжный другъ.

— Сынъ мой,—сказалъ Ламме,—мы, стало-быть, занимаемся шпионствомъ?

— По законамъ и обычаямъ войны, — отвѣчалъ Уленспигель.

— Но, если сюда дойдетъ исторія о трехъ проповѣдникахъ, намъ не одобровать,—сказалъ Ламме.

Въ отвѣтъ Уленспигель зашѣлъ:

Слово „Жизнь“ я выбралъ девизомъ моимъ,
Пусть сгинуть тоска и печали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали...

Но Ламме стоналъ:

— О, у меня такая тонкая кожа, что малѣйшее прикосновеніе кинжала уже проткнетъ ее. Лучше было бы заняться какимъ-нибудь полезнымъ промысломъ, чѣмъ таскаться по горамъ и доламъ, служа этимъ важнымъ господамъ, которые ходятъ въ бархатныхъ штанахъ и ѣдятъ жирныхъ дроздовъ на золотыхъ блюдахъ. Мы получаемъ за все только пинки, опасности, бой, дождь, градъ, снѣгъ и прочія бродяжныя пехлебки... А у нихъ—колбасы, жирные каплуны, ароматные жаренки, сочныя пуляртки...

— Слюнки текутъ, милый другъ? — сказалъ Уленспигель.

— Гдѣ вы, свѣжія печенія, золотистые пирожки, нѣжные сливочные торты? И гдѣ ты, жена моя?

Уленспигель отвѣтилъ:

— Пепель стучитъ въ мое сердце и влечетъ въ бой. Ты

же, кроткій агнецъ, ты не долженъ мстить ни за смерть твоего отца и матери, ни за горе твоей возлюбленной, ни за твою бѣдность: если тебѣ пугаютъ ужасы войны, пусти меня туда, куда я сказалъ.

— Одного?—спросилъ Ламме.

И онъ вдругъ остановилъ своего осла, который тутъ же сорвалъ пучокъ колючки, густо росшей у дороги. Осель Уленспигеля также остановился и сталъ кормиться.

— Одного?—повторилъ Ламме.—Но ты не оставишь меня одного, это будетъ страшная жестокость. Я ужъ потерялъ мою жену; теперь потерять еще друга—это слишкомъ. Я не буду больше жаловаться, общаю тебѣ клятвенно. И, разъ ужъ такъ приходится,—онъ гордо поднялъ голову,—я тоже пойду подъ пули. Да! И въ чащу мечей—тоже пойду, да! Лицомъ къ лицу съ этими проклятыми наемниками, пьющими кровь, точно волки. И, если когда-нибудь, смертельно раненый, я упаду, истекая кровью, къ твоимъ ногамъ, похорони меня, и когда встрѣтишь мою жену, скажи ей, что я не смогу жить, не будучи къмъ-нибудь любимъ на этомъ свѣтѣ! Нѣтъ, такъ я не могу, сынъ мой Уленспигель!

И Ламме плакалъ, и Уленспигель былъ растроганъ его кроткимъ мужествомъ.

XXVII.

Въ это время Альба раздѣлили свои силы на двѣ арміи, изъ коихъ одну двинулъ въ герцогство Люнебургское, другую въ графство Намюрское.

— Видно, какой-то стратегическій замыселъ, — сказали Уленспигель:—ну, мнѣ все равно, ѣдемъ все-таки въ Маастрихтъ.

Когда они приближались къ городу по берегу Мааса, Ламме замѣтилъ, что Уленспигель внимательно разсматриваетъ все суда, идущія по рѣкѣ, и вдругъ остановился предъ однимъ, на носу котораго было изображеніе сирены. Въ рукахъ у сирены былъ щитъ, на сѣромъ фонѣ котораго вырисовывались золотыя буквы *P.-I.-X.*, означающія именованіе нашего Господа Иисуса Христа.

Подавъ знакъ Ламме остановиться, Уленспигель весело зашвысталъ жаворонкомъ.

На палубѣ показался человекъ и крикнулъ пѣтухомъ. На это Уленспигель сдѣлалъ ему какой-то знакъ, заревѣлъ по-ослиному, указывая при этомъ на толпу народа, кишѣвшую на берегу. Тотъ отвѣтилъ тоже могучимъ ослинымъ ревомъ: i-a! И ослы Уленспигеля и Ламме, настороживъ уши, при-

соединились изъ всёхъ силъ къ этому родному звуку. Проходили женщины, проѣзжали мужчины, сидѣвшіе на лошадахъ, тащившихъ суда, и Уленспигель обратился къ Ламме:

— Этотъ судовщикъ насмѣется надъ нами и нашими ослами. Не отлупить ли намъ его на его баркѣ?

— Пусть лучше онъ сюда придетъ,—отвѣтилъ Ламме.

— Если вы,—посоветовала имъ проходящая женщина,—не хотите вернуться съ переломанными ногами и руками и изувѣченнымъ лицомъ, то оставьте этого Стерке-Пира (Петра Сильнаго) реветъ, сколько его душѣ угодно.

— I-a, i-a, i-a!—реветъ судовщикъ.

— Пусть реветъ,—говорила женщина:—на-дняхъ онъ, на нашихъ глазахъ, поднялъ повозку, нагруженную тяжелыми пивными боченками, и остановилъ на ходу другую, запряженную здоровенной лошадейю. Вонъ тамъ,—она указала на горчму „Синія Башня“,—онъ, бросивъ свой ножъ, на разстояніи двадцати шаговъ пробилъ имъ дубовую доску въ двѣнадцать дюймовъ толщиной.

— I-a, i-a, i-a! — оралъ судовщикъ, и ему вторилъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати, тоже выльзшій на палубу.

— Не боимся мы твоего Петра Сильнаго. Пусть онъ такъ зовется, этотъ Стерке-Пиръ! Мы посильнѣй его—и вотъ предъ тобой мой другъ Ламме, который можетъ пару такихъ слопать безъ отрыжки.

— Чтѣ ты несешь, сынъ мой?—спросилъ Ламме.

— То, чтѣ есть,—отвѣтилъ Уленспигель:—не противорѣчь мнѣ изъ скромности. Да, добрые люди, скоро вы увидите, какъ разоидетъ его рука и какъ онъ обрабатаетъ вашего знаменитаго Стерке-Пира.

— Да помолчи,—сказала Ламме.

— Извѣстна твоя сила, не къ чему ее скрывать,—говорилъ Уленспигель.

— I-a!—завывала судовщикъ.

— I-a!—вторилъ мальчикъ.

Вдругъ Уленспигель снова засвисталъ жаворонкомъ. И мужчины, и женщины, и работники спрашивали въ восхищеніи, гдѣ онъ научился этому небесному пѣнію.

— Въ раю,—отвѣтилъ онъ:—я вѣдь прямо оттуда.

И, обратившись къ судовщику, который, не переставая, реветъ и указывалъ на него пальцемъ, онъ закричалъ:

— Чтѣ жъ ты сидишь тамъ на своей баркѣ, бездѣльникъ? Видно, на землѣ не смѣешь насмѣхаться надъ нами и нашими ослами?

— Ага, не смѣешь!—повторилъ Ламме.

— I-a, i-a! — ревѣлъ тотъ: — пожалуйста-ка сюда, ослы ослиные!

— Дѣлай, какъ я, — шепнулъ Уленспигель Ламме. И онъ закричалъ судовщику: — Если ты Стерве-Ширъ, то я Тиль Уленспигель. А это вотъ наши ослы Іефъ и Янъ, которые ревутъ по-ослиному лучше тебя, ибо это ихъ природный языкъ. А на твою расхлибанную посудину мы не пойдемъ. Это старое корыто переворачивается отъ первой волны и плаваеъ-то бочкомъ, по-крабьи.

— Ну да, по-крабьи, ну да, — кричалъ Ламме.

— Ты что тамъ ворчишь сквозь зубы, кусокъ сала! — крикнулъ судовщикъ Ламме.

Тутъ Ламме пришелъ въ ярость.

— Ты — плохой христіанинъ, коришь меня моей немощью, — кричалъ онъ, — но знай, что это сало — мое сало, отъ моего добраго питанія. А ты, старый ржавый гвоздь, жилъ всю жизнь прокисшими селедками, свѣчными фитилями и тресковой кожей, сколько можно судить по твоей худобѣ, которая видна сквозь дырки въ твоихъ штанахъ.

— Ну, и потасовка будетъ, — говорили прохожіе, полные радостнаго любопытства.

— I-a, i-a! — кричали съ барки.

Ламме хотѣлъ сойти съ осли, набрать камней и швырять въ судовщика.

— Камнями не бросай, — сказала Уленспигель.

Судовщикъ что-то пошепталъ на ухо мальчику, который вмѣстѣ съ нимъ ревѣлъ по-ослиному. Тотъ отвязалъ отъ барки лодку и, умѣло орудуя багромъ, приблизился къ берегу. Подѣхавъ совсѣмъ близко, онъ гордо выпрямился и сказалъ:

— Мой хозяинъ спрашиваетъ васъ, рѣшаетесь ли вы перѣхать на его судно и тамъ помѣряться съ нимъ силами въ бою кулаками и ногами? Эти люди и вотъ женщины будутъ свидѣтелями.

— Мы готовы, — отвѣтилъ Уленспигель съ достоинствомъ.

— Мы принимаемъ бой, — гордо повторилъ Ламме.

Было время обѣда. Рабочіе съ плотинъ и съ верфей, мостовщики, женщины, принесшія горшки съ ѣдой для мужей, дѣти, пришедшія смотрѣть, какъ ихъ отцы будутъ обѣдать бобами и варенымъ мясомъ, всѣ смѣялись и били въ ладоши при мысли о предстоящемъ состязаніи, въ пріятной надеждѣ, что тотъ или другой изъ борцовъ окажется съ разбитой головой или, къ общему удовольствію, свалится въ рѣку.

— Сынъ мой, — сказала Ламме потихоньку, — онъ броситъ насъ въ воду.

— А ты не давайся,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Толстякъ струсиль,—говорили въ толпѣ.

Ламме, все еще сидѣвшій на своемъ ослѣ, обернулся и бросилъ на нихъ сердитый взглядъ, но они смѣялись надъ нимъ.

— Ъдемъ на барку,—сказалъ Ламме:—тамъ видно будетъ, струсиль ли я.

Отвѣтомъ на эти слова былъ новый взрывъ насмѣшекъ, и Уленспигель сказалъ:

— Ъдемъ.

Они сошли со своихъ ословъ и бросили поводья мальчику, который ласково потрепалъ сѣряковъ и повелъ ихъ туда, гдѣ видѣлись колючки.

Уленспигель взялъ багоръ, далъ Ламме войти въ лодку, направить ее къ баркѣ и, вслѣдъ за пыхтящимъ, потнымъ Ламме, поднялся на нее по веревкѣ.

Ступивъ на палубу, Уленспигель наклонился, какъ бы для того, чтобы завязать башмакъ, и прошепталъ при этомъ нѣсколько словъ судовщику, который весело посмотрѣлъ на Ламме. Но затѣмъ онъ осыпалъ его тысячами оскорбленій, называя его бездѣльникомъ, распухшимъ отъ позорнаго ожирѣнія, тюремнымъ завсегдатаемъ, объѣдалой и такъ далѣе.

— Сколько бочекъ ворвани выйдетъ изъ тебя, рыба-китъ, если тебѣ открыть жилу?

Вдругъ Ламме, не говоря въ отвѣтъ ни слова, бросился на него, какъ бѣшеный быкъ, и неистово колотилъ его, нанося удары со всѣхъ сторонъ и изо всѣхъ силъ; очень больно онъ не могъ сдѣлать ему, такъ какъ вслѣдствіе полноты былъ довольно-таки слабъ. Судовщикъ дѣлалъ видъ, что сопротивляется, спокойно давая ему колотить сколько угодно.

Уленспигель же приговаривалъ при этомъ:

— Этотъ бродяга поставитъ намъ выпивку.

И женщины, дѣти и рабочіе, смотрѣвшіе съ берега, говорили:

— Кто могъ думать, что этотъ толстякъ такой бѣшенный?

И они били въ ладоши, а Ламме наскакивалъ, какъ глухой, между тѣмъ какъ его противникъ старался только прикрыть свое лицо. Вдругъ всѣ увидѣли, что Ламме упирается колѣномъ въ грудь Стерке-Пира, одной рукой схватилъ его за горло, а другой приготовился ударить.

— Преси пощады!—кричалъ онъ яростно:— или ты пролетишь у меня сѣвозъ кленки твоего корыта!

Стерке-Пиръ крикнулъ, чтобы показать, что онъ не можетъ говорить, и знакомъ руки просилъ о пощадѣ.

И Ламме великодушно приподнялъ врага. Тотъ поднялся и, обернувшись къ зрителямъ спиной, высунулъ Уленспигелю

языкъ. И Уленспигель хохоталъ, какъ безумный, види, какъ Ламме, гордо потрясая перомъ своего берета, торжественно ходить взадъ и впередъ по палубѣ.

И женщины и мужчины, мальчики и дѣвочки на берегу били въ ладоши изо всѣхъ силъ и кричали:

— Слава побѣдителя Стерке-Пира! Это желѣзный человѣкъ. Видѣли вы, какъ онъ душилъ его кулаками и какъ ударомъ головы опрокинулъ его на спину? Теперь они выпьютъ вмѣстѣ, чтобы заключить миръ. Стерке-Пиръ полѣзъ въ трюмъ и несетъ оттуда вино и колбасу.

И въ самомъ дѣлѣ, Стерке-Пиръ принесъ два стакана и большую кружку бѣлаго маасскаго вина, и Ламме заключить съ нимъ миръ. Ламме былъ въ восторгѣ отъ своей побѣды, отъ вина и колбасы и, указавъ на желѣзную трубу на палубѣ, изъ которой валилъ густой черный дымъ, спросилъ Стерке-Пира, какое это жаркое жарится въ его трюмѣ.

— Боевая закуска, — отвѣтилъ тотъ со смѣхомъ.

Толпа рабочихъ, женщинъ и дѣтей разошлась — кто по домамъ, кто на работу, и вскорѣ изъ устъ въ уста полетѣла молва, что тутъ ѣздитъ на ослѣ одинъ толстякъ, въ сопровожденіи маленькаго богомольца тоже на ослѣ, и онъ сильнѣе Самсона, такъ что надо беречься, какъ бы не задѣть его.

Ламме пилъ и побѣдоносно смотрѣлъ на судовщика.

Вдругъ тотъ сказалъ:

— Ваши ослы соскучились тамъ на берегу.

И, подтянувъ барку къ берегу, онъ вышелъ, взявъ одного осла за переднія и за заднія ноги и понесъ его, — какъ Иисусъ несъ ягненка, — на палубу. То же сдѣлать онъ, совершенно не запыхавшись, съ другимъ осломъ и тогда сказалъ:

— Выпьемъ.

Мальчикъ перепрыгнулъ на палубу.

И они выпили. Ламме былъ нѣмъ и нивкакъ не могъ сообразить, онъ ли это, Ламме Гоодзакъ изъ Дамме, побѣдитель этого богатыря. Онъ только украдкой и ужъ безъ побѣдоноснаго вида посматривать на него, не безъ опасенія, что тому вдругъ придетъ въ голову взять и его, какъ осла, поднять этакъ и бросить въ Маасъ, чтобы отомстить за пораженіе.

Но Стерке-Пиръ весело угощалъ его, и Ламме оправился отъ своего страха и снова смотрѣлъ на него съ горделивой самоувѣренностью.

И Стерке-Пиръ и Уленспигель смѣялись.

Между тѣмъ ослы были очень смущены тѣмъ, что стоятъ на полу, который однако ничѣмъ не напоминаетъ конюшни,

опустили головы и отъ страха не могли пить. Тогда Стерке-Пиръ принесъ имъ два мѣшка съ овсомъ, который былъ запасенъ у него для лошадей, тянущихъ барку, и который онъ купилъ, чтобы съ него не содрали за кормъ погонщики.

Увидѣвъ торбы съ овсомъ, ослы пробормотали молитву, тоскливо посмотрѣли на палубу и отъ страха свалиться не смѣли сдѣлать ни шага впередъ.

— Теперь сойдемъ въ кухню,—сказалъ судовщикъ Уленспигелю и Ламме,—правда, боевую кухню, но ты, мой побѣдитель, можешь спуститься туда безъ страха.

— Я не боюсь и слѣдую за тобой,—сказалъ Ламме.

Мальчикъ сталъ у руля.

Сойди внизъ, они увидѣли вездѣ мѣшки, полные зерна, бобовъ, гороха, свеклы и всякихъ овощей.

Затѣмъ судовщикъ открылъ дверь въ маленькую кузницу и сказалъ:

— Такъ какъ вы смѣлые люди, знаете свистъ вольнаго жаворонка, воинственный крикъ пѣтуха и ревъ покорно работающаго осла, то я вамъ покажу мою боевую кухню. Такая маленькая кузница имѣется почти на всѣхъ судахъ, плавающихъ по Маасу. Она поэтому не внушаетъ подозрѣній, такъ какъ нужна для починокъ на баркѣ. Но не на всѣхъ судахъ есть такіе прекрасные овощи, какіе припасены у меня въ трюмѣ.

И онъ сдвинулъ нѣсколько камней на полу трюма, поднялъ половицу и вытащилъ оттуда связку мушкетныхъ стволовъ, поднялъ ее вверхъ, какъ перышко, уложилъ обратно и сталъ показывать имъ наконечники для коній и алебардъ, клинки мечей, пороховницы, сумки для пуль.

— Да здравствуютъ гѣзы!—воскликнулъ онъ:—вотъ бобы и подлива къ нимъ! Приклады наши—бараны бедра, салатъ—наконечники для алебардъ, а эти стволы—бычьи ребра для похлебки освобожденія! Да здравствуютъ гѣзы! Куда доставить это продовольствіе?—спросилъ онъ Уленспигеля.

— Въ Нимвегенъ, гдѣ ты заберешь еще припасы—настоящіе овощи, которые принесутъ тебѣ крестьяне въ Этсенъ, Стефансвертъ и Руремонде. И они будутъ свистѣть вольными жаворонками, а ты имъ отвѣтишь боевымъ пѣтушинымъ крикомъ. Ты зайдешь къ доктору Понтусу, который живетъ въ Ньюве-Вааль, и скажешь ему, что пріѣхалъ въ городъ съ овощами, но боишься сухости. Пока крестьяне пойдутъ на рынокъ и будутъ тамъ продавать свои овощи такъ дорого, что ихъ никто не купитъ, онъ скажетъ, что тебѣ дѣлать съ

твоимъ оружіемъ. И все же думаю, что онъ, несмотря на опасность, прикажетъ тебя спуститься по Ваалю, Маасу и Рейну и тамъ вымѣнять овощи на сѣти, чтобы имѣть случай обращаться среди гарлингенскихъ рыбацкихъ судовъ, на которыхъ много мориковъ, знающихъ пѣніе жаворонка; дальше придется плыть у самаго берега по-надъ отмелями, пока доберешься до залива Лауэрзее, здѣсь вымѣнять сѣти на желѣзо и свинецъ, переодѣть твоихъ крестьянъ въ другую одежду, чтобы они казались уроженцами острововъ Флиланда, Амеланда, Маркена, ловить у береговъ рыбу и солить ее въ прокъ, но не продавать, ибо „для выпивки свѣжее, для войны соленое“—старое правило.

— Стало-быть, выпьемъ,—сказалъ судовщикъ.

И они опять поднялись на палубу.

Но Ламме былъ грустенъ и вдругъ сказалъ:

— Въ вашей кузницѣ такой жаркій огонь, отличное можно на немъ сварить рагу. Моя глотка жаждетъ похлебки.

— Сейчасъ освѣжу ее,—сказалъ судовщикъ.

И онъ поставилъ передъ нимъ жирную похлебку, въ которой плавалъ толстый ломоть солонины.

Однако, проглотивъ нѣсколько ложекъ, Ламме сказалъ:

— Моя глотка шелушится, языкъ горитъ: это не то, что рагу изъ свѣжаго мяса.

— Сказано есть: „свѣжее для выпивки, соленое для войны“,—сказалъ Уленспигель.

И судовщикъ наново наполнилъ стаканы и провозгласилъ:

— Я пью за жаворонка, птичку свободы!

— Я пью за пѣтуха, боевого трубача,—сказалъ Уленспигель.

— Я пью за мою жену: пусть она никогда не знаетъ жажды, дорогая моя,—сказалъ Ламме.

— Ты пройдешь черезъ Сѣверное море въ Эмденъ; это наше убѣжище,—сказалъ Уленспигель судовщику.

— Море велико,—отвѣтилъ тотъ.

— Велико для боя.

— Съ нами Богъ!—сказалъ судовщикъ.

— Что тогда противъ насъ?—подхватилъ Уленспигель.

— Когда вы ѣдете?—спросилъ судовщикъ.

— Сейчасъ.

— Добраго пути и попутнаго вѣтра. Вотъ вамъ порохъ и пули.

И онъ поцѣловалъ ихъ, свесъ обонхъ ословъ на спинѣ, какъ ягнятъ, на землю и проводилъ Ламме и Уленспигеля.

Свѣз на ословъ, они поѣхали по направленію къ Льежу.

— Сынъ мой,—сказалъ по пути Ламме,—какъ этотъ сильный человѣкъ позволилъ, чтобы я такъ исколотилъ его?

— А это для того, чтобы намъ предшествовала молва о нашей непобѣдимости. Это охранить насъ лучше, чѣмъ двадцать ландскнехтовъ. Кто осмѣлится напасть на могучаго, побѣдоноснаго Ламме,—Ламме, который, подобно быку, однимъ ударомъ, всѣмъ виднымъ, опрокинулъ Стерке-Шира, Петра Сильнаго, который переносить ослонъ точно барашковъ и подымаетъ телѣгу съ пивными бочками? Тебѣ уже знаетъ здѣсь всякій, ты—Ламме Грозный, ты—Ламме Непобѣдимый, и я живу въ тѣни твоей охраны. Всякій на нашемъ пути будетъ насъ знать, никто не осмѣлится косо взглянуть на тебя, и, въ виду всеобщаго мужества рода человѣческаго, ты повсюду будешь встрѣчать лишь любезность и почтеніе, приѣтъ и покорность, приносимые въ дань грозной силѣ твоего кулака.

— Ты говоришь хорошо,—сказалъ Ламме и выпрямился на сѣдлѣ.

— И я говорю истину. Видишь, тамъ любопытныя лица выглядываютъ изъ первыхъ домовъ деревни. Показываютъ на Ламме, грознаго побѣдителя. Видишь, какъ завистливо смотрятъ на тебя мужчины и, труслики, малодушные, снимаютъ предъ тобой шляпу? Кланяйся въ отвѣтъ, Ламме, не презирай слабой толпы. Слышишь, дѣти знаютъ твое имя и въ страхѣ повторяютъ его.

И Ламме гордо фхалъ впередъ и кланялся направо и налево, какъ король. И слухъ о его доблести переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, вплоть до Льежа, Шоке, Невилли, Везена и Намюра. Но они не заѣхали сюда изъ-за трехъ проповѣдниковъ.

Такъ путешествовали они вдоль рѣкъ, каналовъ и протоковъ. И повсюду крикъ пѣтуха отвѣчалъ пѣнію жаворонка. И повсюду ковали, точили, лили оружіе для борьбы за свободу и переносили его на суда.

А отъ таможеннаго дозора его укрывали въ бочкахъ, ящикахъ, корзинахъ.

И вездѣ оказывались добрые люди, принимавшіе его на сохраненіе и прятавшіе въ надежныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ порохомъ и пулями, впредь до той поры, когда пробьетъ часъ, назначенный Господомъ.

И Ламме былъ съ Уленспигелемъ, и вездѣ ему предшествовалъ слухъ о его непобѣдимости. Такъ что въ концѣ концовъ онъ самъ увѣровалъ въ свою могучую силу, сталъ гордъ и воинствененъ и запустилъ бороду. И Уленспигель называлъ его Ламме Левъ.

Но Ламме не утвердился въ своей вѣрѣ, такъ какъ ще-

тина его щекотала, и на четвертый день выбрил у цирюльника свое побѣдоносное лицо. И снова предсталъ онъ предъ Уленспигелемъ, круглый и сѣющій, какъ упитанное солнышко. Такъ они добрались до Стокема.

XXVIII.

При наступленіи ночи они оставили ословъ въ Стокемѣ и прошли въ Антверпенъ.

Здѣсь Уленспигель обратился къ Ламме:

— Смотри, вотъ громадный городъ, который вселенная сдѣлала средоточіемъ своихъ сокровищъ: Здѣсь золото, серебро, пряности, золоченая кожа, гобелены, ковры, занавѣси, бархатъ, шерсть и шелкъ; здѣсь бобы, горохъ, зерно, мясо, мука, кожи; здѣсь вина отовсюду: лувенское, намюрское, люксембургское, льежское, простое вино изъ Брюсселя и Арсхота, вина изъ Бюлэ, виноградники котораго подходятъ къ воротамъ Намюра, вина рейнскія, испанскія, португальскія, арсхотское изюмное вино, которое они тамъ называютъ *ландолуишъ*; бургундское, мальвазія и всякія иныя вина. И набережныя сплошь покрыты товарными складами. Эти богатства земли и человѣческаго труда привлекаютъ сюда со всего свѣта красивѣйшихъ гулящихъ дѣвчонокъ.

— Ты размечтался, — сказала Ламме.

— Среди нихъ я найду Семерыхъ, — отвѣтила Уленспигель: — сказано вѣдь:

Въ слезахъ и крови
Ищи Семерыхъ...

А кто же главнѣйшій источникъ слезъ, какъ не гулящи дѣвчонки? Не у нихъ ли теряютъ бѣдные втюрившіеся мужчины свои прекрасные блестящіе и звенящіе дукаты, свои драгоценности, цѣпи, кольца, не отъ нихъ ли возвращаются они въ отрепеняхъ, голышомъ, обобранные вплоть до рубашки? Куда дѣвалась красная живая кровь, струившаяся въ ихъ жилахъ? Обратилась въ чесночную похлебку. Когда дерутся безжалостнѣе мечомъ, кинжаломъ и ножомъ, чѣмъ за обладаніе ихъ ибжнмъ, сладкимъ тѣломъ? Уносятъ окровавленные и обезкровленные трупы—это трупы безумцевъ, потерявшихъ разумъ отъ любви. Когда отецъ сидитъ мрачно, проклиная кого-то, когда его сѣдые волосы становятся еще бѣлѣе, когда изъ сухихъ глазъ, въ которыхъ горитъ тоска о невозвратно погибшемъ сынѣ, уже не льются слезы, когда рыдаетъ мать, мертвенно-блѣдная и тихая, какъ будто она и не видитъ, сколько еще горя на землѣ, — кто во всемъ этомъ виноватъ?

Гулиція дѣвцы любятъ только деньги и себя и держать на привязи у своихъ золотыхъ посовъ весь мыслящій, трудящійся и философствующій міръ. Да, тамъ таятся Семеро, которыхъ я долженъ найти. Пойдемъ къ гулицимъ дѣвушкамъ, Ламме. Быть-можетъ, тамъ и твою жену найдешь. Будетъ двойной уловъ.

— Пойдемъ,—отвѣтилъ Ламме.

Было это въ іюль, къ концу лѣта, когда отъ солнца уже краснѣютъ листья каштана, птички распѣваютъ на деревьяхъ и малѣйшій жучокъ жужжитъ отъ наслажденія—такъ тепло ему въ травѣ.

Рядомъ съ Уленспигелемъ бродилъ по антверпенскимъ улицамъ Ламме, опустивъ голову и медленно, точно не свое тѣло ему приходится носить, а чуждое.

— Ламме,—сказалъ Уленспигель,—ты все хандрини; развѣ ты не знаешь, что нѣтъ ничего вреднѣе для кожи; если такъ пойдетъ, она слѣзетъ клочьями. И хорошо будетъ, когда о тебѣ станутъ говорить: Ламме облупленный!

— Я голоденъ.

— Пойдемъ закусимъ.

И они пошли въ трактиръ на „Старомъ спускѣ“, ѣли тамъ „choesels“ и пили „dobbel-kuyt“, сколько влѣзло.

И Ламме перестала ныть.

— Благословенно доброе пиво, такъ просвѣтляющее твою душу. Ты смѣешься и перебираешь своимъ пузомъ. Люблю я эту пляску внутренностей,—сказалъ Уленспигель.

— Сынь мой, не такъ еще онѣ бы заплясали, если бы мнѣ посчастливилось найти мою жену,—отвѣтилъ Ламме.

— Чтò жъ, пойдемъ на поиски.

Такъ пришли они къ части города, расположенной по нижней Шельдѣ.

— Видишь,—сказалъ Уленспигель,—этотъ деревянный домикъ съ красивыми оконными переплетами и маленькими стеклами? Посмотри на эти желтыя занавѣски и красный фонарь. Здѣсь, сынь мой, межъ четырехъ бочекъ пива и вина возсѣдаетъ любезнѣйшая хозяйка лѣтъ пятидесяти—дли съ хвостикомъ; каждый годъ она обрастаетъ новымъ слоемъ жира. На бочкѣ горитъ свѣча, а къ стропилу подвѣшенъ фонарь. Тамъ темно и свѣтло: темно, когда любить, и свѣтло, когда платать.

— Значитъ, обитель для чортовыхъ монахинь, и твоя хозяйка—игуменья.

— Да, она во имя Вельзевула ведетъ по пути порока пятнадцать смазливыхъ и любвеобильныхъ дѣвчонокъ, которые

получаютъ у нея пищу и пріютъ, но спать имъ тамъ уже не приходится.

— Ты уже бывалъ въ этой обители?

— Хочу поискать тамъ твою жену. Идемъ.

— Нѣтъ, я уже передумалъ, я не пойду.

— Неужто ты оставишь своего друга одного предъ лицомъ этихъ Астартъ?

— Пусть и онъ туда не лѣзетъ.

— Но если онъ долженъ найти тамъ Семерыхъ и твою жену?

— Я бы лучше поспалъ.

— Такъ войди,—сказалъ Уленсiegель, открылъ дверь и втокнулъ Ламме:—смотри, вонъ сидитъ хозяйка за своими бочками между двухъ свѣчей. Комната велика; на дубовомъ потолкѣ прокопченныя балки. По стѣнамъ—скамьи, шаткіе столы, на нихъ стаканы, кружки, бокалы, рюмки, кубки, чаши, бутылки и прочая посуда. Въ серединѣ также столы и стулья, на нихъ разбросаны чепчики, золотые пояса, бархатныя туфли, волынки и свирѣли. Тамъ, въ углу, лѣстница, ведущая въ верхній этажъ. Маленькій облѣзлый горбунъ играетъ на клавесинѣ, стоящемъ на стеклянныхъ ножкахъ, отчего дребезжитъ его звукъ. Танцуй, толстякъ. Вотъ предъ тобой пятнадцать лихихъ красотокъ: одиѣ на столахъ, другія на стульяхъ верхомъ, стоя, склонившись, облокотившись; третьи валяются на спинѣ или лежатъ на боку, въ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ, съ голыми руками и плечами, съ грудью, обнаженной до пояса... Здѣсь есть на всякій вкусъ: выбирай! У однихъ отблескъ свѣчей, лаская ихъ свѣтлыя волосы, прикрылъ тѣнью темно-синіе глаза, такъ что видно лишь влажное ихъ мерцаніе. Другія, закатывъ глазки къ потолку, мурлычатъ подъ звуки лютни игривую пѣсенку. Третьи, полная, круглая, темноволосыя безстыдницы, пьютъ стаканами амбуазское вино, показывая свои голыя руки, обнаженныя до плечъ, и свои открытыя платья, изъ которыхъ выглядываютъ яблоки ихъ грудей, орутъ безъ стѣсненія во всю глотку, одна за другой или всѣ вмѣстѣ. Послушай ихъ:

„Къ чорту деньги сегодня! Сегодня мы хотимъ любви, любви по нашему выбору; сегодня будемъ любить мальчиковъ, тѣхъ, кто намъ по душѣ. И бесплатно. Ради Создателя и ради насъ, пусть сегодня придутъ къ намъ нахлѣбленные отъ природы мужской силой, и имъ будетъ отдана наша любовь... Вчера мы любили за деньги, сегодня любимъ за любовь... Кто хочетъ пить изъ нашихъ устъ, еще влажныхъ отъ бокала?.. Вино и поцѣлуй—какое роскошное пиршество! Къ чорту вдовъ, которые спятъ въ одиночествѣ!

Сегодня день добрыхъ дѣлъ, юнымъ, сильнымъ, красивымъ открываемъ мы наши объятія! Выпьемъ, дѣвочки!.. Малютка, бьетъ твое сердце тревогу въ этомъ любовномъ бою? Какіе удары! Часъ поцѣлуевъ насталъ! Когда придутъ къ намъ эти полныя сердца и пустые кошельки? Предвкушаете сладостный часъ? Какая разница между юнымъ гѣзомъ-ободранцемъ и господиномъ мареграфомъ? Этотъ платитъ золотомъ, а юный гѣзъ поцѣлуями. Да здравствуетъ гѣзъ! Мертвыхъ въ могилахъ разбудимъ!“

Такъ говорили добрыя, пылкія, веселыя среди этихъ дѣвушекъ, отдавшихъ себя любви.

Но были и инныя среди нихъ,—съ вытянутыми лицами и костлявыми плечами, сдѣлавшія свое тѣло предметомъ корыстной торговли, грошъ за грошомъ конаяція уплату за свои тощія прелести. Эти недовольно ворчали:

— Вотъ ужъ глупо было бы въ нашемъ утомительномъ промыслѣ отказываться отъ платы ради нелѣпныхъ выдумокъ, приходящихъ въ голову похотливымъ дѣвчонкамъ. Пусть сходятъ съ ума, мы не хотимъ на старости лѣтъ валиться въ лохмотьяхъ по канавамъ. Мы хотимъ платы, потому что мы продаемъ. Къ дьяволу даровщину! Все мужчины до одного—уроды, обжоры, пьяницы, вонючки, свиньи, брюзги. Во всѣхъ женскихъ порокахъ они виноваты, только они.

Но тѣ, что помоложе и покрасивѣе, не слушали ихъ и говорили за ѣдой и выпивкой:

— Слышите погребальный звонъ съ соборной колокольни? Мы еще живы! Мертвыхъ въ могилахъ разбудимъ!

Увидѣвъ сразу столько блондинокъ и брюнетокъ, юныхъ и выдающихся женщинъ, Ламме застыдился: онъ опустилъ глаза и крикнулъ:

— Уленспигель, гдѣ ты?

— Давнымъ-давно скончался, милый другъ, — отвѣтила пухленькая дѣвушка, схвативъ его за руку.

— Давно скончался?

— Да, триста лѣтъ тому назадъ, въ одной компаніи съ Яковомъ де-Костеромъ ванъ-Маарландъ.

— Отстаньте, не дергайте меня. Уленспигель, гдѣ ты? Приди къ другу на помощь! Если вы не отстанете, я сейчасъ ухожу.

— Ты не уйдешь, — отвѣчали онѣ.

— Уленспигель! — жалобно взывала Ламме, — гдѣ ты, сынъ мой? Милая, да не дергайте меня такъ за волосы. Увѣряю васъ, это не парикъ. Спасите! Развѣ по-вашему мои уши недостаточно красны, что вы натираете ихъ до крови? Ну вотъ,

теперь другая мучительница. Мнѣ больно. Ой, чѣмъ это мажутъ мнѣ лицо? Зачѣмъ зеркало? Да и черенъ, какъ сажа! Право, я разсержусь, если вы не перестанете. Это же нехорошо такъ мучить человѣка. Ну, отстаньте. Чтò же, развѣ вы станете жирнѣе отъ того, что будете меня со всѣхъ сторонъ дергать за волосы и бросать меня и туда и сюда, какъ ткацкій челнокъ? Ну, довольно, право же, я разсержусь.

— Онъ разсердится, онъ разсердится,—дразнили онѣ его:— онъ разсердится, милый толстячокъ. Ну, не сердись, лучше засмѣйся или спой любовную пѣсенку.

— Колотушечную пѣсню спую, если угодно. Только не трогайте меня.

— Кого изъ насъ ты любишь?

— Никого; тебя—нѣтъ, другую—тоже нѣтъ. Я пожалуюсь начальству, и васъ высѣкутъ.

— Вотъ какъ, высѣкутъ? А если мы тебя раньше насильно поцѣлуемъ?

— Меня?

— Тебя!—закричали онѣ и набросились на него разомъ, красивыя и уродливыя, свѣжія и увидшія, блондинки и брюнетки, швырнули его шляпу вверхъ, его плащъ въ сторону и гладили, ласкали, цѣловали его въ щеки, въ носъ, въ спину, куда попало.

Хозяйка смѣялась, сидя между своихъ свѣчей.

— Помогите!—кричала Ламме:—помоги, Уленспигель, прогони это проклятое бабье! Отстаньте! Не нужны мнѣ ваши поцѣлуи! Я женатъ, слава Создателю, и храню себя для моей жены!

— Женатъ!—закричали онѣ:—но ты такой толстый, что женѣ твоей довольно останется. Дай и намъ кусочекъ. Вѣрная жена—это хорошо, но вѣрный мужъ—это каплуны. Не дай тебѣ Богъ! Выбирай, или мы высѣчемъ тебя!

— Не хочу!

— Выбирай!

— Нѣтъ!

— Меня хочешь?—сказала красивая блондинка:—смотри, я такая добрая и такъ люблю тѣхъ, кто меня любить.

— Отстань.

— Хочешь меня?—спросила хорошенькая брюнетка, темно-глазая, точно ангелами выдѣпленная.

— Не люблю ржаного пряника.

— И меня не хочешь?—спросила пышная дѣвушка, съ густыми сросшимися бровями, большими глубокими глазами, толстыми ярко-красными, точно угли, губами, краснымъ лицомъ.

красной шеей, красными плечами и лбомъ, спяшь прикрытымъ волосами.

— Не люблю накаленныхъ кирпичей.

— Возьми меня,—подскачила дѣвочка дѣтъ шестнадцати съ лицомъ бѣлочки.

— Не люблю орѣходавожь.

— Сѣчь его, сѣчь!—кричали онѣ:—чѣмъ? Хорошими кнутами, сухими ремнями. Это пробереть. Самая толстая шкура не выдержитъ. Десять штукъ возьмите, ослиныхъ и экипажныхъ.

— Спаси, Уленспигель!—вопилъ Ламме.

Но Уленспигель не откликнулся.

— Ты злой,—сказала Ламме и искалъ друга повсюду.

Принесли кнуты. Двѣ дѣвушки начали стаскивать съ Ламме куртку.

— Ахъ,—говорилъ онъ,—бѣдный мой жиръ,—я съ такимъ трудомъ конилъ тебя, а онѣ его, конечно, сгонять своими кнутами. Но мой жиръ вамъ ни къ чему, безжалостныя бабы, даже на соусы онъ не годится.

— Свѣчи изъ него выльемъ,—отвѣчали онѣ:—бесплатное освѣщеніе—это тоже здѣсь недурно. Какал-нибудь изъ насъ скажетъ когда-нибудь, что кнутомъ свѣчи дѣлала, и ее примутъ за сумасшедшую. А мы до смерти объ закладъ будемъ объ этомъ биться и выиграемъ. Намочите розги въ уксусъ. Такъ, куртку долой. У св. Якова быть часъ. Девять. При послѣднемъ ударѣ, если не выберешь, мы начинаемъ.

Трепетно молилъ Ламме:

— Помилуйте, пожалуйста, я поклялся въ вѣрности моей женѣ и сдержу клятву, хотя она, нехорошая, покинула меня. Спаси меня, мой мальчикъ, помоги, Уленспигель!

Но Уленспигель не показывался.

— Вотъ я у вашихъ ногъ,—говорилъ Ламме гуляющимъ дѣвушкамъ:—видано ли большее смиреніе? Не говорить ли это достаточно, что я почитаю васъ, какъ святыхъ, васъ и вашу великую красоту? Счастливъ, кто холостъ и можетъ наслаждаться вашими прелестями! Это подлинно райское блаженство, вѣроятно. Но, молю васъ, не бейте же меня.

Вдругъ раздался громкій и грозный голосъ хозяйки, сидѣвшей между двухъ свѣчей.

— Дѣвушки! Клянусь моимъ великимъ дьяволомъ, если вы немедленно не приведете лаской и нѣжностью этого человѣка къ добру, то-есть въ вашу постель, то я тотчасъ же позову ночныхъ сторожей, чтобъ они тутъ же васъ высѣкли. Вы не стѣйте имени разгульныхъ дѣвчонокъ, если вамъ понапрасну даны пышные губы, сладострастныя руки и горячіе глаза.

которые должны привлекать мужчинъ, какъ свѣтлячки своихъ самцовъ. Безопасно высѣкутъ васъ за глупость.

Тутъ ужъ дѣвушки затрепетали, и Ламме повеселѣлъ.

— Ну что,—сказалъ онъ,—что вы запоете теперь о вашихъ кнутахъ? Я самъ позову ночную стражу. Она исполнить свой долгъ, а я буду помогать. И съ большимъ удовольствіемъ.

Но тутъ хорошенькая дѣвочка лѣтъ пятнадцати бросилась предъ Ламме на колѣни съ возгласомъ:

— Ахъ, господинъ, вотъ и я въ покорности предъ вами. Если вы не смидуетесь, не выберете одну изъ насъ, меня по вашей винѣ высѣкутъ. И хозяйка броситъ меня въ грязное подземелье подъ Шельдой, гдѣ вода капаетъ со стѣнъ и гдѣ меня будутъ кормить однимъ чернымъ хлѣбомъ.

— Правда, что ее будутъ бичевать изъ-за меня, госпожа хозяйка?—спросилъ Ламме.

— До крови,—отвѣтила та.

Тогда Ламме посмотрѣлъ на дѣвушку и сказалъ:

— Я вижу, что ты свѣжа и благоуханна, твои плечи выступаютъ изъ платья, какъ лепестокъ бѣлой розы, и я не хочу, чтобы эта прекрасная кожа, подъ которой струится такая молодая кровь, была истерзана бичомъ, не хочу, чтобы твои свѣтлые глазки, горящіе огнемъ юности, плакали отъ боли подъ ударами, не хочу, чтобы отъ холода тюрьмы дрожало твое тѣло, тѣло богини любви. Поэтому, чѣмъ знать, что тебя бьютъ, лучше ужъ пойду съ тобой...

И дѣвушка забрала его къ себѣ. И такъ согрѣшилъ онъ,—какъ грѣшилъ всю жизнь,—но добротѣ душевной.

Между тѣмъ другъ противъ друга стояли Уленспигель и большая красивая дѣвушка съ волнистыми черными волосами. Дѣвушка молчала и кокетливо поглядывала на Уленспигеля, дѣлая видъ, что онъ для нея не существуетъ.

— Люби меня,—сказалъ онъ.

— Тебя любить, другъ любезный? Ты вѣдь любишь по своей прихоти.

— Птица, летящая надъ твоей головой, споетъ свою пѣсенку и улетаетъ. Такъ и я, милая! Хочешь, споемъ вмѣстѣ?

— Пѣсню смѣха и слезъ? Хорошо.

И она бросилась къ нему на шею.

Между тѣмъ, какъ оба пріятели въ объятіяхъ своихъ возлюбленныхъ изнывали отъ блаженства, вдругъ съ дудками и бубнами ворвалась въ домъ веселая толпа meeseyanger'овъ: такъ называются въ Антверпенѣ птицеловы. Они тѣснились и толкались, пѣли, свистѣли, орали, нищали, ругались. Съ

ними были и корзины и клетки съ пойманными синичками, и совы, которыми они пользуются при ловлѣ, широко раскрывали при свѣтѣ свои золотистые глаза.

Было ихъ человѣкъ десять, этихъ птицелововъ, всѣ съ раздутыми отъ вина и пива лицами, съ дрожащими головами, неустойчивыми ногами. Они такъ орали своими грубыми, надорванными голосами, что ошеломленнымъ дѣвушкамъ казалось, будто это ревутъ звѣри въ лѣсу, а не люди въ ихъ домѣ.

Но такъ какъ онѣ попрежнему переговаривались между собой: „Я возьму только того, кто мнѣ по душѣ... Кого любимъ, тому отдадимся... Завтра богатымъ деньгами, сегодня богатымъ любовью“,—то птицеловы стали кричать:

— У насъ деньги, у насъ и любовь. Значить, наши веселыя дѣвушки. Кто отступитъ, тотъ каплунокъ. Вотъ птички, вотъ охотники. Ура! Впередъ! Да здравствуетъ Брабантъ, земля добраго герцога!

Но женщины насмѣшливо переговаривались:

— Эти противныя рожи собираются насъ слопать. Ну, свиней не кормятъ вареньемъ. Мы возьмемъ тѣхъ, кто намъ по сердцу; васъ не хотимъ. Бочки жира, мѣшки сала, гнутые гвозди, ржавые клинки, отъ васъ несетъ потомъ и грязью. Убирайтесь отсюда; все равно, въ адъ и безъ нашей помощи пойдете!

Но тѣ отвѣчали:

— Сегодня француженки разборчивы. Эй, вы, пресвященныя дамы, можете же вы намъ предоставить то, что каждый день продаете первому встрѣчному.

— Нѣтъ,—возражали дѣвушки:—завтра мы будемъ низкими рабынями служить вамъ по-собачьи, сегодня мы свободныя женщины; проваливайте, и все тутъ!

— Довольно болтать!—кричали тѣ:—кто проголодался?—рви яблочки.

И они бросились на дѣвушекъ, не разбирая ни возраста ни красоты. Но тѣ стояли твердо на своемъ и швыряли имъ въ головы стулья, кружки, стаканы, бутылки, рюмки, чашки, которыя градомъ летѣли въ нихъ, ранили и увѣчили ихъ, выбивали имъ глаза.

На шумъ прибѣжали Ламме и Уленспигель, оставивъ наверху лѣстницы своихъ трепещущихъ возлюбленныхъ. Увидѣвъ, какъ гости дерутся съ дѣвушками, Уленспигель схватилъ во дворѣ метлу, сорвалъ съ нея прутья, далъ Ламме другую, и они безъ милосердія колотили птицелововъ.

Игра показалась побитымъ пьяницамъ не слишкомъ веселой, и этимъ воспользовались худыя дѣвушки, которыя и въ

этотъ день великаго праздника вольной любви, заповѣданнаго природой, хотѣли продавать, а не давать даромъ. Ужами скользили онѣ между ранеными, ласкали ихъ, перевязывали имъ раны, пили съ ними амбуазское вино и въ концѣ концовъ такъ наполнили флоринами и иными монетами свои кошельки, что у тѣхъ не осталось ни ломанаго гроша. А когда прозвонилъ ночной колоколь, онѣ выбросили ихъ за дверь. Уленспигель и Ламме давно ушли тѣмъ же путемъ.

XXIX.

Они направились въ Гентъ и къ разсвѣту пріѣхали въ Локеренъ. Кругомъ земля была покрыта росой; бѣлый, свѣжій туманъ несли надъ полями. Проходя мимо какой-то кузницы, Уленспигель загѣлъ жаворонкомъ, и тотчасъ съдая косматая голова показалась у дверей кузницы, и слабый голосъ воспроизвелъ боевой крикъ пѣтуха.

— Это Смитте (кузнецъ) Вастеле,—сказалъ Уленспигель Ламме,—онъ по цѣлымъ днямъ куетъ лопаты, лемехи, отвалы, а то и прекрасныя церковныя рѣшетки, ночью же иногда изготовляетъ оружіе для бойцовъ за свободу совѣсти. Крѣпкаго здоровья онъ этимъ не навилъ, ибо онъ блѣденъ, какъ привидѣніе, печаленъ, какъ осужденный, и худъ такъ, что кости прорываиваютъ его кожу. Еще не спитъ—вѣрно, всю ночь напролетъ работалъ.

— Войдите,—сказалъ Смитте Вастеле,—а ослось отведете на лужайку за домомъ.

Когда, исполнивъ это, Уленспигель и Ламме вошли въ кузницу, Смитте Вастеле перенесъ въ свой погребъ всѣ мечи, которые онъ наковалъ, и наконечники, которые отлилъ за ночь, потомъ приготовилъ дневную работу для своихъ подмастерьевъ.

Смотря выцвѣтшими глазами на Уленспигеля, онъ спрашивалъ его:

— Какія принесъ ты извѣстія отъ принца

— Принцъ со своимъ войскомъ вытѣсненъ изъ Нидерландовъ влѣдствіе трусости его наемниковъ, которые кричатъ: „Geld, Geld! денегъ!“, когда приходитъ время сражаться. вмѣстѣ со своими вѣрными солдатами, братомъ, графомъ Людвигомъ, и герцогомъ Цвейбрюкенскимъ онъ поспѣшилъ во Францію на помощь гугенотамъ и королю наваррскому. Оттуда онъ прошелъ въ Германію, гдѣ у Диленбурга войско его усилилось бѣженцами изъ Нидерландовъ. Ты перендешь ему оружіе и деньги, собранныя тобой, а мы будемъ бороться на морѣ за дѣло свободы.

— Я сдѣлаю, что надо,—сказалъ Смитте Вастеле:—у меня есть оружіе и девять тысячъ флориновъ. Однако вы вѣдь прѣехали на ослахъ?

— Да.

— А не слышали вы ничего по пути о трехъ проповѣдникахъ, которые убиты, ограблены и брошены въ расщелину скалы у Мааса?

— Да,—съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ сказалъ Уленспигель:—эти три проповѣдника были герцогскіе шпіоны и наемные убійцы, которые должны были отправить на тотъ свѣтъ принца. Мы вдвоемъ, я и Ламме, покончили съ ними. Ихъ деньги у насъ и ихъ бумаги тоже. Мы возьмемъ изъ нихъ столько, сколько надо на дорогу, а остальное пойдетъ принцу.

И Уленспигель распахнулъ куртку свою и Ламме и досталъ оттуда бумаги и пергаменты. Прочитавъ ихъ, Смитте Вастеле сказалъ:

— Здѣсь планы сраженій и заговоровъ. Я переishю ихъ принцу, и онъ узнаетъ, что Уленспигель и Ламме Гоодзакъ, вѣрные бродяги его высочества, спасли его благородную жизнь. Я продамъ вашихъ ословъ, чтобы по нимъ не узнали васъ.

— Развѣ намюрскія власти уже послали сыщиковъ слѣдить за нами?—спросилъ Уленспигель.

— Я расскажу вамъ, что знаю,—отвѣтилъ Вастеле:—недавно изъ Намюра прѣѣзжалъ сюда одинъ кузнецъ, добрый лютеранинъ, подъ предлогомъ привлеченія меня къ изготовленію рѣшетокъ, флюгеровъ и прочихъ кузнечныхъ работъ для крѣпостцы, которую строятъ подлѣ Туръ-де-ла-Плантъ. Ему рассказывалъ служащій суда старшинъ, что тамъ уже собирались по этому дѣлу и допрашивали одного трактирщика, который живетъ неподалеку отъ мѣста убійства. На вопросъ, видѣлъ ли онъ убійцъ, или людей, которые показались ему подозрительными, онъ отвѣтилъ: „Я видѣлъ прѣѣзжавшихъ на ослахъ крестьянъ и крестьянокъ, которые останавливались подлѣ меня напиться и оставались сидѣть на своихъ ослахъ; другіе сходили и пили въ комнатѣ: мужчины—пиво, женщины и дѣвушки—медъ. Какъ-то заѣхали два крестьянина, — порядочные; видно, люди,—и говорили о томъ, что хорошо бы укоротить на локоть господина принца Оранскаго“. При этихъ словахъ трактирщикъ свистнулъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто втыкаетъ кому-то ножъ въ горло. „При „стальномъ вѣтрѣ“,—продолжалъ онъ,—я тайно помогу вамъ, ибо я кой-что могу сдѣлать“. Допросивъ, его отпустили. Послѣ этого судьи, разумѣется, разослали своимъ подчиненнымъ приказы. Трак-

тирчикъ сказалъ, что видѣлъ только крестьянъ и крестьянокъ на ослѣхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что хватать будутъ тѣхъ, кого увидать верхомъ на ослѣ. А вы нужны принцу, дѣти мои.

— Продай ослѣвъ, — сказала Уленспигель, — а деньги сохрани для военной казны принца.

Ослы были проданы.

— Теперь, — сказала Вастеле, — каждый изъ васъ долженъ быть вольнымъ не-цеховымъ мастеромъ; ужьень ты дѣлать птичьи клѣтки и мышеловки?

— Дѣлалъ когда-то, — отвѣтилъ Уленспигель.

— А ты? — обратился Вастеле къ Ламме.

— Я буду продавать eete-koekep и oie-koekep. Это пышки и оладьи, жаренныя въ маслѣ.

— Пойдемте; вотъ здѣсь готовыя клѣтки и мышеловки, инструменты и мѣдная проволока; возьмите сколько надо матеріала, чтобы чинить старыя и дѣлать новыя. Миѣ принесъ все это одинъ изъ моихъ сычнковъ. Вотъ на твою долю, Уленспигель. Чтѣ до тебя, Ламме, то возьми вотъ эту маленькую жаровню и мѣхъ; я дамъ тебѣ и муки и масла, чтобы ты могъ жарить твои пышки и оладьи.

— Онъ самъ все слѣдуетъ, — сказалъ Уленспигель.

— Когда начинаемъ? — спросилъ Ламме.

Вастеле отвѣтилъ:

— Раньше, ночь или двѣ, вы миѣ будете помогать; миѣ одному не справиться съ большой работой.

— Я голоденъ, — сказалъ Ламме: — здѣсь можно поѣсть?

— Есть хлѣбъ и сыръ, — отвѣтилъ Вастеле.

— Безъ масла? — спросилъ Ламме.

— Безъ масла, — отвѣтилъ Вастеле.

— Есть у тебя пиво или вино? — спросилъ Уленспигель.

— Я не употребляю, — отвѣтилъ онъ, — но я пойду въ трактиръ „Пеликанъ“ и принесу вамъ, если хотите.

— Да, и ветчины тоже, — сказала Ламме.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — сказала Вастеле и взглянулъ на Ламме съ великимъ презрѣніемъ.

Однако онъ принесъ пива и ветчины. И Ламме радостно ѣлъ за пятерыхъ.

— Когда же приступимъ къ работѣ? — спросилъ онъ.

— Этой ночью, — сказала Вастеле, — но ты оставайся въ кузницѣ и не бойся моихъ работниковъ. Они такіе же лютеры, какъ и ты.

— Это хорошо, — отвѣтилъ Ламме.

Ночью, когда прозвонилъ вечерній колоколъ и двери были заперты, Вастеле, при помощи Уленспигеля и Ламме, пере-

тащилъ изъ погреба въ кузницу большія связки оружія и сказалъ:

— Надо вотъ починить двадцать стволовъ, перековать двадцать наконечниковъ для коній, отлить полторы тысячи пуль; вотъ и помогайте.

— Обѣими руками, — отвѣтилъ Уленспигель: — зачѣмъ ихъ не четыре у меня?

— А Ламме на что? — сказалъ Вастеле.

— Разумѣется, — отвѣтилъ жалобно Ламме, почти засыпая, такъ ужъ онъ набѣлся и напился.

— Ты будешь лить пули, — сказала Уленспигель.

— Буду лить пули, — повторилъ Ламме.

И Ламме плавилъ свинецъ и лилъ пули и злыми глазами смотрѣлъ на кузнеца Вастеле, который принудилъ его остаться на ногахъ, когда онъ чуть не падалъ отъ усталости. И онъ лилъ пули съ безмолвнымъ бѣшенствомъ, хотя ему очень хотѣлось вылить жидкій свинецъ на голову Вастеле. Но онъ сдержался. Къ полуночи однако, пока Вастеле и Уленспигель терпѣливо чистили стволы и наконечники, ярость Ламме вмѣстѣ съ невыносимой усталостью возросла до послѣдней степени, и онъ шипящимъ голосомъ сталъ держать такую рѣчь:

— Вотъ ты теперь и хилъ, и худъ, и блѣденъ, потому что вѣришь въ благія намѣренія князей и великихъ міра сего, въ чрезмѣрной ревности пренебрегая своимъ тѣломъ, даешь этому благородному тѣлу чахнуть въ нищетѣ и презрѣніи. А вѣдь не для этого создалъ его Господь Богъ съ госпожой Природой. Знаешь ли ты, что душѣ нашей, — она же есть духъ нашей жизни, — нужны для дыханія и мясо, и пиво, и овощи, и ветчина, и вино, и колбасы, и покой — а ты, ты живешь хлѣбомъ, водой и безсонницей.

— Откуда въ тебѣ это пышное краснорѣчіе? — спросилъ Уленспигель.

— Самъ не знаетъ, что говорить, — грустно отвѣтилъ Вастеле.

Но Ламме вскинулъ:

— Знаю лучше твоего. Я говорю, что мы дураки, и я, и ты, и Уленспигель тоже, дураки, что мы стѣнимъ себѣ глаза ради всѣхъ этихъ знатныхъ господъ и князей міра сего, для тѣхъ, кто только смѣется, когда мы на ихъ глазахъдохнемъ и чахнемъ отъ усталости, потому что ковали для нихъ ружья и лили пули. Они въ это время попиваютъ изъ золотыхъ бокаловъ французское вино и ѣдятъ на англійскихъ оловянныхъ тарелкахъ нѣмецкихъ кандуновъ, и знать не знаютъ и знать не хотятъ о томъ, что ихъ враги рубятъ намъ ноги

своими косами и бросают насъ въ могилы, пока мы ищемъ въ воздухѣ Бога, милостью котораго они сильны. И въ это время сами они не реформаты и не кальвинисты, не лютеране и не католики, имъ все это безразлично или внушаетъ только сомнѣнія, — они покупаютъ за хорошія деньги или отвоевываютъ себѣ государства, съѣдаютъ владѣнія монаховъ, аббатовъ и монастырей и забираютъ себѣ все, и женщинъ, и дѣвушекъ, и дѣвокъ. И изъ своихъ золотыхъ кубковъ пьютъ они за свое неисчерпаемое веселье, за нашу непреходящую глупость, тупость и нелѣпность и за всѣ семь смертныхъ грѣховъ, которые они, о, кузнецъ Вастеле, совершаютъ предъ длиннымъ носомъ твоего возвышеннаго настроенія. Смотри, вотъ на лугахъ и поляхъ жатва хлѣбная, фруктовые сады, скотъ, золото, растущее изъ земли; въ лѣсу — дикіе звѣри, птицы въ небесѣхъ, жирныя жаворопки, нѣжныя дрозды, кабаньи головы, олени окорока, — все имъ; охота, рыбная ловля, земля и море, — все имъ. А ты сидишь на хлѣбѣ и водѣ, и мы здѣсь надрываемся на работѣ безъ сна, безъ ѣды, безъ питья. И когда мы умремъ, они дадутъ пинка нашему праху, словно падали, и скажутъ нашимъ матерямъ: „Дѣлайте новыхъ, эти ужь не годятся“.

Улеиспигель смѣялся, не говоря ни слова; Ламме пыталъ отъ негодованія. Но Вастеле сказалъ кратко:

— Легкомысленны твои слова. Я живу не ради ветчины, пива и дроздовъ, но ради торжества свободы совѣсти. Принцъ живетъ ради того же. Онъ жертвуетъ своимъ достоинствомъ, своимъ покоемъ, своимъ счастьемъ, чтобы изгнать изъ Нидерландовъ палачей и тиранию. Дѣлай, какъ онъ, и старайся спустить съ себя жиръ. Не толстымъ брюхомъ спасаютъ родину, а гордымъ мужествомъ и тѣмъ, что безъ ропота несутъ тироты вплоть до смерти. А теперь, если ты усталъ, иди спать.

Но Ламме не хотѣлъ, такъ какъ ему было стыдно.

И они ковали оружіе и лили пули до разсвѣта. И такъ три дня подъ-рядъ.

Затѣмъ они ночью проѣхали въ Гентъ и продавали здѣсь клѣтки, мышеловки и „olie-koekjes“.

Они разстались у Малестее, „города мельницъ“, крыши котораго видны отовсюду, и сговорились весь день отдѣльно торговать своимъ товаромъ, а вечеромъ, передъ вечернимъ колоколомъ, сойтись въ трактиръ de Zwaen, — „Лебедь“.

Ламме, увлеченный своимъ промысломъ, ходилъ по гентскимъ улицамъ, продавалъ олады, разыскивалъ свою жену, осушая множество кружекъ, и ѣлъ не переставая. Улеиспи-

гель доставил письма принца лиценціату медицины Якову Сколапу, портному Ливену Смету, затѣмъ Яну Вульфсхагеру, мастеру красильныхъ дѣлъ Жялю Коорну, черевичнику Яну де-Роозе, и всѣ они передавали ему деньги, собранныя ими для принца, и просили его побыть еще нѣсколько дней въ Гентѣ и его окрестностяхъ—тогда они смогутъ дать ему еще денегъ.

И когда всѣ они впоследствии были повѣшены на Новой Висѣлицѣ за ересь, тѣла ихъ были погребены за городомъ у Брюггскихъ воротъ на полѣ висѣльничковъ.

XXX.

Между тѣмъ рыжій профосъ Снелле со своимъ краснымъ судейскимъ жезломъ разѣзжалъ на своемъ топчѣмъ кофѣ изъ города въ городъ, повсюду воздвигалъ эшафоты, зажигалъ костры, рылъ ямы, въ которыхъ живыми закапывали несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ. И наслѣдство получалъ король.

Сидя какъ-то въ Малестее съ Ламме подъ деревомъ, Уленсигель вдругъ почувствовать глубокую тоску. Хотя на дворѣ стоялъ июнь, было холодно. Съ свинцоваго неба шелъ мелкій градъ.

— Сынъ мой,—началь Ламме,—вотъ ужъ четыре ночи ты безстыдно мотаешься повсюду, сидишь у веселыхъ дѣвицъ, почувешь *In de Zoeten Inval*—въ домѣ „Сладкаго грѣхонаденія“—и вообще поступаешь, какъ тотъ человѣкъ на вывѣскѣ, который падаетъ впередъ головой прямо въ пчелиный рой. Напрасно ожидаю я тебя въ трактирѣ *de-Zwaen* и вижу, что этотъ раснутый образъ жизни къ добру не приведетъ. Почему ты не возьмешь честно себѣ жену?

— Ламме,—сказалъ Уленсигель:—тотъ, для кого въ этой радостной борьбѣ, которая зовется любовью, всѣ—одна и одна—всѣ, не долженъ легкомысленно поступать наобумъ въ этомъ сладостномъ бою, именуемомъ любовью.

— А о Неле ты и не думаешь?

— Неле далеко, въ Дамме.

Такъ они сидѣли, и градъ становился все сильнѣе. Въ это время послѣшно пробѣжала мимо нихъ молодая смазливая бабенка, прикрывшая себѣ голову своей юбкой.

— Эй, мечтатель,—крикнула она:—что ты тамъ дѣлаешь подъ деревомъ?

— Мечтаю о женщинѣ, которая укрыла бы меня подъ своей юбкой отъ града.

— Нашлась,—сказала женщина:—вставай.

Уленсигель всталъ и подошелъ къ ней, но Ламме закричалъ:

— Что жъ, ты опять меня одного оставишь?

— Ну да,—отвѣтила Уленспигель,—отправляйся въ трактиръ, съѣшь одну или двѣ бараньихъ лопатки, выпей двѣнадцать кружекъ пива, завались спать—скука пройдетъ.

— Такъ и сдѣлаю,—сказала Ламме.

Уленспигель приблизился къ женщинѣ.

— Ты возьми мою юбку съ одной стороны, я возьму съ другой, такъ рядомъ и побѣжимъ.

— Почему же побѣжимъ?—спросила Уленспигель.

— Потому что я убѣгаю изъ города: явился професъ Спелле съ двумя сыщиками и поклялся высѣчь всѣхъ гулицкихъ дѣвушекъ, которые не уплатятъ ему по пяти флориновъ. Поэтому я бѣгу; бѣги и ты со мной и оставайся подлѣ меня, чтобы за меня заступиться.

— Ламме,—крикнулъ Уленспигель:—Спелле въ Мелестее. Бѣги въ Дестельбергъ, въ „Звѣзду вохвовъ“.

И Ламме вскопчилъ въ ужасѣ, схватилъ свой животъ обѣими руками и бросился бѣжать.

— Куда бѣжить этотъ толстый заяцъ?—спросила дѣвушка.

— Въ нору, гдѣ я его потомъ найду.

— Бѣжимъ,—сказала она и топнула ногой, точно итерриливый конь.

— Я бы предпочелъ остаться добродѣтельнымъ и не бѣжать.

— Что это значить?—спросила она.

— Этотъ толстый заяцъ,—отвѣтилъ Уленспигель,—требуетъ, чтобы я отказался отъ добраго вина, пива и свѣжей кожи красивыхъ женщинъ.

Дѣвушка бросила на него недовольный взглядъ.

— У тебя одышка,—сказала она:—надо тебѣ отдохнуть.

— Отдохнуть,—отвѣтилъ Уленспигель:—но я не вижу приюта.

— Твоя добродѣтель будетъ тебѣ убѣжищемъ.

— Я предпочелъ бы твою юбку.

— Моя юбка недостойна быть покровомъ святаго, какимъ ты хочешь стать. Сбрось ее, я побѣгу одна.

— Развѣ ты не знаешь, что собака на своихъ четырехъ лапахъ бѣжитъ быстрее, чѣмъ человекъ на двухъ? Потому и мы на четырехъ ногахъ побѣжимъ быстрее.

— Для столь высокой добродѣтели ты говоришь довольно свободно.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ.

— Миѣ же всегда,—сказала она,—добродѣтель представлялась скучнымъ, вялымъ, холоднымъ достоинствомъ, которое служить маской для прикрытiя брезгливаго лица или пла-

щомъ для безкровнаго тѣла. Мнѣ больше по душѣ тѣ, у кого въ груди яркимъ, всеобжигающимъ пламенемъ горитъ пылкая мужественность, возбуждающая насъ къ достойнымъ и сладостнымъ дѣяніямъ.

— Такими словами прекрасная дьяволица соблазнила преславнаго святого Антонія.

Въ двадцати шагахъ впереди показалась на дорогѣ корчма.

— Ты говорила много и хорошо: вѣрно, теперь тебѣ хочется хорошенько напиться,—сказалъ Уленспигель.

— Мой языкъ совершенно свѣжъ,—отвѣтила она.

Они вошли. На сундукѣ дремалъ громадный жбанъ, называемый людьми „брюханъ“, по причинѣ огромнаго брюха.

— Видишь этотъ флоринъ?—сказалъ Уленспигель хозяину.

— Вижу,—отвѣтилъ тотъ.

— Сколько патаровъ отсосеешь ты изъ него, чтобы наполнить этого брюхана „двойнымъ“ нивомъ?

— „Negeen шаппекенс“ (девять человѣчковъ)—и мы въ расчетъ,—сказалъ хозяинъ.

— То-есть шесть фландрскихъ грошей,—стало-быть, два лишнихъ. Ну, куда ни шло—паливай!

И Уленспигель налилъ дѣвушкѣ полный стаканъ, гордо всталъ, приподнялъ жбанъ и, запрокинувъ голову, вылилъ его себѣ въ глотку до дна. Это звучало какъ водопадъ.

Дѣвушка изумленно спросила:

— Какъ ты можешь вмѣстить въ твоемъ тощемъ тѣлѣ такую машину?

Не отвѣчая ей, Уленспигель обратился къ хозяину:

— Подай хлѣба и ветчинки и еще одного „брюхана“. Закусимъ и выпьемъ.

Такъ и было сдѣлано.

Между тѣмъ какъ дѣвушка справлялась съ кожицей окорока, Уленспигель обнялъ ее такъ нѣжно, что она почувствовала себя сразу растроганной, восхищенной и покорной.

И она спросила его:

— Почему это, сударь, ваша добродѣтель вдругъ смѣнилась неутолимой жаждой, волчьимъ голодомъ и этой любовной отвагой?

— Видишь ли,—отвѣтилъ Уленспигель,—такъ какъ я грѣшилъ на сотни ладовъ, то я, какъ ты знаешь, покаялся покаяться. Покаяніе длилось ровно одинъ часъ. И вотъ, когда во время этого часа я подумалъ о моей дальнейшей жизни, я увидѣлъ, что питаться я, значить, буду скудно, однимъ хлѣбомъ, пить одну воду—это освѣжаетъ очень плохо, а любви буду избѣгать; не смѣй значить, ни шевельнуться ни чихнуть

изъ страха совершить что-нибудь дурное; всё меня будутъ избѣгать, всё будутъ бояться; точно прокаженный, буду я жить, тоскливый, какъ собака, потерявшая хозяйина, и послѣ пятидесяти лѣтъ этого непрестаннаго мученичества издохну въ нищетѣ и такимъ образомъ позорно закончу мою жизнь. Поэтому я рѣшилъ, что срокъ смиренія и покаянія уже прошель; значить, поцѣлуй меня, моя милая, и бѣжимъ вдвоемъ изъ чистилища.

— Ахъ, — сказала она, охотно повинуюсь ему, — что за чудная вывѣска—добродѣтель!

И бѣжало время въ любовныхъ забавахъ; но въ концѣ концовъ надо было подняться и уходить, такъ какъ дѣвушка все боялась, что среди этихъ радостей вдругъ появится профессоръ Спелле съ его сыщиками.

— Ну, подбери юбку, — сказала Уленспигель.

И быстро, какъ пара оленей, помчались они въ Дестельбергъ и застали Ламме въ „Звѣздѣ трехъ волхвовъ“ за ѣдой.

XXXI.

Уленспигель часто видѣлся въ Гентѣ съ Яковомъ Сколапомъ, Ливеномъ Сметомъ и Яномъ де-Вульфсхагеромъ, которые дѣлились съ нимъ извѣстїями объ удачахъ и неудачахъ Молчаливаго.

И всякій разъ, когда Уленспигель возвращался въ Дестельбергъ, Ламме спрашивалъ его:

— Что ты принесъ? Счастье? Несчастье?

— Ахъ, — рассказывалъ Уленспигель: — принцъ, его братъ Людвигъ, прочіе вожди и французы рѣшили двигаться дальше во Францію, на соединеніе съ принцемъ Конде. Такъ они спасли бы бѣдную землю бельгійскую и свободу совѣсти. Но Господь не захотѣлъ этого. Нѣмецкіе рейтары и ландскнехты отказались итти дальше и заявили, что присягали воевать съ герцогомъ Альбой, а не съ Франціей. Тщетно Оранскій заклиналъ ихъ исполнить свой долгъ, онъ вынужденъ былъ проводить ихъ черезъ Шампань и Лотарингію до Страсбурга, откуда они вернулись въ Германію. Это внезапное и упорное сопротивленіе мѣняетъ все: король французскій, вопреки договору съ принцемъ, отказывается въ обѣщанныхъ деньгахъ; королева англійская должна была прислать пособіе, чтобы онъ отвоевалъ Калэ съ округой: ея письма перехвачены, переданы кардиналу лотарингскому, а тотъ написалъ ей отказъ.

— Такъ вотъ, точно привидѣніе при крикѣ пѣтуха, исче-

заеть на нашихъ глазахъ это прекрасное войско. Но Господь съ нами, и если земля встретится отъ насъ, то вода сдѣлаетъ свое дѣло. Да здравствуетъ гѣзь!

XXXII.

Однажды вся въ слезахъ прибѣжала дѣвушка къ Ламме и Уленспигелю.

— Профосъ Спелле,—разсказывала она,—выпускаетъ за деньги разбойниковъ и воровъ, а людей невинныхъ губить. Среди послѣднихъ—мой братъ Михіелькинъ. О, выслушайте, что я вамъ скажу: вы мужчины и отомстите за него. Одинъ грязный, поганый развратникъ Питеръ де-Роозе, извѣстный соблазнитель дѣвочекъ и дѣтей, повиненъ въ этомъ несчастіи. Какъ-то вечеромъ мой бѣдный братъ и Питеръ де-Роозе были въ трактирѣ Valek („Соколы“), но сидѣли за разными столами: Питера де-Роозе тамъ всё бѣгутъ, какъ чумы.

„Мой братъ не хотѣлъ быть съ нимъ въ одной комнатѣ, поэтому онъ назвалъ его распутной скотиной и приказалъ ему очистить залу.

„Питеръ де-Роозе отвѣтилъ:—„Брату публичной женщины не годится такъ задирать носъ“.

„Это онъ солгалъ, потому что я не публичная, а схожусь только съ тѣми, кто мнѣ нравится.

„Тогда Михіелькинъ схватилъ свою кружку съ пивомъ и запустилъ ему въ носъ и сказалъ, что онъ вретъ, какъ грязный развратникъ, и пригрозилъ, что если онъ не испарится, то попробуетъ его кулакомъ до локтя.

„Такъ какъ Питеръ не уговорился, то братъ исполнилъ свое обѣщаніе: треснулъ его хорошенько два раза по челюсти и выкинулъ на улицу за зубы, которыми тотъ пробовалъ кусаться. Тамъ онъ безъ сожалѣнія оставилъ его полумертваго.

„Выздоровѣвъ и не вынося одинокой жизни, Питеръ де-Роозе отправился „in't Vagevuur“, настоящее „Чистилище“, дрянной кабакъ, куда заходятъ только оборванцы. И тамъ его избѣгали всё, даже воры сторонились его. Никто съ нимъ не разговаривалъ, кромѣ пріѣзжихъ мужиковъ, которые его не знали, да пары мелкихъ ворышекъ и дезертировъ. Такъ какъ онъ вообще забіяка, то и здѣсь его не разъ колотили.

„Когда профосъ Спелле со своими двумя сыщиками явился въ Мейлестее, Питеръ де-Роозе бѣгалъ за ними повсюду, какъ собака, и угощалъ ихъ виномъ, мясомъ и всёми вообще, что можно купить за деньги. Такъ сталъ онъ ихъ другомъ и товарищемъ и началъ поступать сообразно своей злости,

чтобы вредить тѣмъ, кого онъ ненавидѣлъ: это были всѣ наши обыватели и особенно мой братъ.

„Прежде всего онъ принялся за Михіелькина. Корыстолюбивые висѣльщики, подкупленные имъ, не затруднились жесвидѣтельствовать, что онъ еретикъ, что онъ изрыгалъ кощунственные слова противъ Пресвятой Дѣвы и не разъ въ трактирѣ „Соколъ“ хулилъ имя Божіе и святыхъ угодниковъ, и что, кромѣ того, у него въ шкатулкѣ спрятано по малой мѣрѣ триста флориновъ.

„Хотя о самихъ свидѣтеляхъ ходила дурная слава, Михіелькинъ былъ брошенъ въ тюрьму. Спелле и сыщики объявили улики достаточными для испытанія пыткой, и вотъ Михіелькина подвѣсили на блокъ къ потолку, привязавъ къ его ногамъ грузъ по пятидесять фунтовъ къ каждой.

„Онъ отрицалъ свою вину и говорилъ, что если есть въ Мейлестее проходимецъ, распутникъ, бродяга и кощунникъ, то это именно Питеръ де-Роозе, а не онъ.

„Но Спелле ничего не хотѣлъ слушать и приказалъ сыщикамъ подтянуть брата къ потолку и разомъ бросить оттуда съ его гирями на ногахъ. Они исполнили это и съ такой жестокостью, что у него на суставахъ лопнула кожа и мышцы, и ступни чуть не оторвались отъ ногъ.

„Михіелькинъ продолжалъ утверждать, что онъ не виновенъ, и Спелле приказалъ возобновить пытку, давъ при этомъ ему понять, что за сто флориновъ онъ предоставитъ ему свободу и покой.

„Михіелькинъ отвѣтилъ, что лучше умереть.

„Услышавъ, что онъ схваченъ и подвергнутъ пыткамъ, горожане явились толпами засвидѣтельствовать его невиновность, что и есть „оправдательное показаніе всѣхъ добрыхъ гражданъ общины“. Здѣсь они единогласно утверждали, что Михіелькинъ ни въ малой степени не повиненъ въ ереси, каждое воскресенье бываетъ у мессы и причащается, что онъ упоминалъ имя Пресвятой Дѣвы лишь тогда, когда въ тяжелую минуту молилъ Ее о помощи, и что никогда не порочилъ никакой женщины на землѣ, не говоря ужъ о Богородицѣ на небесахъ. Богохульства, которыя якобы слышали отъ него жесвидѣтели въ „Соколѣ“—ложь и клевета.

„Михіелькинъ былъ выпущенъ на свободу и жесвидѣтели наказаны, и Спелле привлекъ къ суду также Питера де-Роозе, но, получивъ отъ него сто флориновъ, выпустилъ, не подвергнувъ его ни допросу ни пыткамъ.

„Испугавшись, какъ бы оставшіяся у него деньги не привлекли вторично вниманія Спелле, Питеръ де-Роозе бѣжалъ

изъ Мейлестее. Между тѣмъ бѣдный мой братъ Михіелькинъ умеръ отъ антонова огня въ ногахъ.

„Хотя онъ раньше не хотѣлъ видѣться со мной, тутъ онъ приказалъ позвать меня и сказалъ мнѣ, чтобы я боялась огня, горячаго въ моемъ тѣлѣ, ибо онъ приведетъ меня въ огонь адскій. И я могла только плакать, ибо, дѣйствительно, есть во мнѣ этотъ огонь. И онъ испустилъ духъ на рукахъ моихъ.“

„Ахъ!—воскликнула здѣсь она,—кто отомститъ за смерть моего дорогого, добраго брата палачу Спелле, тотъ навѣки станетъ моимъ господиномъ, и я буду служить ему, какъ собака“.

И пепель Клааса застучалъ во время ея разказа въ сердце Уленспигеля, и онъ рѣшилъ привести убійцу Спелле на висѣлицу.

Боолкинъ—такъ звали дѣвушку—вернулась въ Мейлестее, такъ какъ теперь она не боялась въ своемъ жилищѣ мести Питера де-Роозе: погонщикъ, главнѣйшій скотъ чрезъ Дестельбергъ, разказалъ ей, что священникъ и горожане объявили слѣдующее: если Спелле тронетъ сестру Михіелькина, они представятъ его на расправу къ герцогу.

Уленспигель пошелъ съ ней въ Мейлестее. Войдя въ домъ Михіелькина въ одну комнату въ нижнемъ этажѣ, онъ увидѣлъ здѣсь портретъ мастера пирожнаго цеха и рѣшилъ, что это изображеніе бѣднаго покойника.

И Боолкинъ сказала:

— Это мой братъ.

Уленспигель взялъ портретъ и сказалъ:

— Спелле будетъ на висѣлицѣ.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?—спросила она.

— Если ты будешь знать, то тебѣ не будетъ такъ пріятно видѣть, когда оно сбудется.

Боолкинъ покачала головой и сказала печально:

— Ты мнѣ совсѣмъ не довѣряешь.

— Какъ же не довѣряю, если я тебѣ говорю: „Спелле будетъ повѣшенъ“. Вѣдь за одни эти слова ты можешь привести меня къ висѣлицѣ раньше, чѣмъ я приведу его.

— И правда.

— Вотъ видишь. Итакъ, добудь мнѣ хорошей глины, двойную кружку *bruin-bier*, чистой воды и нѣсколько кусковъ говядины. Говядина будетъ для меня, пиво для говядины, вода для глины, глина для изваянія.

За ѣдой и выпивкой Уленспигель все время мять глину, причемъ иногда даже отпраивлялъ куски ея въ ротъ, не за-

нбчаю этого, такъ какъ, не отрываясь, смотрблъ все время на портретъ Михиелькина. Размявъ, какъ слбдуетъ, глину, онъ вылбпилъ изъ нея маску, на которой ротъ, уши, носъ, глаза,—все было такъ похоже на портретъ Михиелькина, что Боолкинъ остолбенбл.

Затбмъ онъ положилъ маску въ печь и, когда она высохла, раскрасилъ ее подъ мертвеца, давъ глазамъ неподвижное, а всему лицу мрачное и искаженное выраженiе лица умирающаго. Тутъ дбвушка, переставъ изумляться, какъ прикованная смотрбла на маску, поблбднбла, почти лишившись сознаниа, закрыла лицо руками и восклицала, содрогаясь въ ужасб:

— Это онъ, это мой ббдный Михиелькинъ!

Затбмъ онъ вылбпилъ двб окровавленные ноги.

Совладавъ со своимъ страхомъ, Боолкинъ сказала:

— Благословенъ, кто предастъ убийцу смерти!

Взявъ маску и ноги, Уленспигель сказалъ:

— Мнб нуженъ помощникъ.

— Пойди in den Blauwe Gans, въ трактиръ „Синiй Гусь“, и обратись къ его хозяину Юосу Лансаму изъ Ипра. Это былъ лучший другъ и товарищъ моего брата. Скажи ему, что ты отъ Боолкинъ.

Такъ Уленспигель и сблалъ.

Покончивъ свои кровавыя дбла, профосъ Спелле шелъ въ трактиръ „Соколъ“ и пилъ здбсь горячую смбсь изъ „dobbele-slauwaert“, корицы и сахара. Изъ страха предъ веревкой, ему ни въ чемъ не было здбсь отказа.

Итеръ де-Роозе опять осмблблъ и вернулся въ Мейлестее. Повсюду онъ ходилъ слбдомъ за Спелле и его сыщиками, чтобы всегда быть подъ ихъ охраной. Иногда Спелле угощаль его. И они вмбстб весело пропивали деньги своихъ жертвъ.

Теперь „Соколъ“ посбщался далеко не такъ, какъ въ доброе старое время, когда городокъ жилъ спокойною жизнью, почиталь Господа Бога по католическому вбрученiю и не подвергался преслбдованиамъ за вбру. Печаль воцарилась въ немъ теперь, и это видно было по множеству пустыхъ или запертыхъ домовъ и по безлюднымъ улицамъ, по которымъ бродили тощiя собаки, отыскивая себб гнилую пищу въ навозныхъ кучахъ.

Лишь двумъ злодбямъ было еще здбсь раздолье. Нануганные горожане видбли каждый день, какъ они нагло обходятъ городъ, намбчаютъ дома своихъ будущихъ жертвъ, составляя списки обреченныхъ, а вечеромъ, возвращаясь изъ „Сокола“, поютъ разгульные пбсни. За ними, въ родб какъ бы

тѣлохранителей, всегда шли оба сыщика, вооруженные съ головы до ногъ и тоже очень пьяные.

Зайди in den Blauwe Gans къ Юосу Лансаму, Уленспигель нашелъ трактирщика за стойкой.

Уленспигель вынулъ изъ кармана бутылочку водки и обратился къ нему:

— Боолкинъ продаетъ двѣ бочки этой водки.

— Пойдемъ въ кухню,—сказалъ трактирщикъ.

Онъ заперъ за собою кухонную дверь, пристально посмотрѣлъ на Уленспигеля и сказалъ:

— Ты не торгуешь водкой; что значить твое подмигиваніе? Кто ты такой?

— Я сынъ Клааса, сожженного въ Дамме,—отвѣтилъ Уленспигель:—непелъ его стучить въ мое сердце: я хочу убить Спелле, убійцу.

— Ты отъ Боолкинъ?

— Я отъ Боолкинъ! Я собираюсь убить Спелле, а ты мнѣ поможешь.

— Я готовъ. Что надо дѣлать?

— Пойди къ священнику, доброму пастырю, врагу Спелле. Собери твоихъ друзей и будь съ ними завтра послѣ вечера по дорогѣ въ Эвергемъ, неподалеку отъ дома Спелле, между „Соколомъ“ и его домомъ. Скройтесь тамъ въ тѣни и будьте все въ темной одеждѣ. Ровно въ десять часовъ ты увидишь, какъ Спелле выходитъ изъ трактира, а съ другой стороны подѣзжаетъ повозка. Сегодня вечеромъ ничего не говори своимъ друзьямъ: они спятъ слишкомъ близко отъ уха своихъ женъ. Сговорись съ ними завтра. Соберитесь, прислушивайтесь и все помните.

— Все будемъ помнить,—сказалъ Юосъ. И онъ поднялъ стаканъ и сказалъ:—Пью за веревку для Спелле.

— За веревку,—отвѣтилъ Уленспигель.

Затѣмъ они вернулись въ общую комнату трактира, гдѣ кутила компанія рентскихъ старьевщиковъ, возвращавшихся съ субботняго базара въ Брюгге. Тамъ они продали по дорогой цѣнѣ парчевые камзолы и плащи, скупленные за гроши у обнищавшихъ дворянъ, которые пытались подражать пышности испанцевъ.

По случаю этого громаднаго барыша они пировали и бражничали.

Усѣвшись въ уголокъ, Уленспигель и трактирщикъ потихоньку сговорились здѣсь за выпивкой, что Юосъ сперва пойдетъ къ священнику, доброму пастырю, ненавидѣвшему Спелле, убійцу невинныхъ, а потомъ къ своимъ друзьямъ.

На слѣдующій день Юозъ Лансамъ и друзья Михіелькина вышли изъ „Синяго Гуса“, гдѣ они по обыкновенію сидѣли за кружкой. Чтобы скрыть свои намѣренія, они послѣ вечерняго колокола пошли разными путями и сошлись на дорогѣ къ Эвергеми. Было ихъ семнадцать человѣкъ.

Въ десять часовъ Спелле вышелъ изъ „Сокола“ и съ нимъ оба его сыщика и Питеръ де-Роозе. Лансамъ со своими спрятался въ амбарѣ Самсона Бооне, который также былъ другомъ Михіелькина. Дверь амбара была открыта настежь, но Спелле ихъ не видѣлъ.

Они же видѣли, какъ онъ и съ нимъ Питеръ де-Роозе и оба сыщика шли пьяные, еле держась на ногахъ. И онъ говорилъ соннымъ голосомъ, поминутно икая:

— Профосы! Профосы! Сладко имъ живется на этомъ свѣтѣ! Поддерживайте же меня, висѣльники, недаромъ живете мои объѣдками!

Вдругъ съ поля послышался по дорогѣ ревъ осла и щелканіе бича.

— Ага,—сказалъ Спелле,—упрямый оселъ не слушается вѣжливаго приглашенія и ни съ мѣста.

Вдругъ раздался громкій стукъ колесъ и дребезжаніе повозки, спускающейся по дорогѣ.

— Остановить!—крикнулъ Спелле.

Когда повозка приблизилась къ нимъ, Спелле съ помощниками бросились и схватили осла за морду.

— Повозка пуста,—сказалъ одинъ изъ сыщиковъ.

— Болванъ,—возразилъ Спелле:—съ какихъ это поръ пустыя повозки сами шатаются ночью по дорогамъ? Кто-нибудь, навѣрное, спрятался въ ней. Зажгите фонари. Да поднимите выше, я ничего не вижу.

Фонари были зажжены, и Спелле со своимъ фонаремъ влѣзъ въ повозку. Но, едва заглянувъ въ нее, онъ издалъ страшный крикъ и упалъ назадъ со стономъ:

— Михіелькинъ, Михіелькинъ! Христосъ, будь ко мнѣ милостивъ!

И изъ глубины повозки поднялся человѣкъ, весь въ бѣломъ, какъ пирожникъ, держа въ рукахъ двѣ окровавленныя ноги.

И Питеръ де-Роозе, увидѣвъ при свѣтѣ фонарей этого человѣка, тоже закричалъ, и сыщики вмѣстѣ съ нимъ:

— Михіелькинъ! Мертвецъ Михіелькинъ! Спаси насъ, Господи!

На шумъ сбѣжались всѣ бывшіе въ засадѣ, чтобы разсмотрѣть, что тамъ дѣлается, и съ ужасомъ смотрѣли на этого

поразительно схожій образъ ихъ покойнаго друга Михіелькина.

И призракъ размахивалъ окровавленными ногами, и лицо его было то самое круглое, полное лицо Михіелькина, но мертвенно-блѣдное, грозное, желто-зеленое и у подбородка раздѣненное червями.

Все размахивая кровавыми ногами, призракъ обратился къ стонущему Спелле, лежавшему на спинѣ:

— Спелле! Профосъ Спелле! Очнись!

Но Спелле былъ неподвиженъ.

— Спелле!—повторилъ призракъ:—профосъ Спелле! Очнись, или я стащу тебя въ пасть адскую!

Спелле поднялся; его волосы отъ ужаса стояли дыбомъ, и онъ жалобно молилъ:

— Михіелькинъ! Михіелькинъ! Сжался надо мной!

Между тѣмъ подошли горожане, но Спелле видѣлъ передъ собой только фонари, которые онъ, какъ самъ разсказалъ потомъ, принялъ за глаза чертей.

— Спелле!—сказалъ призракъ Михіелькина,—готовъ ты къ смерти?

— Нѣтъ,—кричалъ профосъ:—нѣтъ, господинъ Михіелькинъ, я не готовъ къ смерти; я не хочу предстать предъ Господомъ, пока душа моя черна отъ прегрѣшеній.

— Узнаешь ты меня?—спросилъ призракъ.

— Поддержи меня, Господи! Да, я узнаю васъ. Вы духъ Михіелькина, пирожника, умершаго невинно въ своей постели отъ послѣдствій пытки, и эти двѣ кровавыя ноги—тѣ самыя, къ которымъ я приказалъ привѣсить по пятьдесятъ фунтовъ къ каждой. Ахъ, Михіелькинъ, простите меня, этотъ Питеръ де-Роозе такой соблазнитель; онъ обѣщалъ мнѣ, и я въ самомъ дѣлѣ отъ него получилъ пятьдесятъ флориновъ за то, что вы будете внесены въ списокъ.

— Ты хочешь покаяться?—спросилъ призракъ.

— Да, господинъ, я во всемъ сознаюсь, во всемъ покаюсь и привесу повинную. Но, ради Бога, удалите раньше чертей, которые хотятъ проглотить меня. Я все скажу. Уберите эти горящіе глаза! Я то же продѣлалъ въ Турнѣ съ пятью горожанами, въ Брюгге съ четырьмя. Я теперь не помню ихъ именъ, но, если вы потребуете, я назову ихъ. И въ другихъ мѣстахъ я также грѣшилъ, и по винѣ моей шестьдесятъ девять невинныхъ челоуѣкъ лежатъ въ могилѣ. Господинъ Михіелькинъ, королю нужны деньги—такъ мнѣ сказали. Но и мнѣ онъ тоже нуженъ. Часть ихъ закопана въ Гентѣ въ погребѣ у старухи Гровельсъ, моей дѣйствительной матери. Я

все сказали, все. Молю о милости и прощениі! Уберите чертей! Господи Боже, Пресвятая Дѣва, Христось Спаситель, вступитесь за меня! Уберите эти адекіе огни, я все продамъ, все раздамъ бѣднымъ и покаюсь.

Увидѣвъ, что толпа горожанъ готова поддержать его, Уленспигель спрыгнулъ съ повозки, схватилъ Спелле за горло и хотѣлъ задушить его.

Но тутъ вступился священникъ:

— Оставь его,—сказалъ онъ:—пусть лучше умретъ на висѣлицѣ, чѣмъ отъ руки привидѣній.

— Что же вы хотите съ нимъ едѣлать?—спросилъ Уленспигель.

— Принести жалобу герцогу, и его повѣсять,—отвѣтилъ священникъ:—но кто ты такой?

— Я въ маскѣ Михіелькина—бѣдная фламандская лисичка, которая изъ страха предъ испанскими охотниками снова скроется въ своей норѣ.

Между тѣмъ Питеръ де-Роозе убѣжалъ со всѣхъ ногъ.

И Спелле былъ повѣшенъ, и имущество его конфисковано.

И наслѣдство получилъ король.

XXXIII.

На другой день Уленспигель шелъ вдоль свѣтлой рѣчки Лей по направленію къ Кортрейку.

Ламме со стenanіями тащился за нимъ.

— Что ты все стонешь, трыничная ты душа, о твоей женѣ, которая украсила тебя рогами?—сказалъ ему Уленспигель.

— Сынъ мой, она всегда была мнѣ вѣрна и любила меня, какъ должно, а ужъ я ее любилъ безъ мѣры. О, Господи Іисусе! И вдругъ однажды она отправилась въ Брюгге и вернулась совсѣмъ другая. Съ тѣхъ поръ на всѣ мои просьбы о любви она отвѣчала:—Я должна жить съ тобой только какъ другъ, никакъ иначе.

„Я затосковалъ въ сердцѣ моемъ и говорю ей:—Радость моя, дорогая моя, Господь Богъ соединилъ насъ. Развѣ я не дѣлаю для тебя всего, что ты хочешь? Не одѣвался ли я не разъ въ камзолъ изъ чернаго рядна и плащъ изъ дерюги, лишь бы наряжать тебя—вопреки королевскимъ указамъ—въ шелкъ и парчу? Дорогая моя, неужто ты ужъ никогда не будешь любить меня?“

„— Я люблю тебя такъ,—отвѣчала она,—какъ указано Господомъ Богомъ и законами, святыми заповѣдями и покаянными канонами. И все же отнынѣ я буду тебѣ лишь добродѣтельной спутницей.“

„— Чтò мнѣ въ твоей добродѣтели,—отвѣчала я,—мнѣ ты пужна, ты, моя жена, а не твоя добродѣтель.

„Тутъ она опустила голову и сказала:

„—Я знаю, ты добрый. Ты былъ у насъ поваромъ, чтобы не допустить меня до стряпни. Ты гладилъ наше бѣлье, простыни и рубахи, такъ какъ утюги тяжелы для меня. Ты стиралъ наше бѣлье, подметалъ комнаты и улицу передъ домомъ, чтобы я не знала труда и усталости. Теперь все это буду дѣлать вмѣсто тебя и сама, но больше ничего, милый мой мужъ.

„— Мнѣ это не пужно. Я, какъ раньше, буду твоей горничной, твоей прачкой, кухаркой, твоимъ вѣрнымъ рабомъ. Но ты, жена, не раздѣляй эти сердца и тѣла, бывшія единой плотью, не разрывавай узъ любви, такъ нѣжно связывавшихъ насъ.

„— Такъ надо,—сказала она.

„— Ахъ,—вскричала я:—это ты въ Брюгге пришла къ этому жестокому рѣшенію?

„— Я поклялась передъ Господомъ Богомъ и Его святыми угодниками,—отвѣчала она.

„— Кто же принудилъ тебя принести этотъ обѣтъ не исполнять никогда своихъ супружескихъ обязанностей?

„— Тотъ, кто осѣненъ Духомъ Господнимъ и включилъ меня въ число кающихся.

„И съ тѣхъ поръ она перестала быть моею, какъ будто сдѣлалась вѣрною женою кого-то другого. Я умолялъ ее, мучилъ ее, грозилъ, плакалъ, просилъ,—все напрасно. Вернувшись однажды вечеромъ изъ Бланкенберге, гдѣ я получалъ аренду за одну мою ферму, я нашелъ домъ пустымъ. Очевидно, моя жена устала отъ моихъ просьбъ, или разсердилась, или опечалилась моею печалью, и бѣжала. Гдѣ она теперь?“

И Ламме усѣлся на берегу Лей и смотрѣлъ на воду, опустивъ голову.

— Ахъ,—вздыхалъ онъ:—подружка моя, какая нѣженецкая ты была, какая стройненькая, какая пухленькая! Ужъ не найти мнѣ такого цыпленочка. Неужто никогда ужъ не отвѣдаю я любовнаго блюда, подавнаго тобой? Гдѣ твои употѣлительные поцѣлуи, нахнувшіе, какъ тминъ, твои сладкія уста, которыми я лакомился, какъ пчелка медомъ розы? Гдѣ твои бѣлыя руки, съ лаской обнимавшія меня? Гдѣ твое бьющееся сердце, твоя пынная грудь, твое трепещущее въ любви, наслажденіемъ дышащее, нѣжное тѣло? Да,—гдѣ твои прежнія волны, холодная рѣка, весело струящая свои новыя воды подъ солнечными лучами?

XXXIV.

По пути у Петтегемскаго лѣса Ламме обратился къ Уленспигелю:

— Я изнемогаю отъ жары, отдохнемъ въ тѣни.

— Хорошо,—отвѣтилъ Уленспигель.

Они ушли на травѣ въ чащѣ и увидѣли стаю оленей, бѣгущую мимо нихъ.

— Будь насторожѣ, Ламме,—сказалъ Уленспигель и зарядилъ свой нѣмецкій аркебузъ.—Вонъ старые самцы, еще сохранившіе свои рога и гордо несущіе свою девятиконечную красу; стройные двухлѣтки, ихъ оруженосцы, бѣгутъ рядомъ съ ними, готовые поддержать ихъ своими острыми рожками. Они спѣшатъ къ своему становищу. Такъ, теперь взведи курокъ, какъ я. Пли! Старый олень раненъ. Молодому попало въ бедро. За нимъ, за нимъ, пока не свалится. Бѣги со мной, прыгай, несись, лети!

— Еще одна выдумка моего безумнаго друга,—говорилъ Ламме:—гнаться за оленями. Не пытайся летать, не запасись крыльями, это бесплодныя потуги. Ахъ, что за жестокой товарищъ! Я вѣдь не такъ подвиженъ, какъ ты. Я весь въ поту, сынъ мой, я весь въ поту и сейчасъ упаду. Если лѣсникъ тебя поймаетъ, быть тебѣ на висѣлицѣ. Олени—королевская дичь. Пусть бѣгутъ, сынъ мой,—тебѣ ихъ не поймать.

— Идемъ,—говорилъ Уленспигель:—слышишь, какъ шуршатъ его рога въ листьяхъ? Шумитъ, какъ вихрь; видишь, вонъ сломанные побѣги и усыявшіе землю листья? Такъ, вотъ у него еще одна пуля, въ бедра на сей разъ; мы съѣдимъ его!

— Онъ еще не зажаренъ,—возразилъ Ламме:—пусть бѣгутъ себѣ бѣдные звѣри. Ой, какъ жарко! Вотъ упаду и ужъ не встану.

Вдругъ со всѣхъ сторонъ выскочили оборванные и вооруженные люди. Собаки залаяли и понеслись по оленьему слѣду. Четыре человѣка дикаго вида окружили Уленспигеля и Ламме и повели ихъ къ полянѣ, совершенно укрытой въ густой чащѣ; здѣсь среди женщинъ и дѣтей они увидѣли множество мужчинъ, вооруженныхъ разнообразнѣйшими шпагами, самострѣлами, аркебузами, копьями, дротиками, рейтарскими пистолетами.

Разсмотрѣвъ ихъ, Уленспигель спросилъ:

— Кто вы, не „листовики“ ли или „лѣсные братья“, укрывающіеся здѣсь отъ преслѣдованій и живущіе общиной?

— Мы „лѣсные братья“,—отвѣтилъ старикъ, сидѣвшій у огня и жарившій на сковородѣ птицу,— а ты кто?

— Я родомъ изъ прекрасной Фландріи,—отвѣтилъ Уленспигель:—я живописецъ, крестьянинъ, дворянинъ, ваятель, все вмѣстѣ. Я брожу по свѣту, восхваляю все высокое и прекрасное и насмѣхаюсь отъ души надъ глупостью.

— Если ты видѣлъ такъ много странъ,—сказалъ старикъ,—то ты, конечно, сумѣешь сказать Schild ende Vriendt—„щитъ и другъ“—такъ, какъ это говорятъ гентскіе уроженцы. Если нѣтъ, то ты поддѣльный фламандецъ и будешь убитъ.

— Schild ende Vriendt,—сказалъ Уленспигель.

— А ты, толстякъ,—обратился старикъ къ Ламме,—ты чѣмъ промышляешь?

— Я пропиваю и проѣдаю мои земли, усадьбы, фермы, хутора, разыскиваю мою жену и повсюду слѣдую за другомъ моимъ Уленспигелемъ.

— Если ты такъ много странствуешь, то ты, конечно, знаешь, какое прозвище у уроженцевъ Веерта въ Лимбургѣ.

— Этого я не знаю,—отвѣтилъ Ламме:—но не можете ли вы мнѣ сказать, какъ прозывается тотъ подлый негодяй, который выгналъ мою жену изъ моего дома? Скажите мнѣ его имя, и я убью его на мѣстѣ.

— На этомъ свѣтѣ,—отвѣтилъ старикъ,—есть двѣ вещи, которыя никогда не возвращаются: истраченные деньги и жены, сбѣжавшія, потому что мы имъ надобли.

И онъ обратился къ Уленспигелю:

— А знаешь ты, какое прозвище у уроженцевъ Веерта въ Лимбургѣ?

— De raskstekers (заклинатели скатовъ),—отвѣтилъ Уленспигель,—ибо, когда однажды живой скатъ свалился тамъ съ тѣлѣги рыбака, старухи, видя его прыжки, приняли его за дьявола. „Идемъ за священникомъ, пусть выгонитъ бѣса изъ ската“,—говорили онѣ. Священникъ смирилъ заклинаніемъ ската, взялъ его съ собой и хорошенько пообѣдалъ имъ въ честь веертскихъ обывателей. Такъ да поступитъ Господь и съ кровавымъ королемъ.

Между тѣмъ въ лѣсу раздавался лай собакъ. Среди деревьевъ бѣжали вооруженные люди и кричали, чтобы запугать звѣря.

— Это олени, въ которыхъ я стрѣлялъ,—сказалъ Уленспигель.

— Мы съѣдимъ ихъ,—сказалъ старикъ.—А какъ прозываются уроженцы Эндховена въ Лимбургѣ?

— De rijnmakers (засовщики),—отвѣтилъ Уленспигель:—

однажды, когда непріятель стоялъ предъ ихъ городомъ, они заперли городскія ворота засовомъ изъ моркови. Пришли гуси и, жадно колоти клювомъ, расклевали морковь, и враги вторглись въ Эндховенъ. Желѣзные клювы понадобятся для того, чтобы расклевать тюремные засовы, за которыми хотить сгноить въ неволѣ свободу совѣсти.

— Если Господь съ нами, то кто противъ насъ?—отвѣтилъ старикъ.

— Этотъ лай собакъ, крики людей, трескъ вѣтвей: настоящая буря въ лѣсу,—сказалъ Уленспигель.

— А что, олень мясо вкусно?—спросилъ Ламме, смотря на сковородку.

— Приближаются крики заголицыковъ,—говорилъ Уленспигель Ламме.—Собаки ужъ совсѣмъ близко. Какой шумъ! Олень, олень! Берегись, сынъ мой! Ой, ой, подлый звѣрь: опрокинулъ на землю моего толстаго друга среди сковородъ, горшковъ, котелковъ, кусковъ мяса. Вонъ женщины и дѣвушки убѣгаютъ, точно обезумѣвъ отъ страха. Ты въ крови, сынъ мой?

— Смѣешься, мерзавецъ,—отвѣтилъ Ламме:— да, я въ крови; онъ ударилъ меня рогами въ задъ. Смотри, въ какихъ лохмотьяхъ мои штаны, и моя говядина тоже. А тамъ на землѣ—это прекрасное жаркое! Ахъ, вся кровь вытечетъ изъ меня сзади!

— О, этотъ олень предусмотрительный лѣкарь,—сказалъ Уленспигель:—онъ спасъ тебя отъ апоплексіи.

— Стыдно, безсердечный ты негодяй,—сказалъ Ламме:— больше не стану страствовать съ тобой. Останусь здѣсь, среди этихъ добрыхъ людей. Какъ можешь ты безъ зазрѣнія совѣсти быть такимъ безсердечнымъ къ моимъ страданіямъ? А я, какъ собака, таскался за тобой въ мятель и морозъ, дождь, градъ и вѣтеръ, и въ жару тоже, когда душа моя потомъ выходила наружу.

— Твоя рана—ченуха,—отвѣтилъ Уленспигель:—положи на рану оладью, сразу будетъ тебѣ и пластырь и жаркое. А знаешь, какъ называютъ лувенцевъ? Вотъ видишь, не знаешь, бѣдный мой другъ. Ну, я тебѣ скажу, чтобы ты не скулилъ. Ихъ называютъ *de koeue schieters*, стрѣлки по коровамъ, такъ какъ въ одинъ прекрасный день они были такъ глупы, что приняли коровъ за непріятельскихъ солдатъ и стали палить по нимъ. Мы же стрѣляемъ по испанскимъ козламъ, у которыхъ, правда, вонючее мясо, но кожа годится на барабаны. А тирлемонцевъ знаешь какъ кличутъ? Тоже нѣтъ? Они носятъ достославное прозвище *kirekers*, ибо въ Троицынъ

день у нихъ въ большой церкви утка пролетѣла съ хоръ къ алтарю, и она явилась имъ образомъ Св. Духа. Положи еще кое-какое на твою рану. Ты молча собираешь миски и куски жаркого, разбросанные оленемъ. Вотъ что называется кухоннымъ пыломъ! Ты опять разводишь огонь, подвѣшиваешь подъ нимъ котелокъ съ супомъ къ треножнику. Ты дѣятельно углубился въ стряпню. Знаешь ты, почему въ Лувенѣ насчитываютъ четыре чуда? Нѣтъ? Ну, я тебѣ скажу. Во-первыхъ, потому, что тамъ живые проходятъ подъ мертвецами: ибо церковь св. Михаила расположена у городскихъ воротъ, такъ что ея владбище находится на крѣпостномъ валу надъ воротами. Во-вторыхъ, тамъ колокола внѣ колоколенъ: въ церкви св. Якова остались снаружи одинъ большой и одинъ маленькій колоколъ, для которыхъ не нашлось мѣста на колоколенѣ. Въ-третьихъ, вслѣдствіе алтари внѣ церкви: ибо порталъ этого самаго храма подобенъ алтарю. Въ-четвертыхъ, тамъ есть „Вашня безъ гвоздей“: шпиль колоколенъ церкви св. Гертруды выстроенъ не изъ дерева, а изъ камня, камней же гвоздями не прибавляютъ, кромѣ, впрочемъ, каменнаго сердца кроваваго короля, которое я охотно прибилъ бы къ Большимъ воротамъ города Брюсселя. Но ты не слушаешь меня. Не солоня похлебка? А знаешь, почему жители Тирлемона называютъ себя „грѣлками“ — *de viergrappen*? Потому что однажды зимой одинъ молодой принцъ хотѣлъ переночевать въ гостиницѣ „Гербъ Фландрій“, а хозяинъ не зналъ, какъ ему согрѣть простыни—грѣлки у него не было. Вотъ, чтобы нагрѣть постель, онъ уложилъ туда свою молоденькую дочку, а она, какъ услышала, что принцъ подходитъ, убѣжала со всѣхъ ногъ. И принцъ спрашивалъ, почему это вынули грѣлку изъ постели. Дай Господи, чтобы Филиппъ, запертый въ раскаленномъ желѣзномъ сундукѣ, былъ грѣлкой въ постели Астарты!

— Оставь меня въ покоѣ,—сказалъ Ламме:—плюю я на твои грѣлки, твои колоколенъ безъ гвоздей и прочія твои розказни; оставь меня съ моей похлебкой.

— Поберегись,—отвѣтилъ Уленспигель:—лай не прекращается; напротивъ, онъ все сильнѣе, собаки воютъ, рогъ трубить, берегись оленя. Вѣжимъ! Рогъ трубить.

— Сзываютъ на добычу,—сказалъ старикъ:—вернись къ своему жаркому, Ламме: олень убитъ.

— Великолѣпная ѣда будетъ,—замѣтилъ Ламме,—и вы пригласите меня на пиршество—недаромъ я такъ потрудился ради васъ, птица въ соку удалась отлично. Хруститъ только на зубахъ немножко—въ этомъ несокѣ виновать, въ

который все повѣдало, когда этотъ проклятый олень разорвалъ мнѣ камзолъ и ляжку. А лѣсниковъ вы не боитесь?

— Для этого насъ слишкомъ много, — отвѣтили старики: — они насъ боятся и не смѣютъ насъ тронуть. Спищики и судьи тоже. А населеніе насъ любитъ, потому что мы никому зла не причиняемъ. Мы проживемъ еще пѣкоторое время въ мирѣ, пока насъ не окружитъ испанское войско. А если этому суждено быть, то всё мы, мужчины и женщины, дѣвушки и мальчики, старики и дѣти, дорого продадимъ нашу жизнь и скорѣе перебьемъ другъ друга, чѣмъ сдѣлаемъ, чтобы терпѣть тысячи мученій въ рукахъ кроваваго герцога.

Уленсигель сказалъ:

— Пронла пора, когда мы на сушѣ бились съ палачемъ. Теперь надо уничтожить его силу на морѣ. Двигайтесь на Зеландскіе острова черезъ Брюгге, Гейстъ и Кнокке.

— У насъ нѣтъ денегъ, — отвѣтили они.

— Вотъ вамъ тысяча червошцевъ отъ принца, — сказалъ Уленсигель: — пробрайтесь по протокамъ, каналамъ, рѣкамъ. Вы увидите корабли съ надписью Г. I. X.; тутъ пусть кто-нибудь изъ васъ засвиститъ жаворонкомъ. Крикъ пѣтуха отвѣтитъ ему: значить, вы среди друзей.

— Такъ и сдѣлаемъ, — сказали они.

Лвились охотники съ собаками, таща за собой на веревкахъ убитаго оленя.

Затѣмъ всё усѣялось вокругъ костра. Всѣхъ ихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, было человекъ шестьдесятъ. Они вытащили изъ своихъ мѣшковъ хлѣбъ и жижи изъ поженъ. Олень былъ ободранъ, выпотрошенъ, разрубленъ и поткнутъ вмѣстѣ съ мелкой дичью на вертелъ. И въ концѣ трапезы можно было видѣть, какъ Ламме, прислонившись къ дереву, хранилъ въ глубокомъ снѣ, опустивъ голову.

Съ наступленіемъ вечера „лѣсные братья“ укрылись въ землянкахъ; то же сдѣлали и Ламме съ Уленсигелемъ.

Вооруженная стража осталась стеречь лагерь. Уленсигель слышалъ, какъ хрустятъ сухія вѣтки подъ шагами охраны.

На другой день онъ двинулся въ путь вмѣстѣ съ Ламме. Оставшіеся въ лагерьъ говорили ему:

— Будь благословенъ, мы двинемся къ морю.

XXXV.

Въ Гарлебеке Ламме обновилъ свой запасъ *olie-koeckjes*, изъ конхъ съѣлъ двадцать семь штукъ. Тридцать онъ положилъ въ свою морзину. Уленсигель несъ въ рукѣ свои

клѣтки. Вечеромъ они добрались до Кортрейка и остановились въ гостиницѣ in de Vie—„Пчела“—у Жилиса ванъ-денъ-Энде, который бросился къ двери, услышавъ жаворонка.

Здѣсь они катались, какъ сыръ въ маслѣ. Прочитавъ письма принца, хозяинъ вручилъ Уленспигелю пятьсотъ червонцевъ для принца и не хотѣлъ взять ничего ни за индѣйку, которою онъ ихъ угостилъ, ни за „dobbele-clauwart“, коимъ оросилъ ее. И онъ предупредилъ ихъ, что въ Кортрейкѣ сидятъ сыщики Крѣваваго Судилища и что поэтому надо держать языкъ на привязи.

— Мы ихъ узнаемъ,—сказалъ Уленспигель.

И они вышли изъ „Пчелы“.

Заходящее солнце золотило крыши домовъ; птицы заливались въ лилахъ; женщины болтали, стоя на порогѣ своихъ домовъ; ребятишки возились въ пыли; Уленспигель съ Ламме бродили безцѣльно по улицамъ.

— Я спрашивалъ Мартина ванъ-денъ-Энде,—вдругъ сказалъ Ламме,—не видѣлъ ли онъ женщины, похожей на мою жену, и нарисовалъ ему ея милый образъ. На это онъ сказалъ, что у Стевенихи въ „Радугѣ“, за городомъ, по дорогѣ въ Брюгге, собирается по вечерамъ много женщинъ. Я иду туда.

— Я тоже приду,—сказалъ Уленспигель,—и мы встрѣтимся. Хочу осмотрѣть городъ. Если я гдѣ-нибудь встрѣчу твою жену, пришлю ее къ тебѣ. Ты слышала, трактирщикъ посоветовалъ молчать, если тебѣ дорога твоя шкура.

— Я буду молчать,—отвѣтила Ламме.

Уленспигель весело бродилъ по городу. Солнце зашло, и быстро стемнѣло. Такъ онъ добрался до Горшечной улицы—Pietrot-Stracetje; здѣсь слышались пѣвучіе звуки лютни. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ вдали бѣлую фигуру, которая манила его за собой, но все удалялась, наигрывая на лютнѣ. Точно пѣніе серафима, доносился протяжный и влекущій напѣвъ. Она напѣвала, останавливалась, оборачивалась, манила его и вновь скользила дальше.

Но Уленспигель бѣжалъ быстро. Онъ догналъ ее и хотѣлъ заговорить съ ней, но она положила надушенную бензоємъ руку на его уста.

— Ты крестьянинъ или дворянинъ?—спросила она.

— Я Уленспигель.

— Ты богатъ?

— Достаточно богатъ, чтобы заплатить за большое удовольствие, слишкомъ бѣденъ, чтобы выкупить мою душу.

— У тебя нѣтъ лошадей, что ты ходишь пѣшкомъ?

— У меня былъ осель, но онъ остался въ конюшнѣ.

— Почему это ты бродишь одинъ по чужому городу безъ друга?

— Мой другъ идетъ своимъ путемъ, я своимъ, любопытная красотка.

— Я не любопытна. Твой другъ богатъ?

— Богатъ саломъ. Кончишь ты скоро свои вопросы?

— Кончила. Теперь пусти меня.

— Тебя пустить? Это все равно, что потребовать отъ Ламме, когда онъ голоденъ, чтобы онъ не дотронулся до миски, полной дроздовъ. Я хочу съѣсть тебя.

— Ты меня не видѣлъ,—сказала она и открыла фонарь, разомъ озарившій ея лицо.

— Ты красавица, — вскричалъ онъ: — о, эта золотистая кожа, эти нѣжные глаза, эти красныя губы, эта гибкая талія—все будетъ мое.

— Все,—отвѣтила она.

Она повела его по дорогѣ въ Брюгге къ Стевенихѣ въ „Радугу“—in den Regen-boogh. Здѣсь Уленспигель увидѣлъ много гуляющихъ дѣвушекъ съ разноцвѣтными кружками на рукѣ, отличными по цвѣту отъ ихъ нарядовъ.

У той, которая привела его, тоже былъ на парчевомъ золотистомъ платьѣ кружокъ изъ серебристой ткани. Всѣ дѣвушки завистливо смотрѣли на нее. Войдя, она сдѣлала знакъ хозяйкѣ, но Уленспигель не замѣтилъ этого. Они сѣли и пили вдвоемъ.

— Знаешь ты,—сказала она,—что тотъ, кто разъ любилъ меня, принадлежитъ мнѣ навѣки?

— Благоуханная красотка,—отвѣтилъ онъ,—какое чудное ширшество вѣчно кормиться твоимъ мясомъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ Ламме, который, сидя въ уголкѣ за столикомъ предъ свѣчой, окорокомъ и кружкой пива, тщетно старался защитить свой окорокъ и пиво отъ двухъ дѣвушекъ, которыя во что бы то ни стало хотѣли поѣсть и выпить съ нимъ вмѣстѣ.

Увидѣвъ Уленспигела, Ламме всталъ, подпрыгнувъ на три локти вверхъ и крикнулъ:

— Слава Богу, что возвращаетъ мнѣ мой другъ Уленспигель! Пить, хозяйка!

Уленспигель вытащилъ кошелекъ и закричалъ:

— Пить, пока здѣсь не станетъ пусто.

И зазвенѣлъ червонцами.

— Слава Богу!—вскричалъ Ламме и ловко выхватилъ кошелекъ изъ его рукъ:—я плачу, а не ты: это мой кошелекъ.

Уленспигель хотѣлъ вырвать кошелекъ у него, но Ламме держалъ его крѣпко и, пока они боролись, сталъ урывками шептать Уленспигелю:

— Слушай... слушай... слышишь въ домѣ... четыре... Маленькая каморка съ тремя дѣвками... Снаружи двое для тебя... для меня... хотѣлъ выбраться... не удалось... Дѣвка въ партіи шпионка... Стевениха шпионка!..

Уленспигель, внимательно слушая его, продолжалъ бороться и кричалъ:

— Отдай кошелекъ, негодяй!

— Не получишь,—отвѣтилъ Ламме.

И они обхватили другъ друга и покатались на землю, между тѣмъ какъ Ламме напечатывалъ Уленспигелю свои сообщенія.

Вдругъ появился хозяинъ „Пчелы“, съ нимъ еще компанія изъ семи человекъ, причемъ однако онъ дѣлалъ видъ, что не знаетъ ихъ. Онъ кричалъ пѣтухомъ, а Уленспигель пѣлъ въ отвѣтъ жаворонкомъ.

— Кто такіе?—спросилъ хозяинъ „Пчелы“ у Стевенихи, указывая на дерущихся.

— Два бездѣльника, которыхъ лучше бы разлить, чѣмъ позволять имъ безобразить здѣсь, пока они не попали на висѣлицу.

— Пусть кто-нибудь посмѣетъ разнять насъ,—заоралъ Уленспигель:—онъ у меня бульжничать съ мостовой жрать будетъ!

— Да! Онъ у насъ бульжничать съ мостовой жрать будетъ!—повторилъ Ламме.

— Трактирщикъ спасетъ насъ,—шепнулъ Уленспигель Ламме на ухо.

Тутъ трактирщикъ, заподозрѣвъ что-то таинственное, мигомъ тоже ввязался въ драку. Ламме успѣлъ только шепотомъ спросить его:

— Ты нашъ спаситель?... Какъ?..

Трактирщикъ трясъ Уленспигеля за шиворотъ и потихоньку говорилъ при этомъ:

— Семерка для тебя... народъ здоровенный... мясники... Я ухожу... слишкомъ извѣстенъ въ городѣ... Когда уйду,—'t is van te voren de klinkaert (время звенѣть бокалами)— все разгромить...

— Такъ!—сказалъ Уленспигель и, поднявшись, ударилъ его погой. Трактирщикъ отвѣтилъ тѣмъ же.

— Крѣпко бьешь, толстякъ,—сказалъ Уленспигель.

— Какъ градъ,—отвѣтилъ трактирщикъ, схватилъ кошелекъ и передалъ его Уленспигелю.

— Мошевианк, — сказала Ламме: — заплати же за мою вышивку: твои деньги теперь у тебя.

— Будешь тебѣ выпивка, негодяй ты этакой! — отвѣтил Уленспигель.

— Какой наглецъ однако! — сказала Стевениха.

— Я такой наглецъ, какая ты красавица, — отвѣтил Уленспигель.

Стевенихъ же было за шестьдесятъ, лицо у нея было сморщено, какъ печеное яблоко, да еще желто отъ желчности. Посрединѣ лица торчалъ носъ въ родѣ совиного клюва. Въ глазахъ искрилась холодная жадность. Два длинныхъ клыка торчали изъ высохшаго рта. На лѣвой щекѣ расплзлось громадное багровое родимое пятно.

Дѣвушки хохотали, издѣвались надъ старухой и кричали:

— Красотка, красотка, дай ему вина. — Онъ за то поцѣдуетъ тебя! — Сколько прошло съ твоей первой свадьбы? — Берегись, Уленспигель, она тебѣ слопааетъ! — Смотри-ка, ея глаза сверкають не злобой, а любовью! — Чего добраго, она тебя искусааетъ до смерти. — Ничего, не бойся, это дѣлають всѣ влюбленныя женщины. — Только о твоємъ добрѣ она думаетъ. — Смотри, какъ она весела, какъ смѣшлива!

И, въ самомъ дѣлѣ, старуха смѣялась и подмигивала Жиллинѣ, дѣвушка въ парчевомъ платьѣ.

Хозяинъ „Пчелы“ выпилъ, расплатился и вышелъ. Мясики корчили Стевенихъ и ея сыщикамъ рожи въ знакъ сожалѣнія.

Одинъ изъ нихъ жестомъ показалъ, что онъ считаетъ Уленспигеля дуракомъ и подведетъ его, какъ слѣдуетъ. Онъ высунувъ Стевенихъ языкъ, она расхохоталась, показавъ при этомъ свои клыки. Но въ это время онъ шепнулъ Уленспигелю на ухо: — *T is van te beven de klinkaert.* — И, указывая на сыщиковъ, онъ продолжалъ громко:

— Любезный реформатъ, всѣ мы на твоей сторонѣ, угости насъ закуской и выпивкой.

И старуха хохотала и, когда Уленспигель поворачивался къ ней спиной, показывала ему языкъ. То же дѣлала и Жиллина въ своемъ парчевомъ нарядѣ.

И дѣвушки перешептывались между собой:

— Посмотрите-ка на шпіонку. Своей красотой она заманила болѣе двадцати семи реформатовъ, предала ихъ пяткѣ или страшной смерти. Жиллина изнываетъ отъ радости при мысли о платьѣ, которую она получитъ за доносъ — о первыхъ ста флоринахъ изъ наслѣдства ея жертвъ. Но она не смѣется, такъ какъ знаетъ, что придется дѣлиться со старухой.

И всё, сыщики, мясники и гуляція дѣвушки, показывали Уленспигелю языкъ, насмѣхались надъ нимъ. И съ Ламме, краснаго отъ гнѣва, какъ пѣтушій гребень, градомъ катился потъ, но онъ не говорилъ ничего.

— Ну, угощай насъ ѣдой и выпивкой,—говорили мясники и сыщики.

— Чтò жъ,—обратился Уленспигель къ старухѣ и снова зазвенѣлъ червонцами,—дай намъ вина и закуски, раскрасавица Стевениха, вина въ звенящихъ бокалахъ.

И снова расхохотались дѣвушки, и снова показала свои клыки старуха.

Однако она спустилась въ погребъ и въ кухню и принесла оттуда ветчины, сосисокъ, яичницу съ кровяной колбасой и звенящіе бокалы. Они назывались такъ потому, что стояли на ножкахъ и при толчкѣ звенѣли, точно колокольчики.

И Уленспигель сказалъ:

— Ыщите, кто голоденъ; у кого жажда, пейте.

Сыщики, дѣвушки, мясники, Жиллина и Стевениха отвѣтили на эту рѣчь одобрительнымъ шепотомъ и рукоплесканіями. Потомъ всё разсѣлось: Уленспигель, Ламме и семь мясниковъ вокругъ большого почетнаго стола, сыщики и дѣвушки за двумя столами поменьше. Съ громкимъ чмоканьемъ ѣла и пила компанія; обоимъ сыщиковъ съ улицы тоже пригласили ихъ товарищи принять участіе въ попойкѣ. Видно было, какъ изъ ихъ сумокъ торчатъ веревки и цѣпи.

Стевениха высунула языкъ и сказала съ усмѣшкой.

— Не уплативъ, никто не уйдетъ.

И она заперла всё двери и положила ключи въ карманъ. Жиллина подняла бокаль и провозгласила:

— Птичка въ клѣткѣ; выпьемъ!

— Ты опять собралась кого-то предать смерти, злая женщина?—спросили двѣ дѣвушки, Гена и Марго.

— Не знаю,—отвѣтила Жиллина:—выпьемъ!

Но три дѣвушки не захотѣли пить съ нею.

Жиллина взяла лютню и запѣла:

Подъ звуки пѣжной лютни
Пою я день и ночь,
Любви я продавщица,
Порока злая дочь.

Изъ пламени мнѣ бедра
Астарты создала;
Мое прекрасно тѣло,
И грудь моя бѣла.

Не смѣй со мной скуниться,
И золотой потокъ
Пусть весело струится
У бѣлыхъ моихъ ногъ.

Дочь Сатаны и Евы,
Я рай твоей мечты,
Земныя всё блаженства
Во мнѣ познаешь ты.

Я холодна—иль въ мнѣ
Нѣтъ ласкъ моихъ нѣжнѣй,
Пылка я иль безстрастна,—
По прихоти твоей.

Купи—здѣсь все продажно,
За деньги все отдамъ:
Улыбки, слезы, ласки,
А хочешь—смерть я дамъ.

Подъ звуки нѣжной лютни
Пою я день и ночь,
Любви я продавщица,
Порока злая дочь.

Она была такъ прекрасна и увлекательна во время нѣжня, что всѣ мужчины—сыщики, мясники, Ламме и Уленспигель сидѣли растроганные, безмолвно улыбаясь, околдованные ея чарами.

Вдругъ она расхохоталась и, бросивъ взглядъ на Уленспигеля, крикнула:

— Вотъ какъ заманиваютъ птичекъ въ клетку!

И разбились ея чары.

Уленспигель, Ламме и мясники переглянулись.

— Чтѣ жь,—спросила Стевениха,—теперь заплатите мнѣ, господниъ Уленспигель, добывающій добрый жирокъ изъ мяса проповѣдниковъ?

Ламме хотѣлъ-было отвѣтить, но Уленспигель, знакомъ приказавъ ему молчать, отвѣтилъ старухѣ:

— Мы не платимъ впередъ.

— Получу изъ твоего наслѣдства!

— Гиены живутъ трупами,—замѣтилъ Уленспигель.

— Да,—вскричалъ одинъ изъ сыщиковъ:—эта парочка ограбила проповѣдниковъ, больше трехсотъ флориновъ забрали! Недурная нажива для Жиллины!

Она запѣла:

Приди, мой покупатель,
Я все тебѣ отдамъ:
Мой взглядъ, мой лобзанья,
А хочешь—смерть я дамъ.

И извительно прибавила:

— Выпьемъ!

— Выпьемъ!—отвѣтили ещички.

— Во славу Господню! Выпьемъ!—сказала старуха:—
двери на замкѣ, окна на запорѣ, явочки въ клетѣ—выпьемъ!

— Выпьемъ!—сказалъ Уленсигель.

— Выпьемъ!—сказалъ Ламме.

— Выпьемъ!—сказали семеро.

— Выпьемъ!—сказали ещички.

— Выпьемъ!—сказала Жилина, и лютымъ зазвенѣла подъ
ея рукой:—выпьемъ, я прекрасна! Я бы архангела Гавриила
заманила въ западню моимъ пѣніемъ.

— Выпьемъ, стало-быть!—замечалъ Уленсигель, — и
для увѣщанія пиря — лучшаго вина! Хочу чувствовать
каплю жидкаго огня въ каждомъ волосѣ нашихъ жажду-
щихъ тѣлъ.

— Выпьемъ!—сказала Жилина:—еще двадцать пещарей,
какъ ты, и шуки перестанутъ вѣть.

Старуха подала вина. Сыщички и дѣвучки сидѣли, пили,
хотали. Уленсигель, Ламме и мясники сидѣли за своимъ
столомъ, бросали дѣвущкамъ петчину, колбасу, яйца и бу-
тылки, и тѣ ловили все на лету, какъ карны въ прудѣ хва-
таютъ пролетающихъ мошекъ. И старуха смѣялась, обнажал
свои зубы и указывая на салыны свѣчи, фунтовыми связ-
ками по пяти штукъ лежавшія на стойкѣ. Это были свѣчи
для дѣвущекъ.

— Когда идутъ на костеръ, въ рукахъ несутъ салыную
свѣчу,—сказала она Уленсигелю:—хочешь одну сейчасъ въ
подарокъ?

— Выпьемъ!—сказалъ Уленсигель.

— Выпьемъ!—сказали семеро.

— Глаза у Уленсигеля свѣтятся, какъ у умирающаго ле-
беда,—замѣтила Жилина.

— Не кинуть ли ихъ свиньямъ въ жратву?—сказала ста-
руха.

— Будетъ свѣтъ во откровеніе свиньямъ,—сказалъ Уле-
нсигель:—выпьемъ!

— Хочется тебѣ, чтобы на эшафотѣ тебѣ просверлили
языкъ раскаленнымъ желѣзомъ?

— Лучше свѣтѣть будетъ. Выпьемъ!

— Ты бы меньше болталъ, если бы уже висѣлъ на по-
рѣвѣ и твоя любезная пришла бы посмотрѣть на тебя.

— Да, но я сталь бы тяжелѣе и свалится бы на твою
рожу, красотка. Выпьемъ!

— Что-то ты скажешь, когда тебя будут бить палками и раскаленнымъ желѣзомъ выжгутъ тебѣ елеймо на лбу и плечахъ?

— Скажу, что ошиблись мисомъ: вмѣсто того, чтобы поджарить свинью Степениху, сожгли поросенка Уленингеля. Вышьемъ!

— Такъ какъ тебѣ все это не по вкусу, то тебя потащатъ на королевскіе корабли и, привязавъ къ четыремъ галерамъ, разорвутъ на куски.

— Акулы сожрутъ мои четыре конечности, а что онѣ выплюнутъ, то ты слопаешь. Вышьемъ!

— Почему бы тебѣ не сѣсть одну такую свѣчку? Она бы въ аду освѣтила тебѣ мѣсто твоихъ вѣчныхъ мученій.

— И вижу достаточно ясно, чтобы разглядѣть твое свиное рыло, хавронья ты недошпаренная. Вышьемъ! — прикнулъ Уленингель.

Вдругъ онъ постучалъ ложкой своего бокала по столу и похлопалъ руками по столу, какъ дѣлаетъ тюфячникъ, мѣрно разбивая шерсть для тюфяка, только потихоньку, — и сказалъ:

— 'T is (tydt) van te beven de klinkaert (время звенѣть бокалами)!

Такъ кричатъ во Фландріи, когда гулики недовольны и начинаютъ громить дома съ красными фонарями.

И Уленингель вынулъ, звякнувъ своимъ бокаломъ о столъ и сказалъ:

— 'T is van te beven de klinkaert!

То же сдѣлали за нимъ и мясники.

И все притихло: Жилина поблѣднѣла, старуха Степениха увидѣла, что ошиблась. Сыщики говорили:

— Развѣ эти семеро на вашей сторонѣ?

Но мясники, подмигивая, успокаивали ихъ и все громче и громче твердили за Уленингелемъ: — 'T is van te beven de klinkaert, 't is van te beven de klinkaert!

Старуха плала, чтобы прихрабриться.

И Уленингель началъ опять равномерно бить кулакомъ по столу, какъ тюфячникъ, разбивающій тюфякъ. И мясники дѣлали то же. Стаканы, кружки, тарелки, бутылки, бокалы начали медленно плясать по столу, падали, разбивались, подсканивали, чтобы вновь упасть съ одного бока на другой, и все грознѣе, мрачнѣе, наступательнѣе и равномернѣе звучало:

— 'T is van te beven de klinkaert!

— Ой, — закричала старуха: — этакъ они все здѣсь перебьютъ!

И отъ страха оба ея клыка еще дальше вылѣзли изо рта.

И бѣшеной яростью загорѣлась кровь въ дулѣ семерыхъ, Уленспигеля и Ламме.

Не прекращая своего однозвучнаго напѣва, они били равномерно своими бокалами по столу, пока не разбили ихъ, сѣли верхомъ на скамьи и вытащили свои длинные ножи. И пѣніе ихъ стало уже такъ громко, что дрожали всѣ окна въ домѣ. Какъ яростные дьяволы, двигались они вокругъ столовъ и вокругъ всей комнаты, твердя безпрерывно:

— 'T is van te beven de klinkaert!

Тутъ, дрожа отъ страха, встали сыщики и схватились за свои веревки и цѣпи. Но мясники, Уленспигель и Ламме вновь спрятали свои ножи, схватились за скамьи, размахивали ими, какъ дубинами, носились по комнатѣ, колотили направо и налево, щадя только дѣвушекъ. И они разбили все: мебель, стекла, шкафы, кружки, тарелки, стаканы, бокалы, бутылки, безъ сожалѣнія отколотили сыщиковъ и все пѣли въ тактъ:

— 'T is van te beven de klinkaert!

Между тѣмъ Уленспигель двинулъ Стевенихъ кулакомъ прямо въ рожу, вынулъ у нея изъ кармана ключи и, стоя надъ ней, насильно заставилъ ее ѣсть соленую свѣчу.

Красавица Жиллина, точно испуганная кошка, скреблась когтями въ двери, окна, занавѣски, стекла, какъ будто хотѣла пролѣзть сквозъ все разомъ. Потомъ, мертвенно-блѣдная, она съежилась на корточкахъ въ уголку; глаза ея блуждали, зубы оскалились, она держала свою лютю, какъ бы обороняясь ею.

Мясники и Ламме говорили дѣвушкамъ:— „Мы васъ не тронемъ“,—и при ихъ помощи связали дрожащихъ сыщиковъ веревками и цѣпями. И тѣ не осмѣлились оказать ни малѣйшаго сопротивленія, такъ какъ видѣли, что мясники—самые сильные, какихъ могъ отобрать хозяинъ „Пчелы“—изрубили бы ихъ на куски своими ножами.

При каждой свѣчѣ, которую Уленспигель заставлялъ проглотить Стевениху, онъ приговаривалъ:

— Вотъ эту свѣшь за висѣлицу; эту за палки; эту за клейма; эту четвертую за мой продыравленный языкъ; эту пару, жирную, отличную, за королевскіе корабли и четыре галеры, разорвавшія меня на куски; эту за твой шпіонскій вертепъ; эту за твою стерву въ парчѣ, а эти остальные для моего удовольствія.

И дѣвушки хохотали, видя, какъ фыркала отъ ярости старуха и старалась выплюнуть свѣчи. Но все было напрасно: слишкомъ былъ набить ей ротъ.

Уленспигель, Ламме и семеро съ прежней мѣрностью неустанно напѣвали:—'T is van te beven de klinkaert!

Затѣмъ Уленспигель сдѣлать имъ знакъ лишь тихо повторять припѣвъ и подѣ звуки его заявилъ сыщикамъ и дѣвушкамъ:

— Если кто-нибудь крикнетъ о помощи, онъ будетъ тотчасъ же изрубленъ.

— Изрубленъ!—повторили мясники.

— Мы будемъ нѣмы,—говорили дѣвушки:—не трогай насъ, Уленспигель.

Жилина же все сидѣла, скорчившись, въ своемъ уголкѣ, съ выпученными глазами и оскаленными зубами; она не знала, что ей сказать, и только прижимала къ себѣ свою лютню.

Мясники тихо и мѣрно повторяли:—'T is van te beven de klinkaert!

Старуха, указывая на свѣчи въ своемъ рту, знакомъ увѣрила, что будетъ молчать. То же обѣщали и сыщики.

Уленспигель* продолжалъ:

— Вы въ нашей власти. Ночь темна, близко рѣка, гдѣ нетрудно и утонуть, если васъ туда бросать. Ворота Кортрейка заперты. Если ночная стража и слышала шумъ, она не двинется съ мѣста—для этого она слишкомъ лѣнива—и рѣшитъ, что собрались добрые фламандцы, распѣвающіе за удамой вышивкой подѣ веселые звуки стакановъ и бутылокъ. Поэтому не смѣйте пикнуть и молчите предѣ вашими повелителями.

Затѣмъ онъ обратился къ мясникамъ:

— Вы направитесь въ Петегемъ, гдѣ присоединитесь къ гѣзамъ.

— Узнавъ, что ты явился, мы собрались въ путь.

— Оттуда вы двинетесь къ морю?

— Да.

— Нѣтъ ли среди сыщиковъ такихъ, которыхъ можно выпустить, чтобы они служили намъ?

— Двое изъ нихъ, Никласъ и Юосъ, никогда не преслѣдовали бѣдныхъ реформатовъ.

— Мы люди вѣрные,—заявили Никласъ и Юосъ.

— Вотъ вамъ двадцать флориновъ,—сказалъ Уленспигель,—вдвое больше, чѣмъ вы когда-либо получали іудинными сребрениками за доносъ.

— Двадцать флориновъ?—закричали прочіе:—за двадцать флориновъ мы готовы служить принцу! Король платитъ скупо. Дай каждому изъ насъ половину, и мы покажемъ судѣ все, что ты хочешь.

Мясники и Ламме глухо бормотали:

— 'T is van te beven de klinkaert! 'T is van te beven de klinkaert!

— Чтобы вы не болтали слишком много, васъ связанными доставятъ въ Петегемъ къ гѣзамъ. Вы получите по десяти флориновъ, когда будете въ морѣ; а до тѣхъ поръ, мы въ этомъ увѣрены, походная кухня удержитъ васъ въ вѣрности хлѣбу и водѣ. Если вы окажетесь достойными, вы получите долю въ добычѣ. При попыткѣ бѣжать вы будете повѣшены. Если вамъ удастся убѣжать, вы избѣгнете веревки, но не уйдете отъ ножа.

— Мы служимъ тому, кто намъ платитъ, — отвѣтили они.

— 'T is van te beven de klinkaert! — повторяли Ламме и мясники, постукивая по столу осколками бокаловъ и черепками тарелокъ.

— Вы заберете съ собой также Жиллину, старуху и трехъ дѣвокъ, — продолжалъ Уленспигель. — Если кто-нибудь изъ нихъ вздумаетъ бѣжать, зашейте ее въ мѣшокъ и бросьте въ рѣку.

— Онъ не убить меня! — закричала Жиллина, выскочила изъ своего угла и, размахивая лютней, заплѣла:

Кровавыя видѣнья —
Души моей мечты.
Дочь Сатаны и Евы,
Жива осталась ты.

Старуха Стевениха и прочія чуть не ревѣли.

— Не бойтесь, красотки, — сказалъ Уленспигель, — вы такъ милы и пѣжны, что васъ повсюду будутъ любить, ласкать и баловать. Будете имѣть долю и въ военной добычѣ.

— Я ничего не получу, — плакала Стевениха: — я уже стара.

— Грошъ въ день, ты, крокодиль, — сказалъ Уленспигель: — зато ты станешь служанкой у этихъ дѣвушекъ, стирать будешь ихъ юбки и рубахи.

— О, Господи! — простонала она.

— Ты долго властвовала надъ ними, — сказалъ Уленспигель, — ты жила доходомъ съ ихъ тѣла, а онѣ бѣдствовали и голодали. Рѣви и ной сколько угодно, будетъ такъ, какъ я сказалъ.

И, смѣясь и издѣваясь надъ ней, показывая ей языкъ, четыре дѣвушки говорили:

— Всякому свой чередъ на этомъ свѣтѣ. Кто бы подумалъ это о скупой Стевенихѣ? Она будетъ работать на насъ, какъ служанка. Господи, благослови господина Уленспигеля!

— Очистите винный погребъ, заберите деньги, — приказалъ Уленсигель мясникамъ и Ламме: — будетъ на содержаніе старухи и четырехъ дѣвушекъ.

— Зубами скрежещеть скупая Стевениха, — говорили дѣвушки: — ты была жестока съ нами, мы будемъ жестоки съ тобой. Господи, благослови господина Уленсигеля!

И, обратившись къ Жиллинѣ, онѣ говорили:

— Ты была ей дочерью и добытчицей. Ты дѣлала съ ней плату за подлое инюство. Посмѣешь ты теперь бить и ругать насъ, ты, въ парчевомъ твоёмъ нарядѣ? Ты презирала насъ потому, что мы ходили въ простыхъ бумажныхъ платьяхъ; кровь твоихъ жертвъ, — вотъ что такое твой пышный нарядъ. Раздѣньте се — пусть она сравнивается съ нами.

— Не позволяю, — сказалъ Уленсигель.

И Жиллина бросилась ему на шею со словами:

— Будь благословенъ за то, что ты не убилъ меня и не позволилъ изуродовать меня.

И дѣвушки ревниво смотрѣли на Уленсигеля и говорили:

— И онѣ безъ ума отъ нея, какъ и всѣ прочіе.

Жиллина пѣла подъ свою лютню.

Мясники пошли въ Петегемъ, ведя за собой сыщиковъ и дѣвушекъ вдоль по теченію Лей, и все твердили по дорогѣ:

— 'T is van te beven de klinkaert! 'T is van te beven de klinkaert!

На разсвѣтѣ они пришли къ лагерю, зашептали жаворонкомъ, и дѣвственный крикъ отвѣтилъ имъ. Дѣвушки и сыщики были взяты подъ строгій надзоръ. Тѣмъ не менѣе на третій день около полудня Жиллину нашли мертвой; сердце ея было проткнуто длинной булавкой. Три дѣвушки обвинили въ этомъ Стевениху, и она предстала предъ судомъ, состоявшимъ изъ капитана, его фельдфебелей и вахмистровъ. Здѣсь она безъ пытки созналась въ томъ, что убила Жиллину изъ зависти къ ея красотѣ и разъяренная тѣмъ, что дѣвга безжалостно обращалась съ ней, какъ со служанкой. И старуха была повѣшена и зарыта въ лѣсу.

И Жиллина была погребена, и надъ ея прекраснымъ тѣломъ были вознесены заукойныя молитвы.

Между тѣмъ оба сыщика, наставленные, какъ должно, Уленсигелемъ, отправились къ кортрейскому кастеляну. Ибо безчинства и разгромъ въ домѣ старухи Стевенихи, расположенномъ въ кастелянствѣ и внѣ городской подсудности Кортрейка, подлежали его суду. Разказавъ кастеляну все, что произошло, они лзыкамъ глубочайшаго убѣжденія и смиренной искренности заявили ему:

— Убийцами проповѣдниковъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть Уленспигель и его вѣрный другъ Ламме Гоодзакъ, остановившіеся для отдыха въ „Радугѣ“. У нихъ паспорта отъ самого герцога, которые мы видѣли своими глазами. Настоящіе виновники—два гентскіе купца, одинъ худощавый, другой очень толстый, бѣжавшіе во Францію, послѣ того какъ они разгромили домъ старухи Стевенихи, захвативъ еще съ собой для размеченія четырехъ дѣвокъ. Мы бы схватили ихъ, если бы на ихъ сторону не стали семь сильныхъ мясниковъ изъ ихъ города. Они связали насъ и отпустили лишь тогда, когда были уже далеко за французской границей. Вотъ и слѣды веревокъ. Четыре сыщика слѣдуютъ за ними по пятамъ и ожидаютъ подкрѣпленій, чтобы схватить ихъ.

Кастелянъ далъ каждому изъ нихъ по два дуката и новую одежду въ награду за ихъ честную службу.

Затѣмъ онъ написалъ верховному трибуналу Фландріи, суду старшинъ въ Кортрейкѣ и прочимъ судамъ, что настоящіе убійцы найдены.

И онъ сообщилъ имъ подробности.

Это привело въ трепетъ судей верховнаго трибунала и прочихъ судовъ.

И высокую хвалу воздавали кастеляну за его проникаемость.

А Уленспигель съ Ламме мирно подвигались впередъ изъ Петегема въ Гентъ вдоль по теченію Лей. Они направлялись въ Брюгге, гдѣ Ламме надѣялся найти свою жену, и въ Дамме, гдѣ Уленспигель уже блаженствовалъ въ мечтѣ увидѣть Неле, которая жила печальной жизнью подлѣ безумной Катлины.

XXXVI.

Давно уже Дамме и его окрестности сдѣлались мѣстомъ совершенія многочисленныхъ чудовищныхъ злодѣяній. Если дѣвушка, мальчикъ или старикъ отправлялись въ Брюгге, Гентъ или другой городъ или мѣстечко Фландріи, имѣя при себѣ деньги, и это было напередъ извѣстно, ихъ непременно находили на пути убитыми. Трупы были раздѣты до гола и шея ихъ была прокушена столь длинными и острыми зубами, что у всѣхъ были переломаны шейные позвонки.

Врачи и цырюльники опредѣляли, что это зубы громаднаго волка.—Разумѣется,—говорили они,—потомъ явились воры и ограбили жертву волка.

Однако, несмотря на всѣ розыски, невозможно было поймать воровъ, и волкъ былъ забытъ.

Многіе знатные граждане, самопадѣянно выѣзжавшіе по большой дорогѣ безъ спутниковъ, исчезли, такъ что невозможно было доискаться, что съ ними случилось; но бывало не разъ, что крестьянинъ, спозаранку выѣзжая на работу, замѣчалъ волчьи слѣды на своемъ полѣ, и его собака, копаясь въ землѣ, отрывала трупъ, носившій на шеѣ или за ухомъ, а иногда на ногѣ и всегда сзади, слѣды волчьихъ зубовъ. И всегда шейные позвонки и ноги были перебиты.

Крестьянинъ въ ужасѣ бѣжалъ къ коменданту со страшнымъ извѣстіемъ, тотъ выѣзжалъ съ судебнымъ писаремъ, двумя старшинами и двумя лѣкарями на мѣсто, гдѣ найденъ былъ трупъ убитаго. Тщательно тотчасъ же изслѣдовавъ, а иногда—если лицо его еще не было раздѣдено червями—узнавъ также, какого онъ званія, а то и его имя и прозвище, они приходили въ изумленіе, не понимая, отчего это волкъ, загрызавшій людей съ голоду, не съѣлъ ни кусочка мяса убитаго.

Обыватели Дамме были страшно напуганы, и никто изъ нихъ не рѣшался выйти ночью безъ охраны.

Взяли нѣсколькихъ безстрашныхъ солдатъ и послали искать волка днемъ и ночью въ дюнахъ и на морскомъ берегу.

Какъ-то ночью они были на большихъ дюнахъ недалеко отъ Гейста. Одинъ изъ нихъ, въ надеждѣ на свою силу, рѣшилъ отдѣлиться отъ прочихъ и въ одиночку пойти на розыски съ аркебузомъ. Они не противились, такъ какъ были увѣрены, что онъ, человѣкъ смѣлый и хорошо вооруженный, конечно, убьетъ волка, если встрѣтитъ его.

Когда товарищъ ихъ удалился, они разложили костеръ, играли въ кости и пили водку изъ фляжки.

Время отъ времени они покрикивали ему:

— Вернись! Волкъ испугался. Иди, вышьемъ!

Но онъ не откликнулся.

Вдругъ они услышали страшный, какъ бы предсмертный крикъ человѣка и бросились туда, гдѣ онъ прозвучалъ, подгоняя другъ друга:

— Держись! Мы бѣжимъ на помощь!

Но они не такъ скоро нашли товарища, такъ какъ одни говорили, что крикъ слышался съ поля, другіе—что онъ допелся съ вершины одной дюны.

Наконецъ, обыскавъ все поле и дюны съ фонарями, они нашли тѣло товарища; сзади у него была искусана шея, и ноги были переломаны, какъ и у другихъ жертвъ.

Онъ лежалъ на спинѣ и въ судорожно сжатой рукѣ держалъ пшягу. Аркебузъ лежалъ на пескѣ. Подлѣ него нашли

три отрубленные пальца, не принадлежавшіе ему; они взяли ихъ съ собой. Сумка была похищена.

Взваливъ прахъ товарища на плечи, они взяли его доблестную шиню и честный аркебузъ и скорбно и гнѣвно поехали тѣло къ городскому замку. Здѣсь привіалъ ихъ комендантъ съ писаремъ, двумя старшинами и двумя лѣкарями.

Пальцы были изслѣдованы и оказались принадлежащими старшину, который никогда не занимался ручнымъ трудомъ; ибо они были гладки, и ногти на нихъ были длинные, точно они съ руки судейскаго или церковника.

На другой день комендантъ, старшины, писарь, врачи и солдаты отправились на то мѣсто, гдѣ былъ искушать покойный обѣдникъ, и увидѣли капли крови въ травѣ и слѣды, которые вели къ морю и тамъ исчезали.

XXXVII.

Пришло время зрѣлаго винограда и съ нимъ четвертый день сентября, день, когда въ Брюсселѣ съ колокольна св. Николая послѣ большой обѣдни бросаютъ народу мѣшки орѣховъ.

Ночью Неле проснулась отъ криковъ, послыхавъ съ улицы. Она осмотрѣлась въ комнату—Катлины не было.

Сбѣжавъ внизъ, она распахнула дверь, въ которую вбѣжала Катлина съ крикомъ:

— Спаси меня! Спаси меня! Волкъ! Волкъ!

И Неле услышала завываніе вдали въ полѣ. Дрожь отъ страха, она зажгла всѣ свѣчи, салныя и восковыя, всѣ свѣтильники.

— Чтѣ случилось, Катлина?—спросила она, обнимая мать.

Та усѣлась съ перекошенными отъ страха глазами, посмотрѣла на свѣчи и сказала:

— Солнце прогнало злыхъ духовъ. Волкъ, волкъ воетъ въ полѣ.

— Но зачѣмъ же ты встала со своей теплой постели и вышла, чтобы въ сырую сентябрьскую ночь схватить лихорадку?—спросила Неле.

И Катлина стала рассказывать:

— Гансикъ этой ночью кричалъ орломъ; я открыла ему дверь. Онъ сказалъ: „Выпей волшебнаго питья“. Я выпила. Онъ красивый, Гансикъ. Уберите огонь! Потомъ повелъ онъ меня къ каналу и сказалъ:—„Катлина, я верну тебѣ семьсотъ червонцевъ, ты ихъ отдашь Уленсигелю, сыну Клааса. Вотъ тебѣ два на платье. Скоро получишь тысячу“.—„Тысячу?—говорю я:—дорогой мой, тогда я буду богатая“.—„Да, по-

лучишь,—говорить:—а цѣть ли въ Дамме женщины или дѣвушкѣ, которыя теперь такія богатя, какая ты будешь?—
„Я не знаю“,—говорю. Но я не хотѣла назвать ихъ имена, а то онъ ихъ будетъ любить. И тогда онъ сказалъ:—„Разузнай, скажешь мнѣ, кто онѣ, когда я въ другой разъ приду“.

„Такъ холодно, стали туманы бѣжать по полю, сухія вѣтки съ деревьевъ на дорогу падаютъ. И мѣсяцъ блеститъ, а по каналу на водѣ огоньки свѣтятся. Гансикъ говоритъ:—„Это ночь оборотней. Всѣ грѣшныя души выходятъ изъ ада. Надо три раза лѣвой рукой перекреститься и сказать:—„Соль! соль! соль!“—это знакъ безсмертія. Тогда они тебя не тронуть“.

„Я говорю:—„Я все сдѣлаю, какъ ты хочешь, Гансикъ, дорогой мой“. Онъ поцѣловалъ меня и говоритъ:—„Ты моя жена“. Я говорю:—„Да“. И отъ этихъ нѣжныхъ его словъ по всему моему тѣлу разлилась такая небесная сладость, точно бальзамъ какой. Онъ возложилъ на меня вѣнокъ изъ розъ и говоритъ:—„Ты красавица“. И я сказала:—„Ты тоже красивый, Гансикъ, дорогой мой, въ твоемъ барскомъ нарядѣ, въ зеленомъ бархатѣ съ золотой вышивкой, съ твоимъ длиннымъ страусовымъ перомъ на шляпѣ и твоимъ блѣднымъ лицомъ, свѣтящимся, какъ волны морскія. О, наши дѣвушки въ Дамме, какъ увидятъ тебя, побѣгутъ за тобой, моля о твоей любви. Но ты ее дашь только мнѣ, Гансикъ“. Онъ отвѣтилъ:—„Ты разузнай, какія самыя богатя, ихъ деньги достанутся тебѣ“. Потомъ онъ ушелъ и не велѣлъ мнѣ идти за нимъ.

„Вотъ я осталась тамъ и брэнчала золотыми, — онъ мнѣ оставилъ три штуки,—и дрожала, знобило меня отъ тумана. Тутъ вижу, вылѣтъ изъ лодочки и идетъ вдоль по берегу волкъ, морда зеленая, и въ бѣлой шерсти торчатъ длинныя кам шинки. Я крикнула:—„Соль! соль! соль!“ и перекрестилась, но онъ какъ будто совсемъ не испугался. Я бросилась бѣжать чтò есть духу и кричала, а онъ ревилъ, и я слышала за собой, какъ онъ громко щелкаетъ зубами, и одинъ разъ ужъ такъ близко,—думаю: вотъ-вотъ схватитъ меня за плечо. Но я бѣжала скорѣе, чѣмъ онъ. На счастье тутъ на углу Цапфиной улицы встрѣтился ночной сторожъ съ фонаремъ. „Волкъ, волкъ!“—кричу ему. А онъ отвѣчаетъ:—„Не бойся дурочка Катлина, я тебя отведу домой“. И онъ взялъ меня за руку, а я чувствую,—его рука дрожитъ. И онъ тоже испугался“.

— Но вотъ онъ ужъ теперь не боится,—сказала Неле:—слышишь, какъ онъ протяжно поетъ:—De clock is tien, tien

aen de clock: десять часовъ, десять пробило! И колотушкой стучить.

— Уберите огонь!—сказала Катлина:—горить моя голова. Приди ко мнѣ опять, Гансикъ, любовь моя!

И Неле смотрѣла на Катлину и молила Пресвятую Богородицу очистить голову матери отъ огни безумія и плакала надъ ней.

XXXVIII.

Въ Беллемѣ на берегу Брюггскаго канала Уленспигель и Ламме встрѣтили всадника съ тремя пѣтушными перьями на мягкой шляпѣ, во весь опоръ несущагося по направленію къ Генту. Уленспигель зафѣлъ жаворонкомъ; всадникъ остановился и отвѣтилъ пѣтушинымъ крикомъ.

— Ты съ извѣстіями, стремительный всадникъ?—спросилъ Уленспигель.

— Съ важными извѣстіями,—отвѣтилъ всадникъ.—По совѣту французскаго адмирала де-Шатильона, принцъ приказалъ, кромѣ тѣхъ судовъ, которыя стоятъ вооруженными въ Эмденѣ и Восточной Фрисландіи, готовить еще военные корабли. Достойные мужи, получившіе этотъ приказъ: Адрианъ де-Бергесъ, владѣтель Долна; его братъ Людовикъ Геннегаускій, баронъ Монфоконъ; Людвигъ Бредероде; Альбертъ Эгмонтъ, сынъ казеннаго, не избѣнникъ, какъ его братъ; Бертель Энтенсъ де-Ментеда, фрисландецъ; Адрианъ Менингъ, Хембейзе, гордый и неукротимый гентецъ, и Янъ Брокъ. Принцъ отдалъ на это дѣло всѣ свои деньги, болѣе пятидесяти тысячъ флориновъ.

— Еще пятьсотъ у меня,—сказалъ Уленспигель.

— Неси ихъ къ морю,—отвѣтилъ всадникъ.

И онъ поскакалъ.

— Онъ отдалъ всѣ свои деньги,—сказалъ Уленспигель:—мы можемъ отдать только нашу шкуру.

— Чтò жъ, развѣ этого мало?—спросилъ Ламме:—и когда же услышимъ мы о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ разгромовъ и убійствъ? Оранскій повергнуть во прахъ.

— Да, повергнуть,—отвѣтилъ Уленспигель:—повергнуть, какъ дубъ; но изъ этого дуба строить корабли свободы.

— Къ его выгодѣ,—сказалъ Ламме:—ну, такъ какъ теперь въ этомъ нѣтъ опасности, то купимъ-ка себѣ ослось. Я предпочитаю путешествовать сидя и безъ колокольчиковъ на подошвахъ.

— Хорошо, купимъ ослось,—отвѣтилъ Уленспигель:—эту животину опять сбыть не трудно.

Они отправились на рынокъ, выбрали и купили пару отличныхъ ословъ съ сбруей.

XXXIX.

Такъ они и ѣхали верхомъ, нога справа, нога слѣва, вплоть до деревни Оостъ-Кампъ, расположенной у большого дѣса, примыкающаго къ каналу. Въ поискахъ тѣни и мягкаго воздуха, они вошли сюда, но видѣли предъ собой лишь длинныя просѣки путей, тянущихся по всѣмъ направленіямъ, въ Брюгге, Гентъ, въ южную и въ сѣверную Фландрію.

Вдругъ Уленспигель спрыгнулъ съ осла:

— Не видишь тамъ ничего?

— Вижу,—отвѣтилъ Ламме. И вдругъ закричалъ съ дрожью въ голосъ:

— Моя жена! Моя милая жена! Это она, сынъ мой! Ахъ, я не знаю, какъ подойти къ ней! Такъ пайти ее!

— Чего ты стонешь?—сказалъ Уленспигель:—она вѣдь недурна въ этомъ видѣ, полуголая, въ кисейномъ платьѣ съ разрѣзами, сквозь которые видно ея свѣжее тѣло. Но она слишкомъ молода, это не твоя жена!

— Сынъ мой,—говорилъ Ламме,—это она, сынъ мой. Я узналъ ее. Поддержи меня, я не могу шага сдѣлать. Кто могъ о ней это подумать? Такъ безстыдно плясать въ цыганскомъ нарядѣ? Да, это она; смотри, эти стройныя, изысканныя ноги, ея руки, обнаженныя до плечъ, ея круглыя, золотистыя груди, до половины выглянувшія изъ ея прозрачнаго платья. Смотри, какъ она дразнитъ краснымъ платкомъ большую собаку, которая прыгаетъ за нимъ.

— Это египетская собака,—сказалъ Уленспигель:—въ Нидерландахъ нѣтъ такой породы.

— Египетская.. не знаю... но это она! Ахъ, сынъ мой, я ничего не вижу. Вотъ она подобрала юбку повыше, чтобы еще больше обнажить свои пухленькія икры. И она смѣется, чтобы мы видѣли ея бѣлые зубки и слышали ясный звонъ ея нѣжнаго голоса. И сверху распахнула платье и откинулась назадъ. О, эта шея влюбленнаго лебедя, эти голыя плечи, эти смѣлые, ясные глаза! Бѣгу къ ней.

И онъ спрыгнулъ съ осла.

Но Уленспигель удержалъ его, говоря:

— Эта дѣвочка вовсе не твоя жена; мы подлѣ цыганскаго табора, берегись-ка. Видишь тамъ дымъ за деревьями? Слышишь лай собакъ? Смотри, ужъ бѣжитъ на насъ стая, смотреть и, чего добраго, набросится. Спрячемся лучше въ кустахъ.

— Не буду прятаться, — отвѣтилъ Ламме: — это моя жена, такая же фламандка, какъ и мы.

— Ты слѣпой дуракъ, — сказалъ Уленспигель.

— Слепой? Нѣтъ! Я отлично вижу, какъ она тамъ полуобнаженная пляшетъ, смѣется и дразнить большую собаку. Она притворяется, будто не видитъ насъ, но, увѣрю тебя, она насъ видитъ. Тиль, Тиль, смотри же! Собака бросилась на нее и повалила ее на землю, чтобы вырвать красный платокъ. Она упала, кричить жалобно.

И Ламме стремительно бросился къ ней съ крикомъ:

— Милая моя, дорогая жена моя! Гдѣ ты ушиблась, красавица моя? Почему ты такъ хохочешь? Твои глаза выпучены отъ страха.

Онъ цѣловалъ ее, ласкалъ и говорилъ:

— Но гдѣ же твоя родинка, что была подъ лѣвой грудью? Я ее не вижу, гдѣ она? Ой, ой, ты не жена моя! Господи Создатель!

А она хохотала неудержимо.

Вдругъ Уленспигель крикнулъ: — Берегись, Ламме!

И Ламме, обернувшись, увидѣлъ предъ собой долговизаго цыгана съ тощимъ смуглымъ лицомъ, напоминающимъ репер-коекъ — ржакой приникъ.

Ламме схватился за свой дротикъ, принялъ оборонительное положеніе и закричалъ:

— На помощь, Уленспигель!

И Уленспигель былъ уже здѣсь съ мечомъ въ рукѣ.

Но цыганъ сказалъ по-нѣмецки:

— *Gibt mi ghelt, en richsthaler auf tsein* (дай мнѣ денегъ, рейхсталеръ или десять).

— Видишь, — сказалъ Уленспигель: — дѣвочка съ хохотомъ убѣжала и все оборачивается, смотреть, не идетъ ли кто за ней слѣдомъ.

— *Gibt mi ghelt*, — повторилъ цыганъ: — заплати за любовное удовольствіе. Мы народъ сбѣдный и ничего дурного вамъ не сдѣлаемъ.

Ламме далъ ему дукать.

— Чѣмъ ты занимаешься? — спросилъ Уленспигель.

— Всѣмъ на свѣтѣ, — отвѣтилъ цыганъ. — Мы мастера на всякія чудеса ловкости и умѣнія. Мы играемъ на бубнѣ и танцуемъ венгерскіе танцы. Многіе изъ насъ изготовляютъ кѣтки и жаровни, на которыхъ можно жарить отличное жаркое. Но вы всѣ, и фламандцы и валлоны, боитесь насъ и гоните насъ. И такъ какъ поэтому мы не можемъ питаться трудомъ рукъ своихъ, приходится жить воровствомъ: крадемъ

у крестьянъ овощи, мясо, птицу, которыхъ они намъ не продаютъ и даромъ не даютъ.

— Что это за дѣвушка, которая такъ похожа на мою жену?—спросилъ Ламме.

— Это дочь нашего старшины.—отвѣтилъ цыганъ.

И онъ продолжалъ потихоньку, какъ бы со страхомъ:

— Господь поразилъ ее любовнымъ безуміемъ, и она не знаетъ женской стыдливости. Едва она увидитъ мужчину, какъ бессмысленное веселье овладѣваетъ ею, и она смѣется безъ удержу. Она почти не говоритъ, и долгое время ее считали совсѣмъ нѣмою. По ночамъ она сидитъ, хныча, у костра, иногда плачетъ или смѣется безъ всякой причины, показываетъ на животъ, говоритъ, что тамъ болитъ. Лѣтомъ къ полудню послѣ ѣды у нея припадки самаго дикаго безумія. Она раздѣвается почти до гола подлѣ нашего табора и пляшетъ. И никакого другого платья, кромѣ прозрачнаго, она носить не хочетъ, и зимой лишь съ величайшими усилиями намъ удается закутать ее въ шерстяную накидку.

— Что же, —спросилъ Ламме:— неужто у нея нѣтъ возлюбленнаго, который запретилъ бы ей такъ отдаваться первому встрѣчному?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ цыганъ:—вѣдь когда путники подходятъ къ ней ближе и видятъ ея безумные глаза, они испытываютъ скорѣе страхъ, чѣмъ любовь. Этотъ толстякъ былъ смѣль,—прибавилъ онъ, показывая на Ламме.

— Пусть болтаетъ, сынъ мой,—сказалъ Уленспигель:—это треска, что клеветаетъ на кита. Отъ кого изъ нихъ ворвани больше?

— У тебя сегодня злой языкъ,—сказалъ Ламме.

Но Уленспигель, не слушая его, спросилъ цыгана:

— Однако что же она дѣлаетъ, если другіе оказываются такими же смѣлыми, какъ и Ламме?

— Получаетъ свое удовольствіе и свой заработокъ,—мрачно отвѣтилъ цыганъ.— Кто попользовался ею, платитъ за свое удовольствіе, и эти деньги идутъ на ея наряды и на потребности стариковъ и женщинъ.

— Значитъ, она никого не слушается? —спросилъ Ламме.

— Не мѣшайте тѣмъ, кого поразилъ Господь, жить по своей волѣ,—отвѣтилъ цыганъ,—ибо тѣмъ выразилъ Господь Свою волю. Таковъ нашъ законъ.

Уленспигель и Ламме отправились дальше. И цыганъ важно и величаво возвратился въ таборъ. А дѣвушка хохотала и плясала на полянѣ.

XI.

По пути въ Брюгге Уленспигель обратился къ Ламме:

— Много денегъ мы издержали: на вербовку солдатъ, на уплату сыщикамъ, на подарокъ цыганкѣ, не говори уже о многочисленныхъ *olie-koeckjes* (оладьяхъ), которыхъ ты лучше готовъ съѣсть сотню, чѣмъ продать одну. Слѣдовательно мы, невзирая на твое обжорство, должны постараться жить благопристойнѣе. Давай сюда твои деньги, я буду вести общее хозяйство.

— Согласенъ,—сказалъ Ламме и отдалъ ему кошелекъ.— Только не умори же меня голодомъ. Ибо, не забывай, какъ я ни толстъ и ни объемистъ, мнѣ потребно сытное и обильное питаніе. Ты тощій и дохлый, такъ тебѣ, можетъ, и полезно такъ цѣлый день мотаться, ѣсть или не ѣсть, какъ придется: какъ доска на берегу, которая живетъ воздухомъ и дождемъ. Во мнѣ же воздухъ дѣлаетъ пустоты, а дождь возбуждаетъ голодь: мнѣ нужна другая трапеза.

— Получишь добродѣтельную постную ѣду. Ей и самое упитанное брюхо противостоятъ не можетъ: понемногу съеживается, такъ что какой угодно толстикъ становится легокъ и строенъ. И скоро мой дражайшій Ламме, освобожденный, какъ должно, отъ жира, будетъ бѣгать, какъ олень.

— О, горе,—вскричалъ Ламме:—куда еще приведетъ меня моя тощая судьба! Я голоденъ, сынъ мой,—пора ужинать.

Свечерѣло. Предъявивъ у Гентскихъ воротъ свои наспорта, они вѣхали въ Брюгге, причемъ должны были уплатить по полъ-су за себя и по два за своихъ ословъ. Ламме впалъ въ грустное раздумье по поводу словъ Уленспигеля и сказалъ:

— Ужинать скоро будемъ?

— Да,—ствѣтилъ Уленспигель.

Они остановились „in de Meermin“, въ заѣзжемъ дворѣ „Сирена“, каковая и красовалась въ видѣ вызолоченнаго флюгера на верхушкѣ крыши.

Они помѣстили своихъ ословъ въ конюшнѣ, и Уленспигель заказалъ на ужинъ для себя и для Ламме хлѣбъ, пиво и сыръ.

Подавая это тощее угощеніе, трактирщикъ насмѣшливо улыбнулся. Ламме ѣлъ вало и тоскливо смотрѣлъ на Уленспигеля, который такъ обрабатывалъ слишкомъ старый хлѣбъ и слишкомъ молодой сыръ своими челюстями, точно это были дрозды. И Ламме выпилъ свой стаканчикъ пива безъ удовольствія. Уленспигель смѣялся, видя его такимъ страдальцемъ. И еще кто-то смѣялся, кто былъ во дворѣ корчмы и иногда заглядывалъ въ окно. Уленспигель замѣтилъ, что это

женщина, прячущая свое лицо. Онъ рѣшилъ, что это, вѣрно, какая-нибудь игривая служанка, и не думалъ больше объ этомъ. Онъ смотрѣлъ на Ламме, такого блѣднѣшаго, жалкаго и печальнаго по случаю неудовлетворенныхъ требованій его желудка, что жалость овладѣла имъ, и онъ ужъ хотѣлъ заказать для товарища яичницу съ колбасой, или тушеное мясо съ бобами, или другое горячее блюдо, какъ вдругъ въ комнату вошелъ трактирщикъ и, снявъ шляпу, сказалъ:

— Если господамъ прїѣзжимъ угодно получить лучшую ѣду, то прошу сказать и заказать по выбору.

Ламме широко раскрылъ глаза и еще шире разинулъ ротъ и такъ смотрѣлъ на Уленспигеля съ трепетнымъ волненіемъ. Тотъ отвѣтилъ:

— Странствующие подмастерья не богаты.

— Бываетъ однако иногда,—сказалъ хозяинъ,—что они и сами не знаютъ своего богатства. — И, указывая на Ламме, онъ прибавилъ.—Одно такое добродушное лицо стѣитъ двухъ иныхъ. Итакъ, что угодно господамъ приказать по части ѣды и выпивки? Яичницу съ саломъ и ветчиной или choesels (рагу) — сегодня какъ разъ свѣжее сварили,—или каллуна, который таетъ во рту, или жаренаго мяса съ пряной подливой? И пивца какого — антверпенскаго dobbel-knol или брюггскаго dobbel-kuyt, или, можетъ-быть, вина лувенскаго на манеръ бургундскаго? Платить не придется.

— Подай все разомъ,—сказалъ Ламме.

Столъ немедленно былъ весь уставленъ ѣдой, и Уленспигель съ удорольствіемъ смотрѣлъ, какъ бѣдный Ламме, изголодавшійся болѣе, чѣмъ когда-либо, набросился на яичницу, на choesels, каллуна, ветчину, ломтики мяса и литрами лилъ въ свою глотку dobbel-knol, dobbel-kuyt и лувенское на манеръ бургундскаго.

Наѣвшись до отвала, онъ блаженно пыхтѣлъ и отдувался, какъ котъ, и все осматривался, не осталось ли еще на столѣ чего подходящаго для его зубовъ. И онъ дожевывалъ крошки оставшихся лакомствъ.

Ни онъ ни Уленспигель не видѣли прелестнаго личика, которое, улыбаясь, посматривало на нихъ въ окна и мелькало тамъ и сямъ во дворѣ. Трактирщикъ принесъ горячаго вина съ корицей и сахаромъ, и они продолжали пить. И пѣсни пѣли.

Послѣ вечерняго колокола хозяинъ спросилъ ихъ, не угодно ли каждому отправиться въ его большую превосходную комнату. Уленспигель замѣтилъ-былъ, что имъ бы довольно и одной каморки на двоихъ. Но хозяинъ отвѣтилъ:

— Каморокъ у меня нѣтъ. Вамъ отведены двѣ барскія комнаты, бесплатно.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ проводилъ ихъ въ покой, роскошно убранные мебелью и коврами. Въ помѣщеніи Ламме стояла двуспальная кровать.

Уленспигель выпилъ порядочно и еле держался на ногахъ отъ усталости; поэтому онъ охотно отправилъ Ламме спать и самъ посиѣшилъ завалиться.

Войдя на другой день въ полдень въ комнату Ламме, онъ засталъ его еще храпящимъ въ глубокомъ снѣ. Подлѣ него лежалъ прелестный кошелечекъ, полный денегъ. Раскрывъ его, Уленспигель увидѣлъ, что онъ набитъ золотомъ и серебромъ.

Онъ встряхнулъ Ламме, чтобы разбудить его; тотъ медленно пришелъ въ себя, протеръ глаза, безпокойно осмотрѣлся вокругъ и сказалъ:

— Жена моя, гдѣ моя жена?

И, указавъ на пустое мѣсто въ постели подлѣ себя, онъ прибавилъ:

— Только-что она была здѣсь.

Затѣмъ онъ спрыгнулъ съ постели, снова осмотрѣлся, тщательно обшарилъ всѣ уголки и закоулки комнаты, нишу и шкапы, затопалъ ногами и закричалъ:

— Моя жена! Гдѣ моя жена?

На шумъ прибѣжалъ хозяинъ, но Ламме набросился на него и схватилъ его за горло съ крикомъ:

— Мерзавецъ, гдѣ моя жена? Куда ты дѣлъ мою жену?

— Безпокойный путешественникъ,—сказалъ хозяинъ:—твоя жена? Какая жена? Ты вѣдь прѣхалъ безъ жены. Ничего не знаю.

— А!—закричалъ Ламме и снова сталъ шарить по всѣмъ угламъ и закоулкамъ комнаты:—а, онъ ничего не знаетъ! Она была этою ночью здѣсь, въ моей постели, какъ въ лучшія времена нашего супружества. О, горе! Гдѣ ты, мой дорогой?

И онъ бросилъ кошелекъ на землю:

— Не деньги твои нужны мнѣ, но ты сама, твое нѣжное тѣло, твое доброе сердце, о, возлюбленная моя. О, небесныя наслажденія, вы не вернетесь больше? Я ужъ привыкъ-было не видѣть тебя, жить безъ твоей любви, радость моя золотая! И вотъ ты опять покинула меня, едва на мигъ вернувшись. Но я лучше умру. Ахъ, жена моя! Гдѣ моя жена?

И онъ бросился на землю и обливалъ ее горячими слезами. Затѣмъ онъ вскочилъ, распахнулъ двери и въ одной рубашкѣ побѣжалъ черезъ трактиръ на улицу съ крикомъ:

— Моя жена? Гдѣ моя жена?

Но онъ не замедлилъ вернуться, такъ какъ уличные мальчишки издѣвались надъ нимъ и бросали въ него камнями.

И Уленспигель заставилъ его одѣться и сказалъ:

— Не будь такъ безутѣшенъ: увидѣлъ ты ее разъ, увидишь и въ другой разъ. Она явно любитъ тебя еще, потому что вотъ вѣдь вернулась къ тебѣ, и, конечно, это она заплатила за нашъ ужинъ и за наши барскія комнаты и положила тотъ набитый кошелекъ въ твою постель. Пенель въ моей груди говоритъ мнѣ, что невѣрная жена такъ не поступаетъ. Не плачь, и впередь—въ бой за родину!

— Останемся еще въ Брюгге,—сказалъ Ламме:—я обойду весь городъ и найду ее.

— Ты не найдешь ее, потому что она спрячется отъ тебя,—сказалъ Уленспигель.

Ламме требовалъ объясненій отъ трактирщика, но тотъ ничего не хотѣлъ сказать.

И они направились въ Дамме.

По пути Уленспигель обратился къ Ламме:

— Почему ты не рассказываешь мнѣ, какъ она очутилась подлѣ тебя этой ночью и какъ ушла отъ тебя?

— Сынъ мой, — отвѣтилъ Ламме, — ты знаешь, что мы поглотили множество мяса, вина и пива, и что я еле могъ дышать, когда мы отправились спать. Точно важный господинъ, несъ я для освѣщенія моей комнаты восковую свѣчу и поставилъ подсвѣчникъ на сундукъ. Дверь была полуоткрыта, и сундукъ стоялъ близко отъ нея. Раздвѣваясь, я сонно и любовно смотрѣлъ на мою кровать, вдругъ свѣча погасла. Я услышалъ какъ бы дыханіе и шумъ легкихъ шаговъ по комнатѣ, но я чувствовалъ больше сонливости, чѣмъ страхъ, и камнемъ шлепнулся въ постель. И тутъ, засыпая, я услышалъ ее голосъ, — о, милая моя жена, моя бѣдная жена! — ее голосъ, говорящій мнѣ: — „Ты хорошо поужиналъ, Ламме?“ И голосъ ее былъ подлѣ меня, и ее лицо тоже, и ее сладостное тѣло.

XLI.

Въ этотъ день король Филиппъ объѣлся пирожными и потому былъ еще болѣе мраченъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ игралъ на своемъ живомъ клавесинѣ, — ящикѣ, гдѣ были заперты кошки, головы которыхъ торчали изъ круглыхъ дыръ надъ клавишами. Когда король ударялъ по клавишѣ, она, съ своей стороны, ударила иглой по кошкѣ, а животное мяукало и визжало отъ боли.

Но Филиппъ не смѣялся.

Неустанно выискивалъ онъ въ своемъ умѣ способы, какъ бы осилить великую королеву Елизавету и посадить вмѣсто нея на престолъ Англiи Марiю Стюартъ. Онъ писалъ объ этомъ корыстолюбивому, обнищавшему папѣ римскому, и папа отвѣчалъ ему, что для этого великаго дѣла онъ охотно продалъ бы священные сосуды храмовъ и сокровища Ватикана.

Но Филиппъ не смѣялся.

Ридольфи, любовникъ королевы Марiи, надѣявшійся, что, освободивъ ее, онъ станетъ ея супругомъ и королемъ Англiи, прiѣхалъ къ Филиппу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ оборудовать заговоръ противъ жизни Елизаветы. Но онъ былъ такой „болтунишка“,—какъ называлъ его въ письмѣ самъ король,—что о его замыслахъ громко говорили на антверпенской биржѣ. И убійство не удалось.

И Филиппъ не смѣялся.

Тогда, по приказанiю короля, кровавый герцогъ послалъ въ Англiю двѣ пары убійцъ. И имъ удалось—попасть на висѣлицу.

И Филиппъ не смѣялся.

Такъ обманывалъ Господь честолюбiе этого вампира, который воображалъ, что сможетъ вмѣстѣ съ папой властвовать надъ Англiей, укравъ у Марiи Стюартъ ея сына. И, видя, какъ велика и могущественна эта благородная страна, убiйца исполненъ былъ раздраженiя. И, не отрываясь, направлены были къ ней его выцвѣтнiе глаза, и онъ все думалъ, какъ бы уничтожить ее, чтобы затѣмъ властвовать надъ всѣмъ миромъ, преслѣдуя реформатовъ, и особенно богатыхъ среди нихъ, и наслѣдуя достоянiе своихъ жертвъ.

Но онъ не смѣялся.

И предъ нимъ ставили желѣзный ящикъ съ высокими стѣнками, одна сторона котораго была открыта; въ ящикѣ были мыши и крысы. Онъ разводилъ подъ ящикомъ большой огонь и наслаждался, слушая и смотря, какъ несчастныя животныя мечутся, визжать, стонуть и издыхаютъ.

Но онъ не смѣялся.

И потомъ, блѣдный, съ дрожащими руками, онъ шелъ въ объятiя принцессы Эболи и дарилъ ее пламенемъ своего сладострастiя, возжennaго факеломъ жестокости.

И онъ не смѣялся.

И принцесса Эболи принимала его только изъ страха, но не изъ любви.

XLII.

Стояли жаркiе дни, со спокойнаго моря не доносилось ни дуновенiя вѣтерка, едва шевелились листочки деревьевъ вдоль

канала въ Дамме, стрекозы оставались въ лугахъ. А въ поляхъ слуги церкви и аббатствъ собирали тринадцатую долю жатвы въ пользу патеровъ и аббатовъ. Съ темно-синей лазури раскаленного неба солнце посылало землѣ пламенный жаръ, и природа подъ его лучами дремала, точно нагая красавица, замѣвшая въ объятіяхъ возлюбленного. Карпы кувыркались надъ водой канала, ловя комаровъ, которые гудѣли, какъ котелокъ съ кипяткомъ; и длиннокрылыя, быстролетныя ласточки оспаривали у нихъ добычу. На землѣ подымался теплый паръ, переливаясь и трепеща въ лучахъ свѣта. По-намарь города Дамме съ колокольни, ударами надтреснутого колокола, подобнаго кастрюлѣ, возвѣщала, что настала полдень и, стало-быть, пора обѣдать крестьянамъ, трудящимся надъ жатвой. Женщины, приложивъ воронкой руки ко рту, звали мужей, братьевъ, сыновей, выкликая ихъ имена: Гансъ, Питеръ, Йоссъ; и по-надъ плетнями мелькали ихъ красныя наколки.

Издаലെка увидѣли Ламме и Уленспигель высокую и могучую четырехугольную колокольню собора Богородицы, и Ламме сказалъ:

— Тамъ, сынъ мой, твои горести и твоя любовь.

Но Уленспигель ничего не отвѣтилъ.

— Скоро,—продолжалъ Ламме,—я увижу мое старое жильё и, можетъ-быть, также мою жену.

Но Уленспигель ничего не отвѣтилъ.

— Ты, деревянный человѣкъ!—закричалъ Ламме:—ты, каменное сердце, неужто ко всему на свѣтѣ ты безчувствененъ, неужто не трогаютъ тебя ни близость мѣсть, гдѣ ты провелъ свою юность, ни дорогія тѣни бѣднаго Клааса и несчастной Сооткинъ, этихъ двухъ мучениковъ? Какъ? Ты не радостенъ, не печаленъ? Кто же такъ засушилъ твое сердце? Взгляни на меня, какъ я тревоженъ и безпокоенъ, какъ трепещу въ брюхѣ моемъ; взгляни на меня...

Тутъ Ламме посмотрѣлъ на Уленспигеля и увидѣлъ, что лицо его блѣдно, голова опустилась на грудь, губы дрожать, и что онъ плачетъ, не говоря ни слова.

И Ламме умолкъ.

Такъ молча дошли они до Дамме и пошли по Цапдиной улицѣ, но вслѣдствіе жары никого видно не было. Собаки зѣвали, свернувшись на боку у пороговъ и высунувъ языкъ. Ламме и Уленспигель шли мимо городской ратуши, напротивъ которой сожженъ былъ Клаасъ, и губы Уленспигеля дрожали еще сильнѣе, и слезы его изсыкли. И, подойдя къ дому Клааса, теперь принадлежавшему одному угольщику, онъ вошелъ и спросилъ:

— Узнаешь ты меня? Я хочу побыть здѣсь.

— И узнать тебя, — отвѣтил угольщикъ: — ты сынъ мученика. Ходи по дому, гдѣ хочешь.

Уленспигель вошелъ въ кухню, потомъ въ комнату Клааса и Сооткинъ и плакалъ здѣсь.

Когда онъ спустился внизъ, угольщикъ обратился къ нему: — Вотъ хлѣбъ, сыръ и пиво; поѣшь, если ты голоденъ; напейся, если хочешь пить.

Уленспигель сдѣлалъ знакъ рукой, что не чувствуетъ ни голода ни жажды.

И онъ пошелъ дальше съ Ламме, который ѣхалъ верхомъ на ослѣ, между тѣмъ какъ Уленспигель велъ своего за поводья.

Такъ пришли они къ домику Катлины, привязали своихъ ослей и вошли. Былъ часъ обѣда. На столѣ стояло блюдо варенаго гороха въ стручьяхъ и бѣлыхъ бобовъ. Катлина ѣла; Неле стояла подлѣ нея и собиралась полить ѣду на тарелкѣ Катлины уксуной подливой, которую она только-что сняла съ очага.

Когда Уленспигель вошелъ, Неле пришла въ такое волненіе, что поставила въ тарелку Катлины горшокъ съ подливой, и Катлина трясла головой, вылавливала ложкой бобы вокругъ соусника, ударила себя по лбу и, какъ безумная, говорила:

— Уберите огонь! Голова горитъ!

Отъ запаха уксуса Ламме почувствовалъ голодь.

Уленспигель стоялъ и смотрѣлъ на Неле съ нѣжной улыбкой, пробившейся сквозь его великую печаль.

И Неле, не говоря ни слова, бросилась къ нему на шею. Она какъ будто лишилась разсудка, она смѣялась, плакала и, раскраснѣвшись отъ радости и великаго блаженства, только повторяла:—Тиль, Тиль...

Уленспигель съ счастливымъ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

Потомъ она разняла руки, откинулась назадъ, бросила на него радостный взглядъ, снова бросилась къ нему и обвила руками его шею. И такъ—много разъ подъ рядъ. И онъ, сіяя радостью, держалъ ее въ объятіяхъ и не могъ оторваться отъ нея, пока она, истомленная и какъ бы обезумѣвшая, не опустилась на скамью. И, не стыдись, твердила она:

— Тиль, Тиль! Мой возлюбленный! Наконецъ ты вернулся!

Ламме стоялъ у дверей. Успокоившись, Неле указала на него и спросила:

— Гдѣ я видѣла этого толстяка?

— Это мой другъ, — отвѣтил Уленспигель: — онъ сопровождаетъ меня и разыскиваетъ свою жену.

— Я знаю тебя,—обратилась Неле къ Ламме:— ты живѣ въ Цапелиной улицѣ. Ты ищешь свою жену, а я видѣла ее въ Брюгге, гдѣ она живетъ благочестиво и набожно. Когда я спросила, почему она такъ жестоко покинула своего мужа, она отвѣтила:— „Такова была святая воля Господня и указаніе святого духовника, но я ужъ никогда не смогу вернуться къ нему“.

При этомъ сообщеніи Ламме омрачился и смотрѣлъ на бобы въ укусу. И жаворонки съ пѣніемъ поднялись ввысь, и природа отдалась ласкамъ солнца. И Катлина, тыкая ложкой вокругъ горника, подбирала бѣлые бобы, зеленныя горошины и подливу.

XLIII.

Около этого времени, среди бѣла дня, шла какъ-то одна пятнадцатилѣтняя дѣвочка черезъ дюны изъ Гейста въ Кнокке. Никто не боялся за нее, такъ какъ всѣ знали, что оборотни и души осужденныхъ на муку адскую нападаютъ только по ночамъ. Она несла въ кошелекѣ сорокъ восемь серебряныхъ су, всего на четыре золотыхъ флорина, которые ей мать Торія Интерсенъ, проживавшая въ Гейстѣ, задолжала за одну покупку ей дядѣ Яну Рапену, проживавшему въ Кнокке. Дѣвочка—по имени Беткинъ—надѣла свое лучшее платье и весело пошла въ путь.

Когда она не вернулась къ вечеру, мать встревожилась; но она рѣшила, что дѣвочка осталась переночевать у дяди, и успокоилась.

На другой день рыбаки, возвратившіеся съ уловомъ съ моря, вытащили свою барку на берегъ и перегрузили здѣсь свою рыбу на повозки, чтобы продать гуртомъ ее съ торговъ на рынокъ въ Гейстѣ. Подымаясь по дорогѣ, покрытой ракушками, они нашли на дюнѣ раздѣтый и ограбленный трупъ дѣвочки, лежащій въ крови. Подойдя ближе, они увидѣли на ея прокушенной шеѣ слѣды длинныхъ острыхъ зубовъ. Она лежала на спинѣ; глаза ея были широко раскрыты и устремлены въ небо, изо рта ея, тоже раскрытаго, какъ будто вырывался предсмертный крикъ.

Покрывъ тѣло дѣвочки плащомъ, они понесли его въ Гейстѣ въ общинный домъ. Здѣсь собрались старшины и поддѣкаръ, который объявилъ, что это не просто волчьи зубы, а зубы weer-wolf'a, злого оборотня, приняшаго видъ волка, и что надо молить Господа, чтобы онъ избавилъ землю Фландрскую отъ этой напасти.

Во всемъ графствѣ, особенно въ Дамме, Гействѣ и Кнокке, были установлены особыя церковныя службы и молитвы.

И населеніе цѣлыми днями пребывало съ своимъ етнпшемъ въ церквахъ.

И тѣло дѣвушки было выставлено въ Гейстской церкви, и мужчины и женщины рыдали при видѣ этой бѣдной, окровавленной и истерзанной шейки. И мать кричала въ церкви:

— Я пойду на этого оборотня и загрызу его моими зубами!

И женщины плакали и подбивали ее сдѣлать это; по нѣкоторымъ говорили:

— Ты не вернешься домой.

И она отправилась съ мужемъ и двумя своими братьями. Все были хорошо вооружены и разыскивали волка на берегу, на дюнахъ и въ долинѣ. Но они не нашли его. И мужъ ея вынужденъ былъ отвести ее домой, такъ какъ въ холодныя ночи она простудилась; они ухаживали за ней и чинили сѣти для ближайшей ловли.

Комендантъ города Дамме, принимая въ соображеніе, что оборотень въ видѣ волка—это звѣрь, живущій кровью, по неграбщій мертвецовъ, заявилъ что поэтому несомнѣнно, что онъ привлекаетъ по своимъ слѣдамъ бродягъ, которые рыскаютъ по дюнамъ, чтобы воспользоваться гнусной добычей. Поэтому онъ созвалъ колоколомъ все населеніе и повелѣлъ всѣмъ и каждому застаться оружіемъ и палками, преслѣдовать всѣхъ нищихъ и бродягъ, забирать ихъ и обыскивать, нѣтъ ли въ ихъ карманахъ золотыхъ дукатовъ или чегонибудь изъ платья убитыхъ. А затѣмъ здоровыхъ нищихъ и бродягъ надлежитъ отправлять на королевскія галеры, старыхъ же и больныхъ отнускать на волю.

Но изъ поисковъ ничего не вышло.

Уленспигель отправился къ коменданту и заявилъ ему:

— Я убью оборотня.

— Что даетъ тебѣ эту увѣренность?—спросилъ тотъ.

— Пепель Клааса стучитъ въ мое сердце,—отвѣтилъ Уленспигель:—дайте мнѣ разрѣшеніе работать въ общинной кузницѣ.

— Изволь,—сказалъ комендантъ.

Уленспигель отправился въ кузницу и, ни слова не говоря никому, ни мужчинѣ ни женщинѣ, о своемъ намѣреніи, тайно выковалъ тамъ отличный большой капканъ для ловли дикихъ звѣрей.

Слѣдующій день, суббота, былъ излюбленный день оборотня. Уленспигель вышелъ изъ Дамме. У него было съ собой письмо

коменданта къ священнику въ Гейстѣ, а подъ плащомъ онъ несъ капканъ; кромѣ того, онъ захватилъ съ собою хорошей самострѣль и острый ножъ. Въ Дамме онъ сказалъ:

— Пойду настрѣлю чаекъ и изъ пуха ихъ сдѣлаю подушку для госпожи комендантши.

По пути въ Гейстѣ онъ вышелъ къ берегу, гдѣ море грохотало, какъ громъ, ударяясь волнами о землю, и вѣтеръ, несясь изъ Англии, завывалъ въ снастяхъ прибитыхъ къ берегу судовъ. И одинъ рыбакъ сказалъ ему:

— Погибель наша этотъ скверный вѣтеръ. Еще ночью море было совершенно спокойно, но съ разсвѣта оно вдругъ разбушевалось. Нельзя выѣхать на ловлю.

Уленспигель былъ доволенъ, такъ какъ теперь былъ увѣренъ, что ночью есть кому прийти къ нему на помощь, если понадобится.

Въ Гейстѣ онъ направился къ священнику и передалъ ему письмо. Священникъ сказалъ ему:

— Ты молодецъ: но знай, что всякій, кто одинъ ходилъ въ субботу ночью по дюнамъ, былъ искусанъ и найденъ мертвымъ на пескѣ. Рабочіе, починяющіе плотины, и прочіе ходятъ по нѣскольку человекъ. Уже темнѣетъ. Слышишь, какъ воетъ weeg-wolf въ своемъ углу? Неужто онъ, какъ и накануне, провоетъ всю эту ночь такъ ужасно на кладбищѣ? Да благословить тебя Господь, сынъ мой, но лучше не ходи.

И священникъ перекрестился.

— Цепель стучитъ въ мое сердце,—отвѣтилъ Уленспигель,

— Ну, если ты такъ исполненъ мужества, я помогу тебѣ.

— Батюшка,—сказалъ Уленспигель,—вы бы сотворили благое дѣло и для меня и для бѣдной округи, доведенной до отчаянія, если бы вы отправились къ Торин, матери убитой дѣвушки, и къ ея обоимъ братьямъ и сообщили имъ, что волкъ поблизости и что я рѣшилъ подстеречь и убить его.

Священникъ отвѣтилъ:

— Если ты еще не знаешь, на какой дорогѣ тебѣ его ждать, то стань на той, которая ведетъ къ кладбищу. Она проходитъ межъ двухъ живыхъ изгородей. Два человека рядомъ не могутъ ити по ней.

— Тамъ и буду поджидать,—сказалъ Уленспигель,—а вы, батюшка, благородный сотрудникъ въ дѣлѣ освобожденія, прикажите и повелите матери дѣвушки, ея мужу и братьямъ быть въ церкви хорошо вооруженными, прежде чѣмъ пробьютъ вечерній колоколъ. Если они услышатъ, что я закричалъ чайкой, значитъ, я видѣлъ оборотня. Тогда пусть они уда-

рять въ набатъ и прибѣгутъ ко мнѣ на помощь. Есть еще смѣлые люди?

— Нѣтъ, не найдется, сынъ мой,—сказалъ священникъ:—рыбаки боятся оборотня больше, чѣмъ чумы и смерти. Ахъ, не ходи!

Уленспигель отвѣтилъ:

— Пепель стучитъ въ мое сердце.

— Я сдѣлаю по-твоему, будь благословенъ!—сказалъ священникъ:—хочешь пить или ѣсть?

— И пить и ѣсть,—отвѣтилъ Уленспигель.

Священникъ далъ ему пива, хлѣба и сыра. И Уленспигель поѣлъ, выпилъ и пошелъ.

И, иди своей дорогой и поднявъ глаза, онъ видѣлъ, какъ сидитъ просвѣтленный отецъ его Клаасъ подлѣ Господа Бога въ небесахъ, озаренныхъ сініемъ мѣсяца; онъ смотрѣлъ на море и тучи и слушалъ завыванія вѣтра, дувшаго со стороны Англии, и говорилъ:

— О, черныя тучи, такъ стремительно несущіяся, повисните, какъ Местъ, на ногахъ убійцы. Ты, грохочущее море, ты, небо, омрачившееся, какъ пасть преисподней; вы, волны, скользящія своими пламенными гребнями по мрачнымъ водамъ и яростными нетерпѣливыми толчками сотрясающія другъ друга; вы, безчисленные пламенные звѣри, змѣи, кони, быки, барашки, несущіеся по теченію или, поднявшись, изрыгающіе огненный дождь; ты, черное-пречерное море, ты, скорбью омраченное небо, придите всѣ и помогите мнѣ справиться съ оборотнемъ, злымъ убійцей молодыхъ дѣвущекъ. И ты, вѣтеръ, жалобно завывающій въ кустахъ бурьяна на дюнахъ и въ корабельныхъ снастяхъ, ты—голосъ жертвъ, взывающихъ къ Господу о мести, о томъ, чтобы Онъ помогъ мнѣ въ моемъ замыслѣ.

И онъ спустился въ долину и покачивался на ногахъ, точно голова его тяжела отъ вышивки, а желудокъ отяжелѣлъ отъ канусты.

И онъ напѣвалъ, икая, и шелъ неровно, зѣвалъ, плевалъ, остапавливался, будто его рветъ, но на самомъ дѣлѣ зорко слѣдилъ за всѣмъ окружающимъ; и, услышавъ вдругъ дикое завываніе, онъ остановился и блевалъ, какъ собака, и при яркомъ свѣтѣ луны увидѣлъ длинную фигуру волка, подвигавшагося къ кладбищу.

Онъ снова закачался и пошелъ по тропинкѣ межъ зарослей. Здѣсь онъ какъ будто споткнулся и поставилъ капканъ навстрѣчу оборотню. Затѣмъ онъ зарядилъ самострѣлъ, прошелъ десять шаговъ дальше и здѣсь остановился, все ка-

чаясь, как пьяный, икал, крикая,—но на самомъ дѣлѣ духъ его былъ, точно натянутая тетива, и глаза и уши напряженно внимательны.

И онъ не видѣлъ ничего, кромѣ черныхъ тучъ, съ безумной быстротой мчавшихся по небу, и приземистой, короткой, коренастой черной фигуры, приближавшейся къ нему; и не слышалъ ничего, кромѣ жалобно завывающаго вѣтра и бушующаго моря и усѣянной ракушками тропинки, скрипящей подъ тяжелыми неровными шагами.

Онъ притворился, будто хочетъ сѣсть, тяжело упалъ, будто пьяный, на дорогу и сталъ блевать на нее.

И тутъ въ двухъ шагахъ онъ услышалъ лязгъ желѣза, потомъ ударъ капкана, который захлопнулся, и крикъ человѣка.

— Оборотень попалъ передними лапами въ ловушку,—сказалъ онъ:—вотъ онъ подымается, старается сбросить капканъ и убѣжать, но онъ не уйдетъ отъ меня.

И онъ выстрѣлилъ изъ самострѣла и попалъ ему въ ногу.

— Онъ раненъ,—сказалъ онъ и закричалъ чайкой.

Тотчасъ съ колокольни понеслись звуки набата, и пронзительный голосъ мальчика закричалъ на все мѣстечко:

— Вставайте, люди спящіе, оборотень пойманъ!

— Слава Богу!—сказалъ Уленспигель.

Первые прибѣжали съ фонарями Торія, мать убитой Беткинъ, мужъ ея Лансамъ, ея братья Юстъ и Михиель.

— Пойманъ?—спрашивали они.

— Вонъ на дорожкѣ,—отвѣчала Уленспигель.

— Слава Богу!—вскричали они и перекрестились.

— Кто тамъ звонитъ?—спросилъ Уленспигель.

— Это мой старшій сынъ,—отвѣтилъ Лансамъ:—младшій бѣгаетъ по городу, стучится въ дома и объявляетъ, что оборотень пойманъ. Спасибо тебѣ!

— Пепель стучитъ въ мое сердце,—отвѣчала Уленспигель.

Вдругъ оборотень заговорилъ:

— Сжался надо мной, Уленспигель, помилуй!

— Волкъ говорить, какъ человѣкъ,—изумились всѣ и перекрестились:—это дьяволъ, онъ уже знаетъ имя Уленспигеля.

— Пожалѣйте,—продолжалъ голосъ:—помилуйте меня! Пусть смолкнетъ колоколь, онъ звонитъ за улокой души усопшихъ, я не волкъ. Мои руки перебиты капканомъ, я старъ и истекаю кровью. Сжалтесь! Чтò это за пронзительный дѣтскій голосъ, будящій весь городъ? Сжалтесь!

— Я слышалъ когда-то твой голосъ,—крикнулъ Уленспигель:—ты рыбникъ, убійца Клааса, вампиръ, загрызшій дѣ-

вочку. Земляки и землячки, не бойтесь. Это старшина рыбниковъ, по винѣ котораго умерла Сооткинъ отъ страданій.

И одной рукой онъ схватилъ его за горло, другой вытащилъ свой ножъ.

Но Торія, мать убитой Беткинъ, удержала его.

— Его надо взять живьемъ, — кричала она и рвала кло- чьями его сѣдые волосы и царапала ему ногтями лицо.

И она выла отъ горя и ярости.

И оборотень, руки котораго были защемялены въ капканѣ, подпрыгивалъ по дорожкѣ отъ нестерпимой боли, крича:

— Сжальтесь, сжальтесь! Уберите эту женщину! Дамъ два червонца! Разбейте колокола! Гдѣ эти дѣти, которыя кричатъ такъ невыносимо?

— Возьмите его живьемъ, — кричала Торія, — пусть запла- тить! А, колокола? По тебѣ это погребальный звонъ, убійца! На медленномъ огнѣ! Раскаленными клещами! Пусть запла- тить за все!

И она подняла лежащую на дорогѣ вафельницу съ длин- ными ручками. Взглянувъ на нее при свѣтѣ факеловъ, она увидѣла, что внутри пластинокъ, изрѣзанныхъ по брабант- скому образцу глубокими бороздками, прикрѣплены еще длин- ные острые зубья, такъ что въ цѣломъ эта вафельница на- поминала желѣзную пасть; когда ее раскрывали, она имѣла видъ разверстаго зѣва охотничьей собаки.

Торія держала вафельницу, открывала, захлопывала, точно въ припадкѣ бѣшенства, щелкала желѣзомъ. Она скрежетала зубами, хрипѣла, какъ умирающая, стонала отъ невыносимыхъ страданій неутоленной мести, кусала рыбнику вафельницей руки, ноги и особенно старалась захватить горло. И при каждомъ укусѣ она приговаривала:

— Такъ онъ дѣлалъ моей Беткинъ этими щипцами. Теперь онъ платить. А, кровь течетъ, убійца? Господь справедливъ! Погребальный звонъ! Беткинъ зоветъ меня отомстить. Чув- ствуешь зубы? Это Господня пасть!

И она непрерывно и безжалостно кусала его и, когда не удавалось укусить, била его желѣзомъ. Но такъ велика была ее жажда мести, что она не убила его.

— Сжальтесь! — кричалъ рыбникъ: — Улененигель, тни по- жомъ, я скорѣе умру. Убери эту женщину! Разбей поgre- бальные колокола, убей этихъ кричащихъ дѣтей!

А Торія все кусала его, пока одинъ старикъ не отобралъ у нея щипцы.

Тогда Торія стала плевать ему въ лицо, вырывала у него волосы и говорила:

— Медленный огонь и раскаленные клещи—вотъ чѣмъ ты расплатишься. Вотъ ноги мои тебѣ въ глаза.

Между тѣмъ, услышавъ, что оборотень не дьяволъ, а чело-вѣкъ, подошли изъ Гейста всѣ рыбаки, мужчины и женщ-ины. Нѣкоторые были съ фонарями и горящими факелами. Всѣ кричали:

— Подлый убійца! Гдѣ ты спряталъ золото, которое на-грабилъ у бѣдныхъ твоихъ жертвъ? Все отдай назадъ!

— У меня нѣтъ ничего; сжальтесь,—отвѣтилъ рыбакъ.

И женщины бросали въ него камни и песокъ.

— Вотъ расплата, вотъ расплата!—кричала Торія.

— Помилуйте!—взывалъ онъ:—я истекаю кровью. Поцѣдите!

— Твоя кровь!—кричала Торія:—останется ея довольно, чтобы ты могъ расплатиться. перевяжите ему раны. На мед-ленномъ огнѣ—вотъ твоя расплата; а руки ему откусить раскаленными клещами. Онъ заплатитъ!

И она бросилась бить его, но упала на землю безъ со-знанія, какъ мертвая; и такъ оставили ее, пока она не при-шла въ себя.

И Уленсигель, высвободивъ между тѣмъ руки рыбака изъ капкана, увидѣлъ, что на правой не хватаетъ трехъ пальцевъ.

Онъ приказалъ потуже связать его и положить въ кор-зинку для рыбы. И мужчины, женщины и дѣти двинулись въ Дамме, чтобы искать тамъ суда и расправы, и пооче-редно несли корзину. И они несли также фонари и факелы.

И рыбакъ, не умолкая, повторилъ:

— Разбейте колокола! Убейте кричащихъ дѣтей!

И Торія говорила:

— Пусть заплатитъ! Медленный огонь, раскаленными клещи—вотъ плата!

Затѣмъ всѣ умолкли. И Уленсигель слышалъ только прерывистое дыханіе Торіи, тяжелые шаги мужчинъ по песку и громовый шумъ бушующаго моря.

И съ тоской въ душѣ смотрѣлъ онъ на яростно несущіяся по небу тучи, на море, гдѣ сталкивались огненные барашки, и на блѣдное лицо рыбака, озаренное свѣтомъ фонарей и факеловъ. И тотъ не отрывалъ отъ него своего злобнаго взгляда.

И пепелъ стучалъ въ его сердце.

Четыре часа шли они такимъ образомъ, пока пришли въ Дамме, гдѣ встрѣтила ихъ толпа народа, уже знавшаго о томъ, что произошло. Всѣ хотѣли видѣть рыбака, и толпы шли за рыбаками съ пѣніемъ, пляской и криками: „Поймали

оборотня! Поймали убійцу! Слава Уленспиגעлю! Да здравствует нашъ братъ Уленспигель! Lange leven onsen broeder Ulenpiegel!“

Это было точно народное возстаніе.

Когда они проходили мимо дома коменданта, тотъ вышелъ на шумъ и сказалъ:

— Ты побѣдитель! Да здравствуетъ Уленспигель!

— Пепель стучаль въ мое сердце,—отвѣтилъ Уленспигель.

— Ты получишь половину наслѣдства,—сказалъ комендантъ.

— Раздайте пострадавшимъ,—отвѣтилъ Уленспигель.

Явились Неле и Ламме. Неле смѣялась и плакала отъ радости и цѣловала своего милаго Уленспигеля; а Ламме косолапо плясалъ вокругъ него, шлепалъ его по животу и говорилъ:

— Вотъ кто смѣлъ и твердъ и вѣренъ: это мой разлюбезный товарищъ; у васъ нѣтъ такихъ, вы, люди съ равнины.

Но рыбаки смѣялись, издѣваясь надъ нимъ.

XLIV.

Колоколь, прозванный borgstorm, зазвучалъ на другой день, сзывая судей, старшинъ и судебныхъ писарей къ vierschare, четыремъ дерновымъ скамьямъ подъ „древомъ справедливости“, прекрасной липой. Народъ стоялъ кругомъ. На допросѣ рыбникъ не хотѣлъ сознаться ни въ чемъ, даже тогда, когда ему показали три пальца, недостающіе у него на правой рукѣ и отрубленные солдатомъ. Онъ твердилъ только:

— Я бѣденъ и старъ: скальтесь!

Но народъ ревѣлъ и кричалъ:

— Ты старый волкъ, дѣтоубійца. Безъ пощады, господа судьи!

Женщины кричали:

— Чтѣ оставился на насъ своими ледяными глазами? Ты человекъ, а не дьяволь. Мы тебя не боимся. Жестокая ты тварь, трусливѣе кошки, которая душитъ птенцовъ въ гнѣздѣ: ты убивалъ бѣдныхъ дѣвочекъ, которыя хотѣли только въ чистотѣ прожить жизнь свою!

— На медленномъ огнѣ, раскаленными клещами—вотъ его раската,—кричала Торія.

И, невзирая на стражу, матери подбивали своихъ малышей бросать камнями въ рыбника. И тѣ охотно дѣлали это, издѣвались надъ нимъ и, когда онъ смотрѣлъ на нихъ, кричали:—Bloedzuuger (кровопійца)! Slaa dood (убей его)!

И Торія повторяла:

— Медленный огонь, раскаленные клещи—вотъ его расплата!

И народъ ропталъ.

— Посмотрите,—говорили женщины,—какъ подъ ясными лучами солнца его знобить, какъ онъ старается подставить теплу свои сѣдые волосы и лицо, исцарапанное Торіей.

— Онъ дрожить отъ боли.

— Это судъ Божій!

— Какой у него жалкій видъ!

— Посмотрите на руки злодѣя. Онѣ связаны впереди, и изъ ранъ отъ капкана идетъ кровь.

— Пусть заплатитъ, пусть заплатитъ!—кричала Торія.

А онъ хныкалъ:

— Я бѣдѣнъ, отпустите меня.

Но всё, даже судьи, насмѣхались надъ нимъ, слыша это. И онъ проливалъ лицемѣрныя слезы, чтобы растрогать людей. И женщины смѣялись.

Такъ какъ основанія для пытки были очевидны, то было постановлено предать его пыткѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается, какъ онъ совершалъ убійства, откуда явился, гдѣ добыча, награбленная имъ, и гдѣ спрятано золото.

Въ застѣнкѣ на него надѣли тѣсные наножики изъ сырой кожи, и судья спросилъ, какъ дьяволъ внушилъ ему эти злодѣйскіе замыслы и чудовищныя преступленія. Онъ отвѣтилъ:

— Я самъ дьяволъ: таково мое естество. Ребенкомъ я былъ уродливъ и неспособенъ къ тѣлесному упражненію. Я считался дурачкомъ, и всякій билъ меня. Ни мальчики ни дѣвочки не имѣли ко мнѣ состраданія. Когда я подросъ, ни одна женщина знать меня не хотѣла, даже за деньги. И холодная ненависть ко всему, порожденному женщиной, обуяла меня. Оттого и на Клааса я донесъ, что его всё любили. Я любилъ только деньги; это была моя свѣтлая и золотистая подруга. Смерть Клааса принесла мнѣ радость и барышъ. Потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше я чувствовалъ желаніе жить волкомъ, моей мечтой было кусаться. Вудучи въ Брабантъ, я увидѣлъ тамошнія щипцы для вафель и подумалъ, что изъ этого вышла бы хорошая желѣзная пасть. О, почему я не могу схватить васъ за горло, жестокіе тигры, злорадствующіе, когда пытаются старика! Съ большей радостью кусалъ бы я васъ, чѣмъ дѣвочку или солдата. Ибо, когда я увидѣлъ, какъ лежитъ и спитъ она, миленькая, подъ солнышкомъ на песочкѣ и въ рукахъ свой кошелечекъ держать, такая жалость и любовь къ ней во мнѣ разгорѣлась. Но такъ

какъ я чувствовалъ себя немощнымъ и не могъ уже обладать ею, то укусилъ ее...

На вопросъ судьи, гдѣ онъ живетъ, рыбникъ отвѣтилъ:

— Въ Рамскапелле. Оттуда я хожу въ Бланкенберге, Гейстъ и даже Кнокке. По воскресеньямъ и праздникамъ я въ этой самой вафельницѣ пеку вафли по-брабантски. Чистенько и жирно. И спрось на эту иноземную новинку хорошей. Если вамъ еще угодно знать, почему никто меня не могъ узнать, то знайте, что днемъ я чернилъ лицо и окрашивалъ волосы въ рыжій цвѣтъ. Волчья шкура, на которую вы тычете вашимъ свирѣнымъ перстомъ, чтобы дознаться, откуда она,—я скажу, потому что презираю васъ,— она отъ двухъ волковъ, которыхъ я убилъ въ Равесхоотскомъ и Мальдегемскомъ лѣсу. Сшилъ только обѣ шкуры въ одну: вотъ онѣ меня всего и закрыли. И пряталъ ихъ въ ящикѣ въ гейстскихъ дюнахъ. Тамъ и одежда, которую я нагрбилъ—и рассчитывалъ какъ-нибудь продать ее по хорошей цѣнѣ.

— Отодвиньте его отъ огня,—сказалъ судья.

Палачъ исполнилъ приказаніе.

— А гдѣ твои деньги?—спросилъ судья.

— Этого король не узнаетъ,—отвѣтилъ рыбникъ.

— Жгите его свѣчами,—сказалъ судья:—еще ближе къ огню, вотъ такъ.

Палачъ исполнилъ приказаніе, и рыбникъ закричалъ:

— Я ничего не скажу! Я и такъ уже сказалъ слишкомъ много: вы сожжете меня. Я не колдунъ, зачѣмъ вы пододвигаете меня къ огню? Мои ноги истекаютъ кровью отъ обжоговъ. Я ничего не скажу. Зачѣмъ еще ближе? Кровь течетъ, говорю вамъ, сапоги изъ раскаленного желѣза. Мое золото? Ну, хорошо: мой единственный другъ на этой землѣ... отодвиньте отъ огня... оно лежитъ въ моемъ погребѣ въ Рамскапелле, въ сундукѣ... оставьте его мнѣ. Смидитесь и пощадите, господа судьи; провятайтъ палачъ, уберите свѣчи... онъ жжетъ еще сильнѣе! Оно въ сундукѣ, въ двойномъ днѣ, завернуто въ войлокъ, чтобы не слышно было звяканья, если двинуть сундукъ. Ну, вотъ теперь я все сказалъ! Уберите меня!

Когда его отодвинули отъ огня, онъ злобно засмѣялся.

Судья спросилъ его, почему онъ смѣется.

— Легче стало, какъ отодвинули,—сказалъ онъ.

Судья спросилъ:

— А не просилъ тебя никто показать ему твою вафельницу съ зубьями?

— У другихъ такія же,—отвѣтилъ рыбникъ,—только въ моей дырочки, въ которыя я ввинчивалъ желѣзные зубья.

По утрамъ я выпиналъ ихъ. Мужики предпочитаютъ мои вафли прочимъ. Они называютъ ихъ Waefels met brabandsche knooren—вафли съ брабантскими пуговочками. Потому что, когда зубьевъ нѣтъ, то отъ ихъ дырочекъ выдавливаются въ вафляхъ пуншики въ родѣ пуговочекъ.

— Когда нападалъ ты на свои бѣдныя жертвы?—спросилъ судья.

— Днемъ и ночью. Днемъ я бродилъ по дюнамъ и большимъ дорогамъ, нося съ собой мое орудіе, высматривалъ, особенно по субботамъ, когда въ Брюгге большой базаръ. Если проходилъ мимо меня крестьянинъ мрачный, я его не трогалъ: я зналъ, что его печаль означаетъ отливъ въ его кошелекъ. Если же онъ шелъ весело, я слѣдовалъ за нимъ и, неожиданно набросившись, прокусывалъ ему затылокъ и отбиралъ у него кошелекъ. И такъ я дѣлалъ не только на дюнахъ, но и по тропинкамъ и дорогамъ.

И судья сказалъ:

— Покайся и молись Господу Богу.

Но рыбакъ богохульствовалъ:

— Господь Богъ хотѣлъ, чтобы я былъ такой, какъ я есть. Я дѣлалъ все противъ моей воли, воля Природы меня подбавала. Вы, злые тигры, несправедливо наказываете меня. Не жгите меня... Я все дѣлалъ противъ воли. Сжальтесь, я бѣдный старикъ. Я умру отъ моихъ ранъ. Не жгите меня.

Затѣмъ его отвели въ *vierschare*, подъ судебную липу, для выслушанія приговора предъ народомъ.

И онъ былъ присужденъ, какъ злодѣйскій убійца, грабитель и богохульникъ, къ тому, что языкъ его будетъ прободенъ раскаленнымъ желѣзомъ, правая рука отрублена, а самъ онъ изжаренъ на медленномъ огнѣ. И казнь произойдетъ предъ воротами ратуши.

И Торія кричала:

— Вотъ правосудіе! Вотъ расплата!

И народъ кричалъ:—*Lang leven de Heeren van de wet!*— Да здравствуютъ господа судьи!

Затѣмъ осужденный былъ отведенъ въ тюрьму и получилъ здѣсь мясо и вино. Тутъ онъ повеселѣлъ и сказалъ, что въ жизни не ѣлъ и не пилъ ничего такого вкуснаго, и что король, его наслѣдникъ, можетъ угостить его такимъ обѣдомъ.

И онъ горько смѣялся.

На другой день, едва забрезжилъ разсвѣтъ, его повели на казнь. Увидѣвъ у костра Уленспигеля, онъ указалъ на него пальцемъ и закричалъ:

— Вотъ этотъ тамъ—убійца старика, онъ тоже подлежитъ

казни! Десять лѣтъ тому назадъ онъ въ Ламме бросилъ меня въ каналъ за то, что я донесъ на его отца. Но это была моя вѣрная служба его католическому величеству.

Съ колокольной собора Богородицы неся погребальный перзвонъ.

— И по тебѣ этотъ звонъ, — кричалъ рыбникъ Уленспигелю: — и ты будешь казненъ, потому что ты убійца.

— Рыбникъ жеть, — кричалъ весь народъ: — жеть онъ, подлый злодѣй!

И Торія, какъ безумная, бросала въ него камнями, поранила ему лобъ и кричала:

— Если бы онъ утопилъ тебя, то ты бы не жилъ больше и не загрызъ бы мою дѣвочку, какъ проклятый кровопійца.

Уленспигель не сказалъ ни слова.

— Развѣ кто-нибудь видѣлъ, какъ онъ бросилъ рыбака въ каналъ? — спросилъ Ламме.

Уленспигель молчалъ, а народъ кричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ жеть, этотъ злодѣй!

— Я не лгу! — кричалъ рыбникъ: — онъ бросилъ меня въ каналъ, когда я молилъ его пощадить меня, и я едва выбрался оттуда, уцѣпившись за челнокъ, привязанный къ берегу. Я промокъ насквозь и весь дрожалъ, такъ что едва добрался до своего мрачнаго жилища. Тамъ я лежалъ въ горячкѣ, никто за мной не ходилъ, и я чуть не умеръ.

— Врешь, — сказалъ Ламме: — никто этого не видѣлъ.

— Никто, никто этого не видѣлъ! — кричала Торія. — Въ огонь злодѣя! Ему передъ смертью нужна еще одна невинная жертва! Пусть платить! Онъ вретъ! Если ты и сдѣлалъ это, не сознавайся, Уленспигель! У него нѣтъ свидѣтелей. На медленномъ огнѣ, подъ клещами онъ за все заплатитъ.

— Ты покушался на его жизнь? — спросилъ судья Уленспигели.

Уленспигель отвѣтилъ:

— Я бросилъ въ воду предателя, убійцу Клааса. Пепель отца стучалъ въ мое сердце.

— Онъ сознался! — закричалъ рыбникъ: — онъ тоже умереть! Гдѣ висѣлица? Хочу взглянуть на нее. Гдѣ палачъ съ мечомъ? И по тебѣ звонятъ колокола, ты, мерзавецъ, убійца старика!

Уленспигель сказалъ:

— Я бросилъ его въ воду, чтобы убить его: пепель стучалъ въ мое сердце.

Женщины изъ толпы говорили:

— Зачѣмъ ты сознаешься, Уленспигель? Никто не видѣлъ. Теперь ты умрешь.

И рыбникъ хохоталъ, подпрыгивалъ отъ злорадства и потрясалъ связанными руками, прикрытыми окровавленнымъ бѣльемъ.

— Онъ умретъ, мерзавецъ,—говорилъ онъ:—онъ пойдетъ съ земли въ адъ съ веревкой на шеѣ, какъ воръ или бродяга. Онъ умретъ: Богъ правду видитъ.

— Нѣтъ, онъ не умретъ,—сказалъ судья:—по истеченіи десяти лѣтъ убійство во Фландріи не наказуемо. Уленспигель совершилъ преступленіе, но по сыновней любви: Уленспигель не подлежитъ за это наказанію.

— Да здравствуетъ законъ!—закричала толпа:—Lang leven de wet!

Съ колокольни собора Богоматери неся погребальный звонъ. И рыбникъ скрежеталъ зубами, опустилъ голову и уронилъ первую свою слезу.

У него была отсѣчена рука и языкъ прободенъ раскаленнымъ желѣзомъ. И онъ былъ сожженъ на медленномъ огнѣ предъ ратушей.

Уже умирая, онъ кричалъ:

— Король не получитъ моего золота; я солгалъ. Я еще вернусь къ вамъ, злые тигры, и буду кусать васъ!

И Торія кричала:

— Вотъ расплата! Корчатся его руки и его ноги, сѣвшишіе къ убійству! Оно дымится, тѣло убійцы! Горитъ его бѣлая шерсть, шерсть гіены, горитъ на его нечистой мордѣ! Онъ расплачивается!

И рыбникъ умеръ, вой по-волчьи.

И колокола собора Богородицы звонили по покойникѣ.

Ламме и Уленспигель снова сѣли на своихъ ословъ.

И Неле-страдалица осталась подлѣ Катлины, которая, не умолкая, твердила:

— Уберите огонь! Голова горитъ! Вернись ко мнѣ, Гансикъ, любовь моя!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ Гейстѣ съ дюнь видятъ Ламме и Уленспигель, какъ идутъ гурьбой изъ Остенде, Бланкенберге и Кюкке рыбацки суда и, полныя вооруженныхъ людей, направляются вслѣдъ зеландскимъ гѣзамъ, несущимъ на шляпахъ серебряный полумбъсацъ съ надписью: „Лучше служить турку, чѣмъ папѣ“.

Уленспигель весель и свистить жаворонкомъ. Со всѣхъ сторонъ отвѣчаетъ ему воинственный крикъ пѣтуха.

Суда плывутъ, ловятъ рыбу и продаютъ ее, и другъ за другомъ пристають въ Эмденъ. Здѣсь задержался Гильомъ де-Влуа, снаряжая, по порученію принца Оранскаго, корабль.

Уленспигель и Ламме явились въ Эмденъ въ то время, какъ корабль гёзовъ, по приказу Трелона, ушли въ море.

Трелонъ, сиди одиннадцать недѣль въ Эмденѣ, горько то-сковалъ здѣсь. Онъ сходилъ съ корабля на берегъ и возвращался съ берега на корабль, точно медвѣдь на цѣпи.

Шатаясь по набережнымъ, Уленспигель и Ламме встрѣтили здѣсь важнаго офицера съ привѣтливымъ, однако нѣсколько печальнымъ лицомъ, который старался расковырять камни мостовой своей палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ. Его старанія были мало успѣшны, но онъ все-таки стремился довести до конца свой замыселъ, между тѣмъ какъ позади него собака грызла кость.

Уленспигель приблизился къ собакѣ и сдѣлалъ видъ, что хочетъ отнять у нея кость. Собака ворчитъ. Уленспигель не отстаетъ, собака поднимаетъ бѣшеный лай.

Обернувшись на шумъ, офицеръ спрашиваетъ Уленспигеля:

— Чего ты допекаешь собаку?

— А чего вы, ваша милость, допекаете мостовую?

— Есть разница,—говоритъ тотъ.

— Разница не велика,—отвѣчаетъ Уленспигель:—если собака цѣпляется за кость и не хочетъ разстаться съ нею, то и мостовая держится за набережную и хочетъ на ней остаться. И не такъ важно, что люди, въ родѣ насъ, возятся съ собакой, если такой человекъ, какъ вы, возится съ мостовой.

Ламме оставался за Уленспигелемъ, не смѣя сказать слова.

— Кто ты такой?—спросилъ господинъ.

— Я Тиль Уленспигель, сынъ Клааса, умершаго на кострѣ за вѣру.

И онъ засвисталъ жаворонкомъ, а офицеръ запѣлъ пѣтухомъ.

— И адмиралъ Трелонъ, — сказалъ онъ: — чего тебѣ отъ меня надо?

Уленспигель рассказалъ ему о своихъ приключеніяхъ и передалъ ему пятьсотъ червонцевъ.

— Кто этотъ толстякъ?—спросилъ Трелонъ, указывая пальцемъ на Ламме.

— Мей другъ и товарищъ,—отвѣтилъ Уленспигель:—онъ хочетъ, какъ я, цѣть на твоёмъ кораблѣ прекраснымъ ружейнымъ голосомъ пѣсню освобожденія родины.

— Вы оба молодцы,—сказаль Трелонъ:—я васъ возьму на мой корабль.

На дворѣ стояль февраль: вѣтеръ былъ проивителепъ, морозъ крѣпокъ. Наконецъ, послѣ трехъ недѣль тягостнаго ожиданія, Трелонъ съ неудовольствіемъ покидасть Эмденъ. Въ расчетѣ попасть на Тексель, онъ выходитъ изъ Фли, но вынужденъ войти въ Вирингенъ, гдѣ корабль его застряль во льду.

Веселое зрѣлище не замедлило окружить его: катающіеся на санихъ и конькобѣжцы въ бархатныхъ одеждахъ; дѣвушки на конькахъ въ отдѣланныхъ парчой и бисеромъ, сверкающихъ пурпуромъ и лазурью юбкахъ и „баскинахъ“; юноши и дѣвушки прибѣгали, убѣгали, хохотали, скользили, гуськомъ или парочками, напѣвая пѣсни любви на льду или заходя выпить и закусить въ балаганы, украшенные флагами, угоститься здѣсь водочкой, апельсинами, фигами, перекоек'омъ, колбасой, яйцами, вареными овощами и еетекоек'ами: это такіе ушки съ зеленью въ укусѣ. А вокругъ нихъ раздавался скрипъ льда подъ полозьями саней и салазокъ.

Ламме, разыскивая свою жену, бѣгалъ на конькахъ, какъ вся эта веселая гурьба, но часто падалъ.

Пока что Уленспигель ходиль выпить и поѣсть въ недорогой трактирчикъ на набережной; здѣсь онъ охотно болталъ со старой хозяйкой.

Какъ-то въ воскресенье около девяти часовъ онъ зашелъ туда и заказаль свой обѣдъ.

— Однако,—сказаль онъ хорошенькой женщиновѣ, подошедшей, чтобы прислужить ему,—помолодѣвшая хозяйка, куда дѣлись твои морщины? Въ твоемъ рту всѣ твои облые и юные зубки, и твои губы красны, какъ вишни. Это мнѣ предназначается эта сладостная и шаловливая улыбка?

— Ни-ни,—отвѣтила она:—а что тебѣ подать?

— Тебя,—сказаль онъ.

— Слишкомъ много для такого веретена, какъ ты; не угодно ли другой говядины?—И, такъ какъ Уленспигель промолчалъ, она продолжала:—А куда ты дѣль этого красиваго, виднаго и полнаго товарища, котораго я часто видѣла съ тобой?

— Ламме?—сказаль онъ.

— Куда ты его дѣль?—повторила она.

— Онъ ѣсть въ лавчонкахъ крутыя яйца, копченыхъ угрей, соленую рыбу, зуетjes и все, что можетъ положить себѣ на зубы; и все это онъ дѣлаеть для того, чтобы найти свою жену. Ахъ, зачѣмъ ты не его жена, красотка? Хочешь пятьдесятъ флориновъ? Хочешь золотое ожерелье?

Но она перекрестилась.

— Меня нельзя ни купить ни взять,—сказала она.

— Ты ничего не любишь?—спросил онъ.

— Я люблю тебя, какъ моего ближняго, но прежде всего я люблю Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятую Дѣву, которые повелѣли мнѣ вести жизнь въ чистотѣ. Тягостны и трудны обязанности этой жизни, но Господь поддерживаетъ насъ, бѣдныхъ женщинъ. Нѣкоторыя все же падаютъ. Твой толстый другъ весельчакъ?

— Онъ веселъ, когда ѣсть, печаленъ, когда постится, и всегда мечтаетъ. А ты весела или грустна?

— Мы, женщины,—отвѣтила она,—рабыни тѣхъ, кто властвуетъ надъ нами.

— Луна?—сказалъ онъ.

— Да,—отвѣтила она.

— Я скажу Ламме, чтобы онъ пришелъ къ тебѣ.

— Не надо,—сказала она:—онъ будетъ плакать, и я тоже.

— Видѣла ты когда-нибудь его жену?—спросилъ Уленспигель.

— Она грѣшила съ нимъ и потому присуждена къ суровому покаянію. Она знаетъ, что онъ уходитъ въ море ради торжества ереси. Тяжело помыслить объ этомъ сердцу христіанина. Охраний его, когда на него нападутъ; ухаживай за нимъ, если онъ будетъ раненъ: его жена поручила мнѣ просить тебя объ этомъ.

— Ламме мой братъ и другъ,—сказалъ Уленспигель.

— Ахъ,—сказала она,—почему бы вамъ не возвратиться въ лоно нашей матери, святой католической церкви?

— Она пожираетъ своихъ дѣтей,—отвѣтилъ Уленспигель и вышелъ.

Какъ-то въ мартовское утро, когда дулъ рѣзкій вѣтеръ и ледъ становился все толще вокругъ корабля Трелона, не позволяя ему выйти, его моряки и солдаты развлекались разгульнымъ катаніемъ на саняхъ и конькахъ.

Уленспигель былъ въ трактирѣ, и хорошенькая прислужница, видимо удрученная и какъ бы не владѣя собой, вдругъ проговорила:

— Бѣдный Ламме! Бѣдный Уленспигель!

— Почему такъ жалостно?—спросилъ онъ.

— О, горе, горе,—сказала она,—зачѣмъ вы не вѣруете въ мессу? Вы бы, конечно, попали въ рай, и въ этой жизни я тоже могла бы спасти васъ.

Видя, что она, насторожившись, слушаетъ у дверей, Уленспигель сказалъ ей:

— Не подслушиваешь же ты, какъ смѣлъ падаетъ?

— Нѣтъ.

— И не завыванія вѣтра слушаешь?

— Нѣтъ,—повторила она.

— Не веселый шумъ, производимый нашими смѣлыми моряками въ сосѣднемъ кабацкѣ?

— Смерть приходитъ, какъ воръ,—сказала она.

— Смерть!—вскричала Уленспигель:—я не понимаю тебя; войди и говори.

— Они тамъ,—сказала она.

— Кто они?

— Кто?—отвѣтила она:—солдаты Симоненъ-Боля, которые вотъ-вотъ бросятся на васъ во имя герцога. Если за вами здѣсь такъ ухаживаютъ, то это все равно, какъ съ быками, которыхъ готовить на убой. Ахъ!—вскричала она, заливаясь слезами:—зачѣмъ я это узнала только-что?

— Не плачь и не кричи,—сказалъ Уленспигель,—по оставайся здѣсь.

— Не выдай меня,—сказала она.

Уленспигель вышелъ, побѣжалъ по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ, вездѣ оновѣщая на ухо моряковъ и солдатъ:

— Идутъ испанцы.

Всѣ бросились къ кораблю и, наскоро изготовившись къ бою, ждали врага. Уленспигель сказалъ Ламме:

— Видишь, тамъ на набережной стоитъ стройная бабенка въ черной юбкѣ съ красной оборкой, скрывшая свое лицо подъ бѣлой накидкой?

— Это мнѣ все равно,—отвѣтилъ Ламме:—мнѣ холодно, я хочу спать.

И завернулъ голову въ свой плащъ и точно оглохъ.

Тутъ Уленспигель узналъ женщину и крикнулъ ей съ корабля:

— Хочешь съ нами?

— Хоть въ могилу,—отвѣтила она,—но я не могу

— А хорошо бы сдѣлала,—сказалъ Уленспигель,—но подумай: когда соловей остается въ лѣсу, онъ счастливо распѣваетъ тамъ; но, когда онъ покидаетъ землю и летитъ навстрѣчу опасностямъ открытаго моря и урагана на своихъ маленькихъ крылышкахъ, они ломаются, и онъ гибнетъ.

— Я пѣла дома и пѣла бы внѣ дома если бы могла.—И, приблизившись къ кораблю, она сказала:—Возьми это снадобье для тебя и твоего друга, который спитъ тогда, когда надо быть на ногахъ.

И она убѣжала, крича:

— Ламме! Ламме! Сохрани тебя Богъ отъ всего дурного, вернись цѣль и невредимъ!

И она открыла лицо.

— Моя жена, моя жена!—кричалъ Ламме и хотѣлъ спрыгнуть на ледь.

— Твоя вѣрная жена!—отвѣчала она.

И побѣжала со всѣхъ ногъ.

Ламме чуть было уже не спрыгнулъ съ палубы на ледь, но одинъ солдатъ удержалъ его, схвативъ за плащъ. Онъ кричалъ, плакалъ, умолялъ, чтобы ему позволили уйти. Но профосъ сказалъ ему:

— Если ты уйдешь съ корабля, ты будешь повѣшенъ.

Ламме все-таки хотѣлъ броситься на ледь, но одинъ старый гѣзь удержалъ его, говори:

— Сходи мокры, ты промочишь себѣ ноги.

И Ламме уналъ на свой задъ, плача безутѣшно и твердя:

— Моя жена, моя жена! Пустите меня къ моей женѣ!

— Еще увидишьсъ съ ней, — сказала Уленспигель:—она любитъ тебя, но Бога любитъ больше, чѣмъ тебя!

— Чертовка упрямая!—кричалъ Ламме:—если она любитъ Бога больше, чѣмъ мужа, зачѣмъ она является мнѣ такой прелестной и вожделѣнной? И если она меня любитъ, то зачѣмъ покидаетъ?

— Можешь ты видѣть дно въ глубокомъ колодцѣ?—спросилъ Уленспигель.

— Горе мнѣ!—стоналъ Ламме:—я скоро умру.

И, блѣдный и возбужденный, онъ остался на палубѣ.

Между тѣмъ приблизились люди Симоненъ-Боля съ сильной артиллеріей.

Они обстрѣливали корабль, который отвѣчалъ имъ. И ядра ихъ разбили весь ледь кругомъ. Вечеромъ пошелъ теплый дождь.

Вѣтеръ дулъ съ запада, море бурлило подо льдомъ и поднимало громадныя льдины, которыя сталкивались, вставали, падали, громоздились другъ на друга; и это было не безопасно для корабля, который, едва утренняя заря разогнала ночныя тучи, поднялъ свои полотняныя крылья, какъ вольная птица, и поплылъ навстрѣчу открытому морю.

Здѣсь они присоединились къ флоту господина де-Люме де-ла-Маршъ, адмирала Голландіи и Зеландіи, въ качествѣ верховнаго главнокомандующаго несшаго фонарь на мачтѣ своего корабля.

— Посмотри на него хорошенько, сынъ мой, — сказала Уленспигель:—этотъ тебя не пощадитъ, если ты вздумаешь,

вопреки приказу, уйти съ корабля. Слышишь,—точно громъ гремитъ его голосъ. Смотри, какой онъ громадный, широкоплечій. Обрати вниманіе на его длинныя руки съ крючкова-тыми ногтями. Посмотри на его глаза, круглые, холодные орлиныя глаза, посмотри на его длинную остроконечную бороду, которую онъ не будетъ стричь до тѣхъ поръ, пока не перевѣшаетъ всѣхъ поповъ и монаховъ, чтобы отомстить за казненныхъ графовъ. Смотри,—онъ страшенъ и жестокъ; онъ безъ долгихъ словъ повѣситъ тебя, если ты будешь вѣчно ныть и визжать: жена мой.

— Сынъ мой,—сказалъ Ламме,—бываетъ, что о веревкѣ для ближняго говорить тотъ, у кого шея уже обвита цепько-вымъ воротникомъ.

— Ты первый его надѣнешь: таково мое дружеское поже-ланіе,—сказалъ Уленсигель.

— Я увижу, какъ ты, вися на веревкѣ, высунешь на ар-шинъ изъ пасти твоей извѣстный языкъ.

И имъ обоимъ казалось, что они шутятъ.

Въ этотъ день корабль Трелона захватилъ бискайское судно, нагруженное ртутью, золотымъ пескомъ, винами и пряностями. И оно было вышелушено и очищено отъ экинажа и груза, какъ бычья кость подъ зубами льва.

Въ это же время герцогъ Альба наложилъ на Нидерланды гнусныя и жестокія налоги, обязавъ всѣхъ обывателей, продающихъ свое движимое или недвижимое имущество, платить тысячу флориновъ съ десяти тысячъ. И налогъ этотъ сталъ постояннымъ. Всѣ продавцы и покупатели чего бы то ни было вынуждены были платить королю десятую долю продажной цѣны. И въ народѣ говорили, что товаръ, перепро-данный десять разъ въ теченіе недѣли, достается весь королю.

Такъ шли къ гибели и разрушенію торговля и промышлен-ность.

И гѣзы взяли Бриель, морскую крѣпость, которая была на-звана садомъ свободы.

II.

Въ первые дни мая подъ яснымъ небомъ гордо неся ко-рабль по волнамъ, и Уленсигель пѣлъ:

Пепель стучитъ въ мою грудь,
Вотъ пришла налачи мечомъ и огнемъ
И кивжаломъ ударили насъ.
Наняли подлыхъ шпионовъ они,
Подозрительность съ злобой посвяали тамъ,
Гдѣ царилъ съ довѣрьемъ любовь.

Бей въ барабанъ, сзывай на войну,
 Чтобъ изгнать подлыхъ убійцъ.
 Да здравствуютъ гёзы! Бей въ барабанъ!
 Въ нашихъ рукахъ Бриель,
 Флиссингенъ тоже, къ Шельдѣ ключъ,
 Милостивъ Богъ, Кампъ-Веере взять,
 Гдѣ были зеландскія пушки.
 Есть у насъ пули, порохъ и ядра:
 Чугунный горохъ и желѣзный горохъ.
 Съ нами Господь—кто жь противъ насъ?
 Бей въ барабанъ, зови на войну!
 Да здравствуютъ гёзы! Бей въ барабанъ!
 Мечъ обнаженъ, горѣ сердца.
 Руки изъ стали, мечъ обнаженъ.
 Къ чорту сосущую насъ десятину,
 Смерть палачу, веревка грабителю,
 Отъ народа мятежнаго королю-предателю,
 Клятвопреступнику смерть!
 Мечъ обнаженъ за наши права,
 За наши дома, за женъ и дѣтей,
 Мечъ обнаженъ, бей въ барабанъ!
 Руки изъ стали, горѣ сердца,
 Къ чорту поборы, къ чорту подлую милость,
 Бей въ барабанъ, бей въ барабанъ!

— Да, друзья и братцы,—говорилъ Уленспигель:—да, они соорудили въ Антверпенѣ передъ ратушей великолѣпный помостъ, покрытый краснымъ сукномъ; на немъ, точно король, воссѣдаетъ герцогъ Альба на тронѣ, окруженный своими солдатами и челядью. Когда онъ хочетъ благосклонно улыбнуться, онъ дѣлаетъ кислую рожу. Бей въ барабанъ, зови на войну!

„Вотъ онъ даруетъ милость и прощенье: молчите и слушайте. Его золоченый панцирь сверкаетъ на солнцѣ, главный профессоръ верхомъ на конѣ рядомъ съ балдахинномъ; вотъ глашатай со своими литавриками; онъ читаетъ: прощенье всѣмъ, за кѣмъ нѣтъ грѣха; прочіе будутъ наказаны безъ пощады.

„Слушайте, братцы: онъ читаетъ указъ, коимъ предписывается, подъ страхомъ обвиненія въ мятежѣ, уплата десятины и двадцатины“.

И Уленспигель запѣлъ:

Герцогъ, слышишь ты голосъ народа,
 Грохотъ громовый? Это море встаетъ,
 Бурно неся свои волны впередъ.
 Довольно поборовъ, довольно крови,
 Довольно погромовъ!
 Мечъ обнаженъ. Бей въ барабанъ!
 Бей въ барабанъ погребальный!
 Кто ковыряетъ смертельную рану?
 Кто грабитъ трупы? Чтобъ пить нашу кровь,
 Золото наше ты въ ней растворяешь?

Были мы вѣрны во всемъ королю.
 Онъ клятву нарушилъ—теперь мы свободны
 Отъ нашей присяги. Бей въ барабанъ! На войну!
 Альба, герцогъ кровавый, смотри:
 Вотъ на замкѣ кабачки и лавчонки,
 Пекаръ, мясникъ, зеленщикъ и трактирщикъ
 Не продаютъ—чтобъ тебѣ не платить.
 Вотъ ты пришелъ, кто тебѣ поклонился?
 Нѣтъ, никто не кивнулъ головой.
 Чумнымъ туманомъ тебя облекли
 Гнѣвъ и презрѣнье этой земли.
 Фландрія ясная, веселый Брабантъ
 Мрачны, точно кладбища.
 Тамъ, гдѣ когда-то, во дни свободы,
 Люти звенѣли, заливались свирѣли,
 Смерть и молчанье царятъ кругомъ.
 Бей въ барабанъ боевой!
 Исчезли веселыя рожи гулякъ
 И влюбленныхъ, пѣсни поющихъ красоткамъ,
 Повсюду лишь блѣдныя лица людей,
 Ждущихъ на плахѣ покорно удара.
 Бей въ барабанъ боевой!
 Не слышно больше въ шумныхъ трактирахъ
 Веселаго звуканья кружекъ
 И яснаго голоса дѣвушекъ, съ пѣсней
 Толпами бродящихъ по улицамъ.
 Брабантъ и Фландрія, страны радости,
 Стали печальными странами слезъ.
 Бей въ барабанъ погребальный!..
 Родина милая, святая страдалница,
 Не склоняй головы подъ ногой палача!
 Пчелки-работницы, бросьтесь роями
 На грутней испанскихъ, подлыхъ убійцъ!
 Труны женщинъ и дѣвушекъ, живемъ зарытыхъ,
 Взывайте къ Спасителю: „Мечь!“
 Ночью скитайтесь въ поляхъ, несчастныя
 Души, взывайте къ Создателю: „Мечь!“
 Руки бойцовъ напряглись, чтобъ разить,
 Мечь обнаженъ. Кишки вырвемъ у Альбы
 И ими хлестнемъ его по лицу.
 Бей въ барабанъ! Мечь обнаженъ.
 Бей въ барабанъ! Да здравствуетъ гѣзъ!

И всѣ солдаты и моряки съ корабля Уленсигеля и прочихъ кораблей подхватывали:

Мечь обнаженъ. Да здравствуетъ гѣзъ!

И голоса ихъ гремѣли, какъ громъ освобожденія.

III.

На дворѣ стоялъ январь, жестокой мѣсяцъ, замораживающій
 теленка во чревѣ коровы. Шель снѣгъ и тутъ же смер-
 „Уленсигель“.

задся. Мальчишки ловили на клей воробьевъ, отыскивавшихъ подъ мерзлой корою снѣга какой-нибудь поживы, и таскали эту дичь домой. На сѣромъ и ясномъ небосклонѣ четко вырѣзались неподвижные скелеты деревьевъ, вѣтки которыхъ были покрыты снѣжными пуховиками. Снѣгъ лежалъ также на хижинахъ и на верхушкахъ заборовъ, усѣянныхъ слѣдами коначныхъ лапъ, ибо и кошки тоже охотились на воробьевъ по снѣгу. Вдали дуга также были покрыты этимъ чуднымъ мѣхомъ, оберегающимъ теплоту земли отъ рѣзкаго холода зимней поры. Чернымъ столбомъ поднимался къ небу дымъ надъ домами и хижинами, и не было слышно ни малѣйшаго шума.

И Катлина съ Неле сидѣли однѣ въ своемъ жилищѣ, и Катлина, тряся головой, говорила:

— Гансъ, мое сердце рвется къ тебѣ. Ты долженъ отдать семью твою чверницею Уленспигелю, сыну Сооткинъ. Если ты въ нуждѣ, то все-таки приди, чтобъ я могла видѣть твое свѣтящееся лицо. Убери огонь, голова горитъ. О, гдѣ твои снѣжные поцѣлуй? Гдѣ твое ледяное тѣло, Гансъ, мой возлюбленный?

Она стояла у окна. Вдругъ мимо быстрымъ шагомъ пробѣжалъ voet-looper, скороходъ съ колокольчиками на поясъ, крича:

— Вотъ ѣдетъ господинъ комендантъ города Дамме!

И такъ онъ бѣжалъ къ ратушѣ, чтобы собрать тамъ бургомистровъ и старшинъ.

И тогда среди глубокой тишины Неле услышала звукъ двухъ рожковъ. Обыватели Дамме бросились къ дверямъ, полагая, что эти трубные звуки возвѣщаютъ прибытіе его королевскаго величества.

И Катлина тоже вышла на порогъ съ Неле. Издали онѣ увидѣли гурьбу блестящихъ кавалеровъ верхомъ на коняхъ, а передъ ними также на конѣ особу въ плащѣ чернаго бархата съ куньей оторочкой, въ бархатномъ камзолѣ съ золотой вышивкой и въ опойковыхъ саноггахъ на куньемъ мѣху. И онѣ узнали господина главнаго коменданта.

За нимъ ѣхали верхомъ молодые кавалеры, бархатная одежда которыхъ, несмотря на повелѣніе его величества, покойнаго императора, была отдѣлана вышивкой, кружевами, лентами, золотой, серебряной и шелковой тесьмой. И плащи, накинутые на ихъ камзолы, такъ же, какъ у начальника, были оторочены мѣхомъ. Они ѣхали весело, и весело развѣвались по вѣтру длинныя страусовыя перья, украшавшія ихъ шляпы, обшитыя золотыми шнурами и пуговицами.

Всѣ они казались друзьями и товарищами коменданта.

особенно одинъ, съ брызгливымъ лицомъ, въ зеленомъ бархатномъ камзолѣ съ золотой вышивкой, въ черномъ бархатномъ плащѣ и черной шляпѣ съ длинными перьями. У него былъ носъ крючковатый, какъ клювъ коршуна, тонкія губы, рыжіе волосы, блѣдное лицо, гордая осанка.

Вдругъ, въ то время, какъ толпа этихъ господъ слѣдовала мимо домика Катлины, она схватила за узду коня блѣднаго кавалера и въ безумномъ восторгѣ закричала:

— Гансъ, возлюбленный мой, я знала, что ты вернешься! Какой ты красавецъ, весь въ бархатѣ и золотѣ, точно солнце на снѣгу. Ты принесъ мнѣ семьсотъ червонцевъ? Услышу ли опять твой орлиный крикъ?

Командантъ остановилъ свою свиту, и блѣдный господинъ сказалъ:

— Что отъ меня нужно этой несчастной?

Но Катлина держала его коня за узду.

— Не уходи, не уходи,—говорила она;—я такъ много плакала по тебѣ. Сладкія ночи, дорогой мой, снѣжные поцѣлун, ледяное тѣло! Вотъ и дитя!

И она показала ему Неле, которая сердито смотрѣла на него, такъ какъ онъ поднялъ свой хлыстъ надъ Катлиной; но Катлина всхлипывала:

— Ахъ, неужто ты забылъ? Сжался надъ твоей рабыней! Увези меня съ собой, куда хочешь. Убери огонь, Гансъ, сжался!

— Убрайся,—сказалъ онъ.

И онъ прищипорилъ свою лошадь такъ сильно, что Катлина выпустила изъ рукъ узду и упала на землю; и лошадь наступила на нее, оставивъ на ея лбу окровавленную рану.

Тогда командантъ обратился къ блѣдному всаднику:

— Сударь, извѣстна вамъ эта женщина?

— Въ первый разъ въ жизни вижу ее,—отвѣтилъ тотъ:—это, очевидно, сумасшедшая.

Но Неле, поднявъ съ земли Катлину, выступила впередъ:

— Если она сумасшедшая, то не сумасшедшая я, ваша милость, и пусть я здѣсь же умру отъ этого снѣга, который я ѣмъ,—она взяла съ земли горсточку снѣга, —если этотъ человѣкъ не знаетъ моей матери, если онъ не взялъ у нея всѣхъ ея денегъ, если онъ не убилъ собаку Клааса, чтобы захватить спрятанные въ стѣнѣ колодца въ нашемъ домѣ семьсотъ червонцевъ, принадлежавшіе покойному мученику.

— Гансъ, голубчикъ мой,—плакала окровавленная Катлина, стоя на колѣняхъ,—поцѣлуй меня въ знакъ примиренія: по-

смотри, вотъ кровь течетъ; душа сдѣлала себѣ дырочку и хочетъ выйти наружу: я умру сейчасъ, не покидай меня.— И она прибавила потихоньку:—Помнишь, ты убилъ изъ ревности твоего товарища, тамъ, на плотинѣ.—И она показала пальцемъ въ сторону Дудцееле.—Ты крѣпко любилъ меня тогда.

И она охватила колѣна всадника и прильнула съ поцѣлуемъ къ его саногу.

— Кто этотъ убитый?—спросилъ комендантъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ тотъ:—не стоить обращать вниманія на болтовню этой твари, ѣдемъ.

Народъ собрался вокругъ. Горожане, знатные и простые, рабочіе и крестьяне, заступаясь за Катлину, кричали:

— Правосудіе, господинъ комендантъ, правосудіе!

И комендантъ обратился къ Неле:

— Чтò это за убитый? Говори, какъ указуютъ Господь и Истина.

— Вотъ онъ,—отвѣтила Неле, указывая на блѣднаго всадника,—приходилъ каждую субботу въ Кеет, чтобы видаться съ моею матерью и отбирать у нея деньги. Онъ убилъ одного своего пріятеля на полѣ Серваса ванъ-деръ-Вихте, но не изъ любви къ ней, какъ думаетъ эта невинная безумная страдалница, а чтобы забрать себѣ одному семьсотъ червонцевъ.

И Неле рассказала о любовныхъ дѣлахъ Катлины и о томъ чтò ей мать слышала въ ту ночь, скрывшись за плотиной, пересѣкающей поле Серваса ванъ-деръ-Вихте.

— Неле злая,—сказала Катлина,—она грубо разговариваетъ съ Гансомъ, со своимъ отцомъ.

— Клянусь,—сказала Неле,—что онъ кричалъ орломъ, чтобы извѣстить ее о своемъ приходѣ.

— Ты лжешь!—сказалъ всадникъ.

— О, нѣтъ,—отвѣтила Неле:—и господинъ комендантъ и всѣ эти знатные господа видятъ хорошо, что ты блѣденъ не отъ холода, но отъ страха. Почему это уже не свѣтитъ твое лицо? Ты, значитъ, потерялъ свое волшебное снадобье, которымъ мазался, чтобы оно казалось сверкающимъ, какъ волны лѣтомъ, когда громъ гремитъ. Но, проклятый колдунъ, ты будешь сожженъ предъ воротами ратуши. Это изъ-за тебя умерла Сооткинъ, ты повергъ ея осиротѣвшаго сына въ нищету; ты, знатный баринъ, приходилъ къ намъ, простымъ обывателямъ, и одинъ разъ принесъ денегъ моею матери, чтобы отобрать у нея все, чтò у нея было.

— Гансъ,—сказала Катлина,—ты опять возьмешь меня на шабашъ и опять смажешь своимъ снадобьемъ: не слушай

Неле, она злая; видишь, вотъ кровь: душа пробилъ дыру, хочеть наружу; я скоро умру и попаду на тотъ свѣтъ, гдѣ не жжется.

— Молчи, сумасшедшая вѣдьма, — сказала всадникъ:—я тебя не знаю и не знаю, о чемъ ты говоришь.

— И однако,—сказала Неле,—это ты приходилъ къ намъ съ товарищемъ и хотѣлъ дать мнѣ его въ мужья; ты знаешь, что я этого не захотѣла. Что сдѣлалъ твой другъ Гильбертъ со своими глазами, послѣ того какъ я вцѣпилась въ нихъ ногтями?

— Неле злая,—сказала Катлина,—не вѣрь ей, Гансъ, дорогой мой! Она сердится на Гильберта за то, что онъ хотѣлъ изнасиловать ее; но Гильберта уже нѣтъ теперь, черви его съѣли; и Гильбертъ былъ противный; только ты красивый, Гансъ, дорогой мой; а Неле злая.

Послѣ этого комендантъ сказалъ:

— Женщины, идите въ мирѣ.

Но Катлина не хотѣла разстаться съ мѣстомъ, гдѣ стоитъ ея возлюбленный. Пришлось силой отвести ее въ ея жилище.

И весь собравшійся народъ кричалъ:

— Правосудіе, ваша милость, правосудіе!

На шумъ явились городскіе стражники; но комендантъ приказалъ имъ остаться на мѣстѣ и обратился къ знатымъ господамъ и дворянамъ:

— Государи мои! Невзирая на все права и вольности, охраняющія славное сословіе дворянства Фландріи, я вынужденъ въ силу обвиненій,—особенно въ колдовствѣ,—направленныхъ противъ господина Іооса Даммана, подвергнуть его личному задержанію впредь до суда, согласно законамъ и указамъ имперіи. Господинъ Іоосъ, вручите мнѣ вашу шпагу!

— Господинъ комендантъ!—съ большимъ высокоуміемъ и барской надменностью сказалъ Іоосъ Дамманъ:—подвергая меня личному задержанію, вы нарушаете законы Фландріи, ибо вы вѣдь сами не судья. А вамъ вѣдь извѣстно, что безъ судебного рѣшенія можно подвергать задержанію только альшивыхъ моетчиковъ, разбойниковъ и грабителей, похитителей и изнасилователей женщинъ, солдатъ, покинувшихъ своего офицера, колдуновъ, отравляющихъ ядомъ источники, монаховъ или монахинь, отвергнувшихъ свою вѣру, и наконецъ изгнанныхъ изъ страны. Посему, господа дворяне, защитите меня.

Такъ какъ нѣкоторые готовы были послушаться его, то комендантъ обратился къ нимъ:

— Государя мой! Будучи здѣсь представителемъ нашего короля, графа и господина, коему предоставлено право разрѣшать сомнительные случаи, я приказываю и повелѣваю вамъ, подь страхомъ обвиненія въ мятежѣ, вложить ваши шпаги въ ножны.

Когда дворяне повиновались, а господинъ Юозъ Дамманъ продолжалъ колебаться, народъ закричалъ:

— Правосудіе, господинъ комендантъ, правосудіе! Пусть отдастъ шпагу!

И онъ покорился противъ воли и, сойдя съ коня, былъ препровожденъ двумя стражниками въ городскую тюрьму.

Здѣсь однако онъ не былъ брошенъ въ подземелье, но заключенъ въ комнату съ рѣшетками, гдѣ за плату получалъ теплую печь, добрую постель и хорошую ѣду, половину которой съѣдалъ тюремщикъ.

IV.

На другой день комендантъ, два тюремныхъ писца, двое старшинъ и поддѣкаръ пошли по направленію къ Дудцееле поискать, не найдутъ ли они на участкѣ Серваса ванъ-деръ-Вихте тѣла человѣка у плотины, пересѣкающей поле.

Неле сказала Катлинѣ:

— Гансъ, твой возлюбленный, проситъ принести ему отрубанную руку Гильберта; сегодня вечеромъ онъ закричитъ орломъ, войдетъ въ нашу хижину и принесетъ семьсотъ червонцевъ.

Катлина отвѣтила:

— Я ее отрубжу.

И, въ самомъ дѣлѣ, она взяла ножъ и побѣжала; за ней слѣдовала Неле и слуги правосудія.

Она шла быстро и горделиво вмѣстѣ съ Неле, милое лицо которой раскраснѣлось отъ свѣжаго воздуха.

Слуги правосудія, люди пожилые и съ отдышкой, слѣдовали за ней, дрожа; и всѣ они были подобны чернымъ тѣнямъ на бѣлой равнинѣ; и Неле несла лопату.

Когда они добрались до поля Серваса ванъ-деръ-Вихте, Катлина взобралась на середину плотины и, показавъ на правую сторону луга, сказала:

— Гансъ, ты не знаешь, что я спряталась тамъ, содрогаюсь при звукѣ мечей. И Гильбертъ кричалъ:— „Это желѣзо холодное!“. Гильбертъ былъ противный, Гансъ—красавчикъ. Ты получишь его руку, оставь меня одну.

Потомъ она спустилась налѣво, стала въ сѣнгу на колѣни и трижды закричала, призывая духа.

Тогда Неле дала ей лопату, которую Катлина трижды перекрестила, потомъ начертила на льду изображеніе гроба и три лежащихъ креста, одинъ на востокъ, другой на западъ, третій на сѣверъ; она сказала:

— Три—это Марсъ подлѣ Сатурна, и три—это обрѣтеніе подлѣ знакомъ Венеры, ясной звѣзды. — Затѣмъ она очертила гробъ большимъ кругомъ, говоря: — Уходи, злой духъ, стерегущій тѣло! — Затѣмъ, ставъ на колѣни, она молилась: — Другъ дьяволъ Гильбертъ! Гансъ, мой господинъ и повелитель, приказалъ мнѣ прийти сюда отрѣзать тебѣ руку и принести ему; я должна ему повиноваться. Не обожги меня огнемъ земнымъ за то, что я нарушаю благородный покой твоей могилы. И прости меня ради Господа Бога и святыхъ угодниковъ!

Затѣмъ она разбила ледъ по очертаніямъ гроба, разрыла сырой дерть, затѣмъ песокъ—и господинъ комендантъ и его подчиненные, и Неле, и Катлина увидѣли тѣло молодого челоуѣка, бѣлое, какъ гашеная известь, по причинѣ песка, въ которомъ онъ похороненъ. Онъ былъ въ сѣромъ суконномъ камзолѣ и въ такомъ же плащѣ; его шнага лежала рядомъ съ нимъ. На поясѣ у него висѣла вязаная сумка, и широкій кинжалъ торчалъ въ его груди подлѣ сердцемъ. На камзолѣ была кровь, и кровь протекла за спину. И онъ былъ молодъ.

Катлина отрѣзала у него руку и положила въ свою кошку. И комендантъ позволилъ ей продѣлать все это; затѣмъ онъ приказалъ снять съ трупа всю его одежду и знаки достоинства. На вопросъ Катлины, дѣлается ли и это по повелѣнію Ганса, комендантъ отвѣтилъ, что онъ дѣйствуетъ только по его приказаніямъ; и Катлина стала дѣлать все, чего онъ требовалъ.

Когда трупъ былъ раздѣтъ, они увидѣли, что онъ высохъ, какъ дерево, но не сгнилъ. Затѣмъ комендантъ и служащіе общины засыпали его пескомъ и ушли. И стражники несли одежду.

Когда они подошли къ тюрьмѣ, начальникъ сказалъ Катлинѣ, что Гансъ ждетъ ее; и она радостно вошла туда.

Неле хотѣла не пустить ее, но Катлина только отвѣтила: — Я хочу къ Гансу, моему господину!

И Неле рыдала, сидя на порогѣ тюрьмы, ибо знала, что Катлина взята подлѣ стражу, какъ колдунья, за заклинаніе и чертежи, которые она дѣлала на снѣгу.

И въ Дамме говорили, что ей нѣтъ прощенія.

И Катлина была заперта въ западномъ подземельѣ тюрьмы.

V.

На другой день подулъ вѣтеръ со стороны Брабапта, снѣгъ растаялъ, и луга были залиты водой.

И колоколь, называемый borgstorm, созвалъ судей въ заседание суда vierschare, подъ навѣсомъ, такъ какъ дерновые сидѣнья подъ судебной липой были мокры.

И народъ стоялъ толпой вокругъ суда.

Юосъ Дамманъ былъ приведенъ не связанный и въ своемъ дворянскомъ платьѣ; Катлина также была приведена съ связанными впереди руками и въ сѣрой посконной одеждѣ, какую носятъ заключенные въ тюрьмѣ.

Юосъ Дамманъ, на вопросы суда, признался, что убилъ своего друга Гильберта мечомъ въ поединкѣ. Когда ему сказали:—„Онъ заколотъ кинжаломъ“,—Юосъ Дамманъ отвѣтилъ:—„Я закололъ его, когда онъ лежалъ уже на землѣ, такъ какъ онъ не умиралъ достаточно быстро. Я свободно признаюсь въ этомъ убійствѣ, такъ какъ нахожусь подъ охраной законовъ Фландріи, запрещающихъ преслѣдовать убійцу по истеченіи десяти лѣтъ“.

Судья спросилъ его:

— Ты не колдунъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дамманъ.

— Докажи это.

— Для этого будетъ свое время и мѣсто,—отвѣтилъ Юосъ Дамманъ,—теперь же мнѣ не угодно сдѣлать это.

Тогда судья приступилъ къ допросу Катлины; но она ничего не слышала и не отрывалась взглядомъ отъ Ганса.

— Ты мой зеленый баринъ, прекрасный, какъ солнце. Убери огонь, дорогой мой!

И Неле выступила вмѣсто Катлины.

— Она не можетъ сознаться ни въ чемъ, чего бы не знала ваша милость и вы, господа судьи,—сказала Неле:—она не колдунья, а только сумасшедшая.

Въ отвѣтъ на это судья сказалъ:

— Колдунъ—это тотъ, кто добивается какой-либо цѣли сознательно употребленными дьявольскими средствами. Стало-быть, оба они, и мужчина и женщина,—и по ихъ замысламъ и по дѣяніямъ,—виновны въ колдовствѣ. Ибо онъ давалъ снадьбу для участія въ шабашѣ и дѣлалъ свое лицо свѣтящимся, какъ Люциферъ, съ цѣлью получить деньги и удовлетворить свою похоть; она же подчинялась ему, принимая его за дьявола и отдаваясь его волѣ; одинъ былъ злоумышленникъ, другая—явная сообщница. Здѣсь поэтому нѣтъ мѣста

никакому состраданію, и я долженъ настоять на этомъ, такъ какъ вижу, что старшины и народъ слишкомъ снисходительны къ женщиѣ. Правда, она никогда не убивала, не воровала, не портила слазюмъ людей или животныхъ, не лѣчила больныхъ непоказанными снадобьями, а цѣлила простыми извѣстными средствами, цѣленіемъ честнымъ и христіанскимъ; но она хотѣла предать свою дочь дьяволу, и если бы послѣдняя, несмотря на свой юный возрастъ, не воспротивилась этому съ мужествомъ столь открытымъ и доблестнымъ, она поддалась бы Гильберту и также стала бы вѣдьмой, какъ и мать. Поэтому я спрашиваю господъ судей, не полагаютъ ли они, что оба обвиняемые должны быть подвергнуты пыткѣ?

Старшины молчали въ отвѣтъ, показывая этимъ, что по отношенію къ Катлинѣ они думаютъ иначе.

Тогда судья, настаивая на своемъ, сказалъ:

— Какъ и вы, я проникся жалостью и состраданіемъ къ ней, но подумайте: развѣ эта безумная колдунья, столь покорная дьяволу, въ случаѣ, если бы ея распутный соучастникъ потребовалъ этого, не могла отрубить голову своей дочери серпомъ, какъ сдѣлала во Франціи со своими двумя дочерьми Катерина Дарю по указанію дьявола? Развѣ не могла она, по повелѣнію своего чернаго сожителя, нагонять смерть на животныхъ, портить посредствомъ сахара масло въ маслобойнѣ, участвовать тѣлесно во всѣхъ служеніяхъ дьяволу, колдовскихъ плясаніяхъ, мерзостяхъ и совокупленіяхъ? Развѣ не могла она ѣсть человѣческое мясо, убивать дѣтей, чтобы дѣлать изъ нихъ пироги и продавать ихъ, какъ дѣлалъ это одинъ пирожникъ въ Парижѣ; срѣзать ляжки у повѣшенныхъ, уносить ихъ съ собой, дабы вшиваться въ нихъ зубами, совершая такимъ образомъ гнусное воровство и святотатство? И я требую у суда, чтобы для установленія, не совершали ли Катлина и Юосъ Дамманъ иныхъ преступленій, кромѣ уже извѣстныхъ, они были подвергнуты пыткѣ. Такъ какъ Юосъ Дамманъ отказался сознаться въ чемъ-либо, кромѣ убійства, а Катлина не рассказала всего, законы имперскіе повелѣваютъ намъ поступить такъ, какъ я сказалъ.

И судъ постановилъ произвести пытку въ пятницу, то-есть послѣзавтра.

И Неле кричала:

— Смилостивьтесь, господа судьи!

И народъ кричалъ вмѣстѣ съ нею. Но все было напрасно.

И Катлина, глядя на Юоса Даммана, говорила:

— У меня рука Гильберта, приди за ней сегодня ночью, дорогой мой!

И ихъ увели обратно въ тюрьму.

Здѣсь, по распоряженію суда, тюремщикъ приставилъ къ каждому двухъ сторожей, которые должны были бить ихъ каждый разъ, когда заключенные стануть засыпать; но сторожа Катлины дали ей спать всю ночь, а сторожа Иоса Даммана жестоко колотили его, едва онъ закрывалъ глаза или опускалъ голову.

Они голодали всю среду, ночь и весь четвергъ вплоть до вечера, когда имъ дали пить и ѣсть: просоленную говядину съ селитрой и соленую воду съ селитрой. Это было начало пытки. И утромъ, когда они кричали отъ жажды, стражники привели ихъ въ застѣнокъ.

Здѣсь они были посажены другъ противъ друга и привязаны къ скамьямъ, обвитымъ узловатыми веревками, что причиняло тяжкія страданія.

И каждый долженъ былъ выпить стаканъ воды съ солью и селитрой.

Такъ какъ Иосъ Дамманъ началъ засыпать, стражники растолкали его ударами.

И Катлина говорила:

— Не бейте его, господа; вы разобьете его бѣдное тѣло. Онъ совершилъ только одно преступленіе, по любви, когда онъ убилъ Гильберта. Я хочу пить, и ты тоже, Гансъ, дорогой мой. Дайте ему напиться первому. Воды, воды! Мое тѣло горитъ. Не трогайте его, я умру за него. Пить!

— Умри и издохни, какъ сука, проклятая вѣдьма,—сказалъ Иосъ:—бросьте ее въ огонь, господа судьи. Пить!

Писцы записывали каждое его слово.

— Ни въ чемъ не сознаешься?—спросилъ его судья.

— Мнѣ нечего сказать; вы все знаете.

— Такъ какъ онъ упорствуетъ въ заирательствѣ, то онъ останется на этой скамьѣ и этихъ веревкахъ вплоть до новаго и полного признанія и будетъ терпѣть жажду и лишень сна.

— Я останусь,—сказалъ Иосъ Дамманъ,—и буду наслаждаться при видѣ страданій этой вѣдьмы на скамьѣ. По душѣ ли тебѣ брачное ложе, голубушка?

— Холодные руки, горячее сердце, Гансъ, дорогой мой,—отвѣтила Катлина:—я хочу пить, голова горитъ.

— А ты, женщина,—спросилъ ее судья,—ты ничего не можешь сказать?

— Я слышу колесницу смерти и слышу сухой стукъ костей. Пить! Она везетъ меня по широкой рѣкѣ, полной воды, свѣжей, свѣтлой воды; но эта вода—огонь. Гансъ, мой милый,

развяжи мои веревки. Да, я въ чистилищѣ и вижу вверху Господа Исуса въ Его раю и Пресвятую Дѣву, такую сострадательную. О, дорогая Госпожа, дайте мнѣ капельку воды! Не ѣшьте одна эти прекрасные плоды!

— Эта женщина поражена совершеннымъ безуміемъ,—сказаль одинъ изъ старшинъ:—слѣдуетъ освободить ее отъ пытки.

— Она не болѣе безумна, чѣмъ я,—сказаль Іоось Дамманъ:—все это игра и притворство.—И онъ прибавиль съ угрозой въ голосѣ:—Сколько ни прикидывайся сумасшедшей, увижу тебя на кострѣ.

И, заскрежетавъ зубами, онъ засмѣялся своей жестокой лжи.

— Пить!—говорила Катлина:—сжальтесь, хочу пить. Какое у тебя блѣдное лицо! Позвольте мнѣ подойти къ нему, господу судьи.—И, раскрывъ ротъ, она кричала:—Да, да, теперь они вложили огонь въ мою грудь, и дьяволы привязали меня къ этой злой скамьѣ. Гансъ, возьми твою шпагу и убей ихъ, ты такой сильный. Воды, пить! Пить!

— Издохни, вѣдьма, —сказаль Іоось Дамманъ:—надо заткнуть ей глотку клипомъ, чтобы эта мужичка не смѣла такъ обращаться къ дворанину.

Одинъ изъ старшинъ, врагъ знати, возразиль на это:

— Господинъ начальникъ, затывать клипомъ ротъ тѣмъ, кто подвергается допросу, противно законамъ и обычаямъ императорскимъ, ибо допрашиваемые присутствуютъ здѣсь для того, чтобы они говорили истину, а мы судили сообразно ихъ показаніямъ. Это разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, когда обвиняемый, будучи уже осужденнымъ, можетъ на мѣстѣ казни обратиться къ толпѣ, разжалобить ее и такимъ образомъ вызвать народныя волненія.

— Хочу пить, —говорила Катлина:—дай мнѣ напиться, Гансикъ, дорогой мой!

— А, ты мучаешься, вѣдьма проклятая, единственная причина всѣхъ моихъ мученій,—сказаль онъ,—по въ этомъ застѣнкѣ ты еще не то претерпишь: будутъ тебя жечь свѣчами, бичевать, вгонять клинья подъ ногти рукъ и ногъ. Тебя, посадятъ верхомъ на гробъ, верхнее ребро котораго остро, какъ ножъ, и ты создаешься, что ты не сумасшедшая, а подлая вѣдьма, которую дьяволъ отрядилъ пакостить благороднымъ людямъ. Пить!

— Гансъ, возлюбленный мой,—говорила Катлина,—не сердись на твою рабу. Тысячи мученій я терплю ради тебя, мой повелитель. Сжальтесь надъ нимъ, господу судьи: дайте ему

полный стаканъ, а съ меня довольно одной капельки. Гансъ, не пора ли кричать орлу?

— Изъ-за чего ты убилъ Гильберта?—спросилъ судья у Даммана.

— Мы повздорили изъ-за одной дѣвчонки изъ Гейста,— отвѣтилъ Юось.

— Дѣвчонка изъ Гейста!—закричала Катлина, изо всѣхъ силъ пытаюсь сорваться съ своей скамьи:—а, такъ ты меня обманывалъ съ другой, подлый дьяволъ! А зналъ ты, что я сижу за плотиной и слушаю, когда ты говорилъ, что хочешь забрать всѣ деньги, принадлежавшія Клаасу? Ты ихъ, значить, хотѣлъ истратить съ ней въ кутежѣ и распутствѣ? О, а я, я, которая отдала бы ему свою кровь, если бы онъ могъ сдѣлать изъ нея деньги! И все для другой! Будь проклять!

Но вдругъ она разрыдалась и, стараясь подвинуться на своей скамьѣ, говорила:

— Нѣтъ, Гансъ, скажи, что ты опять будешь любить твою бѣдную рабыню, и я землю буду рыть ногтями и добуду кладъ оттуда. Да, тамъ есть кладъ. Я буду ходить съ вѣточкой орѣшника, которая наклоняется тамъ, гдѣ есть металлы; и я найду и принесу тебѣ. Поцѣлуй меня, миленькій, и ты будешь богатъ; и мы будемъ каждый день ѣсть мясо и пить пиво; да, да, вонъ тѣ, что сидятъ, тоже пьютъ пиво, свѣжее, пѣнистое пиво. О, господа, дайте хоть глоточекъ, я вся горю! Гансъ, я знаю, гдѣ растетъ орѣшникъ для волшебной палочки, но надо подождать, пока придетъ весна.

— Молчи, вѣдьма,—отвѣчала Юось Дамманъ,—я тебя не знаю. Ты принимала Гильберта за меня; это онъ приходилъ къ тебѣ, а ты въ твоей скверности называла его Гансъ. А вѣдь я зовусь не Гансъ, а Юось, такъ и знай; мы были одного роста, Гильбертъ и я. Я теби не знаю: это, вѣрно, Гильбертъ укралъ семьсотъ червонцевъ. Дайте пить! Мой отецъ заплатитъ сто флориновъ за стаканчикъ воды. Но я не знаю этой женщины.

— Господинъ комендантъ, господа старшины,—воскликнула Катлина:—онъ говорить, что не знаетъ меня, а я его знаю хорошо и знаю, что у него на спинѣ темная мохнатая родинка величиной съ бобъ. А, ты любишь дѣвку изъ Гейста! Хорошій любовникъ развѣ стыдится своей милой? Гансъ, вѣдь я еще красива?

— Красива!—крикнулъ онъ:—у тебя не лицо, а гнилое яблоко, а тѣло—связка хвороста; посмотрите на эту поскуду, которая лѣзетъ къ дворянамъ въ любовницы. Пить!

— Ты не такъ говорилъ, Гансъ, мой нѣжный повелитель, когда я была на шестнадцать лѣтъ моложе.—И, ударяя себя по головѣ и груди, Катлина заговорила:—Здѣсь огонь горитъ и сушитъ мнѣ сердце и лицо. Не кори меня этимъ. Поминишь, какъ мы ѣли соленое,—ты говорилъ, чтобы больше пить. Теперь соль въ насъ, дорогой мой, а господинъ комендантъ пьетъ бургундское вино. Не надо намъ вина: воды дайте. Вѣжить въ травѣ ручеекъ: студеная водичка, свѣжій родничокъ. Пить, она горитъ. Это адская вода.—И Катлина зарыдала, говоря:—Я никому зла не дѣлала, а меня всѣ бросаютъ въ огонь. Пить! Я христіанка, дайте мнѣ пить! Даютъ же пить бродячимъ собакамъ. Я никому зла не дѣлала. Пить!

Одинъ изъ старшинъ сказалъ:

— Эта колдунья безумна только въ разговорахъ объ огнѣ, который, какъ она говоритъ, жжетъ ей голову, но она совсѣмъ не безумна въ другихъ вещахъ: вѣдь въ томъ, что она помогла намъ найти останки убитаго, былъ виденъ совершенно ясный умъ. Если на тѣлѣ у Юоса Даммана есть мохнатое пятно, то этого знака достаточно, чтобы видѣть его тожество съ дьяволомъ Гансомъ, отъ котораго обезумѣла Катлина. Палачъ, покажи намъ пятно!

Палачъ, обнаживъ шею и плечи Даммана, показалъ темное мохнатое пятно.

— О, какая у тебя бѣлая кожа,—говорила Катлина:—совсѣмъ какъ плечи дѣвочки; ты красавецъ, Гансъ, миленькій мой. Пить!

Палачъ воткнулъ длинную иглу въ пятно. Крови не было.

Старшины переговаривались:

— Конечно, дьяволъ; онъ убилъ Юоса Даммана и принялъ его образъ, чтобы вѣрнѣе обходить несчастныхъ людей.

И всѣ судьи—комендантъ и старшины—ислугались:

— Снѣ дьяволъ, и это чародѣйство нечистаго.

И Юосъ Дамманъ возразилъ:

— Вы знаете, что нѣтъ никакого чародѣйства, и что бываютъ такіе наросты на тѣлѣ, которые можно колоть и крови не будетъ. Если Гильбертъ взялъ деньги у этой вѣдьмы,—ибо она вѣдьма, если сама созналась, что спала съ дьяволомъ,—то онъ могъ ихъ взять, ибо такова была добрая воля этой твари; и, значить, онъ, знатный баринъ, получалъ плату за свои ласки, какъ это дѣлаютъ продажныя дѣвки. Развѣ нѣтъ на этомъ свѣтѣ подобныхъ этимъ дѣвкамъ продажныхъ мужчинъ, которымъ женщины платятъ за ихъ силу и красоту?

Старшины переговаривались:

— Какая дьявольская самоуверенность! Его родимое пятно не дало крови; убійца, дьяволь и колдунъ, онъ хочетъ сойти за цюстого дуэлиста, сваливая всё прочія свои преступленія на дьявола-пріятеля, котораго онъ убилъ тѣло, но не душу... И посмотрите, какъ блѣдно его лицо! Такой видъ у всѣхъ дьяволовъ: они красны въ аду и блѣдны на землѣ, ибо въ нихъ нѣтъ жизненнаго огня, дающаго румянецъ лицу, и внутри они изъ непла... Надо опять вернуть его въ огонь, чтобы онъ покраснѣлъ и согрѣлъ.

Катлина говорила:

— Да, онъ дьяволь, но добрый дьяволь, кроткій дьяволь. И св. Яковъ, его покровитель, позволилъ ему уйти изъ ада. Онъ проситъ за него ежедневно Господа Иисуса Христа. Онъ только семь тысячъ лѣтъ будетъ въ чистилищѣ: Пресвятая Дѣва такъ хочетъ, но господинъ Сатана противится. Ну, Богородица сдѣлаетъ такъ, какъ Ей угодно. Пойдете вы противъ Нея? Посмотрите на него хорошенько, вы увидите, что отъ своего дьявольскаго естества онъ не сохранилъ ничего, кромѣ лишь холоднаго тѣла, да еще лица, сверкающаго, какъ волны морскія въ августѣ передъ ударомъ грома.

— Молчи, вѣдьма, ты тащишь меня на костеръ,—сказалъ Юосъ Дамманъ и, обратившись къ судьямъ, продолжалъ:— Посмотрите на меня, я совсѣмъ не дьяволь, я изъ мяса и костей, крови и воды. Я ѣмъ и пью, перевариваю и извергаю, какъ вы; у меня такая же кожа, какъ у васъ, и нога тоже. Палачъ, сними съ меня сапоги, и не могу двинуться связанными ногами.

Палачъ исполнилъ это не безъ страха.

— Посмотрите,—говорилъ Юосъ, показывая свои бѣлыя ноги:—развѣ это раздвоенныя копыта, какъ бываетъ у дьявола? Чтѣ до моей блѣдности, то развѣ среди васъ нѣтъ блѣдныхъ? Я вижу троихъ такихъ. Не я грѣшникъ, а эта подлая вѣдьма и ея дочка, злая клеветница. Откуда деньги, которые она дала Гильберту, откуда эти червонцы? Не дьяволь ли платилъ ей за то, что она обвиняетъ и предаетъ смерти знатныхъ и невинныхъ людей? Это у нихъ обѣихъ надо спросить, кто задушилъ во дворѣ собаку, кто выломалъ въ стѣнѣ колодца двери, а потомъ бѣжалъ, оставивъ ее пустой, конечно, чтобы скрыть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ украденныя деньги. Вдова Сооткинъ мнѣ не довѣрилась и не знала меня совсѣмъ, а имъ она вѣрила и видѣла ихъ каждый день. Это они похитили достояніе императора.

Писарь записалъ, и судья сказалъ Катлинѣ:

— Женщина, можешь ты что-нибудь сказать въ свою защиту?

Катлина, смотря на Юоса Даммана, пѣжно сказала:

— Пора кричать орлу. У меня рука Гильберга, Гапсъ, дорогой мой. Они говорятъ, что ты вернешь мнѣ семьсотъ червонцевъ. Уберите огонь, уберите огонь!—закричала она:—пить! пить! Голова горитъ. Господь съ ангелами ѣдятъ на небесахъ яблочки.

И она лишилась чувствъ.

— Отвяжите ее,—сказалъ судья.

Палачъ съ помощниками развязали Катлину. И всѣ видѣли, какъ она шатается на своихъ погахъ, раздувшихся оттого, что палачъ слишкомъ сильно стянулъ ихъ.

— Дайте ей напитокъ,—сказалъ судья.

Ей подали холодной воды, которую она жадно проглотила, стиснувъ стаканъ зубами, какъ держитъ кость собака, не выпуская ея. Затѣмъ ей дали еще воды и она хотѣла-было поднести ее Юосу Дамману, но палачъ вырвалъ у нея изъ руки стаканъ. И она упала, уснувъ, какъ свинцовый слитокъ.

— Я тоже хочу пить и спать,—яростно кричала Юосъ Дамманъ:—почему вы ей даете пить? Почему вы ей позволите спать?

— Она слаба, она женщина, она безумна,—отвѣтилъ судья.

— Ея безуміе—притворство,—сказалъ Юосъ Дамманъ:—она вѣдьма. Я хочу пить, и хочу спать!

И онъ закрылъ глаза, но вѣхты (подручные) палача били его по лицу.

— Дайте мнѣ ножъ,—кричалъ онъ,—и я искрошу это мучилье; я дворянинъ, и меня никто никогда не билъ по лицу. Воды! Хочу спать, я невиненъ. Я не брать семьсотъ червонцевъ, это Гильбертъ. Пить! Я никогда не занимался колдовствомъ и заклинаніями. Я невиненъ, не троньте меня. Пить!

Судья спросилъ тогда:

— Чѣмъ ты занимался съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ Катлиной?

— Я не знаю никакой Катлины, я не разставался съ ней. Вы спрашиваете меня о вещахъ постороннихъ. Я не обязанъ вамъ отвѣчать. Пить, пустите меня спать! Говорю вамъ, что все сдѣлалъ Гильбертъ.

— Развяжите его,—сказалъ судья,—отведите его въ тюрьму. Но не давать ему ни пить ни спать, пока онъ не признается въ своихъ чародѣйствахъ и заклинаніяхъ.

И чудовищна была эта пытка для Даммана. Онъ кричалъ въ своей тюрьмѣ: „Пить, пить!“—такъ громко, что народъ

слышала это снаружи, но без всякаго состраданія. И, когда онъ падалъ отъ сна и сторожа били его по лицу, онъ приходилъ въ ярость, точно тигръ, и кричалъ:

— Я дворянинъ и уничтожу васъ, мужичье! Пойду къ королю, повелителю нашему. Пить!

Но онъ не сознавался, и его оставили.

VI.

Наступилъ май, зазеленѣла липа правосудія, зелены были также дерновыя скамьи, на которыхъ возсѣли судьи. Неле была при вана, какъ свидѣтельница. Въ этотъ день долженъ былъ быть произнесенъ приговоръ.

И народъ, мушкетеры, женщины, горожане, рабочіе столпились вокругъ. И солнце сіяло ярко.

Катлина и Юозъ Дамманъ предстали предъ судомъ. Дамманъ казался еще блѣднѣе отъ мучительной жажды и безсонныхъ ночей.

Катлина не могла держаться на своихъ шаткихъ ногахъ; она показывала на солнце и говорила:

— Уберите огонь, голова горитъ!

И съ вѣжливой любовью смотрѣла на Юоза Даммана.

А онъ смотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ и ненавистью.

И его друзья, господа и дворяне, призванные въ Дамме, предстали, какъ свидѣтели, предъ судомъ.

— Дѣвушка Неле, защищающая свою мать Катлину съ такой великой и мужественной любовью, — сказалъ комендантъ и предсѣдатель суда, — нашла въ карманѣ праздничнаго платья матери письмо, подписанное: Юозъ Дамманъ. Въ вещахъ умершаго Гильберта Рейвиша я нашелъ въ сумкѣ другое письмо, отправленное ему вышереченнымъ Юозомъ Дамманомъ, представшимъ предъ вами въ качествѣ обвиняемаго. Я сохранилъ у себя оба письма, дабы въ подходящее время, каково и есть нынѣшнее, вы могли судить объ упорствѣ этого человѣка и оправдать его или обвинить, согласно праву и справедливости. Вотъ пергаментъ, найденный въ сумкѣ; я не касался его и не знаю, можно ли его прочесть или нѣтъ.

Судьи пришли въ чрезвычайное затрудненіе. Предсѣдатель попытался развернуть пергаментный комокъ, но это ему не удавалось, и Юозъ Дамманъ смѣялся.

Одинъ изъ старшинъ сказалъ:

— Положимъ комокъ въ воду и нагрѣемъ его на огнѣ. Если онъ слился отъ тайнаго средства, то огонь и вода раскроютъ все.

Принесли воду; палачъ развелъ на воздухѣ большой ко-
стеръ: синій дымъ подымался къ ясному небу сквозь зеле-
нѣющія вѣтви липы правосудія.

— Не опускайте письма въ тазъ,—сказалъ другой стар-
шина,—ибо, если оно написано нашатыремъ, разведеннымъ
въ водѣ, то вы смоете буквы.

— Нѣтъ,—сказалъ присутствовавшій при этомъ лѣкарь,—
буквы не смоятся, вода размягчитъ только то мѣсто, которое
склеилось, что мѣшаетъ раскрыть этотъ чародѣйскій шарикъ.

Пергаментъ, опущенный въ воду, размякъ и былъ раз-
вернутъ.

— Теперь,—сказалъ лѣкарь,—подержите его на огнѣ.

— Да, да,—сказала Неле,—подержите его на огнѣ; госпо-
динъ лѣкарь на пути къ истинѣ, такъ какъ убійца поблѣд-
нѣлъ и его ноги задрожали.

На это Юось Дамманъ возразилъ:

— Я не блѣднѣю и не дрожу, ты, маленькая мужникая
вѣдьма, которой хочется погубить дворянина; это тебѣ не
удастся: пергаментъ, вѣрно, сгнилъ послѣ шестнадцатилѣт-
няго пребыванія въ землѣ.

— Нѣтъ, онъ не сгнилъ,—сказалъ предсѣдатель:—сумка
была на шелковой подкладкѣ, а шелкъ не гниетъ въ землѣ,
и черви не тронули пергамента.

Начали подогрѣвать пергаментъ на огнѣ.

— Господинъ комендантъ, господинъ комендантъ,—гово-
рила Неле:—вотъ на огнѣ проступили чернила; прикажите
прочитать, что написано.

Когда лѣкарь хотѣлъ-было читать, Юось Дамманъ проти-
нулъ руку, чтобы вырвать пергаментъ, но Неле съ быстротой
вѣтра отстранила его руку и сказала:

— Ты не коснешься письма, ибо въ немъ прописана твоя
смерть или смерть Катлины. Если теперь сочтешь кровью свое
сердце, убійца, то вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ исхо-
дитъ кровью наше сердце; пятнадцать лѣтъ, какъ страдаетъ
Катлина, пятнадцать лѣтъ, какъ горитъ мозгъ въ ея головѣ,
изъ-за тебя пятнадцать лѣтъ, какъ умерла Сооткинъ отъ
пытки; пятнадцать лѣтъ, какъ мы разорены, обобраны и жи-
вемъ въ нищетѣ, но въ гордости. Читайте, читайте! Суды—
это Господь на землѣ, ибо они—Справедливость. Читайте!

— Читайте!—кричали, плача, женщины и мужчины:—Неле
молодецъ. Читайте! Катлина совсѣмъ не вѣдьма.

И писарь прочелъ:

„Гильберту, сыну Виллема Рейвиша, рыцарю, Юось Дам-
манъ, рыцарь, шлетъ привѣтъ.

„Благословенный другъ, не проигрывай своихъ денегъ въ карты, кости и нины великія пагубы. И скажу тебѣ, какъ ихъ выигрываютъ навѣрняка. Станемъ съ тобой чертями, чертями-красавцами, возлюбленными женщиной и дѣвушкой. Будемъ брать красивыхъ и богатыхъ; нищихъ и роже намъ не надо; пусть платятъ за удовольствіе. Въ Германіи и этимъ ремесломъ въ шесть мѣсяцевъ заработалъ пять тысячъ риксдалеровъ. Женщины, когда полюбятъ, готовы отдать свою юбку и рубаху мужчине. Избѣгай скригъ съ поджатыми губами, — онѣ не торопятся платить. Что до тебя, то, чтобы изъ тебя вышелъ подлинный „инкубъ“ и красавецъ-дьяволъ, ты, когда онѣ тебя пригласятъ на ночь, возвѣщай о своемъ приходѣ крикомъ ночной птицы. А чтобы приобрести настоящій видъ дьявола, ужасающаго дьявола, патри свое лицо фосфоромъ, который свѣтится, когда влаженъ. Запахъ отъ него скверный, но онѣ будутъ думать, что это запахъ ада. Убивай всякаго, кто тебѣ помѣшаетъ, мужчину, женщину или животное.

„Скоро мы вмѣстѣ отправимся къ Катлинѣ: это баба смазливая и ласковая; дочка ея Пеле, мое отродье, если Катлина была мнѣ вѣрна, дѣвочка миленькая и привѣтливая. Ты возмешь ее безъ труда; предоставляю ее тебѣ... Что мнѣ до нихъ! Ихъ никогда нельзя съ увѣренностью признать своимъ порожденіемъ. Отъ ея матери я уже добылъ двадцать три золотыхъ съ лишнимъ — все, что у нея было. Но она скрываетъ кладъ, который, если я не дуракъ, представляетъ собой наслѣдство, оставшееся отъ Клааса, еретика, сожженнаго въ Дамме: семьсотъ червонцевъ, подлежащихъ конфискаціи. Но добрый король Филиппъ, который сжегъ столько своихъ подданныхъ, чтобы стать ихъ наслѣдникомъ, не сумеетъ наложить лапу на это соблазнительное сокровище. Въ моемъ кошелькѣ оно будетъ имѣть больше вѣса, чѣмъ въ его казнѣ. Катлина мнѣ скажетъ, гдѣ оно; мы подѣлимся. Только мнѣ ты отдашь большую часть, такъ какъ я его открылъ.

„А женщину, нашихъ покерныхъ слуганокъ и влюбленныхъ рабынь, мы возьмемъ съ собой въ Германію. Здѣсь мы научимъ ихъ быть „суккубами“ и дьяволами женскаго пола; онѣ будутъ влюблять въ себя богатыхъ горожанъ и знатныхъ дворянъ; мы будемъ тамъ жить съ ними на счетъ любви, оплачиваемой прекрасными риксдалерами, бархатомъ, шелкомъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоценностями; такимъ образомъ безъ всякихъ трудовъ мы будемъ богаты и—безъ вѣдома нашихъ дьявольскихъ „суккубовъ“—любимы красот-

камн, которыхъ, впрочемъ, тоже заставимъ платить намъ за нашу любовь. Все женщины дуры; онѣ теряютъ всякій разумъ предъ человѣкомъ, сумѣвшимъ зажечь вложенный въ нихъ любовный огонь. Катлина и Неле будутъ еще глупѣе другихъ и, считая насъ дьяволами, покорятся намъ во всемъ. Ты оставайся при своемъ имени, но не выдавай никогда твоего родового прозвища Рейвишъ. Если судья схватитъ женщинъ, мы скроемся, а онѣ, не зная насъ, не смогутъ на насъ донести. За дѣло, другъ мой! Станье улыбается молодежи, какъ говорилъ почившій императоръ Карлъ V, этотъ великій учитель въ дѣлахъ любовныхъ и ратныхъ“.

И писецъ, закончивъ чтеніе, сказалъ:

— Вотъ все письмо. и подписано оно: „Юозъ Дамманъ, рыцарь“.

И народъ кричалъ:

— Смерть убійцѣ! Смерть колдуну! Въ огонь соблазнителя! На висѣлицу вора!

— Тише, народъ,—сказалъ предсѣдатель суда:—не мѣшайте намъ свободно судить этого человѣка—И онѣ обратился къ старшинамъ.—Я прочту вамъ другое письмо, найденное Неле въ карманѣ праздничнаго платья Катлины:

„Прелестная вѣдьмочка, вотъ составъ моего снадобья, указанный мнѣ самой супругой Люцифера; при помощи этого снадобья ты сможешь взлетать на солнце, луну и звѣзды, разговаривать со стихійными духами, передающими Богу молитвы людскія, и носиться по городамъ, мѣстечкамъ, рѣкамъ, лугамъ всего міра. Свари въ равныхъ доляхъ: stramonium, solanum somniferum, бѣлену, опиѣ, свѣжія головки конопли, белладонну и дурманъ.

„Если хочешь, мы вечеромъ полетимъ на бѣсовскій шабашъ, только надо любить меня сильнѣе и не быть такой скаредной, какъ прошедшій вечеръ, когда ты не хотѣла дать мнѣ десять флориновъ, сказавъ, что у тебя нѣтъ. Я знаю, что ты скрываешь кладъ и не хочешь мнѣ сказать объ этомъ. Или ты больше меня не любишь, мое сердечко?

„Твой холодный дьяволъ Гансикъ“.

— Смерть колдуну!—кричала толпа.

— Надо сличить оба почерка,—сказалъ предсѣдатель суда.

Но сличеніи почерки были признаны сходными.

Тогда предсѣдатель обратился къ присутствующимъ дворянамъ:

— Признаете ли вы этого человѣка за господина Юоза Даммана, сына эшевена?

— Да,—отвѣтили они.

— Знали вы,—продолжалъ онъ,—господина Гильберта, сына Виллема Рейвиша?

Выступилъ одинъ изъ дворянъ, по имени ванъ деръ-Зикеленъ, и заявилъ:

— Я изъ Гента; мой steen находится на площади св. Михаила; я знаю Виллема Рейвиша, дворянина, гентскаго эшевена. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ у него пропалъ сынъ. Это былъ молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ, кутила, игрокъ, бездѣльникъ; ему это прощали изъ-за его молодости. Съ тѣхъ поръ никто ничего о немъ не слышалъ. Я хотѣлъ бы видѣть шпагу, кинжалъ и сумку покойнаго.

Разсмотрѣвъ ихъ, онъ сказалъ:

— На рукояткахъ шпаги и кинжала гербъ рода Рейвишъ: три серебряныя рыбы на лазурномъ полѣ. Тотъ же гербъ вычеканенъ на золотомъ замочкѣ. А это что еще за кинжалъ?

— Этого,—отвѣтилъ предсѣдатель,—былъ воткнуть въ тѣло Гильберта Рейвиша, сына Виллема.

— Я вижу на немъ гербъ Даммана,—сказалъ дворянинъ:—зубчатая башня на серебряномъ полѣ. Такъ да поможетъ мнѣ Богъ и всѣ святые!

Другіе дворяне подтвердили:

— Мы признаемъ, что это гербы Рейвиша и Даммана. Такъ да поможетъ намъ Богъ и всѣ святые!

— Въ силу выслушанныхъ и прочитанныхъ предъ судомъ доказательствъ,—сказалъ предсѣдатель суда,—Юось Дамманъ есть колдунъ, убійца, соблазнитель женщинъ, похититель королевскаго имущества и, какъ таковой, повиненъ въ оскорбленіи величества, божескаго и человѣческаго.

— Вы можете толковать объ этомъ, господинъ предсѣдатель,—возразилъ Юось,—но вы не смѣете, осудить меня за отсутствіемъ достаточныхъ уликъ. Я не колдунъ и никогда не былъ колдуномъ; я только прикинулся дьяволомъ. Что касается моего свѣтлагося лица, то вамъ извѣстна его тайна, а составъ мази, не считая бѣлены, растенія ядовитаго, исключительно снотворный. Когда эта женщина, подлинная колдунья, примѣняла снадобье, она погружалась въ сонъ, и тутъ ей видѣлось, что она летитъ на шабашъ, кружится тамъ спиною къ серединѣ вращенія и поклоняется дьяволу въ образѣ козла, стоящему на алтарѣ. По окончаніи круговорота—такъ ей казалось—она, какъ дѣлаютъ всѣ колдуны, цѣловала его въ хвостъ, чтобы затѣмъ предаться со мною, ея возлюбленнымъ наслажденіямъ, илѣнявшимся ея извра-

щенный духъ. Если у меня были, какъ она говорить, холодныя руки и свѣжее тѣло, то это признакъ молодости, а не колдовства. При любовной работѣ холодъ не дологъ. Но Катлина хотѣла вѣрить въ свои вождедѣнія и принимать меня за дьявола, хотя и человекъ во плоти, какъ вы меня видите. Только она и виновна: принимая меня за дьявола и однако раздѣляя со мной ложе, она намѣренно и дѣйствительно грѣшила противъ Господа Бога и Духа Святого. Стало-быть, это она, а не я, совершала преступленіе колдовства, она заслужила костеръ, какъ упорная и злобная вѣдьма, которая притворяется сумасшедшей, чтобы скрыть свое злоумышленіе.

— Вы слушаете этого убійцу?—вскричала Неле:—онъ вѣдь какъ гулиция дѣвка съ цвѣтнымъ кружкомъ на рукавѣ, промышляющая продажей любви. Вы его слушаете? Ради своего спасенія онъ добивается, чтобы сожгли ту, которая ему отдавала все, что могла.

— Неле злая,—сказала Катлина:—не слушай ея, Гансъ, дорогой мой!

— Нѣтъ,—сказала Неле:—нѣтъ, ты не человекъ, ты трусливый, злобный дьяволъ!—И, охвативъ Катлину руками, она умоляла:—Господа судьи, не слушайте этого блѣднолицаго злодѣя; у него одно желаніе: видѣть на кострѣ мою мать, на которой нѣтъ никакой вины, кромѣ того, что Господь поразилъ ее безуміемъ и что она считаетъ дѣйствительными призраки своихъ видѣній. Слишкомъ много она уже выстрадала и тѣломъ и душою. Не предавайте ее смерти, господа судьи! Дайте невинной жертвѣ дожить въ мирѣ ея печальную жизнь!

И Катлина сказала:

— Неле злая, не вѣри ей, Гансъ, мой повелитель!

И въ толпѣ женщины плакали, и мужчины говорили:

— Помилуйте Катлину!

Судьи вынесли приговоръ касательно Юоса Даммана, сознавагося послѣ вторичной пытки. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію дворянства и сожженію на медленномъ огнѣ, каковое мученіе онъ и претерпѣлъ на слѣдующій день на площади предъ ратушей, причемъ все время твердилъ:

— Казните вѣдьму, только она преступница. Проклинаю Господа Бога! Мой отецъ убьетъ всѣхъ судей.—И съ этими словами испустилъ духъ.

И народъ говорилъ:

— Смотрите, еще кощунствуетъ и богохульствуетъ. Издыхаетъ, какъ собака.

На слѣдующій день судьи вынесли приговоръ относительно Катлины. Ее рѣшили подвергнуть испытанію водой въ брюггскомъ каналѣ. Если она не будетъ тонуть, она будетъ сожжена, какъ вѣдьма; если пойдетъ ко дну и утонетъ, то будетъ признана пріявшею христіанскую кончину и посему погребена въ церковной оградѣ, то-есть на кладбищѣ.

На слѣдующій день Катлина съ восковой свѣчой въ рукахъ, босая, въ черной рубахѣ, была съ большимъ крестнымъ ходомъ приведена вдоль деревьевъ къ берегу канала. Передъ нею съ пѣніемъ заупокойныхъ молитвъ шествовали каноникъ собора Богоматери, его викаріи, причетникъ, несшій крестъ, а позади—комендантъ города Дамме, старшины, писцы, городская стража, профосъ, палачъ съ двумя своими помощниками. На берегахъ канала уже собралась громадная толпа плачущихъ женщинъ и ворчащихъ мужчинъ, полная жалости въ Катлинѣ, которая шла, какъ ягненокъ, покорно и безсмысленно идущій, куда его ведутъ, и только твердила:

— Уберите огонь, голова горитъ! Гансъ, гдѣ ты?

Неле, стоя въ толпѣ женщинъ, кричала:

— Пусть меня бросятъ вмѣстѣ съ нею!

Но женщины не пускали ее къ Катлинѣ.

Рѣзкій вѣтеръ дулъ съ моря; съ сѣраго неба падалъ въ воду канала мелкій градъ; у берега стояла барка, которую палачъ и его помощники заняли отъ имени его королевскаго величества. По ихъ приказанію, Катлина спустилась туда. И всѣ видѣли, какъ палачъ, стоявшій на баркѣ, по знаку „жезла правосудія“, давнему профосомъ, поднялъ Катлину и бросилъ ее въ воду. Она барахталась, но не долго, и пошла ко дну съ крикомъ:

— Гансъ, Гансъ! Спаси!

И народъ говорилъ:

— Эта женщина не вѣдьма.

Нѣсколько человекъ бросились въ каналъ и вытащили Катлину, лишившуюся чувствъ и окоченѣвшую, какъ мертвецъ. Ее отнесли въ корчму и положили у большого огня. Неле сняла съ нея платье и мокрое бѣлье, чтобы переодѣть ее. Придя въ себя, она, вся содрогаясь и колота зубами, проговорила:

— Гансъ, дай мнѣ шерстяную накидку.

И Катлина уже не могла согрѣться и умерла на третій день и была погребена въ церковной оградѣ.

И Неле, осиротѣвъ, перебралась въ Голландію къ Розѣ ванъ-Аувегемъ.

VII.

На зеландскихъ шкунахъ, на бригахъ, корветахъ носится Тиль Клаасъ Уленспигель.

Свободное море мчитъ доблестныя суда; на нихъ по восьми, десяти и двадцати желѣзныхъ пушекъ, извергающихъ смерть и гибель на испанскихъ палачей.

Сталь умѣлыми пушкаремъ Тиль Уленспигель, сынъ Клааса. Надо видѣть, какъ онъ наводитъ, какъ цѣлится, какъ пронизываетъ борты злодѣйскихъ кораблей, точно они изъ коровьяго масла.

На шлюпѣ у него серебряный полумѣсяцъ съ надписью: *Liever den Turc als den Paus* — „Лучше служить турку, чѣмъ папѣ“.

Моряки, види, какъ онъ взбѣгаетъ на ихъ корабли, легкій, какъ кошка, стройный, какъ бѣлочка, всегда съ пѣсенкой или съ забавными шуточками, спрашиваютъ его:

— Почему это, молодецъ, у тебя такой юный видъ—вѣдь, говорятъ, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты родился въ Дамме?

— Я не тѣло, я духъ,—отвѣчаетъ онъ,—а Неле, моя возлюбленная, подобна мнѣ. Духъ Фландрин, любовь Фландрин,—мы не умремъ никогда.

— Однако кровь льется изъ тебя, когда тебя ранятъ.

— Это одна видимость, —отвѣчаетъ Уленспигель:— это вино, а не кровь.

— Ну, проткнемъ-ка тебѣ животъ вертеломъ.

— Я самъ себѣ вынюю.

— Ты смѣешься надъ нами.

— Слышите бой барабана тотъ, кто бьетъ въ барабанъ.

И вышитыя хоругви католическихъ процессій развѣваются на мачтахъ кораблей. И одѣтые въ бархатъ, парчу, шелкъ, золотыя и серебряныя матеріи, въ какія облачены аббаты при торжественныхъ богослуженіяхъ, въ митрѣ и съ посохомъ, распивая вино изъ монастырскихъ погребовъ, — вотъ въ какомъ видѣ стоятъ на часахъ гѣзы на корабляхъ.

И странно видѣть, какъ изъ этихъ богатыхъ одѣяній вдругъ высунется грубая рука, привыкшая носить аркебузъ или самострѣлъ, алебарду или пику; странны эти люди съ суровыми лицами, съ сверкающими на солнцѣ пистолетами и ножами за поясомъ, распивающіе изъ золотыхъ чашъ аббатское вино, ставшее виномъ свободы.

Съ пѣніемъ и кликами:—Да здравствуютъ гѣзы!—они плывутъ по океану и Шельдѣ.

VIII.

Гёзы,—среди которыхъ были Ламме и Уленспигель,—взяли въ эти дни Горкумъ. Начальникомъ отряда былъ капитанъ Маринъ; въ свое время этотъ Маринъ былъ мостовщикомъ на плотинѣ; теперь же, высокоумный и самодовольный, онъ заключилъ съ Гаспаромъ Тюркомъ, защитникомъ Горкума, капитуляцію, по которой Тюркъ, монахи, горожане и солдаты, запершіеся въ крѣпости, получаютъ право свободного выхода, съ мушкетомъ на плечѣ и пулей въ стволѣ, со всѣмъ, что они могутъ нести на себѣ; только церковное имущество переходитъ къ побѣдителямъ.

Но капитанъ Маринъ, по приказу господина де-Люма, выпустивъ солдатъ и горожанъ, задержалъ въ плѣну тринадцать монаховъ.

И Уленспигель сказалъ:

— Слово солдата должно быть золотымъ словомъ. Почему же онъ не держитъ своего слова?

Старый гёзь отвѣтилъ Уленспигелю:

— Монахи—дѣти Сатаны, проказа народовъ, позоръ страны. Съ прибытія герцога Альбы они задрали носъ въ Горкумѣ. Есть среди нихъ одинъ, братъ Николай, болѣе чванный, чѣмъ павлинъ, и болѣе жестокій, чѣмъ тигръ. Всякій разъ, проходя по улицѣ со св. Дарами, онъ съ изступленіемъ смотрѣлъ на дома, откуда женщины не вышли преклонить колѣни, и доносилъ судѣ на всякаго, кто не склонился предъ нимъ. Прочіе монахи подражали ему. Изъ этого проистекли многія великія бѣдствія, казни и жестокія расправы въ Горкумѣ. Капитанъ Маринъ хорошо сдѣлалъ, задержавъ въ плѣну монаховъ, которые въ противномъ случаѣ отравились бы съ имъ подобными по деревнямъ, замкамъ, городамъ и мѣстечкамъ проповѣдывать противъ насъ, возмущая народъ и подстрекая сожигать несчастныхъ реформатовъ. Псовъ держать на цѣпи, пока не издохнутъ. На цѣпь монаховъ, на цѣпь этихъ bloedhonden, окровавленныхъ псовъ герцога! Въ клѣтку палачей! Да здравствуютъ гёзы!

— Но принцъ Оранскій, принцъ Свободы,—сказалъ Уленспигель,—требуешь уваженія къ личному достоинству и свободной совѣсти сдавшихся.

— Адмиралъ этого не примѣняетъ къ монахамъ,—отвѣчали старые гёзы:—онъ самъ господинъ: онъ взялъ Вриель. Въ клѣтку палачей!

— Слово солдата—золотое слово; почему онъ его не дер-

жить?—возразилъ Уленспигель:—монахи въ тюрьмѣ терпятъ тысячи униженій.

— Пепель не стучитъ больше въ твое сердце,—отвѣчали они:—сто тысячъ семействъ, вслѣдствіе королевскихъ указовъ, понесли на сѣверо-западъ, въ Англію, ремесла, промышленность, богатство нашей родины. А ты жалѣешь тѣхъ, кто виновенъ въ нашей гибели. Со времени императора Карла Пятаго, Палача Перваго, подъ властью Филиппа Кроваваго, Палача Второго, сто восемнадцать тысячъ человѣкъ погибли въ мученіяхъ. Кто несъ погребальный факель въ этихъ убійствахъ и горестяхъ? Монахи и испанскіе солдаты. Неужто ты не слышишь стenanій душъ усопшихъ?

— Пепель стучитъ въ мое сердце,—отвѣчалъ Уленспигель:—слово солдата—золотое слово.

— Кто посредствомъ отлученій отъ церкви хотѣлъ извергнуть нашу родину изъ среды народовъ? Кто готовъ былъ, если бы могъ, вооружить противъ насъ небо и землю, Господа и дьявола и ихъ полчища святыхъ? Кто кощунственно окровавилъ бычьей кровью св. Дары? Кто довелъ до слезъ деревянныя статуи? Кто, какъ не эти проклятые попы и эти орды бездѣльниковъ-монаховъ, всю нашу родину заставилъ пѣть De profundis? И все для того, чтобы сохранить свое богатство, свою власть надъ идолопоклонниками, чтобы царить надъ несчастной страной посредствомъ крови, огня и разрушенія? Въ клѣтку волковъ, нападающихъ на народъ, въ клѣтку гнѣвъ! Да здравствуютъ гѣзы!

— Слово солдата—золотое слово,—возразилъ Уленспигель. На другой день прибылъ гонецъ отъ господина де-Люмэ съ приказомъ перевести девятнадцать плѣнныхъ монаховъ изъ Горкума въ Бриель, гдѣ находился адмиралъ.

— Они будутъ повѣшены,—сказалъ капитанъ Маринъ Уленспигелю.

— Нѣтъ, пока я живъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Сынъ мой,—говорилъ Ламме,—не разговаривай такъ съ господиномъ де-Люмэ. Онъ человѣкъ необузданнаго права и безъ пощады повѣситъ тебя вмѣстѣ съ монахами.

— Я буду ему говорить правду,—отвѣтилъ Уленспигель:—слово солдата—золотое слово.

— Если ты можешь спасти ихъ,—сказалъ Маринъ,—проводи барку съ ними въ Бриель. Возьми съ собой, если хочешь, рулевымъ Рохуса и твоего друга Ламме.

— Хорошо,—отвѣтилъ Уленспигель.

Барка стояла у Зеленой набережной; девятнадцать монаховъ были посажены на нее. Трусоватый Рохусъ взялся за

руль, Уленспигель и Ламме, вооруженные, расположились на носу. Некоторые негодяи из солдатъ, вкравшихся въ среду гёзовъ ради грабежа, стояли вокругъ монаховъ, которые страдали отъ голода. Уленспигель напоилъ и накормилъ ихъ.— Этотъ измѣнить!—говорили негодяи. Десять монаховъ, сидѣвшіе посерединѣ, хранили ханжескій видъ и дрожали всѣмъ тѣломъ, хотя было июль, солнце сіяло ярко и тепло, и мигкій вѣтерокъ вздувалъ паруса барки, грузно и тяжело прорѣзавшей зеленныя волны.

И патеръ Николай обратился къ рулевому съ вопросомъ: — Рохусъ, неужто насъ везуть на Поле висѣльницъ?— И, вставъ и протянувъ руки по направленію къ Горкуму, онъ воззвалъ: — О, городъ Горкумъ! Сколько несчастій суждено тебѣ! Проклять будешь ты среди городовъ, ибо ты далъ возрасти въ стѣнахъ твоихъ сѣменамъ ереси! О, городъ Горкумъ! Уже не будетъ ангелъ Господень стоять стражемъ у вратъ твоихъ. Онъ отложитъ попеченіе о цѣломудріи твоихъ дѣвъ, о мужествѣ твоихъ мужей, о богатствѣ твоихъ купцовъ! О, городъ Горкумъ! Проклять ты, злополучный!

— Проклять, проклять,—отвѣтилъ Уленспигель:—проклять, какъ гребень, вычесавшій испанскихъ вшей; проклять, какъ песь, порвавшій свою цѣпь, какъ гордый конь, сбросившій съ себя жестокаго всадника! Самъ ты будь проклять, пусто-головой болтушъ, которому не по душѣ, когда ломають палку, пусть хоть желѣзную, на спинѣ тирана.

Монахъ умолкъ и, опустивъ глаза, какъ будто погрузился въ свою молитвенную злобу.

Вездѣльники, вкравшіеся въ среду гёзовъ ради грабежа, окружали монаховъ, вскорѣ почувствовавшихъ голодъ. Уленспигель попросилъ для нихъ у хозяина барки сухарей и селедокъ.

Тотъ отвѣтилъ:—Пусть ихъ бросать въ Маасъ: тамъ покушаютъ свѣжихъ селедокъ.

Тогда Уленспигель отдалъ монахамъ весь запасъ хлѣба и колбасъ, который былъ у него и Ламме. Хозяинъ барки и негодяи-гёзы говорили между собой:

— Вотъ предатель, кормить поповъ; надо донести на него.

Въ Дордрехтѣ барка остановилась въ порту у Влоетен-Кеу—Цвѣточной набережной; женщины, мужчины, мальчики и дѣвочки сбѣжались толпой посмотреть на монаховъ и, показывая пальцами и грозя имъ кулаками, говорили:

— Посмотрите на этихъ прохвостовъ, которые корчили изъ себя божество какое-то и тащили людей на костеръ, а ихъ души въ вѣчный огонь; посмотрите на этихъ ожирѣвшихъ тигровъ и пузатыхъ шакаловъ.

Монахи, опустивъ головы, не смѣли сказать ни слова. Уленспигель видѣлъ, что они снова дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Мы опять проголодались, милосердный солдатъ,—говорили они.

Но хозяйка барки кричала:

— Кто всегда жадеи? Сухой песокъ. Кто всегда голодеи? Монахи.

Уленспигель сходилъ въ городъ и принесъ оттуда хлѣба, ветчины и большой жбанъ пива.

— Ыщите и пейте,—сказалъ онъ:—вы наши плѣнники, но я спасу васъ, если смогу. Слово солдата—золотое слово.

— Почему ты кормишь ихъ?—говорили гѣзы-бездѣльники:—они не заплатятъ тебѣ.—И потихоньку переговаривались:—Онъ обѣщаль спасти ихъ; надо смотрѣть за нимъ.

На разсвѣтѣ они прибыли въ Бриель. Ворота были открыты предъ ними, и voet-looper—скороходъ—побѣжалъ сообщить господину де-Люмэ объ ихъ прибытіи.

Получивъ извѣстіе, онъ тотчасъ прискакалъ верхомъ, полуодѣтый и окруженный нѣсколькими приближенными и солдатами.

И Уленспигель снова увидѣлъ сердитаго адмирала, одѣтаго, какъ знатный и богатый баринъ.

— Здравствуйте, господа монахи,—сказалъ онъ:—покажите-ка руки. Гдѣ же кровь графовъ Эгмонта и Горна? Что вы мнѣ тычете бѣлыя лапы? Она вѣдь на васъ.

Одинъ монахъ, по имени Леонардъ, отвѣтилъ:

— Дѣлай съ нами, что хочешь. Мы монахи никто за насъ не заступится.

— Вѣрно сказано,—вмѣшался Уленспигель,—ибо монахъ порвалъ со всѣмъ міромъ—съ отцомъ и матерью, братомъ и сестрой, женой и возлюбленной—и въ послѣдній часъ, дѣйствительно, не имѣетъ никого, кто бы за него вступился. Все-таки я попробую сдѣлать это, ваша милость. Капитанъ Маринъ, подписывая капитуляцію Горкума, далъ въ ней обѣщаніе, что монахи получаютъ свободу подобно всѣмъ, взятымъ въ крѣпости, и будутъ выпущены изъ нея. Между тѣмъ они безъ всякой причины были задержаны въ плѣну; я слышалъ, что ихъ собираются повѣсить. Ваша милость, почтительнѣйше обращаюсь къ вамъ, вступаясь за нихъ, такъ какъ знаю, что слово солдата—золотое слово.

— Кто ты такой?—спросилъ господинъ де-Люмэ.

— Ваша милость,—отвѣтилъ Уленспигель,—я фламандецъ родомъ изъ прекрасной Фландріи, крестьянинъ, дворянинъ, все вмѣстѣ; брожу по свѣту, восхваляя все высокое и пре-

красное и издѣвался надъ глупостью во всю глотку. И васъ и буду прославлять, если вы сдержите обѣщаніе, данное капитаномъ: слово солдата—золотое слово.

Но гѣзы, бывшіе на кораблѣ, заговорили:

— Ваша милость, это предатель: онъ обѣщаль спасти ихъ, онъ давалъ имъ хлѣбъ, ветчину, колбасы, пиво, а намъ ничего.

Тогда господинъ де-Люмэ сказалъ Уленспигелю:

— Фламандскій бродяга, кормилецъ монаховъ, ты будешь вздернуть вмѣстѣ съ ними.

— Не испугаюсь,—отвѣтилъ Уленспигель:— слово солдата—золотое слово.

— Распыжился однако,—сказалъ де-Люмэ.

— Пенель стучитъ въ мое сердце,—отвѣтилъ Уленспигель.

Монахи были заперты въ сараѣ и Уленспигель вмѣстѣ съ ними; здѣсь они пытались обратитъ его на путь истины теологическими аргументами, но онъ заснулъ, слушающій ихъ.

Господинъ де-Люмэ сидѣлъ за столомъ, уставленнымъ виномъ и яствами, когда изъ Горкума отъ капитана Марина прибылъ курьеръ съ копіей писемъ Молчаливаго, принца Оранскаго, „повелѣвающаго всѣмъ губернаторамъ городовъ и иныхъ мѣстностей предоставить духовенству такія же права, охрану и безопасность, какъ и прочему населенію“.

Курьеръ пожелалъ видѣть самого адмирала де-Люмэ, чтобы передать ему въ собственныя руки копію писемъ.

— Гдѣ подлинникъ?—спросилъ де-Люмэ.

— У моего господина,—отвѣтилъ курьеръ.

— И этотъ мужикъ посылаетъ мнѣ копію!—вскричалъ де-Люмэ:—гдѣ твой паспортъ?

— Вотъ, ваша милость.

Господинъ де-Люмэ началъ громко читать:

„Его милость господинъ Маринъ Брандтъ симъ приказываетъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, губернаторамъ и офицерамъ республики чинить свободный пропускъ...“

Де-Люмэ стукнулъ кулакомъ по столу и разорвалъ паспортъ на куски.

— Кровь Господня!—закричалъ онъ:—чего тутъ мѣшается этотъ сопливъ, который до взятія Бриели радъ былъ следочной головѣ! Онъ именуется себя господиномъ и капитаномъ и посылаетъ мнѣ, мнѣ посылаетъ свои указы! Онъ повелѣваетъ, онъ приказываетъ! Скажи его милости, твоему важному господину и повелителю, что именно потому, что онъ такой важный господинъ и повелитель,—монахи будутъ сейчасъ повѣшены, и ты вмѣстѣ съ ними, если не уберешься сію же минуту.

И ударомъ ноги онъ вышвырнулъ его изъ комнаты.

— Пить!—закричалъ онъ:—какова наглость этого Марина! Меня чуть не вырвало отъ злости. Повѣсить сейчасъ этихъ монаховъ въ ихъ сараѣ и привести ко мнѣ этого фламандскаго бродягу, послѣ того, какъ онъ побываетъ при казни. Посмотримъ, какъ онъ посмѣетъ сказать мнѣ, что я нехорошо сдѣлалъ. Кровь Господни! На какого чорта здѣсь всѣ эти гошки и бутылки?

И онъ съ грохотомъ перебилъ всю утварь, тарелки и бокалы, и никто не смѣлъ ему сказать ни слова. Слуги хотѣли поодобрать осколки, но онъ не позволилъ и, безъ конца вливая въ себя одну бутылку за другой, ступалъ большими шагами по осколкамъ, бѣшено давя и дробя ихъ.

Ввели Уленспигеля.

— Ну,—сказалъ де-Люмэ,—что слышно новенькаго о твоихъ друзьяхъ-монахахъ?

— Они повѣшены,—отвѣтилъ Уленспигель,—и подлый палачъ, убившій ихъ ради корысти, распоролъ одному изъ нихъ послѣ смерти, точно заколотой свиньѣ, животъ и бока, чтобы продать сало антекарю. Слово солдата ужъ больше не золотое слово.

Де-Люмэ затопталъ ногами по осколкамъ посуды.

— Ты дерзишь мнѣ, червякъ негодный!—закричалъ онъ:—но ты тоже будешь повѣшенъ, только не въ сараѣ, а на площади, позорно, передъ всѣмъ міромъ.

— Позоръ вамъ,—сказалъ Уленспигель,—позоръ намъ: слово солдата уже не золотое слово.

— Замолчишь ты, мѣдный лобъ?—крикнулъ де-Люмэ.

— Позоръ тебѣ,—отвѣтилъ Уленспигель:—слово солдата уже не золотое слово. Лучше накажи негодяевъ, торгующихъ человѣческимъ саломъ.

Де-Люмэ бросился къ нему, поднявъ руку, чтобы ударить.

— Бей,—сказалъ Уленспигель:—я твой плѣнникъ, но я не боюсь тебя, слово солдата уже не золотое слово.

Де-Люмэ выхватилъ шпагу и, навѣрное, убилъ бы Уленспигеля, если бы господинъ Трелонъ, схвативъ его за руку, не сказалъ:

— Помилуй его! Онъ храбрый молодецъ и не совершилъ никакого преступленія.

Де-Люмэ опомнился и сказалъ:

— Пусть проситъ прощенья.

Но Уленспигель, выпрямившись, отвѣтилъ:

— Не стану.

— Пусть, по крайней мѣрѣ, скажетъ, что я поступилъ правильно!—просто закричалъ де-Люмэ.

— Я не изъ тѣхъ, кто лижетъ барскіе сапоги, — сказалъ Уленспигель: — слово солдата уже не золотое слово.

— Поставьте висѣлицу и отвелите его къ ней: пусть услышитъ тамъ пенъковое слово, — сказалъ де-Люмэ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Уленспигель, — и я предъ всеѣмъ народомъ буду тебѣ кричать: „Слово солдата уже не золотое слово!“.

Висѣлица была воздвигнута на Большомъ рынкѣ. Тотчасъ же весь городъ обѣжала вѣсть, что будутъ вѣшать Уленспигеля, храбраго гѣза. И народъ, исполненный жалости и состраданія, сбѣжался толпой на Большой рынокъ; господинъ де-Люмэ также прибылъ сюда верхомъ на лошади, желая лично подать знакъ къ исполненію казни.

Онъ сурово смотрѣлъ на Уленспигеля, раздѣтаго для казни, въ одной рубахѣ, съ привязанными къ тѣлу руками и веревкой на шеѣ, стоящаго на лѣстницѣ, и на палача, готоваго приступить къ дѣлу. Трелонъ обратился къ нему:

— Адмиралъ, пожалѣйте его; онъ не предатель, и никто не видѣлъ еще, чтобы вѣшали человѣка за то, что онъ прямодушенъ и жалостливъ.

И народъ, мужчины и женщины, услышавъ слова Трелона, кричалъ:

— Сжальтесь, ваша милость, помилуйте Уленспигеля!

— Этотъ мѣдный лобъ былъ дерюкъ со мной, — сказалъ де-Люмэ: — пусть покается и скажетъ, что я былъ правъ.

— Согласенъ ты покаяться и сказать, что онъ былъ правъ? — спросилъ Трелонъ Уленспигеля.

— Слово солдата уже не золотое слово, — отвѣтилъ Уленспигель.

— Тщи веревку, — сказалъ де-Люмэ.

Палачъ уже чуть было не исполнилъ приказаніе, какъ вдругъ молодая дѣвушка, вся въ бѣломъ и съ вѣнкомъ на головѣ, взбѣжала, какъ безумная, по ступенькамъ эшафота, бросилась къ Уленспигелю на шею и крикнула:

— Этотъ человѣкъ — мой; я бѣгу его въ мужья.

И народъ рукоплескалъ ей, и женщины кричали:

— Молодецъ дѣвушка! Спасла Уленспигеля!

— Это что такое? — спросилъ де-Люмэ.

— По нравамъ и обычаямъ этой страны, — отвѣтилъ Трелонъ, — установлено, какъ законъ и право, что невиновная или незамужняя дѣвушка спасаетъ человѣка отъ петли, если у подножья висѣлицы беретъ его себѣ въ мужья.

— Богъ за него,—сказаль де-Люмэ:—развижите его.

Проѣжая мимо эшафота, онъ увидѣль, что палачъ не дасть дѣвушкѣ разрѣзать веревки Уленспигеля и борется съ ней, говоря:

— Если вы ихъ разрѣжете, кто же заплатитъ?

Но дѣвушка не слушала его.

Увидя ея милосердность, быстроту и нѣжность, де-Люмэ смягчился.

— Кто ты?—спросилъ онъ.

— Я Неле, его невѣста, я приѣхала за нимъ изъ Фландріи.

— Хорошо сдѣлала,—сурово сказалъ онъ и удаллся.

Къ нимъ подошелъ Трелонъ.

— Маленькій фламандецъ,—спросилъ онъ,—ты, и женившись, останешься солдатомъ на нашихъ корабляхъ?

— Да, ваша милость,—отвѣтилъ Уленспигель.

— А ты, дѣвочка, что будешь дѣлать безъ твоего мужа?

— Если позволите, ваша милость, я буду свирѣльщикомъ на его кораблѣ.

— Хорошо,—сказаль Трелонъ.

И онъ далъ ей два флорина на свадьбу.

И Ламме, плача и смѣясь отъ радости, говорилъ:

— Вотъ еще три флорина. Все съѣдимъ: я плачу за все. Идемъ въ „Золотой Гребешокъ“. Ахъ, онъ живъ остался, мой другъ. Да здравствуютъ гѣзы!

И народъ билъ въ ладоши, и они отправились въ „Золотой Гребешокъ“, гдѣ было устроено великое пириество и Ламме бросаль изъ окна деньги народу.

И Уленспигель говорилъ Неле:

— Красавица моя дорогая, вотъ ты со мной! О, радость! Она здѣсь, тѣломъ, душою и сердцемъ, моя милая подружка! О, кроткіе глазки, о, пурпурныя уста, изъ которыхъ вылетало только доброе слово! Она спасла мнѣ жизнь, моя нѣжная, моя любимая! Ты будешь играть на нашихъ корабляхъ нѣсно освобожденія. Помнишь?.. Нѣтъ, не надо... Нашъ этотъ сладостный часъ, мое это личико, нѣжное, какъ юньскій цвѣтокъ. И въ раю... Но ты плачешь?..

— Они убили ее,—сказала Неле. И она рассказала ему о своей уtratѣ.

И, глядя другъ другу въ глаза, они плакали отъ любви и скорби.

И на пиру они ѣли и пили, и Ламме грустно смотрѣль на нихъ, приговаривая:

— О, жена моя, гдѣ ты?

И явился священникъ и обвѣнчалъ Неле и Уленспигеля.

И утреннее солнце застало ихъ рядомъ въ ихъ брачной постели. Голова Неле лежала на плечѣ Уленспигеля. И, когда лучъ солнца разбудилъ ее, онъ сказалъ:

— Свѣжее личико и нѣжное сердечко, мы будемъ мстителями за Фландрію.

А она, поцѣловавъ его въ губы, сказала:

— Отчаянная голова и могучая рука, Господь благословитъ союзъ свирѣли и шпаги.

— Я тебѣ сдѣлаю солдатскую одежду.

— Сейчасъ? — сказала она.

— Сейчасъ, — отвѣтилъ Уленспигель: — но кто это сказать, что земляника всего вкуснѣе по утрамъ? Твои губы много лучше.

IX.

Уленспигель, Ламме и Неле, такъ же, какъ ихъ друзья и товарищи, отбирали у монастырей отнятое ими у народа посредствомъ крестныхъ ходовъ, ложныхъ чудесъ и прочихъ римскихъ продѣлокъ. Это было противно повелѣнію Молчаливаго, принца Свободы, но деньги шли на военные расходы. Ламме Гоодзакъ, не довольствуясь деньгами, забиралъ въ монастыряхъ окорока, колбасы, бутылки пива и вина и возвращался съ грабежа, обвѣшанный птицей, гусями, индѣйками, канлунами, курами и цыплятами и ведя на веревкѣ еще нѣсколько монастырскихъ телятъ и свиней. — По праву войны, — говорилъ онъ.

Въ восторгѣ отъ каждаго такого захвата, онъ приносилъ добычу на корабль для пиршества и угощенія, но жаловался всегда, что корабельный кокъ — невѣжда въ высокой наукѣ соусовъ и жаркихъ.

Какъ-то гѣзы, побѣдоносно налившись виномъ, обратились къ Уленспигелю:

— У тебя всегда нюхъ на новости съ суши; ты знаешь все, что дѣлается на войнѣ. Спой намъ обо всемъ; Ламме будетъ бить въ барабанъ, а смазливый свирѣльщикъ посвиститъ въ тактъ твоей пѣснѣ.

И Уленспигель началъ:

— Въ свѣтлый майскій свѣжій день Людвигъ Нассаускій, рассчитывая войти въ Монсъ, не нашелъ однако ни своей пѣхоты ни конницы. Нѣсколько его приверженцевъ держали ворота открытыми и опустили подъемный мостъ, чтобы онъ могъ взять городъ. Но горожане овладѣли воротами и мостомъ. Гдѣ солдаты графа Людвигъ? Горожане вотъ-вотъ подымутъ мостъ. Графъ Людвигъ трубить въ рогъ.

И Уленспигель запѣлъ:

Гдѣ твоя конница, гдѣ пѣхотинцы?
 Скитаясь по лѣсу, топчуть граву,
 Хворость сухой, ландышь въ цвѣту.
 Милое солнышко радостно свѣтитъ
 На грубыя лица суровыхъ солдатъ,
 И слины лоснятся коней боевыхъ.
 Вотъ слышать они: графъ Людвигъ трубить,
 И тихо бьетъ боевой барабанъ.
 Впередъ, впередъ, во весь опоръ,
 Быстрѣ молніи, шпоры въ бока,
 Кони летать, закусивъ удила.
 Строемъ тяжелымъ неудержимо
 Всадники мчатся: стальной ураганъ.
 Въ бой смѣлѣе! На помощь скорѣе!
 Мостъ поднимаютъ. Снова вонзались
 Шпоры въ бока скакуновъ утомленныхъ.
 Мы опоздали? Городъ потерялъ?
 Вотъ доскакали. Ужели поздно?
 Мостъ ужъ приводнять, но послѣднимъ скачкомъ
 Гитта де-Шомонъ влетѣлъ на него.
 Мостъ опустился: теперь ужъ не трудно!
 Нашъ городъ Монсъ: по его мостовой
 Строемъ тяжелымъ неудержимо
 Всадники мчатся: стальной ураганъ.
 Слава Шомону и его скакуну!
 Трубы, трубите, бей, барабанъ!
 Слава и радость, пиръ и веселье.
 Пахнутъ луга, птицы поютъ,
 Къ небу взлетая легко и свободно.
 Слава свободнымъ пѣвцамъ!
 Бей въ барабанъ! Выпьемъ, ребята!
 Слава Шомону, да здравствуетъ гѣзъ!

И гѣзы пѣли на корабляхъ: — Христось, воззри на войско
 Твое! Господь, наточи наши шпаги! Да здравствуетъ гѣзъ!

И Неле, смѣясь, дудила на своей свирѣли, и Ламме билъ
 въ барабанъ, и вверху къ небесамъ, храму Господнему,
 вздымались золотыя чаши и пѣсни свободы. И волны, ясны
 и свѣжія, точно сирены, мѣрно плескались вокругъ ко-
 рабля.

X.

Былъ жаркій и душный августовскій день; Ламме тоско-
 валь. Молчалъ и спалъ его веселый барабанъ, и палочки его
 торчали въ отверстіи сумки. Уленспигель и Неле, любовно
 улыбаясь отъ удовольствія, грѣлись на солнцѣ. Дозорные,
 сидя на верхушкѣ мачты, свистѣли или пѣли, рыская глазами
 по морскому простору, не увидятъ ли на горизонтѣ какой
 добычи. Трелонъ спрашивалъ ихъ, но они отвѣчали только: —
 Niets, — ничего.

И Ламме жалобно вздыхать, блѣдный и усталый. И Неле спросила его:

— Отчего это, Ламме, ты такой грустный?

— Ты худѣешь, сынъ мой,—сказала Уленспигель.

— Да,—отвѣтила Ламме,—я тоскую и худѣю. Сердце мое теряетъ свою веселость, а мой добродушная рожа свою свѣжесть. Да, смѣйтесь надо мной, вы, нашедшіе другъ друга, несмотря на тысячи опасностей. Насмѣхайтесь надъ бѣднымъ Ламме, который живетъ вдовцомъ, будучи женатымъ, тогда какъ вотъ она,—онъ указала на Неле,—спасла своего мужа отъ лобзаній веревки, которая будетъ его послѣдней возлюбленной. Она хорошо поступила, да благословить ее Господь! Но пусть она не смѣется надо мной. Да, ты не должна смѣяться надъ бѣднымъ Ламме, другъ мой, Неле. Моя жена смѣется за десятерыхъ. О, женщины, какъ вы жестоки къ чужимъ страданіямъ! Да, тоскуетъ мое сердце, пораженное мечомъ разлуки, и ничто не исцѣлитъ его, кромѣ нея.

— Или куска добраго жаркаго?—сказала Уленспигель.

— Да,—отвѣтила Ламме,—а гдѣ же мясо на этомъ горестномъ кораблѣ? На королевскихъ судахъ въ мясоѣдъ получаютъ четыре раза въ недѣлю говядину и три раза рыбу. Что до рыбы, да покараетъ меня Господь, если эта мочала—я говорю о рыбьемъ мисѣ—производитъ что-нибудь, кромѣ безплоднаго пожара, въ моей крови, моей бѣдной крови, которая скоро уйдетъ съ водою. У нихъ тамъ есть и пиво, и сыръ, и супъ, и вышивка. Да, у нихъ все для радостей желудка: сухари, ржаной хлѣбъ, пиво, масло, солонина, да, все: вяленая рыба, сыръ, горчица, соль, бобы, горохъ, крупа, уксусъ, масло, сало, дрова, уголь. А намъ только-что запретили забирать скотъ чей бы то ни было, дворянскій, мѣщанскій или поповскій. Ѣдимъ селедку и пьемъ жиденькое пиво. Охъ, охъ, всего, всего я лишень; ни женской любви, ни добраго вина, ни *dobbele-bruinbier*, ни порядочной ѣды. Въ чемъ здѣсь наши радости?

— Я сейчасъ скажу тебѣ, Ламме,—отвѣтила Уленспигель:—око за око, зубъ за зубъ: въ Парижѣ въ ночь святаго Вареломея они убили десять тысячъ человекъ, десять тысячъ свободныхъ сердецъ въ одномъ только Парижѣ. Самъ король стрѣлялъ въ свой народъ. Проспись, фламандецъ, схватись за свой топоръ, не зная жалости: вотъ наши радости. Бей врага испанца и католика вездѣ, гдѣ попадешь его. Забудь свое обжорство. Они отвозили живыми и мертвыми свои жертвы къ рѣкамъ и цѣлыми повозками выбрасывали ихъ въ воду. Мертвыхъ и живыхъ,—слышишь ты,

Ламме? Девять дней была красна Сена, и вороны тучами слетались над городомъ. И въ ла-Шаритэ, Руанѣ, Тулузѣ, Лионѣ, Бордо, Бурже, Мо избіеніе было чудовищно. Видишь стан пресыщенныхъ собакъ, лежащихъ подлѣ труповъ? Ихъ зубы устали. Полетъ воронъ тяжелъ, потому что желудокъ ихъ переполненъ мясомъ жертвъ. Слышишь, Ламме, голосъ жертвъ, вопіющихъ о мести и жалости? Проснись, фламандецъ! Ты говоришь о твоей женѣ. Я не думаю, чтобы она тебѣ измѣняла; она влюблена въ тебя, бѣдный мой другъ. И она не была среди этихъ придворныхъ дамъ, которыя въ самую ночь убійствъ своими пѣжными ручками раздѣвали трупы, чтобы любоваться ихъ паготой. И онѣ хохотали, эти дамы, великія въ распутствѣ. Воспрянь духомъ, сынъ мой, несмотря на твою рыбу и жидкое пиво. Если скверно во рту послѣ селедки, то много сквернѣе запахъ этихъ гнусностей. Вотъ шпируютъ убійцы и плохо вымытыми руками рѣжутъ жирныхъ гусей, угощая знатныхъ красавицъ парижскихъ, поднося имъ ланки, крылышки. А вѣдь только-что они трогали руками другое мясо, холодное мясо.

— Больше я не буду жаловаться, сынъ мой, — сказала Ламме, подымансь:— для свободныхъ сердецъ селедка тотъ же дроздъ, жидкое пиво—мальвазія.

И Уленспигель возгласилъ:

Да здравствуютъ гѣзы! Не плачьте, братья.
На развалинахъ, залитыхъ кровью,
Роза свободы цвѣтеть.

Если съ нами Господь, то кто противъ насъ?
Конецъ торжеству кровавой гѣны;
Пришелъ чередъ побѣдителя-льва.
Ударомъ ланы онъ свалилъ ее на-земь.
Око за око, зубъ за зубъ.

И гѣзы на корабляхъ подхватили:

Такую же участь готовить намъ Альба.
Око за око, рана за рану,
Зубъ за зубъ. Да здравствуетъ гѣзы!

XI.

Черной ночью грохоталъ громъ въ пѣдрахъ грозovýchъ тучъ. Уленспигель сидѣлъ съ Неле на палубѣ.

— Всѣ наши огни погашены, — сказала Уленспигель:— мы лисицы, подстерегающія испанскую дичь: двадцать два богатыхъ испанскихъ корабли, на которыхъ мерцаютъ фонари; это ихъ несчастныя звѣзды. И мы мчимся на нихъ.

— Это колдовская ночь,—сказала Неле:—небо черно, какъ пасть ада, зарницы вспыхиваютъ, какъ улыбка Сатаны, глухо грохочетъ вдали буря; съ рѣзкими криками носятся вокругъ чайки; море катитъ свои свѣтящіяся волны, точно серебряныхъ ужей. Тиль, дорогой мой, унесемъ въ царство духовъ. Прими порошокъ свовидѣній.

— Я увижу Семерыхъ, дорогая?

И они приняли порошокъ.

И Неле закрыла глаза Уленспигелю, и Уленспигель закрылъ глаза Неле.

И страшное зрѣлище предстало предъ ними. Небо, земля, море были заполнены толпами людей: мужчины, женщины, дѣти работали, бродили, плыли, мечтали. Ихъ баюкало море, ихъ несла земля. Они копошились, точно угри въ корзинѣ.

Семь вѣщениосцевъ, мужчинъ и женщинъ, посерединѣ неба сидѣли на престолахъ. На лбу у каждаго сверкала блестящая звѣзда, но образъ ихъ былъ такъ смутенъ, что Неле и Уленспигель не различали ничего, кромѣ ихъ звѣздъ.

Море вздымалось подъ небеса, неся на своей гнѣбъ безчисленное множество кораблей, мачты и снасти которыхъ сталкивались, скрещивались, путались, разбивались, разрывались, слѣдуя порывистымъ движеніямъ волнъ. И одинъ корабль явился среди прочихъ. Борта его были изъ пламенѣющаго желѣза. Его стальной киль былъ острѣе ножа. Вода болѣзненно вскрикивала, когда онъ прорѣзалъ ее. На кормѣ корабля, оскаливъ зубы, сидѣла Смерть, держа въ одной рукѣ косу и въ другой бичъ, которымъ она, издѣваясь, хлестала семерыхъ путниковъ. Первымъ изъ нихъ былъ тощій, мрачный, горделивый, безмолвный человѣкъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, въ другой мечъ. Подлѣ него сидѣла верхомъ на козѣ дѣвушка въ раскрытомъ платьѣ, съ голыми грудями, возбужденными глазами, красными щеками. Она похотливо потягивалась къ старому еврею, собирающему гвозди, и надутому толстяку, который падалъ всякій разъ, какъ она ставила его на ноги, между тѣмъ какъ тощая женщина яростно колотила ихъ обоихъ. Толстякъ ничѣмъ не отвѣчалъ на это, равно какъ его красная подруга. Монахъ, сидя посерединѣ, поглощалъ колбасу. Женщина, ползая на землѣ, скользила между ними, какъ змѣя. Она кусала стараго еврея за его ржавые гвозди, толстяка за его благодушіе, краснощекую дѣвушку за влажный блескъ ея глазъ, монаха за колбасы и тощаго человѣка за его скипетръ. И всѣ передрались между собой.

Когда они промелькнули, бой на морѣ, на небѣ и на землѣ

стать ужасенъ. Лилъ кровавый дождь. Корабли были изрублены топорами, разбиты выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Обломки ихъ носились по воздуху среди порохового дыма. На землѣ сталкивались арміи, подобно мѣднымъ стѣнамъ. Города, деревни, поля горѣли среди криковъ и слезъ. Высокія колокольни гордыми очертаніями вздымали свое каменное кружево среди огня, потомъ рушились съ грохотомъ, точно срубленные дубы. Многочисленные черные всадники, сплотившись въ тѣсныя кучки, точно толпы муравьевъ, съ мечомъ въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой, избивали мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ, пробивъ проруби, топили въ нихъ живыми стариковъ; другіе отрѣзали груди у женщинъ и посыпали раны перцемъ; третьи вѣшали дѣтей въ трубахъ. Уставъ убивать, они насилывали женщину или дѣвушку, пьянствовали, играли въ кости и, засунувъ руки въ груди золота, плодъ грабежа, копошились въ нихъ окровавленными пальцами.

Семеро, увѣнчанные звѣздами, возглашали:

— Жалость къ несчастному міру!

И призраки хохотали. И голоса ихъ были подобны крику тысячь морскихъ орловъ. И Смерть махала своей косой.

— Слышишь?—говорилъ Уленспигель:—это хищныя птицы, слетѣвшіяся на трупы людскіе. Онѣ живутъ маленькими птичками: тѣми, кто простъ и добръ.

И семеро, увѣнчанные звѣздами, возглашали:

— Любовь, справедливость, состраданіе!

И семь призраковъ хохотали. И голоса ихъ были подобны крику тысячь морскихъ орловъ. И Смерть хлестала своимъ бичомъ.

И корабль мчался по волнамъ, разрѣзая пополамъ суда, ладьи, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. И надъ моремъ оглушительно несся жалобный стонъ жертвъ, кричащихъ:—Сжальтесь!

И красный корабль прошелъ чрезъ нихъ, между тѣмъ какъ призраки кричали, какъ морскіе орлы.

И Смерть съ хохотомъ пила воду, полную крови.

И корабль исчезъ въ туманѣ, стихла битва, и исчезли семь звѣздныхъ вѣнцовъ.

И Уленспигель съ Неле видѣли предъ собой только черное небо, бурное море, мрачныя тучи, спускающіяся на свѣтящіяся волны, и—совсѣмъ близко—красныя звѣздочки.

Это были фонари двадцати двухъ кораблей. Глухо грохотали море и раскаты грома.

И Уленспигель тихо ударилъ *vascharm* (тревогу) въ колоколь и крикнулъ:

— Испанцы, испанцы! Держать на Флиссингенъ!—И крикъ этотъ былъ подхваченъ всѣмъ флотомъ.

— Сѣрый туманъ покрылъ небо и море,—говорить Уленспигель.—Тускло мерцають фонари, встаетъ заря, свѣжѣетъ вѣтеръ, валы взметають свою пѣну выше палубы, льетъ дождь и стихаетъ, восходитъ лучезарное солнце, золотя гребни волнъ: это твоя улыбка, Неле, свѣжая, какъ утро, кроткая, какъ солнечный лучъ.

Проходятъ двадцать два корабля съ богатымъ грузомъ; на судахъ гѣзовъ бьютъ барабаны, свистятъ свирѣли; де-Люмэ кричитъ:—„Во имя принца, въ погоню!“ Эвонть Питерсенъ Вортъ, вице-адмиралъ, кричитъ:—„Во имя принца Оранскаго и господина адмирала, въ погоню!“ И на всѣхъ корабляхъ, на „Иоганнѣ“, „Лебедѣ“, „Аннѣ-Маринѣ“, „Гѣзѣ“, „Компромиссѣ“, „Эгмонтѣ“, „Горнѣ“, „Вильгельмѣ Молчаливомъ“—Willel de Zwuger—кричатъ всѣ капитаны:—„Во имя принца Оранскаго и господина адмирала!“

— Въ погоню, да здравствуютъ гѣзы!—кричатъ солдаты и моряки.

Корветъ Трелона „Бриель“, на которомъ находятся Ламме и Уленспигель, вмѣстѣ съ „Иоганной“, „Лебедемъ“ и „Гѣзомъ“ захватилъ четыре корабля. Гѣзы бросаютъ въ воду все, что носитъ имя испанца, берутъ въ плѣнъ уроженцевъ Голландіи, очищаютъ корабли, точно личную скорлупу, отъ всего груза и бросаютъ ихъ носиться по взморью безъ мачтъ и парусовъ. Затѣмъ они бросаются въ погоню за остальными восемнадцатью судами. Порывистый вѣтеръ дуетъ со стороны Антверпена, борга быстролѣтныхъ кораблей склоняются къ водѣ подъ тяжестью парусовъ, надутыхъ, какъ щеки монаха отъ вѣтра, вѣющаго изъ кухни; преслѣдуемые корабли несутся быстро; гѣзы подъ огнемъ укрѣпленій преслѣдуютъ ихъ до Миддельбурга. Здѣсь завязался кровопролитный бой; гѣзы съ топорами въ рукахъ бросаются на палубу вражескихъ кораблей; вотъ вся она покрыта отрубленными руками и ногами, которыя послѣ боя приходится корзинами выбрасывать въ воду. Береговья укрѣпленія осыпають гѣзовъ выстрѣлами; они, не обращая на это вниманія, забираютъ на корабляхъ порохъ, пушки, свинецъ и пули, опустошивъ, сжигаютъ ихъ и уносятся во Флиссингенъ, оставивъ ихъ тлѣть и догорать на взморьѣ.

Отсюда они пошлутъ отряды пробивать плотины Зеландіи и Голландіи, помогать сооруженію новыхъ судовъ, особенно шкуиѣ въ сто сорокъ тоннъ, несущихъ до двадцати чугунныхъ орудій.

XII.

На корабляхъ идетъ снѣгъ. Вся воздушная даль бѣла, и снѣжинки неустанно падаютъ, падаютъ мягко въ черную воду, гдѣ таютъ.

Снѣгъ идетъ на землѣ; бѣлы дороги, бѣлы черныя очертанія оголенныхъ деревьевъ. Ни звука; только далеко въ Гаарлемѣ бьетъ колоколь часовъ, и веселый перезвонъ разноситъ въ плотномъ воздухѣ свои приглушенные звуки.

Не звоните, колокола, не наигрывайте своихъ напѣвовъ, простыхъ и мирныхъ: приближается донъ Фредерикъ, кровавое отродье Альбы. Онъ идетъ на тебя съ тридцатью пятью батальонами испанцевъ, твоихъ смертельныхъ враговъ, о, Гаарлемъ, городъ свободы: двадцать два батальона валлоновъ, восемнадцать батальоновъ нѣмцевъ, восемьсотъ всадниковъ, могучая артиллерія слѣдуютъ за нимъ. Слышишь ты лязгъ этихъ кровопролитныхъ орудій на ихъ колесахъ? Фальконеты, кулеврины, широкогорлыя мортиры—это все для тебя, Гаарлемъ. Не звоните, колокола, не разноси, веселый перезвонъ, своихъ напѣвовъ, простыхъ и мирныхъ, въ снѣжной завѣсѣ воздуха!

Будемъ звонить мы, колокола; я, перезвонъ, буду звѣстѣть, бросая мои смѣлые напѣвы въ снѣжную пелену воздуха. Гаарлемъ—городъ отважныхъ сердецъ и мужественныхъ женщинъ. Безъ страха съ высоты своихъ колоколенъ смотритъ онъ, какъ переливаются, подобно стаямъ адекихъ муравьевъ, черныя толпы палачей; Уленспигель, Ламме и сто морскихъ гѣзовъ въ его стѣнахъ. Ихъ корабли плаваютъ по Гаарлемскому озеру.

— Пусть придутъ! — говорятъ горожане:—мы вѣдь только простые обыватели, рыбаки, моряки и женщины. Сынъ герцога Альбы заявилъ, что для входа въ нашъ городъ не хочетъ иныхъ ключей, кромѣ своихъ пушекъ. Пусть откроетъ, если можетъ, эти хрупкія ворота; онъ найдетъ за ними мужей. Звоните, колокола, плите свои веселые напѣвы въ снѣжную пелену!

У насъ слабыя стѣны и устарѣлые рвы—больше ничего. Четырнадцать орудій извергаютъ свои сорокашестифунтовые ядра на Cruys-poort. Поставьте людей тамъ, гдѣ не хватаетъ камней. Пришла ночь, всѣ на работѣ, и какъ будто здѣсь никогда не было пушекъ. На Cruys-poort они выпустили шестьсотъ восемьдесятъ ядеръ, на ворота Св. Яна шестьсотъ семьдесятъ пять. Эти ключи не открываютъ, ибо вотъ за стѣнами выросъ новый валъ. Звоните, колокола, бросай, перезвонъ, свои веселые напѣвы!

Пушки громят и громят неустанно крѣпость, разлетаются камни, рушится стѣна. Брешь достаточно широка для фронта цѣлаго батальона. Приступъ! Бей, бей!—кричатъ они. Они карабкаются, ихъ десять тысячъ; дайте имъ перебраться черезъ рвы съ ихъ мостами, съ ихъ лѣстницами. Наши орудія готовы. Вотъ знамя тѣхъ, кто умретъ. Отдайте имъ честь, пушки свободы! Онѣ салютуютъ: цѣнные ядра, смоляные обручи, пылая, летять, свистять, разять, пробиваютъ, зажигаютъ, ослѣпляютъ строй наступающихъ, который ослабъ и бѣжитъ въ беспорядкѣ. Полторы тысячи труповъ переполнили ровъ. Звоните, колокола, неси, перезвонъ, свои бодрые напѣвы!

Подступите еще разъ! Не смѣютъ. Принялись за обстрѣлъ, ведутъ подкопы. Ну, мы тоже знаемъ минное дѣло. Подъ ними, подъ ними зажгите фитилъ! Сюда, народъ, будетъ что посмотрѣть! Четыреста испанцевъ взлетѣло на воздухъ. Это не путь къ вѣчному огню. О, чудная пляска подъ серебряный напѣвъ нашихъ колоколовъ, подъ веселый ихъ перезвонъ!

Они и не думаютъ, что принцъ заботится о насъ, что каждый день по хорошо охраненнымъ путямъ къ намъ прокрадываются вереницы саней съ грузомъ хлѣба и пороха: хлѣбъ для насъ, порохъ для нихъ. Гдѣ шестьсотъ ихъ нѣмцевъ, которыхъ мы истребили и утопили въ гаарлемскомъ лѣсу? Гдѣ одиннадцать знаменъ, которыя мы взяли у нихъ, шесть орудій и пятьдесятъ быковъ? Прежде у насъ была одна крѣпостная стѣна, теперь—двѣ. Даже женщины дерутся, и Кеннанъ стоитъ во главѣ ихъ отважнаго отряда. Придите, палачи, вступите въ наши улицы, наши дѣти подрѣжутъ вамъ подкопѣнки своими маленькими ножами. Звоните, колокола, и ты, перезвонъ, бросай въ плотный воздухъ твои веселые напѣвы!

Но судьба противъ насъ. Корабли гѣзовъ разбиты на Гаарлемскомъ озерѣ. Разбито войско Оранскаго, посланное намъ на помощь. Все мерзнетъ, все мерзнетъ. Нѣтъ помощи ниоткуда. И вотъ уже шесть мѣсяцевъ мы держимся, тысяча противъ десяти тысячъ. Надо сговориться какъ-нибудь съ палачами. Еще захочетъ ли слушать о какомъ-нибудь договорѣ Альбино отродье, послѣ того, какъ онъ поклялся уничтожить насъ? Пусть выйдутъ съ оружіемъ всѣ солдаты; они прорвутся чрезъ непріятельскіе ряды. Но женщины у воротъ: онѣ боятся, что ихъ оставятъ однихъ охранять городъ. Не звоните, колокола, не бросай своихъ напѣвовъ, веселый перезвонъ!

Вотъ июнь на дворѣ, пахнетъ сѣномъ, жатва золотится на солнцѣ, поютъ птички. Мы голодаемъ въ теченіе пяти мѣся-

цевъ, городъ въ отчаяніи. Мы выйдемъ всѣ изъ города: впереди стрѣлки, чтобы открыть путь, потомъ женщины, дѣти, должностныя лица подъ охраной пѣхоты, стерегущей брешь. И вдругъ письмо. Письмо отъ кроваваго отродья Альбы. Что возвѣщаетъ оно—смерть? Нѣтъ, жизнь всему, что осталось въ городѣ. О, неожиданная пощада, о, быть-можетъ, ложь! Запоешь ли ты еще, веселый перезвонъ колоколовъ? Они вступаютъ въ городъ.

Уленспигель, Ламме и Неле переодѣлись нѣмецкими наемниками и вмѣстѣ съ ними—всего шестьсотъ человекъ—заперлись въ августинскомъ монастырѣ.

— Мы умремъ сегодня,—шепнулъ Уленспигель Ламме.

И онъ прижалъ къ груди нѣжное тѣлце Неле, дрожащее отъ страха.

— О, жена моя, я не увижу ея,—вздохнулъ Ламме:—но, можетъ-быть, одежда нѣмецкихъ солдатъ спасетъ намъ жизнь?

Уленспигель покачалъ головой, чтобы показать, что онъ не вѣритъ въ пощаду.

— Я не слышу шума разгрома,—сказалъ Ламме.

— По договору,—отвѣтилъ Уленспигель,—горожане откупились отъ грабежа и рѣзни за плату въ двѣсти сорокъ тысячъ флориновъ. Они должны уплатить въ теченіе двѣнадцати дней наличными сто тысячъ флориновъ, а остальные черезъ три мѣсяца. Женщинамъ приказано укрыться въ церквяхъ. Убійства начнутся, несомнѣнно. Слышишь, какъ сколачиваютъ эшафоты и строятъ висѣлицы?

— Ахъ, пришелъ намъ конецъ,—сказала Неле:—я голодна.

— Да,—сказалъ потихоньку Ламме Уленспигелю,—кровавый выродокъ герцогскій сказалъ, что, изголодавшись, мы будемъ покориться, когда насъ поведутъ на казнь.

— Я такъ голодна!—сказала Неле.

Вечеромъ пришли солдаты и принесли по одному хлѣбу на шестерыхъ.

— Триста валлонскихъ солдатъ повѣшены на рынкѣ,—разсказывали они:—скоро ваша очередь. Всегда такъ было, что гѣзъ вѣчался съ висѣлицей.

На другой день они опять принесли по хлѣбу на шесть человекъ.

— Четыремъ важнымъ обывателямъ отрубили голову,—разсказывали они:—двѣсти сорокъ девять солдатъ связаны попарно и брошены въ море. Жиры будутъ раки въ этомъ году. Да, вы не потолстѣли съ седьмого іюля, когда васъ здѣсь заперли. Обжоры и пьяницы всѣ эти нидерландцы; намъ вотъ, испанцамъ, довольно двухъ фигъ на ужинъ.

— Вотъ почему, — отвѣтилъ Уленспигель, — вы повсюду требуете отъ обывателей, чтобы васъ кормили четыре раза въ день мясомъ, птицей, сливками, виномъ и вареньемъ; вамъ нужно молоко для купанія вашихъ mustachos и вино, чтобы мыть копыта вашихъ лошадей.

Восемнадцатаго іюля Неле сказала:

— У меня мокро подъ ногами; что это такое?

— Кровь, — отвѣтилъ Уленспигель.

Вечеромъ солдаты опять принесли по хлѣбу на шестерыхъ.

— Гдѣ недостаточно веревки, тамъ справляется топорь, — рассказывали они: — триста солдатъ и двадцать семь горожанъ, которые вздумали убѣжать, шествуютъ теперь въ адъ, неся свои головы въ рукахъ.

На другой день кровь опять потекла въ монастырь; солдаты пришли, но не принесли хлѣба, а только смотрѣли на заключенныхъ и говорили:

— Пятьсотъ валлоновъ, англичанъ и шотландцевъ, которымъ вчера отрубили головы, смотрѣли лучше; эти изголодались, конечно, но кому же и умирать съ голоду, какъ не гѣзу: гѣзь вѣдь значитъ нищій.

И, въ самомъ дѣлѣ, всѣ блѣдные, изможденные, дрожащіе отъ озноба, имѣли видъ призраковъ.

Шестнадцатаго августа, въ пять часовъ вечера, пришли солдаты и со смѣхомъ раздавали узникамъ хлѣбъ, сыръ, пиво.

— Это предсмертный пирь, — сказали Ламме.

Въ десять часовъ пришло четыре батальона; командиры приказали открыть ворота монастыря и, построивъ заключенныхъ по четыре человека въ рядъ, приказали имъ идти за барабанами и свирѣлями вплоть до мѣста, гдѣ имъ сказано будетъ остановиться. Нѣкоторыя улицы были красны; и такъ они шли по направленію къ Полю висѣлицъ.

Здѣсь и тамъ на лугахъ красѣли лужицы крови; кровь была кругомъ на стѣнахъ. Гучами носились повсюду вороны; солнце заходило въ туманѣ, небо было еще ясно, и въ глубинѣ его робко зажигались звѣздочки. Вдругъ послышались жалобныя завыванія.

— Это кричатъ гѣзы, запертые въ фортѣ Фейке, за городомъ, — сказали солдаты: — ихъ приказано умерить голодомъ.

— И нашъ часъ пришелъ, — сказала Неле. И она заплакала.

— Пепель стучитъ въ мое сердце, — сказалъ Уленспигель.

— Ахъ, — сказали Ламме (онъ говорилъ по-фламандски, и поивойные солдаты не понимали этого гордаго языка), — ахъ, если бы я могъ захватить кроваваго герцога и заставить его

глотать всё эти веревки, висѣлицы, плахи, дыбы, тѣски, глотать до тѣхъ поръ, пока бы онъ лопнулъ; если бѣ я могъ понть и понть его проливтой имъ кровью, чтобы изъ его продравленной шкуры и разодранныхъ кишекъ вылезли всё эти деревянные щепки и куски желѣза и чтобы онъ еще не издохъ отъ этого, а я бы вырвалъ у него изъ груди сердце и заставилъ его сырѣемъ сожрать это ядовитое сердце. Тогда ужъ навѣрное, уйдя изъ этой жизни, онъ попадетъ въ сѣрное пекло, гдѣ дьяволъ его будетъ все кормить и кормить этой закуской, и такъ во вѣки вѣковъ.

— Аминь!—сказали Уленсигель и Неле.

— Но ты ничего не видишь?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Я вижу на западѣ пять мужчинъ и двухъ женщинъ,—сказала она:—они сѣдутъ кружкомъ. Одинъ въ пурпурѣ и въ золотой коронѣ. Онъ кажется главою прочихъ; они въ лохмотьяхъ и тряпкахъ. И съ востока, я вижу, тоже явились семеро: одинъ во главѣ ихъ; онъ тоже въ пурпурѣ, но безъ короны. И они несутся на западныхъ. Они бьются съ ними въ облакахъ; но больше я ничего не вижу.

— Семеро,—сказалъ Уленсигель.

— Я слышу подлѣ насъ,—сказала Неле,—въ листвѣ голось, точно дуновение вѣтра говоритъ:

Въ мечахъ и огнѣ,
Въ косяхъ и войнѣ,
Ищи.
Въ смерти и гибели,
Въ слезахъ и крови
Найди.

— Не намъ это суждено—другіе освободятъ землю Фландрскую,—сказалъ Уленсигель.—Ночь темнѣетъ, солдаты зажигаютъ факелы. Мы уже подлѣ Поля висѣлицъ. О, милая моя подруга, зачѣмъ ты пошла за мной? Больше ничего не слышишь, Неле?

— Слышу,—отвѣтила она:—въ хлѣбахъ звякнуло оружіе. И тамъ, надъ этимъ склономъ, повыше дороги, по которой мы идемъ, видишь, блеснулъ на стали багровый отсвѣтъ факеловъ? Я вижу огненные кончики фитилей аркебузовъ. Спятъ наши конвойные или ослѣпли? Слышишь громовый заллъ? Видишь, какъ падаютъ испанцы подъ пулями? Слышишь: „да здравствуютъ гѣзы!“ Бѣгомъ вверхъ по тропинкѣ они поднимаются съ копытами на перевѣсъ; они сбѣгаютъ по склону съ топорами въ рукѣ. Да здравствуютъ гѣзы!

— Да здравствуютъ гёзы!—кричали Ламме и Уленспигель.
— Вотъ солдаты даютъ намъ оружiе,—говорила Неле:— бери, Ламме, бери, дорогой. Да здравствуютъ гёзы!

— Да здравствуютъ гёзы!—кричить толпа плѣнниковъ.

— Неустанно палить аркебузы,—говорить Неле:—они падаютъ, какъ мухи, потому что освѣщены факелами. Да здравствуютъ гёзы!

— Да здравствуютъ гёзы!—кричить отрядъ спасителей.

— Да здравствуютъ гёзы!—кричатъ Уленспигель и плѣнники. Испанцы въ желѣзномъ кольцѣ. Бей, бей! Ужь нѣтъ ни одного на ногахъ. Бей безъ пощады, война безъ жалости. А теперь собирай пожитки и бѣгомъ въ Энкгейзенъ. Кому суконное и шелковое платье палачей? Кому ихъ оружiе?

— Всѣмъ, всѣмъ!—кричатъ они:—да здравствуютъ гёзы!

И въ самомъ дѣлѣ, они возвращаются на суднѣ въ Энкгейзенъ, гдѣ освобожденные вмѣстѣ съ ними нѣмцы остаются для охраны города.

И Ламме, Неле и Уленспигель вновь на своихъ корабляхъ. И снова поютъ они въ открытомъ морѣ:—Да здравствуютъ гёзы!

И крейсируютъ передъ Флиссингеномъ.

XIII.

Здѣсь Ламме снова повеселѣлъ. Онъ охотно сходилъ съ корабля на землю и, точно на зайцевъ, оленей и дроздовъ, охотился на быковъ, барановъ и птицу.

И не въ одиночествѣ занимался онъ этой питательной охотой. Хорошо было смотрѣть, какъ возвращаются съ добычи охотники съ Ламме во главѣ, какъ они ведутъ за рога крупный скотъ и гонять предъ собой мелкiй, прутикомъ подгоняють стада гусей и на баграхъ съ лодокъ тащатъ куръ, цыплятъ и каллуновъ, невзирая на запретъ.

Пиръ горой на корабляхъ. И Ламме приговаривалъ:

— Запахъ подливы вздымается къ небесамъ, улаждая господъ ангелочковъ, которые говорятъ:—„Нѣтъ лучше мяса“.

Такъ разъѣзжая, они наткнулись на торговую эскадру изъ Лиссабона, командиръ которой не зналъ, что Флиссингенъ уже въ рукахъ гёзовъ. Ей приказываютъ бросить якорь, она окружена. Да здравствуютъ гёзы! Барабаны и свирѣли зовутъ на абордажъ. У купцовъ есть пушки, пики, топоры, аркебузы.

Ядра и пули сыплются съ кораблей гёзовъ. Ихъ стрѣлки, сгрудившись у гротъ-мачты за деревянными прикрытiями, стрѣляютъ навѣрняка, не подвергаясь опасности. Куницы падаютъ, какъ мухи.

— На помощь! — говорит Уленспигель, обращаясь къ Ламме и Неле: — впередъ! Вотъ приности, драгоценности, дорогие товары, сахаръ, мускатъ, гвоздика, имбирь, реалы, дукаты, блестящія золотыя барашки: ихъ болѣе пятисотъ тысячъ штукъ. Испанцы оплатятъ военные расходы. Выпьемъ! Отслужимъ мессу гѣзовъ: эта месса — битва.

И Уленспигель съ Ламме посятъ повсюду, точно львы, Неле играетъ на свирѣли, прячась за деревяннымъ прикрытiемъ. Вся флотилія захвачена.

По подсчету потерь оказалось, что у испанцевъ убита тысяча человекъ, у гѣзовъ — триста; среди послѣднихъ былъ поварь корвета „Бриель“.

Уленспигель попросилъ позволенiя обратиться со словомъ къ Трелону и морякамъ, на что Трелонъ согласился очень охотно. И Уленспигель держалъ такую рѣчь:

— Господинъ капитанъ и вы, братцы, мы получили въ наслѣдство множество приностей, а вотъ предъ вами толстичокъ Ламме, который находитъ, что нашъ бѣдный покойникъ — да возвеселитъ Господь его душу! — былъ не великiй профессоръ по части соусовъ. Такъ вотъ поставимъ Ламме на его мѣсто, онъ ужъ накормитъ васъ небесными жаркими и райскими супами.

— Отлично, — отвѣтили Трелонъ и прочiе: — Ламме будетъ корабельный кокъ (поварь). Онъ будетъ носить большую деревянную шумовку, чтобы снимать пѣну со своихъ соусовъ и отгонять отъ нихъ корабельныхъ юнгъ.

— Господинъ командиръ, друзья и товарищи, — сказалъ Ламме: — вы видите, что я плачу отъ радости, такъ какъ я совсѣмъ не заслуживаю столь великой чести. Во всякомъ случаѣ, разъ ужъ вы удостоиваете прибѣгнуть къ моему ничтожеству, я принимаю высокiя обязанности мастера кухоннаго искусства на славномъ кораблѣ „Бриель“, но покорнѣйше прошу васъ при этомъ даровать мнѣ высшiя права верховнаго начальства надъ кухней, дабы вашъ главный поварь — это буду я — могъ по силѣ, праву и закону воспрепятствовать кому бы то ни было забирать и ѣсть долю другого.

Трелонъ и прочiе кричали:

— Молодецъ, Ламме! У тебя будетъ и право, и сила, и законъ.

— Но я, — продолжалъ онъ, — приношу вамъ другое покорнѣйшее прошенiе: человекъ я жирный, крупный и увѣсистый, глубоко мое чрево, вмѣстителенъ желудокъ; моя бѣдная жена — да возвратитъ мнѣ ее Господь! — всегда давала мнѣ двѣ порцiи

вмѣсто одной; соблаговолите и вы мнѣ даровать то же снисхожденіе.

Трелонъ, Уленспигель и матросы отвѣтили:

— Хорошо, Ламме, ты будешь получать двѣ порціи.

И Ламме вдругъ вновь впалъ въ грусть и сказалъ:

— Жена мой, кроткая моя красавица, если что-нибудь можетъ меня утѣшить въ твоемъ отсутствіи, то развѣ только дѣятельное воспоминаніе о твоей небесной кухнѣ въ нашемъ прелестномъ угольѣ.

— Полагается принести присягу, сынъ мой, — сказалъ Уленспигель: — принесите большую деревянную ложку и большой мѣдный котелъ.

— Клянусь, — провозгласилъ Ламме, — клянусь Господомъ, помощь Котораго призываю, клянусь хранить вѣрность господину принцу Оранскому, по прозванію Молчаливому, правящему отъ имени короля областями Голландіи и Зеландіи; клянусь соблюдать вѣрность господину де-Люмэ, адмиралу, командующему нашимъ доблестнымъ флотомъ, и господину Трелону, вице-адмиралу и командиру корабля „Бріель“. Клянусь, по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ, согласно правамъ и обычаямъ великихъ древнихъ поваровъ, составившихъ превосходные иллюстрированные труды о великомъ искусствѣ стряпни, изготовлять мясо и птицу, какія намъ пошлетъ судьба, и питать оными яствами вышереченнаго господина Трелона, командира, его помощника, каковымъ состоитъ другъ мой, Уленспигель, и всѣхъ васъ, боцманъ, лоцманъ, рулевые, юнги, солдаты, пушкари, камбузные, вѣстовой командира, лѣварь, трубачъ, матросы и всѣ прочіе. Если жаркое будетъ недожарено, а птица не подрумянится, какъ должно; если отъ супа будетъ идти тошнотворный духъ, пагубный для добраго пищеваренія; если запахъ поливы не заставитъ васъ всѣхъ ринуться — съ моего соизволенія, конечно — въ кухню; если я не сдѣлаю васъ веселыми, а лица ваши благодушными, — я откажусь отъ моихъ высокихъ обязанностей, считая себя отнынѣ неспособнымъ занимать кухонный тронъ. Такъ да поможетъ мнѣ Господь въ этой жизни и въ будущей!

— Да здравствуетъ нашъ кокъ! — кричали они: — король кухни, императоръ жаркихъ! По воскресеньямъ онъ будетъ получать три порціи вмѣсто двухъ.

И Ламме сдѣлался поваромъ на кораблѣ „Бріель“. И между тѣмъ какъ душистые супы кипѣли въ кастряхъ, онъ стоялъ у кухонныхъ дверей, гордо, точно скипетръ, держа свою большую деревянную шумовку.

И по воскресеньямъ онъ получать тройную порцію.

Когда гёзамъ случалось ввязаться въ схватку съ врагомъ, онъ охотно оставался въ своей сухой лабораторіи, однако иногда выходилъ на палубу, чтобы сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, потомъ поспѣшно спускался къ себѣ присмотрѣть за своими соусами.

Будучи такимъ образомъ неправнымъ поваромъ и доблестнымъ воинемъ, онъ сталъ общимъ любимцемъ.

Но никто не имѣлъ права проникнуть въ его кухню. Ибо тутъ онъ приходилъ въ ярость и колотилъ своей деревянной шумовкой по спинамъ и животамъ безъ пощады.

И съ этихъ поръ онъ былъ прозванъ Ламме-Левъ.

XIV.

По океану, по Шельдѣ, подъ солнцемъ, дождемъ, снѣгомъ, градомъ, зимою и лѣтомъ носятся корабли гёзовъ.

Подняты всѣ паруса, точно лебеди, лебеди бѣлой свободы. Бѣлый цвѣтъ—свобода, синий—величіе, оранжевый—принцъ Оранскій: вотъ трехцвѣтный флагъ гордыхъ кораблей.

Впередъ на всѣхъ парусахъ! Впередъ на всѣхъ парусахъ, славные корабли; струи бьются о нихъ, волны обливаютъ ихъ пѣной.

Они несутся, они скользятъ, они летятъ по рѣкѣ, накренивъ паруса до воды, быстрые, какъ облака подъ сѣвернымъ вѣтромъ, корабли гёзовъ. Слышите, какъ носъ ихъ разсекаетъ волны? Богъ свободныхъ людей! Да здравствуютъ гёзы!

Шкуны, корветы, бриги и барки, быстрые, подобно вѣтру, чреватому бурей, подобно тучѣ, чреватой молніей.

Шкуны, корветы, бриги скользятъ по рѣкѣ. Волны, разрыванныя пополамъ, стонутъ, когда они несутся съ смертоубийственнымъ жерломъ ихъ длинной кулеврины на носу. Да здравствуютъ гёзы!

На всѣхъ парусахъ! На всѣхъ парусахъ, доблестные корабли! Волны бьются объ ихъ борта, обливая ихъ пѣной.

Ночью и днемъ, въ дождь, снѣгъ и градъ—они плывутъ.

Христосъ улыбается имъ въ облакѣ, въ солнцѣ, въ звѣздѣ. Да здравствуютъ гёзы!

XV.

Кровавый король получилъ извѣстіе объ ихъ побѣдахъ. Смерть уже глодала палача, и тѣло его было полно червей. Жалкій и свирѣпый, скитался онъ по переходамъ замка Вальядолида, влача свои распухшія ступни и свинцомъ налитыя пкры. Онъ не пѣлъ никогда, свирѣпый тиранъ; когда вставала заря, онъ не смѣялся, и, когда солнце заливало его вла-

дѣнія какъ бы улыбкой самого Господя, онъ не ощущалъ въ своемъ сердцѣ ни малѣйшей радости.

Уленспигель, Ламме и Неле пѣли, какъ птички, рискуя своей—если рѣчь идетъ о Ламме и Уленспигелѣ—шкурой, а если говорится о Неле—нѣжной кожей, живя изо дня въ день и радуясь тому, что гѣзамъ удалось погасить тотъ или иной костеръ, больше, чѣмъ черный король наслаждался пожаромъ пѣлаго города.

Въ эти дни Вильгельмъ Молчаливый, принцъ Оранскій, лишилъ адмиральскаго чина господина Люмэ де-ла-Марка за его непомѣрную жестокость и назначилъ на его мѣсто господина Баувена Эваутсена Ворста. Онъ обсуждалъ также предположенія объ уплатѣ крестьянамъ за хлѣбъ, взятый у нихъ гѣзами, о возмѣщеніи наложенныхъ на нихъ контрибуцій и предоставленіи римскимъ католикамъ, равно какъ всѣмъ прочимъ, свободнаго исповѣданія ихъ вѣры безъ преслѣдованій и насилій.

XVI.

Подъ сверкающимъ небомъ, на свѣтлыхъ волнахъ, свистятъ на корабляхъ гѣзовъ свирѣли, гнусятъ волюнки, булькаютъ бутылки, звенятъ бокалы, блестятъ сталь оружія.

— Ну вотъ,—говоритъ Уленспигель,—бей въ барабанъ славы, бей въ литавры радости. Да здравствуютъ гѣзы! Побѣждена Испанія, скрученъ унырь проклятый. Море—наше, Бриель взята. Нашъ весь берегъ отъ Ньюпора, дальше чрезъ Остенде, Бланкенберге, острова Зеландскіе, устье Шельды, устье Мааса, устье Рейна вплоть до Гельдерна. Наши Тессель, Флиландъ, Терсхеллингъ, Амеландъ, Роттумъ, Боркумъ. Да здравствуютъ гѣзы!

„Наши Дельфтъ и Дордрехтъ. Это пороховая нить. Господь держитъ запаль отъ пушки. Палачи оставили Роттердамъ. Свобода совѣсти, точно левъ, вооруженный зубами и когтями правосудія, захватила графство Зютфенское, города Дейтихемъ, Досбургъ, Гооръ Ольдензель и на Вельшпире, Гаттемъ, Эльбургъ и Гардервейкъ. Да здравствуютъ гѣзы!

„Это громъ, это молнія! уже въ нашихъ рукахъ Кампень, Сволде, Гассель, Стенвейкъ, за ними Аудеваторъ, Гауда, Лейденъ. Да здравствуютъ гѣзы!

„Нашъ Брюеренъ, нашъ Энкгейзелъ. Мы не взяли еще Амстердама, Схоонговена и Миддельбурга. Но все достанется во-время терпѣливымъ клинкамъ. Да здравствуютъ гѣзы!

„Выпьемъ испанскаго вина! Выпьемъ изъ тѣхъ самыхъ чашъ, изъ которыхъ они пили кровь своихъ жертвъ! Мы

двинемся черезъ Зюдерзее по рѣкамъ, протокамъ и каналамъ. Наши Голландія сѣверная и южная и Зеландія; мы возьмемъ Фрисландію, восточную и западную. Бриель будетъ убѣжищемъ нашимъ кораблямъ, гвѣздомъ, гдѣ вырветъ свобода. Да здравствуютъ гѣзы!

„Слушайте, какъ разносится по Фландріи, дорогой родинѣ, крикъ мести. Куютъ оружіе, точатъ мечи. Все движется, все трепещетъ, какъ струны арфы подъ теплымъ вѣтромъ, подъ дуновеніемъ душъ, исходящимъ изъ могилъ, изъ костровъ, изъ окровавленныхъ труповъ мучениковъ. Все въ движеніи— Геннегау, Брабантъ, Люксембургъ, Лимбургъ, Намюръ, Льежъ, свободный городъ. Все кипитъ. Кровь бродитъ и оплодотворяетъ. Жатва созрѣла для серпа. Да здравствуютъ гѣзы!

„Въ нашей власти Noord-Zee, широкое Сѣверное море. У насъ—отличныя пушки, гордые корабли, смѣлые отряды грозныхъ моряковъ: нищія, бродяги, попы-солдаты, дворяне, горожане, ремесленники, бѣгущіе отъ преслѣдовацій. Съ нами всѣ, кто за свободу. Да здравствуютъ гѣзы!

„Филиппъ, кровавый король, гдѣ ты? Альба, гдѣ ты? Ты кричишь и богохульствуешь, покрываясь своей освященной шляпой, пожалованной святымъ отцомъ. Бей въ барабанъ радости. Да здравствуютъ гѣзы! Вышемъ!

„Вино струится въ золотыя чаши. Весело пейте эту влагу. Жреческія облаченія, одѣвшія простыхъ людей, залиты краснымъ напиткомъ. Римскія церковныя хоругви развѣваются по вѣтру. Музыка безъ конца. Пойте, свистящія свирѣли, гнущія волынки, барабаны, гремящія о славу! Да здравствуютъ гѣзы!“

XVII.

На дворѣ стоялъ волчій мѣсяць—декабрь. Рѣзкій, точно пглы, дождь лилъ въ воду. Гѣзы крейсировали въ Зюдерзее. Звуками трубы господинъ адмираль созвалъ на свой корабль командировъ шхунъ и корветовъ и вмѣстѣ съ ними Уленспигеля.

— Вотъ,—обратился онъ прежде всего къ нему:—принцъ, въ знакъ признанія твоей вѣрной службы и важныхъ заслугъ, назначаю тебя капитаномъ корабля „Бриель“. Вручаю тебѣ твое назначеніе на пергаментѣ.

— Примите мою благодарность, господинъ адмираль,—отвѣтилъ Уленспигель:—буду капитанствовать по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ и, такъ капитанствуя, твердо надѣюсь, что, если Богъ поможетъ, раскапитаю Испанію и отдѣлю отъ нея Фландрію и Голландію, то-есть Zuid и Noord-Neerlande.

— Прекрасно,—сказалъ адмиралъ.—А теперь,—прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ,—я сообщу вамъ, что Энкгейзень осажденъ католиками Амстердама. Они не вышли изъ Ййскаго канала; будемъ крейсировать передъ нимъ, чтобы запереть ихъ тамъ, и бей всякій ихъ корабль, который покажетъ въ Зюдерзее свой тиранскій костыль.

— Продыравимъ его,—отвѣтили они:—да здравствуютъ гѣзы! Возвратившись на свой корабль, Уленсигель приказалъ матросамъ и солдатамъ собраться на палубѣ и сообщилъ имъ приказъ адмирала.

— У насъ есть крылья,—это наши паруса,—отвѣтили они:—есть коньки: киль нашего корабля; есть руки великановъ: наши абордажные крючья. Да здравствуютъ гѣзы!

Флотъ вышелъ и разгуливалъ въ морѣ въ милѣ отъ Амстердама, такъ что безъ ихъ созволенія никто не могъ ни войти ни выйти.

На пятый день дождь стихъ; при ясномъ небѣ вѣтеръ дулъ еще рѣзче; со стороны Амстердама незамѣтно было ни малѣйшаго движенія.

Вдругъ Уленсигель увидѣлъ, что на палубу выбѣгаетъ Ламме, гоня передъ собой размахистыми ударами своей деревянной шумовки корабельнаго „труксмана“, переводчика, молодого парня, бойкаго во французской и фламандской рѣчи, но еще болѣе бойкаго въ наукѣ широкой глотки.

— Негодяй!—говорилъ Ламме, шлепая его:—такъ ты думаешь, что можешь безнаказанно лакомиться до времени моимъ жаркимъ? Подъзай-ка на верхушку мачты и посмотри, не копошится ли что на амстердамскихъ судахъ. Сдѣлай это—сдѣлаешь хорошее дѣло.

— А что дашь?—отвѣтилъ „труксманъ“.

— Еще ничего не сдѣлавъ, уже хочешь платы?—вскричалъ Ламме:—ахъ, ты, мерзавецъ, если ты не пойдешь сейчасъ, я прикажу тебя высѣчь. И твои французскіе разговоры не спасутъ тебя.

— Чудесный языкъ французскій,—отвѣтилъ „труксманъ“:—языкъ любви и войны.—И пойдъ наверхъ.

— Ну, лѣнтяй?—спросилъ Ламме.

— Ничего не вижу ни въ городѣ ни на корабляхъ.—И прибавилъ, спустившись:—Теперь плати.

— Оставь себѣ то, что стащилъ—отвѣтилъ Ламме,—но такое добро въ прокъ не идетъ: навѣрное, извергнешь его въ свотѣ.

Взбѣжавъ опять на верхушку мачты, „труксманъ“ вдругъ закричалъ:

— Ламме, Ламме! Воръ забрался въ кухню.

— Ключъ отъ кухни въ моемъ карманѣ,—отвѣтилъ Ламме. Уленспигель, отвѣдя Ламме въ сторону, сказалъ ему:

— Знаешь, съѣдь мой, это чрезвычайное спокойствіе Амстердама меня пугаетъ. Они что-то замышляютъ.

— Я ужъ думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ Ламме:—вода замерзла въ кувшинахъ; битая птица точно деревянная; колбасы покрыты инеемъ, коровье масло твердо, какъ камень, деревянное масло побѣлѣло, соль суха, какъ песокъ на солнцѣ.

— Замерзнетъ и море,—сказалъ Уленспигель:—они придутъ по льду и нападутъ на насъ съ артиллеріей.

И онъ отправился на адмиральскій корабль и разсказалъ о своихъ опасеніяхъ адмиралу, который отвѣтилъ:

— Вѣтеръ со стороны Англій; будетъ снѣгъ, но не морозъ; пернись на свой корабль.

И Уленспигель вернулся.

Ночью пошелъ сильный снѣгъ, но тотчасъ же задулъ вѣтеръ со стороны Норвегій, море замерзло и стало, какъ полъ. Адмиралъ видѣлъ все это.

Опасаясь, какъ бы амстердамцы не пришли по льду зажечь корабли, онъ приказалъ солдатамъ приготовить коньякъ—на случай, что имъ придется сражаться вѣ и вокругъ судовъ, а пушварямъ при орудіяхъ желѣзныхъ и чугунныхъ держать наготовѣ кучи ядеръ подлѣ лафетовъ, зарядить пушки и имѣть непрестанно зажженные фитили.

Но амстердамцы не явились. И такъ тянулось семь дней.

Къ вечеру восьмого дня Уленспигель приказалъ устроить для матросовъ и солдатъ добрую попойку, чтобы это служило имъ панциремъ отъ рѣзкаго вѣтра, душнаго въ морѣ.

Но Ламме отвѣтилъ:

— Ничего не осталось, кромѣ сухарей и жидкаго пива.

— Да здравствуютъ гѣзы!—крикнули они:—это будетъ постный кутежъ въ ожиданіи часа битвы.

— Который не скоро пробьетъ,—сказалъ Ламме:—амстердамцы придутъ зажечь наши корабли, но не въ эту ночь. Имъ надо еще предварительно собраться у очага да выпить по нѣскольку кружекъ горячаго вина съ мадерскимъ сахаромъ—пошли его и намъ, Господи!—потомъ, поболтавши до полуночи разсудительно, успокоительно и уповательно, они рѣшатъ, что можно завтра рѣшить, нападутъ они на насъ на будущей недѣлѣ, или пѣтъ. Завтра, снова выпивъ горячаго вина съ мадерскимъ сахаромъ—пошли и намъ его, Господи!—они опять будутъ спокойно, разсудительно, за полными кружками рѣшать, не слѣдуетъ ли имъ собраться на другой

день, дабы рѣшить, можетъ ли или не можетъ ледъ выдержатъ тяжесть большого отряда. И они произведутъ испытаніе льда при посредствѣ ученыхъ людей, которые изложатъ свои заключенія на пергаментѣ. Принявъ оныя къ свѣдѣнію, они будутъ знать, что толщина льда двѣ четверти, и что, стало-быть, онъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдержатъ нѣсколько сотъ человѣкъ съ пушками и полевыми орудіями. Затѣмъ они соберутся на совѣщаніе еще разъ, чтобы спокойно, разсудительно, со многими кружками горячаго вина, обсудить, не умѣстно ли, въ разсужденіи сокровищъ, отобранныхъ нами у лиссабонцевъ, напасть на наши корабли, а то и сжечь ихъ. Не безъ колебаній, но во благовременіи они рѣшаютъ однако, что представлялось бы умѣстнымъ захватить наши корабли, но не сжигать ихъ, невзирая на значительную несправедливость, причиняемую ими такимъ образомъ намъ.

— Ты говоришь недурно,—сказалъ Уленспигель,—но не видишь ли ты, что вонъ въ городѣ зажигаются огни и люди съ фонарями суетливо бѣгаютъ тамъ?

— Это отъ холода,—отвѣтилъ Ламме. И, вздыхая, прибавилъ:—Все съѣдено. Ни мяса, ни птицы, ни вина, увы, ни добраго *doppel-bier*: ничего, кромѣ сухарей и жидкаго пива. Кто меня любитъ, за мной!

— Куда ты?—спросилъ Уленспигель:—никто не смѣетъ отлучаться съ корабля.

— Сынъ мой,—отвѣтилъ Ламме,—ты теперь капитанъ и господинъ на кораблѣ. Если ты не позволяешь, я не пойду. Но соблаговоли подумать, что третьяго-дня мы съѣли послѣднюю колбасу, и что въ это суровое время кухонный очагъ есть солнце для добрыхъ товарищей. Кто не хотѣлъ бы вдыхать запахъ подливы, упиваться сладостнымъ благоуханіемъ божественной влаги, созданной изъ цвѣтовъ смѣха, веселья и радости? Посему, господинъ капитанъ и вѣрный другъ, я рѣшаюсь сказать: я истосковался душой оттого, что ничего не ѣмъ; оттого, что я, любящій только покой, охотно убивающій развѣ только нѣжную гусыню, жирную курочку, сочную индѣйку, слѣдую за тобой среди тяготъ и сраженій. Посмотри-ка на огоньки на томъ богатомъ хуторѣ, съ его крупнымъ и мелкимъ скотомъ. Знаешь, кто его хозяинъ? Одинъ фрисландскій судовщикъ, который предалъ господина Дандло и привелъ въ Энкгейзенъ, тогда еще занятый Альбой, восемнадцать несчастныхъ дворянъ и друзей, которые были изъ-за него казнены на Конскомъ рынкѣ въ Брюсселѣ. Этотъ предатель, по имени Дирикъ Слоссе, получилъ отъ герцога за предательство двѣ тысячи флориновъ. На эти кровавыя деньги

этотъ Иуда купилъ хуторъ, который ты видишь предъ собой, съ крупнымъ скотомъ и окрестными землями, каковыя, расширяясь и принося плоды,—и говорю о земляхъ и скотѣ,—сдѣлали его богачомъ.

— Пепель стучить въ мое сердце,—сказалъ Уленспигель:—ты пробилъ, часть Господень!

— И часть обѣда равнымъ образомъ,—сказалъ Ламме:—дай мнѣ два десятка парней, добрыхъ солдатъ и матросовъ, и пойду и захвачу предателя.

— Я самъ поведу ихъ,—отвѣтилъ Уленспигель:—кто любить правду, пусть идетъ со мной. Не всѣ, вѣрные и дорогіе мои: достаточно двадцати человѣкъ, а не то кто же будетъ охранять корабль? Бросьте костями жребій. Васъ двадцать? Ну, идемте. Кости показываютъ правильно. Привяжите коньки и скользите по направленію къ Венерѣ, звѣздѣ, сверкающей надъ хуторомъ предателя.

Идите по звѣздѣ, конькобѣжцы, всѣ двадцать, скользя по льду, съ топоромъ на плечѣ.

Вѣтеръ свиститъ и гонитъ предъ собой по льду бѣлые вихри снѣга. Неситесь, смѣльчаки!

Не пойте, не разговаривайте; прямо, беззвучно неситесь къ звѣздѣ; только ваши коньки скрипятъ по льду.

Кто упалъ, вскакиваетъ сейчасъ. Мы подходимъ къ берегу: ни человѣка на бѣломъ снѣгу, ни птицы въ морозномъ воздухѣ. Скиньте коньки.

Вотъ мы на землѣ, вотъ луга; опять надѣньте коньки. Затанувъ дыханіе, мы окружили хуторъ.

Уленспигель стучить въ двери, собаки лаютъ. Онъ стучить вторично; открывается окно, и хозяинъ, высунувъ голову, спрашиваетъ:

— Кто ты такой?

Онъ видитъ одного только Уленспигеля; остальные спрятались за кеет'омъ, то-есть прачечной.

Уленспигель отвѣчаетъ:

— Господинъ де-Буссю приказалъ, чтобы ты сейчасъ явился къ нему въ Амстердамъ.

— Гдѣ твой пропускъ?—спросилъ тотъ, спускаясь и отворяя дверь.

— Здѣсь,—отвѣтилъ Уленспигель, указывая ему на двадцать гезовъ, которые бросились за нимъ въ дверь.

И Уленспигель сказалъ:

— Ты Слоссе предатель, заманившій въ засаду господъ Дандло, Батенбурга и другихъ. Гдѣ деньги, полученныя тобой за чужую кровь?

— Вы гёзы, — отвѣтилъ тотъ: — помилуйте меня; я не знаю, что дѣлаю. Теперь у меня нѣтъ денегъ; я все отдамъ.

— Темно, — сказала Ламме, — дай намъ свѣчей, салныхъ или восковыхъ.

— Вотъ тамъ висятъ салныя свѣчи, — сказалъ хозяинъ. Зажгли свѣчу, и одинъ изъ гёзовъ, стоявшій у очага, сказалъ:

— Холодно, разведемъ огонь. Есть хорошее топливо.

И онъ указалъ стоящія на полкѣ цвѣточныя горшки съ высохшими растеніями. Взявъ одинъ изъ нихъ за стебель, онъ тряхнулъ его; горшокъ упалъ, и по полу рассыпались дукаты, флорины и реалы.

— Вотъ гдѣ деньги, — сказалъ онъ, указывая на прочіе цвѣточныя горшки.

И действительно, раскопавъ, они нашли въ нихъ десять тысячъ флориновъ.

А хозяинъ кричалъ и плакалъ при видѣ всего этого.

На крики сбѣжались хуторскіе батраки и служанки въ однихъ рубахахъ. Мужчины, вздумавшіе было вступиться за своего хозяина, были перевязаны. Женщины, особенно молодыя, устыдились, прятались за мужчинъ.

Тутъ выступилъ Ламме.

— Предатель, — сказалъ онъ, — гдѣ ключи отъ кладовыхъ, конюшни, хлѣва и овчарни?

— Подлые грабители, — отвѣтилъ хозяинъ, — вы издохнете на висѣлицѣ.

— Пришелъ часъ Божій, — сказалъ Уленспигель, — давай ключи.

— Господь отомститъ за меня, — сказалъ хозяинъ, отдавая ключи.

Очистивъ хуторъ, гёзы двинулись въ обратный путь, лети на конькахъ къ кораблямъ, легкимъ убѣжищамъ свободы.

— Я корабельный кокъ, — говорилъ Ламме, направляя ихъ: — я корабельный кокъ. Толкайте ваши добрыя салазки, нагруженные виномъ и пивомъ; гоните или за рога тащите быковъ, лошадей, свиней, барановъ, все стадо, ноющее свою природную гнѣзъ. Голуби воркуютъ въ корзинахъ; канлуны, раскормленные мяишемъ, уивляются въ своихъ деревянныхъ клѣткахъ, гдѣ не могутъ двинуться. Я корабельный кокъ. Ледъ скрипитъ подъ сталью коньковъ. Мы на судахъ. Завтра сыграетъ кухонная музыка. Подавай блоки, подвляйте лошадей, коровъ, быковъ подъ брюхомъ. Прекрасное зрѣлище — какъ они висятъ на подиругахъ; завтра мы повиснемъ лзыками на сочномъ жаркомъ. На лебедкахъ они

подымаются на сулу. Вотъ такъ мясо! Бросайте въ трюмъ, какъ поняло, куръ, гусей, утокъ, каплуновъ. Кто свернетъ имъ шею? Господинъ корабельный кокъ. Дверь заперта, ключъ въ моемъ карманѣ. Хвата Господу на кухню! Да здравствуютъ гёзы!

Тутъ же Уленспигель отправился на адмиральскій корабль, увези съ собою Дирика Слоссе и прочихъ плѣнниковъ, стонавшихъ и рыдавшихъ изъ страха предъ веревкой.

На шумъ вышелъ адмиралъ Борстъ; увидѣвъ Уленспигеля и его спутниковъ, озаренныхъ краснымъ пламенемъ факеловъ, онъ спросилъ:

— Чего тебѣ отъ насъ надо?

— Этой ночью, — отвѣтилъ Уленспигель, — мы захватили на его хуторѣ предателя Дирика Слоссе, заманившаго въ засаду восемнадцать нашихъ. Вотъ онъ. Тутъ же — невѣрные батраки его и служилки. — Затѣмъ, передавая адмиралу сумку съ деньгами, онъ прибавилъ: — Эти червонцы цвѣли въ свѣточныхъ горшкахъ въ домѣ предателя; всего десять тысячъ.

— Вы поступили неправильно, олучившись съ корабля, — сказалъ адмиралъ Борстъ, — но въ виду усѣха прошая васъ. И плѣнники и мѣшокъ съ червонцами намъ очень встачи. а вы, молодцы, согласно законамъ и обычаямъ морскимъ, получите треть добычи. Другая треть пойдетъ флоту, а третья его высочеству принцу Оранскому. Немедленно позвѣсьте предателя.

Исполнивъ это, гёзы прорубили во льду прорубь и бросили туда тѣло Дирика Слоссе.

— Трава, что ли, выросла вокругъ кораблей, — спросилъ адмиралъ. — что я слышу кудахтаье куръ, блеяье овецъ, мычанье быковъ и коровъ?

— Это плѣнники для глотки. — отвѣтилъ Уленспигель. — они заплатятъ выкупъ въ видѣ жаркихъ. Самое вкусное получите вы, господинъ адмиралъ. Что касается прочихъ, слугъ и служанокъ, среди которыхъ есть дѣвчонки бойки и смазливый, я ихъ заберу на мой корабль.

Такъ онъ и сдѣлалъ и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

— Вотъ, парни и дѣвушки, теперь вы на лучшемъ кораблѣ, какой есть на свѣгѣ. Мы проводимъ здѣсь время въ непрестанныхъ кутежахъ, попойкахъ, пирушкахъ. Если вамъ угодно уйти отсюда, уплатите выкупъ; если хотите остаться, вы будете жить, какъ мы, работая и хорошо кушая. Что касается и этихъ разлюбезныхъ красотокъ, я предоставляю имъ моей капитанской властью всю тѣлесную свободу; да будетъ

имъ вѣдомо, что мнѣ совершенно все равно, сохранять ли они своихъ возлюбленныхъ, пришедшихъ съ ними на корабль, или выберутъ кого-нибудь изъ здѣсь присутствующихъ доблестныхъ гёзовъ, чтобы вступить съ нимъ въ брачное собесѣдованіе.

Но всѣ разлюбезныя красотки оказались вѣрными своимъ возлюбленнымъ, кромѣ, впрочемъ, одной, которая, улыбаясь Ламме, спросила его, не подходитъ ли она ему.

— Глубоко тронуть, красавица,—сказаль онъ,—но я занять въ другомъ мѣстѣ.

— Толстячокъ женать,—говорили гёзы, видя огорченіе дѣвушки.

Но она, повернувъ спину, уже выбрала другого съ такимъ же добрымъ брюшкомъ и доброй рожей, какъ у Ламме.

Въ этотъ день и въ слѣдующіе шли на корабляхъ пиры и попойки съ истребленіемъ вина, птицы и мяса. И Улен-спигель говорилъ:

— Да здравствуютъ гёзы! Дуйте, злые вѣтры, мы согрѣемъ воздухъ нашимъ дыханіемъ. Наше сердце пламенѣетъ страстью къ свободѣ совѣсти; нашъ желудокъ пламенѣетъ страстью къ мясу изъ вражескихъ запасовъ. Будемъ пить вино, мужское молоко. Да здравствуютъ гёзы!

Неле тоже пила изъ золотого бокала и, раскрасившись отъ вѣтра, пангрывала на свирѣли. И, несмотря на холодъ, гёзы весело ѣли и пили, сидя на палубѣ.

XVIII.

Вдругъ весь флотъ увидѣлъ на берегу черную толпу, среди которой блестѣли факелы и сверкало оружіе; потомъ факелы погасли, и воцарился совершенный мракъ.

По приказу адмирала, на суда былъ переданъ сигналъ быть насторожѣ; были погашены всѣ огни; матросы и солдаты легли ничкомъ на палубѣ, держа наготовѣ топоры. Отважные пушкарни съ фитилемъ въ рукахъ стояли подлѣ пушекъ, заряженныхъ гранатами и двойными ядрами. Какъ только адмираль и капитаны крикнуть: „Сто шаговъ!“—что обозначаетъ расположеніе непріятеля,—они должны палить съ кормы, борта или носа, смотря по ихъ положенію во льду.

И слышенъ былъ голосъ адмирала Ворста:

— Смерть тому, кто громко скажетъ слово!

И капитаны повторили за нимъ:

— Смерть тому, кто громко скажетъ слово!

Ночь была звѣздная, безъ луны.

— Слышишь,—тихо, точно дуновеніе призрака, говорилъ

Уленспигель Ламме:—слышишь голоса амстердамцевъ и свистъ льда подъ ихъ коньками? Бѣгутъ быстро, слышенъ ихъ разговоръ. Они говорятъ:—„Бездѣльники гѣзы спятъ. Наши теперь лиссабонскія сокровища“. Зажигаютъ факелы. Видишь ихъ осадныя дѣтницы и ихъ гнусныя рожи и длинную полосу наступающаго отряда? Человѣкъ съ тысячу, а то и больше.

— Сто шаговъ!—крикнулъ адмираль Ворстъ.

— Сто шаговъ!—крикнули капитаны.

Раздался грохотъ, точно громъ съ небесъ, и жалобные крики на льду.

— Залъ изъ восьмидесяти орудій сразу,—сказалъ Уленспигель:—они бѣгутъ! Видишь, факелы удаляются?

— Въ погоню!—приказалъ адмираль.

— Въ погоню!—приказали капитаны.

Но погоня длилась недолго, такъ какъ бѣглецы имѣли сто шаговъ въ запасъ и ноги перенуганныхъ зайцевъ.

И на людяхъ, кричащихъ и умирающихъ на льду, были найдены драгоценности, золото и веревки, приготовленные для того, чтобы вязать гѣзовъ.

И послѣ этой побѣды гѣзы говорили:—*Als God met ons is, wie tegen ons zal zijn*: если Богъ съ нами, то кто противъ насъ! Да здравствуютъ гѣзы!

Между тѣмъ черезъ день на утро адмираль Ворстъ спокойно ждалъ новаго нападенія; Ламме выскочилъ на палубу и сказалъ Уленспигелю:

— Отведи меня къ этому адмиралу, который не хотѣлъ тебя слушать, когда ты предсказывалъ морозъ.

— Иди безъ проводника,—сказалъ Уленспигель.

Ламме отправился, заперевъ кухню на ключъ. Адмираль стоялъ на палубѣ, высматривая, не замѣтитъ ли онъ какого движенія со стороны города. Ламме приблизился къ нему.

— Господинъ адмираль,—сказалъ онъ,—смѣетъ ли скромный корабельный кокъ высказать вамъ свое мнѣнiе?

— Говори, сынъ мой,—сказалъ адмираль.

— Ваша милость,—сказалъ Ламме,—вода таетъ въ кувшинахъ, птица стала нѣжнѣе, съ колбасъ сошелъ налетъ, коровье масло размякло, деревянное стало жидко, соль слезится. Дѣло къ дождю, и мы будемъ спасены, ваша милость.

— Кто ты такой?—спросилъ адмираль Ворстъ.

— Я Ламме Гоодзакъ, поваръ на „Бриели“,—отвѣтилъ онъ:—и если великіе ученые, объявляющіе себя астрономами, читаютъ въ звѣздахъ такъ же хорошо, какъ я въ монхъ соусахъ, то они могли бы намъ сказать, что въ эту

ночь будет оттепель съ бурей и градомъ. Но оттепель продлится недолго.

И Ламме вернулся къ Уленспигелю, которому онъ сказалъ около полудня:

— Я опять пророкъ: небо чернѣеть, вѣтеръ бунуетъ, льетъ теплый дождь: уже на четверть воды надъ льдомъ.

Вечеромъ онъ радостно кричалъ:

— Сѣверное море поднялось: часть прилива настала, высокія волны, войдя въ Зюдерзее, ломаютъ ледъ, который трескается и большими кусками падаетъ на корабль; искры брызжутъ отъ него; вотъ и градъ. Адмиралъ приказываетъ намъ отойти отъ Амстердама, а воды столько, что самый большой изъ нашихъ кораблей уже поплылъ. Вотъ мы у входа въ Энкрейзенъ. Снова замерзаетъ море. Я—пророкъ, и это чудо Господне.

И Уленспигель сказалъ:

— Выпьемъ въ честь Господа, благословляющаго насъ.

Прошла зима и наступило лѣто.

XIX

Въ половинѣ августа, когда куры, пресыщенные кормомъ, глухи къ призывамъ пѣтуха, трубищаго имъ о своей любви, Уленспигель говорилъ своимъ солдатамъ и морякамъ:

— Кровавый герцогъ, будучи въ Утрехтѣ, осмѣлился издать тамъ благодѣтельный указъ, милостиво общающій, среди прочихъ даровъ, голодъ, смерть, разореніе тѣмъ жителямъ Нидерландовъ, которые не хотятъ покориться. „Все, что еще держится, будетъ уничтожено,—говоритъ онъ,—и его королевское величество населитъ страну иностранцами“. Кусай, герцогъ, кусай! О напильникъ ломаются зубы ехидны: мы этотъ напильникъ. Да здравствуютъ гѣзы!

„Альба, ты пьянъ отъ крови! Неужто ты думаешь, что мы боимся твоихъ угрозъ или вѣримъ въ твоё милосердіе? Твои знаменитые полки, которымъ ты пѣлъ хвалы во всемъ мірѣ, твои „Непобѣдимые“, твои „Какіе есть“, твои „Безсмертные“ вотъ уже семь мѣсяцевъ бомбардируютъ Гаарлемъ, слабый городъ, защищаемый горожанами. Пришлось и имъ, какъ всѣмъ простымъ смертнымъ, поплясать въ воздухѣ при взрывахъ подкоповъ. Горожане облили ихъ смолой; они въ концѣ концовъ перешли къ побѣдоноснымъ убійствамъ безоружныхъ людей. Слышинь, палачъ, часъ Божій пробилъ!

„Гаарлемъ потерялъ своихъ лучшихъ защитниковъ, камни его слезятся кровью. Онъ потерялъ и истратилъ за время осады миліонъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ флориновъ.

Власть епископа возстановлена здѣсь. Радостной рукой и съ веселымъ лицомъ онъ благословляетъ церкви: донъ Фредерикъ присутствуетъ при этихъ благословеніяхъ. Епископъ моетъ ему руки, которыя красны въ глазахъ Господнихъ, и онъ принимаетъ причастіе подъ обоими видами, что не разрѣшено простому народу. И колокола звонятъ, и перезвонъ бросаетъ въ воздухъ свои спокойныя, пѣвучіе напѣвы, точно пѣніе ангеловъ на кладбищѣ. Око за око! Зубъ за зубъ! Да здравствуютъ гѣзы!“

XX.

Гѣзы были во Флиссингенѣ, гдѣ Неле вдругъ простудилась. Вынужденная покинуть корабль, она поселилась у реформата Петерса на Турвень-Кэ.

Уленспигель, очень удрученный, все-таки былъ доволенъ, думая о томъ, что въ постели, гдѣ она, конечно, выздоровѣетъ, испанскія пули не тронуть ея.

И онъ постоянно сидѣлъ подлѣ нея вмѣстѣ съ Ламме, ухаживая за ней хорошо и любя ее еще лучше. И они болтали.

— Другъ и товарищъ,—сказалъ однажды Уленспигель,— знаешь новость?

— Нѣтъ, сынъ мой,—отвѣтилъ Ламме.

— Видѣлъ корабль, который недавно присоединился къ нашему флоту, и знаешь, кто тамъ каждый день играетъ на лютнѣ?

— Вслѣдствіе недавнихъ холодовъ я глухъ на оба уха,—отвѣтилъ Ламме:—почему ты смѣешься, сынъ мой?

Но Уленспигель продолжалъ:

— Однажды я слышалъ отсюда фламандскую пѣсенку, и голосокъ показался мнѣ такимъ нѣжнымъ.

— Увы!—сказалъ Ламме,—она тоже пѣла и играла на лютнѣ.

— А знаешь другую новость?—продолжалъ Уленспигель.

— Ничего не знаю, сынъ мой,—отвѣчалъ Ламме.

— Мы получили приказъ подняться съ нашими кораблями по Шельдѣ до Антверпена и тамъ захватить или сжечь неприятельскія суда. Что до людей—безъ пощады. Что ты думаешь объ этомъ, толстячокъ?

— Увы,—сказалъ Ламме,—неужто никогда въ этой злощастной странѣ мы не услышимъ ничего, кромѣ разговоровъ о сожженіяхъ, повѣшеніяхъ, утопленіяхъ и прочихъ искорененіяхъ рода человѣческаго? Когда наконецъ придетъ возжеланный миръ чтобы можно было безъ помѣхи жарить

куронатовъ, тушить цыплятъ и слушать пѣніе колбасы среди лицъ въ печи. По мнѣ кровавая лучше; бѣлая слишкомъ жирна.

— Это сладостное время вернется,—отвѣтилъ Уленспигель,—когда на яблоняхъ, сливахъ и вишняхъ Фландріи вмѣсто яблокъ, сливъ и вишенъ будетъ на каждой вѣткѣ висѣть по испанцу.

— Ахъ,—говорилъ Ламме,—найти бы ужъ мнѣ мою жену, мою дорогую, милую, любимую, прелестную, кроткую, вѣрную жену. Ибо знай, сынъ мой, рогать я не былъ и вѣкогда не буду; для этого она была слишкомъ сдержанна и спокойна въ повадкѣ; она избѣгала общества другихъ мужчинъ; если она любила наряды, то это вѣдь женское естество. Я былъ ея поваромъ, стиркой, судомойкой, говорю это прямо, съ радостью былъ бы и дальше тѣмъ же. Но я былъ также ея супругомъ и повелителемъ.

— Оставимъ эти разговоры,—сказалъ Уленспигель:—слышишь, адмиралъ кричитъ: „Поднять якоря!“, и капитаны кричать за нимъ то же. Надо сниматься.

— Почему ты уходишь такъ скоро?—сказала Неле Уленспигелю.

— Идемъ на корабль,—отвѣтилъ онъ.

— Безъ меня?—сказала она.

— Да,—отвѣтилъ Уленспигель.

— А ты не думаешь, что теперь я буду очень беспокоиться о тебѣ?

— Милая,—сказалъ Уленспигель,—у меня шкура желѣзная.

— Ты смѣешься надо мной,—отвѣтила она:—я вижу на тебѣ твой камзолъ, онъ суконный, а не желѣзный; подъ нимъ твое тѣло, состоящее изъ костей и мяса, какъ и мое. Если тебя ранятъ, кто перевяжетъ тебя? Чтобы ты умеръ одинъ среди бойцовъ? Нѣтъ, я иду съ тобой.

— О,—сказалъ онъ,—если копья, пули, мечи, топоры, молотки, пощадивъ меня, обрушатся на твое нѣжное тѣло, что буду дѣлать я, негодный, въ этомъ мірѣ безъ тебя?

— Я хочу быть съ тобой, ничего нѣтъ опаснаго,—говорила Неле:—я спрячусь за деревяннымъ прикрытіемъ. гдѣ сидятъ стрѣлки.

— Если ты идешь, я остаюсь. И твоего любезнаго Уленспигеля назовутъ трусомъ и предателемъ; лучше послушай мою пѣсенку:

Моя шерсть изъ желѣза. Шлемъ и панцырь мои
Мнѣ силы природы сковали,
Моя первая шкура—кожа молъ,
Вторая шкура изъ стали.

И напрасно манила въ силки меня смерть:
Ея когти меня не поймали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали.

Слово „Жить“ я выбралъ девизомъ моимъ,
Пусть сгинуть тьма и печали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали.

И, напѣвая, онъ убѣждалъ, не забывъ однако поцѣловать трепещущія губы и милые глазки Неле, которая дрожала отъ лихорадки, смѣялась, плакала, все вмѣстѣ.

Гѣзы въ Антверпенѣ; они захватили всѣ суда Альбы вплоть до стоявшихъ въ порту. Войдя въ городъ среди бѣла дня, они освобождаютъ заключенныхъ и забираютъ другихъ, чтобы получить съ нихъ выкупъ. Они хватаютъ горожанъ и безъ разговоровъ, подъ страхомъ смертной казни, принуждаютъ нѣкоторыхъ слѣдовать за ними.

— Сынъ адмирала задержанъ у каноника,—сказалъ Уленспигель Ламме:—надо освободить его.

Войдя въ домъ каноника, они нашли здѣсь этого сына, разыскиваемого ими, въ обществѣ толстопузаго монаха, который просто увѣщевалъ его, стараясь возвратитъ въ лоно матери нашей, святой римско-католической церкви. Но молодой человѣкъ никакъ не хотѣлъ и ушелъ вмѣстѣ съ Уленспигелемъ. Тѣмъ временемъ Ламме, схвативъ монаха за капюшонъ, гналъ его передъ собой по улицамъ Антверпена, приговаривая:

— Сто флориновъ—вотъ цѣна за твой выкупъ. Собирай пожитки и—маршъ впередъ. Живѣй, живѣй! Что у тебя, свинецъ, что ли, въ сандаляхъ? Впередъ, кусокъ сала, мѣшокъ жратвы, суповое брюхо, впередъ!

— Я жъ иду, господи гѣзъ, я иду, но, съ разрѣшенія вашего почтеннаго аркебуза, позвольте сказать: вы же такой же толстый, грузный, пузатый человѣкъ, какъ и я.

— Что?—закричалъ Ламме, толкая его:—какъ ты смѣешь, гнусная монашеская образина, сравнивать твой тунеядскій, лѣнтяйскій, бесполезный монастырскій жиръ съ жиромъ фламандца, честно накопленнымъ въ трудахъ, испытаніяхъ и сраженіяхъ! Бѣги, или я тебя пришпору носкомъ, какъ собаку.

Но монахъ не могъ бѣжать и задыхался, да и Ламме тоже. И такъ они добрались до корабля.

XXI.

Взявъ Раммекенсъ, Гертруйденбургъ, Алькмаръ, гёзы возвратились во Флиссингенъ. Выздоровившая Неле ожидала Уленспигеля въ порту.

— Тиль,—говорила она, увидѣвъ его:—Тиль, дорогой мой, ты не раненъ?

Въ отвѣтъ Уленспигель запѣлъ:

Слово „Жить“ я выбралъ девизомъ моимъ.
Пусть сгинуть тоска и печали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали...

— Охъ,—стоналъ Ламме, волоча ногу,—пули, гранаты, цѣнные ядра дождемъ сыплются вокругъ него, а онъ чувствуетъ только вѣтеръ. Ты, видно, духъ, Уленспигель; и ты, Неле, тоже, ибо, какъ на васъ помотришь, вы всегда такіе юные и легкіе.

— Почему ты волочишь ногу?—спросила Неле.

— А потому, что я не духъ и никогда не буду духомъ,—вотъ и получилъ топоромъ въ бедро... ахъ, какія бѣлыя и полныя бедра были у моей жены!—смотри, кровь льется. Охъ, горе! Почему некому здѣсь ухаживать за мной!

— На что тебѣ жена, изменившая обѣту?—сказала, разсердившись, Неле.

— Не говори дурно о ней,—отвѣтилъ Ламме.

— На вотъ тебѣ бальзамъ,—сказала Неле:—я берегла его для Уленспигеля: приложи къ ранѣ.

Перевязавъ свою рану, Ламме повеселѣлъ, такъ какъ отъ бальзама исчезла мучительная боль; и они поднялись втроемъ на корабль.

— Кто это такой?—спросила Неле, увидѣвъ монаха, ходившаго по палубѣ со связанными руками:—я его гдѣ-то видѣла и какъ будто узнаю.

— Его цѣна—сто флориновъ выкупа,—отвѣтилъ Ламме.

XXII.

Въ этотъ день флотъ пировалъ. Несмотря на рѣзкій декабрьскій вѣтеръ, несмотря на снѣгъ и дождь, всѣ гёзы флота были на палубѣ кораблей. Серебряные полумѣсяцы тускло свѣтились на зеландскихъ шляпахъ. И Уленспигель пѣлъ:

Лейденъ отбитъ. Изгнанъ герцогъ кровавый.
Радостно пой, перезвонъ величавый.
Весело лейся въ бокалы, вино.

Убѣжалъ отъ колотушекъ
Страшный пещь, поджавши хвостъ.
Обернувшись, онъ сердито
Взглядъ бросаетъ на дубинку,
Отъ которой претерпѣлъ.
И отъ страха и отъ злобы
Мрачно щелкаетъ зубами.
Ахъ, хотѣлось бы куснуть!
Но, проученный дубиной,
Опустилъ онъ злую морду.
Вспомнивая о быломъ,
О набѣгахъ и о жратвѣ,
Убѣжалъ кровавый Альба.
Слава гѣзамъ! Пей вино!

„За часъ единый ушедшей силы
Возьми мою собачью душу“, —
Кричитъ онъ чорту. — „На кой мѣ прахъ
Душа собачья? — чортъ отвѣчаетъ: —
Твоя душонка — душа селедки:
Корыти вѣтъ въ поживѣ этой“.
И зубы щелкаютъ бессильно,
Не справиться имъ съ твердой костью.
Бѣжалъ, бѣжалъ кровавый герцогъ.

И паршивые щенята,
Косолапые, кривые,
Что привыкли на навозныхъ
Кучахъ жить и издыхать,
Другъ за другомъ поднимаютъ
Смѣло лапу на того,
Кто любилъ одно убійство:
Убивалъ, чтобъ убивать.
Не любилъ онъ ни друзей,
Ни веселья, ни любовницъ,
Ни жены, ни свѣта солнца,
Ни владыки своего:
Только смерть, свою невѣсту.
И она для обрученья
Перебила ему лапы:
Ея несносенъ не-калѣка.
Бей, веселый барабанъ.
А паршивыя дворняги,
Кривоногія и злыя,
Поднимаютъ снова лапы,
Съ ними гончія овчарки,
Псы изъ Венгрии, Брабанта,
Изъ Намюра, Люксембурга.
И избитый, удрученный, —
Морда вся въ кровавой пѣнѣ, —
Мрачно къ своему владыкѣ
Поплелся онъ издыхать.
Тотъ его пинками встрѣтилъ,
Что кусалъ онъ слишкомъ мало.
Онъ въ аду вѣнчался съ Смертью.
„Герцогъ мой“, его любовно

Кличеть смерть; онъ отвѣчаетъ:
„Инквизиція моя!“

Громче звените, бутылки и рюмки,
Весело лейся въ бокалы, вино.
Колоколовъ перезвонъ величавый,
Радостно пой:—„Да здравствуетъ гѣзы“.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Монахъ, взятый Ламме, увидѣвъ, что гѣзы совсѣмъ не собираются его убивать, а только хотятъ получить выкупъ, началъ задирать на корабль носъ.

— Смотри, пожалуйста, — говорилъ онъ, расхаживая и яростно мотая головой: — смотри, въ какую бездну подлихъ, черныхъ, поганыхъ гнусностей попалъ я, ступивъ ногой на эту лохань. Если бы я не былъ помазанникъ Божій...

— Божій ли? — спрашивали гѣзы.

— Собаки богохульные! — отвѣчалъ монахъ, продолжая свои разглагольствованія: — да, паршивыя, бродячія, вонючія, дохлыя собаки, сбѣжавшія съ тучнаго пути нашей матери святой римско-католической церкви, чтобы побѣжать по тощимъ тропинкамъ вашей нищенской реформатской церкви. Да, если бы я не сидѣлъ здѣсь, на этой деревянкѣ, въ этомъ корытѣ, Господь давнымъ-давно бы уже поглотилъ въ глубочайшихъ безднахъ морскихъ вмѣстѣ съ вами все ваше проклятое вооруженіе, ваши чортовы пушки, вашего горлодѣра-капитана, ваши богохульные полумѣсяцы, — да! — все это было бы въ глубинахъ глубины царства Сатаны, гдѣ вы не будете горѣть въ огнѣ, о, нѣтъ, — а мерзнуть, дрожать, издыхать отъ холода въ теченіе всей долгой, долгой вѣчности. Да! И Господь съ небесъ угаситъ вашу безбожную ненависть къ кротчайшей матери нашей римско-католической церкви, къ святымъ угодникамъ, къ ихъ преосвященствамъ господамъ епископамъ и къ благословеннымъ указамъ, столь мягкосердечно и здравомысленно составленнымъ. Да, и я съ высоты рай увидѣлъ бы васъ замерзшихъ, синихъ, какъ свекла, или бѣлыхъ отъ холода, какъ рѣна. 'T sy! 't sy! 't sy! Такъ да будетъ, да будетъ, да будетъ!

Матросы, солдаты и юнги издѣвались надъ нимъ и стрѣляли въ него сухимъ горохомъ изъ трубочекъ. И онъ закрывать лицо руками отъ этой пальбы.

II.

По отъѣздѣ кроваваго герцога страной правили господа Медина-Цели и Реквезенсъ, уже съ меньшей жестокостью. Затѣмъ во главѣ страны отъ имени короля стали Генеральныя Штаты.

Тѣмъ временемъ жители Зеландіи и Голландіи, благопріятствуемые моремъ и плотинами, ихъ природными крѣпостями и окопами, воздвигли Богу свободныхъ людей свободные храмы; и папистскіе палачи могли невозбранно пѣть рядомъ съ ними свои гимны; и Молчаливый Вильгельмъ Оранскій воздержался отъ основанія штатгалтерской и королевской династіи.

Страна бельгійская была разгромлена валлонами, недовольными гентской „пацификаціей“, которая, предполагалось, должна была искоренить всякую вражду. И эти валлоны Pater-noster-knechten, съ черными четками на шеѣ, которыхъ двѣ тысячи связокъ было потомъ найдено въ Геннегау, грабили, захватывали быковъ и лошадей тысячами разомъ, выбирая лучшихъ въ поляхъ и лугахъ, уводили женщинъ и дѣвушекъ, ѣли, не платя, сжигали въ амбарахъ крестьянъ, которые ходили вооруженными, ссылаясь на то, что не позволять отнимать у нихъ плоды ихъ тяжелыхъ трудовъ.

И въ народѣ говорили: „Донъ-Хуанъ явится со своими испанцами, и его высочество придетъ со своими французами, не съ гугенотами, а съ папистами. И Молчаливый, желая мирно править Голландіей, Зеландіей, Гельдерномъ, Утрехтомъ, Оверисселемъ, тайнымъ договоромъ уступилъ бельгійскія области, съ тѣмъ, что королемъ ихъ будетъ принцъ Анжуйскій“.

Кой-кто въ народѣ не терялъ надежды: „Господа изъ Генеральныхъ Штатовъ,—говорили эти,—имѣютъ въ своемъ распоряженіи двадцать тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, множество пушекъ и хорошую конницу. Они справятся со всѣми иноземными солдатами“.

Но болѣе осмотрительные возражали: „Генеральныя Штаты имѣютъ двадцать тысячъ человѣкъ, но не въ полѣ, а на бумагѣ. Конницы у нихъ мало, такъ что Pater-noster-knechten всего въ милѣ отъ ихъ лагерей захватываютъ ихъ лошадей. Артиллерию у нихъ совсѣмъ нѣтъ, ибо, нуждаясь въ ней у насъ, они все-таки рѣшили отправить сто пушекъ съ порохомъ и снарядами дону Себастьяну Португальскому. И неизвѣстно, куда дѣлсъ два милліона экю, которые мы заплатили въ четыре срока въ видѣ налоговъ и контрибуцій. Гра-

ждане Гента и Брюсселя вооружаются, Гентъ за реформацію, и Брюссель за Гентомъ. Въ Брюсселѣ женщины играютъ на бубнѣ, въ то время какъ ихъ мужья строятъ городскія укрѣпленія. И Гентъ Отважный посылаетъ Брюсселю Радостному порохъ и пушки, которыхъ маловато у Брюсселя для защиты отъ „Недовольныхъ“ и испанцевъ“.

И всякій, въ городахъ и „на равнинѣ“, in 't plat landt, видитъ, что не слѣдуетъ вѣрить ни въ важныхъ господъ ни въ кого иного. И мы, горожане, и простонародье удручены въ сердцахъ нашемъ, ибо, отдавая наши деньги и готовые отдать нашу кровь, мы видимъ, что благоденствіе родины все такъ же далеко. И страна бельгійская робка и раздражена, не находя вѣрныхъ вождей, которые дали бы ей возможность сразиться и одержать побѣду, между тѣмъ какъ всѣ напряженно готовы бороться съ врагомъ свободы.

А болѣе осмотрительные говорили: „Въ гентской „нацификаціи“ дворяне голландскіе и бельгійскіе поклялись искоренить вражду, оказывать взаимную поддержку областямъ бельгійскимъ и областямъ нидерландскимъ; они провозгласили недействительность указовъ, отмены конфискацій, миръ между обѣими религіями; они обѣщали уничтожить всѣ колонны, трофеи, надписи и статуи, воздвигнутыя Альбою для нашего униженія. Но въ сердцахъ вождей жива вражда; дворянство и духовенство стараются разъединить владѣнія, слившіяся въ Союзъ. Получая деньги на уплату солдатамъ, они тратятъ ихъ на обжорство; пятнадцать тысячъ процессовъ о возвращеніи конфискованныхъ имуществъ не получаютъ разрѣшенія; лютеране и католики соединяются противъ кальвинистовъ; законные наследники не могутъ добиться того, чтобы изъ ихъ владѣній были изгнаны грабители; статуя герцога повергнута на землю, по образъ инквизиціи нерушимъ въ ихъ сердцахъ“.

И несчастное простонародье и измученные горожане все пребывали въ ожиданіи отважнаго и вѣрнаго вождя, который повелъ бы ихъ въ бой за свободу.

И они говорили другъ другу: „Гдѣ же это достославные участники компромисса, объединившіеся, — такъ говорили они, — ради блага отечества? Чего ради эти лицемѣры заключали столь „священный союзъ“, если тотчасъ же понадобилось порвать его? Зачѣмъ было соединяться съ такимъ шумомъ, возбуждать гнѣвъ короля, чтобы затѣмъ распахаться съ кличкой трусовъ и предателей? Будь они въ братскомъ союзѣ, эти господа, — ихъ вѣдь было пятьсотъ человѣкъ, знатныхъ и мелкопомѣстныхъ, — навѣрное спасли бы насъ отъ испанскихъ неистовствъ. Но они пожертвовали благомъ

Бельгін своему личному благу: такъ, какъ сдѣлали Этмонтъ и Горизъ“.

„О, горе,—говорили они:—смотрите, вотъ теперь явился донъ-Хуанъ, честолюбивый красавецъ, врагъ Филиппа, но еще болѣе врагъ своей родины. Онъ явился ради паны и ради себя. Дворянство и духовенство предали насъ“.

И они затѣваютъ видимость войны. На стѣнахъ домовъ вдоль улицъ и переулковъ Гента и Брюсселя, а то и на мачтахъ гѣзовскихъ кораблей выставлены имена измѣнниковъ, военачальниковъ и комендантовъ крѣпостей: имя графа Лидекерке, который не оборонялъ своего замка отъ донъ-Хуана; профоса Льежа, который собирался продать городъ донъ-Хуану; господь Арсхота, Мансфельда, Берлемона, Рассангiena; имена членовъ Государственного Совѣта, Жоржа де-Лалана, губернатора Фрисландіи, главнокомандующаго господина де-Росиньоля, клеветы донъ-Хуана, посредника въ дѣлѣ убійства между Филиппомъ и Жорегіи, неумѣлымъ исполнителемъ покушенія на принца Оранскаго; имя архіепископа города Камбра, который чуть не впустилъ испанцевъ въ городъ; имена іезуитовъ антверпенскихъ, предложившихъ три бочки золота,—это составляетъ два милліона флориновъ,—Генеральнымъ Штатамъ за то, чтобы крѣпость не была разрушена и сохранена для донъ-Хуана; имя епископа Льежскаго; имена католическихъ проповѣдниковъ, клеветавшихъ на патриотовъ; епископа Утрехтскаго, котораго горожане послали подальше пастись травой предательства; названія нищенскихъ орденовъ, строившихъ въ Гентѣ козны для выгоды донъ-Хуана. Жители Герцогенбуша прибили къ позорному столбу имя кармелитскаго монаха Петра, который, при содѣйствіи ихъ епископа и его духовенства, замыслилъ предать городъ донъ-Хуану.

Въ Дуэ они, правда, не повѣсили *in effigie* ректора университета, равнымъ образомъ обѣспаненнаго; но на корабляхъ гѣзовъ можно было видѣть повѣшенныя куклы, на груди которыхъ значились имена монаховъ, аббатовъ, прелатовъ, тысячи восьмисотъ богатыхъ женщинъ и дѣвушекъ изъ Малинскаго монастыря, которыя своими пожертвованіями поддерживали, золотили, наряжали палачей родины.

И на этихъ куклахъ, позорищѣ предателей, значились имена маркиза д'Арро, коменданта крѣпости Филиппвилля, бессмысленно расточавшаго съѣстные и военные припасы, чтобы, подъ предлогомъ недостатка ихъ, сдать крѣпость неприятелю; имя Бельвера, который сдать Лимбургъ, когда городъ могъ еще держаться восемь мѣсяцовъ; имена предсѣда-

тели суда Фландрин, членовъ магистрата Брюгге, магистрата Малина, сохранившаго свой городъ для донъ-Хуана, членовъ Гельдериской счетной палаты, закрытой за измѣну, членовъ Брабантскаго суда, канцелярн герцогскаго тайнаго и финансоваго совѣта, коменданта и бургомистра Мензана и злоумышленныхъ сосѣдей провинціи Артуа, позволившихъ безпрепятственно пройти двумъ тысячамъ французовъ, которые шли грабить страну.

— Увы,—говорили горожане:—вотъ герцогъ Анжуйскій заѣдетъ въ нашей странѣ. Хочетъ быть нашимъ королемъ. Видѣли вы, какъ онъ вступалъ въ Мопсъ? Маленькій, толстобедрый, длинноносый, желтолицый, криворотый. Это важный принцъ, возлюбившій необычайные виды любви; чтобы соединить въ его имени нѣжную женственность и мужскую мощь, его называютъ *ея* высокое высочество господинъ герцогъ Анжуйскій.

Улещигель былъ въ задумчивомъ настроеніи. И онъ пѣлъ:

Небо ясно, небо лазурно.
 Покройте крепомъ знамена,
 Покройте крепомъ эфесы шпагъ;
 Уберите драгоценности,
 Поверните къ стѣнѣ зеркала.
 Я пою пѣсню о смерти, пѣснь о предателяхъ.

Они наступили ногой на чрево
 И на грудь гордымъ областямъ —
 Брабанту, Фландрин, Геннегау,
 Антверпену, Артуа и Люксембургу.
 Предатели, дворянство и духовенство,
 Соблазнились блескомъ наживы,
 Я пою пѣснь о предателяхъ.

Когда повсюду грабить врагъ,
 Когда испанцы вступаютъ въ Антверпенъ,
 Аббаты, прелаты, офицеры
 Покидаютъ городъ,
 Въ шелкахъ и золотѣ прохода по его улицамъ.
 Ихъ лица покраснѣли отъ добраго вина,
 Обличая также ихъ подлость.

И по ихъ винѣ инквизиція
 Восприняетъ для новаго торжества.
 И новые Тительмансы станутъ
 Бросать въ темницу
 Глухонемыхъ за ересь.
 Я пою пѣснь о предателяхъ.

Подписавшіе компромиссъ,
 Трусливые его участники,
 Да будутъ прокляты ваши имена!

Гдѣ вы въ часъ войны?
Какъ воронье, крадетесь вы
По слѣдамъ испанцевъ.
Вей, барабанъ погребальный!

Страна бельгійская!
Грядущее осудить тебя:
Съ головы до ногъ вооруженная,
Ты позволила разграбить себя.
Грядущее, не торопись!
Смотри, какъ поглощены дѣлами предатели:
Вотъ ихъ было двадцать, вотъ ихъ тысяча;
Они заняли всѣ должности,
И большіе устраиваютъ малыхъ.

Всякое сопротивленіе
Замыслили они сковать
Посредствомъ раздѣленія и лѣни:
Это девизы ихъ предательства.
Покройте крепомъ зеркала и эфесы шпагъ.
Это пѣснь о предателяхъ.

Они объявили мятежниками
Испанцевъ и недовольныхъ;
Они не позволяютъ помогать имъ
Хлѣбомъ и приютомъ, порохомъ или свинцомъ.
Но, когда враговъ ловятъ
И хотять повѣсить,—
Они ихъ тутъ же отпускаютъ.

„Не сдаваться!“—говорятъ брюссельцы.
„Не сдаваться!“—вторятъ гентцы
И весь народъ бельгійскій.
Несчастные! Васъ хотять раздавить
Между королемъ и папой,
Который двинулъ на Фландрію крестовый походъ.

Они пришли, наемники, пропахшіе кровью:
Стая собакъ, змѣй и гienъ.
Они проголодались, они хотять пить.
Бѣдная страна отцовъ,
Созрѣвшая для смерти и разгрома!
Не думай, что это донъ-Хуанъ
Все подготовилъ для Фарнезе, возлюбленнаго папы:
Это тѣ, кого ты осыпала золотомъ и наградами,
Тѣ, кто исповѣдывалъ твоихъ женъ,
Твоихъ дочерей, твоихъ дѣтей.

Они повергли тебя на землю,
А испанецъ приставилъ тебѣ ножъ къ горлу.
Они издѣвались надъ тобой,
Празднуя въ Брюсселѣ
Прѣбытіе принца Оранскаго.

Когда на каналъ весело взрывались
 Потѣшные огни
 И корабли красовались,
 Торжественно разубранные коврами,—
 Это разыгрывалась, о, страна бельгійская,
 Исторія Іосифа, проданнаго братьями..*

III.

Видя, что ему не мѣшаютъ болтать, монахъ сталъ зади-
 рать на корабль носъ. И матросы съ солдатами, чтобы под-
 стрекнуть его къ разглагольствованіямъ, начинали хулить ка-
 толическихъ святыхъ и обряды римской церкви.

Онъ приходилъ въ ярость и изрыгалъ на нихъ бездну ругательствъ.

— Да,—кричалъ онъ:—да, вотъ я въ гѣскомъ вертепѣ!
 Да, вотъ гдѣ они, эти проклятые вампиры нашей страны!
 Да. И по лѣ этого смѣютъ еще говорить, что инквизиторъ,
 святой мужъ, жегъ ихъ слишкомъ много! Нѣтъ, не мало еще
 осталось этихъ поганыхъ червей. Да, на этихъ прекрасныхъ
 и смѣлыхъ корабляхъ нашего короля и государя, прежде та-
 кихъ чистыхъ, такихъ вылощенныхъ, теперь сплошь черво-
 точина, да, гѣская, смердящая червоточина. Да, все это гриз-
 ная, вонючая, смердящая червоточина,—и вашъ гордодеръ-
 капитанъ, и поваръ съ его богохульнымъ пузомъ, и вы все
 съ вашими еретическими полумѣсяцами. Когда его величе-
 ство король задастъ артиллерійскую мойку своимъ судамъ,
 то по малой мѣрѣ тысячь на сто флориновъ придется истра-
 тить пороха и идерь, чтобы разметать эту грязную, смердя-
 щую заразу. Да, все вы рождены на ложь госпожи Люци-
 феръ, осужденной на сожительство съ Сатаной среди черви-
 выхъ стѣнъ, подъ червивыми завѣсами, на червивой под-
 стлѣнкѣ. Да, и вотъ здѣсь-то, въ этомъ смрадномъ соединеніи
 они и произвели на свѣтъ гѣзовъ. Да! И я плюю на васъ.

Выслушавъ эти рѣчи, гѣзы сказали ему:

— Чего мы держимъ здѣсь этого бездѣльника, который
 умѣетъ только изрыгать ругательства? Повѣсимъ его лучше.

И они приступили къ дѣлу.

Монахъ, увидѣвъ, что веревка готова, лѣстница стоитъ у
 мачты и ему связываютъ руки, жалобно взмолился:

— Помилуйте меня, господа гѣзы; это бѣсъ ярости гово-
 рилъ въ моемъ сердцѣ, а не вашъ покорный узникъ, бѣдный
 монахъ, имѣющій одну лишь шею на этомъ свѣтѣ. Милости-
 вые господа, скажитесь и пощадите! Если ужъ вамъ угодно,
 заткните мнѣ ротъ кляпомъ; это не вкусная закуска, но все
 же лучше, чѣмъ висѣлица.

Они, не слушая его и не смотря на его неистовое сопротивление, потащили его къ лестницѣ. Тогда онъ завизжалъ такъ пронзительно, что Ламме сказалъ Уленспигелю, который перевязывалъ ему рану въ кухнѣ:

— Сынъ мой, сынъ мой! Они утащили свинью изъ хлѣва и удирають съ нею. О, разбойники, если бы я могъ встать съ постели!..

Уленспигель поднялся на палубу, но увидѣлъ здѣсь только монаха, который, замѣтивъ его, бросился на колѣни, протягивая къ нему руки.

— Господинъ капитанъ.—кричалъ онъ:—капитанъ доблестныхъ гёзовъ, грозный на морѣ и сушѣ, ваши солдаты хотятъ меня вздернуть за то, что я согрѣшилъ языкомъ; это несправедливая кара, господинъ капитанъ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы надѣть пенъковый воротникъ на всѣхъ адвокатовъ, прокуроровъ, проповѣдниковъ и женщинъ — и мёръ бы совсѣмъ обезлюдѣлъ. Ваша милость, спасите меня отъ веревки, я буду молиться за васъ Господу, и вѣчное осужденіе не постигнетъ васъ. Простите меня! Демонъ злорѣчія увлекъ меня и принудилъ говорить безъ конца; это великое горе. Моя бѣдная желчь омрачилась и подстрекнула наговорить тысячу вещей, которыхъ я совсѣмъ не думаю. Пощадите, господинъ капитанъ, и вы всѣ, господа, просите за меня.

Вдругъ на палубѣ появился въ одномъ бѣльѣ Ламме.

— Капитанъ и друзья,—сказалъ онъ:—стало-быть, это визжала не свинья, а монахъ, чему я очень радъ. Уленспигель, сынъ мой, у меня имѣется насчетъ его благословенія одинъ важный замыселъ. Подари ему жизнь, но не оставляй его на свободѣ, не то онъ выкинетъ на кораблѣ какую-нибудь скверную штуку. Лучше устрой ему на палубѣ клѣтку, тѣсную, но чтобъ въ ней можно было дышать, сидѣть, спать, какъ дѣлають для калуновъ. Я буду его откармливать—и если онъ не будетъ ѣсть столько, сколько я захочу, тогда—на висѣлицу.

— Если онъ не будетъ ѣсть—на висѣлицу,—сказали Уленспигель и гёзы.

— Что же ты собираешься сдѣлать со мной, толстякъ?—спросилъ монахъ.

— Увидишь,—отвѣтилъ Ламме.

И Уленспигель исполнилъ желаніе Ламме, и монахъ былъ посаженъ въ клѣтку, въ которой каждый могъ смотрѣть на него сколько угодно.

Ламме отправился въ кухню; спустившись за нимъ, Уленспигель услышалъ его споръ съ Неле.

— Я не лягу,—говорилъ онъ:—нѣтъ, я не лягу, чтобы

другіе тамъ хозяйничали въ моихъ соусахъ. Нѣтъ, я по стану лежать въ постели, какъ теленокъ.

— Не сердись, Ламме, — уговаривала его Неле, — не твоя рана опять откроется, и ты умрешь.

— Ну, и пусть умру, — отвѣчалъ онъ: — мнѣ надоѣло жить безъ моей жены. Мало мнѣ того, что я ее потерялъ, такъ ты еще мѣшаешь мнѣ, корабельному повару, лично заботиться о супахъ. Или ты не знаешь, что самый запахъ соусовъ и жаркихъ пропитанъ здоровьемъ? Они питаютъ даже мой духъ и охраняютъ меня отъ несчастія.

— Ламме, — сказала Неле, — надо слушаться нашихъ совѣтовъ и не мѣшать намъ вылѣчить тебя.

— Я самъ хочу, чтобы вы меня вылѣчили, — отвѣчалъ Ламме, — но чтобы кто-нибудь сталъ здѣсь хозяйничать, чтобы какой-нибудь невѣжественный бездѣльникъ, смрадный, грязный, сопливый, паршивый, явился здѣсь царить на моемъ престолѣ въ санѣ корабельнаго повара и сталъ запускать свои поганые пальцы въ мои соусы, — да я лучше убью его тутъ же моей деревянной шумовкой, которая для этого станетъ желѣзной.

— Во всякомъ случаѣ тебѣ нуженъ помощникъ, — сказалъ Уленспигель: — ты вѣдь боленъ...

— Мнѣ помощникъ! — закричалъ Ламме: — мнѣ нуженъ помощникъ? Ну, не набить ли ты биткомъ неблагодарностью, какъ колбаса — рубленнымъ мясомъ? Помощникъ!.. И это говоришь своему другу ты, сынъ мой, котораго я такъ долго и такъ сытно кормилъ. Теперь откроется моя рана! Нехорошій другъ! Кто же здѣсь будетъ готовить такую ѣду, какъ я? Что же вы станете оба дѣлать, если я не буду подносить тебѣ, господинъ капитанъ, и тебѣ, Неле, лакомыхъ кусочковъ?

— Управимся сами въ кухнѣ, — сказалъ Уленспигель.

— Въ кухнѣ? — вскричалъ Ламме: — ты можешь ѣсть, пить, нюхать то, что въ ней приготовлено, но управиться въ ней — нѣтъ. Несчастный мой другъ и господинъ капитанъ, да вѣдь я, съ твоего позволенія, изрѣжу на полоски кожаную сумку, зажарю и подамъ тебѣ, и ты это съѣшь, думая, что это жестковатая кишка. Ужь позволь мнѣ, сынъ мой, остаться теперь поваромъ, — не то я высохну, какъ тычина.

— Ну, оставайся поваромъ, — сказалъ Уленспигель: — если ты не выздоровѣешь, я запру кухню, и мы будемъ питаться сухарями.

— Ахъ, сынъ мой, — говорилъ Ламме, плача отъ радости, — ты добръ, какъ Божья Матерь.

IV.

Такъ или иначе, онъ какъ будто выздоровѣлъ.

Каждую субботу гѣзы видѣли, какъ онъ длиннымъ ремнемъ измѣряетъ толщину монаха.

Въ первую субботу онъ сказалъ:

— Четыре фута.

И, измѣривъ себя, прибавилъ:

— Четыре съ половиной.

И имѣлъ при этомъ мрачный видъ

Но, измѣривъ монаха въ восьмую субботу, онъ возликовалъ и сказалъ:

— Четыре и три четверти.

И, когда онъ мѣрилъ монаха, тотъ съ яростью спросилъ его:

— Чего тебѣ отъ меня надо, толстопузый?

Но Ламме, не говоря ни слова, высунулъ въ отвѣтъ языкъ.

И по семь разъ въ день видѣли матросы и солдаты, какъ онъ подходитъ съ какимъ-нибудь новымъ блюдомъ къ монаху и говорить:

— Вотъ тертые бобы на фландрскомъ маслѣ. Ълъ ты что-нибудь подобное въ твоёмъ монастырѣ? Рожа у тебя почтенная, у насъ на кораблѣ не худѣютъ. Чувствуешь, какія подушки сала выросли на твоей спинѣ? Скоро тебѣ не нужно будетъ никакихъ тюфяковъ.

При второй кормежкѣ онъ говорилъ монаху:

— Ну, вотъ тебѣ коеке-bakken, ушки на манеръ брюссельскихъ; французы ихъ называютъ сгѣрес, потому что носятъ ихъ на шляпахъ въ знакъ траура. А эти не черныя, а свѣтлыя и въ печи подрумянились; видишь, какъ капаетъ съ нихъ масло? Такъ будетъ и съ твоимъ пузомъ.

— Я не голоденъ,—сказалъ монахъ.

— А съѣсть придется,—отвѣтилъ Ламме:—подумай, въдь это не ржаные, это ушки крушчатые, изъ чистой пшенички, отецъ мой, отецъ во толстопузи, это цвѣтъ пшеничный, отецъ мой о четырехъ подбородочкахъ: вижу, вижу, растеть у тебя пятый, и радуется сердце мое. Ъшь!

— Оставь меня въ покоѣ, толстобрюхий,—сказалъ монахъ.

— Я господинъ надъ твоей жизнью!—закричалъ, вскипѣвъ. Ламме:—что жъ, ты предпочитаешь веревку мискѣ тертаго гороха съ сухариками, которую я тебѣ сейчасъ поднесу?

И, явившись съ миской, онъ говорилъ:

— Третый горохъ любитъ доброе сосѣдство; поэтому я прибавилъ къ нему нѣмецкихъ knoedels, это такіе вкусныя мучныя катышки; ихъ живьемъ бросаютъ въ кипятокъ и такъ

варять; они тяжелы для желудка, но отъ нихъ жирѣютъ. Съѣшь, сколько можешь; чѣмъ больше съѣшь, тѣмъ довольнѣе буду я. Не строй изъ себя прсыщеннаго, не отдувайся, какъ будто объѣлся, ѣшь. Лучше же поѣсть, чѣмъ быть по-вѣшеннымъ. Покажи-ка твою ляжку. Растеть здорово; два фута семь дюймовъ въ обхватъ. Какой скорокъ можетъ похвастать такой толщиной?

Черезъ часъ онъ опять возвращался къ монаху.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—вотъ девять голубей. Для тебя зарѣзали этихъ невинныхъ птичекъ, которыя довѣрчиво летали надъ кораблями. Не пренебрегай ими, я имъ въ нутро положилъ кусочекъ масла, хлѣбнаго мякиша, тертаго муската, гвоздичекъ, истолченныхъ въ мѣдной ступкѣ, блестящей, какъ твоя кожа: само солнышко радуется, что можетъ отразиться въ такомъ свѣтломъ зеркалѣ, какъ твоя рожа, потому что она жирная, а добрый жиръ этотъ отъ монахъ заботъ.

На питуую кормежку онъ принесъ ему waterzoeu.

— Чтѣ скажешь ты объ этомъ рыбномъ блюдѣ?—началь онъ.—Море несетъ тебя и тебя кормитъ: больше оно не въ силахъ сдѣлать даже для его королевскаго величества. Да, да, вижу, у тебя явно растеть пятый подбородокъ, слѣва немножко виднѣе, чѣмъ справа. Надо будетъ немножко подкормить этотъ обиженный бочокъ, ибо Господь заповѣдаетъ намъ: „Будьте справедливы ко всякому“. Гдѣ же будетъ справедливость, если не въ равномерномъ распредѣленіи сала? На шестую кормежку я принесу тебѣ слизняковъ, этихъ устрицъ бѣдноты: такихъ не подавали въ твоемъ монастырѣ; невѣжды кипятятъ ихъ въ водѣ и ѣдятъ въ такомъ видѣ. Но это только предвареніе жаренья: надо затѣмъ снять съ нихъ ракушки, сложить ихъ нѣжныя тѣльца въ кастрюльку и потихонечку тушить ихъ съ сельдереемъ, мускатомъ, гвоздикой, а подливу къ нимъ заправить пивомъ и мукой и подавать къ жаркому. Я ихъ такъ и приготовилъ для тебя. За что обязаны дѣти отцамъ и матерямъ столь великой благодарностью? За отчий кровъ и ласку ихъ, но прежде всего за пропитаніе. И ты, стало-быть, долженъ любить меня, какъ отца и мать родныхъ, и, какъ имъ, ты обязанъ мнѣ признательностью твоей пасти. Да не верти ты такъ дико глазами противъ меня! Сейчасъ принесу тебѣ сладкой похлебочки изъ пива съ мукой, съ сахаромъ, съ корицей. Знаешь, для чего? Для того, чтобы твой жиръ сталъ прозраченъ и трепеталъ у тебя подъ кожей: онъ ужъ и теперь виденъ, когда ты волнуешься. Но вотъ звонитъ вечерній колоколъ. Спи спокойно, не заботись о завтрашнемъ днѣ, въ твердой увѣренности, что завтра ты

вновь обрѣтешь смачную ѣду и твоего друга Ламме, который се для тебя приготовить.

— Уходи и дай мнѣ помолиться Богу,—сказалъ монахъ.

— Молись,—отвѣчалъ Ламме,—молись подъ веселую музыку храни: отъ сна и пива нагуляешь еще добраго жирка. Я доволенъ.

И Ламме собрался спать.

— Чего ради,—спрашивали его солдаты и матросы,—ты откармливаешь этого монаха, который тебя терпѣть не можетъ?

— Не мѣшайте мнѣ,—отвѣчалъ Ламме:—я совершаю великое дѣло.

V.

Пришелъ декабрь, мѣсяцъ долгаго сумрака, Уленспигель пѣлъ:

Его высочество герцогъ Анжуйскій
Сбросилъ маску: онъ хочетъ быть
Государемъ Бельгій.
Области, ставшія испанскими,
Но пока еще не анжуйскими,
Не платятъ ему налоговъ.
Бей въ барабанъ: провалился анжуйецъ!

Въ ихъ власти земли, угоды, сборы,
Платежи, назначеніе на должности.
И за все это очень сердитъ на реформатовъ
Его высочество герцогъ Анжуйскій,
Который во Франціи считается атеистомъ.
Ого! Провалился анжуйецъ!

Попросу хочется ему быть королемъ,
Править силой и мечомъ,
Хочется господину герцогу
Стать самодержавнымъ государемъ;
Хочется ему въ наказаніе за измѣну
Захватить многіе прекрасные города
И даже Антверпенъ.
Дворяне и мѣщане, быть на чеку!
Ого! Провалился анжуйецъ!

Не на тебя, о, Франція,
Обезумѣвъ отъ ярости,
Ринулся бельгійскій народъ;
Эти страшные кровавые удары
Разятъ не твое благородное тѣло.
И трупы, горой загромодившіе Гинъ-Дорскія ворота, —
Не дѣтей твоихъ тѣла.
Ого! Провалился анжуйецъ!

Нѣтъ, не дѣтей твоихъ бросаетъ народъ
 Во рвы укрѣпленій;
 Нѣтъ, это его высочество
 Пассивный распутникъ анжуйскій
 Живетъ, Франція, твоей кровью
 И хочетъ пить нашу.
 Но между чашей и устами!..
 Ого! Провалился анжурець!

Въ одномъ беззащитномъ городѣ
 Его высочество кричалъ:
 „Бей, убивай! Да здравствуетъ месса!“
 И съ нимъ кричали его любовники,
 Красавцы, въ глазахъ которыхъ
 Сверкаетъ безстыдный, позорный,
 Тревожный огонь похоти безъ любви.
 Ого! Провалился анжурець!

Вотъ ихъ и бьютъ, а не тебя,
 Бѣдный народъ, на который они
 Наложили тяготы налоговъ,
 Взысканій, оброковъ, растлѣній,
 Презирая тебя и отбирая у тебя
 Твой хлѣбъ, твоихъ лошадей, твои телѣги,
 У тебя, который былъ для нихъ отцомъ.
 Ого! Провалился анжурець!

Франція, ты была имъ матерью
 И грудью кормила печалью этихъ отцеубійцъ,
 Которые грязнятъ твое имя въ чужихъ странахъ,
 Франція, ты унижаешься ихъ славой
 Когда они подвигами насилия —
 Ого! Провалился анжурець! —
 Влетаютъ новый листокъ
 Въ твой побѣдный вѣнецъ,
 Даютъ новую область землямъ твоимъ.
 Наступи болвану-пѣтуху,
 Чтѣ зовется „Война и распутство“,
 Ногой на горло,
 О, народъ французскій, народъ мужей,
 И раздави ихъ подъ пятой!
 И всѣ народы окружаютъ тебя любовью.
 Ого! Провалился анжурець!

VI.

Въ маѣ, когда фландрскія крестьянки, чтобы предохранить себя отъ болѣзни и смерти, медленно бросаютъ ночью черезъ голову назадъ три черныхъ боба, рана Ламме опять открылась; его трясло въ лихорадкѣ, и онъ просилъ, чтобы его положили на палубу, противъ клѣтки монаха.

Уленспигель согласился, но, боясь, какъ бы его другъ въ

безпамятствѣ не упалъ въ море, онъ приказалъ хорошенько привязать его къ кровати.

Во время свѣтлыхъ промежутковъ Ламме неустанно напоминалъ, чтобы не забыли о монахѣ, и высовывалъ ему языкъ.

И монахъ говорилъ:

— Ты оскорбляешь меня, толстопузый.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Ламме,—я тебя откармливаю.

Мягко вѣялъ вѣтерокъ, тепло сіяло солнце. Ламме въ лихорадочномъ бреду былъ крѣпко привязанъ къ кровати, чтобы въ припадкѣ безпамятства онъ не соскочилъ за бортъ. Ему казалось, что онъ въ кухнѣ, и онъ говорилъ:

— Печь сверкаетъ сегодня. Сейчасъ дождемъ посыплются дрозды. Жена, разставь силки въ саду. Какъ ты красива такъ, съ руками, оголенными до локтя! Какая бѣлая рука! Я укушу ее, укушу губами—это бархатные зубы. А кому же это чудное тѣло, эта нѣжная грудь, видная сквозь тонкое полотно твоей рубашки? Миѣ, радость моя, мое все это. Кто сварить соусъ изъ пѣтушиныхъ гребешковъ и цыплячьихъ задковъ? Не такъ много муската—отъ него лихорадка дѣлается. Вѣлый соусъ, тминъ, лавровый листъ. Гдѣ желтки?

И, знакомъ приказавъ Уленспигелю приблизить ухо къ его рту, онъ шепнулъ ему:

— Сейчасъ дождемъ посыплется дичь. Тебѣ дамъ четырьмя дроздами больше, чѣмъ другимъ. Ты капитанъ, не выдавай меня.

И, услышавъ, какъ волна мягко бьется о бортъ корабля, онъ сказалъ:

— Супъ кипитъ, сытъ мой, супъ кипитъ. Но какъ трудно нагрѣть эту печь!

Едва сознаніе вернулось къ нему, онъ заговорилъ о монахѣ:

— Гдѣ онъ? Толстѣеть?

И, увидѣвъ его, онъ показалъ ему языкъ и сказалъ:

— Свершается великое дѣло. Какъ я радъ!

Въ одинъ прекрасный день онъ потребовалъ, чтобы на палубѣ поставили большіе вѣсы, на одну чашку посадили его, на другую монаха. Но едва монахъ вступилъ на чашку, какъ Ламме стрѣлой взлетѣлъ вверхъ и закричалъ въ восторгѣ:

— Вотъ вѣсъ! Вотъ вѣсъ! Я легкій духъ въ сравненіи съ нимъ; я чуть было не вспорхнулъ, какъ птичка. Вотъ чтѣ, спустите его, чтобы я могъ сойти. Теперь положите гири, посадите его. Сколько въ немъ? Триста девяносто фунтовъ. А во мнѣ? Двѣсти семьдесятъ пять.

VII.

Слѣдующей ночью, въ сумеркахъ разсвѣта, Уленспигелли разбудили крики Ламме:

— Уленспигель, Уленспигель! На помощь! Не давай ей уйти! Разрѣжь бечевки!

— Чего ты кричишь?—спросилъ Уленспигель, выйдя на палубу:—я ничего не вижу.

— Это она,—отвѣчалъ Ламме:—она, жена моя, плаваетъ въ шлюпкѣ вокругъ того корабля, да, того корабля, откуда слышались пѣсни и лютни.

Неле вышла на палубу.

— Разрѣжь мои бечевки, другъ мой,—обратился къ ней Ламме:—развѣ ты не видишь, моя рана исцѣлена; ея нѣжная рука перевязала ее. Она, да, это она. Видишь, воиъ она стоитъ въ шлюпкѣ. Слышишь, она поетъ. Приди, мой дорогая, приди, не избѣгай твоего бѣднаго Ламме, который безъ тебя такъ одиноко на свѣтѣ!

Неле взяла его руку, коснулась его лица.

— Онъ еще въ жару,—сказала она.

— Разрѣжьте бечевки, — говорилъ Ламме, — дайте мнѣ шлюпку! Я живъ, я счастливъ, я выздоровѣлъ!

Уленспигель перерѣзалъ бечевки; освобожденный Ламме соскочилъ съ постели въ бѣлыхъ холщевыхъ исподникахъ безъ куртки и началъ самъ спускаться шлюпку.

— Смотри, у него руки дрожатъ отъ нетерпѣнія,—сказала Неле Улен спигелю.

Шлюпка была готова, и Уленспигель, Неле и Ламме сошли въ нее съ гребцомъ и направились къ кораблю, стоявшему въ глубинѣ порта.

— Красавецъ корветъ, — сказала Ламме, помогая гребцу.

На ясномъ небосклонѣ, озаренномъ лучами разсвѣта, точно золотистый хрусталь, вырѣзались изыщныя очертанія корвета и его стройныхъ мачтъ.

— Теперь расскажи намъ, какъ ты ее нашель?—спросилъ Уленспигель у гребущаго Ламме.

— Мнѣ было лучше, я спалъ, — прерывисто рассказывалъ Ламме: — вдругъ глухой стукъ. Кусокъ дерева ударился о бортъ. Шлюпка. Матросъ бѣжитъ на шумъ:—„Кто тамъ?“ Нѣжный голосъ, ея, сынъ мой, ея сладостный голосъ: — „Друзья“. И другой голосъ, грубѣе:—„Да здравствуютъ гѣзы! Отъ командира корвета „Иоганна“ къ Ламме Гудзаку“. Матросъ бросаетъ лѣсенку. При свѣтѣ луны вижу, на палубу подымается человѣческая фигура: полныя бедра, круглыми

колёни, широкій тазъ; говорю себѣ: „поддѣльный мужчина“; чувствую, точно роза раскрылась и коснулась моего лица: ей губы, смѣх мой, и я слышу, она, понимаешь, она говорить со мной. Покрываетъ меня поддѣлуями и слезами, и точно жидкій и благоуханный огонь схватилъ мое тѣло, — и говорить:— „Я знаю, что поступаю дурно, но я люблю тебя, мужъ мой. Я дала обѣтъ Господу, но измѣняю клятвѣ, мужъ мой, мой бѣдный мужъ; я уже не разъ приходила, но не смѣла приблизиться къ тебѣ. Наконецъ матросъ мнѣ позволилъ; я перевязывала твою рану, ты меня не узнавалъ, но я тебя вылѣчила; не сердись, мужъ мой! Я пришла къ тебѣ, но я боюсь: онъ на нашемъ кораблѣ. Пусти, я уйду; если онъ меня увидитъ, онъ проклянетъ меня, и я буду горѣть въ вѣчномъ огнѣ!“ Плача и радуясь, она поцѣловала меня еще разъ и ушла, несмотря на мои слезы, противъ моей воли: ты связала меня по рукамъ и ногамъ, сынъ мой, но теперь...

И онъ сопровождалъ свою рѣчь могучими размахами весель: точно натянутая тетива лука, посылающая впередъ стремительную стрѣлу.

Они поддѣзжали къ кораблю, и Ламме говорили:

— Вонъ она стоитъ на палубѣ, играетъ на лютнѣ, моя предестная жена съ золотистыми волосами, съ темными глазами, съ еще свѣжими щеками, съ обнаженными полными руками, съ бѣлыми пальчиками. Лети, лодочка, по волнамъ!

Увидя подходящую шлюпку и на ней Ламме, гребущаго, какъ дьяволъ, капитанъ корвета приказалъ бросить съ палубы лѣсенку. Приблизившись къ ней, Ламме прыгнулъ съ шлюпки на лѣсенку, чуть не упавъ при этомъ въ море и отбросивъ шлюпку назадъ больше, чѣмъ на три сажени; и, вскарабкавшись, точно кошка, по лѣсенкѣ, бросился къ своей женѣ, которая, не чувствуя себя отъ радости, цѣловала его и обнимала, говоря:

— Ламме, не забирай меня. Я дала обѣтъ Господу, но я люблю тебя. Ахъ, дорогой мой мужъ!

— Да это Каллекенъ Гейбрехтсъ!—вскричала Неле:—красавица Каллекенъ.

— Да, это я,—отвѣтила та,—но, увы, полдень миновалъ уже для моей красоты.

И лицо ея стало грустно.

— Чтò ты сдѣлала?—говорилъ Ламме:—чтò съ тобой стало? Почему ты меня бросила? Почему ты теперь хочешь меня покинуть?

— Слушай,—сказала она,—не сердись. Я скажу тебѣ: зная,

что монахи—люди святые, я довѣрилась одному изъ нихъ; его имя братъ Корнелисъ Адриансенъ.

— Что?—закричалъ Ламме, услышавъ это имя:—этотъ злобный ханжа, съ помойной ямой вмѣсто рта, только и говорившій, что объ избіеніи реформатовъ! Этотъ хвалитель инквизиціи и указовъ! О, такъ это былъ этотъ мерзавецъ?

— Не оскорбляй святого человѣка,—сказала Каллекенъ.

— Святого человѣка!—отвѣчалъ Ламме:—знаю я его, этого святого. Это грязная и подлая скотина. О, горе, горе! И моя красавица Каллекенъ должна была понасть въ лапы къ этому распутному монаху! Не подходи, я убью тебя. А я такъ ее любила! Мое бѣдное, обманутое сердце, которое принадлежало только ей!.. Что ты здѣсь дѣлаешь? Зачѣмъ ты перевязывала мои раны? Надо было дать мнѣ умереть. Я не хочу тебѣ видѣть, убирайся, или я брошу тебя въ море. Мой ножъ!..

— Ламме, мужъ мой, —отвѣчала она, обнимая его, —не плачь, я совѣмъ не то, что ты думаешь: я никогда не принадлежала этому монаху.

— Ты лжешь,—говорилъ онъ, плача и скрежеща зубами:—ахъ, я никогда не ревновала, а теперь стала ревнивцемъ. Печальная страсть: гнѣвъ и любовь, хочется сразу и убить и цѣловать. Уходи! Нѣтъ, останься! Я былъ такъ добръ къ ней. Убийство—вотъ мой господинъ теперь. Мой ножъ! О, какъ внутри меня горитъ, ѣсть, грызеть, а ты смѣешься надо мной!

Рыдая, она цѣловала его, кроткая и покорная.

— Да, —говорилъ онъ:—я глупъ въ моей ярости; да, ты хранила мою честь, ту честь, которую такъ безумно прицѣпляютъ къ юбкамъ женщины. Такъ вотъ для чего ты пускала въ ходъ самыя нѣжныя твои улыбки, когда тебѣ надо было итти слушать проповѣдь съ пріятельницами..

— Дай мнѣ слово сказать, —говорила она, цѣлуя его:— пусть я умру на мѣстѣ, если я обманываю тебя!

— Умри же, —отвѣтилъ Ламме, —ибо ты сейчасъ солжешь.

— Слушай же!

— Говори или не говори, мнѣ все равно.

— Братъ Адриансенъ имѣлъ славу хорошаго проповѣдника, —начала она:—я пошла его послушать. Онъ говорилъ, что духовный санъ и безбрачіе выше всего прочаго, ибо ими легче всего достигаетъ вѣрное чадо райскаго блаженства. Его краснорѣчіе было могуче и пламенно; оно глубоко взволновало многихъ честныхъ женъ—среди нихъ и меня—и особенно вдовъ и дѣвушекъ. Такъ какъ безбрачіе и есть жизнь совершенная, то онъ совѣтовалъ намъ пребывать въ немъ, и мы поклялись, что отнынѣ отречаемся отъ супружеской жизни.

— Кромѣ сожительства съ нимъ, конечно,—сказала Ламме, плача.

— Молчи,—отвѣчала она, разсердившись.

— Ну, кончай,—сказала онъ:—ты нанесла мнѣ тяжелый ударъ, я ужъ не оправлюсь.

— О, мужъ мой, когда я буду неразлучна съ тобой...

Она хотѣла обнять и поцѣловать его, но онъ оттолкнулъ ее.

— Вдовы,—говорила она,—принесли ему клятву не вступать больше въ бракъ.

Ламме слушала, погруженный въ свои ревнивыя мысли, а Каллекенъ стыдливо продолжала свой рассказъ:

— Онъ принималъ въ исповѣдницы только молодыхъ и красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ; прочихъ онъ отправлялъ къ ихъ духовникамъ. Онъ устроилъ кружокъ богомолковъ, взявъ съ насъ со всѣхъ клятву, что мы будемъ исповѣдываться только у него; я поклялась. Другія женщины, болѣе опытныя, чѣмъ я, спрашивали меня, не хочу ли я быть наставляемой во Святомъ Послушаніи и Святомъ Покаяніи. Я согласилась. Въ Брюгге на набережной Каменотесовъ подлѣ монастыря Миноритовъ были дома, гдѣ жила женщина по имени Калле де-Нажажъ, у которой дѣвушки получали обученіе и содержаніе за дукать въ мѣсяцъ. Братъ Корнелисъ могъ незамѣтно проходить къ ней изъ монастыря. Здѣсь въ маленькой комнаткѣ, гдѣ не было никого, кромѣ него, я встрѣтилась съ нимъ. Онъ велѣлъ мнѣ рассказать ему подробно обо всѣхъ моихъ естественныхъ и плотскихъ склонностяхъ. Я сперва не рѣшалась, но въ концѣ концовъ покорилась и рассказала все.

— О, горе,—всхлипывала Ламме:—и твои чистыя признанія достались этой свиньѣ!

— Онъ говорилъ мнѣ всегда,—и вѣдь это правда, мужъ мой,—что превыше стыда земного стоять стыдъ небесный, коимъ мы приносимъ Господу въ жертву нашу мірскую стыдливость; только исповѣдаясь нашему духовнику въ тайныхъ вождедѣніяхъ, мы становимся достойны Святого Послушанія и Святого Покаянія.

„Потомъ онъ сталъ требовать, чтобы я предстала предъ нимъ нагая, дабы мое грѣшное тѣло приняло самое легонькое наказаніе за мои пороки. Однажды онъ заставилъ меня раздѣться; я лишилась сознанія, когда рубаха упала съ меня; онъ привелъ меня въ чувство нюхательными солями.— „На этотъ разъ довольно, дочь моя,—сказала онъ:—черезъ два дня придешь и принесешь розгу“... Это длилось долго, но никогда... клянусь Богомъ и всѣми святыми... мужъ мой...“

пойми меня... взгляни на меня... посмотри, лгу ли я; я осталась чиста и вѣрна тебѣ... я люблю тебя..."

— Вѣдное пѣзное гѣльце! — сказала Ламме: — о, позорное пятно на твоёмъ брачномъ нарядѣ!

— Ламме, — сказала она, — онъ говорилъ отъ имени Господа и святой матери нашей, католической церкви: могла ли я послушаться его? Я любила тебя всегда, но подь страшными клятвами принесла Пресвятой Дѣвѣ обѣтъ не отдаваться тебѣ. Но я была слаба все-таки, слаба къ тебѣ. Помнишь гостиницу въ Брюгге? Я была у Калле, ты проѣхалъ мимо на ослѣ вмѣстѣ съ Уленснигелемъ. Я пошла за тобой слѣдомъ; у меня были деньги, я ничего на себя не тратила; я увидѣла, что ты голоденъ; мое сердце потинулось къ тебѣ, я почувствовала жалость и любовь.

— Гдѣ онъ теперь? — спросилъ Уленснигель.

Каллекенъ отвѣтила:

— Послѣ слѣдствія, произведеннаго по приказу магистрата и преслѣдовавшаго со стороны злыхъ людей, братъ Адриансенъ вынужденъ былъ оставить Брюгге и нашелъ пристанище въ Антверпенѣ. Мнѣ говорили на кораблѣ, что мой мужъ взял его въ плѣнъ.

— Чтѣ! — закричалъ Ламме: — монахъ, котораго я откармливаю, это...

— Да, — отвѣтила Каллекенъ, закрывая лицо руками.

— Топоръ! Топоръ! — кричалъ Ламме: — убью его, съ торговъ продамъ сало этого нохотливаго козла! Скорѣе назадъ на корабль! Шлюнку! Гдѣ шлюнка?

— Это гнусная жестокость — убивать или ранить плѣнника, — сказала Неле.

— Ты такъ зло на меня смотришь; не позволишь? — сказалъ онъ.

— Да, не позволю, — сказала Неле.

— Хорошо! Не причиню ему никакого зла; мнѣ только выпустить его изъ кѣтки. Шлюнка! Гдѣ шлюнка?

Они спустились въ шлюнку. Ламме носѣвшно гребъ и въ то же время плакалъ.

— Ты удрученъ, мужъ мой? — сказала Каллекенъ.

— Нѣтъ, я веселъ: ты, конечно, меня никогда ужъ не покинешь?

— Никогда, — отвѣтила она.

— Ты говоришь, что осталась чиста и вѣрна мнѣ; но, радость моя, дорогая Каллекенъ, я живлю только мыслью найти тебя, и вотъ, благодаря этому монаху, во всѣхъ нашихъ радостяхъ отнынѣ будетъ ядъ, ядъ ревности... Въ минуту грусти

или даже утомленія я непременно буду видѣть, какъ ты, обремененная, подставляешь свое тѣло этому гнусному бичеванію. Весна нашей любви была моя, но лѣто досталось ему; осень будетъ пасмурна, скоро за ней придетъ зима и похоронитъ мою вѣрную любовь.

— Ты плачешь?—спросила она.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — оттого, что прошлое не вернется.

Но Неле сказала:

— Если Каллекенъ была вѣрна, ей слѣдовало бы теперь уйти отъ тебя за твои злые слова.

— Онъ не знаетъ, какъ я его люблю, — сказала Каллекенъ.

— Правда?—вскричала Ламме: — такъ приходи ко мнѣ, красавица, приходи, жена моя, — и пить ужъ на пасмурной осени и д зимы-могильщика.

Онъ, видимо, повеселѣлъ, и такъ они вернулись на корабль.

Получивъ у Уленсигеля ключи отъ клѣтки, Ламме отперъ ее. Онъ хотѣлъ вытащить монаха за ухо на палубу, но не смогъ; онъ попытался заставить его пролѣзть бокомъ, но тоже не смогъ.

— Придется все сломать, — сказалъ онъ: — разжирѣлъ кандуль.

Монахъ вышелъ, вращая ступнѣвыми глазами и держа руки на животѣ, и тутъ же упалъ на свой задъ, такъ какъ большая волна качнула корабль.

— Чтѣ, будешь на мвать меня „толстоузый“? Вотъ ты толще меня. Кто кормилъ тебя по семь разъ въ день? Я. Отчего это, крикунъ, ты сталъ теперь тише и мягче къ бѣднымъ гѣзамъ? Если ты останешься еще на годъ въ клѣткѣ, то ужъ не сможешь выйти: при каждомъ движеніи твои щеки дрожать, какъ свиной студень; ты ужъ не кричишь; скоро и сопѣть не сможешь.

— Молчи, толстоузый, — отвѣтилъ монахъ.

— Толстоузый! — закричалъ Ламме, придя въ ярость: — я Ламме Госдзакъ, то-есть Ламме мѣшокъ добра, а ты Broer Dikzak, Vetzak, Leugenzak, Slokkenzak, Wulpsak, братъ мѣшокъ, мѣшокъ сала, мѣшокъ лжи, мѣшокъ обжорства, мѣшокъ похоти. У тебя на четыре пальца сала подъ кожей, ужъ глазъ твоихъ не видно. Уленсигель и я, мы вмѣстѣ могли бы расположиться подъ грузными сводами твоего п. за. Ты называлъ меня толстоузымъ. ...Хочешь зеркало, — взглянуть на твое толстоузые? Это я т. би выкормилъ, монументъ изъ мяса и костей! Я поклялся, что ты жиромъ будешь плевать, жиромъ потѣть и оставлять за собой жирныя пятна, точно сальная свѣчка, тающая на солнцѣ. Говорятъ, ударъ прихо-

дить съ седьмымъ подбородкомъ; у тебя уже шесть съ половиной.

И онъ обратился къ гёзамъ:

— Смотрите на этого сладострастника! Это братъ Корнелисъ Адриансенъ Ахтыдраньсенъ изъ Брюгге; онъ проповѣдывалъ здѣсь новомодную стыдливость. Его сало—его кара; его сало—мое созданіе. Слушайте же вы, солдаты и матросы, я ухожу отъ васъ, отъ тебя, Улнсигель, и отъ тебя, Неличка, я поселюсь во Флиссингенѣ, гдѣ у меня есть имущество, и буду тамъ жить съ моей бѣдной, вновь обрѣтенной женой. Вы когда-то поклялись мнѣ, что исполните все, чего я отъ васъ потребую.

— Слово гёзовъ,—отвѣтили они.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Ламме,—взгляните на этого распутника, на этого брата Адриансена Ахтыдраньсена изъ Брюгге. Я поклялся, что онъ у меня задохнется своимъ саломъ, какъ свинья. Постройте клѣтку пошире, впикивайте въ него двѣнадцать обѣдовъ въ день вмѣсто семи; откармливайте его жирнымъ и сладкимъ: теперь онъ какъ быкъ, пусть будетъ какъ слонъ—и, вы увидите, онъ заполнитъ всю клѣтку.

— Мы откормимъ его,—сказали гёзы.

— А теперь,—продолжалъ Ламме, обращаясь къ монаху,—я прощаюсь и съ тобой, бездѣльникъ, котораго я кормилъ по-монастырски вмѣсто того, чтобы повѣсить тебя; возрастай въ жиру и жди смерти отъ удара.

И, обнявъ Калекенъ, онъ прибавилъ:

— Смотри, хрюкай или реви, я забираю ее, больше ты ее съѣчь не будешь.

Но тутъ заговорилъ разъяренный монахъ, обращаясь къ Калекенъ:

— Такъ ты уходишь, баба плотская, уходишь на ложе похоти? Да, ты уходишь безъ состраданія къ бѣдному мученику Слова Божьяго, который наставлялъ тебя въ святомъ, сладостномъ, небесномъ послушаніи. Будь проклята! Пусть никакой священнослужитель не дастъ тебѣ отнущенія; пусть земля горитъ подъ твоими ногами; пусть сахаръ тебѣ кажется солью, а говядина будетъ собачьей падалью; пусть хлѣбъ тебѣ будетъ золой, солище—льдиной, а снѣгъ—огнемъ адскимъ. Пусть будетъ проклято твое чрево и дѣти твои будутъ чудовищами, съ тѣломъ обезьяньимъ и свиной головой, раздутой больше, чѣмъ ихъ животъ. Пусть ничего, кромѣ страданій, плача, стenanій, ты не будешь знать на этомъ свѣтѣ, и на томъ тоже, въ аду, который ждетъ тебя, въ пеклѣ сѣрномъ и смоляномъ, зажженномъ для такихъ, какъ ты, самоеъ. Ты

отвергла мою отцовскую любовь; будь семь разъ проклята свѣтильниками Ковчега; пусть исповѣдь будетъ для тебя мукой; пусть каждая плита подыметъся во храмѣ съ пола, чтобы разможить тебя и сказать тебѣ: „Се есть распутница, сіи осуждена и проклята!“.

И Ламме, прыгая отъ восторга, весело говорилъ:

— Она была мнѣ вѣрна, монахъ самъ сказалъ. Да здравствуетъ Каллененъ!

Но она, рыдая и дрожа, говорила:

— О, сними, молю, сними съ меня это проклятіе. Я вижу адъ! Сними проклятіе!

— Сними проклятіе! — сказалъ Ламме.

— Не сниму, толстопузый, — отвѣтилъ монахъ.

И женщина, блѣдная и обезумѣвшая, стоя на колѣняхъ, вздымала съ мольбой руки къ Адриансену.

— Сними проклятіе, — сказалъ Ламме монаху, — не то ты сейчасъ же будешь повѣшенъ, а если веревка лопнетъ отъ твоей тяжести, ты будешь повѣшенъ вторично, пока не издохнешь.

— Повѣшенъ дважды и трижды, — сказали гѣзы.

— Ну что жъ, — сказалъ монахъ, — иди, сладострастница, иди съ этимъ толстопузымъ. Иди, я снимаю мое проклятіе, но Господь и всѣ святители будутъ слѣдить за тобой. Иди съ этимъ толстопузымъ, иди!

И онъ умолкъ, потѣя и хрипя.

— Онъ хрипитъ, онъ хрипитъ, — вдругъ закричалъ Ламме, — вотъ шестой подбородокъ, на седьмомъ ударъ. А теперь, — обратился онъ къ гѣзамъ, — препоручаю васъ Господу, и тебя, Уленспигель, препоручаю Господу, и тебя, Неле, и всѣхъ васъ, друзья, и святое дѣло свободы тоже препоручаю Господу: больше я уже не могу ничего для нея сдѣлать.

Затѣмъ, обнявшись и перецѣловавшись со всѣми, онъ обратился къ своей Каллененъ:

— Пойдемъ, пришелъ часъ законной любви.

Лодка неслась по волф, унося Ламме и его возлюбленную, а на корабль всѣ, матросы, солдаты и юнги, размахивали шапками и кричали:

— Прощай, другъ и братъ! Прощай, Ламме! Прощай, другъ и братъ!

И Неле, снимая тонкимъ пальчикомъ слезинку, повисшую въ углу глаза у Уленспигеля, спросила его:

— Ты опечаленъ, дорогой мой?

— Онъ быть такой хорошей, — отвѣтилъ онъ.

— О, — сказала она, — этой войнѣ нѣтъ конца. Неужто мы такъ и проведемъ всю жизнь въ слезахъ и крови?

— Будемъ искать Семерыхъ, — отвѣтилъ Уленсpiegel: — близокъ часъ освобожденія.

Исполняя обѣщаніе, данное Ламме, гѣзы продолжали откармливать монаха въ его клеткѣ. Когда, по уплатѣ выкупа, онъ былъ выпущенъ на свободу, въ немъ было триста девятидесято два фунта и одиннадцать унцій фландрскаго вѣса.

И онъ умеръ приютомъ своего монастыря.

VIII.

Въ это время собрались господа чины Генеральныхъ Штатовъ въ Гаагѣ судить Филиппа, короля Испаніи, графа Фландріи, Голландіи и прочая, согласно имъ подтвержденнымъ хартіямъ и привилегіямъ.

И письмоводитель собранія говорилъ:

— Извѣстно всякому и каждому, что государь страны поставленъ Господомъ Богомъ, какъ властелинъ и глава надъ подданными, ради защиты и охраны ихъ отъ всякихъ обидъ, притѣсненій и насилій, подобно тому, какъ пастухъ долженъ быть стражемъ и защитникомъ своихъ овецъ. Извѣстно также, что подданные не созданы Господомъ для потребности государя, ни для того, чтобы покориться ему во всемъ, что онъ прикажетъ, будь оно благочестиво или грѣховно, справедливо или несправедливо, ни для того, чтобы рабски служить ему. Но государь для того есть государь надъ своими подданными, безъ которыхъ онъ не существуетъ, чтобы править ими согласно закону и разуму; чтобы охранять ихъ и любить, какъ отецъ любитъ дѣтей, какъ пастырь свою паству, жертвуя жизнью для ихъ защиты. Если онъ этого не дѣлаетъ, то уже не государемъ должно его почитать, но тираномъ. При помощи наемныхъ солдатъ, призывовъ къ крестовому походу, буллъ объ отлученіи, король Филиппъ бросилъ на насъ четыре иноземныхъ арміи. Какое надлежитъ ему наказаніе по законамъ и обычаямъ страны?

— Да будетъ низложенъ, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Филиппъ преступилъ свои клятвы; онъ забылъ объ услугахъ, которыя мы ему оказали, о побѣдахъ, которыя мы помогли ему одержать. Видя наше богатство, онъ обрекъ насъ въ жертву вымогательствамъ и грабежамъ членовъ своего испанскаго Совѣта.

— Да будетъ низложенъ, какъ неблагодарный и разбойникъ, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Филиппъ поставилъ въ важнѣйшихъ городахъ страны новыхъ епископовъ, отдавъ имъ въ удѣлъ и жалованіе имущества богатѣйшихъ аббатствъ; съ ихъ помощью онъ ввелъ испанскую инквизицію.

— Да будетъ изложено, какъ палачъ и расточитель чужого достоянія, — отвѣтили господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Дворянство страны, видя это насиліе, вошло въ 1566 г. съ прошеніемъ, въ которомъ умоляло государя смягчить свои суровые указы, особенно относящіеся до инквизиціи. Онъ отвергъ просьбу.

— Да будетъ изложено, какъ тигръ неутолимый въ своей жестокости, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

Письмоводитель продолжалъ:

— На Филиппа падаеть чрезвычайное подозрѣніе въ томъ, что онъ, при посредствѣ членовъ своего испанскаго Совѣта, былъ тайнымъ подстрекателемъ уничтоженія иконовъ и разгрома церквей съ той цѣлью, чтобы, подъ предлогомъ преступлений и беспорядковъ, двинуть на насъ иноземныя войска.

— Да будетъ изложено, какъ орудіе смерти, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Въ Антверпенѣ Филиппъ учинилъ избіеніе гражданъ, разорилъ фландрскихъ купцовъ и купцовъ иностранныхъ. Самъ онъ и его испанскій Совѣтъ дали тайныя распоряженія, по коимъ нѣкій Рода, завѣдомый негодий, получилъ право объявить себя главою грабителей, собирать добычу, пользоваться его именемъ, именемъ короля Филиппа, для того, что бы поддѣлывать печати большія и малыя и вести себя, какъ его правитель и замѣститель. Это доказано перехваченными и находящимися въ нашихъ рукахъ королевскими письмами. Все произошло съ его согласія и по обсужденіи въ Совѣтѣ Испаніи. Прочитайте его письма; онъ одобряетъ въ нихъ то, что произошло въ Антверпенѣ, признаетъ, что этимъ ему оказана имъ самимъ намѣченная услуга, обѣщаетъ отблагодарить, приглашаетъ Роду и прочихъ испанцевъ шествовать далѣе по тому же славному пути.

— Да будетъ изложено, какъ разбойникъ, грабитель и убійца, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Мы не хотимъ ничего, кромѣ сохраненія нашихъ вольностей мира честнаго и твердаго, свободы умѣренной, особенно въ дѣлѣ вѣры, относящемся до Господа Бога и совѣсти. Мы не получили отъ Филиппа ничего, кромѣ лицемерныхъ договоровъ, служащихъ сѣменемъ раздора между областями, для того, чтобы поработить ихъ одну за другой и уничтожить

ихъ, какъ Индію, грабежомъ, конфискаціями, казнями и инквизиціей.

— Да будетъ низложенъ, какъ убійца, замыслившій погубить страну, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Онъ выпустилъ изъ страны всю кровь при посредствѣ герцога Альбы и его клевретовъ, Медины-Цели, Реквесенса, злодѣевъ, засѣдавшихъ въ совѣтахъ государственныхъ и областныхъ; онъ требовалъ непреклонной и кровавой жестокости отъ донъ-Хуана и Александра Фарнезе, принца Пармскаго— и это также явствуетъ изъ его перехваченныхъ писемъ. Онъ подвергъ принца Оранскаго изверженію изъ имперіи, подкупилъ трехъ убійцъ, въ ожиданіи, пока подкушитъ четвертаго; покрылъ страну крѣпостями и замками; сжигалъ мужчинъ, закапывалъ живьемъ женщинъ и дѣвушекъ, получая послѣ нихъ наслѣдство; задушилъ Монтињи, Бергеса и прочихъ дворянъ, вопреки своему королевскому слову; убилъ своего сына Карлоса; выдалъ беременную отъ него донью Эвфразію за принца Асколи, онъ отравилъ послѣдняго, чтобы обогатить свое незаконное отродье наслѣдствомъ принца; издалъ противъ насъ указъ, коимъ объявилъ насъ всѣхъ злодѣями и изменниками, потерявшими жизнь и имущество, и совершилъ неслыханное въ христіанской странѣ преступленіе, смѣшавъ певинныхъ и виновныхъ воедино.

— По всѣмъ законамъ, правамъ и привилегіямъ, да будетъ низложенъ, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

И печати королевскія были сломаны.

И солнце сіяло надъ землею и моремъ, наливая золотыя колосья, золота виноградъ, разметая по каждой волнѣ жемчуга, драгоценный уборъ невѣсты Нидерландовъ—Свободы.

И вотъ принцъ Оранскій, будучи въ Дельфтѣ, пораженъ четвертымъ убійцей тремя пулями въ грудь. И онъ умеръ, послушный своему девизу: „Спокойный среди бурныхъ волнъ“.

Враги его говорили, что, съ цѣлью обойти короля Филиппа и не надѣясь стать государемъ южной и католической Голландіи, онъ по тайному договору уступилъ ее герцогу Анжуйскому. Но послѣдній не такъ былъ созданъ, чтобы породить дитя Бельгію въ союзѣ со Свободой, которая не любитъ противоестественной любви.

И Уленсигель вмѣстѣ съ Неле покинули флотъ.

И родина бельгійская стонала подъ ярмомъ, скованная злодѣями.

IX.

Быль мѣсяць зрѣлой жатвы; воздухъ былъ удушливъ, вѣтеръ горячъ; жнецы и жницы могли спокойно собирать подъ свободнымъ небомъ на свободной землѣ жатву, засѣянную ими.

Фрисландія, Дренте, Овериссель, Гельдернъ, Утрехтъ, сѣверный Брабантъ, сѣверная и южная Голландія, Вальхеренъ, сѣверный и южный Бевеландъ, Дюивеландъ и Сховенъ, образующіе Зеландію, все побережье отъ Кнокке до Гелдера, острова Тексель, Виландъ, Амеландъ, Схирмоникоогъ отъ западной Шельды до восточнаго Эмеа: все это было наканунѣ освобожденія отъ испанскаго ярма. Морицъ, сынъ Молчаливаго, продолжалъ войну.

Уленспигель и Неле, сохраняя всю свою молодость, свою силу и красоту,—ибо любовь и духъ Фландрии не старѣютъ,—жили вмѣстѣ въ башнѣ Неере, въ ожиданіи, что смогутъ послѣ столькихъ тяжелыхъ испытаній вздохнуть воздухомъ свободы, повѣявшимъ надъ бельгійской родиной.

Уленспигель просилъ о назначеніи его начальникомъ и стражемъ башни на томъ основаніи, что, имѣя орлиные глаза и заячій слухъ, онъ сможетъ увидѣть, если испанцы сдѣлаютъ попытку вновь явиться въ освободившейся странѣ; тогда онъ зазвонитъ wascham, что на фламандскомъ языкѣ означаетъ „тревога“.

Магистратъ исполнилъ его желаніе: въ награду за его заслуги ему опредѣлили жалованія флоринъ въ день, двѣ кружки пива, бобовъ, сыра, сухарей и три фунта мяса въ недѣлю.

Такъ превосходно жили вдвоемъ Уленспигель и Неле, радостно созерцая вдали свободные острова Зеландіи, вблизи—лѣса, замки и крѣпости и вооруженные корабли гѣзовъ, охраняющіе побережье.

Часто ночью они поднимались на башню и, сидя здѣсь на верхней площадкѣ, перебирали тяжелыя испытанія и радости любви, прошедшія и предстоящія. Они видѣли отсюда море, которое приливало и отливало у побережья, неся свои волны, свѣтящіяся въ это жаркое время, бросая ихъ на острова, точно пламѣнныя видѣнія. И Неле пугалась, завидѣвъ въ „польдерсахъ“ блуждающіе огоньки, которые—говорила она—суть души несчастныхъ покойниковъ. А всѣ эти мѣстности были полями сраженій.

Блуждающіе огоньки трепетали надъ дугами, пронеслись надъ плотинами, потомъ, какъ бы не въ силахъ разстаться

съ тѣломъ, изъ котораго вышли, возвращался въ „польдерсъ“.

Однажды ночью Неле сказала Уленспигелю:

— Смотри, какъ ихъ много въ Дрейвеландѣ и какъ высоко они летаютъ: со стороны птичьихъ острововъ ихъ больше всего. Хочешь туда, Тиль? Мы примемъ снадобье, которое показываетъ смертнымъ глазамъ невидимыя вещи.

— Если это то снадобье, которое меня носило на великій шабашъ,—отвѣтилъ Уленспигель,—то и не больше вѣрю въ него, чѣмъ въ пустой совъ.

— Не слѣдуетъ отрицать силу чаръ,—сказала Неле:—пойдемъ, Уленспигель.

— Пойдемъ.

На другой день онъ попросилъ у магистрата, чтобы ему на смѣну былъ поставленъ зоркій и вѣрный солдатъ стеречь башню и бдить надъ округой.

И они съ Неле направились къ птичьимъ островамъ.

Проходя по лугамъ и платинамъ, они видѣли маленькіе зеленѣющіе островки, между которыми бурлили морскія воды, а на поросшихъ травой холмахъ, доходившихъ до дюнъ, большія стаи чаекъ, гагаръ, буревѣстниковъ; одні сидѣли неподвижно, покрывая острова бѣлой пеленой, другія тысячами носились въ воздухѣ. Земля подъ ногами была загромождена гнѣздами. Когда Уленспигель наклонился, чтобы поднять свалившееся на дорогѣ яйцо, на него съ крикомъ налетѣла чайка; на ея призывъ налетѣла ихъ сотня, болтливо крича, кружась надъ головой Уленспигеля и надъ соседними гнѣздами, но не рѣшаясь приблизиться.

— Уленспигель,—сказала Неле,—эти птички просятъ пощадить ихъ яйца.—И, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, она прибавила:—Мнѣ страшно; вотъ солнце заходитъ, небо побѣлѣло, звѣзды проснулись; это часъ духовъ. Смотри, красныя испаренія несутся надъ землей. Тиль, дорогой мой, что тамъ за адское чудовище разверзло въ облакѣ свою огненную пасть? Посмотри по направленію къ Филиппланду, гдѣ король-палачъ, ради своего жестокаго честолюбія, дважды загубилъ такое множество несчастныхъ людей; видишь, какъ тамъ пляшутъ блуждающіе огоньки: въ эту ночь души несчастныхъ, убитыхъ въ бояхъ, покидаютъ холодные круги чистища, чтобы подняться на землю и обо рѣться ея теплымъ воздухомъ. Въ этотъ часъ ты можешь просить о чемъ угодно у Христа, Господа добрыхъ волшебниковъ.

— Пепель случить въ мое сердце,—сказалъ Уленспигель:—о, если бы Христосъ могъ показать тѣхъ Семерыхъ,

гепель которыхъ, разсыявмый по вѣтру, долженъ осчастливить Фландрію и весь міръ.

— Безвѣрный,—сказала Неле:—ты ихъ увидишь при помощи снадобья.

— Можетъ-быть,—сказалъ Уленспигель, показывая пальцемъ на Сириуса,—если какой-нибудь духъ сойдетъ съ этой холодной звезды.

При этомъ движеніи блуждающій огонекъ, кружившійся вокругъ него, сѣлъ на его палецъ и, чѣмъ настойчивѣе онъ старался сбросить его, тѣмъ крѣпче держался огонекъ.

Неле, при попыткѣ избавить Уленспигеля, получила свой огонекъ на кончикъ пальца.

— Отвѣчай,—сказалъ Уленспигель, щелкнувъ по своему огоньку:—душа ты гѣза или испанца? Если ты душа гѣза, уходи въ рай; если ты душа испанца, возвратись въ адъ, откуда пришла.

— Не оскорбляй душъ, хотя бы это были души палачей,—сказала Неле.

И, подбрасывая огонекъ на своемъ пальцѣ, она говорила:

— Огонекъ, милый огонекъ, какія новости принесъ ты изъ страны душъ? Чѣмъ онѣ тамъ заняты? Ёдятъ и пьютъ, не имѣя рта? Ибо у тебя нѣтъ рта, славненькій огонекъ. Или онѣ принимаютъ образъ человѣческой лии въ благословенномъ раю?

— Какъ можешь ты,—сказалъ Уленспигель,—терять время на разговоры съ печальнымъ огонькомъ, у котораго нѣтъ ни ушей, чтобы слышать тебя, ни рта, чтобы отвѣтить тебѣ?

Но Неле, не слушая его, говорила:

— Отвѣть своей пляской, огонекъ, я трижды спрошу тебя: разъ во имя Господа Бога, разъ во имя Пресвятой Дѣвы и разъ во имя стихійныхъ духовъ, которые посредничаютъ между Богомъ и людьми.

Она это сдѣлала—и огонекъ позпрыгнулъ три раза.

Тогда Неле сказала Уленспигелю:

— Раздѣйся, я раздѣнусь тоже; вотъ серебряная коробочка съ снадобьемъ для свидѣній.

— Мнѣ все равно,—отвѣтилъ Уленспигель.

Раздѣвшись и натершись бальзамомъ свидѣній, они, обнаженные, легли рядомъ другъ съ другомъ на травѣ.

Чайки жалобно вскрикивали; громъ глухо грохоталъ въ тучѣ, гдѣ сверкала молнія; луна изрѣдка выставляла межъ тучъ золотые рожи своего полумѣсяца; блуждающіе огоньки Уленспигеля и Неле унеслись плясать вмѣстѣ съ прочими на дугу.

Вдруг Неле и ея возлюбленнаго схватила громадная рука великана, который швырялъ ихъ въ воздухъ, какъ дѣтскіе мячики, ловилъ, бросалъ другъ на друга, миль въ рукахъ, бросалъ въ лужицы между холмовъ и вытаскивалъ оттуда, опутанныхъ водорослями. Затѣмъ, такънося ихъ въ пространство, онъ пѣлъ голосомъ, ужаснувшимся пробужденныхъ чаекъ:

Косоглазья блошки презрѣнныя
Захотѣли свершить этотъ грѣхъ:
Прочитай знаки священныя,
Что мы держимъ въ тайнѣ отъ всѣхъ.
Знай же тайну, блошка презрѣнная,
Прочитай священный заветъ,
На который властно вселенная
Наложила строгій запретъ.

И дѣйствительно, Уленспигель и Неле увидѣли на травѣ, съ воздухъ и въ небѣ семь скрижалей сверкающей мѣди, прибитыхъ семью пламенѣющими гвоздями. На скрижаляхъ было написано:

Въ навозѣ зерно прорастаетъ.
Семь это зло, но семь и добро.
Алмазъ въ углѣ созрѣваетъ,
Дуракъ мудреца воспитаетъ.
Семь это зло, но семь и добро.

И великанъ шествовалъ, а за нимъ два блуждающихъ огонька, которые, стрекоча, какъ стрекозы, твердили:

Смотрите, имъ владыка данъ.
Онъ папа папъ, онъ царь царей,
Онъ сдѣлалъ кесаря скотомъ.
Смотрите, онъ простой чурбанъ.

Вдругъ лицо его преобразилось, онъ сталъ печальнѣе, худѣе, выше. Въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, въ другой мечъ. Имя его было—Высокомѣріе.

Онъ швырнулъ Неле и Уленспигеля на землю и сказалъ:
— Я—Богъ.

Затѣмъ рядомъ съ нимъ верхомъ на козѣ появилась красная дѣвка, въ раскрытомъ платьѣ, съ голой грудью и похотливымъ взглядомъ. Имя ея было Сладострастіе. За нею шла старая еврейка, собиравшая съ земли скорлупу чачныхъ яицъ; имя ея было—Скупость; затѣмъ—жадный, прожорливый монахъ, пихающій въ себя колбасы и непрестанно жуящій, какъ и свинья, на которой онъ ѣхалъ; это было Обжорство. За нимъ, волоча ноги, тащилась Лѣнь, блѣдная и

одутловатая, съ потухшимъ взглядомъ; Гнѣвъ подгонялъ ее уколами жала. Лѣнь ныла, скудила и, заливаясь слезами, падала въ изнеможеніи на колѣни. Затѣмъ двигалась худосочная Зависть съ змѣиной головой и щучьими зубами, кусая Лѣнь за то, что она слишкомъ благодушна, Гнѣвъ за то, что онъ слишкомъ порывистъ, Обжорство за то, что оно слишкомъ упитано, Сладострастіе за то, что оно слишкомъ красно, Скупость за ея скорлупу, Высокомѣріе за его пурпурную мантию и вѣнецъ.

И огоньки плясали вокругъ нихъ, и жалобными голосами мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей зывали:

— Высокомѣріе, отецъ честолюбія, Гнѣвъ, источникъ жестокости, вы убивали насъ на поляхъ сраженій, въ темницахъ, въ застѣнкахъ, чтобы сохранить ваши скипетры и короны. Зависть, ты въ зародышѣ уничтожила множество благородныхъ и полезныхъ мыслей, мы души ихъ загубленныхъ творцовъ. Скупость, ты обращала въ золото кровь несчастнаго народа; мы души твоихъ жертвъ. Сладострастіе, спутникъ и братъ убійства, породившій Нерона, Мессалину и Филиппа, короля испанскаго, ты покупаешь добродѣтель и развращаешь подкупомъ; мы души погибшихъ. Лѣнь и Обжорство, вы грязните міръ, надо его очистить отъ васъ; мы души усопшихъ.

И слышался голосъ:

Въ навозѣ зерно прорастаетъ.
Семь это зло, но семь и добро.
Дуракъ мудреца воспитаетъ.
Чтобы пепла добыть и угля немножко,
Что станетъ дѣлать бродячая мошка?

И огоньки говорили:

— Мы пламя, мы возмездіе за бывшія слезы, за горе народное; возмездіе господамъ, охотившимся на человѣческую дичь въ своихъ помѣстьяхъ; возмездіе за ненужныя битвы, за кровь, пролитую въ темницахъ, за мужчинъ, сожженныхъ на кострахъ, за женщинъ и дѣвушекъ, живьемъ зарытыхъ въ землю; возмездіе за прошлое, окровавленное и скованное. Мы пламя, мы души усопшихъ.

При этихъ словахъ семеро обратились въ деревянные изваянія, не мѣняя ни въ чемъ своего первоначальнаго образа.

И голосъ воззвалъ:

— Уленспигель, сожги дерево.

И Уленспигель, обратившись къ огонькамъ, сказалъ:

— Разъ вы—огонь, то дѣлайте свое дѣло.

И блуждающіе огоньки толпой окружили Семерыхъ, которые загорѣлись и обратились въ прахъ.

И полилась рѣка крови.

Изъ пепла вышло семь иныхъ образовъ. Первый изъ нихъ сказалъ:

— Имя мнѣ было Высокомѣріе; я называюсь теперь благородная Гордость.

Другіе говорили тоже, и Уленспигель съ Неле увидѣли, какъ изъ Скупости явилась Бережливость, изъ Гнѣва—Живость, изъ Обжорства—Аппетитъ, изъ Зависти—Соревнованіе, изъ Лѣности—Мечтательность поэтовъ и мудрецовъ. И Сладострастіе на своей козѣ обратилось въ красавицу, имя которой было Любовь.

И огоньки кружились вокругъ нихъ въ веселомъ хороводѣ.

Тогда Уленспигель и Неле слышали тысячи голосовъ невидимыхъ мужчинъ и женщинъ; звонкіе, упительные, они гремѣли, точно колотушки.

Когда воцарятся надъ землей и водой
Семеро, преобразованные,
Радостно всѣ подымите чело:
Счастье—властитель вселенной

И Уленспигель сказалъ:

— Духи издѣваются надъ нами.

И могучая рука схватила Неле за руку и швырнула ее въ пространство.

И духи пѣли:

Когда съверь къ западу
Склонится съ лобзаніемъ,
Наступитъ терзаніемъ
Послѣдній конецъ.
Огнѣи вѣнець.

— Увы!—сказалъ Уленспигель:—съверь, западъ, вѣнець. Темно вы вѣщаете, госнода духи!

И они запѣли смѣшливо:

Съверь—это Нидерланды,
Западъ—это Бельгія,
Вѣнець—это союзъ,
Вѣнець—это дружба.

— Вы совсѣмъ не такъ пѣли, госнода духи,—сказалъ Уленспигель:

И они запѣли дальше:

Вѣнець, бѣдняга,
Свяжеть вѣчнымъ союзомъ
Нидерланды и Бельгію.
Найди же вѣнець.

Met raedt
En daedt;
Met doodt
En bloedt.

Союзъ свѣта и дѣла,
Смерти и крови.

Если бѣ такъ было суждено,
Не было бѣ Шельды.
Да, бѣднѣга, не было бѣ Шельды...

— Увы,—сказалъ Уленспигель,—такова, стало-быть, наша
тяжелая жизнь: слезы людей и смѣхъ судьбы.

Союзъ крови и смерти,
Когда бѣ не Шельда,—

отделинулись насмѣшливо духи.

И могучая рука схватила Уленспигеля и швырнула его
въ пространство.

X.

Неле, упавъ, протерла глаза и увидѣла передъ собой только
солнце, восходящее въ золотистыхъ туманахъ, верхушки
травъ, также залитыя золотомъ, и желтоватя подъ лучами
встающаго солнца перья уснувшихъ чаекъ; онѣ однако тутъ
же проснулись.

Неле осмотрѣлась, увидѣла свою наготу и наскоро одѣ-
лась; затѣмъ, увидѣвъ Уленспигеля, тоже голаго, накрыла
его; въ увѣренности, что онъ не спитъ, она тряхнула его,
но онъ не двигался, точно мертвецъ. Ужасъ охватилъ ее.

— Неужто,—сказала она,—я убила моего друга чародѣй-
скимъ снадобьемъ? Я тоже хочу умереть. О, Тиль, проснись!..
Онъ холоденъ, какъ мраморъ!

Уленспигель не пробуждался. Прошли двѣ ночи и день,
и Неле, дрожа въ лихорадкѣ отъ горя, не засыпала подлѣ
своего возлюбленнаго Уленспигеля.

Утромъ втораго дня Неле услышала звукъ колокольчика и
увидѣла крестьянина, идущаго съ лопатой; за нимъ со свѣ-
чой въ рукѣ шли бургомистръ и двое старшинъ, священникъ
Ставениссе и причетникъ, державшій надъ нимъ зонтикъ.

Они шли, говорили они, со Св. Дарами для причащенія
доблестнаго Якобсена, который изъ страха былъ гезомъ, но,
по минованіи опасности, возвратился въ смертный часъ въ
лоно святой римской церкви.

Они остановились подлѣ Неле, заливавшейся слезами, и
смотрѣли на тѣло Уленспигеля, распростертое на травѣ и
покрытое его платьемъ. Неле стала на колѣни.

— Дѣвушка, — сказалъ бургомистръ, — что ты дѣлаешь подлѣ этого мертвеца?

Не смѣя поднять глаза, она отвѣчала:

— Молюсь за моего друга, который палъ здѣсь, словно пораженный молніей: теперь я осталась одна и тоже хочу умереть.

— Гѣзь Уленспигель умеръ, — сказалъ патеръ, задыхаясь отъ радости: — слава Богу! Мужикъ, выкопай живѣе могилу. Сними съ него его одежду до погребенія!

— Нѣтъ, — сказала Неле, вставая: — съ него ничего не снимутъ, не то ему будетъ холодно въ землѣ.

— Копай могилу, — сказалъ патеръ крестьянину съ лопатой.

— Хорошо, — сказала Неле, заливаясь слезами, — въ этомъ известковомъ пескѣ нѣтъ червей, и онъ останется невредимъ и прекрасенъ, мой возлюбленный.

И, обезумѣвъ отъ горя, она упала, рыдая, на тѣло Уленспигеля, покрывая его поцѣлуями и слезами.

Бургомистръ, старшины и крестьянинъ были исполнены сожалѣнія, но патеръ не переставалъ весело повторять:

— Великій гѣзь умеръ, слава Богу!

Затѣмъ крестьянинъ вырылъ яму, положилъ въ нее Уленспигеля и засыпалъ пескомъ.

И патеръ произносилъ надъ могилой заупокойную молитву; всѣ вокругъ преклонили колѣни. Вдругъ подъ пескомъ все закопошилось, и Уленспигель, чихая и стряхивая песокъ съ волосъ, схватилъ патера за горло.

— Инквизиторъ! — закричалъ онъ: — ты меня хоронишь живьемъ во время сна! Гдѣ Неле? Ее тоже похоронилъ? Кто ты такой?

— Великій гѣзь вернулся на этотъ свѣтъ! — закричалъ патеръ. — Господи Владыка, возьми мою душу!

И онъ убѣжалъ, какъ олень отъ собакъ.

Неле подошла къ Уленспигелю.

— Поцѣлуй меня, красавица, — сказалъ онъ.

И онъ снова оглядѣлся вокругъ; крестьяне убѣжали вслѣдъ за священникомъ, бросивъ на землю, чтобъ легче было бѣжать, лопату, стулъ и зонтикъ; бургомистръ и старшины, зажавъ отъ страха уши, стонали, распростертыя на травѣ.

Подойдя, Уленспигель встряхнулъ ихъ.

— Развѣ возможно, — сказалъ онъ, — похоронить Уленспигеля, духъ, и Неле, сердце нашей матери Фландрiи? И она можетъ уснуть, но умереть — никогда! Пойдемъ, Неле!

И онъ пошелъ съ ней, распѣвая свою шестую пѣсню. Но никто не знаетъ, когда онъ спѣлъ послѣднюю.

КОНЕЦЪ.

